

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научно-образовательный центр
«Динамика и опыт российских социокультурных трансформаций»

**СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В СТАЛИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(конец 1920-х – 1930-е гг.)**

Новосибирск
2013

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-01-00506 а)

Ответственный редактор
д-р ист. наук *С.А. Красильников*

Рецензенты
д-р ист. наук *Н.Н. Аблажей*,
д-р ист. наук *В.И. Исаев*

С 692   **Социальная** мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) : Коллективная монография / Н.Б. Арнаут, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2013. – 419 с.

ISBN 978-5-4437-0207-0

В монографии анализируются различные аспекты феномена социальной мобилизации как системной характеристики сталинского режима на стадии его утверждения в межвоенный период. Центральное место отводится исследованию институциональных основ, механизмов и форм осуществления мобилизационных практик в важнейших сферах взаимодействия структур власти и социума (политика, идеология, экономика, культура, массовое сознание). Наряду с реконструкцией технологий осуществления и сопровождения мобилизационных кампаний освещаются проблемы адаптации и стратегии поведения отдельных страт советского социума в условиях интенсивного мобилизационного воздействия на них институтов сталинского режима.

УДК 316.444(470)“1920/1930...”
ББК 63.3.(2)61-2

© Новосибирский государственный университет,
2013

© Н.Б. Арнаут, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Раздел 1. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ	9
Социальная мобилизация как объект социогуманитарных исследований. Теоретические аспекты (С.А. Красильников)	9
Проблема социальной мобилизации в современной англоязычной историографии (С.Н. Ушакова)	23
Сталинская модель социальной мобилизации в современной исторической литературе (С.А. Красильников)	34
Экономические аспекты сталинской мобилизационной модели: проблемы изучения (И.С. Кузнецов)	41
Раздел 2. СОЦИАЛЬНО-КАДРОВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ	54
Мобилизации специалистов (конец 1920-х – начало 1930-х гг. (Л.И. Пыстина, О.В. Шер)	54
Двадцатипятидесятники в Сибири (1929–1933 гг.) (Н.Д. Троценко)	109
Раздел 3. СПЕЦИАЛЬНЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ	178
Красная Армия как мобилизационный инструмент «социалистического переустройства» (Д.Д. Миненков)	178
Агентурная работа ОГПУ–НКВД в системе мобилизационных практик сталинского режима (А.Г. Тепляков)	236
Раздел 4. ИДЕОЛОГО-ПРОПАГАНДИСТСКИЕ КАМПАНИИ И ПРАКТИКИ	298
Антирелигиозные мобилизационные практики советского режима в 1920–1930-е годы (Л.И. Сосковец)	298
Система образов в агитационно-пропагандистских кампаниях консолидационного типа (1935–1937 гг.) (Н.Б. Арнаутов)	348
Наука и ученые в мобилизационной парадигме 1930-х гг. (С.А. Красильников)	366
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	394
Список литературы и источников	398
Список сокращений	417

Введение

Постсоветскому периоду уже более двух десятков лет. И это представляется достаточным сроком для исторической рефлексии относительно того, какие трансформации претерпела в XX в. Россия, вошедшая в этот век имперским государством, ставшая далее Советским Союзом с политическим режимом диктаторского / авторитарного типа, а после распада последнего избравшая путь создания государственности демократического типа.

В историографическом контексте «прощание» с «социалистической» нормативной историей обозначилось несколько раньше, в 1987–1988 гг., когда началось стремительное разрушение прежних канонов, на которых базировалась официальная советская историческая наука. Одним из наиболее мощных по своим познавательным возможностям «разрушителем» стал концепт сталинизма как российской разновидности тоталитарных режимов, введенный в наше социально-гуманитарное научное пространство из западной политологии. За этот период указанный концепт прошел несколько стадий своего утверждения в отечественной гуманитаристике. Сегодня сталинизм стал органичной частью глоссария не только профессиональных ученых, но и политиков, журналистов, педагогов. Вместе с тем очевидно, что с феноменом сталинизма происходит то, что и должно было произойти со стереотипизированным образом: он стал «размытым», «многоликим», символичным и нарицательным, а его прагматичное, инструментальное использование в коммуникативных системах способствует этому. В итоге не только в современной политической практике или в массовом общественном сознании, но и в научном сообществе сформировалась вполне «комфортная» для оценочного отношения к сталинизму шкала, состоящая как из безусловно негативного, так и апологетического подходов, между которыми разместился амбивалентный взгляд на данный феномен («с одной стороны..., с другой стороны...»).

Для профессионального историка, изучающего постреволюционную эпоху, особенно конец 1920-х – начало 1950-х гг., очевидно, что без интеллектуального самоопределения по отношению к феномену сталинизма невозможно какое-либо научное исследование. Прошедшая четверть века стала для большинства российских историков временем ускоренного освоения наработок западных исследователей. Одним из результатов интеллектуальной переработки и переосмысления западных подходов явилось понимание недостаточности и ограниченности применения к сталинской эпохе классических характеристик тоталитаризма (вождизм, моноидеология, тотальные репрессии и т. д.). Со временем исследователи пришли к пониманию того, что сталинизм – это системное образование, где взаимодействуют и сочетаются не просто разные, но и разнонаправленные институциональные и внеинституциональные процессы и явления: в экономике передовые формы индустриального труда соседствовали с архаичными формами принуждения и насилия; в социально-политической практике масштабное государственное насилие сочеталось с массовой поддержкой дискриминационных и репрессивных действий

режима и массовым энтузиазмом в переустройстве общества на «социалистических» основах и т. д. В поисках базовых оснований, придававших сталинскому режиму необходимую устойчивость и воспроизводимость, мы приходим к выводу о важнейшей функции, которую выполняли мобилизационные механизмы и технологии. Феномен массовой / социальной мобилизации и стал центральным объектом данного научного проекта.

В нашем исследовании мы исходим из того, что политическое устройство постреволюционной России (далее – Советского Союза) было представлено бюрократическим (тоталитарным) режимом, *идеократическим* (с опорой на светскую идеологию, отличаясь тем самым от теократических режимов) и *мобилизационным* по способу своего существования. Данный режим представлял собой надстройку над конгломератом различных, в т. ч. докапиталистических, социально-экономических укладов с мозаичной социальной структурой, необходимая устойчивость которых достигалась за счет применения в отношениях с социумом технологий социальной мобилизации.

Под категорией «социальная мобилизация» (СМ) понимается целенаправленное воздействие институтов власти на социум, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и социальных групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством. Социальная мобилизация позволяет власти сконцентрировать максимум ресурсов и возможностей общества на выполнении провозглашенных целей всеми имеющимися в распоряжении институтов власти средствами. Учитывая обязательную вовлеченность масс населения в действия власти и сопричастность им, допустимо утверждать, что социальная мобилизация – это деформированный, искаженный и фальсифицированный вариант модели общественного договора западного типа в его советско-сталинском варианте.

Социальная мобилизация в сталинской модели власти являлась универсальным инструментом управления инициированной режимом общественной активностью во всех основных сферах жизнедеятельности социума (экономике, политике, идеологии, культуре). Базовое положение в системе социальной мобилизации занимали такие официально провозглашаемые и традиционно признаваемые мобилизации, как: 1) воинские, 2) экономические (трудовые), 3) финансовые (займы) и 4) кадровые. Их общей целью являлось извлечение и использование режимом всех видов ресурсов (людских, материальных, финансовых и др.). Социальная мобилизация осуществлялась режимом в форме идеолого-пропагандистских и иных кампаний, выполнявших либо сопутствующую, либо самостоятельную функцию – кампании по мобилизации денежных средств населения (займы на индустриализацию и др.); кампании чисто политического (избирательные, по обсуждению конституционных проектов, по борьбе с «космополитизмом») или культурного (ликвидация неграмотности) характера, и т. д. Существовали своего рода гибриды, маркируемые властью как хозяйственно-политические кампании (посевные, уборочные и т. п.). Особый вид СМ составляют судебные политические процессы. К социальным

мобилизациям следует отнести и такие действия, как массовые праздники, шествия, митинги и даже ритуалы (похороны, памятные даты) и т. д.

К сущностным чертам СМ нами отнесены следующие:

- институциональность как важнейшая характеристика СМ, проявлявшаяся в деятельности партийно-государственной машины и многочисленных «дочерних» «общественных организаций»;
- директивность СМ, выражавшаяся установками прямого действия, включавшая централизацию и планирование мобилизационных целей, масштабов, способов, сроков и результатов;
- всеохватность, которая давала максимум разнообразия форм и масштабов вовлеченности населения в действия власти и позволяла реализовывать контрольно-надзорную функцию (выделение среди «контингентов» групп по признаку «участие – неучастие» в займах, митингах, собраниях и т. д.);
- непрерывность, интенсивность СМ, выражавшиеся в том, что кампании и акции не только сменяли друг друга, но и сосуществовали во времени («Большой Террор» осуществлялся наряду с выборами в Верховный Совет и т. д.), а будучи ограниченной сроками проведения, та или иная СМ проводилась в интенсивном режиме;
- агрессивность и конфликтность СМ, проявлявшиеся в культивировании конфронтационного типа мышления и действия;
- экстраординарность как норма, примером чего являлось решение практически любых кадровых проблем мобилизационными мерами (рабфаковцы, выдвиженцы, 25-тысячники и т. д.);
- ресурсозатратность как норма, когда население, равно как и агенты власти, считалось сталинским режимом возобновляемым людским / кадровым ресурсом (кадровые «чистки», дискриминации, репрессии).

Модель СМ может непротиворечиво объяснить сосуществование и взаимодействие таких формально противоположных феноменов, составлявших основу тоталитарных обществ, как государственный террор и принуждение, с одной стороны, и массовый трудовой и политический энтузиазм населения (стахановское движение, освоение новых территорий) – с другой. То и другое суть различные грани, или сегменты социальной мобилизации. Наглядной иллюстрацией сказанному служит использование большевистским режимом идеолого-пропагандистских мобилизационных кампаний двух типов – консолидационного («борьба за») и конфронтационного («борьба против»). В реальности сталинский режим стремился комбинировать оба типа: в частности, борьба против «спецов-вредителей» сочеталась с кампанией за повышение производительности труда и ударничество на производстве; и т. д.

Рабочая гипотеза, которая, как нам представляется, достаточно адекватно отражает реалии социально-политических, экономических и культурных изменений в Советской России / СССР в 1930-е гг., выглядит следующим образом. Из эпохи войн и революций (1914–1922 гг.) Россия вышла с сформировавшимся военно-мобилизационным режимом (ВМР), ставшим доминирующим и само-достаточным. В литературе хорошо описаны его основные составляющие – сверхцентрализм власти, милитаризация не только экономики, но и всех основ-

ных сфер жизни, широкое использование принуждения во всех его формах, возрастание роли идеологии и пропаганды. Такой режим не был российским порождением, но именно в России он получил географическую, идеологическую и политическую «прописку» на следующие почти полвека.

1920-е гг. были периодом временной адаптации данной модели власти к реалиям послевоенной действительности путем отказа от части наиболее одиозных атрибутов (принуждение, массовые репрессии, гиперационализация и т. д.). Вместе с тем, природа кризисов эпохи нэпа не только служила подтверждением неадаптированности системы власти к реалиям смешанной экономики и сложной мозаичной сословно-классовой структуры, но и толкала, провоцировала институты власти к возврату к алгоритмам военно-мобилизационного режима. Для мотивации и обоснования необходимости подобной регрессии как нельзя более подходили кризисные ситуации – как внутри-, так и внешнеполитические. Их сочетание и прагматическое использование сталинским режимом для самоутверждения проявили себя уже в 1927–1929 гг., когда внешний фактор (т. н. военная тревога 1927 г. – обострение отношений с Англией и Китаем, далее военный конфликт вокруг КВЖД осенью 1929 г.) был использован властью для подавления как реальной, так и потенциальной оппозиции в лице лидеров т. н. уклонов. Соответственно, хлебозаготовительный кризис 1927/28 г., трансформированный пропагандой в «кулацкую хлебную стачку», способствовал введению сначала элементов, а затем и системы чрезвычайных мер во внутренней политике.

Именно кризисные ситуации и их использование позволяли сталинскому режиму существовать и воспроизводиться, а сами социальные мобилизации стали сущностной чертой режима и способом его существования, функционирования, воздействия на общество и связи с ним. Социальные мобилизации из механизма преодоления кризисов превратились в способ конструирования новой реальности, а поэтому и в способ создания, воспроизводства новых «рукотворных» кризисов; часть их режим дозировал и контролировал, однако другие выходили из-под его контроля, вызывая дестабилизацию. Есть точка зрения ряда западных исследователей, утверждающих, что сталинизм явился продуктом и результатом системного кризиса российского общества, ответом на него и способом его преодоления. Данная формула нуждается в уточнении: однажды возникнув и утвердившись, сталинский режим сам явился источником новых кризисов и противоречий. Иначе говоря, страна на протяжении всех 1930-х гг. находилась в состоянии полумира – полувойны, организационно, технологически и психологически в состоянии кризисов, перегрузок и катастроф, а советское общество всем предшествующим предвоенным десятилетием было в значительной мере уже адаптировано к условиям наступившей летом 1941 г. «чрезвычайщины» военного времени.

Из всего возможного многообразия форм социальной мобилизации межвоенного периода нами в качестве предмета исследования приняты те из них, где мобилизационные процессы выражались в прямом виде либо принимали скрытый, латентный, а иногда и намеренно закрытый характер. К числу первых отнесены чисто кадровые кампании, объектом которых выступали от-

дельные страты (специалисты, дефицит которых приводил к практике принудительных «перебросок» на различные «ударные стройки» первых пятилеток; кадровые рабочие, направляемые в деревню для ее «социалистического переустройства»; демобилизованные красноармейцы и командиры, используемые как экономический ресурс («красноармейские колхозы»)). В проекте особое место уделено такой специфической, «теневой» мобилизационной деятельности, как механизмы осуществления агентурно-осведомительной работы спецорганов в исследуемый период. Учитывая громадную роль идеолого-пропагандистских кампаний как институциональной формы реализации мобилизационных задач политического режима, исследовались три их разновидности. Каждая из кампаний имела своей целью достижение максимального контроля над определенными сферами социальной жизнедеятельности, массового общественного сознания или отдельными профессиональными корпоративными группами (антирелигиозные кампании, кампании консолидационного типа, «советизационные» кампании в научно-образовательной сфере).

Мобилизационные кампании, несмотря на видимое разнообразие, имели типологически схожие для всякого мобилизационного процесса черты, отмеченные ранее (институциональность, директивность, масштабность, интенсивность и т. д.). Отличаясь формами своего протекания, они сближались друг с другом качественно, содержательно, что и позволяет рассмотреть и квалифицировать социальную мобилизацию исследуемой эпохи как системную характеристику сталинизма как такового.

В процессе реализации данный проект получил организационную и финансовую поддержку от Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-01-00506а). Особую признательность авторы выражают О.А. Орловой за заинтересованное и высококвалифицированное сопровождение издания.

С.А. Красильников

Раздел 1

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ

С.А. Красильников

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

«Многоликость» социальных мобилизаций (СМ) определяется громадным разнообразием форм проявления. Объединяет же их то, что в основе мобилизационных процессов лежит прежде всего направленный (следовательно, управляемый) процесс активизации масс институтами власти для решения чрезвычайных политических, военных, социальных, экономических, культурных и других задач, возникающих в виде различных «вызовов и угроз». Вслед за классиком в данной области, известным западным социологом и политологом Карлом Дейчем большинство исследователей оценивает СМ одновременно как условие и результат социальной трансформации стран в их движении от традиционного к современному состоянию [Deutsch, 1961]*. Значение подхода К. Дейча к пониманию феномена СМ состоит в акцентировании его универсальности и объективного характера.

В традиции и западных, и отечественных социальных наук понятие социальной мобилизации используется для обозначения процесса, в ходе которого широкие слои населения объединяются государством, партиями, социальными движениями для достижения социетальных целей (модернизации экономики и общества, упрочения геополитической мощи и т. д.). Задача волевого воздействия институтов власти на социум состоит в осознанной потребности ускорить этот процесс, придав ему целенаправленность, размах, устойчивость, необратимость. В соответствии с этим значительная часть работ, изучающих феномен массовых мобилизаций, связана с политической мобилизацией (ПМ), т. е. самой распространенной формой вовлечения групп и слоев социума в политические процессы. По мнению современного российского политолога Д.В. Гончарова [1995], при рассмотрении природы, форм и функций ПМ в качестве базового принципа следует принять ее деление на *мобилизованное* и *автономное*. Первое из них выступает следствием воздействия со стороны политических лидеров или организаций на индивидов и основано на подавле-

---

* Подробнее о концепции К. Дейча см. в разделе, посвященном анализу западной историографии проблемы.

нии или искажении свободных и рациональных политических предпочтений индивидов. Второе является результатом рационального самоопределения индивидов. В таком противопоставлении политическая мобилизация наделяется ценностно отрицательным статусом. Однако, как отмечает политолог, в реальности имеет место не противопоставление, а взаимодействие обеих форм участия индивидов и групп в социально-политических процессах. Кроме того, в большинстве своем западные политологи и социологи, следуя за К. Дейчем, считают, что в рамках модернизационного концепта ПМ обладает позитивным характером, поскольку оказывается необходимым социокультурным и институциональным условием модернизации.

Политологи выделяют также два обобщенных типа мобилизации – *соревновательный* и *авторитарный*. Мобилизация в соревновательных системах протекает в условиях четкого разделения институтов артикуляции и институтов аккумуляции общественных интересов. В этом пространстве происходит адаптивное обобщение языка национальной политики к уровню выражения групповых и индивидуальных интересов. Авторитарный тип мобилизации игнорирует разделение обозначенных выше функциональных задач, подменяя процессы аккумуляции общественных интересов работой по «политическому просвещению масс», индуцированию в их сознание пропагандистских клише.

Другим фундаментальным основанием природы и функций мобилизации является ее зависимость от социальных конфликтов. Отсюда основной формой выступает *конфликтная мобилизация*. В России традиции политического участия «густо окрашены в конфликтные тона». Политика, как правило, воспринималась именно как конфронтация, а на психологическом уровне участие в политических акциях связано с эмоциями борьбы, противостояния, враждебности. При этом, по мнению Д.В. Гончарова, в политике следует придерживаться стратегии «рациональной конфликтности». Используя классификационное деление конфликтов на *реалистичные* и *нереалистичные*, политолог к числу первых относит те, что связаны с вполне определенными проблемами социально-экономического развития и ориентированы на материальные интересы социальных групп. К конфликтам нереалистичным он относит идеологические. Здесь нет непосредственных материальных интересов, это, по преимуществу, сфера политической риторики. Политикам достаточно знать массовые настроения и недовольства и умело использовать их в собственных корпоративных интересах.

Обращаясь к характеристике процессов политической мобилизации в современной России, политолог отмечает, что они в высокой степени тяготеют к авторитарному, а не соревновательному ее типу. Основная причина такого положения видится в отсутствии самодостаточных структур артикуляции прагматичных общественных интересов, а также в недемократическом характере господствующего типа политической культуры граждан. В структуре социального действия значительное место занимают протестные формы поведения, ориентированные на непрагматичные, идеологизированные типы социального конфликта. Значительная часть граждан при принятии электоральных решений игнорирует содержащиеся в мобилизационном призыве апелляции к ценностям демократического

участия и ориентируется на патерналистские структуры социального взаимодействия. Существенную роль в процессах политической мобилизации российских граждан продолжает играть бюрократия, как центральная, так и региональная.

Проблема теории массовых мобилизаций занимает важное место в исследованиях современного российского философа и социолога О.Н. Яницкого. В своей новейшей публикации [2012] он рассматривает мобилизацию как базовую категорию теории социальных движений. В частности, автор анализирует базовые понятия и признаки массовых мобилизаций, расстановку сил в критических ситуациях, стадии мобилизационных состояний, типы используемых ресурсов и способы их мобилизации, использует и конкретизирует понятие «коридор мобилизации».

Исследователь выделяет четыре уровня мобилизационных состояний человека и сообщества. «Первый – это мобилизационное состояние человека и гражданина как *социальная норма*, более того, – необходимая предпосылка развития человека и накопления им социального и культурного потенциала. То же относится и к гражданскому сообществу (группе, общественному движению), в которое он входит. Если нет внутренней мобилизации, концентрации, сосредоточенности на определенной проблеме, нет социально значимого результата, нет инновации и модернизации... Второй – *мобилизующее знание*, то есть знание, что ты или сообщество находятся в зоне повышенного риска. Этот риск может быть природный или социальный, когда предстоит столкновение (идеологическое или непосредственное) с потенциальным противником. То есть это *личная* и групповая мобилизация интеллектуальных сил и средств, их нацеленность на решение возможного конфликта, предотвращение катастрофы... Третий – *готовность к мобилизации*... Здесь происходит частичная или полная мобилизация *доступных* ресурсов, актуализируются информационные связи и ресурсы. Четвертый – само *мобилизационное действие как таковое*» [Там же. С. 9].

О.Н. Яницкий считает целесообразным ввести «различение между *обычным* (рутинным) и *целевым* мобилизационным состояниями. Готовность вообще и готовность к действию в специфических условиях места и времени при наличии ограниченных ресурсов – не одно и то же. Первое в нынешних условиях уже стало нормой жизненного процесса; второе предполагает тотальную мобилизацию всех наличных ресурсов» [Там же. С. 10]. Кроме того, автор оперирует понятием, используемым в мировой политической социологии, – «*коридор мобилизации*»: «И протестная, и защитная мобилизация детерминируется коридором политических возможностей. Если политический режим тоталитарный или жестко авторитарный, возможности гражданской мобилизации минимальны или отсутствуют» [Там же. С. 11]. При этом важно учесть, что структура политических возможностей и потенциал массовой мобилизации зависят не только от действия социально-экономических факторов. Ныне общепризнано, что пиар стал инструментом «программирования и переключения» средств массовой информации, которые вполне способны создать социальный конфликт и мобилизационную ситуацию [Там же].

Благодаря в первую очередь усилиям западных и отечественных политических социологов историки могут воспользоваться разработанными понятиями и инструментарием для ретроспективного анализа феномена социальной мобилизации, в т. ч. таких ее разновидностей, как массовая, политическая, экономическая и др. Очевидно, что нынешняя российская социальная практика нуждается в опоре на исторический опыт и понимание того, какие модели, типы, формы, структура и функции мобилизационных процессов сложились в предшествующие эпохи, в каком направлении они трансформировались, и насколько значительно их воздействие на современную социально-политическую ситуацию в стране. Более того, отечественные социологи и политологи признают, что политическая реальность в прямом смысле отягощена тяжелым историческим наследием, когда в стране, следуя приведенной выше терминологии, «коридор мобилизации» для действий и инициатив гражданского общества остается крайне узким, а его расширение блокируется традициями авторитарной / тоталитарной мобилизации, не демократичной и не соревновательной по своей природе, опирающейся на патерналистский тип политической культуры.

В таком случае правомерно рассматривать социальную мобилизацию в рамках не одного концепта или модели, а нескольких, предполагающих не только общественный прогресс, но и регресс, срыв, социально-политическую деградацию и катастрофу. Коль скоро модернизационная модель наделяется качествами абсолютной ценности, синонимом прогресса и развития, то аналогичными позитивными характеристиками наделяется и социальная мобилизация как присущая ему системная характеристика. Вместе с тем ныне исследователями признается, что модернизация также является вариативной, неорганичной и может осуществляться методами, заводящими в тупик самые грандиозные преобразовательные проекты и программы, при этом технические аспекты модернизации могут не сопровождаться прогрессивными масштабными изменениями в социокультурной и политической сферах. Признается также, что даже при объявленной модернизационной программе и в ходе ее осуществления может произойти «модернизационный срыв» и своеобразный откат назад, когда грандиозные изменения в технике и экономике вызывают социальные катастрофы, усиливают архаику и традиционализм, т. е. порождают разнонаправленные тенденции и способствуют далеко не прогрессивным изменениям в различных областях жизнедеятельности социума.

Соответственно, следует допустить и разновекторную направленность самой социальной мобилизации, могущей иметь антимодернизационные, антисоциальные потенциал, вектор и итоги. В этом случае представляется возможным исследовать СМ не как инструмент и функцию модернизационного развития, рассматривая СМ не как однозначную ценность в ее позитивной коннотации, как это делается в рамках модернизационного концепта, а в рамках других концептов. Одним из таковых может стать концепт тоталитаризма. Обращаясь к нему, большинство исследователей сходится на том, что в тоталитарных режимах происходит искажение, деформация и даже перерождение тех базовых основ и результатов, которые составляют природу феномена модернизации. В ча-

стности, даже те из историков и политологов, которые не являются приверженцами данного концепта, сходятся на том, что в тоталитарных системах перерождаются фундаментальные принципы модернизации. В результате этого приходится говорить не только о неполноте и несистемности осуществления принципов модернизации, но и о прямом противоречии им. Отсюда появление таких терминов, применительно к оценкам характера и последствий преобразований советской эпохи, как «консервативная модернизация» [Вишневский, 1998]. Ниже рассмотрим различные познавательные возможности использования феномена СМ другими концептуальными схемами.

Среди новейших исторических исследований феномена массовой / социальной мобилизации в более широких концептуальных рамках (государство – социум) обращает внимание аналитическая публикация Н.М. Морозова «Мобилизационный тип развития Российской цивилизации» [2011]. Автор анализирует аргументы сторонников точки зрения о том, что отечественная, локальная, цивилизация основана на постоянном воспроизводстве мобилизационных механизмов развития, задаваемых интересами и приоритетами государства, опираясь при этом на действующую «компенсационную систему», обеспечивающую адаптацию социума к чрезвычайным условиям жизнедеятельности.

В своих построениях Н.М. Морозов солидарен в целом с А.Г. Фонотовым, определившим мобилизационный тип развития (МТР) как «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм» [Фонотов, 1993. С. 71], но отмечает, что в истории России «были периоды, когда общественные цели, средства и организационные формы не испытывали явную социальную нагрузку чрезвычайности, что не отменяло мобилизационный тип развития».

В характеристике фактора государственности как компонента мобилизационного развития все авторы сходятся на его ключевой роли. Концентрация и перераспределение как методы управления нередко становились эффективными инструментами экономного и рационального использования ресурсов в условиях господства государственной собственности. Экономисты, политологи, историки солидарны в том, что этатизм имел важнейшее значение в чрезвычайных обстоятельствах (периоды войн), в осуществлении ускоренного проектного развития отдельных регионов севера и востока страны, в обеспечении технологического прорыва в оборонных отраслях. При этом они же солидарны и в том, что «обратной стороной достигнутых успехов являлось длительное существование «неэффективных» зон жизнедеятельности, которые отдавали и обратно недополучали ресурсы», а такого рода диспропорции отражались на эффективности самой политики индустриализации.

Другой опорной составляющей феномена мобилизации А.Г. Фонотов называет компенсационную систему, которая обеспечивает «перенастройку» и адаптацию социума к воздействию чрезвычайных факторов и устойчивую жизнедеятельность в неблагоприятных условиях [Там же. С. 102]. В экономике мобилизационного типа решающее значение приобретают методы внеэкономического стимулирования социально-трудовой активности различных сло-

ев населения, включая элиту. Спектр данных методов весьма широк: эксплуатация энтузиазма, административный нажим, репрессии, солидарная ответственность, получение социальных благ, повышение или снижение статуса исполнителей и т. д.

По мнению А.П. Прохорова, компенсационная система являлась формой адаптационного приспособления институтов власти и гражданского сообщества к чрезвычайным обстоятельствам и экстремальным фазам в истории страны, прежде всего в XX в. [2006. С. 134–158]. В частности, он обратил внимание на особую функцию негосударственных структур, призванных стимулировать социальную активность населения, прямо или опосредованно контролировать государственные управленческие иерархии. Это – партийные органы, целая сеть общественных организаций типа комсомола, профсоюзов, народного контроля и др., частично совмещавшие функции и государства и гражданского общества. Автор обращает внимание на такой элемент механизма стимулирования активности управленческой системы, как делегирование полномочий, навязанных властями отдельным социальным группам с использованием «круговой поруки». Таким способом государство, с учетом ориентации людей на общинную (артельную) систему отношений и коллективизм, с помощью движений социалистического соревнования и других форм организации солидарной ответственности минимизировало свои усилия и подключало резервы гражданского самоуправления на низовом уровне [Там же. С. 70–84].

Н.М. Морозов, полемизируя с теми исследователями, которые с позиций либерализма оценивают российскую локальную цивилизацию как «расколотую» по социокультурным основаниям, обреченную на положение «полупериферии», утверждает, что мобилизационный тип развития страны – не аномалия, а базовый фактор обеспечения системности общества, адаптации и устойчивости его к чрезвычайным обстоятельствам: «В XX столетии стратегия преодоления обострившихся хозяйственных, демографических, управленческих и других проблем, отнесенная к мобилизационному типу развития, обеспечила появление и развитие новых политических и экономических институтов у народов СССР, объединенных вокруг русского этноса, высокие темпы роста научных знаний, более совершенный уровень медицинского обслуживания, улучшение структуры и качества питания населения, образования, социальной защиты, повышение продолжительности жизни людей и другие достижения» [2011. С. 183].

Квалифицированный анализ Н.М. Морозовым концепции мобилизационного типа развития России как системной характеристики российской локальной цивилизации порождает, тем не менее, ряд вопросов, а отсюда и проблемное поле для конкретно-исторического исследования феномена мобилизации в советскую эпоху. Отрицать мобилизационную компоненту в истории России / СССР невозможно. В то же время нельзя отрицать и того, что в рамках мирового цивилизационного движения мобилизационный тренд не является исчерпывающим, всепоглощающим и безальтернативным. Та же самая модернизация предусматривает обеспечение системности развития за счет инновационных изменений, при которых мобилизация не является универсальным инструментом модернизационного процесса, а нередко создает барьеры

и препятствия для него. В частности, известный специалист в области изучения модернизационных трансформаций в России И.В. Побережников отмечает: «Раннее формирование достаточно эффективного традиционалистского государства, накопившего длительный опыт централизованного управления в противостоянии внешним угрозам, имело серьезные последствия для динамики и характера начавшейся позднее модернизации. Именно традиционалистские правительства обыкновенно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся в значительной степени для консервации традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений» [2013. С. 6–7]. И хотя И.В. Побережников, как следует из контекста его публикации, обращается к оценкам опыта российской государственности досоветской эпохи, в логику его рассуждений вполне могут быть включены и реалии XX в. Они же, в свою очередь, укладываются в авторскую модель той самой «ограниченной или защитной модернизации», когда сформировавшаяся в постреволюционную эпоху партийно-государственная система власти проводила вполне традиционалистскую политику традиционалистскими методами с опорой на группы и слои традиционного общества.

Безусловно, социально-политические и экономические трансформации имели место в СССР в XX в. Однако, если не концентрировать внимание на технологическом измерении «чуда на Востоке» (как оценивали западные публицисты левого толка преобразования в СССР в 1930-е гг.), а посмотреть на вектор изменений в политической, экономической и социокультурных сферах жизнедеятельности постреволюционного общества, то нельзя не заметить повсеместных проявлений гегемонии традиционализма. Доминирующая роль этатизма, государственный патернализм как основной механизм взаимодействия с социумом, установление диктатуры тоталитарного типа при подавлении институтов гражданского общества, воспроизводство сословности как стратификационной основы социума, хотя бы и в новой, «классовой» оболочке, и ряд других признаков свидетельствует о феномене регенерации российского традиционализма в советской форме, чему способствовали устойчиво сопровождавшие данную трансформацию мобилизационные процессы.

В современной отечественной социально-гуманитарной литературе наблюдается заметный рост интереса к феномену традиционализма. Сложились два противоположных подхода к оценке данного явления, первый из которых продолжает считать традиционализм синонимом консерватизма, наполняя его негативным содержанием, усматривая в нем основное системное препятствие для отечественной модернизации. Согласно второму, традиционализм есть объективное явление, синонимом которого выступают традиции, историческая память, придающие социуму устойчивость существования, и поэтому традиционализм – такая же социальная ценность, как и демократия. Традиционализм оценивается как естественная реакция общества в переходный период на трудности и опасности, которые порождаются модернизационными процессами. О значении традиционализма как гаранта целостности общества в условиях его трансформации указывает А.С. Ахиезер: «Специфика традиционализма не в отсутствии инноваций, а в господстве ценностей статично-

сти, что выражается в жесткости фильтра новшеств, узости шага новизны, подавления всего, что выходит за допустимые рамки» [1997. С. 40].

В настоящее время взгляды на устойчивость и способность российского традиционализма к живучести, регенерации, трансформации в изменяющихся условиях при сохранении определенных базовых основ, или социокультурной матрицы получают свое подтверждение в работах ряда политологов и социологов, в частности В.А. Ачкасова [2001, 2004]. Политолог, как вытекает из формулировок названия его публикаций, придерживается точки зрения, что российский традиционализм проявляет устойчивость и сохранность в условиях даже самых радикальных перемен. Он отмечает: «Главным способом проведения российской догоняющей модернизации можно назвать грандиозную "имитацию". Создается только видимость полной вовлеченности социума в процессы реформ, всегда инициируемых "сверху", в то время как общество в целом не готово, ни по своей структуре, ни по доминирующим настроениям, к навязываемым радикальным переменам. Тем более что, в свою очередь, импульс для начала изменений в стране приходит извне ("вызов Запада"), и сами они идут "за счет" общества, стоят ему огромных материальных, людских и духовных потерь. В этой ситуации именно традиция (или замещающая ее идеология) служит не только символом непрерывности, но и определителем пределов инновации и главным критерием их легитимности, а также критерием, определяющим интенсивность и направленность социальной активности масс» [2001. С. 173].

В качестве исследовательских моделей, предлагаемых для интерпретации феномена устойчивости российского традиционализма, В.А. Ачкасов приводит концепцию «нового русского феодализма», получившую определенное распространение среди зарубежных и отечественных обществоведов (Д. Лестер, В. Шляпентох и др.). Сторонники данной точки зрения обращают внимание на то, что, несмотря на внешне значительные различия феодальной и современной индустриальной экономик, социальные и политические институты и общественные связи и отношения в изменяющихся условиях сохраняют в нынешней России свою архаическую природу. В частности, английский исследователь Д. Лестер говорит о таких признаках, как тесное переплетение собственности и власти, значительная роль неформальных (или неинституализированных) отношений в политической, социальной и экономической сферах, господство бартера на всех уровнях социума – от производственных коллективов до сферы государственного управления, «провинциализация» страны (т. е. резкое уменьшение тенденции к интеграции во всех сферах жизни), рост насилия и принуждения, ожесточенная борьба и интриги в политической сфере, политические и общественные организации и движения являются орудием частных и групповых интересов, а не формой артикуляции и агрегации социальных интересов (см.: [Ачкасов, 2001. С. 177]).

По мнению В. Шляпентоха, в работах большинства современных исследователей преобладает интегративно-системный подход, предполагающий, что на смену тоталитарному режиму, существовавшему в СССР, в России может придти только демократическое общество западного образца, капиталистическое по

своему типу. Владимир Шляпентох предложил обратиться к сегментированному анализу. В его представлении Россия являет собой конгломерат социальных сегментов – либерального, авторитарного / тоталитарного и феодального, каждый из которых обладает своей устойчивостью. Автор предлагает в качестве инструмента для изучения постсоветской России феодальную модель. Главный ее элемент – слабость центральной власти. Отсюда и другие производные: появление множественных центров власти, усиление беззакония и коррупции в обществе, важность личных связей в политике и экономике.

Из проведенного социологом анализа делается центральный вывод о том, что применение феодальной модели является продуктивным для анализа современного российского общества. Главная черта обеих общественных систем – в слабости и неэффективности государственной власти, независимости местных баронов и других субъектов общества, высоком уровне преступности и коррупции, сращивании преступности и агентов власти, в ненадежности прав частной собственности. Политическую жизнь в социуме определяют, как и в Средневековье, три основных субъекта – глава государства, олигархи (или главы корпораций) и региональные лидеры (бароны). Соотношение этих сил изменялось на протяжении двух постсоветских десятилетий, но всегда в этом сочетании значительную роль играл фактор нестабильности [Шляпентох, 2008].

В.А. Ачкасов напоминает далее, что «легитимация власти в России традиционно носила и носит идеократический характер (поскольку любое традиционное общество имеет в своей основе ориентацию на ценности, а не на практические цели) и осуществляется “сверху”, а не “снизу” путем свободного волеизъявления народа. [...] Таким образом, в политической культуре россиян до сих пор доминируют характерные признаки того “идеального типа” политической культуры, которую Г. Алмонд и С. Верба назвали “подданнической”. Граждане “демократической России” по-прежнему рассматривают себя скорее как объект (благотворного или наоборот) воздействия со стороны государства / патрона, чем как реальных участников политического процесса, а идеальный образ государства имеет ярко выраженные патерналистские черты» [2001. С. 180–181].

Анализ доминирования в современном массовом обществе традиционных структур, в сочетании с их поддержкой и опорой на них институтов власти актуализирует проблему о правомерности рассмотрения событий российской / советской истории XX в. под углом зрения взаимодействия и борьбы двух генеральных тенденций – традиционализма и модернизма как разнонаправленных векторов динамики российского общества. Какими бы парадоксальными ни казались рассуждения социологов, политологов и отчасти историков о «новом феодализме» или рефеодализации в России / СССР, эмпирических фактов и свидетельств, фиксирующих такого рода проявления в различных сферах жизнедеятельности постреволюционного, а затем и сталинского общества, более чем достаточно, чтобы обсуждать данную проблему в постановочном порядке.

Между тем определенная часть исторических дискуссий новейшего времени лежит в плоскости рассмотрения именно феномена российского традиционализма и его поразительной регенерации во всех проявлениях. В частности, об этом свидетельствуют дискуссии о судьбе империй в XX в., где рассматривается

модель СССР как империи, разработка взаимодействий типа «Центр – периферия», «метрополия – колония», «город – деревня» также ведется ныне исследователями с использованием эмпирики различных эпох, включая и фактографию новейшего периода отечественной истории. Так, известные западные историки, изучающие российские реалии XX в., трактуют события, связанные с коллективизацией, в категориях «крестьянской войны», «гражданской войны», как драматическое столкновение между государством и крестьянством, городом и деревней с применением в отношении последней традиционного государственного арсенала принуждения и насилия. Канадская исследовательница Л. Виола отмечает: «Это была завоевательная кампания, направленная не на что иное, как на внутреннюю колонизацию деревни [...] И хотя партия публично провозглашала коллективизацию "социальным преобразованием", в действительности же она оказалась войной культур, гражданской войной между государством и крестьянством» [2011. С. 103]. В краткосрочной перспективе государство одержало победу, насадив колхозный строй. Однако, по мнению Л. Виолы, в конечном итоге государство оказалось заложником пассивного сопротивления крестьян и их адаптации, приспособления к новым условиям: «Победа государства над крестьянством в борьбе за коллективизацию была, скорее, кажущейся, учитывая сохранение крестьянских традиций в контексте обобществленного сельского хозяйства. Пассивное крестьянское сопротивление, действовавшее наряду с жестокой, сверхцентрализованной и плохо управляемой и недофинансируемой системой коллективного хозяйствования привело советское сельское хозяйство к стагнации» [Там же. С. 109].

В более ранней публикации Л. Виола выразилась даже более определенно о характере и итогах противостояния государства и крестьянства: «Это была борьба за власть, попытка подчинения и колонизации сельского населения, чья судьба в ходе советской истории все сильнее напоминала участь покоренного народа на оккупированной территории» [2010а. С. 25]. В другой своей работе, посвященной феномену крестьянских спецпоселений сталинской эпохи, характеризуя контекст, в который вписывает «другой Архипелаг», она также приводит ряд сущностных черт советского государства и его стержня – большевистского режима: «Советский Союз при Сталине являлся в сущности "ресурсоизвлекающим" государством, которое характеризовали чрезвычайная централизация и тотальная мобилизация ресурсов (включая и трудовые) в интересах государственного строительства и экономического развития» [2010б. С. 234–235]. В концептуальном плане чрезвычайно важным является высказанный ею тезис, обсуждаемый и в работах других западных специалистов, изучающих сталинизм: «С конца 1920-х и на протяжении всех 1930-х гг. Советский Союз пребывал в состоянии почти постоянного кризиса. Отчасти этот кризис являлся результатом действий самого государства, непреднамеренным следствием политизированной экономической политики 1920-х гг., а также результатом напряжения первой пятилетки, коллективизации и массовых репрессий. Отчасти на затяжной характер кризиса и его обострение оказали влияние и геополитические реалии того времени, взрывоопасная международная обстановка и пресловутое "капиталистическое окружение", якобы

взявшее в блокадное кольцо Советский Союз. По причине того, что кризис, который по сути своей подобен состоянию войны, стал основным образом существования Советского государства, а также потому, что тоталитаризированные представления и политика вызвали цепь непреднамеренных (хотя, возможно, и легко предсказуемых) социальных, экономических и политических последствий, сталинская политика все чаще представляла реакцию на существовавший кризис и попытку уладить новые кризисы» [Там же. С. 238–239].

Представление о сталинизме как выросшем из глубокого системного кризиса постреволюционного российского (далее – советского) общества, но превратившемся / переродившемся из средства его преодоления в источник постоянного порождения новых кризисов, безусловно, требует конструктивной разработки. Для нас же важно ввести в данную конструкцию связь кризисной природы сталинизма с инструментами и технологиями его поддержки и воспроизводства, что имеет прямое отношение к оценке значения в этом фактора социальной мобилизации. Если априорно признать, что глубокий кризис и реакция на него вызывают социальное напряжение, «подобное состоянию войны» (см. выше оценку Л. Виолы), то социальная мобилизация из «управляемого действия» переходит в статус «перманентного состояния» во взаимодействии власти и общества, становится имманентной, сущностной характеристикой тоталитарного режима, универсальным механизмом для решения стоявших перед ним задач любого уровня.

Сказанное имеет прямое отношение к проблеме природы, направленности и функций феномена советской социальной мобилизации. Возможности ее конструктивного рассмотрения в рамках модернизационного концепта уже исчерпаны, застыв на рубеже, обозначенном в конце 1990-х гг. А.Г. Вишневским, обосновавшим тезис о неорганичности советской модернизации в ее сталинском варианте («консервативная модернизация»). Все дальнейшие построения историков, сторонников модели модернизации, так или иначе, ограничены попытками сочетать и примирить тоталитарный режим и модернизацию страны, используя при этом классические построения типа «с одной стороны..., с другой стороны» и признавая «недомодернизированность» СССР, но также и «достижения советского строя», хотя и не отрицая колоссальной цены и «издержек» («сопутствовавших потерь») на данном пути. Тем не менее, чаще всего такого рода модернизационные схемы оказываются трансформированным вариантом апологетики авторитаризма и тоталитаризма («иного было не дано»).

Для того чтобы расширить познавательные возможности феномена социальной мобилизации, необходимо вернуться к рассмотрению самых общих смыслов, или природы данного явления, изучая формы его преломления в конкретно-исторических условиях. Ранее уже отмечалось, что под социальной мобилизацией понимается действие, реакция социума – либо предотвращение или устранение опасности, угрозы извне / изнутри для общества, либо инициируемая политическим режимом нацеленность на реализацию выдвигаемых им проектов и программ, принимаемых и одобряемых большинством социума. В том и другом случаях мобилизационным процессам присущ ряд базовых

черт – это прежде всего *экстраординарность, экстремальность, чрезвычайность*, относящиеся не только к причинам, вызвавшим мобилизацию, но и к средствам и результатам мобилизационного действия. Другой важнейшей характеристикой мобилизационного состояния и действия выступают его *массовость* и *масштабность*. К базовым характеристикам относится и векторность мобилизационного процесса, могущая принимать два направления – *конфликтное* и *консолидационное*.

Перечисленные выше свойства СМ не являются застывшими и могут трансформироваться в иное качество. В частности, в системе *тоталитарной*, или *режимной мобилизации* чрезвычайность, экстраординарность, приобретает черты устойчивости, повторяемости, становится ординарной, нормативной. Это придает новое качество СМ, которая становится обыденной, а отклонения от этой «нормы» позволяет осуществлять контроль над ее соблюдением, вводить процедуры поощрения и санкций для участников мобилизационного действия. Так, «социалистическое соревнование», «ударничество» и другие подобные акции в сфере социально-трудовых отношений, становясь массовой, всеохватной кампанией, превращаются в норму, стандарт, и инструмент контроля и санкций, утрачивая первоначальную соревновательную, конкурентную природу, стимулы и мотивацию.

Такого же рода трансформация происходит с *конфликтной мобилизацией*. Последняя из относительно кратковременного действия, вызванного экстремальной и вполне конкретной ситуацией (конфликтом, угрозой), становится нормативной, стандартной, обыденно-повседневной реакцией, т. е. из мобилизационного по своей природе действия становится устойчивым мобилизационным состоянием. Так, начавшись с кампании «военной тревоги» весной 1927 г., конфликтная мобилизация, будучи агрессивной и наступательной, стала доминирующим типом СМ, вытесняя и поглощая куда более приоритетный с точки зрения целей политического режима тип консолидационной мобилизации. Более того, в тоталитарных системах все консолидационные действия сочетаются с конфронтационными, придавая мобилизационным процессам крайне противоречивый и разнонаправленный характер (в лозунговой традиции сталинской эпохи это нашло отражение в следующей форме – «Кто не с нами, тот против нас!»).

Социальная мобилизация – это сплав мифологии и реализма, идеологии и прагматизма. В ней особым образом сочетаются форма и содержание. Форма, как правило, имеет лозунговый, установочный, стереотипизированный вид, тогда как содержательно она направлена на реальные цели и результаты. В идеократических системах типа сталинизма это предполагало соединение целей высшего порядка (создание нового строя, порядка) и утилитарного уровня (подписка на очередной заем). Однако именно такого рода противоречие между идеологемами и реальностью наряду с планировавшимися результатами (вовлечение, включение значительных масс в реализацию действия власти) влекло за собой очевидные издержки – пассивность, имитацию активности немалой частью деятельного населения страны.

Выше уже отмечалось, что в социально-гуманитарных дисциплинах наиболее устойчивой и общепризнанной (хотя и небесспорной) является связь понятия СМ с концептом модернизации как условия, фактора и инструмента осуществления модернизационных изменений. Данная взаимообусловленность важна, но это не исчерпывающий пример «встроенности» СМ в другие социальные явления и процессы. В частности, очевидна взаимосвязь СМ с такими социальными феноменами, как *мобильность, миграции, маргинальность*. Связанными их делают присущие им свойства объективности протекания и субъектности участия в них социальных групп и общностей. Все они могут рассматриваться в двух измерениях – и как процесс / состояние и как политически направляемое и обусловленное интересами того или иного режима действие. Так, мобильность происходит в социуме в различных видах и формах непрерывно. В то же время всякий политический режим осуществляет, с большей или меньшей результативностью, политику регулирования, контроля и влияния на процессы вертикальной и горизонтальной мобильности. Роль и значение здесь СМ очевидны, выступая катализатором восходящей и нисходящей мобильности, способствуя статусному продвижению вверх акторов / агентов мобилизации, равно как и утрате или снижению статусных характеристик тех общностей и групп, кто оказывается объектами конфликтной мобилизации. В свою очередь, от успешности или провала мобилизационной политики зависит направленность, интенсивность и результативность социально-структурных трансформаций, или переструктурирования социума.

Связь процессов миграции с явлениями мобильности и мобилизации также прослеживается вполне отчетливо. Миграции принимают характер добровольных, вынужденных и принудительных, являются стихийными или управляемыми, контролируемыми. Во всех случаях миграционные процессы несут в себе признаки соцмобилизации. Так, в трудовых миграциях / переселениях есть компоненты и добровольности / сознательности, и кампанийщины (молодежные «призывы», переселения демобилизованных из Красной армии в приграничные территории и т. д.). В таких государственно поощряемых миграциях фактор СМ играет зачастую решающее значение, поскольку их результативность напрямую зависит от активистов, акторов мобилизации и опоры на институциональные механизмы и технологии. В не меньшей степени усматривается присутствие и влияние СМ в организации и осуществлении принудительных миграций / депортаций. Здесь налицо проявление агрессивной мобилизационной кампании «сверху» при массовом вовлечении в проведение «раскулачивания» деревенских «низов», «активистов» со всеми признаками конфликтной мобилизации.

Столь же важным в исследовании феномена СМ является установление взаимосвязи процессов и политики мобилизации и маргинальности. Мобилизационные процессы и технологии теснейшим образом сочетаются с явлением маргинальности. Последняя является индикатором уровня, масштабов социальной напряженности, конфликтности, выражением и отражением различного рода фобий, дискриминаций, осязаемым следствием массовых мобилизаций. Наличие маргинальных групп позволяло идеологии и пропаганде вос-

производить в массовом общественном сознании «образ врага» и формировать конфронтационный тип мышления и отношения к маргиналам. После мобилизационных кампаний остается своего рода инверсионный след, социальный «отсев» («бывшие», «лишенцы», «труддезертиры», «двuruшники» и др.).

Из сказанного выше следует, что с понятием «социальная мобилизация» и его операционализацией в различных общественных и гуманитарных дисциплинах происходит достаточно типичная трансформация. Активное использование феномена СМ и встраивание последнего в общие концептуальные схемы приводит к весьма прагматичной трактовке понятия «мобилизационный фактор». Особенно очевидно это проявляется в социально-гуманитарных исследованиях, выполняемых в русле доминирующего ныне в отечественной науке модернизационного концепта. В рамках теории «модернизационного перехода» и выстраиваемой конструкции «советской модели модернизации» СМ трактуется как необходимое условие и инструмент сопровождения модернизации. Мобилизационная политика советского государства тем самым возводится в ранг объективности и неизбежности ее проведения, а все т. н. издержки (прежде всего людские) относятся за счет практики ее реализации. Данная позиция обществоведов фактически влечет за собой апологетику сталинской политики и практики.

Представляется, что сторонники модернизационного концепта сужают значение СМ, низводя ее до роли сопутствующего прогрессивным изменениям фактора. Между тем его влияние оказывалось гораздо более значимым. На наш взгляд, правомерно говорить о том, что именно «мобилизационность», став сущностной характеристикой постреволюционного советского режима, в значительной мере определяла формат, направления и масштабы модернизационных процессов, а не наоборот. Поэтому с не меньшим основанием можно утверждать, что модернизация выступала инструментом, условием утверждения мобилизационного тоталитарного режима в СССР. И в данном контексте мобилизационный компонент достаточно непротиворечиво вписывается в весьма активно разрабатываемый ныне концепт «советского традиционализма».

С.Н. Ушакова

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Для западных историков понятие «социальная мобилизация», или «массовая мобилизация» является вполне привычным. Этим термином описывается готовность (в первую очередь, социально-психологическая) общества или отдельных его групп к конкретным акциям или более масштабным и длительным трансформациям. С его помощью также описываются и анализируются технологии, позволяющие добиваться общественной поддержки и активизировать имеющиеся ресурсы для решения разнообразных политических, социальных и экономических задач. Мобилизация – инструмент, который использует не только и не столько государство. В современных политологии и социологии термин мобилизация используется прежде всего в контексте протестных движений. Именно этот аспект является главным, например, в публикациях журнала «Mobilization», который издается отделением социологии университета Калифорнии в Сан-Диего с 1996 г. Просмотр содержания журнала обнаруживает, что в поле зрения его авторов находится широкий круг вопросов и тем теоретического и конкретного характера, многие из которых находятся на пересечении нескольких дисциплин: политологии, истории, социологии, социальной психологии и антропологии. Начавшаяся в 2010 г. «арабская весна» активизировала исследования факторов и механизмов социальной мобилизации и особенно роль т. н. новых медиа (интерактивных электронных изданий и цифровых сетевых форм коммуникации) в активизации протестных движений (см., напр.: [Rennick, 2013; Allegra et al., 2013; Benski et al., 2013]).

Вместе с тем в последние годы термин «социальная мобилизация» стал активно применяться для описания не только протестных движений. Например, международная организация ЮНИСЕФ рассматривает социальную мобилизацию как один из наиболее эффективных способов решения серьезных задач по охране детства и материнства, который предполагает вовлечение широких слоев общества и их ресурсов в процесс достижения общественно-значимых целей (Social Mobilization. URL: http://www.unicef.org/cbsc/index_42347.html). И хотя, говоря о социальной мобилизации, ЮНИСЕФ не исключает, а приветствует участие государственных структур, ставка делается на поддержку и активность общества.

В современной политологии одним из первых термин «социальная мобилизация» применил американский исследователь К.В. Дейч. Его статья «Социальная мобилизация и политическое развитие», опубликованная в журнале «American Political Science Review» в 1961 г., оказала большое влияние на американскую политологию, особенно в первые пятнадцать лет после ее опубликования (см.: [Deutsh, 1961]). В 2006 г. редакция журнала, подводя итоги столетнего существования издания, назвала двадцать самых цитируемых статей, из опубликованных здесь. Статья К. Дейча, которая, по данным

Social Science Citation Index, была процитирована 380 раз, заняла в этом списке десятое место [Sigelman, 2006. Р. 668]. По мнению Б. Руссетта, представившего статью Дейча в этом юбилейном списке, причина такой популярности заключается в том, что Дейч предложил модель, которая могла быть эффективно использована в сравнительной и международной политологии и давала ключ к анализу социальных и политических кризисов в развивающихся странах во второй половине XX в., что было весьма актуально в ситуации борьбы между социалистическим и капиталистическим лагерем за влияние в этих странах [Russett, 2006. Р. 678].

Предложенная Дейчем концепция социальной мобилизации отличается от распространенной сегодня трактовки этого понятия историками (которую разделяют и авторы данного издания) и даже политологами. Хотя и Дейч, и современные исследователи понимают социальную мобилизацию как состояние готовности общества к определенным изменениям и действиям, для Дейча – это естественный результат модернизации (в этом смысле он жестко привязывает социальную мобилизацию к определенному этапу социального развития), и прежде всего экономических и социальных изменений в ходе модернизации [Deutch, 1961. Р. 493]. Для современных исследователей это либо результат, либо процесс воздействия государства или других социальных и политических институтов и агентов на общество или отдельные его группы с целью приведения их в состояние готовности. Такая принципиальная разница в понимании термина «социальная мобилизация» значительно затрудняет использование концепции Дейча, особенно применительно к советской истории, но, тем не менее, она может быть использована для более глубокого понимания сущности процесса модернизации и роли социальной мобилизации в ее успехе и результатах. В своей статье Дейч описывает классическую западную модель модернизации, когда экономические изменения приводят к серьезным социальным сдвигам. Главным показателем социальных изменений для Дейча является уровень социальной мобилизации, который он определяет количественно и качественно по нескольким показателям (процент населения, подверженного воздействию средств массовой информации; процент городского населения; процент грамотного населения; уровень дохода на душу населения и несколько других) [Ibid. Р. 495]. Главная проблема, по Дейчу, состоит в том, что существенно изменившееся общество по-новому видит свою роль и предъявляет новые требования к правительству и политической системе. Нежелание или неспособность правительства удовлетворить эти требования приводит к политической нестабильности [Ibid]. Политическая нестабильность может быть вызвана и неравномерностью развития различных показателей социальной мобилизации [Ibid. Р. 498–502]. Как известно, советский вариант модернизации отличался форсированным характером, неравномерностью и утилитарностью. Можно также сказать, что, в определенном смысле*, политические изменения шли впереди экономических и соци-

---

* Нами сделана такая оговорка, потому что среди исследователей, занимающихся проблемами модернизации, нет единства в том, что должно являться результатом модернизации в политиче-

альных. В связи с этим возникает вопрос, должна ли была власть стимулировать социальную мобилизацию (как ее понимает Дейч) для успеха модернизации, какие и почему составляющие социальной мобилизации были выбраны в качестве приоритетных и к каким результатам это привело.

Среди исследований, посвященных советской истории, вряд ли удастся найти работу, в которой бы процесс социальной мобилизации был бы главным предметом исследования, а само это понятие было бы вынесено в заглавие. Вместе с тем западные историки активно исследуют различные механизмы и практики социальной мобилизации, такие как идеолого-пропагандистская деятельность советского государства, методы социального и экономического стимулирования, механизмы социального и политического контроля, формирование национальной, социальной и культурной идентичности и др. При этом все чаще они рассматриваются как составляющие социальной мобилизации. В работах западных исследователей по советской истории термин «социальная мобилизация» появился в 1970–1980-х гг., когда сформировалась и получила развитие историографическая концепция, альтернативная тоталитарной. Историки-«ревизионисты» отказывались интерпретировать события советской истории только как результат террора, тотального контроля и пропагандистских манипуляций. По их мнению, власть имела вполне реальную и внушительную произвольную социальную поддержку, а возможности тотального контроля над советским обществом были ограниченными. Их акцент на общество определил другое название данного историографического направления – «социальная история». В качестве механизмов и инструментов, которые обеспечивали социальную поддержку власти, исследователи называют возможности социальной мобильности, реализацию настроений социальной справедливости, новое наполнение социальной и национальной идентичности и др. В этом ряду свое достойное место занимает социальная мобилизация, которая рассматривается как явление, включающее различные виды социального стимулирования. Социальная мобилизация – это один из возможных ответов на вопрос о причинах активной поддержки и соучастия общества в событиях и процессах советской истории.

Немаловажным преимуществом использования понятия социальной мобилизации в трудах по советской истории является его содержание, позволяющее избежать некоторых крайностей, характерных для трудов многих историков-«ревизионистов», а именно преувеличения степени самостоятельности советского общества и поддержки им власти. Понятие социальной мобилизации определенно указывает на главного организатора общественной активности – некую политическую или общественную силу (в данном случае государство), которая при помощи имевшихся в ее распоряжении ресурсов формиро-

---

ских отношениях, и для многих из них советская политическая система не может считаться предшествующим социальным и экономическим изменениям институтом модернизации. Впрочем, Дейч недвусмысленно дает понять, что современные политические ожидания «мобилизованного» общества не столько связаны с демократизацией, сколько с эффективным социальным правительством, способным удовлетворить новые запросы и потребности [Deutsh, 1961. P. 498, 499].

вала в общественном сознании мобилизационные установки и направляла возникший мобилизационный потенциал в нужное для себя русло.

Хотя такой подход, при котором роль государства в формировании социальной активности оценивается как решающая, более характерен для современных историков, работающих в парадигме «социальной истории», пионерной стала книга американского исследователя П. Кинеза «Рождение пропагандистского государства (Советские методы массовой мобилизации, 1917–1929)», написанная в 1985 г. Исходным тезисом книги Кинеза стало утверждение о том, что одной из главных причин победы большевиков в революции и Гражданской войне стала поддержка общества. В связи с этим он ставит себе задачу проанализировать, как изменилось содержание мировоззренческих установок за эти годы и какие методы использовали для этого большевики (см.: [Kenez, 1985. Р. IX]).

В исследовании П. Кинеза присутствует еще одна тенденция, присущая работам как современных историков-«ревизионистов» в целом, так и большей части тех, кто изучает процессы мобилизации советского общества. Речь идет о трактовке процессов социальной мобилизации как характерных для других, вовсе не коммунистических режимов и стран. Широкое распространение этого явления подавляющее большинство исследователей связывают с Первой мировой войной. Причиной стали чрезвычайные условия военного времени вместе со значительно выросшим уровнем грамотности населения, что увеличивало доступность основного вида пропаганды – печатной, и распространением социально-политических теорий с новым пониманием роли государства и возможностей социального инжиниринга. Полученный в годы войны эффект от социальной мобилизации сделал ее привлекательным инструментом управления обществом в глазах национальных правительств. Некоторые исследователи находят корни общности методов, которые использовало разные по типу государства и другие политические силы для обеспечения общественной поддержки и массовой мобилизации, в еще более раннем периоде, а именно в конце XVIII–XIX вв., когда начали формироваться современные общественные и политические отношения. Например, авторы коллективной монографии «Политическая религия за пределами тоталитаризма: сакрализация политики в эпоху демократии» отказывают тоталитарным режимам в эксклюзивности использования религиозных форм и практик для привлечения общественной поддержки. Они полагают, что эти методы стали активно использоваться всеми политическими силами с того момента, когда широкие массы вышли на политическую арену и политические акторы должны были учитывать фактор общественной поддержки и участия [Political Religion..., 2013. Р. 1–3].

Для понимания общего и особенного в советском варианте социальной мобилизации принципиальное значение имеет статья П. Холквиста «"Осведомление – это Альфа и Омега нашей работы": Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст», впервые опубликованной в «Journal of Modern History» в 1997 г. На первый взгляд, она имеет мало общего с темой социальной мобилизации, однако автор рас-

смаатривает надзор не сам по себе, а как важный инструмент для изучения и управления «новоизобретенным ресурсом – национальной воли или духа» [Холквист, 2001. С. 67]. Указывая на повсеместность данного явления в годы Первой мировой войны и после нее, Холквист определяет специфику советского варианта. По его мнению, в Советской России / СССР мобилизация общества была не просто инструментом, одним из ресурсов, а краеугольным камнем развития, что определяло отношение власти к ней, а сама мобилизация строилась на уверенности власти в реальности переделки общества и людей [Там же. С. 69–72].

В англоязычной исследовательской литературе последних лет, посвященной темам формирования в общественном сознании мобилизационных установок и социальной поддержки власти в сталинский период, можно выделить работы, которые имеют более общий характер и написаны преимущественно на основе имеющейся литературы и теоретических авторских построений. В таких работах анализируются система ценностей и модели поведения, характерная для советского общества того времени, степень ее соответствия условиям жизни и поставленным задачам, а также содержание и формы деятельности государства по управлению этой системой. Другие исследования носят конкретно-исторический характер. В них на базе детального анализа источников выявляются методы социальной мобилизации и оцениваются ее результаты.

Как и следовало ожидать, работы общего характера принадлежат, как правило, признанным специалистам в области советской истории со значительным опытом конкретно-исторических исследований. К их числу, безусловно, следует отнести одного из пионеров применения подходов социальной истории к изучению советского общества Ш. Фицпатрик. Ее книги «Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization» и «Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930's»*, опубликованные соответственно в 1994 и 1999 гг., посвящены более широкой теме, чем социальная мобилизация. В них анализируются поведенческие стратегии и тактики сопротивления и приспособления к условиям сталинизма, и далеко не все из них являлись результатом мобилизационной деятельности власти. В то же время Ш. Фицпатрик описывает целый ряд поведенческих образцов и мировоззренческих установок, имеющих принципиальное значение для создания модели мобилизационных отношений между советским обществом и государством. Среди них практики и установки, характерные для коммунистов, руководителей разного уровня, стахановцев и активистов; вера в светлое будущее**; реставрация ценностей «культурной» и зажиточной жизни и модели поведения, свойственные обладавшим материально-бытовыми привилегиями и не имевшим

---

* На русском языке обе книги опубликованы в 2001 г. под названиями «Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня» и «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город».

** Ш. Фицпатрик поясняет: она не считает, что все советские люди верили в светлое будущее, но эти утопические иллюзии были неотъемлемой частью их повседневной реальности, с которыми они не могли не считаться [Фицпатрик, 2008. С. 84].

их; традиционалистские ценности и модели поведения; поведенческие практики в условиях дискриминации, всеобщей подозрительности и террора; и др. Результаты деятельности власти по внедрению мировоззренческих установок Фицпатрик оценивает скорее как отрицательные, хотя и признает, что режим имел поддержку, особенно среди активистов, выдвиженцев и молодежи [Фицпатрик, 2008. С. 268, 269]. В качестве примера отрицательного результата она приводит характерное для советского общественного сознания противопоставление «мы – они», которое в 1930-х гг. было почти исключительно связано с начальством и привилегиями, а не классовыми различиями, как того хотела власть и как это было в 1920-х гг. [Там же. С. 266, 267]. Власть, по мнению исследователя, была все-таки доминирующим фактором в формировании общественного сознания и моделей поведения, но воздействовала она весьма своеобразно. Одним из определяющих условий жизни в СССР была непредсказуемость, случайность, нестабильность, главным источником которых являлась именно власть. Вкупе с хроническим дефицитом на товары первой необходимости и тяжелыми условиями жизни обстановка полной непредсказуемости создавала ситуацию постоянной экстраординарности. Фицпатрик полагает, что именно необходимость выживать в экстремальных условиях, а не пропаганда, формировала, в первую очередь, мировоззрение и поведенческие установки советских людей [Там же. С. 272].

Другой автор, который предлагает свою обобщенную характеристику советского общественного сознания, – Дэвид Л. Хоффман. В арсенале этого исследователя целая серия книг, посвященных вопросам менталитета, системы ценностей и мобилизационной деятельности государства, направленной на формирование желаемых установок и моделей поведения. Исследования Хоффмана соответствуют основным тенденциям в современном «ревизионизме». Он полагает, что основные направления развития Советского Союза в 1930-е гг. и соответственно мобилизационной активности государства совпадали с общеевропейскими тенденциями тех лет, впервые проявившие себя в годы Первой мировой войны. Советскую специфику он видит в методах реализации поставленных целей, замечая, впрочем, что многие из этих методов следует рассматривать как способ адаптации власти к уровню социально-культурного развития общества.

Несмотря на широкий спектр социальных отношений, которые Хоффман анализирует в своих книгах с точки зрения их отражения в общественном сознании и идеологической деятельности государства, у него есть свой конек – система социального обеспечения в широком смысле, т. е. здравоохранение, образование, поддержка рождаемости и семьи, пенсионное обеспечение и т. п. Так, в первой своей книге «Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941», посвященной влиянию психологии, культуры, форм социальной организации, отношения к труду и власти крестьян, которые в годы индустриализации в огромном количестве мигрировали в города, и в частности в Москву, на формирование новой социальной идентичности горожан и нового взгляда на мир, Хоффман замечает, что неудачные попытки переделать психологию новых рабочих в соответствии с большевистскими идеологическими представлениями,

заставили власть обратиться к консервативным и насильственным методам, превратившим СССР в авторитарное государство всеобщего благоденствия (см.: [Hoffmann, 1994. P. 11]).

В следующей книге «Stalinist values: the cultural norms of Soviet modernity, 1917–1941» Хоффман предлагает свою версию ответа на весьма актуальный в современной историографии вопрос о смысле поворота к традиционным ценностям, который произошел в середине 1930-х гг. и который Н. Тимашев назвал «великим отступлением». По его мнению, этот поворот не стоит рассматривать как выбор в сторону традиционализма. Напротив, он соответствовал общеевропейским тенденциям – созданию рационального гармонического социального порядка. Хотя сталинское руководство использовало традиционалистские по форме методы, оно делало это в «современных мобилизационных целях» и никогда не оставляло идеи переделки человека и построения коммунизма [Hoffmann, 2003. P. 184–187]. Так, Хоффман объясняет, что призыв к укреплению семьи произошел только после того, как власть убедилась, что новая социалистическая семья заменила ее старую, буржуазную версию. Хотя исследование охватывает несколько направлений мобилизационной деятельности сталинского государства, автор вновь делает основной акцент на сферу семьи, здоровья и социального обеспечения. Эту же тему Хоффман продолжил в следующей книге «Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939» (Ithaca: Cornell University Press, 2011), в которой он рассматривает деятельность советского государства по формированию здорового в физическом и идеологическом смысле общества, но при этом отмечает весьма противоречивый характер политики в этом направлении, имея в виду массовые депортации, репрессии и потери населения в результате голода и падения уровня жизни в годы индустриализации. Примечательно, что в этой работе Хоффман не ограничивает мобилизацию только пропагандой, а включает в нее и другие политические и экономические методы воздействия. Расширение нижних хронологических границ исследования подчеркивает приверженность автора концепции соответствия советских государственных практик общеевропейским тенденциям, сформировавшимся в годы Первой мировой войны.

Из работ конкретно-исторического характера хотелось бы обратить внимание на исследования, в которых рассматривается несколько механизмов и форм социальной мобилизации: советская пресса как инструмент мобилизации, эволюция содержания советской пропаганды и ее влияние на эффективность социальной мобилизации, роль механизмов доверия и недоверия в социальной мобилизации.

Роль прессы как инструмента социальной мобилизации рассматривает М. Леное, ученик Ш. Фицпатрик, чье влияние заметно в содержании его первой книги «Ближе к массам: сталинская культура, социальная революция и советские газеты», написанной на основе диссертации. Во-первых, Леное рассматривает культурную революцию как переломный этап в довоенной истории советской прессы и решающий шаг в переходе к мобилизационным методам. Во-вторых, он не видит соответствия общемировым тенденциям в совет-

ских государственных практиках (особенно абсурдными для него выглядят подобные выводы в отношении средств массовой информации и пропаганды) [Леное, 2004. Р. 6, 7]. В-третьих, Леное полагает, что в превращении прессы в инструмент мобилизации большую роль сыграли молодые журналисты-выдвиженцы, т. е. представители той же социальной группы, на изучении роли которой в культурной революции были построены первые новаторские работы Ш. Фицпатрик.

Выбор адекватных источников и объекта исследования – одна из наиболее сложных задач в изучении такого нематериального в большинстве своих проявлений феномена, как социальная мобилизация. На наш взгляд, Леное сделал правильный выбор и его книга является интересным и убедительным исследованием эволюции мобилизационных процессов на примере истории советской прессы в 1920-е – начале 1930-х гг. Сравнивая два периода в истории газет – 1921–1927 и 1928–1933 гг. – по разным критериям, формальным и содержательным, исследователь приходит к выводу, что в конце 1920-х гг. советское руководство отказалось от просветительских проектов перевоспитания человека и перешло к решению чисто прагматических задач, а культура превратилась в «инструмент мобилизации» [Ibid. Р. 247, 248]. К числу наиболее значительных изменений, помимо содержания, следует отнести изменения целевой аудитории газет и отношения к мнению читателей. Если ранее газеты уделяли исключительное внимание изучению читательских писем, проводили специальные конференции, анонимные опросы и исследования, то в 1929–1930 гг. утвердился новый взгляд. В соответствии с ним газета, отражающая позицию партии, объективна, ее задача ставить задачи и мобилизовать, и она не нуждается в изучении субъективных мнений своих читателей [Ibid. Р. 169].

Д. Бранденбергер уже знаком отечественным специалистам по советской истории. В 2009 г. была опубликована на русском языке его первая монография «Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956)», оригинально изданная в 2002 г. В новой книге «Кризис пропагандистского государства: советская идеология, индоктринация и террор при Сталине, 1927–1941» Бранденбергер сужает хронологические рамки и продолжает начатую тему, концентрируясь на причинах кардинального изменения содержания советской пропаганды в первой половине 1930-х гг. и отрицательном влиянии Большого террора на эффективность идеологической мобилизации.

Исследования Бранденбергера посвящены интересной и популярной теме. Феномен отказа от идей интернационализма в советской идеологии в середине 1930-х гг. и переход к патриотизму с очевидными проявлениями национализма и империализма интересен как сам по себе, так и как наглядное проявление эволюции советского эксперимента. Ответ Бранденбергера на данный вопрос основан на трактовке им СССР как идеологического государства, руководители которого были уверены в исключительных возможностях пропаганды воздействовать на общество и мобилизовывать его. В этом смысле он хронологически продолжает монографию П. Кинеза (что видно даже из названия

книги: у Кинеза «рождение пропагандистского государства», у Бранденберга «кризис пропагандистского государства»). Главной задачей и соответственно критерием эффективности идеологической мобилизации, по Бранденбергеру, являлось формирование советской идентичности и отождествление себя с ней большей части населения страны. Попытки мобилизовать общество на основе радикальной марксистской идеологии в 1920-х гг. оказались неэффективными, что и заставило советское руководство и идеологический истеблишмент обратиться к «популистскому ревизионизму» [Brandenberger, 2011. Р. 3]. Другой не менее важный тезис Бранденбергера – это вывод о том, что положительные результаты, достигнутые пропагандистской системой в середине 1930-х гг., были сведены на нет «Большим террором». Урон, нанесенный в конце 1930-х гг., стал началом так и не преодоленного системного кризиса пропагандистской системы.

С тем чтобы доказать сформулированные тезисы, Бранденбергер изучает состояние советской идеологической системы на трех уровнях: принятия политических решений, производства идеологической продукции и ее восприятия. Наиболее тщательно и профессионально автор анализирует содержание пропаганды. Для этого он исследует тексты учебников по отечественной и партийной истории и процесс их создания, содержание популярной художественной литературы и кино. Бранденбергер выбрал такие источники, полагая, что в начале 1930-х гг. советское руководство пришло к выводу, что основой для формирования советской идентичности и, следовательно, эффективной мобилизации должно стать «полезное прошлое». Автор рассматривает известные коллизии, связанные с написанием исторических учебников в 1930-х гг., а также конфликты между советскими литературными группами как напряженный поиск той части советского и российского прошлого, которая могла бы быть эффективно использована в пропаганде. Такой подход не традиционен для современной историографии и потому представляет несомненный интерес.

Подобным образом Бранденбергер исследует два периода: первую половину 1930-х гг. вплоть до начала «Большого террора» и конец 1930-х гг. до начала Великой Отечественной войны. Период конца 1920-х гг., заявленный в названии книги, фактически является лишь зачином к основному тексту. Описывая состояние пропагандистской системы в 1920-х гг., автор делает вывод об ее неэффективности на основе рассуждений о сложности для массового восприятия абстрактных идей марксизма. А главное, в 1927 г., в условиях «военной тревоги», стало ясно, что пропагандистской системе не удалось сформировать такое содержание советской идентичности, с которой бы отождествляла себя большая часть общества [Ibid. Р. 23, 24]. В своей оценке он не соглашается с выводами Кинеза, который увидел творчество, разнообразие форм, гибкость советской пропаганды, позволившие ей одержать идеологическую победу над белым движением. Такие выводы сделаны Бранденбергером, главным образом, на основе анализа информационных сводок ОГПУ, отчетов местных властей об агитационно-массовой работе и резолюций партийных совещаний высшего уровня. Пожалуй, это наиболее уязвимое место в монографии Бранденбергера, как, впрочем, и большинства других работ, посвя-

ценных истории советской пропаганды. Выбор источников, которые бы адекватно отражали содержание общественного сознания в условиях отсутствия свободы слова, очевидной тенденциозности сводок ОГПУ (на что, кстати, Бранденбергер обращает внимание), формализма и стереотипности партийных резолюций и отчетов, остается очень сложной задачей. Сам автор в последующих главах использует и другие источники: дневники, переписку, мемуары, – а также анализирует долговременные последствия пропагандистского воздействия.

Убедительным и ценным для развития представлений об эволюции советской идеологии выглядит выполненное Бранденбергером сравнение содержания исторических текстов и произведений массовой культуры, а также пропагандистских методов первой и второй половины 1930-х гг. Вопреки распространенной точке зрения о поступательном развитии националистических идей начиная с 1930-х гг., автор видит существенную разницу между двумя периодами. К середине 1930-х гг. на основе культов Сталина, других руководителей высшего звена, героев Революции и Гражданской войны, стахановцев, летчиков и полярников был создан советский пантеон, сыгравший решающую роль в формировании нового содержания советской идентичности и повышения эффективности пропаганды. Однако после того как «Большой террор», который Бранденбергер называет «убийцей собственного полезного прошлого» [Ibid. P. 197], уничтожил половину этого пантеона и поставил под вопрос многих остальных, историки и пропагандисты были вынуждены отказаться от героизированной истории и вновь вернуться к абстрактным и механистическим схемам. Апогеем формализации пропаганды стал «Краткий курс истории ВКП(б)». Неэффективность такой пропаганды для мобилизации общества заставила советский идеологический истеблишмент накануне и во время войны искать новую опору, уже вне советского периода российской истории, что значительно усилило националистический компонент в советской пропаганде [Ibid. P. 252].

Автор точно отметил перманентную характеристику советской пропагандистской системы: кризис. Похоже, что она определялась не столько усилиями системы в конкретный период, сколько изначально для советского эксперимента противоречием между верой руководителей во всемогущество идеологии и восприятием ее обществом. Это противоречие, которое изначально определялось пределами воздействия на общественное и индивидуальное сознание, усугублялось по мере того, как разрыв между советской реальностью и идеологией становился все очевидней. Идеологическая безальтернативность и вынужденный конформизм советского общества привели к чрезвычайной формализации пропаганды.

Недавно в отделении славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона был начат проект «Trust and Distrust in the USSR» (Доверие и недоверие в СССР). Январский номер 2013 г. издаваемого при участии отделения журнала «The Slavonic and East European Review» был полностью посвящен данной теме. Среди опубликованных там статей наибольший интерес для нашего обзора представляет работа А. Тихомирова

«The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and States in Soviet Russia, 1917–1941» («Режим форсированного доверия: создание и разрушение эмоциональных связей между людьми и государством в советской России, 1917–1941»). В отличие от вполне характерной для «социальной истории» статьи его старшего коллеги Дж. Хоскинга, который рассматривает сталинский террор как апогей постоянно растущего с момента революции социального недоверия и одновременно один из способов разрешения нестабильности, вызванной им [Hosking, 2013], Тихомиров видит специфику в сложившемся в СССР балансе между социальным доверием и недоверием. Он утверждает, что государство и партия «обладая монополией на определение, воплощение в жизнь и распределение доверия и недоверия, смогли создать режим “форсированного доверия”» [Tikhomirov, 2013. Р. 80]. В отличие от отношений между людьми и государством в стабильных демократических системах, режим «форсированного доверия» построен на доверия общества, главным образом к личностям (а не социальным и политическим институтам), культивирует эмоциональные связи между обществом и государством и соответственно патерналистские ожидания со стороны первого, позволяет использовать недоверие людей против актуальных и потенциальных «врагов» и вовлекать их в политическую активность [Ibid]. А. Тихомиров не только предлагает ответ на вопрос, каким образом могли сочетаться всеобщая подозрительность и слепое доверие «вождям, но и подчеркивает, что общества, построенные на недоверии, имели гораздо больший потенциал для мобилизации [Ibid. Р. 86].

В большей части работ, посвященных изучению феномена социальной мобилизации, прежде всего анализируются содержание и формы пропаганды. В связи с этим может возникнуть вопрос о смысле замены более привычного и понятного термина «пропаганда» термином «мобилизация». На наш взгляд, термин «мобилизация» предоставляет исследователю больше эвристических возможностей. Использование термина «мобилизация» позволяет включить социокультурный контекст в общую историческую панораму, рассматривать его в числе наиболее важных факторов, а не отводить ему, как это было в советских учебниках и обобщающих трудах по истории, последнюю малозначительную главу, которую «проходят», только если хватило времени на политику и экономику. Пропаганда являлась одним из главных способов мобилизационного воздействия, но не единственным, и задача новых исследований состоит в том, чтобы проанализировать и другие методы воздействия, позволявшие власти заставить общество отказаться от своих свободных предпочтений в пользу целей и задач, определенных властью. На примере проанализированных здесь работ мы также видим, что остается актуальной задача поиска адекватных источников и методов их анализа для оценки результатов мобилизации.

С.А. Красильников

СТАЛИНСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В современной исторической литературе, исследующей различные уровни и аспекты трансформации бывшей имперской страны в результате эпохи войн и революций в тоталитарную систему, общепризнанными являются роль и значение чрезвычайных мер. Среди них наряду с насилием и принуждением не менее важное значение отводится феномену социальной мобилизации. Мобилизация из способа решения и преодоления экстремальных, экстраординарных проблем / вызовов преобразовалась в систему, стала фундаментальной характеристикой политических режимов мобилизационного типа. Понятие «мобилизационный» выступает в исторических исследованиях синонимом «тоталитарного» и наоборот. Так, крупнейший отечественный специалист в данной области О.В. Хлевнюк отмечает: «Вырастая из хаоса революционных поворотов и скачков, диктатура опиралась преимущественно на насилие и стремилась (во многих случаях искусственно) поддерживать чрезвычайный, мобилизационный режим функционирования политической системы и жизни общества» [2010. С. 447].

Свою позицию в понимании термина «тоталитаризм» как основного маркера для сталинского режима высказывает западный исследователь Дж. Кип. По его мнению, познавательные возможности тоталитарной парадигмы отнюдь не исчерпаны в случае корректного ее использования. Он предложил рассмотреть применимость термина при анализе трех измерений сталинизма: устремления правящей партии и цели переделки образа жизни и мировоззрения всех граждан (идеологическое измерение); система власти (институциональное измерение); контроль над обществом (поведенческое измерение). Дж. Кип считает, что наиболее полно тоталитарность проявляется в идеологии, с оговорками: она приложима к анализу функционирования сталинского режима и «только до определенной степени» работает при изучении управленческого воздействия на социум [Кип, Литвин, 2009. С. 25]. Конкретизируя феномен контроля над обществом, Кип отмечает основные формы его проявления: «"командная экономика", массовая мобилизация населения для участия в кампаниях, цели которых намечены сверху; разветвленный, всеобъемлющий агитпроп; фанатичная политизация культуры, науки и образования; запрет автономной гражданской деятельности; усердные попытки искоренить религиозные и национальные различия». При этом он указывает на наличие серьезных трудностей и ограничений, которые сдерживали тотальный контроль над поведением различных групп населения [Там же].

Подходы западной историографии корреспондируют с поисками отечественных ученых в данной предметной области. Среди новейших публикаций выделим аналитический обзор работ, вышедших в серии «История сталинизма», выполненный А.Н. Медушевским. Им предпринята новаторская попытка

перевести дискуссию о сталинизме в систему понятий когнитивно-информационного метода. Сталинизм в его интерпретации – это «система, тяготеющая к установлению максимального контроля над информацией в интересах направленного манипулирования человеческими ресурсами». Тем самым в центре анализа оказываются механизмы формирования и динамики информационной картины мира; масштабы, параметры и цели социального конструирования, в особенности конструирования идентичности; социальная адаптация и рычаги управления мотивацией поведения; тотальность контроля и границы социального регулирования. А.Н. Медушевский отмечает активную роль и значение мобилизационных технологий в функционировании сталинской системы. По его оценке, создание новой информационной картины мира осуществлялось путем «внедрения мобилизационной идеологии, способной контролировать не только социальные, но и когнитивные параметры мотивации человеческого поведения», в свою очередь «социальная мобилизация (и особенно манипуляция) возможна только при информационном доминировании тех сил, которые ее осуществляют». Мобилизационный фактор, по Медушевскому, выступает и одной из фундаментальных основ сталинской экономики, которую он маркирует как «мобилизационная / мобилизационно-распределительная экономика» [2010. С. 3–26]. Размышления Медушевского очевидным образом имеют точки соприкосновения с позициями Дж. Кипа.

Как видим, и отечественные, и западные историки сталинизма придают особое значение мобилизационному феномену, без чего невозможно исследование самой природы тоталитаризма. Но именно это обстоятельство требует определения границ понятия «социальная мобилизация» и его операционализации применительно к задачам конкретно-исторического исследования.

В профессиональном российском историческом сообществе традиций исследования социальной мобилизации в полной мере пока не сложилось, на что есть ряд причин как объективного, так и субъективного порядка. Прежде всего, анализ затруднен некоторой размытостью самого предметного поля, поскольку феномен мобилизации применительно к советской эпохе выглядит многоликим и всеобъемлющим и в институциональных, и в атрибутивных социальных проявлениях. Практически вся технология власти пронизана мобилизационными установками и практиками. Если обратиться к сфере советской идеолого-пропагандистской деятельности, то здесь их ядром выступали, пользуясь современной терминологией, политтехнологии мобилизационного типа. Сказанное применимо к любой из сфер жизнедеятельности советского общества (политика, экономика, культура, социальные взаимодействия). Сложность работы историка состоит в том, чтобы научный инструментарий социальных наук адекватным образом адаптировать к задачам собственно исторического исследования. Необходимо принимать в расчет и тот факт, что эмпирический, документальный и нарративный материал построен на языковом фундаменте сталинской эпохи – на т. н. новоязе, или, по определению Дж. Оруэлла, официальном языке, призванном обслуживать государственную социалистическую идеологию [1989. С. 233–243].

Современное историко-политическое исследование феномена СМ базируется на применении общенаучного, системного подхода, согласно которому взаимодействие происходит в рамках системы «политическая власть – социум». Внутри этой системы институты власти выступают субъектами / акторами действия, а социум в целом или конкретные его целевые группы – объектами мобилизационного воздействия. При этом данный процесс приобретает различную степень глубины и результативности управленческого воздействия, где в каждом случае «вертикаль власти» имела конкретные возможности в реализации своих целей. При таком подходе исследователи в качестве приоритетов выдвигают действия политических акторов, более внимательно исследуя технологию мобилизационного воздействия на целевые объекты и корректировку исполнения директив в зависимости от поведения слоев и групп самого общества.

В социально-исторических работах мобилизационный феномен также рассматривается в границах модели «социум – власть», но здесь приоритет очевидным образом смещается в сторону рассмотрения событий с позиций интересов и потребностей социума, мотивации поведения (участия – неучастия) отдельных групп и страт в мобилизационных мероприятиях власти. Тем самым акцентируется внимание на выявлении сложных механизмов социально-политических, психологических и других массовых и групповых реакций общества на управленческие воздействия, рассматриваются препятствия и барьеры, границы и пределы возможностей этого воздействия, равно как и возможности для социума отстаивать свои интересы или адаптировать их к мобилизационным условиям. В данных исследованиях особое внимание уделяется изучению связи и взаимодействия СМ с фундаментальными процессами социальной мобильности, где мобилизации самым непосредственным образом выступают в качестве составной части инициированных «сверху» миграций (и добровольных, и принудительных), причиной избыточной маргинальности и т. д.

Рассмотрим некоторые подходы, принципы и реальные результаты изучения сталинского варианта в новейшей историографии. СМ могут быть структурированы и в дальнейшем научно описаны по таким основаниям, как:

- целенаправленность конфронтационная или консолидационная; управляемая и направляемая активность; соучастие и сопричастность «низов»; дискриминация и изоляция «врагов» и т. д.;
- объектность, т. е. действия в отношении слоев, страт социума, каковыми выступают базисные (рабочие – крестьяне – интеллигенция / служащие), лидерные (элита, управленческие кадры / номенклатура) и маргинальные («натуральные», социальные, политические маргиналы) группы;
- виды (военные, социально-трудовые, кадровые, идеолого-пропагандистские);
- характеристики (институциональность, интенсивность, директивность, всеохватность, агрессивность и т. д.);
- уровни (вертикаль – горизонталь, Центр – периферия);
- функции (контрольно-надзорная, стратификационная, дискриминационно-репрессивная и др.).

Как отмечалось выше, мобилизации – это использование всего потенциала населения с перспективой удержания и даже возможного расширения ресурсного обеспечения действий / программ власти. Мобилизация – это превращение потенциала в ресурс, в реальное действие. В процессе мобилизации происходит сочетание начал добровольности, осознанности, согласия с элементами вынужденного участия / соучастия и применением принуждения / насилия. Практически во всех мобилизационных кампаниях (а именно они выступают базовым «мобэлементом») присутствуют все три мотивационные и поведенческие позиции: активизм – конформизм – сопротивление. Это делает необходимым внесение в модель кампаний компонента дихотомии (мы – они, свои – чужие). Именно по наличию элементов конфронтации и консолидации можно судить о характере самой мобилизации, ее органичности или чрезвычайности. Так, в массовых социально-трудовых мобилизациях масштабы противодействия тесно связаны с интенсивностью принуждения; здесь также присутствует поведенческий конформизм. В кампании по отправке рабочих в деревню (25-тысячники) доминировали (по разным причинам) активизм и добровольное начало, однако прослеживался мотивационный, а затем и поведенческий конформизм [Троценко, 2011. С. 39–42].

Другой важной исследовательской задачей служит изучение фактора социальной мобильности в мобилизационных процессах. Целью одних кампаний являлись достижение мобильности и смена статусов (выдвиженцы, 25-тысячники и т. д.); функции других сводились к перераспределению (т. н. переброске специалистов или управленцев). О значении фактора смены и закрепления статусов свидетельствует то обстоятельство, что мобилизованные группы становились на определенное время социально-учетными группами (те же выдвиженцы, «парттысячники» и т. д.). Особое место занимали мобилизационные действия, направленные на снижение и утрату статусов в ходе репрессивно-дискриминационных кампаний. Здесь имела место более масштабная переполюсовка статусов, вследствие чего происходило статусное уничтожение одних страт (маргинальность) и возгонка других («низы»).

В рамках изучения мобилизационного феномена в настоящее время наиболее интенсивно исследуется сегмент идеолого-пропагандистских кампаний. Это связано с рядом обстоятельств, в том числе с тем, что данные кампании являются универсальной основой мобилизационных технологий в идеократических тоталитарных системах. Кампании указанного типа, помимо того, что они встроены в любую государственную акцию, сопровождая и обеспечивая ее, обладают функцией прямого воздействия на массовое общественное сознание, способствуя формированию и изменению стереотипов и установок, его составляющих.

Отметим прежде всего работы С.Н. Ушаковой [2001, 2009], последовательно и многосторонне изучающей идеолого-пропагандистские кампании как базовый элемент, универсальный способ социальной мобилизации 1920–1940-х гг. На разнообразном конкретно-историческом материале ею проверена рабочая гипотеза о том, что в зависимости от исторического контекста и приоритетов политического руководства страны мобилизация приобретала форму либо конфликтной, либо позитивной консолидации. Первая из названных характерна

для периодов ужесточения режима, применения чрезвычайных мер (рубеж 1920–1930-х гг., «Большой Террор»). Вторая мобилизационная модель активно применялась в середине 1930-х гг., когда власть стремилась консолидировать социум на основе создания «новых» ценностей (стахановское движение, обсуждение и принятие Конституции). В то же время исследование показало, что такое разделение не носило абсолютного характера. В каждой из кампаний, хотя и в разных сочетаниях, присутствовали оба фактора: в позитивной мобилизации проявлялись элементы конфронтационности, а дихотомия «мы – они» доминировала во всех кампаниях. Принципиально важным стал вывод о неспособности сталинской власти контролировать и консолидировать общество на позитивной основе; существование мобилизационных режимов требовало постоянного поддержания в социуме атмосферы противостояния и конфликтов, что свидетельствовало о непрочности режимов в длительной перспективе [Ушакова, 2009. С. 236–237].

Свое развитие тезис о существовании и взаимодействии в мобилизационных воздействиях двух компонентов – конфронтационного и позитивного – получил в цикле работ Н.Б. Арнаутова, посвященных формированию и функционированию образа «врага народа» в системе советской социальной мобилизации кануна и периода «Большого Террора». Автор показал, что формирование в массовом сознании картины мира, опиравшееся на бинарные конструкции типа «мы – они», наряду с актуализацией образа «врага» сопровождалось интенсивным созданием своеобразного советского пантеона «героев» – людей-символов. Среди последних центральное место отводилось образу «вождя» – ключевому элементу кампаний консолидационного типа 1930-х гг. Они же, в свою очередь, ложились в фундамент идеологической концепции патернализма («вождь» как «отец народа»). Проведенное Н.Б. Арнаутовым исследование пропагандистских кампаний обоих типов позволило на новом эмпирическом материале подтвердить вывод об их сложном переплетении и преобладании в пропаганде этого периода конфронтационного компонента в государственном терроре. При этом очевидная конфликтность двух пропагандистских установок на практике вела к закреплению в обществе позиций партийно-государственного патернализма как фундаментальной ценности, обеспечивавшей как «борьбу за...», так и «борьбу против...» Н.Б. Арнаут обосновал положение о прагматических функциях образа «врага народа» в сталинской политике: стратификационной (выделение в социуме «враждебных» социально-учетных групп и «приписывание» к ним персон) и контрольной (контроль над деятельностью и поведением различных категорий социума) [2010. С. 12].

Свой ракурс в исследовании мобилизационной проблематики нашла О.В. Шер. В центре ее анализа – социально-трудовые мобилизации периода первой пятилетки, где институты власти выступали субъектами действия, а корпорация технических специалистов (ИТР) – объектом мобилизационного воздействия. Ею обосновано положение о том, что трудовые мобилизации специалистов на «ударные стройки и объекты» являлись не просто средством решения задачи перераспределения квалифицированных кадров для отраслей экономики в условиях острейшего их дефицита. Сама эффективность

кампаний оказывалась невысокой (значительная текучесть кадров, слабая закрепляемость работников на новых местах и т. д.), однако непрерывность их проведения свидетельствовала о наличии другой, не менее приоритетной причины – добиться изменения системы мотивации труда специалистов и достижения их большей управляемости и подконтрольности. В исследовании на эмпирическом материале доказано, что «кампании по мобилизации специалистов вкупе с другими мероприятиями социально-мобилизационного процесса сыграли свою роль в трансформации технической интеллигенции в управляемую и контролируемую государством ресурсно-трудовую учетную группу» [Шер, 2009. С. 15].

Среди работ последнего десятилетия в области мобилизационной тематики, расширяющих ее границы, следует выделить исследование немецкого историка М. Рольфа [2009], посвященное феномену праздничной культуры. Он убедительно показал триединую функцию праздников (инсценировка, мобилизации и контроль) в тоталитарных системах. Как и большинство современных западных историков сталинизма, М. Рольф исходит из оценки режима как тоталитарного, наделяя его такими характеристиками, как «пропагандистское государство» и «инсценирующая диктатура» [Там же. С. 7, 11]. Отводя режиму доминирующую роль в системе социальных взаимодействий, он справедливо отмечает, что некогда привычная для исследователей дихотомия «власть – общество» оказывается весьма уязвимой в силу ряда причин: невозможность определить границы «общества»; реализованные установки оказывались нетождественны целям; эффективность властных дискурсов имела свои пределы, поскольку существовали не советизированные коммуникационные пространства, куда не проникали предписания и контроль власти, и т. д. [Там же. С. 28–29]. Несомненной заслугой М. Рольфа стало включение феномена советского праздника в широкий событийный контекст в качестве инструмента легитимации властных структур и средства интеграции различных групп социума в рамки официального канона. В своем исследовании М. Рольф убедительно показал, что советский праздник «годился как для демонстрации мобилизационных возможностей режима, так и для выполнения задач перевоспитания людей в качестве «внеклассной школы» [Там же. С. 256].

Среди новейших отечественных исследований о природе и механизмах сталинской диктатуры особое место занимает упоминавшаяся монография О.В. Хлевнюка. В ней приводятся примеры всевозможных мобилизационных действий власти, этому посвящен и отдельный подраздел главы о «Большом Терроре», названный «Мобилизация "бдительности"», где рассматривается кампания пропагандистского сопровождения реальных репрессий. Соединение террора и пропаганды в практике тоталитарных режимов вызывает особый интерес исследователей, являясь одновременно и полем дискуссий о масштабах соучастия масс в террористических акциях власти. Отмечая такие черты мобилизационной кампании, как интенсивность и агрессивность, исследователь определяет ее особое целевое назначение в подаче репрессий против номенклатуры как своеобразной антибюрократической революции, призванной «защитить» народ от произвола переродившихся управленцев,

что существенно повышало эффективность пропагандистского воздействия на «низы» при проведении т. н. показательных процессов в Центре и особенно в провинции [Хлевнюк, 2010. С. 323–327]. В какой мере массовая поддержка и активизм в форме «сигналов общественности» (доносы) влияли на динамику репрессий? О.В. Хлевнюк считает, что данные «сигналы» были фактором ограниченного действия, принципиально не влиявшим на действия репрессивной машины [Там же. С. 337]. Историк убедительно показывает, что в сформировавшейся системе власти И.В. Сталин занимал ключевое положение – центрального субъекта мобилизационных импульсов, санкционируя, дозируя и направляя все основные кампании, как репрессивные, так и консолидационные. При этом О.В. Хлевнюк подчеркивает особую природу и характер консолидации масс вокруг институтов диктатуры, закавычивая термин и сопровождая его определением «насильственная» [Там же. С. 348].

Схожие суждения высказывает в своем обзоре А.Н. Медушевский, по мнению которого модель сталинского взаимодействия власти и общества, поддерживавшаяся принуждением, т. е. механистическим путем, не могла быть развивающейся, ибо не содержала внутренних стимулов развития. Говоря о глубинных основаниях тоталитарной системы как таковой, он, приводя позицию Ф. Хайека, замечает: «система была выстроена для войны, а не для мира в обществе потребления и имела поэтому другой тип рациональности и мотивации» [Медушевский, 2010. С. 23].

И здесь как нельзя актуальными для исследователей представляются размышления о природе тоталитарных режимов в выдающемся произведении Дж. Оруэлла «1984», где в блестящей литературной форме раскрываются механизмы установления и поддержания господства в таких системах; где грани между привычными и устоявшимися понятиями «война» и «мир» стираются, а режимы применяют мобилизационные приемы для упрочения собственной гегемонии. Война (а чаще ее угроза) меняет свой привычный характер (завоевательный или оборонительный) и становится всеобъемлющим многофункциональным фактором воздействия на массы. В одном своем измерении «это – обдуманная политика: держать даже привилегированные слои на грани лишений, ибо общая скудость повышает значение мелких привилегий и тем увеличивает различия между одной группой и другой». В другом аспекте «это – социальная атмосфера осажденного города, где разница между богатством и нищетой заключается в обладании куском конины. Одновременно благодаря ощущению войны, а следовательно, опасности, передача всей власти маленькой верхушке представляется естественным, необходимым условием выживания». При этом, по Оруэллу, принципиально важно и то, что война формирует и поддерживает особое моральное состояние члена тоталитарной партии: «...его менталитет должен соответствовать состоянию войны. Не важно, идет ли война на самом деле... Нужно одно: находиться в состоянии войны» [Оруэлл, 1989. С. 150–151]. И далее Дж. Оруэлл делает основное заключение о новой функции войны для тоталитарных режимов: «Она пожирает излишки благ и позволяет поддерживать особую душевную атмосферу, в которой нуждается иерархическое общество. Ныне, как нетрудно увидеть,

война – дело чисто внутреннее... Войну ведет правящая группа против своих подданных, и цель войны – не избежать захвата своей территории, а сохранить общественный строй» [Там же. С. 156]. Тем самым и здесь оруэлловская модель становится рабочей, есть достаточно оснований считать, что сталинизм, будучи режимом военно-мобилизационного типа, существовал и воспроизводился благодаря технологиям превращения, перевода войны из геополитического события в плоскость непрерывного, поддерживаемого в структурах власти и обществе в целом мобилизационного состояния.

Один из центральных выводов, сделанных О.В. Хлевнюком, гласит, что реальный сталинизм был избыточно репрессивным [2010. С. 463]. Равным образом можно считать данный режим и избыточно мобилизационным. Будучи результативными в краткосрочном формате осуществления той или иной кампании, достижения конкретных целей, социальные мобилизации из средства преодоления кризисных ситуаций становились причиной новых, нередко еще более глубоких и системных кризисов институтов власти и социума в целом.

И.С. Кузнецов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАЛИНСКОЙ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

За последние два десятилетия появился целый ряд публикаций, где дается теоретическая характеристика «мобилизационной модели», либо в конкретно-историческом контексте рассматриваются ее отдельные аспекты [Никифорчук, 2004; Мобилизационная модель экономики..., 2009, 2012; Красильников, 2011б, 2011в; Социальная мобилизация в сталинском обществе..., 2011, 2012; Мобилизационная роль Советского государства..., 2012; Кузнецов, 2012а, 2012б, 2012в, 2013]. При этом в имеющихся работах концепт «социальной мобилизации» в наибольшей степени нашел конкретно-историческое применение при характеристике сталинских политико-идеологических кампаний. Исследование же экономических аспектов сталинской системы чаще всего базируется на таких категориях, как «командная экономика», «административно-командная система» и т. п. Это прослеживается в целом ряде обобщающих курсов и учебников по истории России XX в. (см., напр.: [Барсенков, Вдовин, 2008; Вдовин, 2011; Даниэлс, 2011; История России XX – начала XXI в., 2007; История России с древнейших времен до начала XXI в., 2006. Т. 2; История России, 2008; Кожин, 1999; Малин, 2002; Пушкарев, 2008; Саква, 2011; Хоскинг, 1994; Шумилов М.И., Шумилов М.М., 2008]).

Историкам еще предстоит фундаментально соотнести названные понятия с рассматриваемой дефиницией «мобилизационности». Как представляется, первые два понятия шире последнего: экономика СССР вплоть до его конца

имела командный характер, однако черты «мобилизационности» в послесталинский период, видимо, носили рудиментарный характер.

В наиболее концентрированном виде концепт «мобилизационной экономики» нашел выражение на двух всероссийских научных конференциях «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века» (Челябинск, 2009, 2012 гг.). При этом рядом участников названных форумов подчеркивались оправданность и эффективность мобилизационной модели, причем эти ориентиры порой приобретали черты апологетики. Характерным примером такого рода подходов являются суждения профессора Челябинского государственного университета В.В. Седова. Так, в докладе на пленарном заседании конференции 2009 г. он утверждал: «Мобилизационная экономика действительно предстает как экономика чрезвычайных обстоятельств. В СССР мобилизационная экономика стала формироваться в конце 1920-х гг. в ответ на угрозу нападения извне». По его мнению, такого рода экономику отличают следующие признаки:

1. Наличие угрозы существования общества как целостной системы и ее осознание руководителями государства.

2. Постановка руководителями государства цели, заключающейся в устранении этой угрозы или противодействии ей.

3. Разработка государственного плана или программы достижения поставленной цели.

4. Организация соответствующими органами действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения плана или программы».

Далее В.В. Седов декларировал: «Мобилизационности, как сознательно осуществляемой деятельности людей, присущ ряд характерных принципов:

- Принцип главного звена. Он предполагает концентрацию ресурсов в том звене экономической системы, от которой зависит успех противодействия нависшей над системой угрозе, в том числе за счет их изъятий из других менее важных, с точки зрения достижения поставленной цели, звеньев экономики.

- Принцип достижения цели любой ценой и преимущественное использование в этой связи неэкономических методов воздействия на тех, от кого зависит достижение цели.

- Принцип командности. Он предполагает то, что все субъекты экономики представляют собой единую команду, совместно решающую общую задачу.

- Принцип дискретности. Мобилизационность не может быть постоянно существующим явлением. Если достижение поставленной цели затянулось во времени, то неизбежно ослабление мобилизационности в силу возникновения у вовлеченных в нее людей определенной усталости.

- Принцип сознательности. Необходимость мобилизационности и связанных с ней жертв ради противодействия нависшей над системой угрозе должна осознаваться вовлеченными в нее субъектами. В этом случае данный принцип способен противодействовать предыдущему и мобилизационность в обществе может поддерживаться относительно долго».

В рассматриваемом докладе исторический контекст «мобилизационной модели» характеризовался следующим образом: «...Хотя социализм не предполагает мобилизационную экономику как свою основу, но в данных историче-

ских условиях произошло взаимное наложение мобилизационности и социализма. Они оказались настолько тесно связанными и дополняющими друг друга, что есть все основания говорить о возникновении в СССР "мобилизационного социализма". Родовой основой советского "мобилизационного социализма" стал общинный дух, господствовавший в деревне, сохранившийся и среди городского населения <...> Не мобилизационность явилась результатом утвердившихся командных методов, а наоборот, командной экономика стала под воздействием мобилизационности».

В интерпретации В.В. Седова роль «мобилизационной модели» в отечественной истории XX в. выглядела следующим образом: «Современные критики сталинизма, давая разгромные характеристики построенной в 1930-е гг. в СССР экономике, сами по существу ничего не предлагают в качестве альтернативы. Речь идет о той альтернативе, которая позволила бы стране победить германский фашизм и японский милитаризм, обеспечить целостность и независимость страны. <...> Мобилизационность советской экономики пришлось поддерживать и после окончания войны. <...> Сохранение мобилизационности позволило быстро восстановить разрушенное войной народное хозяйство <...> Однако и после восстановления разрушенного войной хозяйства мобилизационный характер советской экономики сохранялся, т. к. возникла новая военная угроза для страны» [Мобилизационная модель..., 2009. С. 7–8].

Сходные позиции на той же конференции сформулировал д-р ист. наук, сотрудник Института российской истории РАН А.С. Сенявский. В дополнение к ранее приведенным суждениям он утверждал, что высокая эффективность мобилизационной модели сохранялась и в последующие десятилетия послевоенной истории. Докладчик пришел к выводу: «Советская модель развития обеспечила переход к индустриальному обществу. Но к постиндустриальному, точнее – новой стадии индустриального СССР перейти не успел. В чем причины? В том, что эта модель стала тормозом и не позволила? Или дело в конкретных управленческих решениях, которые оказались некомпетентными? Думаю, что верно именно второе. Потенциал советской системы не был исчерпан» [Там же. С. 22–31].

В еще большей мере отмеченные тенденции в трактовке мобилизационной модели проявились на следующей всероссийской конференции по данной теме (Челябинск, 2012 г.). С заглавным докладом на ее пленарном заседании выступил В.В. Седов, который, не ограничиваясь дифирамбами в адрес «сталинской экономики», декларировал: «В последующем мобилизационная экономика обеспечила довольно высокий уровень производства потребительских благ, прежде всего продуктов питания. Об этом свидетельствуют данные за 1989 г., которые можно считать завершающим годом существования мобилизационной экономики» [Седов, 2012. С. 9].

Более того, в докладе обосновывалась неизбежность реанимации мобилизационной модели для решения проблем современной России. По этому поводу В.В. Седов утверждал: «...Состояние экономики и характер угроз будущему страны обуславливают необходимость обращения к опыту формирования мобилизационной экономики в 30-е гг. прошлого века. Именно мобилизацион-

ность предстает как необходимый фактор перевода экономики России с ресурсно-сырьевого на инновационный путь развития...» [Там же. С. 13].

Известно, что в последнее время отмечаются факты прямой апологетики сталинской системы. Так, скандальную известность получила формула в учебном пособии А.В. Филиппова «Сталин – эффективный менеджер» [2006. С. 35]. Имеют место и отдельные попытки позитивной оценки наиболее одиозного сегмента сталинской модели – системы принудительного труда. Наиболее ярким примером такого рода является рецензия канд. ист. наук, сотрудника Института истории СО РАН А.И. Тимошенко на книгу о строительстве железнодорожной магистрали Салехард–Игарка [Гриценко, Калинин, 2010].

Излагая содержание названного сочинения, она так характеризует положение подневольных строителей этой магистрали: «Заклученные и их охранники жили вместе <...> даже питались и одевались одинаково. К заключенным, как работникам тяжелого физического труда, отношение было иногда лучше, чем к их охранникам. За определенные достижения им положено было давать спирт и горячие булочки. Правда, затем с разворачиванием строительства, ростом числа заключенных, среди которых были настоящие уголовники, способные на различные нарушения режима, обстоятельства жизни ужесточились, но не настолько, чтобы нормальный, адекватный человек не мог в них выжить» (см.: Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 101–102).

Вряд ли такого рода «оригинальные» суждения заслуживают особых комментариев. Однако все это, как представляется, должно стать определенным напоминанием о том, что оправданное стремление преодолеть однозначные оценки сталинского периода не должно приводить к забвению очевидных фактов. Видимо, «нормальный, адекватный человек» все же должен хорошо понимать, какова была цена относительной «эффективности» сталинской мобилизационной модели.

Думается, что подобного рода вольная или невольная апологетика сталинской мобилизационной системы игнорирует ее фундаментальные негативные аспекты. В такой интерпретации известные системные параметры сталинского режима уходят на задний план или вообще как бы «забываются». Между тем достаточно очевидно, что мобилизационная модель в ее сталинском варианте подразумевала не просто «концентрацию всех ресурсов на основных направлениях» и т. п. Понятно, что она предполагала необъятный государственный террор и запредельно низкий жизненный уровень основных масс населения. Главным «ресурсом» мобилизационной системы была имевшаяся у нее возможность небывалой, не имеющей аналогов в истории нашей страны и других государств, концентрации ресурсов на приоритетных направлениях за счет предельного ограничения сферы жизнеобеспечения. Очевидно, что такой вариант экономического развития, в свою очередь, был возможен лишь в определенных исторических условиях и при невероятной ментальной и физической выносливости нашего народа.

В большинстве же современных исторических исследований преобладают негативные оценки «сталинской экономики». При ее характеристике, как правило, подчеркиваются издержки «суперцентрализации», чрезмерная «цена»

всех известных достижений той эпохи, гипертрофированная роль репрессивных механизмов и т. п. Однако в большинстве случаев концепт «мобилизационной экономики» не нашел применения, хотя используемые дефиниции весьма близки к нему.

Такие ориентиры прослеживаются в наиболее обобщающей историографической работе о сталинизме – книге Дж. Кипа и А. Литвина [2009]. Напомним, что первый из авторов – профессор университета в Торонто (в настоящее время проживает в Швейцарии), второй – профессор Казанского университета. В названном труде фигурирует раздел «Командная экономика», написанный Дж. Кипом (с. 47–49), однако, к сожалению, он чрезвычайно лаконичен и не отличается четкостью. В сущности, здесь отсутствует концептуальная характеристика «сталинской экономики», преобладает набор расхожих штампов как некая очевидность и не отражена дискуссионность многих вопросов.

В названном разделе высказывается следующее утверждение: «Главным делом высокопоставленных партийных и правительственных чиновников было руководство командной ("плановой") экономикой. На головы несчастных провинциальных функционеров и руководителей предприятий обрушивался поток приказов, циркуляров и директив из Москвы. Почти все эти люди всеми силами старались их исполнить, по крайней мере, сознавая, что в противном случае последуют неприятности, но такое послушание нередко сопровождалось и хитрыми увертками: накоплением неучтенных денежных средств или фальсификацией статистических данных...» [Там же. С. 47].

Далее сообщается: «Пол Грегори и отдельные британские специалисты британской школы обратились к архивным материалам, чтобы выяснить, насколько ныне доступные источники подтверждают бывшие интерпретации. <...> Яснее, чем прежде, вырисовывается бесконечная закулисная борьба между разными учреждениями за планируемые приоритеты и размещение средств. Верховным судьей в этих распрях был Сталин. <...> Принятие решений было чрезмерно централизованным, и бюрократы в центре с трудом удерживали ситуацию под контролем: нередко они получали искаженные сведения о ситуации в подчиненных им регионах или на предприятиях...» [Там же. С. 48].

Как представляется, в приведенных суждениях правильно отмечаются хорошо известные пороки сталинской системы управления экономикой. Однако из соответствующего раздела невозможно почерпнуть какие-либо сведения об эффективности данной системы, конечных результатах экономического развития и их «цене».

На сегодняшний день наиболее обобщающая характеристика сталинской экономической системы дается в монографии известного специалиста в области экономической истории Пола Грегори «Политическая экономия сталинизма» [2008]. Автор – президент Ассоциации сравнительных экономических исследований, руководитель проекта исследования советских государственных и партийных архивов в Гуверовском институте Стэнфордского университета. Исследование выполнено на стыке экономики, истории и политологии.

Названная работа впервые была издана в Нью-Йорке в 2004 г., в России она вышла в серии «История сталинизма».

Следует подчеркнуть, что в своем анализе «политической экономики сталинизма» П. Грегори в качестве основной дефиниции применяет понятие «административно-командная система». Он следующим образом характеризует функционирование данной системы: «На каждом уровне начальник был диктатором по отношению к подчиненным, так же как и начальник начальника по отношению к первому. Административно-командная система состояла из множества диктаторов разных уровней, и каждый из них терзал своих подчиненных как мог. Иерархическая диктатура – это главное следствие делегированных полномочий, различия в целях и неравномерного распределения информации между начальством и подчиненными. Каждый начальник сталкивается с нежеланием подчиненных сотрудничать и с лживостью подчиненных, от которых можно было добиться положительных результатов лишь силой. В одиночку диктатор мог применить силовое воздействие лишь в крайне незначительных размерах. Каждому диктатору требовались мини-диктаторы, которые бы подчинялись ему и могли бы применить силу для того, чтобы добиться выполнения инструкций на более низких уровнях» [Там же. С. 339–340].

Подчеркивая издержки «суперцентрализации», автор отмечает: «Диктатор оставлял за собой право изменения любого решения, неважно, насколько мелкого, и в конечном итоге все вопросы попадали на стол диктатора – Сталина, Политбюро или наркома, или регионального партийного руководителя. <...> Тот факт, что партия позволила себе плескаться в болоте мелочных решений, предполагает либо отсутствие какого-либо понимания происходящего, либо же, наоборот, четкое осознание того, что именно право принимать решения по повседневным вопросам и являлось источником власти партийного руководства» [Там же. С. 342–343].

Через всю книгу красной нитью проходит тезис о неэффективности бюрократической, иерархической системы управления экономикой. В частности, П. Грегори утверждает: «...Сталин и Политбюро могли лично принимать до смешного малое количество решений. В 1930-е годы Политбюро непосредственно принимало и реализовывало решения по трем группам вопросов: о распределении капитальных вложений, о распределении валютных фондов и о хлебозаготовках. Остальные решения принимались подчиненными. <...> Таким образом, иерархическая диктатура представляла собой поле битвы между начальством и подчиненными, в которой начальник (диктатор) применял силу и принуждение по отношению к своим подчиненным, чтобы ограничить их оппортунистическое поведение. Диктаторы (подчеркнем здесь множественное число) навязывали своим подчиненным приказы, разработанные на основе неполной и неточной информации, а подчиненным приходилось сталкиваться с целой лавиной беспорядочных, недоработанных и сомнительных инструкций, за выполнение которых они несли личную ответственность» [Там же].

Общая оценка сталинской экономики в рассматриваемом труде преимущественно негативная. Так, автор указывает: «...Возникшее равновесие было малоэффективным. Практически все экономические приказы были основаны

на принципе, что хозяйственная деятельность в этом году будет примерно такой же, как и в прошлом, с учетом лишь незначительных поправок. Многочисленные дисбалансы решались посредством вмешательства и произвольных решений тысяч диктаторов, наделенных властью вносить изменения. Не существовало никаких общих правил, так как они мешали бы руководителям реализовывать свое право на интервенции. Единственное, что держало систему вместе, – это имплицитная система приоритетов, обеспечивающая некое подобие порядка. По сути, советская система оставалась замороженной, в то время как экономика других стран развивалась» [Там же. С. 341].

В работе П. Грегори не применяется концепт «мобилизационности». Однако из сказанного со всей очевидностью следует, что в период сталинизма «командная экономика» носила мобилизационный характер, в последующие же десятилетия «мобилизационность», видимо, все более утрачивалась. В этом контексте негативные аспекты «сталинской экономики», столь детально и убедительно вскрытые в рассматриваемом фундаментальном труде, получают более адекватное объяснение. «Сверхцентрализация» и другие подобные системные характеристики выглядят абсурдными и иррациональными по меркам «нормальной» рыночной экономики. Однако при этом автор совершенно «забывает», что соответствующие экономические задачи решались в стране, совершавшей «модернизационный рывок» в условиях нараставшей военной угрозы. Таким образом, отсутствие в книге П. Грегори концепта «мобилизационности», как представляется, серьезно снижает научную ценность данного труда.

Сходные подходы прослеживаются в новейшем труде профессора из университета Кента (Великобритания) Ричарда Саквы, который, помимо прочего, вводит понятие «ложной модернизации». Он, в частности, утверждает: «Хотя формально Сталин модернизировал Россию, характер этой “модернизации” весьма сомнителен. <...> При Сталине и его преемниках общество и экономика становятся относительно развитыми, но картина советской индустриализации и модернизации в целом была искаженной. Это был пример ложной модернизации, которая подражала моделям развития передовых индустриальных обществ, но которой недоставало фундаментальных динамичных элементов, позволявших развиваться таким обществам» [2011. С. 99–100].

Как представляется, более историчной является характеристика сталинской экономической модели в работе известного американского автора Мартина Малиа. Анализируя становление этой модели, он отмечает: «Итак, появилась новая форма организации производства и распределения – безрыночная денежная экономика. Эта формула уже отличалась от первоначальных принципов “военного коммунизма”. При “военном коммунизме” существовала бюрократическая централизованная экономика (по крайней мере на бумаге), но не было никакого плана и почти отсутствовали деньги. В сталинской же системе присутствовали и планирование, и деньги. Эта новая система была явно несовместима с мировой экономикой. Поэтому рубль оставался неконвертируемым, чтобы не допустить в страну рыночные силы извне. На первое время изоляция дала то преимущество, что стало возможно усиление государственного контроля над всеми процессами во внутренней экономике.

В дальней перспективе это изолирует СССР от стимулирующего влияния развивающегося внешнего мира и окажется в конечном итоге одной из причин упадка системы» [Малиа, 2002. С. 231].

В рассматриваемой работе обращается внимание еще на одну важную особенность сталинской экономической модели: «Было и еще одно отличие сталинской системы от первоначального "военного коммунизма" – ставшее очередной аномалией нового строя. На самом деле рынок сохранился и в условиях планирования. Во-первых, существовали легальные колхозные рынки. Во-вторых, работал нелегальный "черный рынок", который позднее получил название "теневой экономики". Объем этой "второй экономики", как ее называли, был велик, хотя и точно не известен. Частично обмен осуществлялся с помощью денег, а частично в форме оплаты товаров политическими привилегиями. Но независимо от формы оплаты легальная плановая экономика не могла работать без своего теневого двойника. Он был нужен и директорам фабрик, и простым потребителям, чтобы попросту выжить. Загнав эти ничем не заменимые экономические силы в подполье, система ослабила собственную органическую систему. И этот фактор тоже в конечном итоге вызовет внутренний распад сталинской командной экономики» [Там же. С. 232].

Весьма важно, что М. Малиа, в отличие от ранее названных аналитиков, рассматривает сталинскую экономическую модель в широком контексте российской истории. Автор указывает: «...Если мы отойдем от зыбких аналогий и уделим большее внимание сопоставлению реальных фактов, станет ясно, что у "революции сверху" сталинского титанического масштаба прецедента не было ни в России, ни, если уж на то пошло, нигде в мире. И Иван Грозный, и Петр Великий действовали в условиях государства всеобщей служилой повинности. Страну без естественных границ, с бедным сельскохозяйственным потенциалом и ничтожно малым городским населением принуждали к всеобщей мобилизации как материальных, так и людских ресурсов, с тем, чтобы сохранить ее в качестве независимой общности...» [Там же. С. 242].

Из числа отечественных публикаций на сегодняшний день наиболее обобщающий характер носит «Экономическая история мира» в шести томах, выпущенная Институтом экономики РАН [2008]. Интересующий нас период рассматривается в разделе «Экономика советского государства в период между мировыми войнами», где выделен подраздел «Хозяйство страны в годы довоенных пятилеток» [Т. 4. С. 65–82]. К сожалению, его теоретический уровень оставляет желать лучшего: здесь не прослеживается общая концепция «сталинской экономики», а ее характеристика преимущественно ограничивается известным набором либерально-монетаристских штампов. Из конкретных положений рассматриваемого труда отметим приводимые в нем данные о масштабах принудительного труда в сталинский период: «По существующим оценкам, к концу второй пятилетки в лагерях находилось до 10–15 млн заключенных, т. е. до 20–25 % всех занятых материальном производстве» [Там же. С. 74]. Приводимые в данном случае показатели не подтверждаются какими-либо источниками или расчетами.

Кроме того, в рассматриваемом труде дается оценка итогов сталинской

индустриальной модернизации 1930-х гг. В нем утверждается: «До недавнего времени было принято считать, что к концу второй пятилетки СССР обогнал все индустриальные страны Европы по объему промышленного производства и вышел по этому показателю на 1-е место в Европе и 2-е место в мире. Впереди были только США. По оценкам современных исследователей, промышленность СССР оставалась только на 5-м месте после США, Германии, Великобритании и Франции (так же, как и промышленность царской России в начале века). Сократился только разрыв» [Там же]. Представляется, что такой фундаментальный вывод заслуживал более исчерпывающего обоснования, – ведь итоговые данные и являются наиболее объективным показателем эффективности сталинской мобилизационной модели.

Из числа обобщающих курсов отечественной истории концептуальная характеристика «сталинской экономики» дается в «Истории России с древнейших времен до начала XXI в» [2005]. В ней, в частности, утверждается: «К концу 30-х гг. репрессивно-командная система хозяйствования, или экономика власти, окончательно складывается. В отличие от экономики потребления, она была направлена не на удовлетворение потребностей людей, а на поддержание тоталитарной политической системы. Ее главные особенности – нерыночный характер, внеэкономическое принуждение к труду, игнорирование закона стоимости, подчинение хозяйственных процессов политическим интересам правящей элиты, ориентация народного хозяйства на достижение политических, а не экономических результатов, упор на экстенсивный экономический рост, невозможность или крайняя затрудненность легального проявления личной инициативы. <...> Насильственное разрушение основ рыночной экономики в виде революционной экспроприации собственности и уничтожения конкуренции привело к сверхмонополизации хозяйства и в конечном итоге – тупику» [Т. 2. С. 583]. Думается, что фигурирующая в данном случае концептуальная новация – «экономика власти» вполне укладывается в концепцию «мобилизационной экономики».

Попытка оценить сталинскую экономическую систему в широком историческом контексте предпринята в работе А. Ахиезера, И. Клямкина и И. Яковенко [2013]. Как и в большинстве рассматриваемых трудов, понятие «мобилизационная экономика» здесь не применяется, хотя фигурирует выражение «предельное мобилизационное напряжение». При этом реализованная в работе концепция вполне соответствует конструкту «мобилизационности», что проявляется в особом внимании авторов к аспекту милитаризации и образу «осажденной крепости». Характерно, что в части четвертой этой книги фигурируют разделы «Милитаризация и сакрализация» и «Милитаризация и модернизация».

Оценивая эффективность сталинской экономической системы, авторы приходят к выводу о незавершенном и тупиковом характере модернизации 1930-х гг. В книге, в частности, утверждается: «Что касается индустриальной модернизации, то к ее результатам можно отнести создание советской тяжелой промышленности и советского военно-промышленного комплекса, доказавшего свою жизнеспособность во время Отечественной войны, а также превращение СССР

в ядерную сверхдержаву. Однако в стратегическом плане эта модернизация оказалась столь же тупиковой, как и воплощенный общественный идеал. <...> Третья отечественная индустриальная модернизация, осуществленная в 30-е гг. XX в., разумеется, отличалась от двух предыдущих, проводившихся при Петре I и последних Романовых. Она отличалась уже тем, что сопровождалась не консервированием, как раньше, а беспрецедентной насильственной ломкой традиционного сельского уклада, затронувшего подавляющее большинство населения страны. Но одновременно она воспроизводила в предельно утрированном виде их главный дефект: перенесение заимствованных зарубежных технологий в социально-экономическую среду, в которой отсутствовали или были крайне неразвиты субъекты инноваций. Заимствования означали интенсификацию, но лишь временную и ситуативную, не имевшую продолжения и не стимулировавшую появление внутренних источников для него. <...> Поэтому сталинская модернизация оказалась не только незавершенной, но и тупиковой...» [Там же. С. 369].

Аналогичная попытка широкого исторического взгляда на сталинскую экономическую модель прослеживается и в статье известного специалиста по истории отечественного феодализма, профессора Санкт-Петербургского университета А.Ю. Дворниченко. В качестве основной системной характеристики, применимой к различным этапам российской истории, здесь используется понятие «государственно-крепостнический строй» (ГКС). Автор приходит к следующим выводам: «Власть большевиков означала не что иное, как возрождение ГКС, правда, в еще более жестком варианте. Пожалуй, главные отличия между двумя разновидностями крепостнического строя лежали в области идеологии (призыв уничтожить "эксплуататорские классы") и экономике (стремление к ее тотальному огосударствлению). Советский вариант ГКС воспроизвел и другие черты своего "дореволюционного" предшественника, и прежде всего крепостное право. Правда, существовало и определенное различие в двух вариантах ГКС: советский использовал в неизмеримо больших размерах труд людей, лишенных всяких прав – заключенных, фактически рабов. <...> Будучи способным сосредоточить материальные и людские ресурсы и направить их к намеченной цели, при советском ГКС в короткое время удалось добиться того, что не могло быть осуществлено в эпоху его самодержавной разновидности» [Дворниченко, 2012. С. 138]. Впрочем, представленная в рассматриваемой статье картина, хотя и лежит в русле формирующегося ныне концепта «советского традиционализма», отличается некоторым схематизмом, недостаточно отражает историческую специфику интересующего нас периода.

Как представляется, широкое распространение в современной историографии концепта «мобилизационности» имеет и некоторые издержки: порой это понятие начинает терять свою историческую определенность, приобретает расплывчатый, неконкретный характер. Так, в обобщающем труде Института российской истории РАН применительно к отечественной истории до середины XIX в. фигурирует следующее положение: «...В стране, вынужденной в силу природных условий существовать в режиме мобилизационной эконо-

мики...» [Российская империя..., 2011. С. 855]. Думается, что в строгом смысле слова концепт «мобилизационной системы» все же правомерно применять преимущественно к сталинскому периоду, хотя, разумеется, определенные элементы «мобилизационности» обнаруживаются и на определенных этапах предшествующей истории.

Большинство авторов, характеризующих сталинскую экономическую модель, ограничивается указанием на ее органические пороки и лишь некоторые из них задаются вопросом об альтернативах исторического развития. Одним из первых эту проблему поставил О. В. Хлевнюк в коллективном труде «Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал» (1997). В разделе «Развернутое наступление социализма по всему фронту», написанном им совместно с Р.У. Дэвисом, утверждалось: «Огромная цена, заплаченная за "модернизацию" по-сталински, настоятельно требует ответить на вопросы, насколько она была неизбежна, существовали ли иные варианты "генеральной линии". <...> Существует много причин ответить на такой вопрос утвердительно. <...> Есть, однако, и другое мнение: реальный сталинизм был "избыточно" террористичен <...> Даже в рамках стратегии, избранной сталинской группировкой в конце 20-х гг., существовали различные, в том числе менее террористические и умеренные варианты реальной политики <...> Утверждение сталинской системы отнюдь не напоминало шествие победителей, а походило скорее на тяжелые, изнурительные бои с более слабым, но отчаянно сопротивляющимся противником» [Советское общество..., 1997. Т. 1. С. 165].

Помимо наиболее общих концептуальных положений, в рассматриваемом труде затрагивается важнейший вопрос о финансовом аспекте сталинской модернизации. Названные авторы задаются вопросом: «...Были ли коллективизация и изъятие (средств из сельского хозяйства. – И. К.) сколько-нибудь действенным средством перекачки ресурсов в индустриализацию?» По этому поводу отмечается: «До начала 70-х гг. почти все западные историки полагали, что сельское хозяйство являлось основным источником труда и капитала для индустрии и что коллективизация была решающим, хотя и бесчеловечным механизмом достижения этой цели. <...> В 1969 г. эта точка зрения, разделяемая большинством западных авторов, была резко отвергнута советским экономистом А.А. Барсовым. Изучая обширный статистический материал (главным образом в экономическом аспекте), автор утверждал, что в 1928–1932 гг. условия обмена между городом и деревней не ухудшились, а в 1933–1937 гг. даже улучшились. (Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969) <...> В брежневском СССР, в специфических условиях "застоя" книга Барсова воспринималась как своего рода официоз. Она не получила широкой поддержки среди западных ученых. В настоящее время дискуссия утратила злободневность. Теперь уже нет былых споров о последствиях коллективизации сельского хозяйства СССР. <...> Она, несомненно, была действенной частью сталинского механизма индустриализации» [Там же. С. 153–154]. Представляется, что в настоящее время данное положение воспринимается как излишне категоричное, а баланс стоимостных об-

менов между аграрным и индустриальным сегментами советской экономики нуждается в дальнейшем изучении.

Концептуальные подходы, сформулированные в 1997 г., нашли развитие в последующих трудах О.В. Хлевнюка. В частности, в его новейшем труде подтверждается тезис об «избыточной репрессивности» сталинского режима [2010. С. 461] и утверждается, что «большевикам, а затем Сталину противостояла большая часть населения страны» [Там же. С. 446–447]. В частности, автор приходит к следующему выводу: «Реальный сталинизм был избыточно репрессивным. Только такая исключительно богатая ресурсами и населением страна, как СССР, могла выдержать модернизацию в сталинском варианте, оплатить, мягко говоря, “затратные” социальные и экономические эксперименты, и даже получить на выходе видимые результаты. Насущная задача модернизации решалась бы более действенно и с меньшими жертвами без Сталина».

Определенная историческая правомерность и вместе с тем конечная бесперспективность сталинской мобилизационной системы обосновываются в работе А.Г. Вишневого «Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР» (1998). В разделе «Мобилизационная экономика: план против рынка» данная система характеризуется следующим образом: «Если бы она рассматривалась просто как временный инструмент мобилизации на период “большого скачка”, против этого трудно было бы что-либо возразить. <...> На ранних этапах индустриализации СССР, пока отраслевая и организационная структура экономики была сравнительно слабо развита <...> прямое планирование производства в натуральной форме было еще возможно. Издержки подобного метода управления экономикой до поры до времени гасились выгодами централизованного накопления ресурсов и сосредоточения их на бесспорно главных по тем временам направлениях развития – на создании базовых отраслей развития. <...> Когда же эти отрасли были созданы и экономика стала быстро развиваться на своей собственной промышленной основе, вся хозяйственная система стала настолько сложной, ее внутренние связи – настолько разветвленными, что их контроль из единого центра стал практически неосуществимым» [Вишневский, 1998. С. 51–52].

В следующей своей работе автор приходит к выводу: «...Различия указывают на незавершенность экономической модернизации в СССР, однако если бы дело было только в этих количественных различиях, вопрос о завершении модернизации был бы относительно простым. Гораздо серьезнее дело обстоит с качественными отличиями от западных экономик, которые указывают на противоречивость самой советской модели модернизации. Она позволила ценой огромных усилий создать современный производственный аппарат, подобный западному, и в этом смысле многие важнейшие этапы модернизации пройдены, они уже позади. Однако по самой своей природе мобилизационная, централистская советская модель модернизации не была ориентирована на создание главного механизма саморазвития и саморегулирования современной экономики – рынка, без чего вся экономическая система оставалась неэффективной, застойной» [Вишневский, 2005. С. 32–33].

В большинстве современных публикаций сталинская экономическая политика 1930-х гг. рассматривается как выражение определенной экономической модели. Иной подход прослеживается в монографии Г.И. Ханина. Григорий Исаакович Ханин – экономист из Новосибирского академгородка, который всегда проявлял большую самостоятельность, в т. ч. по отношению к могущественной в позднесоветский период «школе Аганбегяна». В начале 1990-х гг. немалый резонанс вызвали работы названного автора о динамике экономического развития СССР. В связи с этим следует напомнить, что вопрос о достоверности советской экономической статистики десятилетиями обсуждался на Западе не только историками, но и аналитиками ЦРУ. Г.И. Ханин оспорил общепринятый показатель о росте ВВП в 90 раз за советские годы и пришел к выводу о десятикратном завышении этой цифры. Это, по его данным, достигалось прежде всего посредством манипулирования оптовыми ценами (они носили чисто условный, директивный характер), поэтому более достоверными являются не стоимостные, а натуральные показатели (скажем, количество произведенных станков, тракторов и т. п.).

В своей книге Г.И. Ханин дает следующую картину экономической динамики СССР в 1930-е гг.: «Отсутствие прогресса в повышении эффективности производства в 1929 и 1930 гг. и резкое снижение ее в 1931–1932 гг. явились решающими факторами, вынудившими государственное руководство отказаться – под угрозой срыва намеченного плана социалистического строительства – от предполагавшегося относительно гармоничного развития экономики и пойти в условиях уменьшения национального дохода в первой пятилетке на резкое (с 15 % в 1928 г. до 40 % в 1931 г.) повышение удельного веса фонда накопления в национальном доходе и резкое снижение жизненного уровня населения. Оказалось невозможным обеспечить намечавшиеся капитальные вложения в промышленность за счет внутрипромышленных накоплений и пришлось пойти на перекачку их из сельского хозяйства» [Ханин, 1991. С. 179]. Как видим, в данном случае известные черты экономического развития СССР в 1930-е гг. не связываются с факторами системного порядка, что вряд ли является достаточно убедительным.

Таким образом, в настоящее время концепт «мобилизационной системы» следует признать одной из наиболее перспективных теоретико-методологических и историографических новаций. Вместе с тем в настоящее время этот конструкт нашел результативное применение прежде всего при изучении политико-идеологических аспектов сталинской системы. В исследованиях «сталинской экономики» на сегодняшний день в большей мере преобладают такие устоявшиеся дефиниции как «командная экономика», «административно-командная система» и т. п. Использование же категории «мобилизационности» для интерпретации экономических аспектов сталинизма не всегда является удачным. В ряде случаев такое рода понятийное новшество носит формальный характер, порой же оно дает импульс для апологетики сталинской системы.

Раздел 2

СОЦИАЛЬНО-КАДРОВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ

Л.И. Пыстина, О.В. Шер

МОБИЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)

Феномен социально-трудовых мобилизаций различных групп социума имеет глубокие корни в истории нашего общества. Мобилизационный тип развития (МТР) многими современными исследователями (историками, экономистами, политологами, философами) рассматривается в качестве одной из существенных характеристик Российской (Русской) цивилизации [Фонотов, 1993, 2010; Пахомов, 2007; Кульпин, 2008; Морозов, 2011; и др.]. МТР являлся основным способом решения проблем, связанных с необходимостью ускоренного развития и модернизации социально-экономических институтов российского общества, устойчиво воспроизводился на протяжении всей российской истории. Модернизационные преобразования в постреволюционной России 1920–1930-х гг. также имели очевидный мобилизационный характер. В эти годы было апробировано несколько вариантов командно-административной системы: модель «военного коммунизма», затем более гибкая и эффективная – новой экономической политики, затем наиболее жесткая и беспощадная модель сталинской мобилизации, просуществовавшая до середины 1950-х гг. [Галкин, 1990. С. 26].

Важная роль в процессе модернизационных преобразований принадлежала интеллигенции, являвшейся связующим звеном в основных сферах деятельности – социальной, научной и производственной (индустриальной и аграрной). После революции едва ли не самой востребованной новой властью профессиональной группой оказалась техническая интеллигенция. «Буржуазные специалисты», в массовом порядке привлеченные на службу в органы управления, на промышленные предприятия, транспорт и т. д., в 1920-е гг. составляли ядро, основу квалифицированной части ИТР и всей научно-технической интеллигенции. В конце первой – начале второй пятилетки представители старой технической интеллигенции как бы «растворились» в многочисленном пополнении «красных» специалистов и рабочих-выдвиженцев, прошедших ускоренную подготовку на различных курсах.

Политика власти в отношении интеллигенции в послереволюционные годы носила сугубо прагматический характер. Главными задачами, решавшимися при этом, были: максимально широкое привлечение специалистов старой школы к работе на благо советского общества и организация наиболее эффективного применения (использования) их опыта и знаний. Весьма распространенным и устойчивым в партийно-профсоюзных кругах и рабочей массе было представление (убеждение) о временном характере этой политики ис-

пользования «старых» кадров в советском народном хозяйстве и культуре: они нужны, без них не обойтись, потому что нет «своих» и «пока нет своих».

Формирование новой «народной» интеллигенции, органично встроенной в систему социально-экономических и политических отношений советского общества, происходило в течение практически всего межвоенного десятилетия (1921-1941 гг.). Одновременно шел как объективный, так и целевым образом осуществляемый властью процесс маргинализации т. н. старых специалистов («спецов»).

В 1920-е – начале 1930-х гг. в партийно-государственной политике по отношению к технической интеллигенции выделялись две тенденции, которые, с одной стороны, противостояли друг другу, а с другой – были тесно связаны и взаимозависимы. Одна выражалась в выработке комплекса мер по созданию относительно высокого уровня материального обеспечения специалистов, сохранению за ними определенных льгот и привилегий, а другая – в стремлении к социально-правовым ограничениям и дискриминации их как представителей «чуждых слоев» старого общества. В зависимости от того, какие экономические, политические и социальные задачи стояли перед властью в тот или иной период, одна из этих тенденций преобладала, но обе они присутствовали во всех вариантах модернизационно-мобилизационной системы советского государства.

В годы Гражданской войны, эпоху «военного коммунизма» задача использования специалистов в работе хозяйственных органов и на производстве решалась государственными структурами преимущественно внеэкономическими мерами. В условиях, когда большевикам приходилось не только решать проблемы удержания собственной власти и урегулирования наиболее острых социальных конфликтов, но и защищать территориальную целостность государства, сложилась такая специфическая система, когда военно-фронтовой опыт транслировался во все сферы жизни общества и активно применялся для решения социально-экономических задач. Это проявлялось в милитаризации социальных механизмов, в т. ч. и труда.

Введение трудовой повинности для всего взрослого населения и прежде всего для «нетрудовых слоев» объяснялось необходимостью применения радикальных мер для спасения страны в условиях хозяйственной разрухи, усилившейся интервенции и Гражданской войны [Коган, 1998. С. 129]. Декрет СНК «Об учете и мобилизации технических сил республики» от 19 декабря 1918 г. явился первым в череде государственных директив о принудительном привлечении к труду лиц интеллигентских профессий. В 1920–1921 гг. была издана целая серия декретов о трудовой мобилизации разных профессиональных групп интеллигенции – художников, специалистов по сельскохозяйственному строительству, воднотранспортного дела и т. д. [Национализация промышленности..., 1960. Т. 2. С. 251]. С лета 1920 г. началась милитаризация предприятий, в ходе которой учреждения и предприятия, бесперебойная работа которых признавалась государственной необходимостью, объявлялись мобилизованными, а служащие этих предприятий – военнообязанными; они лишались права оставить службу по собственному желанию, закрепляясь, таким

образом, на рабочем месте (Декреты советской власти. М., 1978. Т. 2. С. 320). Для организации учета в декабре 1918 г. при научно-техническом отделе ВСНХ было создано Главное бюро, а при губернских совнархозах – губернские бюро учета и распределения технических сил (БУРТС). К августу 1919 г. Главное бюро в различных наркоматах зарегистрировало 29 122 специалиста науки и техники. В 1920 г. на учете Главного бюро состояло 50 275 специалистов, среди них 9 287 работников транспорта и строительства, 8 234 – электротехнической промышленности, 5 123 – химической, 3 253 – горно-металлургической, 19 626 специалистов сельского хозяйства [Федюкин, 1972. С. 164].

Переход к нэпу сопровождался мерами постепенной демилитаризации труда. В конце 1921 г. были отменены трудовые мобилизации, а правительственный декрет от 9 февраля 1922 г. окончательно утвердил процедуру найма и увольнения [Осташко, 1994. С. 10, 11]. На этих принципах основывался и вступивший в действие в 1922 г. новый Кодекс законов о труде. Демилитаризация труда специалистов фактически затянулась до весны 1923 г., когда, наконец, было принято (26 мая 1923 г.) постановление СНК «О порядке найма и увольнения лиц с техническим или агрономическим образованием», которым отменялись все изданные ранее декреты об учете и мобилизации технических сил, специалистов по сельскому хозяйству и др. (ГАНУ. Ф. Р-512. Оп. 1. Д.296. Л. 7); [Маргиналы в социуме..., 2004. С. 169].

Частичная демократизация советского режима, наметившаяся в годы нэпа, привела к тому, что массовое сотрудничество интеллигенции с советской властью стало явлением повсеместным, ее включенность в общественно-политический процесс возрастала. В середине 1920-х гг. отмечался быстрый количественный и численный рост профессиональных организаций технической интеллигенции, развивалась деятельность научных и научно-технических обществ. Улучшение «социального самочувствия» интеллигенции рождало ощущение стабильности, надежды на лучшее. Тем не менее, даже в самый благоприятный для «старой» интеллигенции период расцвета нэпа (середина 1920-х гг.) сохранялись директивные методы управления трудовой деятельностью данной группы, хотя и в более мягкой форме, чем в предыдущий период (особые формы контроля за перемещением специалистов с одного места работы на другое, различные формы учета и т. п.).

Очередная смена курса обозначилась в конце 1927 г., когда на повестку дня встали задачи борьбы «с реакционными элементами» в среде технической интеллигенции и работы по ускоренной подготовке «новых кадров» советских специалистов. Некоторые послабления середины 1920-х гг. были вытеснены политикой новых репрессий и дискриминаций. Переход к форсированной модернизации страны в конце 1920-х гг. обозначил новый виток мобилизационных форм развития общества. Складывание сталинской индустриально-мобилизационной системы сопровождалось наращиванием жесткой регламентации всех сфер жизни. В связи с общим курсом развития был осуществлен резкий поворот в партийной политике в отношении «старой» интеллигенции, составлявшей на тот момент большинство квалифицированных специалистов страны. На смену прежним, прагматичным установкам на поиск общей плат-

формы сотрудничества с представителями дореволюционной интеллигенции приходит новая политика, характеризующаяся резким усилением форм контроля над профессиональной деятельностью специалистов. Внедрение в социальную практику сталинского тезиса об усилении классовой борьбы по мере построения социализма требовало постоянного поиска «врагов», на которых можно было переложить вину за многочисленные ошибки и неудачи в экономической сфере. «Старая» интеллигенция, особенно техническая, становилась одним из источников пополнения числа таких «врагов».

Отдельные судебные дела о «вредительстве» рассматривались уже в 1926–1927 гг. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. состоялся ряд публичных политических процессов, ознаменовавших собой смену партийно-политического курса в отношении «старой» интеллигенции и возврат к мобилизационно-репрессивным механизмам эпохи Гражданской войны во внутренней политике. Первым и крупнейшим в этом ряду фальсифицированных процессов был Шахтинский процесс (18 мая – 6 июля 1928 г., Москва) над значительной (53 чел.) группой ИТР Донбасса, способствовавший резкому росту антиспецовских настроений по всей стране (см.: [Шахтинский процесс...]). Затем – процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.) также над представителями научно-технической интеллигенции (8 чел.), обвиненными в сотрудничестве с иностранными спецслужбами, в подготовке интервенции и шпионаже. Аналогичный процесс готовился в отношении сельскохозяйственных специалистов («дело Трудовой крестьянской партии»). Было сфабриковано также «академическое дело» (без открытого процесса), по которому осуждены многие видные ученые (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и др.); в марте 1931 г. проведен открытый судебный процесс по делу «Союзного бюро меньшевиков» [Елфимов, Щетинов, 1989. С. 69–76; Академическое дело..., Меньшевистский процесс..., 1999]. Таким образом, под преследования власти попала вся «старая» корпоративная интеллигенция вне зависимости от занимаемого ею теперь положения.

На фоне прямых репрессий в отношении «буржуазной» интеллигенции активно формировалась система ограничений гражданских прав. Право на труд ущемлялось в связи с генеральной «чисткой» соваппарата и партийных рядов, которая началась по решению XVI конференции ВКП(б), проведенной в апреле 1929 г. Из партии и государственного аппарата подлежали удалению «элементы буржуазно-мещанского перерождения, сросшиеся с кулачеством, извращающие классовую линию партии... мелкобуржуазные элементы, носители бытового загнивания» [КПСС в резолюциях..., 1984. Т. 4. С. 486]. «Чистка» проводилась как по политическому, так и по социальному признаку. Под удар попадали прежде всего те, чье мировоззрение сформировалось в дореволюционные годы, и кто не мог полностью принять советскую действительность, что автоматически подводило под «чистку» большинство представителей старой интеллигенции. Тенденция к «вычищению» «старых кадров» преобладала. Однако в отношении квалифицированных кадров практиковался прагматический подход: более жестко оценивались служащие, чем специалисты и лица интеллектуального труда; решения о запрете на работу для этих категорий имели право вы-

носить только республиканские и всесоюзная комиссии по «чистке» [Голиков, 1994. С. 195; Маргиналы в социуме..., 2004. С. 188, 402].

Наиболее массовые формы кампания приобрела в 1930–1931 гг. В отношении «вычищенных» по 1-й категории* фактически действовал запрет на профессию. Эти лица могли использоваться (наряду с «лишенцами») «исключительно на массовых физических работах» – лесозаготовках, сплаве леса, торфоразработках, борьбе со снежными заносами и т. п. Им воспрещалось даже работать на строительстве (циркуляр НКТ РСФСР от 5 янв. 1931 г.). Они лишались права на выходное пособие, пенсию и пособие по безработице. Как и «лишенцы», они принимались на особый учет управлениями кадров отделов труда (если желали зарегистрироваться для получения работы), а в случае отказа от предложенной работы снимались с учета на один год. Дополнительные трудности создавались и для «вычищенных» по 2-й и 3-й категориям в связи с введением обязательных записей в трудовые списки (постановление президиума ЦКК ВКП(б) от 12 августа 1929 г.). Для этих категорий был введен определенный срок ограничения в правах (от одного до трех, реже до пяти лет) (ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1574. Л. 95, 96; Д. 1379. Л. 177); [Маргиналы в социуме..., 2004. С. 197–198].

Рост антиспецовских настроений, дискриминационный и репрессивный характер партийно-государственной политики на рубеже 1920–1930-х гг. вызвал существенное ухудшение социально-правового положения и морального состояния «старых» кадров. Это привело к значительной дезорганизации производственной деятельности ИТР, появлению упаднических настроений, усилению тенденции «бегства» с производства в управленческий аппарат и т. д., что усугубляло и без того сложное положение с кадрами, ставило под угрозу выполнение пятилетних планов.

Летом 1931 г. были приняты партийно-государственные документы директивного характера, направленные на улучшение материально-правового положения специалистов в промышленности. Постановления ЦК ВКП(б) «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении бытовых условий инженерно-технических работников» (не подлежащее публикации в печати) от 10 июля 1931 г. и ЦИК и СНК СССР «Об улучшении бытовых условий инженерно-технических работников» от 1 августа 1931 г. предусматривали широкий спектр мероприятий по обеспечению различных потребностей специалистов, в т. ч. производственных и судебно-правовых. Многие из них, по сути, повторяли известные положения партийно-правительственных решений периода нэпа. В частности, вновь заявлялось о равенстве прав ИТР и рабочих при поступлении детей в учебные заведения, в обслуживании санаториями и домами отдыха, при оплате

---

* Подлежащие «чистке» делились на три категории: первая – лица, оценка работы которых показывала «абсолютную невозможность их исправления и безусловность вреда, наносимого их работой в советском аппарате интересам рабочего класса» («вычищались» немедленно без права работы в соваппарате, лишались всех льгот и прав); вторая – лица, которых не следовало оставлять для работы в данном учреждении или данной местности, но можно было использовать в учреждениях другого типа или другой местности; третья – лица, которых было нецелесообразно использовать на руководящих и ответственных постах. – Известия НКТ СССР. 1929. № 28/29. С. 436.

пособий на время болезни. Специалисты и их семьи приравнивались к рабочим в области снабжения товарами и продуктами; жилищно-строительные кооперативы ИТР приравнивались в правах к рабочим кооперативам и т. д. Были обещаны льготы в отношении норм жилплощади для специалистов (предоставление дополнительной площади наравне с ответственными работниками). Оговаривались меры по улучшению положения специалистов на производстве (повышение авторитета ИТР, соблюдение прав и обязанностей инженеров по руководству производством, предоставление возможностей и поощрение всяческих проявлений инициативы по рационализации и улучшению деятельности предприятий, поддержка молодых специалистов и проч.).

Принципиально новым был блок судебно-правовых вопросов, который ограничивал судебное преследование и устанавливал процедуру пересмотра судебных решений в отношении специалистов. Хотя реализация многих установок существенно затруднялась ограниченностью материальных ресурсов, в 1932 г. отмечалось улучшение материально-бытового положения специалистов (создание сети закрытых распределителей и столовых, организация жилищно-строительных кооперативов, позитивные сдвиги в совершенствовании системы оплаты труда и др.). Переход от политики «подавления и разгрома» технической интеллигенции конца 1920-х гг. к политике «привлечения и заботы» о ней официально объяснялся властью как результат коренных изменений в стране и внутри самой интеллигенции, окончательного и бесповоротного перехода «старой» интеллигенцией на сторону советской власти, на позиции социализма (см.: [Пыстина, 1999. С. 123–127]).

Определенное место в дискриминационной политике в отношении специалистов занимали социально-трудовые мобилизации, являвшиеся в конце 1920-х – начале 1930-х гг. важной составной частью становления и функционирования сталинского режима, одним из способов решения проблемы нехватки кадров квалифицированных специалистов. Социально-трудовые мобилизации стали также своеобразными индикаторами профессиональной и политической лояльности специалистов к большевистскому режиму и одновременно инструментом давления на данную группу, с помощью чего оказывалось возможным прагматично решать задачу кадрового обеспечения приоритетных хозяйственных проектов. Методы проведения трудовых мобилизаций были заимствованы из аналогичных кампаний периода «военного коммунизма», хотя и не имели под собой столь же значительной законодательно-нормативной базы.

* * *

Основной приоритет исследований истории технической интеллигенции и в советский, и в постсоветский период связан с политической историей. Большое число работ посвящалось проблемам формирования советской инженерно-технической интеллигенции, ее участию в строительстве социализма, подготовке технических кадров на разных этапах развития советского общества и т. п. [Заузолков, 1973; Главацкий, 1974; Волков, 1975; Лельчук, 1979; Халиуллин, 1983; и др.]. В рамках этих работ, а также исследований по истории индустриализации, частичное освещение находили и вопросы социально-

трудовых мобилизаций специалистов. Рассматривались, главным образом, трудовые мобилизации периода «военного коммунизма». Аналогичные процессы, происходившие во время индустриализации, оставались практически вне поля зрения историков.

В 1990-е и последующие годы в ходе разработки фундаментальной проблемы «Власть и интеллигенция» получены существенные результаты в изучении ранее «закрытых» тем и малоизвестных страниц истории технической интеллигенции, связанных с репрессиями, проблемами взаимоотношений специалистов и рабочих («спецеество»), политическими процессами над интеллигенцией в конце 1920-х гг. и т. д. [Кислицын, 1993; Научно-техническая интеллигенция..., 1993; Усманова, 1993; Дискриминация интеллигенции..., 1994; Гараевская, 1996; Абрамов, 1997; Делицой, 1998; Красильников и др., 2007; Ушакова, 2009; и др.]. В научный оборот введено много новых данных, в т. ч. благодаря публикации тематических документальных изданий. Актуализировался интерес к анализу развития отдельных профессиональных групп интеллигенции как сообщества лиц интеллектуального труда, обладающих определенными качественными характеристиками, имеющих свою систему ценностей, профессионально-этических представлений. В ряде диссертационных исследований, публикациях и выступлениях на конференциях, посвященных технической интеллигенции, рассматриваются мировоззренческие проблемы, реалии повседневной и производственной жизни, вопросы материально-бытового и социально-правового положения специалистов в постреволюционном обществе, формирования профессиональной группы инженеров и изменения ее социального статуса и т. д. [Солдатенков, 1996; Делицой, 1997, 2010; Волков, 2001; Пыстина, 2002; Рагозина, 2004; Чебоксарова, 2007; и др.]. Постепенно складывается как самостоятельное направление проблематика, связанная с регулированием профессиональной деятельности интеллигенции и собственно социально-трудовыми мобилизациями специалистов в контексте сочетания в них социальных и экономическо-организационных аспектов [Осташко, 1994; Красильников, Пыстина, 1998; Шер, 2008, 2009; и др.].

В данном разделе будут охарактеризованы основные причины, формирование механизма и нормативно-законодательной базы мобилизационных кампаний; практика их проведения и эффективность; специфика мероприятий по переброске специалистов в Сибирском регионе; поведенческие реакции участников процесса и социально-экономические последствия социально-трудовых мобилизаций специалистов конца 1920-х – начала 1930-х гг. в контексте утверждения сталинского политического режима.

Формирование механизма и нормативно-законодательной базы социально-трудовых мобилизаций специалистов

а) Методы регулирования профессиональной деятельности специалистов.
Кампания по «переброске» ИТР на производство (1928–1930 гг.)

Курс на форсирование индустриализации резко обострил проблему кадров, актуализировал вопросы их рационального использования. Во-первых, налицо

был дефицит квалифицированных кадров вообще, который с учетом перспектив индустриального строительства становился все острее. Во-вторых, по мнению руководящих структур и материалам различных обследований, профессиональный уровень специалистов в нашей стране был ниже, чем в развитых в техническом отношении странах. В-третьих, власть не удовлетворяли их социально-политические характеристики.

Специалисты старой школы до конца 1920-х гг. оставались ведущей силой в составе квалифицированной части ИТР и в целом научно-технической интеллигенции страны. По результатам обследования, проведенного ЦСУ и ВСНХ в августе 1929 г., из числа учтенных (8 995 чел.) начали работать в качестве специалистов до 1925 г. – 62,6 % (на производстве, включая строительные и проектные организации, – 60,7, в трестах – 82,7 %). Среди работавших на высших должностях специалисты, начавшие профессиональную деятельность до 1905 г., составляли 82 %, в 1905–1917 гг. – 73,9 %. В целом 56 % специалистов, занимавших высшие командные должности, получили техническое образование до революции. По социальному происхождению «старые» специалисты были т. н. чуждыми элементами – 98 % из них вышли не из рабочей среды*.

Основное решение проблемы было связано с ускоренной подготовкой новых кадров из рабочих и крестьян и массовым выдвиженчеством. На это ориентировали, в частности, постановления июльского (1928 г.) и ноябрьского (1929 г.) Пленумов ЦК ВКП(б). В конце 1920-х – начале 1930-х гг. была проведена реформа высшего и среднего специального образования, в ходе которой наряду с ростом числа учебных заведений первостепенное внимание обращалось на пролетаризацию студенческого состава вузов и техникумов. За 1928–1932 гг. учебные заведения промышленности, строительства, транспорта и связи выпустили: вузы – 76,6 тыс. чел., техникумы – 106,4 тыс. чел. При этом рабочие составляли 30 % нового пополнения специалистов с высшим образованием и около 50 % – техников [Сандин и др., 1973. С. 236, 240]. Определенная ставка в экономической политике делалась на привлечение иностранной технической помощи и иностранных специалистов. Наконец, большое значение придавалось организации максимального эффективного использования имевшихся специалистов, особенно в начале первой пятилетки, когда приходилось оперировать, главным образом, «старыми» кадрами. Одной из первых мер, предпринятых в этом направлении, стала попытка организовать их массовое перераспределение в пользу производственных предприятий (из управления на производство).

В конце 1920-х гг. происходит ужесточение форм учета специалистов – ведомственного, партийного, по линии органов Наркомата труда, ОГПУ (после до-

---

* Было учтено 8 995 специалистов, работавших на 25 крупных металлургических заводах юга и Урала, Москвы, Ленинграда, ряда предприятий химической, текстильной промышленности, нескольких трестов, Днепростроя, крупнейших организаций по проектированию (Гипромез, Гипрошахт), научно-технического управления ВСНХ со всеми исследовательскими институтами, находящимися при нем [Федюкин, 1965. С. 200–202].

пущенных в середине 1920-х гг. послаблений). В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР (май 1928 г.) «О персональном учете инженеров, техников, агрономов и иных специалистов народного хозяйства» была введена обязательная регистрация и постановка на учет в органы Наркомата труда всех лиц, окончивших высшие и средние технические и сельскохозяйственные учебные заведения или соответствующие факультеты и отделения других вузов (в т. ч. зарубежных). Все учреждения, предприятия и хозяйства (государственные, общественные и частные), а также домоуправления, органы милиции и другие административные органы обязывались контролировать наличие соответствующих документов. Нарушения влекли за собой уголовную ответственность (СЗ СССР. 1928. № 31. Ст. 275); [Маргиналы в социуме..., 2004. С. 170–171].

Наибольшую нужду в специалистах испытывали те отрасли, которые были намечены к ускоренному развитию в плане первой пятилетки. Серьезно осложняла ситуацию высокая текучесть кадров и т. н. переманивание. На разных предприятиях размеры вознаграждения за труд одного и того же характера и равной квалификации существенно различались. Специалисты могли выбирать не только уровень заработной платы, но и другие условия: обеспечение продуктами, жильем и т. д. Наибольшая текучесть кадров наблюдалась среди рабочих высокой квалификации, а также административно-технического персонала [Журавлев, Мухин, 2004. С. 35]. Для борьбы с этими явлениями вводились ограничения, напоминая меры начала 1920-х гг. Так, в декабре 1929 г. президиум Сибирской краевой контрольной комиссии (СибКК) ВКП(б) настоятельно рекомендовал руководителям учреждений и предприятий прекратить «переманивание» специалистов (виновные привлекались к партийной ответственности). Категорически запрещалось принимать специалистов, работающих в сибирских организациях, без предварительного согласования с их руководителями. При переходе из одной организации в другую следовало «не допускать повышения зарплаты при равных условиях выполняемой работы» и т. д. [Власть и интеллигенция..., 1999. С. 184–185].

В декабре 1930 г. ВСНХ РСФСР обратил внимание на «чрезвычайно участвовавшие», вследствие недостатка инженерно-технических и экономических кадров, случаи «переманивания и самовольных отзывов специалистов из республиканской и местной промышленности РСФСР различными органами союзного значения и другими ведомствами». Разосланный на места циркуляр за подписью председателя ВСНХ РСФСР К. Стриевского предписывал «не выполнять распоряжения, которые исходят не из ВСНХ РСФСР, о переброске специалистов из промышленности РСФСР в союзную или в промышленность других ведомств (за исключением решений Межведомственной комиссии Наркомата труда)» [Там же. С. 196–197]. Одновременно (циркуляр от 12 декабря 1930 г.) Наркомат труда РСФСР запрещал хозяйственным органам публиковать объявления о потребности в специалистах «по дефицитным специальностям» без особого разрешения областных (краевых) отделов труда и наркоматов труда автономных республик. Выдача разрешений допускалась лишь «в особо исключительных случаях» с учетом: а) степени ударности и важности предприятия, стройки, отрасли; б) отдаленности и малой обеспеченности района специалистами;

в) возможности удовлетворения потребности в специалистах за счет использования стоящих на учете в биржах трудах, работающих не по специальности и планового распределения молодых специалистов, а также внутриведомственного перемещения. Самим специалистам не разрешалось публиковать объявления о желании найти работу или перейти в другое место, кроме случаев, когда они изъявляли готовность «перейти на работу из управленческих аппаратов или из городских центров на периферию и в отдаленные местности» (ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1379. Л. 35).

Мотивация труда, основанная на принуждении, была опробована большевиками еще в период «военного коммунизма». В годы первой пятилетки основное отличие мотивации труда специалистов заключалось в особой роли идеологического фактора, что обусловлено идеологической направленностью сталинской модернизации. Поиск оптимального соотношения мотиваций породил такое явление, как социально-трудовые мобилизации ИТР. Первые шаги в этом направлении были сделаны в соответствии с решением ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б) о кадрах народного хозяйства. Пленум поставил задачу решительного искоренения чрезмерной текучести квалифицированных рабочих кадров и частых переходов специалистов с одного предприятия на другое, а также проведения в плановом порядке переброски технических сил из трестов на предприятия. Важную роль в осуществлении кампании переброски должны были сыграть профсоюзные организации и их инженерно-технические секции [КПСС в резолюциях..., 1984. Т. 5. С. 26].

В рамках реализации решения пленума развернулась кампания по учету специалистов. Согласно постановлению СНК СССР «О мерах по обеспечению инженерно-техническими силами предприятий, переходящих на непрерывную производственную неделю» от 9 ноября 1929 г. начался учет не только имеющихся специалистов, но и потребности в квалифицированных работниках с разбивкой по отраслям и специальностям (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 11. Д. 26546. Л. 1). В развитие этого постановления 31 декабря 1929 г. было принято совместное постановление ЦИК и СНК СССР «Об организации учета специалистов народного хозяйства», целью которого являлся пересмотр наличного состава ИТР на предприятиях, дабы изыскать возможности для замены специалистов, работающих не по специальности, и направить все возможные силы на производство. Основная роль в организации персонального учета отводилась органам Наркомата труда, приступившим к этой работе в январе 1930 г. (ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 183. Л. 57, 54).

Особенностью данной кампании стал ее тотальный характер: учет специалистов проводился одновременно органами ВСНХ, НКТ, ИТС профсоюзов (в последнем случае главную роль играло Всесоюзное межсекционное бюро ИТС (ВМБИТ), куда поступали сведения от местных организаций о количестве ИТР, их загруженности на производстве, использовании по специальности и т. д.). Все общесоюзные ведомства и организации обязывались представить сведения об имеющихся ИТР, количестве и наименовании должностей, которые могли быть замещены лицами, не имеющими законченного образования, или практиками, а также о количестве специалистов, не имеющих прямого

отношения к производству. Органы НКТ занимались сведением этих данных и планированием обеспечения предприятий инженерно-техническими кадрами.

Для координации работы разных ведомств при НКТ СССР была создана Особая комиссия по проверке специалистов, работающих в органах ВСНХ СССР не по специальности, в которую входили представители НКТ СССР, ВСНХ СССР и ВЦСПС (РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 5211. Л. 224). Межведомственный статус Особой комиссии был необходим фактически лишь для создания иллюзии участия в этом процессе тех ведомств, организаций и предприятий, которых касалась эта проблема, поскольку механизм переброски специалистов еще окончательно не оформился и не вошел прочно в практику решения кадровых проблем. Однако основная работа проводилась в директивном порядке под руководством НКТ.

В ходе реализации этих решений большое значение приобрела *кампания по переброске ИТР на производство*. Проблема неблагоприятного для производства распределения квалифицированных кадров была одной из постоянных и трудно решаемых, поскольку объективно действовала тенденция их концентрации в управленческих структурах. В частности, в резолюции XII съезда РКП(б) «Привлечение специалистов в производство» (апрель 1923 г.) говорилось о необходимости «наилучшего использования и перераспределения» имевшихся в стране технических сил. «Лозунгом дня» стал призыв «Назад к производству, на фабрику, на завод!» [КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 427].

Отличительной особенностью мероприятий по перераспределению специалистов из управления на производство в конце 1920-х гг. стало активное участие в них (наряду с органами Наркомата труда) в качестве организаторов и исполнителей общественных организаций инженерно-технической интеллигенции.

Осенью 1929 г. деятельность ИТС по переброске специалистов «из контор на производство», носившая в 1928 г. локальный характер, приобретает черты ударной кампании. Так, Сибирское межсекционное бюро ИТС (СМБИТ) 17 сентября 1929 г. постановило: «Считать ударной работой усиление производственного фронта специалистами за счет переброски из учреждений и аппаратов управлений промышленности специалистов, нерационально используемых в работе». Был объявлен месячник (с 1 октября по 1 ноября) добровольного перехода ИТР, занятых в различных учреждениях, на производство. В течение этого месяца всем окружным ИТС Сибири совместно с хозяйственниками и местными профсоюзами предлагалось «детально проверить» состав ИТР, находящихся в учреждениях, выяснить возможность «безболезненной» переброски на производство того или иного специалиста. Подчеркивалось, что в учреждениях «должны быть оставлены только абсолютно необходимые для работы специалисты»; всех ИТР, работающих не по специальности, следовало перебросить на производстве «в порядке союзной дисциплины» (ГАНУ. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 108. Л. 193). После окончания месячника намечалось провести мобилизацию ИТР на производство. К этому сроку окружные ИТС должны были иметь разработанные совместно с хозяйственными органами конкретные планы мероприятий по переброске. Начиная эту кампанию, СМБИТ также надеялся привлечь в регион специалистов из крупных городов промышленных районов,

предполагая, что там имеется избыточный технический персонал. При окружных межсекционных бюро ИТС были созданы специальные комиссии, в которые могли подавать заявки ИТР, желавшие перейти работать на производство. Особое внимание обращалось на молодых специалистов: устанавливалось как правило, что выпускники вузов должны использоваться на производстве. Характерно проявившееся в начале кампании стремление подкрепить «добровольность» перехода ИТР на производство некоторыми материальными и культурно-бытовыми стимулами. Например, не снижать заработную плату ИТР, переходившим на производство (если на предыдущей работе она была выше); обеспечить жилплощадью и т. п.

После появления руководящих указаний центральных профсоюзных органов (циркуляр ВЦСПС от 11 октября 1929 г. о рациональном использовании ИТР) при всех краевых бюро ИТС в Сибири были созданы специальные комиссии, и кампания по переброске ИТР на производство приобрела еще большее значение (Там же. Д. 119. Л. 120, 127). Однако в целом месячник перехода ИТР на производство не принес ощутимых результатов. Например, в Красноярском округе из 16 ИТР, работавших не по специальности, 6 чел. было переброшено на производство, 10 чел. «оставлено под вопросом». Многие ИТС эту кампанию просто проигнорировали (Там же. Д. 131. Л. 76). Поскольку ставка на идейную компоненту (перемещение на добровольной основе) не оправдалась, кампании по переброске ИТР на производство были приданы более жесткие формы после принятия 9 ноября 1929 г. постановления СНК СССР по этому вопросу. НКТ СССР и центральные профорганы и направили на места соответствующие циркуляры по организации и расширению кампании.

ВМБИТ в своих обращениях к местным организациям (циркуляры от 11 ноября 1929 г. и 25 января 1930 г.) указывало, что переброске из учреждений и контор на предприятия подлежат не менее 10 % всех ИТР, находящихся на непроизводственной работе; была установлена минимальная контрольная цифра – 10 тыс. ИТР, с разверсткой по областям и республикам. Переброске подлежали в первую очередь инженеры и техники, не имевшие 3-летнего производственного стажа, использовавшиеся не по специальности, а также те, кто хотя и работали по специальности, но могли быть переброшены из сферы управления на производство без особого ущерба для дела (ГА РФ. Ф. Р-5548. Оп. 9. Д. 45. Л. 12; ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 147. Л. 17). Отбор специалистов должны были проводить межсекционные бюро ИТС. Составленные ими списки поступали в отделы труда, которые фактически и осуществляли саму переброску при активном участии межсекционных бюро. Ответственность за выполнение этой работы возлагалась персонально на председателей и секретарей региональных МБИТ. Сведения о результатах проделанной работы следовало предоставить к 1 марта 1930 г. во ВМБИТ.

Кампания по перемещению ИТР на производство активно освещалась в периодических изданиях, в частности в газетах «Труд», «Торгово-промышленная газета», «Экономическая жизнь». ВМБИТ регулярно обращалось к членам межсекционных бюро ИТС и рядовым инженерам с призывами

не только активно и добровольно участвовать в перемещениях на производство, но и контролировать этот процесс.

Утвержденные ВМБИТ в январе 1930 г. квоты разверстки по переброске 10 тыс. ИТР не отражали ситуации на местах, не учитывали истинных потребностей предприятий регионов. В результате кампании, коснувшейся в основном Московского и Ленинградского ОМБИТ, план по переброске специалистов был выполнен на 61 %. В обзоре ВМБИТ о работе с октября 1929 г. по май 1930 г., а также на состоявшемся в июне 1930 г. специальном заседании президиума ВМБИТ отмечались большие трудности в ее осуществлении. В рамках этой кампании работа органов НКТ по мобилизации ИТР на производство опиралась, главным образом, на помощь общественности, в первую очередь инженерно-технической. Нежелание хозяйственных органов подчиняться решению органов НКТ о переброске того или иного специалиста оказалось настолько велико, что сопротивление ведомств в значительной мере парализовало ход проведения кампании. В ряде случаев хозяйственники не позволяли комиссиям проводить проверку правильности использования ИТР во вверенных им учреждениях. Свою роль играло и нежелание «части ИТР» переходить на предприятия (ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 147. Л. 23, 88, 97).

По данным НКТ СССР (апрель 1930 г.), всего по СССР требовалось 147 тыс. ИТР, а высшие и средние учебные заведения могли обеспечить только 58 тыс. Проверка рационального использования специалистов показала, что 40 % всех специалистов работает в административно-управленческом аппарате (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 11. Д. 2677. Л. 6). Основными причинами низкой эффективности попыток перемещения специалистов на производство назывались повсеместное сопротивление руководителей предприятий как проверке работы специалистов, так и их откомандированию. Предпринятая без административных мер переброска специалистов из Центра на периферию не дала ожидаемых результатов. Ситуация требовала более жесткого решения проблемы.

б) Социально-трудовые мобилизации специалистов:
нормативная база и механизм кампаний (апрель 1930–1931 гг.)

Качественно новый уровень решения кадрового вопроса начался с перестройки всей работы по перераспределению специалистов. Согласно постановлению СНК СССР «Положение о совете по рынку труда при Народном Комиссариате труда СССР» от 21 апреля 1930 г. была проведена реорганизация НКТ: биржи труда заменили отделы кадров, в результате прекратилось свободное движение трудовых ресурсов. Рассмотрение и утверждение оперативных планов регулирования рынка труда, в т. ч. в области распределения специалистов между отдельными отраслями народного хозяйства, было возложено на совещательный межведомственный орган при НКТ СССР – Совет по рынку труда (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 11. Д. 2711. Л. 1).

В соответствии с циркуляром НКТ СССР от 27 апреля 1930 г. началась работа по составлению плановых проектировок по труду. Были разработаны и отправлены на места специальные формы с вопросами по всем кадровым проектировкам по отраслям народного хозяйства, которые следовало пред-

ставить в НКТ не позднее 10 июня 1930 г. Первая (текстовая) часть материалов по контрольным цифрам должна была содержать проекты хозяйственного развития на 1930–1931 гг., на которых основывались соответствующие проектировки по труду; вторая (цифровая) часть носила оперативный характер и представляла собой конкретную программу потребности в рабочей силе и ИТР. Циркуляр НКТ РСФСР от 26 мая 1930 г. пояснял, что контрольные цифры на 1930–1931 гг. послужат основой для пятилетнего плана по труду (ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1625. Л. 34, 31). Для этого их надлежало дополнить сведениями на 1929–1930 гг., а также разработать планы по обеспечению кадрами на 1931–1932 и 1932–1933 гг.

Материалы местных отделов труда поступили в НКТ до 20 июля 1930 г., на их основе был составлен пятилетний план, подводивший основание под начавший складываться механизм перебросок квалифицированных и неквалифицированных рабочих кадров. Таким образом, была подготовлена необходимая почва для массового развертывания мобилизационных кампаний на базе имевшейся в отделах труда информации о наличии и потребности в специалистах. Одновременно с выявлением дефицита в специалистах для конкретных отраслей экономики создавались специальные карточки учета (Там же. Д. 1568. Л. 98). Эти данные служили основой для дальнейших перебросок специалистов.

Для централизации работы по проверке использования специалистов в учреждениях и фактической переброски неправильно используемых на предприятия при органах труда в апреле 1930 г. была создана Центральная межведомственная комиссия (МВК) по перемещению специалистов, а также ее краевые и районные отделения (ГА РФ. Ф. Р-5548. Оп. 9. Д. 45. Л. 30).

В состав комиссии входили представители ВСНХ СССР, НКПС, НКТорг СССР, НКЗдрав СССР, Наркомпочтель и НКТ СССР, а также ВЦСПС, ВМБИТ и отраслевых профсоюзов. Должность председателя МВК занимали представители органов труда, им же принадлежало право решающего голоса. На комиссию возлагалось непосредственное руководство перебросками ИТР из управленческого аппарата на производство, а также специалистов, занятых не по специальности. Действовала жесткая система подчинения местных МВК республиканским, а республиканских – центральной МВК, что свидетельствовало о выведении системы контроля за перемещениями специалистов на тотальный уровень. По-прежнему значительная роль в организации переброски специалистов отводилась инженерно-техническим секциям – их представители в обязательном порядке включались в состав МВК всех уровней. Руководящие органы ИТС призывали местные организации более активно содействовать деятельности МВК, привлекать внимание инженерной общественности к их работе, организовать идеологическую поддержку кампании по проверке и перемещению специалистов, работающих не по специальности. Основным направлением активизации мобилизационных мероприятий в отношении ИТР стало усиление руководства и контроля над проведением перебросок со стороны центральных руководящих органов. Первоочередное внимание уделялось решению кадровой проблемы в приоритетных отраслях.

Реальное формирование механизма и разработка нормативных актов в области социально-трудовых мобилизаций специалистов происходили в рамках осуществления ряда крупных кампаний, например, по возвращению специалистов на транспорт (постановление СНК СССР от 21 мая 1930 г.), по обеспечению квалифицированными кадрами «ударных строек» – Магнитки и Кузнецкстроя (постановления ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г. о работе Уралмета, от 26 октября 1930 г. «О работе парторганизации Кузбасса») и других всесоюзных и республиканских кампаний, проводившихся в 1930-1931 гг. (ГАО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 147. Л. 98, 102); [КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 119, 124].

В частности, в ходе проведения транспортной кампании НКТ РСФСР издал 17 июня 1930 г. циркуляр «О мерах предупреждения утечки квалифицированных работников из железнодорожного и водного транспорта» (ГА РФ. Ф. Р-5515. Оп. 17. Д. 89. Л. 66). На региональном уровне создавались местные МВК, в состав которых включались представители профсоюза транспортников и местных учреждений железнодорожного и водного транспорта. Задача этих комиссий состояла в принятии мер к возвращению на транспорт квалифицированного инженерно-технического персонала, используемого не по специальности. Переброске подлежали в первую очередь специалисты, окончившие вузы и техникумы начиная с 1924 г., при этом особо подчеркивалась необходимость соответствующей социально-политической проверки. В разъяснении к этому положению в циркуляре НКТ РСФСР от 20 августа 1930 г. уточнялась процедура согласования перебросок (ГАО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1568. Л. 48). Органам труда надлежало в четырехдневный срок учесть транспортников, работающих не на транспорте, затем в трехдневный срок подать заявки в Инспекцию труда о потребности в транспортниках с разбивкой по специальностям. Инспекция труда составляла по заявкам соответствующие списки. Наконец, межведомственные комиссии по переброске специалистов на транспорт должны были в недельный срок провести требуемую переброску специалистов.

В связи с началом кампании по обеспечению квалифицированными работниками рыбной отрасли (постановление СНК СССР «О мерах по усилению добычи рыбы» от 24 июля 1930 г.) НКТ СССР принял 13 августа 1930 г. постановление «Об учете специалистов по рыбной промышленности и об откомандировании работающих не по специальности в распоряжение Союзрыбы» (ГА РФ. Ф. Р-5515. Оп. 17. Д. 90. Л. 49). Однако первоначальный срок (10 дней) для проведения учета оказался нереальным. Потребовалось еще одно постановление СНК СССР для форсирования кампании («О мероприятиях, необходимых для обеспечения добычи рыбы-сырца в 1931 г.» от 23 сентября 1930 г.), в котором Наркомату труда было дано распоряжение о переброске 90 специалистов в распоряжение Союзрыбы. Реализация данных правительственных решений началась только в ноябре 1930 г. (постановление НКТ СССР «Об откомандировании специалистов для работы в рыбной промышленности» от 1 ноября 1930 г.) (Там же. Л. 40). Заново производился сбор сведений, была создана межведомственная комиссия по переброске специалистов, направлявшая предписания отобранным кандидатам. Не позже пяти дней с момента получения предписания администрация должна была уволить спе-

специалиста и произвести с ним полный расчет, а не позже восьми дней тот должен был явиться в распоряжении Союзрыбы. За невыполнение предписаний предусматривалась административная ответственность и для специалистов, и для администрации. Отдельно оговаривались условия оплаты и льготы, положенные в рамках административного перемещения. Откомандированию подлежали специалисты из центральных, краевых и областных аппаратов ведомств, переброска работников с производства не допускалась.

К концу 1930 г. социально-трудовые мобилизации специалистов приобрели жесткую форму. Сложившаяся методика их осуществления требовала легализации. Она была осуществлена на республиканском уровне постановлением СНК РСФСР от 27 ноября 1930 г. о порядке перемещения специалистов, которым устанавливался единый механизм целевой мобилизации (ГАНУ. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1573. Л. 14). Согласно постановлению перемещение специалистов должно было проводиться в тех случаях, когда потребность в них «отдельных частей» важнейших отраслей народного хозяйства, «участков первоочередного капитального строительства» и социально-культурных учреждений не могла быть удовлетворена за счет кадров молодых специалистов или в порядке внутриведомственного перемещения. Специалисты перемещались из менее важных отраслей промышленности в более важные, их перемещение должно было проводиться исключительно НКТ РСФСР и его краевыми и областными органами по согласованию с межсоюзными профессиональными органами. Перемещение специалистов по распоряжению НКТ СССР на территории РСФСР также осуществлялось только НКТ РСФСР и его органами. Перемещение специалистов внутри ведомств, из управленческого аппарата на производство и периферию, должно было производиться непосредственно самими ведомствами. За органами труда в этом случае сохранялись права контроля над целесообразным использованием специалистов. Распоряжения НКТ РСФСР и его краевых и областных органов о перемещении специалистов являлись обязательными к исполнению как предприятиями и учреждениями, так и самими специалистами. Распоряжения НКТ РСФСР о перемещении специалистов из предприятий союзного значения должны были быть предварительно согласованы с НКТ СССР.

Согласно постановлению перемещению подлежали специалисты:

- работавшие в управленческих аппаратах различных предприятий и учреждений;
- работавшие не по специальности, приобретенной в учебном заведении, или в порядке прохождения длительного стажа практической работы;
- занятые на предприятиях и в отраслях народного хозяйства, имеющих второстепенное значение;
- занятые на предприятиях в отдельных отраслях народного хозяйства, располагавших преувеличенным контингентом специалистов, не соответствующим объему и срочности выполняемых работ.

Специалисты, работавшие в профсоюзных органах на выборных должностях, могли перемещаться только по согласованию с ВЦСПС или ЦК соответствующего союза. Категории специалистов, а также отдельные учреждения,

предприятия и организации, куда предусматривались перемещения специалистов, должны были определяться НКТ и его органами в каждом отдельном случае по заявкам заинтересованных учреждений и предприятий. Эти решения НКТ должен был принимать исходя из действительной потребности предприятий, а также с учетом насыщенности специалистами данной отрасли народного хозяйства и возможности их внутреннего перемещения.

Государственные учреждения и предприятия, кооперативные и другие общественные организации должны были в установленный срок провести персональный отбор специалистов требуемой квалификации и стажа. После согласования этих кандидатур с органами труда их следовало направить в распоряжение учреждений, предприятий и организаций, для которых производится данное перемещение. Если предприятие или учреждение выполняли предписание НКТ и его местных органов не вовремя, то органы труда наделялись правом проведения непосредственного отбора и перемещения специалистов данных предприятий. Перемещение специалистов из учреждений, предприятий и организаций союзного и республиканского значения разрешалось проводить лишь после утверждения НКТ РСФСР персонального перечня назначенных к переброске специалистов. Во всех остальных случаях перемещение возлагалось на краевые и областные органы труда. Перемещенные специалисты должны были использоваться на новой работе только по специальности. При этом не допускалось их использование на работах меньших по объему, чем те, что они выполняли до переброски.

В 1930–1931 гг. механизм организации кампаний дополнялся и детализировался, ужесточались отдельные нормы и меры непосредственно в процессе их проведения. Например, достаточно жесткие меры были апробированы в ходе транспортной кампании, продолжавшейся в 1931 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) опубликовали 15 января 1931 г. обращение ко всем партийным, советско-хозяйственным, железнодорожным, профсоюзным и комсомольским организациям «О железнодорожном транспорте», в котором крупнейшие объекты железнодорожного строительства по обеспечению кадрами были приравнены к первоочередным стройкам народного хозяйства, а НКТ было поручено перебросить на важнейшие магистрали и узловые станции не менее 250–300 квалифицированных ИТР из аппарата НКПС и дирекций дорог [КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 261]. НКТ СССР принял 17 января 1931 г. не подлежавшее опубликованию постановление «О переброске 300 специалистов на железнодорожный транспорт», в соответствии с которым наркомату следовало откомандировать этих специалистов в распоряжение органов НКПС для работ, связанных с новым железнодорожным строительством (ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1746. Л. 1–3; Д. 1837. Л. 46).

НКПС должен был сразу же после получения данного постановления предоставить наркоматам труда союзных республик разверстки специалистов, подлежащих откомандированию из тех или иных учреждений и предприятий, находившихся на территории конкретной республики. В каждой разверстке требовалось точно указать, сколько специалистов, какой специальности и в чье распоряжение должно быть откомандировано. Все показатели в разверст-

ках были увеличены на 10 % по сравнению с действительной потребностью в расчете на то, что отдельные лица могли быть освобождены от перебросок по состоянию здоровья или другим причинам. НКТ союзных республик должны были в декадный срок после получения разверстки определить, из каких предприятий и в каком количестве требовалось перебросить специалистов. Круг этих предприятий оговаривался отдельно. Само откомандирование должно было производиться из центральных, краевых, областных, районных и городских аппаратов предприятий и учреждений и из управленческого аппарата предприятий как союзного, так и республиканского значения.

Персональный отбор кандидатов для откомандирования в систему НКПС проводили специальные отборочные комиссии, которые организовывали НКТ союзных республик, и по их поручению местные органы труда. Комиссии состояли из представителей местных органов труда, НКПС, профсоюза железнодорожников и объединения ИТС. Отбор требовалось закончить не позже чем через 10 дней после установления количества перебрасываемых специалистов. По принятой уже процедуре, откомандированию подлежали преимущественно специалисты, окончившие вузы и техникумы не ранее 1924 г. Отдельным пунктом воспрещалось откомандирование на транспорт специалистов, «вычищенных» комиссиями по «чистке» государственных учреждений. Подробно описывались не только обязанности отделов труда, но и то, что должны сделать руководители предприятий и специалисты в ответ на получение предписания комиссии. Не позже чем через 8 дней после получения предписания администрация должна была уволить специалиста и произвести с ним полный расчет (без выходного пособия). В трудовых книжках делалась отметка о том, что данный специалист откомандирован и не может быть принят на работу другими учреждениями и предприятиями. О состоявшемся увольнении специалиста-транспортника администрация обязана была немедленно известить НКТ союзной республики, а копию извещения отправить в отдел труда. Если увольнение не проводилось в установленный срок, то специалист должен был оставить работу, сообщив о задержке увольнения инспектору труда для последующего привлечения администрации к ответственности. Специалист же был обязан не позже чем через 8 дней после получения предписания отправиться в распоряжение органов НКПС.

Узаконение сложившихся на практике норм нашло отражение и в том, что были определены наказания для специалистов-отказников. Так, постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 января 1931 г. в Уголовный кодекс РСФСР вводятся две новые статьи (133 а и 133 б) (ГАНУ. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1726. Л. 2). По ним отказ или уклонение ИТР от перевода на работу по специальности на другое предприятие, в другую отрасль народного хозяйства или в другую местность, согласно распоряжениям НКТ СССР, изданным в установленном порядке, карались принудительными работами сроком до 6 месяцев или штрафом до 500 руб. А нарушение руководителями органов труда, а равно руководителями предприятий, учреждений и хозяйств законов о найме и плановом распределении рабочей силы каралось принудительными работами на срок до 6 месяцев или штрафом до 300 руб.

Важной составляющей механизма переброски специалистов стал комплекс мер, связанных с поддержанием материально-бытового положения, сохранением ряда социальных льгот и т. п. Постановлением ЦИК и СНК СССР «О мерах по уменьшению текучести инженерно-технического персонала на предприятиях и привлечению его на производство» от 13 мая 1930 г. предусматривались меры по регулированию уровня заработной платы в различных отраслях, повышению уровня оплаты труда на производстве, льготы для работников предприятий, находившихся вне городских поселений и в отдаленных местностях СССР (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 11. Д. 2677. Л. 19).

Был определен ряд льгот, которыми пользовались перемещенные специалисты. Согласно постановлению НКТ СССР «О заработной плате откомандированным специалистам» от 9 октября 1930 г. заработная плата в течение первого года их работы на новом месте должна была выплачиваться не ниже последнего заработка до откомандирования (ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1746. Л. 3). Оговаривалось сохранение права на жилую площадь на все время переброски. Постановление СНК СССР от 18 июня 1931 г. о льготах для работников, переводимых по распоряжению органов труда, вводило следующие льготы. Если переводимый работник должен был переехать в другую местность, то предприятие, в которое он переводится, обязывалось выплатить ему стоимость проезда и провоза имущества и единовременное пособие на него и его семью. Кроме этого, работник должен был получать от предприятия, на которое он прибывает, заработную плату за все время пребывания в пути и дополнительно за 6 дней, исходя из средней заработной платы по прежнему месту работы. Члены семьи специалиста должны были быть беспрепятственно уволены в случае их отъезда вместе со специалистом. Администрация предприятия, в которое перемещался специалист, была обязана предоставить ему жилую площадь немедленно по приезде. В течение первых трех месяцев допускалось размещение специалиста в общежитии, но по истечении этого срока должно было быть предоставлено нормальное жилье. За переведенным работником и членами его семьи сохранялась прежняя жилплощадь в течение года после того, как специалист был полностью обеспечен жильем на новом месте (Там же. Д. 1726. Л. 59; Д. 1746. Л. 2–3).

Устройству быта перемещенных специалистов также уделялось внимание. 9 декабря 1931 г. вышло постановление СНК СССР о сохранении за семьями рабочих, перебрасываемых ВСНХ СССР для работы на важнейших строительствах, рабочего снабжения и всех видов коммунально-бытового обслуживания наравне с семьями рабочих предприятия, откуда была проведена переброска. Согласно этому постановлению перемещенные специалисты входили в ту же категорию рабочего снабжения, которой они пользовались до переброски (Там же. Д. 1721. Л. 1). Члены семей таких специалистов полностью приравнивались к членам семей рабочих этого предприятия в отношении пользования заводским жилищным фондом и коммунального и бытового обслуживания.

* * *

Таким образом, к концу 1930 г. фактически сложился основной механизм и алгоритм проведения социально-трудовых мобилизационных кампаний специалистов. Как правило, мобилизация начиналась с распоряжения правительства об обеспечении той или иной отрасли или предприятия специалистами, на основе которого по распоряжению НКТ осуществлялась сама кампания. Каждая мобилизация начиналась с учета специалистов соответствующих специальностей; для вынесения решения о перемещении создавалась специальная межведомственная комиссия из представителей органов труда, отрасли или предприятия, для которого осуществляется переброска, и представителей соответствующего отраслевого профсоюза. Непосредственное перемещение ИТР осуществляли органы труда в соответствии с установленным порядком. Типичной чертой всех кампаний по переброске специалистов было дублирование функций участвовавших в ней разных организаций (органы НКТ, профсоюзы, ведомства).

Практика проведения и эффективность кампаний по мобилизации специалистов (1930–1932 гг.)

При практическом решении задач по мобилизационной переброске специалистов в определенные отрасли экономики и конкретные регионы органы НКТ в своей повседневной деятельности постоянно сталкивались с проблемами, вызванными несовершенством как самого механизма принятия решений, так и процедур осуществления перераспределения кадров, что вызывало их низкую эффективность. Базовой причиной, обусловившей данное положение, являлось широко распространенное дублирование функций участвовавших в этом процессе организаций.

На основании конкретного постановления директивных органов различные учреждения и организации, осуществлявшие учет и последующую мобилизацию, издавали свои внутриведомственные инструкции, нередко выполняя при этом одну и ту же работу. В частности, НКТ СССР занимался учетом, проверкой правильного использования специалистов и составлением списков лиц, подлежащих переброске. Одновременно с ним практически та же работа проводилась по линии профсоюзов. ВМБИТ постоянно получало руководящие указания по организации новых кампаний, сменявших друг друга едва ли не ежемесячно, и, в свою очередь, направляло множество собственных постановлений и решений на места.

На результаты кампаний существенно влияла необходимость большого количества межведомственных согласований. Так, согласно директивному письму НКТ РСФСР от 17 июня 1931 г., областные отделы труда могли самостоятельно производить изъятие специалистов лишь из предприятий и организаций местного значения, в то время как изъятие специалистов из предприятий республиканского и союзного значения могло быть осуществлено только с санкции НКТ РСФСР или СССР соответственно (ГА РФ. Ф. Р-5515. Оп. 17. Д. 429. Л. 45). Республиканский и союзный наркоматы, в свою очередь, могли

производить перемещение специалистов только по согласованию с тем наркоматом и ведомством, из системы которого проводилось изъятие «спеца», а в случае межведомственных разногласий вопрос решал Совет труда и обороны (СТО). Поскольку вся работа по отбору и перемещению специалистов ложилась на региональные отделы труда, а структуры НКТ выполняли при этом контролирующую функцию, то зачастую оперативно решить проблемы, возникавшие при переброске специалистов, не представлялось возможным. Как правило, получая «сверху» разверстку на переброску, отделы труда были вынуждены изыскивать и изымать специалистов из предприятий союзного и республиканского значения, поскольку местная промышленность состояла в основном из предприятий жилищно-коммунального хозяйства, промкооперации и потребкооперации и не имела нужного количества квалифицированных работников. Согласование же перебросок с НКТ и другими ведомствами требовало столь значительного количества времени, что в условиях жестко ограниченных сроков проведения кампаний делало неэффективным обращение отделов труда в НКТ.

Сказанное выше отчетливо прослеживалось в реальной практике. Например, при откомандировании 14 специалистов-водопроводчиков во временное распоряжение Водоканалстроя в рамках кампании по обеспечению рабочей силой предприятий Магнитостроя в мае 1931 г. сложилась весьма типичная ситуация. При составлении списков перебрасываемых специалистов НКТ СССР использовал сведения, предоставленные заинтересованными в данной мобилизации организациями, которые самостоятельно выявляли требуемых специалистов на других предприятиях. При этом НКТ не проводил проверки этих сведений, поскольку не имел полных данных учета специалистов не только на периферии, но и в Москве. Подобная бесконтрольность приводила к тому, что некоторые организации прибегали к практике профессиональных мобилизаций даже тогда, когда в этом не было особой необходимости, как это случилось с переброской вышеупомянутых специалистов-водопроводчиков. Как показало обследование бригады НКТ СССР, задание по выполнению рабочих чертежей для Магнитостроя Водоканалстрой мог выполнить своими силами, поскольку в учреждении имелось достаточное количество работников необходимой квалификации (240 инженеров и 191 техник) (ГА РФ. Ф. Р-5515. Оп. 33. Д. 43. Л. 55). Тем не менее, заявку Водоканалстроя приняли к исполнению, при этом в разверстку были включены не только предприятия, подведомственные Моссовету, но и три организации республиканского масштаба. Подобная практика существовала повсеместно.

Несогласованность действий различных структур в процессе перемещения специалистов имела место даже в рамках одного ведомства и была иногда весьма значительной. При проведении все той же переброски специалистов-водопроводчиков выяснилось, что НКТ передал надзорным органам список организаций, будто бы уклоняющихся от выполнения мобилизационных предписаний в отношении своих кадров (Моссантехстрой, Московский отдел коммунального хозяйства, Госсантехстрой, Госпроэкт). При проверке органами прокуратуры выяснилось, что ни одно из указанных предприятий не было по-

ставлено в известность о самом факте участия в мобилизации «спецов» (Там же. Л. 55 об.). Несмотря на выявленную ошибку, НКТ (уже после вызова представителей названных организаций в прокуратуру) дал им распоряжение о переброске, не проверив наличие требуемых специалистов, лишь указав, что в случае отсутствия требуемой специальности им надлежит договориться со Стальпромом о замене.

Столь несовершенный механизм организации перебросок специалистов приводил к низкой хозяйственной эффективности кампаний. Уже в ходе кампании по переброске 50 инженеров и техников в Кузбасс, несмотря на высокий уровень принятия решения (постановление ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г.), директиву в полной мере осуществить не удалось. Специалистов угольной промышленности для Кузбасса предлагалось набрать в Московской и Ленинградской областях путем переброски из сферы управления на производство. При Московском отделе труда была создана комиссия из представителей РКИ, ВСНХ, Совета профсоюзов и под председательством ответственного работника НКТ. Профсоюзные организации ИТР (московское и ленинградское межсекционные бюро, центральные бюро ИТС горняков, металлистов и строителей) должны были составить и направить в отделы труда списки специалистов для переброски, а также следить за перемещением кадров. Оценивая интенсивность кампании, ВМБИТ в постановлении, принятом в декабре 1930 г., отмечало плохую работу профсоюзных органов и сильное сопротивление хозяйственников перемещениям специалистов (ГАНУ. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 183. Л. 53, 3).

К концу 1930 г. был составлен план разверстки 45 намеченных к переброске в Кузбасс специалистов из учреждений Москвы и Ленинграда. Однако 3 февраля 1931 г. в распоряжение Востокугля явилось только 8 чел. (шесть из Москвы, двое из Ленинграда). Комиссия, созданная при Московском отделе труда для отбора специалистов в Кузбасс, не могла преодолеть сопротивления со стороны как специалистов, так и руководителей учреждений, откуда изымались «спецы». Сопротивление переброскам специалистов происходило на всех уровнях, в т. ч. на самом высоком – предписания не подчиняться постановлениям о переброске поступали даже от членов Президиума ВСНХ СССР. Несмотря на принятые НКТ СССР энергичные меры борьбы с нарушителями (наложение штрафов и дисциплинарных взысканий на руководителей предприятий, обращение в прокуратуру, организация показательных судов над уклонившимися от переброски специалистами и др.), перелома в проведении кампании достичь так и не удалось (ГА РФ. Ф. Р-5548. Оп. 10. Д. 56. Л. 1–2).

Летом 1930 г. на основании постановления СНК СССР от 1 июня о мероприятиях по развертыванию строительства новых металлургических заводов осуществлялась переброска специалистов на Магнитострой и Кузнецкстрой – в течение месяца предусматривалось переместить 110 чел. из Москвы, Ленинграда, Сталинграда и других регионов. Большая часть намеченного плана была выполнена (переброшен 91 чел.) (ГАНУ. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 147. Л. 102). Вместе с тем в ходе этой работы обнаружились и серьезные сбои. Как отмечалось на совещании секретарей отраслевых ЦБ ИТС, проведенном ВМБИТ 19 июля 1930 г., отсутствовала гарантия того, что будут направлены специалисты «наи-

более необходимых для строительства квалификаций» (Там же. Л. 103). Несмотря на все усилия, НКТ так и не смог выяснить, сколько мобилизованных специалистов добралось до места назначения. Предприятия, давая заявки на определенное количество специалистов, не уточняли при этом, кто конкретно им нужен, так что переведенный специалист мог оказаться совершенно невосстановленным. В то же время и ВСНХ СССР достаточно формально относился к сбору заявок от руководства по строительству новых заводов-гигантов, поскольку из-за новизны и масштабности задач многие проектировки оставались в стадии обсуждения. Большинство действовавших на тот момент хозяйственных органов старалось по возможности избежать проблем, связанных с мобилизацией специалистов, и фактически тихо саботировало директивные кадровые решения, не оказывая НКТ никакой помощи в их реализации.

По мере развертывания и выдвижения Урало-Кузбасса как одной из наиболее приоритетных, «ударных» строек пятилетки принимаются новые меры по дополнительной переброске сюда специалистов. Директива НКТ СССР от 22 августа 1930 г. предписывала распределить на Урал и в Кузбасс 350 специалистов-металлургов, подлежащих мобилизации (ГА РФ. Ф. Р-5515. Оп. 1. Д. 88. Л. 4–5). Как и ранее, при выполнении данного распоряжения возникли те же проблемы: ведомства, на которые была возложена ответственность за разверстку и откомандирование специалистов, медлили, несмотря на 3-дневный срок исполнения, ВСНХ СССР и РСФСР начали работу только через 6 дней, да и то в нарушение установленной процедуры.

Проведение мобилизации тормозилось также отчаянным сопротивлением хозорганов, откуда намечалось осуществить изъятие специалистов. Причем оно оказалось настолько сильным, что только по Москве были привлечены к административной ответственности руководители 15 организаций и 87 специалистов, отказавшихся от мобилизации. К 20 сентября было мобилизовано 254 из 350 чел., намеченных к мобилизации, реально прибыло на места только 140 чел. (Там же. Д. 244. Л. 150–151, 152). Особым фактором, затруднявшим поведение переброски, являлось отсутствие действенного контроля над ходом проведения мобилизации со стороны вышестоящих органов, таких как ВСНХ СССР и РСФСР, и отсутствие эффективного способа воздействия на уклонявшихся от переброски специалистов (основной мерой воздействия стали общественно-показательные суды и вынесение общественного порицания).

Острая нехватка специалистов и сложности с их переброской зачастую вызвали потребность в дополнительном перемещении квалифицированных работников. Тогда в рамках общей объявленной кампании проводились мобилизации по конкретным запросам предприятий. Так, в марте 1931 г., по предписанию заместителя председателя СНК СССР Я.Э. Рудзутака НКТ СССР осуществил переброску на Магнитогорский комбинат специалистов для выполнения рабочих чертежей водопровода и канализации, а также инженеров-железнодорожников и телеграфистов (требовалось 30 инженеров и 10 техников). Кампания так и не была окончена: на май 1931 г. было перебросено 67,5 % от необходимого количества специалистов (Там же. Ф. Р-5515. Оп. 17. Д. 289. Л. 139).

Одной из наиболее крупных и длительных была кампания по возвращению специалистов на транспорт, начавшаяся после принятия постановления СНК СССР от 21 мая 1930 г. и продолжившаяся в 1931 г. (постановление НКТ СССР от 16 января 1931 г.). Межведомственная несогласованность самым непосредственным образом сказалась на воплощении директивы в реальность. При организации перебросок решения принимались без необходимого согласования с другими органами, ведомственные интересы которых очевидным образом при этом затрагивались. Например, к переброске были намечены три инженера путей сообщения, работавших в Управлении тепловых сетей Ленинграда, что входило в противоречие с постановлением СТО от 26 июня 1930 г. о подготовке инженеров и техникув-теплофикаторов, поскольку указанные инженеры проводили производственную практику для молодых специалистов не только Ленинграда, но и других регионов (Там же. Д. 89. Л. 30; Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 54. Л. 286–292).

Кроме того, значительно усложняла работу несогласованность действий внутри самих органов НКТ, имевших разные уровни иерархии. Так, в августе 1930 г. возникла ситуация, когда вследствие несогласованности действий органов труда (без ведома ВСНХ РСФСР и крайСНХ) переброске в Дортранс подлежал практически весь состав технических руководителей дальневосточного стройобъединения. С жалобой по этому поводу в НКТ СССР обратился ВСНХ РСФСР. Не располагая необходимой информацией, НКТ переадресовал жалобу в Дальневосточный крайотдел труда с рекомендацией пересмотреть принятое ранее решение с учетом интересов ключевого экономического наркомата (ГА РФ. Ф. Р-5515. Оп. 17. Д. 89. Л. 25, 23).

Очевидно, что отсутствовал не только действенный механизм контроля над проведением мобилизаций, но и внутри самого Наркомата труда не существовало эффективно отлаженного взаимодействия с региональными отделами труда. Дело доходило до того, что решения отделов труда противоречили общим постановлениям НКТ. Так, при реализации директивы НКТ о подготовке транспорта к осенним перевозкам 1930 г. заведующий Ленинградским областным отделом труда Моисеев распорядился задержать выполнение этого решения, поскольку хотел договориться в Москве об освобождении Ленинградской области от этой мобилизации (Там же. Д. 88. Л. 13). Такой порядок не просто усложнял процесс разрешения конфликтных ситуаций, а фактически способствовал их возникновению.

Отсутствие регулярного и регламентированного обмена информацией между НКТ и региональными отделами труда привело к тому, что повсеместно стала вводиться практика командирования уполномоченных наркомата на места для ускорения работы по переброске тех или иных специалистов. Усложнение механизма осуществления перебросок снижало их результативность. Переброски осуществлялись крайне медленно, план перебросок специалистов на транспорт не выполнялся, что подтверждалось отчетами местных отделов труда. Например, на 26 августа 1930 г. по Ленинградскому отделу труда было переброшено 14 из 55 выявленных специалистов в сфере транспорта, по Самарскому – соответственно один из 13, по Саратовскому – ни одного из 21 специалиста. В Нижегород-

ском отделе труда работа по учету и переброске данной группы специалистов не велась вообще (Там же. Д. 88. Л. 2, 51).

Столь медленные темпы проведения мобилизационной кампании заставили НКТ СССР принять 16 января 1931 г. постановление «О переброске 300 специалистов из других отраслей на железнодорожный транспорт», в котором имелась разверстка (по РСФСР к переброске намечалось 215 чел.) и содержались конкретные указания для НКТ союзных республик (ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1746. Л. 1). Были созданы межведомственные комиссии, установлены жесткие сроки. Краевым и областным отделам труда предписывалось каждые пять дней, начиная с 25 января 1931 г., сообщать результаты работы по телеграфу, а к 1-му, 15-му февраля и к середине марта посылать письменные отчеты (Там же. Л. 6). Но, как отмечал в объяснительной записке о ходе переброске специалистов на транспорт член коллегии НКТ СССР Алексеев, к 6 февраля 1931 г. работа даже не была начата (ГА РФ. Ф. Р-5515. Оп. 17. Д. 282. Л. 9). К августу 1931 г. (через полгода после начала кампании) контрольные цифры были выполнены лишь на треть: из 23 584 выявленных специалистов-транспортников на работу было возвращено 8 066 чел. (Там же. Л. 1; ГАНО. Ф. Р-5515. Оп. 17. Д. 282. Л. 10). Причины столь невысокой эффективности лежали в сферах организационной и поведенческой: несогласованность действий руководящих организаций, сопротивление со стороны управленцев и самих специалистов. В дальнейшем процесс перемещения специалистов-транспортников продолжался, но механизм, а вместе с ним и проблемы осуществления перебросок оставались неизменными.

При осуществлении мобилизационных кампаний практически всегда возникали проблемы, вызванные несогласованностью действий, отсутствием эффективных методов контроля со стороны органов НКТ, ответственных за переброски. Это приводило к тому, что предприятия, потенциально или реально нуждавшиеся в специалистах, не относились серьезно к возможности решить кадровые проблемы путем мобилизации. Поэтому либо вообще не подавались заявки на специалистов, либо задерживалась подача обоснованных заявок, либо заявки составлялись «с запасом» – включался не только квалифицированный персонал, но и чернорабочие, грузчики и т. д.

В 1930–1931 гг. в процессе формирования организационного механизма кампаний собственно перебросок было немного и все они, вне зависимости от директивных приоритетов и масштабов, имели невысокую результативность. Так, в ходе кампании по учету и переброске специалистов рыбной промышленности (постановление СНК СССР от 24 июля 1930 г. о мерах по увеличению добычи рыбы) к концу 1930 г. в распоряжение Союзрыбы было реально откомандировано лишь три специалиста (работавших не по специальности) из отобранных 260 (по заявке требовалось 278 чел.) (ГА РФ. Ф. Р-5515. Оп. 17. Д. 90. Л. 49, 52 а).

Весьма показательной стала кампания по возвращению 162 специалистов для работы на предприятиях черной металлургии (постановления СТО СССР от 10 сентября 1931 г.). Несмотря на энергичные меры (составление персональных списков перебрасываемых специалистов в НКТ СССР) и контроль со

стороны ЦК ВКП(б), перемещение шло медленно. К 25 сентября 1932 г. было переброшено 107 чел., не отправлено по причинам отказа самих специалистов и сопротивления хозяйственников 37 чел., освобождено по разным причинам 5 чел., 14 чел. не смогли «найти по адресатам» (Там же. Д. 433. Л. 1, 44, 46). Добиться полного выполнения разверстки так и не удалось. Одной из причин этого стало упорное сопротивление части специалистов: несмотря на выданные персональные предписания, они отказывались ехать на металлургические заводы Урала и Сибири. По представлению прокуратуры судебные органы Москвы и Ленинграда вынесли постановления в отношении шести специалистов (причем дело одного из них рассматривалось дважды), но только двое из них выехали по назначению.

Слабое воздействие судебно-административных мер объясняется тем, что руководителям-хозяйственникам выносились только общественные порицания. Кроме того, сам процесс прохождения дел через прокуратуру и суд растягивался на несколько месяцев. Например, в нарсуд Москвы было передано дело о привлечении к уголовной ответственности девяти «спецов», нарушивших постановление о переброске ИТР для металлургической и огнеупорной промышленности. Состоявшийся 7 августа 1932 г. суд вынес обвинительный приговор только одному из обвиняемых, в отношении остальных дело было направлено на дополнительное расследование. Все попытки НКТ СССР повлиять на пересмотр дела были отклонены. И если прокуратура, со своей стороны, считала собранные в результате следствия материалы достаточно полными для предания виновных суду, то судебные органы ссылались на недостаточность проведенного следствия (ГА РФ. Ф. Р-5515. Оп. 17. Д. 433. Л. 82).

В действительности, как правило, основной проблемой становилось сопротивление руководителей предприятий, где трудились намеченные к переброске «спецы». Директора и управляющие объединений отказывались откомандировывать специалистов, ссылаясь на предыдущие распоряжения собственных комиссариатов. Так, несмотря на приказ Г.К. Орджоникидзе, обязывавший все объединения ВСНХ передать специалистов, определенных к переброске в черную металлургию и огнеупорную промышленность по постановлению СТО от 10 сентября 1932 г., отдельные директора предприятий и даже члены Коллегии НКТ СССР (Алексеев, Мартинович) не выполнили это решение (Там же. Л. 107). Двойственное отношение к кампании наблюдалось даже в партийных кругах. Несмотря на особый контроль со стороны партийных органов, некоторые крупные парторганизации (ЦК КП(б)У, партийные комитеты Москвы и Ленинграда) вместо оказания помощи протестовали против откомандирования отдельных специалистов, пытаясь либо освободить их от переброски либо заменить другими специалистами (Там же. Л. 107–108). Все это вело к тому, что кампания шла вяло и неэффективно. 23 января 1933 г. НКТ СССР сообщил в Комиссию исполнения СНК СССР об окончании переброски металлургов, несмотря на то, что разверстка не была полностью выполнена: к этому времени удалось перебросить только 132 из 162 специалистов; 17 чел. было освобождено по разным причинам (12 чел. – по распоряжениям директивных органов); 13 чел. не откомандировано (Там же. Л. 1).

Даже те кампании, которые считались успешно реализованными, не имели 100 %-ной эффективности. Таковой была, например, кампания по переброске специалистов в систему Цудортранса, которая началась с постановления СТО от 2 февраля 1931 г. Уже 1 марта 1931 г. НКТ СССР сообщил об успешном окончании переброски, но на самом деле разверстка была выполнена только по РСФСР (при заявке на 120 чел. было переброшено 134); по СССР из необходимых 100 специалистов было переброшено только 43 чел. (Там же. Д. 294. Л. 69). Между тем, согласно проверке выполнения решения, к 30 мая 1931 г. в распоряжение Цудортранса фактически прибыло только 11 специалистов (Там же. Д. 300. Л. 1).

Таким образом, средняя эффективность рассмотренных кампаний 1931 г. составляла 50 % (имея в виду основной показатель – соотношение между контрольными и фактическими цифрами переброски «спецов»). В ходе их осуществления возникало множество организационных противоречий, которые позволяли каждому ведомству, вовлеченному в решение этой проблемы (а их, как правило, было несколько), «тянуть одеяло на себя». О неэффективности сложившейся системы трудовых мобилизаций свидетельствовало принятие совместного постановления Президиума ЦКК ВКП(б) и Коллегии НК РКИ СССР по вопросу о рациональном использовании специалистов в аппарате промышленности и на производстве (29 февраля 1932 г.). В постановлении отмечался «острый недостаток инженерно-технических кадров, который усугублялся недопустимым отношением хозяйственников к использованию специалистов, отсутствием плановой загрузки и учета труда специалистов, использованием их не по прямой специальности и на канцелярской работе, отсутствием четкого планирования кадров специалистов» (цит. по: ГАНУ. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 195. Л. 123). Постановление предусматривало меры по налаживанию учета специалистов, обеспечению ими первостепенных отраслей промышленности и организации проверки их правильного использования на производстве.

В 1932 г. проведение мобилизационных кампаний по перераспределению специалистов приняло повсеместный и обыденный характер. К этому методу решения кадровых проблем стали прибегать различные ведомства, причем для достижения менее глобальных целей. Происходило дальнейшее упорядочивание механизма перебросок. По линии профсоюзов организовывались, параллельно ведомственным переброскам, мероприятия по переброске специалистов из аппарата на производство, движения соцсоревнования и ударничества среди ИТР и т. п. Сложившаяся к этому времени законодательная база содержала ряд постановлений, которые часто противоречили друг другу, дублировали действия разных органов, устанавливали сложную систему согласований. Все это нередко ставило отделы труда, по мнению их руководства, «в положение безногого человека, которому приказывают бежать, а если и имеются в работе некоторые результаты, то только благодаря проведению изолированных мероприятий, которые не могут служить постоянным методом работы органа труда» (ГА РФ. Ф. Р-5515. Оп. 17. Д. 429. Л. 46).

Инициаторами организации перебросок, как правило, являлись директивные органы. В ряде случаев переброски санкционировались в рабочем порядке рас-

поряжениями НКТ СССР. Нередко отдельные учреждения и организации использовали переброски для своего обеспечения даже незначительным количеством специалистов. Основанием для решения таких частных проблем зачастую служили задания «сверху» об ускорении тех или иных работ. Это позволяло добиваться от вышестоящих структур распоряжений, обязывавших органы труда направлять туда в порядке мобилизации квалифицированных специалистов и т. д. Данная практика, по оценке сектора кадров НКТ СССР, была весьма распространенной в 1930–1932 гг. В 1932 г. средняя эффективность некоторых кампаний по переброске специалистов (в частности, в Центральном регионе) была несколько выше, чем в 1930–1931 гг. – до 79 %, что объяснялось в основном небольшой потребностью в специалистах (Там же. Л. 39, 50).

Продолжалось сопротивление переброскам со стороны руководителей предприятий и самих специалистов. За 1932 г. на организации было наложено 102 штрафа на общую сумму 5 978 р., причем штрафы, как правило, выплачивались из средств организации; привлечены к судебной ответственности 40 специалистов и руководители 47 организаций (Там же. Л. 1). На наш взгляд, это позволяет говорить о достаточно широком распространении неподчинения распоряжениям о мобилизации специалистов. Но, как отмечалось выше, реальные наказания имели не уголовное, а административное содержание и потому не представляли серьезной угрозы ни для хозяйственников, ни для самих «спецов».

Весьма затрудняла осуществление мобилизаций и неналаженность технологии непосредственного перемещения специалистов. Переброшенные работники зачастую не получали квартир, им не выплачивались суточные и подъемные, их не прикрепляли к закрытым столовым и распределителям продуктов и не всегда использовали по специальности. На этой почве, согласно отчету сектора кадров НКТ СССР, с 15 ноября 1930 г. по 15 ноября 1932 г. дезертировало 90 % всех переброшенных специалистов (Там же. Л. 38).

Перемещение не решало проблему нехватки кадров, поскольку в 1932 г. только 23 % потребности в молодых специалистах покрывалось за счет выпускников учебных заведений, большую же часть (около 50 %) должны были восполнить кампании по переброске специалистов (Там же. Л. 2). Но данная задача не была решена из-за неэффективности кампаний, хотя в результате их осуществления к 1932 г. численность ИТР на производстве несколько увеличилась, например, в черной металлургии до 17,5 %. Это составляло около половины необходимого для развития данной отрасли промышленности количества специалистов. Кроме того, из-за экстенсивности характера решения кадровой проблемы велика была текучесть кадров: в 1932 г. на предприятия черной металлургии прибыло 3,8 % ИТР, а убыло 3,9 % (Там же. Л. 1; Д. 433. Л. 44, 45).

Несмотря на низкую эффективность, мобилизационные кампании стали неотъемлемой частью системы административного регулирования трудовой деятельности, и дальнейшее решение кадровых вопросов виделось в усилении контроля, в строгом учете перемещений «спецов» и других мероприятиях, прежде всего административного характера, в т. ч. с применением мощи надведомственного органа, каковым выступала система органов ЦКК–РКИ.

Вопрос о неэффективности системы трудовых мобилизаций по самой своей сути не ставился и даже, видимо, не осознавался. Мобилизации играли важную политическую роль, являясь одним из средств давления в данном случае на интеллигенцию. Для власти это было делом не менее важным, чем экономический успех кадровых перебросок.

Особенности проведения мобилизационных кампаний по перераспределению специалистов в Сибири

Сибирский регион, занимавший важное место в планах индустриального развития страны, испытывал острую потребность в кадрах специалистов. По данным СибСНХ, в 1928 г. 34 % всего технического персонала сибирской промышленности составляли практики. Наиболее квалифицированные кадры ИТР были заняты в управленческом аппарате. На ряде предприятий Сибири вообще не было инженеров и техников. Значительная часть специалистов относилась к категории «старых» кадров – стаж работы в данной отрасли от 5 до 10 лет имели 22,8 %, свыше 10 лет – 30,8 %. К концу первой пятилетки народному хозяйству Сибири требовалось дополнительно до 5,5 тыс. инженеров и 9,5 тыс. техников (ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 976. Л. 42-45; Ф. Р-672. Оп. 1. Д. 579. Л. 26); [Власть и интеллигенция..., 1999. С. 156–158; Красильников и др., 2007. С. 65].

Однако лишь две мобилизационные кампании начала 1930-х гг. были ориентированы на Сибирь (первая целиком, вторая частично). Первая – это кампания по переброске 50 инженеров и техников в Кузбасс. В связи с т. н. прорывом в угледобывающей промышленности Кузбасса в 1929/30 хоз. г. (значительное отставание от плановых заданий по угледобыче, себестоимости продукции, производительности труда и т. д.) ЦК ВКП(б) было принято два постановления: «О работе парторганизации Кузбасса» от 26 октября 1930 г. и «О положении угольной промышленности Кузбасса» от 10 декабря 1930 г., с которых началось осуществление данной кампании, имевшей огромный общественный резонанс (За уголь Востока. 1930. № 1. С. 2–5; № 2. С. 1–3); [КПСС в резолюциях и решениях... Т. 5. С. 224]. О ходе ее проведения и результатах говорилось в предыдущем разделе. Напомним, что к концу 1930 г. для переброски на угольные предприятия Кузбасса из учреждений Москвы и Ленинграда было отобрано 45 чел., составлен план их распределения по четырем районным управлениям (Прокопьевскому, Кемеровскому, Ленинскому, Анжеро-Судженскому) треста «Востокуголь». Но в действительности на работу в Кузбасс к маю 1931 г. приехало лишь 27 чел. Кампания так и не была окончена, добиться перемещения всех намеченных специалистов не удалось (ГА РФ. Ф. Р-5548. Оп. 10. Д. 56. Л. 1–2, 12–26, 70).

Вторая – кампания содействия строительству Урало-Кузбасского металлургического комплекса (УКК). Это строительство находилось в центре внимания, в т. ч. и общественных организаций, не только Урала и Сибири, но и всей страны. Над УКК шефствовал комсомол (при редакции «Комсомольской правды» был создан штаб всесоюзного комсомольского контроля в помощь Урало-Кузбассу), большое внимание ударной стройке уделяли профсоюзы. В 1931 г.

при ВМБИТ была создана специальная бригада по УКК, а при ЦК профсоюза горнорабочих и президиуме горного научно-технического общества – комитет содействия УКК.

Оказание помощи Кузбассу было одним из главных направлений деятельности общественных организаций научно-технической интеллигенции в Западной Сибири (инженерно-технических секций, секций научных работников, ВАРНИТСО). Центром содействия Кузбассу и строительству УКК здесь являлся Томск с его вузами и научными учреждениями. Большую работу вели общественные организации Новосибирска и Омска. Проводились научно-технические консультации, на предприятия Кузбасса выезжали для работы бригады студентов, научных и инженерно-технических работников. Велась борьба за своевременное выполнение заказов для УКК предприятиями и проектными учреждениями, разрабатывались сверхплановые проекты, научные темы, связанные с нуждами Кузбасса. Организовывались мероприятия по подготовке кадров для Кузбасса – курсы для рабочих, различные формы повышения квалификации административно-технического персонала и т. п. Широко пропагандировалось культурное шефство над Кузбассом, проводились выставки, посвященные УКК, читались популярные лекции. В 1931 г. профсоюзные организации и ИТС Западной Сибири активно участвовали в работе по составлению встречного плана УКК на вторую пятилетку (см.: [Пыстина, 1987. С. 139–140; Красильников и др., 2007. С. 95–96]).

В ударном порядке формировались кадры специалистов для Кузнецкстроя. В соответствии с постановлением СНК СССР «О мероприятиях по развертыванию строительства новых металлургических заводов» от 1 июня 1930 г. было намечено перебросить к 1 августа 1930 г. на Магнитку и Кузнецкстрой 110 специалистов-строителей. По данным НКТ СССР на середину июля 1931 г., был переброшен 91 чел., в т. ч. из Москвы и Ленинграда – 44 (планировалось 60 чел.), с Днепростроя – 17 (планировалось 20), из Сталинграда – 10 и с Турксиба – 20 чел. Несмотря на столь пристальное внимание к кадровой проблеме одной из важнейших строек страны, специалистов, приехавших по мобилизации центральных органов, на Кузнецкстрое было не так много. По данным обследования, проведенного бригадой Запсибкрайтруда в апреле 1931 г., на площадке Кузнецкстроя работало 1 188 чел. административно-технического персонала (314 в заводоуправлении, 813 на производстве), из них по мобилизации центральных ведомств (НКТ, ВСНХ, Востоксталь) приехало всего 88 чел. (59 инженеров и 29 техников) (ГАНУ. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 147. Л. 102; Ф. Р-532. О. 1. Д. 144. Л. 5).

Проблема комплектования кадров для «ударных строек» союзного значения стояла особенно остро. Наряду с малочисленностью и недостаточной квалификацией местных кадров большую роль здесь играло извечное противостояние Центра и провинции. По данным СибКК ВКП(б), в 1929 г. из 377 чел., принятых в учреждения Новосибирска, только 46 (12 %) прибыло из несибирских регионов [Власть и интеллигенция..., 1999. С. 184]. В мае 1929 г. СибкрайСНХ протестовал против действий НКТ СССР, перераспределившего в пользу военного ведомства (с откомандированием в Москву, Самару, Ташкент

и др.) группу выпускников Сибирского технологического института – 20 инженеров-строителей, которые по предварительному распределению должны были работать на стройках и предприятиях Сибири. При этом систематически не выполнялись «наряды» органов труда о посылке в Сибирь выпускников центральных вузов и техникумов (ГАО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1748. Л. 167).

В 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) обращался в распредел ЦК ВКП(б) с настоятельной просьбой пересмотреть разверстку мест в центральных вузах и сельскохозяйственных вузах на предмет увеличения количества мест для сибиряков. Представленные в 1930 г. 40 мест во вузы и 50 – в сельхозвузы «не могли обеспечить даже минимальных потребностей» – 2 тыс. специалистов «для земельно-колхозного сектора» и 1,2 тыс. инженеров и техников для промышленности, которых не хватало «уже сейчас». Как подчеркивалось в письме, подписанном секретарем Сибкрайкома ВКП(б) В. Кузнецовым, Сибирь регулярно получает «самое ничтожное» количество мест в центральных вузах, что не соответствует численности сибирской парторганизации и экономике края, в котором развернулось бурное строительство гигантов социндустррии, организуются крупные зерносовхозы и т. д. (Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 375. Л. 169). Для обеспечения квалифицированными кадрами крупнейших строек региона партийным и хозяйственным органам Сибкрая приходилось принимать экстренные меры. Например, в январе 1929 г. секретариат Сибкрайкома ВКП(б) создал особую комиссию для укомплектования специалистами Сибкомбайнстроя (Новосибирск), которой предстояло набрать группу специалистов из разных отраслей промышленности и хозяйственных учреждений региона. Кроме того, орграспределу Сибкрайкома было поручено составить заявку и просить ЦК ВКП(б) о срочной посылке специалистов на строительство завода [Власть и интеллигенция..., 1999. С. 162].

Мобилизационные методы широко использовались для решения кадровых проблем путем перераспределения специалистов между предприятиями и учреждениями региона. Например, в августе 1930 г. краевая МВК рассмотрела представленные окружными инспекторами труда списки специалистов-транспортников (железнодорожников и водников), работающих в других ведомствах. Было принято решение о переброске в трехдневный срок на транспорт 28 специалистов, работавших ранее в СибкрайСНХ, Лестресте, отделах коммунального хозяйства, стройтрестах и т. д. (Там же. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1943а. Л. 276, 279); [Власть и интеллигенция..., 1999. С. 200–201]. В декабре 1930 г. по предприятиям края были перераспределены специалисты, освободившиеся после ликвидации представительств трестов «Кавминразлив», «Якутгосторг», «Далькрайсоюз», «Ведснабпром», «ОМПК», «Союзсоль», «Союзстеклофарфор», «Союзтабак». Также в течение декабря 1930 г. было переброшено 289 чел. во время сокращения штатов на Сибкомбайне (ГАО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1574. Л. 49; Д. 1536. Л. 122). В январе 1931 г. по решению Запсибкрайисполкома в открывшийся новосибирский филиал Сибирского отделения Института сооружений были переброшены несколько специалистов из других организаций, а в апреле 1931 г. по решению Новосибирского горкома ВКП(б) крайтрудом была проведена мобилизация техперсонала и ра-

ботников аппарата для строительства завода горного оборудования (Там же. Ф. Р-1922. Оп. 1. Д. 27. Л. 11).

В 1931 г. было проведено несколько таких мобилизаций: в сентябре Запсибкрайтрудом – мероприятия по переучету и перераспределению специалистов черной металлургии, железнодорожной и огнеупорной промышленности; мобилизация специалистов цементной промышленности для действующих и готовящихся к пуску заводов; летом – кампания по возвращению на работу в финорганы специалистов финансового профиля (Там же. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1379. Л. 45; Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1786. Л. 76–77). В марте 1932 г. по решению крайисполкома 90 чел. (инженеров, механиков, техников, экономистов) перебросили на работу в разные приисковые управления треста «Запсибзолото» [Пыстина, 2000. С. 137].

Среди мобилизационных кампаний, проходивших в 1930–1932 гг. на территории Сибирского региона, можно выделить несколько основных групп (типов):

1. Кампании по мобилизации специалистов для Сибири: перемещение на предприятия края специалистов из центральных районов страны, в частности мобилизации ИТР для Кузбасса и Кузнецкстроя.

2. Всесоюзные и республиканские кампании по мобилизации и перераспределению кадров для отдельных отраслей народного хозяйства.

3. Региональные кампании (более или менее масштабные), проводившиеся по инициативе местных (краевых) органов власти для решения конкретных проблем – обеспечения кадрами ударныхстроек, производств и проч.

Кампании могли быть «разовыми» независимо от длительности и размаха (например, кампания по возвращению специалистов на транспорт, начатая в начале 1930 г.) и «сезонными» (повторяющимися), например, кампания по обеспечению лесосплава, проводимая ежегодно (1930–1932 гг.).

Основную работу по организации учета и перемещению специалистов осуществляли региональные органы НКТ – прежде всего краевой отдел труда (Сибтруд) при Сибкрайисполкоме (с 1931 г. Запсибкрайисполком, ЗСКИК), при котором в начале 1930 г. была создана межведомственная комиссия (МВК) (согласно постановлению НКТ от 14 января 1930 г.). В ее состав вошли представители РКИ, СНХ, профсоюзов (ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 183. Л. 53). Аналогичные комиссии были созданы при окружных отделах труда. На комиссию возлагалось ведение статистического учета ИТР, проверка всех специалистов, работавших в областных, краевых, окружных организациях и учреждениях, выявление тех специалистов, которые могли быть переброшены на производство. МВК составляла картотеку имевшихся специалистов, данные о которых (карточки) предоставляла в центральную межведомственную комиссию (ЦМВК) и Сибтруд. В задачу МВК входило также составление списков специалистов, подлежащих переброске, и утверждение их в присутствии представителей тех учреждений, откуда намечалась переброска.

Деятельность комиссии состояла в регулярном проведении заседаний (3–4 раза в месяц; в первой половине 1931 г. реже – 1–2 раза в месяц), на которых принимались постановления и главные решения, и ежедневной текущей работе сотрудников аппарата, обеспечивавшей проведение в жизнь и проверку

выполнения решений комиссии, согласование своей работы с другими ведомствами. В ее компетенцию входило перераспределение только специалистов с высшим образованием. Если выяснялось, что специалист не имел законченного высшего образования, то вопрос снимался с повестки дня, т. к. комиссия не была уполномочена на его решение. Основной целью работы МВК являлась переброска конкретных специалистов на новые места работы по конкретным заявкам предприятий и учреждений. Сведения об этом поступали в комиссию из НКТ через отдел труда при крайисполкоме.

В заседаниях МВК обязательно принимали участие представители тех ведомств, которые были непосредственно заинтересованы в распределении кадров специалистов. Сама же комиссия состояла из 3 чел. – представителей от ЗапсибкрайСНХ, Сибирского МБИТ (СМБИТ, ЗапсибМБИТ) и Сибтруда. Председательствовал в комиссии всегда представитель Сибтруда. В работе комиссии непременно участвовали представители различных ведомств и предприятий, прежде всего тех, дела которых непосредственно рассматривались на заседании, а также других предприятий и профсоюзов.

Деятельность комиссии была направлена на то, чтобы переместить в требуемые места как можно больше специалистов. Главным основанием для принятия решения было то, как использовался (или не использовался) специалист по своему профилю на прежнем месте работы. Только острая необходимость в специалисте на старом месте работы и использование его по специальности с максимальной загрузкой позволяла тому избежать переброски. В решениях МВК четко прослеживались три основных направления мобилизаций специалистов: приоритет ударныхстроек, перемещение из Центра в регионы интенсивного хозяйственного развития, перемещение из аппарата управления на производство.

Работа МВК основывалась на тесном взаимодействии с другими ведомствами. Члены комиссии сами не проводили обследования и проверки, вся информация стекалась к ним из других учреждений. Комиссия являлась координирующим центром, увязывавшим и согласовывавшим непростые межведомственные интересы. Материалы для работы поступали в МВК из двух основных источников: запросов на специалистов по линии НКТ и сведений о наличии специалистов на предприятиях от ЗапсибкрайСНХ. На заседаниях МВК полученные от предприятий списки рассматривались на предмет использования ИТР по специальности. Специалисты, рационально используемые предприятием, закреплялись за ним, остальные подлежали переброске согласно разверстке НКТ. Так, в рамках кампании по мобилизации специалистов лесного хозяйства 18 ноября 1930 г. комиссия рассматривала список специалистов, состоявших на службе в Кузнецкстрое. Ввиду приоритетности обеспечения крупнейшей стройки кадрами все специалисты из предоставленного списка были закреплены за Кузнецкстроем. Из числа специалистов лесного хозяйства, присланных Сибкрайснабом, на том же заседании комиссия составила свой список, оставив некоторых специалистов на прежнем месте работы (ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 183. Л. 53).

Помимо материалов, спускавшихся «сверху», комиссия сама могла запрашивать у предприятий и организаций недостающие сведения. Если не хватало

данных о том, насколько рационально специалист используется на своем производстве, то комиссия принимала решение проверить факты и поручала это СМБИТ. Результаты проверки поступали в МВК, на основе чего комиссия и принимала окончательное решение. Кроме того, рассмотрев отчет СМБИТ, комиссия могла дать дальнейший «ход» делу, в частности, потребовать объяснений от предприятия – нарушителя директивы. Если предприятие не реагировало на решение МВК или было очевидно виновно в неисполнении решения МВК, то комиссия могла передать дело в прокуратуру и потребовать возбуждения уголовного дела. Именно в такой ситуации на заседании 12 декабря 1930 г. МВК постановила передать в судебные органы дело об использовании не по специальности в течение трех месяцев крупного специалиста по теплотехнике инженера Фифарова для привлечения к ответственности руководства Сиблестреста (Там же. Л. 18, 29).

Комиссия также выполняла посредническую роль в решении конфликтов между предприятиями в отношении перемещения специалистов. Большую часть конфликтных ситуаций составляли случаи переманивания специалистов. Несмотря на все принимаемые строгие меры по учету и перераспределению специалистов, последних в Сибири катастрофически не хватало, и предприятия всячески старались в обход всех правил заполучить того или иного специалиста. Недовольные учреждения нередко обращались в МВК в поисках справедливости. Большую часть подобных дел комиссия с повестки дня снимала, не находя их особо важными. Процедура разрешения конфликта состояла в следующем: МВК посылала свое распоряжение в крайтруд, который вызывал представителей обеих сторон, вместе они решали вопрос в рабочем порядке (Там же. Л. 22).

Также в компетенцию МВК входило разрешение конфликтов, возникавших из-за отказа предприятий от выполнения директивных решений о перемещении специалистов. На заседании МВК 16 сентября 1930 г. рассматривалась жалоба Томского строительного техникума на руководство Кузнецкстроя, которое не отпускало инженера-строителя – преподавателя техникума с летних каникулярных работ. Комиссия отправила в Кузнецкстрой распоряжение, в котором предписывала командировать инженера обратно (Там же. Д. 184. Л. 8). Часто комиссии разбирали жалобы самих специалистов на неправильное их использование либо распределение. Так, на том же заседании рассматривалась жалоба студентов архитектурного отделения Омского стройтехникума, которые, по их заявлению, использовались Сибколхозсоюзом не по специальности. Комиссия поручила одному из своих членов выяснить возможность распределения студентов по их специальности (Там же. Л. 9).

Поскольку все без исключения предприятия и организации, которые участвовали в заседаниях, решали через комиссию свои вопросы, даже если в данном конкретном заседании их дела и не рассматривались, беспристрастной работы не получалось. Неявка на заседания представителей тех или иных предприятий была массовым явлением, но МВК, не имея права наказания, не обладала и механизмом прямого воздействия на предприятия. Отсюда и не-

высокая эффективность работы межведомственных комиссий, что послужило впоследствии основной причиной их роспуска.

Зачастую спускаемая «сверху» разверстка на специалистов не отражала адекватно всех запросов предприятий и не учитывала местную специфику. Поэтому руководители предприятий были вынуждены бороться за каждого специалиста, «добывать» их в обход законной процедуры, что вело к конфликтам между предприятиями. Частота и острота конфликтов снижали эффективность работы комиссии, а порой приводили даже к срыву заседаний. Тем не менее, за время своего существования МВК выполнили очень важную задачу: учет специалистов был поставлен на общегосударственную основу, практика их рационального перемещения стала повсеместной. После ликвидации МВК Наркомат труда и его региональные органы получили возможность самостоятельно распоряжаться ресурсами специалистов согласно планам правительства об экономическом развитии страны.

В целом работа МВК представляла собой сложный бюрократический механизм, который сочетал повседневную административную работу и регулярные заседания, выносившие решения более высокого уровня, нежели Крайтруд, т. к. основывались на взаимодействиях различных ведомств и предприятий. Но неслаженная работа ведомств и предприятий в комиссии, отсутствие рычагов воздействия на предприятия со стороны комиссии вели к тому, что ее работа была малоэффективной. Циркулярным письмом от 14 июля 1931 г. НКТ РСФСР распустил центральную МВК по перераспределению специалистов и ее краевые органы (Там же. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1746. Л. 30). Все полномочия МВК передавались в НКТ, на краевом (областном) уровне – в отделы труда, которые должны были решать проблемы перемещения специалистов, но уже не совместно с другими ведомствами, а лишь в случае надобности приглашая для консультации представителей предприятий или специалистов.

Любая мобилизационная кампания начиналась с выявления специалистов нужного профиля. Одновременно могло проводиться несколько кампаний, различных по отраслевому признаку и по «уровню» (союзная, республиканская, региональная). Для проведения какой-либо конкретной кампании создавалась своя межведомственная комиссия. Эти МВК выполняли работу, аналогичную работе краевой МВК, но, в отличие от нее, создавались только на время проведения кампании. Например, для разрешения вопросов переброски специалистов в Востокуголь на заседании Западно-Сибирской краевой МВК 28 октября 1930 г. была создана такая комиссия (Там же. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 184. Л. 19). В ее состав вошли представители Востокугля, ЗапсибкрайСНХ, Союза горняков и СМБИТ. В их задачу входила проработка имеющегося информационного материала и выработка заключения, которое необходимо было представить на одно из заседаний краевой МВК. Для решения проблемы перемещения специалистов в Кузбасс решением МВК от 5 ноября 1931 г. была также создана специальная комиссия в составе представителей Сибтруда, Востокугля, Сиблестреста, Крайдортреста и предприятий Урало-Кузбасса, с теми же задачами и полномочиями (Там же. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1830. Л. 117). Утверждение решений данной комиссии проходило на заседаниях краевой МВК. Краевая МВК, однако,

не имела права что-то менять в этих решениях, она могла лишь высказать свои соображения крайисполкому о их целесообразности, что и было сделано в данном случае, когда члены МВК усомнились в необходимости переброски одного из специалистов (Там же. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 184. Л. 27).

Существенное участие в разнообразных мобилизационных кампаниях конца 1920-х – начала 1930-х гг. принимали общественные организации инженерно-технической интеллигенции, особенно их руководящие органы в Центре и на местах. Можно сказать, что мобилизации специалистов в эти годы в значительной степени проводились силами самих специалистов. Разветвленная структура профорганизаций ИТР позволяла проводить многие мобилизационные мероприятия. Как отмечалось выше, профсоюзные организации играли ведущую роль в кампании по переброске ИТР из контор на производство (1929–1930 гг.), которая была ориентирована на добровольный переход специалистов. Позже, когда кампании приобрели более жесткие формы, и основная работа по перемещению специалистов была возложена на органы труда, профсоюзам по-прежнему отводилось важное место в этом процессе. Появился даже постоянный круг (своеобразный штат) ИТР, регулярно принимавших участие в работе проверочных комиссий в качестве представителей от ИТС. В частности, в январе 1931 г. Западно-Сибирское МБИТ создало постоянную бригаду из 10 инженеров, которая занималась обследованием предприятий Новосибирска, главным образом в составе комиссий, сформированных органами труда. Кроме того, бригада могла по собственной инициативе выявлять случаи неправильного использования специалистов и сообщать об этом в ЗапсибМБИТ и Сибтруд (ГАНУ. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1944. Л. 27); [Пыстина, 2000. С. 133].

Широко использовались «добровольно-принудительные» методы закрепления специалистов на производстве в рамках социалистического соревнования – кампании (декады, месячники) по переброске специалистов на производство, многочисленные «самозакрепления» на рабочем месте до конца пятилетки и т. п. Например, «ударниками и мобилизованными до конца пятилетки» объявили себя делегаты третьего краевого съезда ИТР Сибири в феврале 1930 г., призвавшие всех ИТР края перейти на ударные методы работы.

Непосредственное перемещение специалистов, а также координацию деятельности различных органов по мобилизации и контроль над проведением кампаний осуществляли органы труда. Практику организации мобилизационных кампаний Сибири можно представить на примере одной из крупнейших проводившихся здесь кампаний – по обеспечению лесной промышленности кадрами для проведения сплавной кампании 1930 г. Она была инициирована решением директивных органов (февраль 1930 г.).

В Сибири кампания началась с опубликования в газете «Советская Сибирь» постановления ЗСКИК «О мобилизации специалистов лесного хозяйства» от 31 августа 1930 г. (Там же. Д. 1714. Л. 64). Одновременно по приказу Запсибкрайтруда начался учет специалистов лесного хозяйства. Все предприятия и учреждения были обязаны представить списки лиц, работавших в них и имевших данную специальность. В отдел труда поступали также просьбы

специалистов о направлении их на работу по имеющейся лесной специальности, запросы от предприятий, нуждавшихся в лесных специалистах.

Для проведения данной кампании при Запсибкрайтруде была образована специальная межведомственная комиссия из представителей органов труда, лесосплавающих организаций и отраслевого профсоюза. В комиссию стекались все данные о наличии работников означенной специальности: сюда запрашивались имевшиеся в отделе труда «карточки» специалистов соответствующего профиля и составлялись новые на «выявленных» специалистов по сплаву. Затем все эти карточки отправлялись обратно в отдел труда. В комиссию же не позже пяти дней после опубликования постановления поступали заявки организаций на специалистов. После сведения всех данных (сколько специалистов требовалось, какие могли быть использованы на месте и о недостатке специалистов по сплаву с разбивкой по организациям) соответствующие справки направлялись в Центральную комиссию, которая давала местным комиссиям распоряжения о перебросках специалистов.

Технической стороной перемещений занимались инспекторы труда. Получив от МВК списки перебрасываемых специалистов лесного хозяйства, инспектор труда уведомлял о принятом решении и необходимости его выполнения как самого специалиста, так и администрацию предприятия, на котором тот работал. Администрация должна была в трехдневный срок откомандировать данного специалиста в распоряжение Сиблестреста для использования по прямой специальности. Подписывали уведомление председатель МВК по переброске специалистов лесного хозяйства (для придания легитимности) и инспектор труда как человек, непосредственно занимающийся данной переброской.

Списки мобилизуемых специалистов направлялись на предприятия, куда их перемещали. Вместе со списками от инспектора труда высылались сопроводительная записка, в которой администрация предприятия обязывалась принять меры к тому, чтобы данные работники использовались по прямой специальности и непосредственно на производстве. В записке также предписывалось немедленно представить отчет, указав предполагаемую должность, месячный оклад, условия переброски и устройства этих специалистов. Предприятия, не представившие требуемых данных, лишались возможности получить необходимых специалистов по заявкам и в срок. Описанная схема была стандартной, а сама кампания носила сезонный характер и мероприятия по мобилизации специалистов по сплаву проводились еще в марте 1931 г. и в марте 1932 г. (Там же. Ф. Р-1922. Оп. 1. Д. 27. Л. 5; Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1746. Л. 72). Весной 1931 г. для проведения сплавной кампании при Запсибтруде был создан «мобилизационный штаб». Специальная краевая бригада Запсибтруда проводила обследования (просматривала «личные столы» учреждений). Для ускорения работы по проверке и мобилизации был привлечен крайком ВЛКСМ, сформировавший комсомольские «отряды легкой кавалерии» (Там же. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1536. Л. 172, 180).

Примером «разовой» кампании общесоюзного масштаба, активно осуществлявшейся на территории Сибири, можно считать кампанию по мобилизации

специалистов-транспортников, которая началась в начале 1930 г. и шла больше года. Переброски осуществлялись по стандартному образцу.

Запсибтруд в «рабочем порядке» проводил мобилизации, выходившие за рамки регулирования профессиональной деятельности технических специалистов. Острая нехватка специалистов во всех сферах деятельности привела к тому, что в Сибири социально-трудовые мобилизации стали универсальным механизмом решения кадровых проблем. Эти мобилизации проходили по другой схеме. Одной из первых таких кампаний была переброска ветеринарных работников для работы в совхозы в декабре 1930 г. Она имела всесоюзный характер и началась с постановления СТО «О мобилизации ветеринарных работников для работы в совхозах» от 20 декабря 1930 г. (Там же. Д. 1713. Л. 122, 123). Эта кампания проходила по другой модели. МВК не создавалась, а списки переброшенных составляла коллегия Наркомзема. Однако после того как ни один из намеченных к переброске специалистов не явился к месту новой работы, списки были отправлены в Запсибтруд, который по существующей схеме осуществил переброску.

Кроме кампаний по переброске, инициированных НКТ РСФСР и проходивших на всероссийском уровне, Крайтруд проводил мобилизации по указанию ЗСКИК. Механизм проведения таких мобилизаций, а также объемы перебросок можно рассмотреть на примере кампании по переброске аптечных специалистов, которая началась в декабре 1930 г. с постановления ЗСКИК «Об обеспечении квалифицированной рабочей силой аптечных предприятий края» (Там же. Л. 26). Она проводилась по тому же сценарию, что и общероссийские кампании. Откомандированию в распоряжение Сибмедторга подлежали 12 из 16 аптечных работников, зарегистрированных к концу февраля 1931 г. В дальнейшем подобные кампании стали проводиться регулярно. Объем работы по распределению и перераспределению специалистов и квалифицированных работников был стабильно высоким и возрастал отчасти потому, что естественное регулирование в сфере труда ограничивалось рядом государственных мер, таких как ликвидация бирж труда 20 октября 1930 г., запрет на публикации объявлений о потребности в специалистах в декабре 1930 г. и др. (Там же. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1379. Л. 35).

Силами краевых органов труда, без участия МВК, проводились более мелкие, текущие перераспределения и переводы специалистов. Много такой работы осуществлялось на краевом уровне, по указанию местных руководящих органов. Приток специалистов в регион извне был невелик, поэтому проблема дефицита кадров решалась в основном за счет многократных перераспределений работников из различных краевых управленческих структур. Постоянные изъятия дезорганизовывали работу этих организаций. Так, в апреле 1931 г. Крайтруд принял решение о переброске четырех специалистов из аппарата Крайкомхоза в распоряжение Кузнецкстроя. Крайкомхоз предпринял попытку отменить это распоряжение, мотивируя тем, что мобилизация негативно скажется на работе управления, и выразил протест против «систематических домогательств со стороны Запсибтруда в отношении оголения аппарата крайкомхоза» [Пыстина, 2000. С. 138]. Такие ситуации, когда комплектование одного

«аппарата» пытались осуществить за счет другого, порождали большое количество различных межведомственных конфликтов, которые зачастую принимали затяжной характер. Например, более полугода (с сентября 1930 г. по март 1931 г.) не выполнялось решение сектора кадров ВСНХ СССР о переводе маркшейдера Киселева из проектной организации Шахтстрой в Западно-Сибирское районное геолого-разведочное управление (ЗСРГРУ), в систему маркшейдерского контроля. Руководство Шахтстроя настаивало на замене Киселева равноценным специалистом, и в этом было поддержано Запсибтрудом. Оба учреждения (Шахтстрой и ЗСРГРУ) находились в Томске (ГАО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1943. Л. 95–104).

Многочисленные мобилизации и переброски специалистов и квалифицированных рабочих порождали издержки, носившие порой курьезный характер, как это случилось летом 1931 г. с инженером Комсевморпути Рабиновичем, специалистом по строительству на Севере. Он был переброшен (мобилизован) Запсибтрудом на основании распоряжения ЗСКИК на строительство дома отдыха «Чемал» на Горном Алтае (в совхозе ЦИК СССР). После вмешательства НКТ СССР инженер был возвращен в аппарат Комсевморпути [Пыстина, 2000. С. 139–140].

Важной частью мобилизационных мероприятий была проблема удержания квалифицированных кадров на предприятиях, поскольку текучесть кадров сводила на нет все усилия по привлечению ИТР на производство. В условиях, когда специалистов не хватало, последних было сложно удержать, и они часто переходили на другие предприятия, привлеченные более выгодными условиями. Борьба велась как с самими специалистами-«дезертирами труда», так и с администрациями, переманивавшими специалистов. Например, 7 января 1931 г. Запсибкрайтруд решил привлечь к ответственности за нарушение правительственных распоряжений администрацию Сибкомбайна, допустившую прием на работу механика Баклана, «дезертировавшего с работы» из железорудного горного района Кузнецкстроя (ГАО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1574. Л. 54). 7 февраля 1931 г. Крайтруд рассмотрел вопрос о «дезертирстве с работы» специалиста Рыжкова и о привлечении виновных лиц из администрации Челябинктракторстроя «за наем рабочей силы помимо органов труда» (Там же. Л. 104). Сам Рыжков был снят с работы как «дезертир производства».

По отношению к «дезертирам труда» применялся целый комплекс мер. Все сведения о лицах, отнесенных к данной категории, обязательно направлялись в Крайтруд. В Новосибирском городском отделе труда составлялся специальный список «дезертиров труда и летунов». Нередко сведения на «дезертиров» направлялись одновременно и в отдел труда и в угрозыск.

Чтобы оценить эффективность мобилизационного сегмента работы отделов труда в Сибирском регионе, рассмотрим следующие конкретные примеры. Так, во время мобилизации специалистов для сплавной кампании 1931 г. было выявлено 10 746 специалистов по сплаву, работавших не по специальности. Для полного обеспечения кампании требовалось 59 763 квалифицированных работника, в то время как работало только 24 322, т. е. сплав был обеспечен квалифицированной рабочей силой на 40,7 %. Реально было пере-

мещено только 8 957 чел., т. е. 83,3 % от выявленных (подсчитано по: ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1846. Л. 10, 11, 112, 116). Таким образом, потребность в работниках была восполнена только на 25,3 %.

В результате другой кампании 1931 г. (мобилизации специалистов водного и морского транспорта) по Западно-Сибирскому краю было выявлено 222 речника, из коих переместили на водный транспорт 165 чел., или 74,3 % (подсчитано по: Там же. Д. 1754. Л. 41). Насколько реально удовлетворялись потребности предприятий в квалифицированной рабочей силе в данной кампании, можно судить по следующему примеру. В 1931 г. предприятию Запсиб-речтранспорт требовалось 47 ИТР. В процессе кампании по мобилизации ему было предоставлено 29 чел., что удовлетворило его потребности на 61,7 % (подсчитано по: Там же. Д. 1837. Л. 8; Д. 1879. Л. 74).

Таким образом, мобилизационные кампании в Западной Сибири имели среднюю эффективность около 50 % или менее и, следовательно, не могли полностью решить проблему нехватки специалистов.

Мобилизационные мероприятия в Восточно-Сибирском крае были менее интенсивными. В начале 1930-х гг. административная система управления здесь только складывалась, Восточно-Сибирский крайисполком заработал в полном составе лишь в 1934 г. После разделения Сибирского края в июле 1930 г. на два (Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский) аппарат Сибтруда остался в западной части региона, а в восточной части краевой орган труда, как и все органы краевой власти, нужно было создавать с нуля (Там же. Д. 1584. Л. 9). Всю работу с кадрами выполнял Иркутский областной отдел труда, краевой отдел труда в Восточной Сибири не был создан вплоть до ликвидации самого Наркомата труда в 1932 г. Результативность работы органов труда в Восточной Сибири была невысокой. Не был налажен учет специалистов, мероприятия по их перераспределению носили более формальный характер и касались не только ИТР, но всей квалифицированной рабочей силы в целом. Хотя Восточно-Сибирский край остро нуждался в специалистах, слабый уровень социально-экономического развития региона, отсутствие жилищно-бытового обеспечения порождали большую текучесть кадров. Усугубляло ситуацию и то, что в годы первой пятилетки здесь, в отличие от Западной Сибири, отсутствовала центральная народнохозяйственная задача, какой стал для западной части региона Урало-Кузбасс. Это проявлялось и в деятельности инженерно-технических секций: в Западной Сибири она была несравненно более активной, а секции – более сильными по численности и составу членов. К началу 1929 г. численность ИТС в Сибири равнялась примерно 6,7 тыс. чел. (более 60 % находились в Западной Сибири); в начале 1932 г. – 37–38 тыс. чел. (25 тыс. в Западной и 12–13 тыс. в Восточной)* (см.: [Пыстина, 1987. С. 44, 140–141; Красильников и др., 2007. С. 86, 99]). Попыткой объединения научно-технической общественности Восточно-Сибирского края вокруг такой

---

* Численность ИТС по стране в 1929 г. – 152,3 тыс., в 1932 г. – 653 тыс. чел. В составе ИТС страны, начиная с первых лет существования, значительной была доля членов секций профсоюза Рабземлес (агрономы, землеустроители, лесоводы) – в середине 1920-х гг. от 30 до 50 %.

же значимой народно-хозяйственной проблемы была популяризация в начале 1930-х гг. проекта Ангарстроя. Однако в довоенные годы не удалось приступить к строительству крупнейшего энергетического комбината на Ангаре, на базе которого планировалось дальнейшее освоение региона.

Проведенные в начале 1930-х гг. мобилизационные мероприятия не решили сложной кадровой ситуации в Сибирском регионе, их эффективность была невысокой. Приток специалистов из центральной части страны оставался недостаточным, и основным способом решения проблемы нехватки квалифицированных кадров стал их учет и перераспределение внутри региона.

**Мотивация и тактика поведения специалистов
в условиях социально-трудовых мобилизаций
(конец 1920-х – начало 1930-х гг.)**

Сталинская модернизация, носившая ярко выраженную индустриальную направленность, требовала создания соответствующих организационных, социально-экономических, кадровых и других институциональных форм. Социальная политика детерминировалась приоритетами индустриального развития и главной своей целью имела максимальное стимулирование производственной деятельности. Усиление трудовой дисциплины, рост производительности труда стали основными условиями наиболее эффективного использования трудовых ресурсов. Возросшая потребность в постоянном притоке и рациональном распределении рабочей силы, а также в ее удержании и недопущении неконтролируемой текучести привела к активизации социально-кадровой политики, направленной на создание новых ресурсно-учетных групп, принадлежность к которым определялась конкретными условиями трудовой занятости.

Механизм социальной трансформации базировался на двух основных направлениях, прослеживаемых во внутренней политике советского государства, – маргинализации одних референтных групп и создании других благодаря каналам социальной мобильности, позволявшим получить доступ к основным социальным благам. Универсальным инструментом контроля над инициированной режимом общественной активностью во всех сферах жизнедеятельности социума (экономике, политике, идеологии, культуре) служили социальные мобилизации. Они позволяли извлекать и использовать все виды ресурсов (людских, материальных, финансовых и т. д.) для проведения индустриализации. Социальные мобилизации имели характер прямого директивного действия и, как правило, осуществлялись в форме идеолого-пропагандистских кампаний, различные сегменты которых позволяли властям управлять социальными изменениями. Кампании консолидационного типа («борьба за») фиксировали и закрепляли в общественном сознании необходимые власти модели поведения, а кампании конфронтационного типа («борьба против») позволяли бороться с нежелательными поведенческими реакциями тех или иных групп социума.

Одним из приоритетных направлений социальных изменений стала политика в отношении «старых» специалистов, занимавших ведущие позиции на производстве и в аппаратах управления, обладавших достаточно высоким положением в сложившейся к концу 1920-х гг. системе льгот и привилегий.

Профессиональная востребованность поддерживала в специалистах такие особенности мировоззрения, как независимость суждений, рациональность и прагматичность, основанные на научных знаниях и опыте работы. Нужды индустриализации поставили на повестку дня необходимость интенсивного и целесообразного использования профессиональных навыков данной группы, а также целенаправленного изменения действовавших в этой среде социально-психологических характеристик и мотивационных стимулов. Объемы строительства и производства, темпы производимых работ были призваны обозначить новую эру экономического процветания и подтвердить идеологические постулаты большевиков. Большинство «старых» специалистов, будучи технократами, потенциально не могли не разделять энтузиазма, которым «заряжала» общество официальная пропаганда, тем не менее, они не могли не замечать изъянов и противоречий этих проектов.

Основу системного конфликта, проявлявшегося в разных формах и с разной интенсивностью, составляли разногласия между властью и «старой» технической интеллигенцией в понимании реалистичности масштабов, темпов и методов осуществления экономического «рывка». «Старые» специалисты, как правило, предлагали проекты, которые при длительной и кропотливой работе могли дать долговременные и стабильные результаты. Большевикам же требовались проекты, которые давали эффект уже в первые годы, даже если в дальнейшем могли возникнуть проблемы и трудности [Шинкарчук, 1995. С. 21]. Инженеры с дореволюционным образованием указывали на большую часть технических изъянов еще до осуществления проектов. В ответ следовали обвинения во вредительстве и постепенно, от стройки к стройке, мнение специалистов звучало все слабее.

Серьезные разногласия во взглядах на методы индустриального развития и управления производством еще на начальных этапах подготовки индустриального рывка выразились в обострении идеологической конфронтации. Распространенной реакцией специалистов на усиление идеологического и административного давления (судебные процессы над «вредителями», «антиспецовские» настроения в рабочей среде) стало «бегство с производства». Специалисты все реже проявляли техническую инициативу, чаще стремились снять с себя ответственность, соглашались со всеми требованиями рабочих без критической их оценки и старались перейти с работы на производстве в аппарат, на должности с меньшей ответственностью и меньшими рисками. Текучесть инженерных кадров на производстве значительно усугубила и без того серьезную проблему нехватки квалифицированных работников именно в производственной сфере.

Улучшение условий труда и социально-правового положения специалистов, достигнутые к середине 1920-х гг., оказались сведенными на нет в эпоху «Великого перелома». Принятые в 1926–1927 гг. в развитие постановления ЦК РКП(б) «О работе специалистов» (сентябрь 1925 г.) специальные директивные решения СНК СССР и РСФСР, ЦИК и ВЦИК, ВСНХ и ВЦСПС по вопросам оплаты труда специалистов, улучшения жилищных условий, регламентации прав и обязанностей ИТР на производстве и т. п. не были реализованы в пол-

ной мере. Дальнейшее форсирование темпов индустриализации привело к диспропорции экономического развития и беспрецедентному сокращению социальных расходов. Как следствие, большая часть решений о материальном стимулировании специалистов осталась невыполненной, а при общем снижении уровня жизни в стране надежды на эффективность данного вида стимулирования труда не было.

Новые меры по материальному стимулированию труда специалистов принимаются в начале 1930-х гг. в связи с реализацией партийно-правительственных решений по улучшению материального положения ИТР (постановления ЦК ВКП(б) «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении бытовых условий инженерно-технических работников» от 10 июля 1931 г. и ЦИК и СНК СССР «Об улучшении бытовых условий инженерно-технических работников» от 1 августа 1931 г.). Основное внимание в политике оплаты труда обращается на ликвидацию уравнительности, создание стимулов к повышению производительности труда. С 1932 г. вводятся повсеместно должностные оклады для специалистов, начинают широко применяться премии за поощрение выполнения и перевыполнения плановых заданий, повышения качества, удешевления себестоимости продукции и т. д. Создается сеть закрытых столовых и распределителей для ИТР, к деятельности которых, однако, предъявлялись серьезные претензии. В частности, распространенным явлением было занижение норм выдачи товаров, низкое качество обслуживания в столовых; выделение меньшего, чем требовалось, количества пайков; прикрепление к системе снабжения лиц, не имевших никакого к ним отношения (профсоюзные работники, счетоводы, бухгалтеры и т. д.) [Пыстина, 1999. С. 120–127].

Плохие жилищные условия, отсутствие медицинского обслуживания, плохая работа почты были рядовыми явлениями. Наиболее тяжелая ситуация наблюдалась на новостройках, где процветали неразбериха и неустройство, сказывалась нехватка продуктов питания, отсутствовали элементарные бытовые удобства, медицинская помощь и т. д. В таких условиях шансы власти привлечь квалифицированные кадры на производство, особенно в отдаленные районы, сводились к нулю. В силу специфики своей деятельности специалисты требовали более сложного мотивирования, чем простое принуждение. Однако дефицит времени и ресурсов только подталкивал власть к применению целой серии различных политических, экономических и социальных мероприятий, объединенных единым процессом социально-кадровой мобилизации.

В процессе социальной мобилизации специалистов, с одной стороны, применялись меры открытого и скрытого дискриминационного характера, направленные на дискредитацию и маргинализацию данной социальной группы и формирующие механизм исключения из социальной системы индивидов, не соответствующих новым ролевым и функциональным требованиям. С другой стороны, запускались механизмы мотивации труда, не основанные на экономическом стимулировании, но при этом призванные обеспечить модели поведения, необходимые для максимально эффективного использования трудового потенциала специалистов. Такую роль играли кампании по мобилизации

специалистов посредством включения их в новую социально экономическую систему через жесткую процедуру учета, контроля и распределения.

В рамках действия этих направлений социально-кадровой политики проводился ряд более мелких идеолого-пропагандистских акций инфраструктурного, поддерживающего характера, каждая из которых либо фиксировала в общественном сознании какую-то «позитивную» модель поведения специалистов, либо призывала общественность к осуждению той или иной линии их поведения. Специалисты, в свою очередь, могли принимать предложенные нормы поведения и тем самым подчиняться вектору социально-трудовых мобилизаций, или отстаивать свою линию поведения и, в конечном счете, подвергаться различным наказаниям дискриминационно-репрессивного характера. Проанализировав направленность этих кампаний, можно выделить те качества, которые власть пыталась сформировать в специалистах в новой социальной системе, а также определить те поведенческие реакции, которые были характерны для данной группы в рамках социальной трансформации.

Основная направленность социальной политики состояла в «советизации» производственно-технической интеллигенции. В силу острой потребности в труде специалистов власть не могла просто исключить их из социальной системы, как другие идеологически чуждые группы. Профессиональная востребованность специалистов, их высокая социальная позиция и уверенность в собственных профессиональных навыках как бы отодвигали на второй план их политические ориентиры. Для изменения трудовых мотиваций было необходимо кардинально изменить ситуацию. В новых условиях профессиональная деятельность ИТР начинала зависеть от их идеологических позиций. В общественном сознании начал создаваться образ «советского инженера» – активного общественника, рационализатора, посредника между властью и рабочими в проведении правительственных решений, ставящего интересы государства выше собственных, в любой момент готового откликнуться на призыв партии и принять любые условия труда. Для советского инженера «нового типа» не должно было быть невыполнимых задач, особенно если эти задачи ставит перед ним партия.

В работе по ускорению «советизации» технической интеллигенции, проводимой органами власти в Центре и на местах, важную роль играли ее общественные организации - секции специалистов в профсоюзах. Деятельность ИТС охватывала широкий спектр вопросов и отношений в производственной, общественно-политической, материально-бытовой, социально-культурной областях. Они стали своеобразными приемниками ряда научно-технических организаций интеллигенции, закрытых и реорганизованных на рубеже 1920–1930-х гг. Через них осуществлялись все необходимые власти мероприятия и кампании по мобилизации ИТР, организации социалистического соревнования, осуждению «вредительства», политическому образованию специалистов и т. д. В 1931–1932 гг. до 60 % ИТР страны, по данным ВМБИТ, участвовали в движении ударничества. В значительной мере благодаря деятельности ИТС происходили изменения традиций и норм, создавался «новый тип» советского инженера. В конце 1920-х гг., когда неустойчивое равновесие диалога власти и интелли-

генции периода нэпа сменилось новой полосой репрессий и дискриминаций, с особой непримиримостью ставились задачи преодоления корпоративности инженерства, замкнутости и кастовости профорганизаций технической интеллигенции. Активно внедрялись в повседневную жизнь ИТР «классовое воспитание», «классовый подход», «классовое самосознание». По сути, ИТС превратились в одну из форм массового контроля над технической интеллигенцией.

Возросла роль ИТС как канала идеологического воздействия на интеллигенцию. Особый интерес вызывают случаи проведения ими на местах по собственной инициативе кампаний по выявлению противников пятилетки, потенциальных вредителей и т. п. среди ИТР. Так, в июне-июле 1930 г. в Новосибирске состоялось несколько собраний инженерно-технической общественности в рамках организованной СМБИТ показательной кампании по «политической дифференциации» специалистов. Собрания дали определенный материал о «нездоровых и политически отсталых» настроениях специалистов города. Видимо, довольно распространенными были «правоуклонистские» суждения об ошибочности курса на форсирование пятилетки, необходимости сочетать индустриализацию с мерами по улучшению бытовых условий, предложения о пересмотре сроков пятилетки в сторону их увеличения. Фиксировались критические высказывания о трудностях быта, недостатках планирования, управления; отрицательное отношение к использованию иностранной техники и т. д. Однако массовую кампанию по выявлению «политического лица» специалистов в Новосибирске летом 1930 г. организовать не удалось (ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 559. Л. 9–12 об.); [Власть и интеллигенция..., 1999. С. 192–194].

К концу первой пятилетки была достигнута главная цель – обеспечена массовая поддержка специалистами индустриализации и в целом курса на строительство социализма. Эта позиция не всегда основывалась на искренней вере в идеологические положения нового курса, зачастую она была обусловлена желанием выжить, проявив свою лояльность режиму, избежать дискриминации. Повышение производительности труда и новое, «ударное» отношение к работе напрямую связывалось с получением социальных благ и гарантий от трудовой деятельности. Политический и идеологический конформизм стал основным условием получения социальных гарантий. Этому способствовала и карточная система снабжения, действовавшая в 1929–1934 гг. Карточки выдавались только тем, кто трудился в государственном секторе экономики, а также их иждивенцам. Снабжение по карточкам представляло сложную иерархию групп, подгрупп и зависело от роли человека в индустриальном производстве [Осокина, 2008. С. 96]. Основные модели поведения, как негативные, так и позитивные, формировались в рамках массовых идеолого-пропагандистских кампаний: в случае конформного поведения специалист получал доступ к снабжению через карточную систему, в случае девиантного – исключался из общества через систему репрессивных мер.

Исследование вопроса личностного отношения представителей технической интеллигенции к проводимой политике осложняется отсутствием источников, напрямую отражающих мнения специалистов (исключение составляют, пожалуй, информационные сводки ОГПУ, составленные по данным «информа-

торов»). Некоторые сведения содержатся в различных обзорах, отчетах общественных организаций и властных структур (партийных и советских органов), отчетно-справочных материалах отдельных учреждений и ведомств, а также протоколах и стенограммах собраний ИТР. Большое количество материала предоставляет периодическая печать, особенно специальные издания (журнал «Инженерный труд» и т. п.). Однако это весьма тенденциозный вид источников, поскольку печать являлась важным инструментом идеологической борьбы; приведенные здесь факты и оценки носят жесткий и даже яро-стный характер. В то же время анализ периодики позволяет определить основные направления этой борьбы и типологические реакции специалистов как угодных режиму, так и неугодных.

На рубеже 1920–1930-х гг. властные и идеологические структуры сформулировали ряд таких нормализующих суждений, которые являлись элементами идеологического давления. Предложение и дисциплина квалифицированной рабочей силы были главной проблемой, и все, что тормозило ее решение, рассматривалось как девиация. Уже в постановлении ЦК и ЦКК ВКП(б) от 9 сентября 1929 г. «рваческое» отношение к производству (т. е. забота о лучших условиях труда, размерах заработной платы, обеспечении бытовых условий) было отнесено к разряду социальных патологий [Советская социальная политика..., 2007. С. 43]. Система моральных регламентов становилась частью механизма управления и имела своей целью повышение производительности труда. В дальнейшем, в процессе развертывания социально-трудовых мобилизаций была определена целая серия таких идеологических клише, каждое из которых отражало ту или иную поведенческую реакцию специалистов.

Массированное наступление на статусные позиции и корпоративные ценности технической интеллигенции привело к боязни проявления открытой оппозиции, недовольство специалистов проявлялось, как правило, в скрытой форме. ИТР, насколько это оказывалось возможным, стремились дистанцироваться от политики. Безразличие к общественной жизни стало одной из форм такого протеста. Как правило, специалисты в массе своей были беспартийными и неохотно участвовали в общественных мероприятиях – редко посещали собрания, не являлись на избирательные кампании. Даже те специалисты, которые были связаны с общественной деятельностью напрямую, например депутаты советов, пунктуально выполняли формальные обязанности, но относились ко всему пассивно и безразлично [Шинкарчук, 1995. С. 20]. Случалось и открытое пренебрежение общественной жизнью. Так, когда на общем собрании рабочих и служащих коллектива Дальневосточного краевого союза кооперативных артелей инвалидов 11 декабря 1931 г. слушался вопрос об обвинении техника Шутца в «труддезертирстве», то на угрозу исключения его из профсоюза Шутц ответил: «В отношении профсоюза, дорогие товарищи, можете не беспокоиться, я уже из него в свое время механически выбыл и ваш профсоюз находится у меня в моих пальцах» (ГА РФ. Ф. Р-5548. Оп. 10. Д. 55. Л. 13). В июне 1930 г., после изменения направленности журнала «Инженерный труд», который приобрел остро политическую окраску, 47 инженеров-металлистов в Брянске коллективно отказались от подписки на журнал.

Эта ситуация была прокомментирована в анонимной агитационной статье «Болото сопротивляется» (Инженерный труд. 1930. № 13. С. 394).

Поскольку в отношении к технической интеллигенции общественно-политический фактор становится определяющим, такая позиция квалифицировалась как девиантная, что было весьма четко обозначено в резолюции IV пленума ВМБИТ (ноябрь 1930 г.) «Рабочий класс нейтралитета специалистов не потерпит», опубликованной в журнале «Инженерный труд»: «Мы вовсе не требуем от инженерства обязательного вступления в Коммунистическую партию; но мы потребуем от специалистов связать свою судьбу с рабочим классом и вместе с ним бороться за осуществление генеральной линии нашей Коммунистической партии, направленной на социалистическую перестройку всего народного хозяйства... Решительную борьбу надо также вести с правооппортунистическими настроениями ряда ИТР, повсеместно разоблачать нытиков, маловеров, плетущихся в хвосте активности рабочего класса» (1930. № 22–23. С. 663).

Даже несогласие с решениями управленческих органов с профессиональной точки зрения теперь оценивалось как «недостаточное понимание» основных идеологических позиций. Вот как данная позиция обосновывалась в обращении общественно-политического отдела журнала «Инженерный труд» к читателям под лозунгом «На борьбу за новые кадры»: «Необходимо открыть самый беспощадный огонь по консервативным “зубрам”, которые еще сохранились в наших вузах... Может ли советское инженерство допустить, что профессора Ленинградского электротехнического института – Дмитриева и Наумов заявляют: “Днепрострой – никчемная выдумка советского правительства”?... Пустим ли мы на производство таких[,] как проф. Калашников, заявивший, что рабфаковцы “даже мыслить не умеют”, или доцента ИНХ Пояркова, по которому “из коммуниста не выйдет хорошего инженера”?» (1930. № 2. С. 34).

Все модели поведения, кроме безоговорочного принятия линии партии и активного участия в общественной жизни, считались недопустимыми и метились соответствующими ярлыками: «консерваторы», «реакция», «болото». В статье И. Поля «ИТР – глазами рабочих», составленной по материалам заводских многотиражек, приводилась цитата из газеты рабочих Нижнетагильского завода «Красный Коталь», которая, по мнению автора, отражает их отношение: «Будьте специалистами... но не превращайтесь в “специка”, который говорит: я знаю, что такое шарикоподшипник, а что такое борьба пролетариата и что такое политика – это меня не интересует» (Там же. 1930. № 5. С. 127).

Другой поведенческой реакцией специалистов, строго осуждаемой в рамках идеологического наступления, стало стремление к корпоративной, «цеховой» поддержке, недоверие к другим социальным группам, особенно тем, с которыми их связывало производство, стремление дистанцироваться от общения с ними, ограничив его только кругом профессиональных интересов. Это сильно осложняло осуществление государственных планов по социальной мобилизации специалистов. Во-первых, стремление замкнуться в своей профессиональной деятельности приводило к снижению административной роли специалистов на производстве. Во-вторых, корпоративность ИТР стала серь-

езным препятствием выдвиженчеству, поскольку «старые» специалисты часто игнорировали молодых коллег, относились к ним с пренебрежением, не желали передавать им опыт работы и препятствовали получению теми административно-технических навыков.

Такого рода позиция «старых» специалистов резко осуждалась общественностью. В этом отношении показательна статья инженера С. Королькова из г. Клинцы «Долой кастовость и аполитичность», опубликованная в декабре 1930 г. в «Инженерном труде»: «Почему это случилось, почему возможно было безнаказанное вредительство в течение ряда лет? Потому что оппортунисты из старого профсоюзного руководства[,] цепляясь за авторитеты, за специалистов-бородачей, боялись допустить к руководству новые кадры преданного революции советского инженерства... Аполитичности, кастовой замкнутости должен быть положен конец. Как никогда, сейчас необходимо проверить пролетарскую классовую выдержанность того или другого специалиста. Нейтральных, либеральных, аполитичных специалистов-инженеров в Стране советов не может быть; а есть враги-вредители и есть инженеры-ударники, энтузиасты социалистического строя, есть советские специалисты – боевые помощники партии и рабочего класса в борьбе за социалистическую реконструкцию страны» (№ 22–23. С. 698).

В новой социальной системе ценность специалиста определялась не его профессиональными навыками, а идеологической позицией. В рамках того же наступления на корпоративные ценности специалистов была организована кампания против ношения ими формы. Данная поведенческая реакция тоже получает свой идеологический маркер, имеющий явный негативный оттенок, – «оппортунистическая маниловщина», «спецчванство», «формоносец». Весной-летом 1929 г. по инициативе украинских ИТС была начата кампания за ликвидацию инженерской формы, продолжавшаяся примерно до осени 1930 г. Четвертый Всесоюзный съезд ИТС принял официальную резолюцию о том, чтобы инженерно-технические работники не носили формы, которая является «выражением кастовости» инженеров и «отделяет» их от рабочих. В журнале «Инженерный труд» начиная с № 9 за 1929 г. регулярно публиковались материалы о ходе этой кампании. Появилась специальная рубрика «Наш паноптикум», в которой разоблачались «формоносцы», печатались фамилии, фотографии и карикатуры на приверженцев формы (см.: [Маргиналы в социуме..., 2004. С. 178–180]). В разных городах во время массовых митингов, посвященных «смычке» с рабочим классом и т. п., происходило даже ритуальное сожжение формы и фуражек.

Но наиболее масштабная идеолого-пропагандистская кампания касалась такого социального отклонения, как «рвачество». «Рвачеством» как поведением, недостойным советского инженера, объявлялась любая забота о собственной выгоде в процессе работы. Работа по подряду, сдельная оплата, требования повышения заработной платы, обеспечения материальных условий, частая смена рабочего места с целью поиска лучших условий труда были объявлены «рваческим отношением к производству». В журнале «Инженерный труд» регулярно помещалась информация с мест под общим названием «Спецрвачи, спецгастролеры,

самозванцы....» Ярким и типичным примером этой кампании является статья Д. Будницкого «Профессор Мухаев показал свое контрреволюционное лицо». В ней обсуждалось следующее высказывание директора Украинского НИИ металлов профессора Мухаева: «В Америке крупные научные специалисты пользуются полным и высоко-доброжелательным доверием. Обеспечивая научных сотрудников максимумом жизненных удобств, заводы предоставляют им спокойно работать и ожидают плодов их деятельности, не требуя ни отчетов, ни докладов, ни справок о каждом их шаге». Приговор статьи суров: «Мы, конечно, не особенно щедры, ибо мы не Америка, и ясно профессору Мухаеву мерещится родная по духу “Америка” с ее щедростями... Укрбюро ИТС сделало правильный вывод, учтя урок с профессором Мухаевым о необходимости проведения чистки Института металлов с тем, чтобы изъять оттуда “мухаевых” и укрепить институт честной, работающей рука об руку с пролетариатом, профессурой» (Инженерный труд. 1930. № 5. С. 138). Здесь же помещена карикатура с подписью «профессор Мухаев готов обнять Америку».

Недопустимыми для новой системы моделями поведения специалистов были попытки защитить свою профессиональную деятельность от идеологического вмешательства и отстоять приемлемые условия труда и жизни. Эти качества становятся недопустимыми для «советского» инженера, основной задачей которого являлась безоговорочная поддержка всех начинаний власти.

Различные мобилизационные кампании (организация соцсоревнования, трудовые мобилизации и т. д.) позволяли не только решить насущные хозяйственные задачи, но и определить степень преданности специалиста режиму. Во время проведения социально-трудовых мобилизаций, особенно на начальной стадии, специалисты зачастую открыто противились переброскам, тем более что разлаженность механизма перебросок и мобилизаций позволяла избежать прямого наказания. Давление на специалистов осуществлялось в основном через ИТС, которые формировали общественное мнение на производстве. Обвинения во «спецрвачестве» автоматически влекли за собой обвинения в аполитичности и кастовости и дальнейшее причисление к «вредительским группировкам». Этот механизм хорошо виден в процессе обсуждения дел, которые все-таки доходили до суда, пусть и общественно-показательного. Такое дело, в частности, возникло в ходе кампании по переброске 50 специалистов на предприятия Кузбасса в октябре 1930 г. Поскольку эта кампания была одной из первых в череде подобных и решение о ее начале принималось на самом высоком уровне, то аппарат ЦК ВКП(б) четко отслеживал проведение данной кампании, осуществлял давление на руководство хозорганов и специалистов, несогласных с мобилизацией. Кампания освещалась в печати. Было принято решение о проведении общественно-показательного суда над двумя специалистами из Ленинграда, отказавшимися от переброски (ГА РФ. Ф. Р-5548. Оп. 10. Д. 56. Л. 1). Проведение этого мероприятия возлагалось на ВМБИТ.

Суд над инженерами Качаном и Владимировым состоялся 22 февраля 1931 г. в Доме техники ленинградских профсоюзов (Там же. Л. 49). Стенограмма данного заседания является одним из тех редких документов, в котором специалисты высказывают свою точку зрения. Оба инженера формально

являлись «красными специалистами» (получили образование после революции, окончили Ленинградский горный институт), работали служащими в управлении. По социальному происхождению – из рабочих (Владимиров) и крестьян (Качан). Оба служили в Красной армии, причем Владимир был добровольцем в партизанском отряде на колчаковском фронте, а Качан – участником Октябрьской революции. Суд проходил в атмосфере, враждебной к специалистам. Несмотря на давление, оба обвиняемых вели себя уверенно и не признавали вины. Качан объяснял свой отказ тем, что мобилизован не по специальности: «На работу по обогащению поеду в любую точку СССР, а здесь меня мобилизовали как горняка, на эксплуатацию». Кроме того, важным аргументом инженер считал то, что он занят на ответственной работе, которую не может бросить в один момент. Владимир также считал решение о его переброске ошибочным, т. к. его специализация не подходила под директиву. Формальную правоту специалистов подтверждали представленные ими документы (переписка с отделом труда и МВК); Качан даже предоставил телеграмму начальника отдела промышленных кадров ВСНХ СССР об отмене его мобилизации. Но суд уклонился от рассмотрения правомерности принятых различными ведомствами решений и основное внимание сосредоточил на обсуждении общественной позиции инженеров.

Аргументы, приводимые специалистами, находили неоднозначный отклик у других ИТР. Так, на митинге-летучке, состоявшемся после суда, некоторыми выступавшими отмечалась «не деловая, благоприятствовавшая обвиняемым атмосфера». Кастовость и склонность к скрытому протесту проявились и на этом митинге – отмечалось большое количество реплик из зала в защиту обвиняемых, но, тем не менее, никто из поддержавших их не решился выступить на митинге. Основные обвинения, как и во время суда, были идеологического плана: «год не читал газет», «прикидывается дурачком», «долгой аполитичность». Звучали на митинге и откровенно «спецеедческие» заявления: «Если инженерство представляет собой таких, как Качаны и Владимировы – то прав будет рабочий класс, если он всех их уничтожит и изгонит из своей среды». Все же симпатии ИТР, хотя и неявно выраженные, были на стороне обвиняемых, и, как указано в отчете ВМБИТ о суде, «нужный эффект» здесь достигнут не был (Там же. Л. 48).

Подобный случай общественно-показательного суда над специалистами-«отказниками» имел место в Новосибирске, в связи с проведением месячника перехода ИТР на производство в октябре 1929 г. Несколько специалистов СибкрайСНХ (А.Г. Фифаров, М.Т. Борисов, М.А. Шиша) отказались от переброски. На суде они высказывали критические замечания по поводу мобилизации, непрерывной производственной недели и др. Их аргументы были расценены как критика в адрес пятилетнего плана и выступление против социалистических темпов. Этот пример, как показательный, в дальнейшем часто приводился на страницах местной периодики, а также на собраниях с участием ИТР [Пыстина, 2000. С. 129].

Однако факты открытого неподчинения переброскам были единичными. В основном мобилизации удавалось избежать при помощи руководителей-

хозяйственников, используя несовершенство законодательной базы и самого механизма перемещения. Неподчинение проявлялось под разными предлогами – от возбуждения ходатайств об оставлении отдельных специалистов и до распоряжений по ведомственной линии о невыполнении постановлений НКТ СССР, и на различных уровнях, когда те или иные предприятия были защищены от переброски распоряжениями НКТ, членами коллегий высших руководящих органов и даже высших партийных организаций.

Кроме того, отказы обычно обуславливались бытовыми причинами: трудностью жить отдельно от семьи, нести почти двойные расходы на питание; наличием тех или иных эпидемических заболеваний в районе; отсутствием соответствующих жилищных условий. Даже в тех случаях, когда специалистов удавалось перемещать, многие из них (особенно мобилизованные из центральных районов) стремились как можно скорее вернуться назад, часто не отбыв положенного срока, найти лучшее место работы. Основанием, как правило, служили заявления об использовании не по специальности, отсутствии возможности для профессионального роста и т. д. Например, в сентябре 1931 г. группа молодых специалистов (семь инженеров-экономистов) Кузнецкстроя обратилась в ЦКК НК РКИ СССР с заявлением о «совершенно неправильном» использовании их как специалистов. Они окончили Харьковский машиностроительный институт «с уклоном по организации и планированию производства на заводах тяжелого и среднего машиностроения» (паровозодизелестроение), а работали на строительных участках и в аппарате заводоуправления. Не имея соответствующих знаний, не могли вести полноценную работу по планированию строительства, занимались «переписыванием, статистикой» и другой работой, которую могли и должны выполнять не инженеры, а лица более низкой квалификации. Предстоящий пуск завода в эксплуатацию также не сулил перспектив, поскольку металлургическое производство или ремонтное хозяйство не являлись их специальностью. В заявлении подчеркивалось, что такое положение «совершенно недопустимо» и противоречит «всем директивам партийных и советских органов об использовании специалистов». Молодые инженеры требовали дать им возможность работать по специальности в области машиностроения [Власть и интеллигенция..., 1999. С. 203–204].

Среди ходатайств об изменении места работы, поданных специалистами в Сибирскую краевую межведомственную комиссию в 1930–1931 г. (всего 21 заявление), на первом месте было «использование не по специальности» (42,8 %), на втором – «слабое здоровье» (собственное или члена семьи, 30 %), на третьем – «желание получить практические знания» (9,5 %). Комиссия, как правило, признавала аргументы весомыми: в девяти случаях было принято положительное решение, в одном ходатайстве было отказано, четыре сняты с повестки дня из-за неявки заинтересованных сторон (подсчитано по: ГАО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 184. Л. 4–23). Такое пренебрежение специалистов к явке на заседания, на которых должна была решиться их судьба, свидетельствует о недоверии специалистов к органам власти. Часто в документах органов труда встречаются записи о том, что специалистов невозможно мобилизовать, т. к. неизвестно их местопребывание. Повсеместным становилось

явление, когда специалисты просто покидали рабочие места без объяснения причин, попадая в категорию «дезертиры труда».

Кампании по мобилизации специалистов являлись важным инструментом социальной политики в отношении технической интеллигенции, сыграли существенную роль в ускорении ее «советизации», встраивании в формирующуюся систему командно-административного государства. В ходе их проведения была осуществлена попытка создания новой системы мотивации труда, рассчитанной на противоречивое сочетание директив и идеологических механизмов поощрения и наказания. Столкнувшись с человеческим поведенческим фактором, эта система не смогла выработать эффективных рычагов воздействия: специалисты разных уровней весьма успешно использовали всевозможные «лазейки», организационные противоречия и т. п., очень редко прибегая к открытому противостоянию с управленческими структурами. В массовом неподчинении решениям о переброске проявлялась характерная для технической интеллигенции корпоративность: специалисты разных уровней и в аппарате, и на производстве поддерживали и защищали друг друга. В результате кампании по мобилизации специалистов, призванные вернуть ИТР на производство, повысить производительность труда и трудовую дисциплину, привели к противоположному результату и, в конечном итоге, не смогли решить проблему нехватки квалифицированных кадров на предприятиях.

* * *

Таким образом, на начальном этапе форсированной индустриализации в сфере перераспределения квалифицированных кадров существовали неустранимые противоречия и дефекты в самой технологической цепи реализации мобилизационных предписаний. Они ставили под сомнение не только исполнение, но и целесообразность принимаемых директивных указаний. Наличный кадровый потенциал явно не соответствовал амбициозным индустриальным программам политического руководства. Тот значительный промышленный рывок, который объявлялся стратегической целью экономического развития страны, требовал наряду с форсированной подготовкой новых кадров через все формы образовательных учреждений перераспределения наличных квалифицированных кадров.

До конца 1920-х гг. мобильность кадров в значительной степени регулировалась через сочетание рынка труда и потребностей государственных структур, превращавшихся в монополистов в сфере труда. Наличие и неуклонное действие тенденции огосударствления (этатизации) в данной сфере постепенно вело к тому, что при постоянно растущем дефиците специалистов возрастала конкуренция за них между различными государственными, общественными, кооперативными и другими учреждениями и организациями. Очевидно, что сложившаяся иерархия статусов данных структур ставила одни организации и ведомства в более привилегированное положение по отношению к другим.

Вторым действовавшим в кадровой сфере распределительным механизмом становилось наличие двух функциональных областей интеллектуального тру-

да – работа в управленческом аппарате и непосредственно на производстве. Значительная часть квалифицированных кадров перетекала в систему управления по мере бюрократизации экономики. С расширением производственной сферы возникала объективная потребность в возврате к реальной производственной деятельности определенного числа специалистов, ставших частью советского чиновничества.

Кроме того, естественными регуляторами кадровой мобильности выступали различные поселенческие возможности крупных городов, Центра и периферии. Крупные города и сложившиеся экономические районы традиционно являлись местами концентрации и конкурентной средой для квалифицированных специалистов, в то время как планы 1-й пятилетки предусматривали создание новых производств на периферии, что делало чрезвычайно актуальной задачу кадрового обеспечения программ индустриального развития СССР.

Развязать «кадровый узел» в сравнительно краткие сроки и с минимальными затратами было решено путем директивного перераспределения имевшегося на тот момент кадрового потенциала. Однако уже изначально кадровая проблема рассматривалась и решалась не системно, а ситуационно. Инициатива кадровых перебросок исходила от крупных государственных экономических корпораций (наркоматов и ведомств), которые выступали в роли заинтересованных заказчиков. Далее инициатива транслировалась на верхние этажи власти и облекалась в конкретное директивное решение высокого уровня (ЦК ВКП(б), СНК СССР, СТО и т. д.). Однако на уровне реализации принятых решений возникал серьезный сбой, поскольку требовались нередко многочисленные межведомственные согласования; в то время как основные согласования должны были проводиться еще на стадии принятия тех или иных решений. Позже оказывалось, что различные ведомства, интересы которых затрагивались в ходе директивной переброски специалистов, вовсе не ставились в известность о возможностях и реальной выполнимости подобной переброски. Отсюда – повсеместно зафиксированные факты затягивания либо игнорирования исполнения директивных решений.

С другой стороны, явно недостаточными были проработка и обоснованность самих инициативных документов. Нередко ведомства, инициировавшие конкретное директивное решение, принимали его в спешке, без достаточного сбора и анализа кадровой ситуации внутри собственного ведомства. Не существовало взвешенной информации с оценкой реальных, а не гипотетических потребностей производства в конкретных специалистах.

Основным «слабым звеном» в цепи принимавшихся решений становилось учреждение, на которое возлагалась реализация этого решения, – Наркомат труда СССР, его республиканские, региональные и местные органы. В иерархии советских органов управления НКТ СССР занимал свое функциональное место, но отнюдь не ключевое. Возникший в революционную эпоху наркомат сыграл определенную роль в чрезвычайных условиях, когда действовала мобилизационная модель перераспределения трудового потенциала (трудовые мобилизации). После окончания Гражданской войны и в годы нэпа, когда мобилизационная составляющая в сфере труда уступила место рыночной, НКТ

осуществлял весьма ординарные функции учета и распределения излишков рабочей силы через биржи труда. По мере того, как госкорпорации становились заказчиками рабочей силы и обладателями ресурсов по ее привлечению, роль органов НКТ становилась все менее весомой. В итоге на момент проведения массовых или «точечных» трудовых мобилизаций периода форсированной индустриализации их осуществление оказалось возложенным на структуру с пониженным статусным уровнем и крайне ограниченными возможностями для санкций и принуждения к исполнению директивных решений.

Работа межведомственных комиссий, в рамках которых рассматривались и решались конфликтные ситуации в области перераспределения квалифицированных кадров, создававшихся под эгидой НКТ, практически изначально обрекалась на низкую результативность: никто не желал добровольно расставаться с кадровыми ресурсами, затяжка в выполнении директивных сроков сводила на нет эффект от планировавшихся кадровых перемещений. Весьма невысокая результативность проводимых кампаний напрямую зависела от качества и профессионализма звеньев внутри самого НКТ: центральный аппарат и его периферийные звенья весьма слабо взаимодействовали друг с другом. Органы НКТ на периферии также имели пониженный бюрократический статус, их решения оспаривались или блокировались более мощными ведомственными структурами на местах, которые в случае необходимости подключали центральные наркоматы в Москве для принятия нужных этому ведомству решений.

Не лучше обстояло дело с осуществлением внутриотраслевых перемещений, производившихся, в частности, ВСНХ. Не только не выполнялись в полном объеме, но и откровенно саботировались решения Коллегии ВСНХ, поскольку комплектование новых производств кадрами специалистов должно было осуществляться путем «оголения» действующих предприятий, чему не могли не сопротивляться «красные директора».

Еще одним формально значимым элементом в мобилизационном механизме перераспределения специалистов являлись профсоюзные организации. Призванные играть роль общественного регулятора, необходимого для придания директивным решениям более широкой легитимности и видимости социального контроля, профсоюзные структуры оказались в положении промежуточного органа, в деятельности которого пересекались государственные интересы и представительские интересы отдельных категорий специалистов. В определенных компонентах давление со стороны профсоюзов на поведение отдельных «спецов» оказывалось действеннее директив, поскольку руководство профсоюзов соприкасалось с конкретными людьми. Вместе с тем никаких реальных санкций и рычагов воздействия на «уклонистов», кроме общественных порицаний и общественных же судов, у профсоюзов не было.

Особая роль в осуществлении трудмобилизаций отводилась контрольно-репрессивным структурам, призванным обеспечивать их практическую реализацию. И если в наиболее крупных и значимых для государства кампаниях, санкционированных СНК СССР и СТО, были задействованы комиссии исполнения и государственный контроль, то в отношении большинства других моби-

лизационных кампаний об этом говорить не приходилось. Привлечение органов прокуратуры и суда к реализации директивных решений свидетельствовало скорее в пользу того, что ординарные меры воздействия на «спецов» оказывались неэффективными. Впрочем, нельзя преувеличивать жесткость применяемых к специалистам мер, которые зачастую не переходили из области административных в сферу уголовных наказаний (статья о наказании отказников или руководителей предприятий, способствовавших этому, появилась в УК РСФСР только в 1931 г.). С учетом того, что далеко не всегда доводы прокуратуры принимались в судебных заседаниях, можно судить об относительно невысокой значимости подобных кампаний в иерархии приоритетов судебных органов.

Наконец, нельзя не отметить действие фактора несогласованности и неkoordinированности в проведении мобилизационных кампаний, когда в пределах одного временного отрезка осуществлялось несколько кампаний (одна еще не завершилась, а другая уже началась), что ставило органы труда в Центре и на местах в весьма затруднительное положение. Крайне важно и то, что учет специалистов на всех уровнях оставлял желать лучшего, а практика перманентного проведения мобилизационных кампаний и вовсе влекла запутывание учета, когда даже откомандированные специалисты частью не доезжали до места назначения. Таким образом, окончательный итог трудовых мобилизационных кампаний оставался за гранью профессионального рассмотрения тех органов, которые несли ответственность за результативность перемещений специалистов (процент их закрепления на новых местах работы).

Если оценивать результативность трудмобилизационных кампаний, исходя из достаточно простого показателя – количества реально перемещенных специалистов в соотношении с запланированными цифрами, то данные подтверждают их невысокую результативность. Между тем, возможна и другая точка отсчета для измерения последствий мобилизационных кампаний. Следует, в частности, учитывать степень целесообразности решения о мобилизационном перемещении тех или иных специалистов с точки зрения интересов тех сфер управления и производства, где они работали. Отнюдь не случайным было почти повсеместное сопротивление руководителей учреждений и предприятий, где работали подлежащие мобилизации «спецы». Борьба за конкретных специалистов – очевидное свидетельство ценности последних в глазах управленцев. Кроме того, принцип «возвращения в отрасль» специалистов сам по себе еще не означал их оптимальной профессиональной деятельности, которой они не занимались порой достаточно длительное время. И хотя на позитивный исход кадровых перебросок нацеливались все проводимые властью мобилизационные мероприятия, именно данный критерий также оказывался вне поля зрения органов труда.

В целом мобилизации не стали ни универсальным, ни сколько-нибудь масштабным способом решения кадровой проблемы на предприятиях страны и Сибирского региона. В то же время задача повышения мобильности или целесообразности перемещения и размещения инженерно-технических кадров в народном хозяйстве оказывалась далеко не единственной приоритетной с точки

зрения интересов власти. Более важной и долговременной целью проведения кампаний выступало изменение мотивации труда специалистов в условиях ограниченных материальных ресурсов. При помощи социальных мобилизаций и других форм ограничений, дискриминаций и репрессий против технической интеллигенции властным органам удалось создать в ее среде атмосферу неуверенности в завтрашнем дне, усилить позиции конформизма и патернализма, что повлекло укрепление зависимости работников интеллектуального труда от государства.

В исследуемый период активизировался процесс социальной трансформации технической интеллигенции, в результате которой значительная часть «старых» специалистов потеряла прежний, весьма высокий социальный статус, подвергаясь частичной маргинализации. Были утрачены и нивелированы такие важные базовые, изначально присущие инженерству и определяющие его деятельность свойства, как инициатива, способность противостоять политическому режиму в защите своих профессиональных интересов и осознание собственной социальной значимости. В этом своем качестве социально-трудовые мобилизации стали достаточно эффективным средством политического давления на интеллигенцию, подчинения ее целям и задачам форсированной индустриализации страны. Специалисты становятся частью управляемых и контролируемых властью квалифицированных трудовых ресурсов.

Н.Д. Троценко

ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКИ В СИБИРИ (1929–1933 гг.)

На ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) председатель Колхозцентра Г.Н. Каминский озвучил необходимость немедленного набора порядка 25 тысяч рабочих – организаторов для успеха «колхозного строительства». После утверждения Пленумом данная директива легла в основу ставшей исторически значимой кадровой мобилизационной кампании.

Обращение к историческому опыту ее осуществления диктуется тем, что мобилизационные приоритеты и технологии продолжают играть важную роль в деятельности современного российского государства, требуя для своего обеспечения квалифицированного ретроспективного исторического анализа в таких принципиальных аспектах, как определение форм, методов, границ и возможностей подобного рода воздействий. Исследование адаптивности тех или иных групп к условиям радикальных социально-политических трансформаций представляет также несомненный научный интерес, поскольку мобилизационные кампании являлись сущностным, неотъемлемым элементом в отношениях между идеократическим государством и постреволюционным социумом.

25-тысячники оказались той мобилизационной группой, в отношении которой ныне нет однозначных историографических суждений. Для выработки взвешенных оценок необходимо расширить предметное поле исследования, соединив политическую составляющую событий, анализ состава и облика 25-тысячников с их деятельностными и поведенческими характеристиками, в частности определить, как и в какой степени индустриальные рабочие адаптировались к новым социальным функциям и экстремальным для них условиям жизнедеятельности.

В нашем исследовании мы исходим из того, что «движение 25-тысячников», представленное в советской пропаганде как форма шефства города над деревней и добровольная помощь передовых рабочих крестьянству в проведении массовой коллективизации, являлось директивно организованной кадровой мобилизационной кампанией, инструментом достижения тотального огосударствления аграрного сектора экономики.

В рамках проведенной массовой кампании добровольчество имело управляемый характер, регулируемый посредством директив и методов разверстки. В ряде округов Сибирского региона (в т. ч. Иркутском и Красноярском) большинство 25-тысячников вербовалось путем мобилизации членов партии.

Исследуемая кампания привела не только к перемещению 25-тысячников в социально-чуждую среду, но и к изменению их социальной роли: из первоначального состояния объекта мобилизации они становились субъектом мобилизационного процесса в деревне; наделенные статусом рабочих, функционально 25-тысячники становились в деревне агентами власти. Смена ролевых функций лишала рабочих возможности использовать прежние стереотипы поведения, создавая для них тем самым сложную адаптивную ситуацию.

Миссия 25-тысячников в качестве «ударного» социально-мобилизационного кадрового ресурса, используемого в целях форсированной этатизации деревни, была выполнена в 1930–1931 гг. Она сопровождалась значительными потерями и издержками, понесенными самими рабочими (маргинализация одной части и незащищенность от последующих дискриминаций, чисток и репрессий другой, номенклатурной, части).

* * *

Решение об отправке около 25 тысяч рабочих из промышленных центров на постоянную работу в деревню совпало с началом «сплошной коллективизации». На ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) было принято решение о трансформации сельскохозяйственного сектора в кратчайшие сроки (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 431. Л. 178). Сознательно откладывая решение задачи подведения под колхозное движение «серьезной машинной базы», пленум в качестве приоритетной цели определил социально-политическое обеспечение коллективизации (Там же). Для этого требовалось максимально быстрое привлечение в деревню значительных кадровых ресурсов. Между тем еще до начала кампании по радикальному преобразованию аграрной экономики высшим партийно-советским органам становилось все сложнее обеспечить адекватную практическую реализацию своего курса на местах. Это объяснялось

отсутствием на селе прочной социально-политической опоры в виде развитых структур власти и дефицитом грамотных, квалифицированных кадров, имеющих опыт организации крупного коллективного сельскохозяйственного производства и управления им.

Председатель Колхозцентра Г.Н. Каминский в своем докладе на пленуме заявил о необходимости немедленного набора порядка 25 тысяч рабочих-организаторов для «колхозного строительства». Докладчик был убежден, что только из представителей рабочего класса партия может в максимально сжатые сроки подготовить политически надежных грамотных организаторов аграрного производства. Несмотря на дефицит постоянных кадров в промышленности, участники пленума согласились с подобной необходимостью.

В сложившейся ситуации обращение руководства ВКП(б) за помощью к рабочему классу не явилось неожиданностью. Во-первых, еще со времен Гражданской войны рабочие считались оплотом революционной политики, а их участие во всевозможных мобилизационных кадровых кампаниях рассматривалось руководством как естественная реализация особой миссии, «классового долга». Во-вторых, в ходе индустриализации рабочие промышленных предприятий приобрели определенный опыт обобществления социалистического производства, который, как предполагали в партийном руководстве, следовало эффективно использовать при перестройке мелкотоварного аграрного производства на социалистический лад. На двадцатипяти- и тридцатитысячников (далее – 25-тысячников), помимо прочего, надеялись как на свежую силу, чуждую бюрократизма, способную развернуть «самокритику», обеспечить живое руководство, основанное на личном общении с массами [Что нужно знать..., 1930. С. 9, 11].

Кампании по посылке 25 тыс. промышленных рабочих в деревню придавалось огромное политическое значение, связанное с надеждами, возлагаемыми на нее в деле реализации хозяйственно-политической программы партии. Этим объясняется привлечение большого внимания и значительных ресурсов к кампании на начальном ее этапе. Руководство мобилизацией рабочих осуществлял Центральный комитет ВКП(б), который, дав контрольные цифры вербовки, отбора и размещения 25-тысячников, довел число разверстки до 26 380 чел. [Селунская, 1964. С. 43]. Для Сибирского края планировалось мобилизовать 1 730 чел. из Ленинграда [Коллективизация..., 1972. С. 128] и около 400 чел. с местных предприятий. Вербовка должна была проводиться профсоюзами под непосредственным руководством партийных организаций.

Пленум ЦК не установил срок пребывания рабочих в деревне. В постановлении СНК СССР «О льготах для промышленных рабочих, направляемых на работу по колхозному строительству» от 29 декабря 1929 г. (см.: [Гурович, 1931. С. 37–39]) сроки также не оговаривались, однако было указано, что разницу в зарплате на предприятиях 25-тысячники будут получать в течение года. За ними сохранялось право в течение трех лет в случае возвращения немедленно поступить на прежнюю работу. Таким образом, ориентировочно продолжительность пребывания 25-тысячников в деревне определялась от одного года до трех лет [Борисов, 1959. С. 80].

Сибирская краевая комиссия по приему и распределению ленинградских рабочих в начале 1930 г. распорядилась подготовить в срок не позднее 1 февраля соответствующие квартиры с минимальной домашней обстановкой, с расчетом на то, что «не менее 30 %» приедут с семьями (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 71).

Правление Колхозцентра СССР в качестве основной задачи мобилизуемых рабочих определяло помощь колхозникам в организации сельскохозяйственного производства [Материалы по истории СССР. 1955. С. 464]. В обращении от 9 февраля 1930 г указывалось, что «всю энергию и силы» 25-тысячникам следует направить на обеспечение «решительного перелома» в подготовке посевной кампании и «боевых темпов во всей весенней работе колхоза» [Там же]. Целью же этой деятельности провозглашалось достижение товарности колхозов и их дальнейший рост. Колхозцентр просил рабочих систематически осведомлять о своей работе, сигнализировать «об извращениях в колхозном строительстве,... о классово-борьбе в деревне, о случаях проникновения кулацких влияний внутри колхозов» [Там же. С. 465]. Таким образом должна была реализовываться еще одна важная функция 25-тысячников – контроль над проведением политики партии на местах [Там же].

Представления самих мобилизованных рабочих о своих задачах формировались преимущественно пропагандой. В брошюре Р. Белбея, изданной во время проведения кампании, борьба «за генеральную линию партии и советской власти», с «бюрократизмом и искривлением классовой линии» ставилась среди задач 25-тысячников на первое место [1930. С. 24–25]. Целью при этом считалось не только выполнение плана весеннего сева, но и его превышение, а также обеспечение того, чтобы «снятый урожай попал *целиком* [курсив мой. – Н. Т.] в руки социалистического государства» [Там же. С. 19]. В «Наказе» 25-тысячникам «Красного треугольника» (такие наказы, по крайней мере, формально, исходили от месткомов партии и фабзавкомов), также делался акцент на задаче «твердого проведения классовой линии в строительстве колхозов» с целью выполнения «планов хозяйственного строительства на основе контрольных цифр» (Красный треугольник. 1930. 23 янв.). В «Наказе» посланцам «Скороходовского рабочего» цели выполнения поставленных партией задач сформулированы еще более наглядно: «Учитывая, что Бурято-Монгольская республика является одной из сырьевых баз для кожевенной промышленности, мы требуем от вас всегда помнить необходимость выполнения задач, поставленных партией в деле подъема животноводческого хозяйства, тем самым укрепляя наши кожевенные фабрики необходимым нам сырьем» (Скороходовский рабочий. 1930. 1 февр.).

Очевидно, что именно рабочие, не имевшие прямых и устойчивых связей в деревне и материально не заинтересованные в оставлении там урожая, могли быть использованы для выкачивания государством максимального количества продукции, произведенной в секторе сельского хозяйства. Более того, если вспомнить годы «военного коммунизма», станет ясно, что привлечение рабочих к выполнению такого рода функций не является изобретением эпохи «Великого перелома». Однако, в отличие от продотрядов времен Гражданской войны, мо-

билизация промышленных рабочих в деревню была призвана решить не только чрезвычайную задачу обеспечения государства сельскохозяйственной продукцией, но и долгосрочную задачу создания колхозов как регулярного и эффективного механизма выкачивания этой продукции. Таким образом, за организационно-политическими задачами 25-тысячников в деревне крылось стремление партии с их помощью максимально мобилизовать ресурсы деревни.

В официальных постановлениях и публицистике периода вербовки 25-тысячников в деревню оговаривались и их непосредственные задачи, которыми определялись основные направления будущей деятельности. ВЦИК в изданной для 25-тысячников брошюре «Что нужно знать каждому работнику колхоза?» акцентировал внимание на том, что рабочие должны способствовать укреплению роли советов в колхозном движении и помочь им в исполнении директив партии по вопросам коллективизации, «ликвидации кулачества» и расширения посевных площадей (1930. С. 6–11). 25-тысячникам указывали на необходимость помогать единоличному крестьянству, доказывая преимущества коллективного хозяйства. В обязанность рабочим вменялись создание батрацко-бедняцких групп и «очистка» с их помощью колхозов от «кулаков» (см.: [Белбей, 1930а. С. 18, 22–25, 30]). Для укрепления позиций большевиков в деревне 25-тысячникам также предлагалось активно вмешиваться в переборы местных советов, чтобы обеспечивать преобладание бедноты и батрачества в местных руководящих органах, и участвовать в укреплении колхозных ячеек партии, выдвигая наиболее «дельных» товарищей из местного актива (ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14 Д. 51. Л. 36–37); [Что нужно знать... С. 9–10; Материалы по истории СССР. С. 464; Белбей, 1930а. С. 23–24].

Таким образом, на 25-тысячников возлагались две взаимосвязанные функции – организационно-производственная и идеолого-политическая. Учитывая то обстоятельство, что большинство прибывших в деревню рабочих не имело практического опыта и навыка работы ни в первой, ни во второй сферах деятельности и осваивать их приходилось одновременно, представители рассматриваемой группы рабочих оказались в крайне сложной ситуации.

Во исполнение решений ноябрьского пленума ВЦСПС составил примерную разверстку мобилизации по профсоюзам. 30 ноября 1929 г. при ВЦСПС прошло совещание представителей ЦК профсоюзов и крупных советов профсоюзов, на котором было принято постановление о создании при фабзавкоммах крупных предприятий комиссий для отбора рабочих в колхозы (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 34–34 об.). Совещание дало указание всем ЦК союзов в течение трех дней представить в учраспредотдел ВЦСПС окончательно утвержденные таблицы разверстки для мобилизации. В результате некоторыми ЦК и региональными советами профсоюзов нормы разверстки, предложенной ВЦСПС, были увеличены (Там же. Л. 59). Вербовку профсоюзные органы предлагали проводить на добровольной основе, при этом посылая в деревню «лучших рабочих, достаточно развитых, с организационно-политическим опытом в работе» (Там же. Л. 59, 67).

ЦК и облотделы ряда профсоюзов (металлистов, пищевиков, бумажников, ленинградский облотдел профсоюза текстильщиков и др.) дали указание по всей сети своих организаций, начиная с фабзавкомов, о немедленном создании штабов по вербовке добровольцев. В состав штабов включались главным

образом представители партийных, профессиональных организаций, шефских обществ, рабочие из профактива, а также сами добровольцы, изъявившие желание ехать на колхозную работу (Там же. Л. 59). Ко второй половине декабря 1929 г. как на предприятиях, так и при президиумах облотделов союзов и СПС отборочные комиссии были в основном сформированы (Там же. Л. 67).

Ленинградский областной совет профсоюзов, кроме обсуждения вопроса о мобилизации рабочих на президиуме СПС, в конце ноября – начале декабря 1929 г. провел ряд районных собраний профактива и митингов. На митингах, устраиваемых для разъяснения задач вербовки, организовывалось публичное принятие резолюций о поддержке решений ноябрьского пленума ЦК (Там же. Л. 59). Ленинградский облотдел союза текстильщиков постановил закончить вербовку рабочих не позже 13 декабря. Для вербовки и помощи в работе местным штабам и комиссиям по отбору добровольцев облотдел мобилизовал и прикрепил ко всем текстильным фабрикам 34 ответственных работника (Ленинградская правда. 1929. 6 дек.).

Само решение пленума должно было служить указанием к началу вербовки в регионах. Тем не менее некоторые облотделы не спешили разворачивать мобилизацию, не получив сверху конкретных директив. Так, президиум ленинградского облотдела самого крупного профсоюза (металлистов) к 4 декабря 1929 г. еще не начал обсуждение вопроса о мобилизации рабочих в деревню. «Ленинградская правда» сигнализировала об этом факте как грозящем превращением «всей этой работы в механическое выделение каких-то товарищей» и выдачу им «соответствующих справок» (Там же. 4 дек.). В результате 6 декабря президиум ленинградского облотдела союза металлистов на экстренном совещании решил провести вербовку в десять дней и уже 15 декабря открыть курсы для отъезжающих рабочих (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 59).

Непосредственная вербовка рабочих для отправки в деревню проходила на заводах. На отправке рабочих в деревню была сосредоточена вся массовая работа металлургических предприятий (Ленинградская правда. 1929. 6 дек.).

Участие в проводимой кампании преподносилось рабочим как их классовый долг (Красный треугольник. 1929. 18 дек.). Различными средствами пропаганды обществу внушался миф, что «только рабочее руководство может повести деревню по намеченному генеральной линией пути» (Там же). Со страниц фабричных многотиражек звучали призывы «отправить на колхозное строительство все, что есть лучшего в рядах рабочего класса» (Там же; Скороходовский рабочий. 1929. 14 дек.). Как результат, на отдельных предприятиях количество подавших заявления до 5 раз превышало разверстку (Скороходовский рабочий. 1930. 21 янв.).

Газеты дают нам информацию о том, какими принципами предписывалось руководствоваться при отборе в ряды «добровольцев». «Трибуна халтуринцев» призывала рабочих предприятия удостовериться в том, что каждый кандидат не имеет зажиточного сельского хозяйства, достаточно закален в производстве, имеет общественно-организационный опыт. Особое внимание следовало обращать на политическую «выдержанность», так как на мобилизуемых возлагалась

ответственность за проведение политики партии и советской власти в деревне (1929. 17 дек.).

На тех предприятиях, где фабзавкомы провели достаточную разъяснительную работу, мобилизация рабочих проходила сравнительно активно. На других же заводах ситуация складывалась иначе: по сведениям ВЦСПС, многие фабзавкомы не разъясняли рабочим «сущность кампании» и даже сами не имели представления о ее политическом значении (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 68–68 об.). В подобных случаях запись добровольцев превращалась в формальную процедуру.

Даже на некоторых крупных предприятиях, таких как «Красный треугольник», где разъяснительная работа велась очень широко, вербовка добровольцев столкнулась с определенными затруднениями. От завода требовалось набрать 300 чел. В первые дни поступило около 200 заявлений, но «пыл быстро упал». Из 296 подавших заявления к 18 декабря 1929 г. пригодными для работы в деревне оказались только 158 чел. Чтобы решить эту проблему, фабричная газета провозгласила задачу «разжечь вспышку[...], разъясняя цели осуществления решения партии». Одновременно признавалось, что поскольку не все цеха «сознательно и активно подошли к делу», отборочная комиссия переходит к мобилизационным методам и начинает «разверстку по цехам» (Красный треугольник. 1929. 18 дек.).

В ряде промышленных центров (Московская область, Карелия, Урал) были отмечены попытки препятствовать выполнению плана вербовки, что было связано с дефицитом постоянных кадров рабочих (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 68–68 об.; Сельскохозяйственная газета. 1930. 9 февр.). В Ленинграде же, несмотря на указанные отрицательные моменты, количество добровольцев более, чем где-либо, превысило разверстку: вместо 4 390 чел. готовность поехать в деревню изъявило около 9 200 (по данным на 22 декабря 1929 г. – 8 624 чел.) [Материалы по истории СССР. С. 425]; (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 69). Всего же по СССР, по официальным данным, было подано свыше 70 тыс. заявлений [Селунская, 1964. С. 54].

Помимо профсоюзных органов и фабзавкомов, в отборе «25 тысяч» приняли участие Колхозцентр и региональные колхозные объединения. Последние командировали специальные бригады для отбора рабочих (в Ленинград из Сибирского и Нижне-Волжского краев приехало для этого около 20 чел.) (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 22. Л. 69).

С 20 декабря 1929 г. в Ленинграде работала центральная комиссия при Облпрофсовете, принимавшая окончательные решения о возможности использования отобранных рабочих в колхозах. Завершилась вербовка к 7 января 1930 г. (Ленинградская правда. 1929. 20 дек.); [Материалы по истории СССР. С. 425].

Из всех добровольцев заводские комиссии отсеяли 40 %, союзные комиссии – 15–20 % и областная – около 10 %. До 7 % было отсеяно при участии представителей краев, куда направлялись ленинградцы [Там же]. Процент отсева на разных предприятиях был неодинаков. Так, на кожевенном заводе им. Радищева годными были признаны только 21 % добровольцев, на типо-

графии им. Соколова – 25, на «Красном Гвоздильщике» – 55 % добровольцев (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 70).

В качестве причин для отвода кандидатур назывались недостаточность производственного стажа, слабость политической подготовки, низкая активность в общественной работе или ее малый стаж, политическая невыдержанность или недооценка коллективизации сельского хозяйства, преклонный или слишком молодой возраст, склонность к алкоголю и прочие провинности (прогулы и т. п.), а также невозможность отпустить с производства вследствие дефицитности профессии (Там же. Л. 69 об.).

Как было отмечено, вербовка на разных предприятиях проходила неравномерно и зачастую встречала трудности. И все же многие источники свидетельствуют об одобрении решения партии основной массой рабочих (Там же. Л. 62–63, 85). Готовность рабочих к участию в форсированном преобразовании сельского хозяйства объясняется рядом объективных и субъективных факторов. Это – тяжелое продовольственное положение рабочих в конце 1920-х гг. и их желание вновь ощутить себя лидирующей силой в государстве. Рабочие воспринимали коллективизацию как завершающий этап Гражданской войны, который покончит с капиталистическими пережитками в стране и открывает дорогу к построению социализма, и питали надежды на улучшение собственного материального положения и социального статуса, дельнейший карьерный рост.

Для беспартийных одним из стимулов добровольного вступления в ряды «25 тысяч» служила надежда на упрощенную процедуру приема в ВКП(б), членство в которой в те годы являлось обязательным условием карьерного роста. По замечанию Шейлы Фицпатрик, «партия тратила массу усилий, стараясь отделить тех, кто[...] готов взять на себя всю ответственность, налагаемую руководящей должностью, от “карьеристов”, гнавшихся лишь за персональными привилегиями» [2008. С. 24]. Это высказывание справедливо по отношению не только к советским гражданам, вступавшим в партию, но и к рабочим, добровольно пожелавшим занять должности сельских руководителей. Не случайно на ленинградских заводах отмечались случаи, когда в деревню стремились те, «кому чуждо социалистическое строительство» (Красный треугольник. 1929. 18 дек.).

Несмотря на то, что мобилизация имела преимущественно добровольный характер (это было необходимо для реализации целей кампании), партийными и профсоюзными органами сверху, как уже отмечалось, давалась разверстка. В соответствии с этой разверсткой профсоюзы обязывались мобилизовать определенное количество рабочих. Поэтому не удивительно, что степень добровольности отправки в деревню зачастую была весьма условной. В дальнейшем отдельные рабочие прямо заявляли, что их послали в Сибирь насильно (ГАО. Ф. Р-627. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 227; ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 86). О том, что случаи нежелания 25-тысячников работать в деревне не были исключительными, свидетельствуют и обнаруженные в ГАО копии личных писем в Сибирь к одному из 25-тысячников от его жены. Женщина пишет: «...приехал Шура Синицкий [неразборчиво] из колхоза, он отделался так: по-

просился якобы учиться и получил командировку или в Москву или в Ленинград и легко отделался от коммуны, а сам нигде и не думает учиться. А ты обратись к доктору, якобы тебе нездоровится, у тебя нервы расстроены, расскажи все свои ранения, операции и, наконец, расскажи свое положение, и врач может тебя отпустить по болезни, притворись полусумасшедшим у доктора, пусть тебя на комиссию по нервным болезням отправит, авось и удастся что либо сделать. Вот рабочий Игнатъев приехал уже давно, работает на фабрике, по нервным болезням его освободили, и дорогу ему оплатила фабрика. В общем, кто не зевает, тот молодец» (ГАО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418).

В ряде случаев разверстка на заводах не выполнялась из-за отказа мобилизованных от поездки в деревню. Официальные мотивы отказов были, как правило, следующие: 1) болезнь (рабочего или членов его семьи), 2) незнание деревни, 3) трудности работы в деревне, 4) боязнь репрессий со стороны «кулацких элементов», 5) желание учиться и др. Некоторые рабочие откровенно страшились новой работой (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 71 об.). Среди отказавшихся от поездки в деревню были и члены партии (Там же. Л. 85). Высказывалось на фабриках и мнение о том, что не имеющие связи с деревней рабочие ничего не понимают в деревенских делах и не могут быть организаторами колхозов (Там же. Л. 64, 71 об., 86; Красный треугольник. 1929. 18 дек.). Доходило даже до открытого недовольства политической партии в деревне, что на публичных собраниях расценивалось партийно-советскими органами как действия правой оппозиции (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 63).

Сомнения рабочих провоцировались и отсутствием точной информации об условиях предстоящей работы. Даже бескорыстно откликнувшихся на призыв партии резонно волновали вопросы о том, куда они едут, как быть с семьями и т. п. Не были четко определены и сроки поездки (Скороходовский рабочий. 1930. 21 янв.; Красный треугольник. 1930. 23 янв.). Профсоюзные организации обещали предоставить рабочие места членам семей уезжавших, что для некоторых стало решающим фактором при принятии решения поехать в деревню. Однако к моменту отъезда 25-тысячников из Ленинграда вопрос об устройстве их родственников на «Красном треугольнике» еще не был решен, и это вызывало недовольство рабочих.

Таким образом, в ходе мобилизационной кампании удалось организовать подачу рабочими заявлений о готовности поехать в деревню в количестве, существенно превышавшем разверстку. Однако отобрать из подавших заявления тех, кто действительно подходил для решения поставленных партией задач по форсированной трансформации деревни, оказалось непросто.

Из «сводки об отборе 100 человек для работы внутри Иркутского округа» следует, что в отличие от Ленинграда, где хотя бы формально соблюдался принцип добровольности, в Иркутском округе рабочие вербовались главным образом в порядке партийной мобилизации (Там же. Л. 37–38). Отдел кадров Иркутского окружкома связывал необходимость мобилизации с недостаточностью «массовой работы вокруг посылки рабочих». В результате проведенной кампании среди 197 предварительно отобранных оказался только 41 добро-

волец: 10 беспартийных, один комсомолец и 30 членов партии. Остальные 155 рабочих – членов ВКП(б) были мобилизованы принудительно. Хотя, по утверждению работников окружкома, некоторые из мобилизованных членов партии поначалу не проявили желания поехать в деревню лишь потому, что боялись не справиться с ответственной задачей.

Очевидный недостаток у мобилизуемых опыта организационной работы и незнание ими сельского хозяйства партийное и профсоюзное руководство планировало компенсировать за счет системы краткосрочных подготовительных курсов. Согласно постановлению секретариата ВЦСПС от 3 декабря 1929 г., всем завербованным рабочим предстояло пройти 14-дневные курсы*. Планировалось также по приезду рабочих в округа ознакомить их с особенностями местных условий. В качестве преподавателей для курсов Ленинградский облсовпроф мобилизовал 300 студентов Политехнического и Сельскохозяйственного институтов. К 5 января 1930 г. в Ленинграде курсы по подготовке начали свою работу в 26 учебных пунктах (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 72); [Материалы по истории СССР. С. 424]**. Примерно в это же время в Сибири были организованы двухнедельные курсы для мобилизованных на местных предприятиях.

К концу декабря Колхозцентр планировал прислать в Ленинград специально изданную литературу для подготовки 25-тысячников (Ленинградская правда. 1929. 20 дек.). Однако даже после открытия курсов потребность в ней оказалась удовлетворена менее чем наполовину, что вынудило комиссию по отбору 25-тысячников «обобратить» все местные отделения издательств и забрать «все, что было возможно», в т. ч. литературу, «едва ли пригодную для обучения» рабочих-колхозников [Материалы по истории СССР. С. 424]. Программа курсов была рассчитана на 120 ч и включала следующие вопросы:

- политика партии в деревне, очередные задачи колхозного строительства;
- производственное кооперирование и коллективизация (перерастание кооперативов в колхозы, контрактация, организационное построение колхозно-кооперативной системы);
- практические вопросы колхозного строительства (в том числе вопросы организации машинно-тракторных станций) (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 5. Л. 20; Учебный план..., 1930. С. 8).

При рассмотрении обширных учебных планов [Учебный план... С. 8–67] складывается впечатление, что в сжатые сроки промышленные рабочие, как правило, малообразованные, если и усваивали материал, то весьма поверхностно.

По прибытии в Сибирь 25-тысячники прошли дополнительное обучение на краткосрочных курсах, организованных при окружных центрах (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4212. Л. 14; Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1098). В соответствии с указанием ЦК ВКП(б) часть 25-тысячников перед отправкой на колхозную работу

---

* По предварительным сведениям, курсы должны были продолжаться 20 дней. – Сельскохозяйственная газета. 1929. 7 дек.

** По предварительным сведениям, курсы должны были продолжаться 20 дней и проходить в Ленинграде в 40 пунктах. – Там же.

попала в механизированные совхозы для двух-трехмесячной подготовки. Всего сибирская краевая комиссия по приему и распределению ленинградцев направила в совхозы 190 рабочих (т. е. около 9 % всех 25-тысячников в Сибири) (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 70 об.). В совхозы поехали прежде всего рабочие, распределенные в основные зернопроизводящие округа Западной Сибири: Барнаульский, Омский, Рубцовский и Славгородский. Из завербованных для Восточной Сибири подготовку в совхозах прошли только 10 ленинградцев: по дороге в Бурят-Монголию они задерживались для этого в Красноярске. В основном же совхозная практика проходила в западносибирских совхозах, причем 90 чел. (почти половина) проходили ее в Омском округе.

Инициаторы посылки в деревню «25 тысяч» пролетариев рассчитывали, что с помощью краткосрочных курсов удастся вооружить их основными знаниями, необходимыми для организационно-хозяйственной и политической работы. Однако в практической деятельности в деревне большее значение для рабочих имели их изначальный уровень образованности и политической грамотности, способность быстро ориентироваться в сложных ситуациях. Курсы же в большей мере сыграли роль в психологической консолидации, сплочении ранее незнакомых между собой рабочих в определенную общность и мобилизации их революционного духа. Этой цели послужили и торжественные проводы 25-тысячников, проходившие на предприятиях в конце января 1930 г., а также организованные пышные встречи. В доме культуры Москвитинского района Ленинграда 25-тысячников напутствовал сам Я.А. Яковлев (Красный треугольник. 1930. 26 янв.). Нарком земледелия публично провозглашал в качестве самой важной и ответственной задачу рабочих «достать семена, устроить землю, собрать хлеб». Таким образом, 25-тысячники были призваны в первую очередь обеспечить производительность колхозов и бесперебойное поступление их продукции государству.

Большинство из направленных в сибирские организации рабочих прибыло в край в конце января – начале февраля 1930 г. [Коллективизация..., 1972. С. 131]. Согласно постановлению комиссии по приему и распределению 25-тысячников, окружкомам надлежало организовать не только массовые встречи прибывающих в округа рабочих, но и торжественные мероприятия на всех крупных станциях, через которые проходили эшелоны с добровольцами (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 71–71 об.). Эти инициированные сверху «теплые встречи», как и полагалось, произвели на 25-тысячников большое впечатление. Краснотреугольниковцы писали на завод: «Больше всего поразила встреча в г. Канске. Весь город разукрашен плакатами. Встречал весь город, а также крестьяне, которые специально приезжали за 150–175 км» (Красный треугольник. 1930. 21 февр.).

Общее число рабочих, завербованных «в счет 25 тысяч» в целом по СССР, точно не установлено. Традиционно в литературе, с опорой на официальные источники, утверждалось, что всего мобилизовали около 27,5 тыс. Однако Ю.С. Борисов путем подсчета по каждой отдельной области показал, что в села было направлено около 35 тыс. рабочих [Борисов, 1960. С. 80–82]. По мнению В.А. Полякова [1980], и этот подсчет нельзя считать окончательным

за неимением точных сведений о количестве завербованных в каждом регионе (что справедливо, в т. ч. для Сибири). В результате распределения мобилизованных почти 80 % рабочих поехали в основные зернопроизводящие районы страны и национальные республики, где потребность в организаторских и руководящих кадрах была наибольшей [Селунская, 1964. С. 74–77].

В Сибирский край в январе-феврале 1930 г. из Ленинграда и области отправилось около 1 730 рабочих из 4 399 завербованных в городе [Там же]; (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 71). В докладной записке распределотдела Сибкрайкома ВКП(б) Центральному комитету партии о приеме и распределении ленинградских рабочих по колхозам края (4 февраля 1930 г.) приведена разверстка 25-тысячников по округам [Коллективизация..., 1972. С. 128]. Так, по 18 округам было распределено 1 984 чел., из них 1 729 чел. – в Западной Сибири* и всего 255 чел. – в Восточной. Основную часть 25-тысячников (1 458 чел.) предполагалось задействовать в семи главных зернопроизводящих округах Западной Сибири, где на начало 1930 г. уровень коллективизации был наивысшим в крае: Барабинском (111 чел.), Барнаульском (200 чел.), Бийском (143 чел.), Новосибирском (200 чел.), Омском (140 чел.), Рубцовском (363 чел.) и Славгородском (301 чел.) [Там же]. Данное распределение подчеркивало большое значение, которое придавалось роли рабочих в обеспечении высокой производительности трансформируемого сельскохозяйственного сектора и повышении объемов хлебазаготовок. Более подробно распределение 25-тысячников по округам Сибирского края с учетом места их мобилизации представлено в табл. 1.

Иркутская газета «Власть труда» 24 января 1930 г. писала, что 19 ленинградцев поедут в Красноярский округ, а 91 чел. – в Бурятию. Однако в дальнейшем эта информация была опровергнута: Красноярску было предложено провести вербовку 20 рабочих самостоятельно, а в Бурят-Монголию отправить 110 ленинградских рабочих (Там же. Л. 70). По более поздним данным (Информационная сводка о работе 25-тысячников в БМАССР. Верхне-Удинск, 24 февраля 1931 г.), в Бурятию поехало 100 ленинградцев (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 61). В Иркутский округ, также вопреки первоначальным контрольным цифрам, ленинградцы направлены не были. Предприятия Красноярска завербовали около 100 рабочих [Тюшев, 1967. С. 76].

Иркутскому окружному ВКП(б) Крайком дал задание мобилизовать 50 чел., однако он ходатайствовал об увеличении этого числа до 100 (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 38). Бюро Сибкрайкома на заседании 1 января 1929 г. назвало увлечение некоторых окружкомов большим количеством мобилизуемых «в ущерб качеству» совершенно недопустимым и предупредило, что расходы по мобилизации сверх полученных заданий будут финансироваться за счет местных бюджетов (Там же. Л. 89). Тем не менее Иркутский округ направил в колхозы около 100 рабочих (Там же. Л. 4, 74). Из них три четверти прошли отбор окружной комиссии, и 23 чел. – районных комиссий в Черемхово и Усолье.

---

* В округах, которые с июля 1930 г. относились к Западно-Сибирскому краю.

Таблица 1

**Распределение 25-тысячников по сибирским округам
с учетом места их мобилизации***

Название округа	Количество рабочих по округам	
	Ленинградцы	Местные
Ачинский	46	От Кузнецкого окр. 10 чел., от Томского – 30 чел.
Бурят-Монгольский	110	–
Барабинский	100	–
Барнаульский	175	25
Бийский	140	–
Иркутский		100 (вне плана)
Каменский	70	–
Канский	85	–
Красноярский	–	100 (из них 80 – вне плана)
Кузнецкий	15	25
Минусинский	40	–
Новосибирский	200	–
Ойротия	12	–
Омский	100	40
Рубцовский	300	–
Славгородский	300	–
Томский	30	20
Хакасский	17	–
<i>Всего:</i>	1730	350

* Составлена по: ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 71, Л. 38. Записка о ходе отбора рабочих на постоянную колхозную работу в счет «25 000» в Сибкрайком ВКП(б) (подписано зав. отдела кадров Иркутского окружкома ВКП(б)); Постановление секретариата Крайкома ВКП(б) // Сов. Сибирь. 1930. 14 янв.; Власть труда (Иркутск). 1930. 24 янв.

Точное число завербованных непосредственно в Сибири не известно. По В.П. Тюшеву, только Иркутский и Красноярский округа завербовали около 200 чел. (из них порядка 180 – сверх плана) [1967. С. 76]. Известно, что мобилизация проходила также в округах Западной Сибири: Барнаульском (25 чел.), Кузнецком (35 чел.), Омском (40 чел.) и Томском (50 чел.) (Постановление секретариата Крайкома ВКП(б) см.: Сов. Сибирь. 1930. 14 янв.). Таким образом, в Сибири мобилизовали не менее 350 чел., а всего для участия в коллективизации сельского хозяйства Сибири – порядка 2 080 чел.

Среди мобилизованных для Сибири ленинградцев членами партии являлись 76,6 %, комсомольцами – 6,9 %, оставшуюся часть составляли беспартийные [Коллективизация..., 1972. С. 130] (в масштабах страны среди 25-тысячников коммунисты составили 69,9 %, комсомольцы – 8,6 %). Значительная часть беспартийных уже в процессе вербовки и обучения на курсах подавала заявления о вступлении в партию [Материалы по истории СССР. С. 425].

К моменту прибытия в Сибирь количество беспартийных не превышало 10–15 % (ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 221). У абсолютного большинства отобранных членов ВКП(б) партийный стаж не превышал 5 лет. Весомый процент 25-тысячников составляли рабочие с партийным стажем до 2 лет (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 29. Л. 129).

Привлечение беспартийных к участию в кампании имело целью заручиться поддержкой беспартийного большинства. Но способствовала этому и опасность оставить предприятия без основы их общественной и партийной жизни, мобилизуя только коммунистов.

В результате специфических методов вербовки на сибирских предприятиях доля 25-тысячников – членов партии оказалась большей, чем в среднем по стране. Например, в Иркутском округе члены ВКП(б) составили 87,7 % (по данным о 81 чел.), из них 50,7 % имели партийный стаж до 2 лет, 16,9 % – от 2 до 5 лет, 32,4 % – от 5 до 19 лет (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 3)*. Кандидаты в члены партии составили 8,6 %, комсомольцы – 1,2, а беспартийные – всего 2,5 %.

По решению ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) в деревню следовало направить рабочих с «достаточным организационно-политическим опытом» [КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 34]. Раскрывая данную установку, ВЦСПС указывал вербовщикам на необходимость отбора из партийного, комсомольского и профсоюзного актива, актива добровольных обществ (в первую очередь шефских), из рабочих, проявивших себя в рабочих бригадах, и т. д. (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 1). Около четверти рабочих, мобилизованных в Ленинграде, уже имели практический опыт коллективизации [Смышляев, Жилкин, 1961. С. 13]. В некоторых профсоюзах Ленинграда среди добровольцев был значительный процент профсоюзного актива. Среди записавшихся на «Красном треугольнике» встречались представители актива общественников: звенорги, делегаты Центрального профсоюзного бюро, ответственные секретари (Красный треугольник. 1929. 18 дек.; 1930. 26 янв.). Рабкоры этого завода выделили «75 лучших, выдержанных товарищей».

Среди отобранных для работы в Сибири, как ленинградцев, так и сибиряков, люди с опытом общественной работы, преимущественно профсоюзной и партийной, составляли более двух третей (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 29. Л. 129). Однако, по данным о мобилизованных в Иркутском округе, опыт общественной работы имелся лишь у 44,4 % из них. Причем никто из сибиряков, согласно статистике окружкома, не обладал опытом советской и профсоюзной работы.

В табл. 2 отражены принадлежность к профсоюзам ленинградцев, направленных в Сибирь, и их доля в общем составе 25-тысячников, в частности мобилизованных в Ленинграде. Из данных таблицы следует, что больше всего рабочих в деревню направил самый многочисленный в стране профсоюз ме-

---

* В документе указано, что 32,4 % 25-тысячников имели партийный стаж от 10 лет и выше, а в графе от 5 до 10 лет поставлен прочерк. Нам представляется, что это ошибка, т. к. в Восточной Сибири не могло быть столь высокого процента рабочих, вступивших в партию до 1920 г.

таллистов. Причем в Сибири среди ленинградских 25-тысячников процент металлостов оказался выше соответствующего общесоюзного показателя. Металлисты представляли привилегированную, хорошо оплачиваемую группу рабочих, для которой участие в рассматриваемой нами мобилизационной кампании едва ли могло повлечь повышение социального статуса. Таким образом, для значительной доли 25-тысячников стремление к карьерному росту или материальным благам с малой долей вероятности являлось определяющим в их готовности поехать на колхозную работу. Значительный процент среди направленных в Сибирь ленинградцев составили представители профсоюза химиков. Относительно велика была и доля печатников (7 %), среди которых с высокой вероятностью могли оказаться люди весьма грамотные.

Таблица 2

Состав 25-тысячников по направившим их профсоюзам (чел. / %)*

Наименование профсоюзов	Разверстка ВЦСПС**	Рабочие, мобилизованные в Ленинграде (на 27.12.29)	Ленинградцы, направленные в Сибирь
Бумажников	130/0,5	43/1	27/1,5
Водников	510/2	50/1,2	—
Деревоотделочников	570/2,3	105/2,6	100/5,6
Железнодорожников	3520/14,2	398/10	—
Кожевников	740/3	196/5	132/7,4
Коммунальщиков	480/1,9	51/1,3	—
Металлистов	9300/37,5	1475/37	742/42
Печатников	500/2	139/3,5	125/7
Пищевиков	1450/5,85	294/7,4	102/5,7
Строителей	850/3,5	113/2,8	102/5,7
Текстильщиков	4030/16,25	484/12,1	117/6,6
Транспортников	470/1,9	53/1,3	51/3
Химиков	1900/7,7	489/12,3	255/14
Швейников	350/1,4	101/2,5	26/1,5
<i>Всего:</i>	<i>24800/100</i>	<i>3991/100</i>	<i>1779/100</i>

* Составлена по: ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 1, 69 об.; [Коллективизация..., 1972. С. 129].

** Учтены не все профсоюзы.

Особенности состава рабочих, завербованных сибирскими организациями, определялись особенностями состава сибирского пролетариата в целом. Так, 18 из 40 чел., отобранных омскими профсоюзными организациями (45 %), были членами профсоюза железнодорожников, 12 чел. (30 %) — металлостов, по 3 чел. представляли профсоюзы пищевиков и водников, по 1 чел. — кожевников, коммунальщиков и народного питания (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4212. Л. 14).

Согласно постановлению ВЦСПС от 3 декабря 1929 г. мобилизуемые рабочие должны были иметь не менее 5 лет производственного стажа (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 1). Однако основную массу «добровольцев» ряда предприятий составили неквалифицированные рабочие с малым производственным опытом (Там же. Л. 86). Причиной этого могли служить не только настроения рабочих, но и нежелание руководства предприятий и профсоюзов лишаться квалифицированных работников (Там же. Л. 68–68 об.). В результате среди отобранных для Сибири ленинградцев производственный стаж до 5 лет имели 16,5 % (по всесоюзным данным – 13 % [Ершков, 1963]), от 5 до 15 лет – 55, более 15 лет – 27,5 % рабочих [Материалы по истории СССР. С. 424; Коллективизация..., 1972. С. 130]. Низкий производственный стаж 25-тысячников свидетельствует о том, что среди завербованных рабочих могли оказаться «ненадежные» для партии выходцы из деревни, которым, в то же время, должно было быть проще ориентироваться в сельскохозяйственных вопросах. Кроме того, значительную часть рабочих с небольшим стажем составляла молодежь, способная, по мнению Сибкрайкома ВКП(б), легко приспособляться к новым условиям [Коллективизация..., 1972. С. 130]. Сравнительно большим опытом производственной работы обладали мобилизованные в Иркутском округе: 57 % – свыше 10 лет, 32 % – от 5 до 10 лет, и лишь 11 % – менее 5 лет (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1443. Л. 3).

Большинство направленных в Сибирский край ленинградцев (78,1 %) составили рабочие в возрасте от 23 до 40 лет (причем 47 % – от 23 до 30). Около 9 % (162 чел.) еще не достигли 23 лет. Рабочих в возрасте старше 40 лет среди 25-тысячников оказалось 12,2 % (215 чел.) [Коллективизация..., 1972. С. 129]. Представители крайних возрастных групп были потенциально менее адаптивны к изменению социальных и климатических условий работы.

Центральный комитет партии и ВЦСПС дали задание обеспечить в составе 25-тысячников не менее 10–15 % женщин-активисток (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 1, 34; Правда. 1930. 24 янв.). Но ни в Ленинграде, ни в целом в стране это задание выполнено не было. Среди мобилизованных на работу в Сибири ленинградцев насчитывалось всего 8 % женщин (по всесоюзным данным – 7,7 %) [Коллективизация..., 1972. С. 129]. В Сибирском крае процент мобилизованных женщин был еще ниже. По данным распределения, в 12 округах оказалось только две работницы-сибирячки (1,65 %) (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 29. Л. 129).

Среди отобранных для Сибири ленинградцев русские составили 95,3 %. Национальный состав оставшихся 4,7 % (83 чел.) был следующим: 32 еврея (1,8 %), 12 эстонцев (0,68 %), а также армяне, венгры, латыши, литовцы, немцы, поляки, татары, украинцы, финны. Краевые органы считали представительство некоторых национальностей недостаточным, так как их планировалось использовать в национальных районах, прежде всего немецких [Там же. С. 130].

Три четверти 25-тысячников (81,6 %) имели только низшее образование, 7,5 % – неполное среднее и 10,9 % – среднее [Там же]. Сибкрайком на основании этих цифр оценивал образовательный уровень 25-тысячников оптими-

стично. Он был действительно выше, чем в среднем среди рабочих по стране (хотя заметно ниже, чем по профсоюзу металлистов) [Постников, Фельдман, 2009. С. 189–190]. Однако и не настолько высоким, чтобы способствовать ориентации в резко изменившихся условиях работы.

Образовательный и культурный уровень сибирских рабочих и, соответственно, местных 25-тысячников был ниже, чем ленинградцев. Согласно данным о 77 рабочих, мобилизованных в Иркутском округе, низшее образование имели 75 из них [Коллективизация..., 1972. С. 130]. Кроме того, сибирский рабочий не обладал тем политическим весом, который зачастую помогал ленинградцам приобрести авторитет среди колхозников.

Среди ленинградцев, направленных в Сибирский край, доля семейных была даже выше, чем среди отобранных в целом по Ленинграду, и составляла 93 %. Причем у 33 % рабочих на иждивении находилось более 2 чел. [Там же].

Точных сведений о том, сколько ленинградских 25-тысячников приехало в Сибирский край с семьями, не имеется (такой информацией не располагал и Сибкрайком ВКП(б)) [Там же]. По ориентировочной информации, переданной крайкому ленинградской отборочной комиссией, таковых насчитывалось около 30 % от всех семейных, т. е. 2/3 всех 25-тысячников оставляли свои семьи в Ленинграде. И это без учета, что некоторые везли с собой не всю семью. Разъединение семей в дальнейшем служило одной из причин, по которой многие 25-тысячники стремились вернуться на производство.

Уровень зарплаты 25-тысячников на предприятиях был высок в сравнении со средним доходом советских рабочих. Средний месячный заработок мобилизованных в Ленинграде 25-тысячников составлял 126,5 руб. Такая ситуация вызывала в Сибкрайкоме партии оправданные опасения, так как при низкой зарплате в местных колхозах могли возникнуть «недоразумения», особенно после прекращения доплат с предприятий (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 52. Л. 84); [Коллективизация..., 1972. С. 130]. То, что в Сибирь с ее тяжелыми условиями труда основная часть 25-тысячников была направлена из Ленинграда, заслуживает особого внимания. Ведь уровень жизни (жилищные условия, заработная плата и т. п.) рабочих северной столицы был заметно выше, чем в среднем по РСФСР [Постников, Фельдман, 2009. С. 53, 130–131].

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод о том, что социокультурный облик рабочих – 25-тысячников определялся, с одной стороны, задачами, которые руководство партии стремилось разрешить посредством использования данной целевой группы, и, соответственно, требованиями, которые к ней предъявлялись. С другой стороны, этот облик определялся групповыми и индивидуальными мотивациями самих рабочих, реальным составом советского промышленного пролетариата и тем, какую позицию занимало в ходе кампании руководство предприятий. Приоритетная установка на вербовку рабочих по критерию обладания «достаточным организационно-политическим опытом», в его весьма широкой и произвольной трактовке, привела к тому, что в практической реализации отбор осуществлялся при соединении принципов партийно-кадровой разверстки и действительного добровольчества, т. е. партийности и активизма (сознательности). Мотивации

людей к будущей управленческой деятельности учитывались, но оказывались вторичны, подчинены названным выше характеристикам. Если посмотреть на социальные и культурные характеристики мобилизованных 25-тысячников по итогам рассмотренной кампании, то окажется, что одни из них в дальнейшем способствовали их адаптивности и успешному выполнению поставленных задач, другие же предопределяли неспособность значительной доли рабочих соответствовать миссии радикальной советизации деревни, возложенной на них партийным руководством.

21 мая 1930 г. ЦК ВКП(б) издал постановление «О дальнейшей работе с 25-тысячниками», где признавалось возможным, чтобы краевые и областные колхозсоюзы, с согласия крайкомов, обкомов и окружкомов, возвращали на производство или отправляли на курсы переподготовки тех 25-тысячников, которые оказались «неподготовленными или неподходящими» для руководящей колхозной работы (Сов. Сибирь. 1930. 6 дек.); [Белбей, 1930б. С. 42]. Однако следует заметить, что к тому моменту отток рабочих из деревни уже начался (ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 220–235; Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4212. Л. 14; Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 9–11 об., 32–33 об., 34–34 об.). Одних рабочих снимали местные руководящие органы, другие сами просили об откомандировании, обращаясь с заявлениями в партийные и советские организации различных уровней. В первые месяцы работы 25-тысячников в Сибири порядок их откомандирования не был четко установлен, однако окружные комитеты партии выражали недовольство, если районные организации без их ведома снимали ленинградцев (Там же. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 33.). Вместе с тем далеко не всегда рабочие, в т. ч. члены партии, дожидались официального разрешения на выезд (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 50. Л. 92).

В адрес досрочно покидавших деревню зачастую звучали обвинения в «трусости перед трудностями» (Там же. Ф. Р-627. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 225; Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 48). Поскольку скорое возвращение на производство подрывало авторитет рабочих, большинство из тех, кому предстояло задержаться в Сибири, соглашались с необходимостью официально отмежеваться от «дезертиров и трусов»*.

Далеко не всегда «дезертирство» объяснялось тяжестью деревенской работы. Руководство профсоюза горнорабочих выделяло три основных мотива возвращения: 1) плохой прием на селе и тяжелые условия работы; 2) «просто нежелание работать на селе»; 3) невозможность использовать рабочих в колхозах (т. е. они не в полной мере отвечали тем требованиям и задачам, которые ставились перед 25-тысячниками) (Там же. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 54. Л. 41–41 об.).

Осенью 1930 г. западносибирский краевой СПС провел учет работавших в деревне 25-тысячников. По результатам обследования 90 районов (где работало 892 чел.) совет профсоюзов сделал предварительный вывод, что со вре-

---

* Приведено письмо от 18 мая 1930 г. Цит. по: Специальная записка окружкома о работе Ленинградцев. Сибкрайкому. По состоянию на 1 мая 1930 г. Секретно. (В документе не указано, каким именно окружкомом он составлен). – ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 9–11 об.

мени приезда в сельские организации количество 25-тысячников уменьшилось примерно на 10 % (Там же. Л. 14).

Наиболее подробно деятельность и состав 25-тысячников в конце 1930 г. – начале 1931 г. изучила специальная комиссия при агитмассовом отделе Запсибкрайкома ВКП(б). По ее заданию райкомы ВКП(б) составили списки 25-тысячников с результатами отбора для дальнейшей работы в деревне (далее – Списки). Анализ Списков дает представление о том, кто из числа 25-тысячников к осени 1930 г. остался на деревенской работе в Западной Сибири (на материалах 103 районов, где на тот момент числилось 1 054 чел., а фактически находилось 1 040 чел.).

Сравнение данных о рабочих, размещенных в Сибирском крае в начале 1930 г., с данными Списков показывает, что доля членов партии среди 25-тысячников заметно увеличилась в течение 1930 г. за счет кандидатов в члены ВКП(б) и комсомольцев, отчасти за счет беспартийных. Доля беспартийных сократилась с 8,8 до 5,9 %. Вышеуказанные изменения в составе рабочих произошли в большей степени за счет их вступления в ряды партии, нежели за счет более активного возвращения кандидатов ВКП(б) и беспартийных на производство. Это подтверждается данными о партийном стаже 25-тысячников – членов ВКП(б). 12 % из них вступили в партию в 1930 г. (сюда входят и те, кто успел стать членом ВКП(б) непосредственно перед отъездом в деревню, и те, кто сделал это уже в сибирских организациях). В итоге доля 25-тысячников, вступивших в партию не ранее 1928 г., увеличилась с 32,3 до 44,3 % (от числа партийцев).

Средний производственный стаж 25-тысячников на осень 1930 г. составил около 10 лет, минимальный стаж – полгода, максимальный – 37 лет. Процент рабочих с небольшим производственным стажем среди 25-тысячников несколько вырос. Вместе с тем необходимо делать скидку на следующий факт: с одной стороны, официальные данные периода мобилизации могли приукрашивать облик 25-тысячников (в т. ч. из-за нежелания предприятий лишаться действительно опытных рабочих), приписывая им больший производственный стаж; с другой стороны, при составлении Списков сами 25-тысячники могли неточно указывать свой стаж (называя, к примеру, срок работы лишь на направишем в деревню заводе или по последней специальности*). Путаница могла возникнуть и в связи с тем, что хотя фактически с 1930 г. рабочие были оторваны от предприятий, им продолжали начислять производственный стаж. Следует отметить, что на февраль 1930 г. у нас имеются точные сведения по стажу только о ленинградцах. Однако согласно имеющимся отрывочным данным, производственный стаж 25-тысячников – сибиряков в среднем превышал стаж ленинградцев (ГАО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4212. Л. 14).

Возрастной состав 25-тысячников за первый год работы в Западной Сибири не претерпел существенных изменений. Надежды Краевого комитета на

---

* На большую вероятность таких ошибок указывает то, что во многих бланках листов по учету кадров необходимо было приводить лишь стаж «по профессии», в результате чего рабочие, проработавшие на производстве более 10 лет, порой записывали стаж 2–3 года.

большую адаптивность молодежи не оправдались: доля рабочих старшей возрастной группы несколько увеличилась (на 2 %), а доля самой молодой группы хоть и не существенно, но уменьшилась (на 1 %) [Коллективизация..., 1972. С. 130]. Более того, краевые органы отмечали значительный отсев молодых и слабо подготовленных 25-тысячников, который связывали с «прорывом в руководстве» рабочими (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1098).

Доля женщин среди 25-тысячников к осени 1930 г., согласно Спискам, не претерпела существенных изменений и составила 7 % (сравнение проводится с учетом того, что среди ленинградцев изначально было 8 % женщин, а среди мобилизованных в Сибири рабочих – значительно меньше). И все же изучение Списков показывает, что в некоторых районах женщины оказались менее адаптивны, чем мужчины: среди 14 чел., числящихся в Списках как выбывшие, пять женщин (т. е. более трети).

Для того чтобы проследить жизненный путь 25-тысячников до и после мобилизации, мы обратились к их личным делам, отложившимся в фонде Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), хранящемся в ГАНУ. При обработке личных дел ставилась задача установить, насколько базовые факторы социализации 25-тысячников до мобилизации (происхождение, образовательный уровень и др.) влияли на их выдвижение на деревенскую работу и дальнейшую адаптацию к новым условиям жизнедеятельности. В силу специфики формирования делопроизводства указанного фондообразователя, в наше поле зрения попали личные дела лишь тех из «25 тысяч», кто состоял в партии и с 1930 г. проработал в Сибири не менее полутора-двух лет. Поиск осуществлялся путем поименного сопоставления 25-тысячников, знакомых нам по другим источникам, с описями документов по личному составу указанного выше фонда. В результате нами выявлены личные дела 107 чел., т. е. 6 % от всей группы 25-тысячников, мобилизованных для Западной Сибири. Из них 10 чел. (около 9 %) – мобилизованные с сибирских предприятий, что примерно соответствует изначальной доле сибиряков среди 25-тысячников на территории Западно-сибирского края (по неточным данным, около 10,5 %).

Среди тех, чьи личные дела были выявлены и подвергнуты обработке, 60 чел. имели рабочее происхождение, 42 чел. – крестьянское (сюда мы включаем тех, у кого хотя бы один из родителей занимался сельским трудом), 5 чел. – иное (двое были детьми служащих, один – мещан (сын штурмана дальнего плавания)), один – мелкого торговца и один вырос в приюте). 29 из 60 будущих 25-тысячников рабочего происхождения родилось в Санкт-Петербурге, 9 чел. – в других городах (в т. ч. В.Ф. Вагайцев в Барнауле), часть – в селах, т. е. их родители занимались сельскими ремеслами (столяры, шорники, каменщики и т. п.; таковые были и в городах) и, вероятно, отходничеством (об остальных точно не известно, так как указана только губерния). Те, чьи родители занимались крестьянским трудом, были выходцами с разных территорий бывшей Российской империи – от Сибири до Витебской и Санкт-Петербургской губерний. В Сибири родились только шестеро 25-тысячников (по происхождению трое – дети крестьян, двое – ремесленников, один – сын

мелкого торговца), из них 5 чел. работали в сибирских округах к моменту мобилизации.

Согласно материалам личных дел, 70 % 25-тысячников рабочего происхождения («рабочих») имели низшее образование и 8 % являлись самоучками. Из 25-тысячников крестьянского происхождения («крестьян») – соответственно 88 % (низшее) и 2 % (самоучки), т. е. доля имевших низкий образовательный ценз среди выходцев из деревни была на 12 % больше, чем среди родившихся в городах. Среднее образование имели 10 % «рабочих» и 7 % «крестьян», неоконченное среднее – 5 и 2 % соответственно (о четырех «рабочих» сведений не имеется). Меньший образовательный уровень лиц крестьянского происхождения объясняется, с одной стороны, более низкой грамотностью сельского населения в целом, с другой – тем, что крестьяне, перебивавшиеся в города, имели меньше возможностей учиться, сталкиваясь с необходимостью зарабатывать себе на жизнь.

В целом приведенные сведения соответствуют суммарным официальным данным, имевшимся на момент завершения отбора рабочих (хотя необходимо учесть, что образовательный уровень сибиряков был заметно ниже, чем ленинградцев, и это влияло на среднее значение). Можно предположить, что общеобразовательный уровень мобилизованных (если только официальные данные не приукрашивали картину) не давал принципиального преимущества при отборе для работы в деревне. Однако среди 25-тысячников, продолживших свою деятельность в деревне в 1935 г. (тех, о ком есть сведения), доля образованных заметно выше: 31 % «рабочих» и 22 % «крестьян» имели среднее или неоконченное среднее образование. Следовательно, образовательный фактор если и не сразу, то во временной перспективе способствовал позитивной адаптации.

В ситуации, когда общеобразовательный уровень большинства 25-тысячников был столь невысок, их функциональная адаптивность к административно-хозяйственной и политической работе должна была в определенной степени зависеть от наличия у них политического образования и опыта общественной деятельности. На момент мобилизации 74 % представителей изучаемой группы имели политическое образование (76 % «рабочих» и 69 % «крестьян»). Из них четверо (4 %) назвали себя «самоучками» в политических вопросах, 10 чел. (9 % от общего числа) обучались в марксистско-ленинских кружках, политшколах на производстве и на первичных политкурсах, остальные (61 %) – в партшколах и совпартшколах разных уровней (в т. ч. вечерних), на политических курсах ораторов и т. п. Не имели никакого политического образования (или не указали его в своем личном листке) только 25 %. В отношении рабочих, деятельность которых удалось отследить до 1935 г., эта доля сократилась до 23,5 %, т. е. незначительно. А это значит, что наличие политического образования стабильно, устойчиво влияло на адаптацию, не оказывая на нее всецело определяющего воздействия.

Опыт какой-либо общественной работы обладало 68 % мобилизованных. Причем среди 25-тысячников рабочего происхождения – 65 %, крестьянского – 69,7 %, среди прочих – 100 %. Поскольку при отборе предпочтение

отдавалось потомственным рабочим, выходцы из крестьян и других слоев населения должны были иметь другие преимущества, одним из которых являлся опыт общественной работы, в особенности партийной. Так, опытом партийной работы (сюда мы включали и комсомольскую работу, а также соответствующий опыт, полученный во время военной службы) обладало 44 % «крестьян», 50 % «прочих» и только 35 % «рабочих». В дальнейшем ставка на опыт, накопленный рабочими в городах, в значительной степени оправдалась. Так, к 1934 г. среди рабочих, продолживших деятельность на административно-хозяйственных, партийных и т. п. должностях (тех, о ком есть сведения), доля имевших на момент мобилизации опыт партийной работы возросла с 39 до 58 %, иной общественной работы – с 45 до 58 %. Особенно заметный рост показала группа рабочих крестьянского происхождения с опытом непартийной работы: она увеличилась с 40 до 77 %. Однако в целом доля 25-тысячников, имевших опыт какой-либо общественной работы, среди всей рассматриваемой группы к 1934 г. выросла лишь на 1,4 % (с 68,2 до 69,6 %).

При ознакомлении с перечнем общественных должностей, которые занимали 25-тысячники до мобилизации, можно заметить, что далеко не все они могли способствовать дальнейшему успеху в деревне. Некоторые из них, такие как член Ленсовета, член бюро Осоавиахима, были далеки от непосредственной организационно-хозяйственной деятельности на селе. Напротив, опыт работы на таких должностях, как председатель фабзавкома, председатель культурной комиссии, член обкома общества «Долой неграмотность», инспектор охраны труда или член РИК, вполне мог пригодиться в деревне. Партийные должности, занимаемые будущими 25-тысячниками, обладали, на наш взгляд, большим адаптивным потенциалом, что подтверждается приведенными выше цифрами. Среди этих должностей секретари партийных ячеек (цеховых, заводских и пр.), члены райкомов, заведующий культпропотделом РК ВКП(б), цеховые агитаторы-пропагандисты и т. п.

Следует учитывать и опыт мобильности: многие рабочие к концу 1929 г. успели побывать не на одной общественной должности, нередко чередуя или совмещая партийную, советскую, профсоюзную и другую работу. Некоторые 25-тысячники в этом отношении заслуживают особого внимания. Так, О.Э. Шмидт, слесарь рабочего происхождения, родившийся в 1890 г. в Германии, с 1909 г. исполнял обязанности районного парторганизатора Социал-демократической партии Германии, позднее занимался тем же в «Союзе спартаков», а в 1920 г. вступил в Коммунистическую партию Германии и стал парторгом на заводе и одновременно председателем заводского комитета. Параллельно Шмидт получил опыт культурно-политической работы: сначала на должности редактора коммунистической газеты при заводе (Берлин), затем – председателя немецкого коммунистического клуба (уже в Советском Союзе, в Кузбассе), а непосредственно перед мобилизацией – члена правления подобного клуба в Ленинграде и председателя ячейки МОПР (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 19832).

Д.Г. Герасимов, мобилизованный с должности электромонтера и помощника механика на пивном заводе (Ленинград), еще в 1907 г. состоял в эсеровских кружках (а в 1917–1918 гг. даже в партии эсеров, после чего, по его соб-

ственному утверждению, полностью порвал с ней связи), тогда же являлся уполномоченным от рабочих при выборах в Государственную думу II созыва, позднее в разное время являлся членом совета уполномоченных кооператива, контролером продовольствия исполкома Обуховского подрайона, заведовал распределотделом Невского района (Ленинград), был председателем областного отделения профсоюза металлистов (Смоленск), членом совета рабочих депутатов от Красной армии (Петроград), инспектором труда. Последняя должность являлась освобожденной (Там же. Д. 3458). Кроме Герасимова, до мобилизации на освобожденных общественных должностях, преимущественно партийных, в разное время побывали пять (8 %) 25-тысячников рабочего и пять (11,5 %) – крестьянского происхождения.

Нами уже приводились данные о партийном стаже 25-тысячников. В силу особенности исследуемого комплекса источников все рассматриваемые 25-тысячники состояли в партии. Однако значительная часть из них вступила в ряды ВКП(б) в 1930 г. или позднее: 26,5 % от «рабочих» и 21 % от «крестьян» (что примерно соответствует ранее обозначенной тенденции). Заметную разницу можно объяснить тем, что выходцам из крестьян при мобилизации оказывали меньше доверия, особенно если речь шла о беспартийных. Самую значительную группу 25-тысячников крестьянского происхождения (35 %) составляли те, кто вступил в партию в 1928–1929 гг. и теоретически не должен был возражать против переименованной политики партии в деревенских вопросах. (Приведенные здесь и ранее цифры подтверждают, что время вступления в партию не зависело напрямую от возраста рабочего. Для сравнения: из 60 «рабочих» только 16,5 % вступили в партию в 1928–1929 гг.) Наибольшая группа 25-тысячников – «рабочих» (45 %), а также треть «крестьян» вступили в партию в 1924–1927 гг. (во время т. н. ленинского призыва). Что касается рабочих со значительным партийным стажем, то их доля среди всех 25-тысячников оказалась примерно одинакова – 9–10 %.

Средний возраст 25-тысячников – «крестьян» на 1930 г. составлял 32 года, «рабочих» – 30 лет. Абсолютное большинство рассматриваемой группы (58 чел.) в 1930 г. достигло возраста 23–29 (до 30) лет, 30 чел. – от 30 до 40 лет, 16 чел. – 40 лет и более, 3 чел. не достигли 23 лет. В сравнении с официальными данными на момент мобилизации и с данными Списков в исследуемой группе доля самых молодых (до 23 лет) существенно ниже (3 % вместо 9 % изначально и 8 % в Списках). Зато доля другой сравнительно молодой группы – от 23 до 30 лет – составляет 54,2 % вместо 47 % (в Списках – 46,5 %). Доля рабочих в возрасте от 30 до 40 лет отличается несущественно (28 % вместо 31 %). Доля 25-тысячников, чей возраст к 1930 г. составил не менее 40 лет, в рассматриваемой группе несколько больше изначального: 15 % вместо 12,2 %. Однако самому старшему из «рабочих» на момент мобилизации было только 49 лет, старшему из «крестьян» – 48, младшему «рабочему» – 21 год, «крестьянину» – 23 года. Согласно Спискам же, «крайние» возрасты составляли 19 и 58 лет (причем в Списках к категории «50 лет и старше» принадлежало около 2 %). Судя по приведенным данным, такой показатель, как возраст, относительно стабильно влиял на адаптацию 25-тысячников, за исключением крайних возрастных групп.

В соответствии с разницей возраста и обстоятельств будущие посланцы партии в деревне по-разному и в разное время начинали свой активный жизненный путь. Так, 36,5 % «рабочих» и 53,5 % «крестьян» к 1917 г. уже достигли 17-летнего возраста, а значит, могли участвовать в Первой мировой войне и революционных событиях; 53,5 % «рабочих» и 37 % «крестьян» достигли 17-летнего рубежа в период Гражданской войны, и только около 9–10 % – позднее, в 1920-е гг.

До 1914 г. 70 % «рабочих» и 43 % «крестьян» еще не начали свою трудовую деятельность. 21 % «крестьян» и 12 % «рабочих» учились в этот период ремеслу в частных мастерских и на промышленных предприятиях; 14 % «крестьян» и 17 % «рабочих» выполняли неквалифицированную работу (чернорабочий, посыльный и т. п.), 10 и 18,5 % соответственно – квалифицированную (молотобоец, плотник, шофер, печатник и др.), один будущий 25-тысячник (из крестьян) успел поступить на военную службу*.

К 1914 г. шестеро рабочих из крестьянских семей (и еще три, по нашему предположению**) испытали на себе сельскохозяйственный труд. Так, С.А. Прешкин с 10 лет батрачил. И.С. Курников, по его словам, занимался земледелием с 1913 до 1920 г. С.П. Матвеев батрачил с 12 до 16 лет. Тут следует отметить, насколько рано начинали свою трудовую деятельность дети в крестьянских семьях. Следовательно, многие выходцы из крестьян, кто не указывал род своих занятий до военной службы и переезда в город, фактически могли также приобрести опыт сельскохозяйственной работы, но предпочитали об этом не упоминать. Позднее, за период до середины 1920-х гг., в сельском хозяйстве было задействовано еще 4 чел. (и другие 4 чел. – предположительно). Следовательно, не менее 14 (23 %) «крестьян» 25-тысячников (но, с большой долей вероятности, до 42 %) были знакомы с сельским трудом и деревенской жизнью не понаслышке. Среди 25-тысячников из рабочих семей таковых оказалось 6 чел. (10 %). Они, главным образом, имели опыт батрачества.

В период от начала Первой мировой войны до 1917 г., как уже было отмечено, значительная доля будущих 25-тысячников, в особенности крестьянского происхождения, уже достигла возраста 17 лет. Соответственно, многим из них довелось принять участие в боевых действиях. Всего в старой армии успели послужить 17 % «рабочих» и 35 % «крестьян» (по 5 % от тех и от других – только в старой армии). Вероятнее всего, именно во время службы последние подверглись большевистской агитации и в дальнейшем отправились сражаться за новую власть в рядах РККА.

К 1917 г. у отдельных 25-тысячников уже имелся опыт сопротивления властям. Еще во время событий 1905–1907 гг. двое из рассмотренных нами 107 чел. подверглись высылке. Так, А.С. Мордовин, на тот момент ученик сле-

---

* В сумме получается более 100 %, так как период деятельности до 1914 г. для разных рабочих отличался по продолжительности в зависимости от возраста, и многие за это время успели сменить род занятий.

** Род занятий в личных листках не указан, но ими уже был достигнут тот возраст, когда крестьянские дети, как правило, начинают работать в семейном хозяйстве.

саря, «за срыв приказа» был выслан на 3 года (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 11551). Уже упоминавшийся Д.Г. Герасимов (работавший в те годы подручным монтера) в 1907 г. «подвергся конфискации» за участие в конференции совета уполномоченных Госдумы в Финляндии и лишен права жительства в столичных и портовых городах. Он же при заполнении личного листка упомянул о своем участии в 1915 г. в забастовках и стачках, которые организовывал «кружок РСДРП» на Обуховском заводе (Там же. Д. 3458). Также уже упомянутый С.А. Прешкин, на тот момент батрак в родном Барнаульском уезде, до революции дважды подвергался репрессиям «за сокрытие брата», по всей видимости, участника революционного движения, в с. Барнаульском. Таким образом, с определенным основанием можно назвать трех из 107 (мее 3 %) 25-тысячников, кто имел опыт революционной борьбы до 1917 г.

Относительно немногие 25-тысячники приняли участие в событиях 1917 г. И.Н. Дорофеев (1897 г. рождения, рабочий словолитни) указал в личном листке, что принимал участие во взятии Зимнего дворца (Там же. Д. 4778). Служившему в армии рядовым шофером Дорофееву, по всей видимости, привелось участвовать в историческом штурме благодаря тому, что его формирование находилось в Петрограде и перешло на сторону большевиков. В дальнейшем Дорофеев продолжил военную службу, пополнив ряды Красной армии, и принимал участие в Гражданской войне. Н.Н. Шахов (1896 г. рождения; работал монтером машин) участвовал в февральском и июньском восстаниях 1917 г. в Выборгском районе Петрограда (Там же. Д. 19419). Уже упомянутый забойщик с угольных копей П.П. Обысов (сын каменщика, 1883 г. рождения) в 1917 г. подвергся аресту за то, что полк не пошел в наступление (Там же. Д. 12399). В дальнейшем Обысов служил в частях особого назначения. Из 25-тысячников крестьянского происхождения нам известен один участник революционных событий*: М.В. Спиридонов из семьи бедняков 3 и 5 июля 1917 г., находясь на военной службе, принял участие в выступлениях под Ригой, за что попал в Петропавловскую крепость. Кроме того, «за выступление и неподчинение» Спиридонов успел побывать в штрафном батальоне (Там же. Д. 16427).

Если проследить дальнейший жизненный путь четырех названных рабочих, станет ясно, что участие в революции не было решающим при их отборе в ряды «25 тысяч»: более весомой и заметной была их дальнейшая общественная деятельность. И.Н. Дорофеев в 1928–1929 гг. являлся председателем профсоюзной культурной комиссии при заводе, Н.Н. Шахов в 1926–1929 гг. был председателем производственного совещания и в 1929 г. – инспектором охраны труда, П.П. Обысов, помимо того что, как уже отмечалось, несколько лет работал в сельсовете, в 1928–1930 гг. являлся секретарем комиссии охраны труда на руднике; М.В. Спиридонов, окончив красноармейские курсы в РККА и проучившись 9 месяцев в губпартшколе, приобрел опыт работы в самых разных партийных и общественных должностях – от организатора диви-

---

* О количестве участников революции среди тех, чьи личные дела мы рассмотрели, можно говорить с достаточной долей уверенности, так как факты причастности к революционным событиям не было смысла скрывать. Напротив, рабочие могли стремиться приукрасить свою роль в революции.

зионного партколлектива до секретаря волкома ВКП(б) (Капша) и члена фабричного комитета фабрики «Красное Знамя». Трое из этих рабочих во время революции служили в армии, где, очевидно, и подверглись большевистской агитации (четвертый работал в промышленности Петрограда, где также действовали кружки РСДРП). Видимо, это в совокупности с впечатлением от участия в исторических событиях революции и Гражданской войны определило их дальнейшую активную советскую позицию. Мобилизованные «в счет 25 тысяч», названные рабочие относительно быстро поднялись по карьерной лестнице: к 1932 г. Дорофеев оказался заместителем директора совхоза, Обысов – контролером совхоза, Шахов заведовал машинно-тракторной мастерской в МТС, а Спиридонов – агитмассовым отделом РК ВКП(б). Однако их судьба после 1932 г. (Н.Н. Шахова – после 1934 г.) нам не известна.

Таблица 3

Род занятий 25-тысячников до 1930 г. по материалам личных дел*

Во время революции 1917 г.				Во время Гражданской войны				С Гражданской войны до середины 1920-х гг.				К концу 1920-х гг. (перед мобилизацией)			
«рабочие»		«крестьяне»		«рабочие»		«крестьяне»		«рабочие»		«крестьяне»		«рабочие»		«крестьяне»	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
6	10	12	29	25	42	На военной службе		22	52	17	28	9	21		
4	7					Участники революционного движения									
2	3					В плену									
9	15	11	26	14		Квалифицированная работа в промышленности		23	10	24	21	35	14	33	46
5	8	2	5	11		Неквалифицированная работа в промышленности		18	2	5	10	17	8	19	9
10	17	2	5	6		Ученики в мастерских		10		4**	7				
24	40	15	36	31		Всего в промышленном производстве и на промыслах		52	12	29	35	58	22	52	55
3	5	4	10	3		Занятие сельским хозяйством (при семье, батрачество и т. п.)		5	5***	12		2	5		
18	30	10	24	3		Малолетние				1	2				
						Работник сельсовета				1	2				
						Председатель коммуны				1	2	1	2		
						В административных органах (милиционеры и т. п.)				2	3	6	14		
						Уездный инспектор				1	2				
						На партийной и просветительской работе				2	3				
						Прочие ⁴ *						1	2	1	2
2	3	2	5	2		Нет сведений		2	3	5	2	5	3	5	
60	100*	42	100	60	100	42	100	60	100	43	100	60	100	42	100

* Указаны не все должности, на которых будущие 25-тысячники побывали за вторую половину 1920-х гг. Случаи, заслуживающие особого внимания, оговариваются отдельно.

** Из них 1 чел. учился в тракторной школе.

*** Еще 2 чел. – предположительно (соответственно, не 12, а 17 %).

⁴* 1) Был послан для установления связи в монгольскую народную армию инструктором; 2) старший калькулятор Октябрьской железной дороги; 3) заведующий столовой.

⁵* Фактически сумма в столбце превышает 100 %, так как многие из будущих 25-тысячников успели переменить род деятельности за указанный период. Дважды указывались только те из них, кто кардинально сменил занятие, например, перешел из промышленности на военную службу, или с работы в сельском хозяйстве в промышленность.

Во время Гражданской войны большинство находившихся к тому моменту в армии 25-тысячников оказалось в Вооруженных силах Советской России. Значительная доля их, а именно 32 % из «рабочих» и 23 % из «крестьян», впервые поступила на военную службу в этот период. Всего во время Гражданской войны служило 45 % «рабочих» и 52 % «крестьян». Заметная часть (около 19 %) будущих 25-тысячников во время Гражданской войны или после занимала командные должности в армии. Вот лишь некоторые из них: И.М. Михайлов поднялся до военкомандующего железнодорожным участком и оставался на этой должности до 1926 г., С.А. Морозов и П.Ф. Скларов служили командирами взводов; М.И. Люсин командовал ротой; И.И. Хапунов исполнял обязанности секретаря батареинной партиячейки. В боевых действиях участвовали не только те, кто состоял в официальных войсках. Так, Г.И. Евграфов сражался в партизанском отряде в Кубанской области; Т.М. Зайцев упомянул в личном листке, что рыл окопы при наступлении Юденича на Петроград.

За период Гражданской войны в общей сложности 52 % «рабочих» и 30 % «крестьян» работали в промышленном или ремесленном производстве. Квалифицированную работу выполняло 23 и 26 % соответственно, неквалифицированную – 18 и 5 %; 10 % «рабочих» обучалось ремеслу в мастерских. Приведенные цифры еще раз подтверждают, что при отборе, проводившемся в конце 1929 – начале 1930 г., к выходцам из крестьян предъявлялись повышенные требования: предпочтение отдавалось тем, кто проявил себя в вооруженной борьбе за советскую власть или имел значительный стаж квалифицированной работы в производстве*.

В то же время 12 % «крестьян» (с большой вероятностью – до 17 %) и 5 % «рабочих» во время Гражданской войны трудились в сельском хозяйстве (в эту группу вошли преимущественно те, кто в предыдущий период оставались малолетними, но отчасти значительное число работников сельского хозяйства связано с общей тенденцией опустения городов во время войны). Согласно изученным нами личным листкам, 5 % «рабочих» к концу войны еще не начали свой трудовой стаж.

После окончания Гражданской войны, до середины 1920-х гг., среди будущих 25-тысячников возросла доля квалифицированных работников промышленности. Она достигла 35 % и среди «рабочих», и среди «крестьян». В целом процент занятых в промышленном и кустарном производстве поднялся до 58 и 53 соответственно. Кто-то из рабочих оставался на военной службе, другие были призваны на нее именно в этот период (всего – 28 и 21 %). В сельском хозяйстве при семье оставалось только двое (5 % от всех «крестьян») относительно молодых (1903 и 1906 гг. рождения) будущих 25-тысячников. В.В. Кедров (родился в 1903 г. в семье рабочих), в Гражданскую войну служивший рядовым автомашинистом 5-й Армии, в этот период проходил обучение в тракторной школе в Перми.

---

* Как было отмечено, «рабочие» рассматриваемой группы были в среднем немного моложе, и логично, что меньшая доля из них успела на тот момент отслужить в армии и приобрести значительный опыт в промышленности. Однако разница их средних возрастов едва ли была определяющей, т. к. составляла всего около 2 лет.

С 1922 до 1925 г. существенно расширился диапазон непроизводственных занятий будущих 25-тысячников. На разного рода административных и партийных должностях испробовало себя 15 чел. (14 %) из 107 обследованных нами. Из них 4 чел., имевшие крестьянское происхождение, и 2 – рабочее, служили в милиции; двое «рабочих» служили в ГПУ, один «крестьянин» работал начальником исправдома и один – надсмотрщиком в системе НКВД. Один из служивших на тот момент в РККА рабочих занимался «организацией коллектива ВКП(б)» (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 17948), еще один – до 1924 г. руководил полковым клубом, а в 1924–1925 гг. заведовал уездным политпросветом и отделом народного образования в Тюкалинске (Там же. Д. 2562). Ф.Д. Попов в этот период был направлен в Монгольскую народную армию в качестве инструктора.

Особое внимание обращают на себя судьбы пятерых рабочих, которые до призыва в ряды «25 тысяч» уже успели побывать на руководящих должностях в деревне. Так, Федор Дмитриевич Попов, выходец из крестьян Архангельской губернии, после участия в Гражданской войне, девяти месяцев немецкого плена, а также службы инструктором в Монгольской народной армии, в 1925 г. стал руководителем и, по всей вероятности, организатором коммуны у себя на родине (Там же. Д. 13823, 13824). (Однако уже в 1926 г. Ф.Д. Попов уехал в Ленинград.) Судьба другого 25-тысячника, Г.Ф. Правдина, во многом схожа, но в то же время иная: в 1915 г. он был призван на фронт с работы забойщика на Анжерских угольных копях. Вернувшись в Сибирь, Правдин оказался в рядах партизан и уже после этого вступил в ряды РККА (Там же. Д. 13943). Вернувшись к мирной жизни, Правдин, как и Попов, возглавил коммуну (1921 г.). Однако в 1923 г. вновь оказался на Анжерских копях, но теперь в роли милиционера, а затем завхоза. Будущий 25-тысячник С.Г. Макаров примерно в те же годы (1922–1925) работал секретарем сельского совета в Полтавской губернии, несмотря на мещанское происхождение (отец – штурман дальнего плавания), а до этого испытал себя на самых разных занятиях в Одессе (курьер, машинист, помощник буфетчика) (Там же. Д. 10325). В сельсовете в то время работал еще один будущий выдвиженец – П.П. Обысов (Там же. Д. 12399). И.И. Каменев (родился во Владимирской губернии, во время службы в ВЧК–ОГПУ окончил агентурную школу) в 1926 г., работая на «Балт-заводе», участвовал в организации колхозов в Череповецком округе (предположительно, по разнарядке) (Там же. Д. 6842).

К ноябрю 1929 г., когда было принято решение об отправке 25 тысяч пролетариев в села для руководства организацией колхозов, фактически вся рассматриваемая нами группа подходила под категорию промышленных рабочих. Именно поэтому все они оказались в числе мобилизованных. Так, 77 % «рабочих» и 79 % «крестьян» выполняли достаточно квалифицированную работу на предприятиях (от рядового рабочего до специалиста по слесарным делам и бригадира). Неквалифицированной работой (чернорабочий, кочегар, охранник и т. п.) занимались 15 и 16 % соответственно. Два будущих 25-тысячника (из 107) к тому времени выполняли только партийную работу на производстве: К.М. Латышев («рабочий») с 1928 г. занимал пост ответственного секре-

таря ячейки ВКП(б) на заводе, С.И. Севрук («крестьянин») с 1929 г. – ту же должность на строительных работах (Там же. Д. 9602, 15349). Один из выдвиженцев рабочего происхождения являлся старшим калькулятором Октябрьской железной дороги, а один «крестьянин» заведовал столовой. (О занятии троих «рабочих» ничего не известно.)

Несмотря на разнообразие биографий представителей рассматриваемой группы, к моменту мобилизации они не только в абсолютном большинстве были связаны с производством, но и преимущественно обладали определенной общественно-политической закалкой. Так, при сопоставлении их жизненного пути мы обнаружили, что те, кто не имел ни политического образования, ни опыта общественной работы (восемь «крестьян», семь «рабочих» и один сын служащих), прошли службу в рядах Красной армии, что означало, безусловно, определенную политизацию мировоззрения. Исключение составили только четверо рабочих, из них – две женщины (причем С.М. Руббэльт окончила рабфак) и один молодой рабочий, направленный на армейскую службу уже после мобилизации. Все 25-тысячники крестьянского происхождения, не имевшие политического образования, либо служили в армии, либо работали в административных органах (преимущественно в милиции)*. Всего службу в советских вооруженных силах прошли 63 % «рабочих» и 81 % выходцев из крестьян. Для «крестьян» армейская служба, как правило, означала не только приобретение некоторой политической закалки, но и дальнейшее перемещение в город после демобилизации. Столь высокая доля будущих 25-тысячников, прошедших службу в Красной армии, свидетельствует о том, что данный фактор играл значительную роль в определении жизненного пути мобилизованных рабочих.

При распределении рабочих по сельским организациям республиканские и региональные колхозсоюзы запланировали использовать 47 % из них в колхозах, 27,8 % – в кустовых объединениях, 25,4 % – в райколхозсоюзах и райколхозсекциях, 6,4 % – в МТС, МТК (машинно-тракторных колоннах) и МКС (машинно-конных станциях), 3,4 % – в окрколхозсоюзах и их секциях, 0,1 % – в краевых и областных союзах. Фактически, по неполным данным (о 15 393 рабочих), в колхозы попало около 70 % рабочих, причем 38 % из них являлись председателями, 15 % – членами правлений; в кустовые объединения поехало около 10 %; около 15 % рабочих использовались в райколхозсоюзах и других районных организациях, из них 7,6 % – в качестве председателей и членов правления РКС, 5,2 % – инструкторов, 3,2 % работали в МТС и МКС (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Ф. 22. Л. 69 об.–70)**.

Следует подчеркнуть, что распределение 25-тысячников колхозными организациями производилось заочно, еще до прибытия рабочих в села. Более того, зачастую на колхозных собраниях заранее принимались решения о принятии 25-тысячников в члены правления и на другие ответственные посты

---

* Всего же работало на тех или иных должностях в милиции, ГПУ, охране и т. п. восемь 25-тысячников из «крестьян» (19 %) и пять (8 %) – из «рабочих».

** Об остальных 11,8 % сведений в документе нет.

(ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4212. Л. 12). В результате следовало ожидать, что значительная часть рабочих не будет соответствовать выделенным для них должностям. Такое несоответствие и стало одной из причин слабой работы 25-тысячников, их неспособности адаптироваться и, как результат, перемещений с должности на должность.

По сведениям Крайкома ВКП(б), в Сибири весной 1930 г. на руководящей колхозной работе было использовано 66,3 % рабочих (43,9 % – председателями коммун и колхозов, 22,4 % – членами правлений). Кроме того, 2,4 % рабочих заведовали отдельными частями и отраслями хозяйства в колхозах. В качестве инструкторов и членов правления районных колхозных объединений было задействовано 2,3 %. В МТС и МКС работало 12,6 % (по другим данным – 10,2 %) (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 22. Л. 15). Около 15 % 25-тысячников использовалось на партийной работе в деревне. 4 % рабочих занимали руководящие должности на маслозаводах*. Таким образом, в Сибирском крае больший, чем в среднем по стране, процент 25-тысячников был назначен на ответственные руководящие посты. Кроме того, в крае делали значительную ставку на использование политического опыта рабочих. Это можно объяснить более острым (по сравнению с центральными регионами) дефицитом в Сибири организаторских и партийных кадров.

В восточной части Сибири (на территории будущего Восточно-Сибирского края) особенно остро ощущалась нехватка руководящих работников при переходе к форсированным преобразованиям в деревне. Именно с недостатком руководящих кадров связано то, что 52 из 77 рабочих, направленных в деревню Иркутским окружкомом (68,3 %), сразу назначались председателями колхозов, 9 чел. (12 %) – председателями кустов, 14 чел. (18,4 %) – инструкторами, 1 чел. (1,3 %) – председателем райживотноводсоюза. Еще один 25-тысячник был направлен на должность секретаря партийной ячейки (приводятся данные Иркутского окружкома на 9 февраля 1930 г.) (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1 Д. 1443. Л. 25). В Бурят-Монголии председателями и заместителями председателей колхозов сразу по приезду было назначено только 37 из 100 чел. (37 %), еще 36 % оказались членами правлений колхозов, т. е. всего на руководящей колхозной работе оказалось 73 % рабочих. Сюда следует добавить 3 % председателей кустовых объединений колхозов и 13 % тех, кто был определен на культурно-массовую колхозную работу (Там же. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 61). В дальнейшем 25-тысячник, если он не справлялся с порученной ему работой, мог быть перемещен на менее ответственную должность.

Об использовании 25-тысячников, помимо официальных сводок, сохранились свидетельства самих рабочих, а также переписка районных партийных органов с вышестоящими инстанциями, материалы различных обследований. Так, 25 апреля 1930 г. Иркутский окружком потребовал от райкомов немедленно прислать сведения об использовании мобилизованных рабочих. Данное тре-

---

* При сложении приведенных процентов получается не 100 %, а 102,6 %. Возможно, это связано с тем, что фактически некоторые 25-тысячники использовались на нескольких должностях, что подтверждается Списками.

бование было вызвано поступившей информацией о том, что в ряде районов 25-тысячники «остаются без работы или используются неправильно, и, вместо проведения перегруппировки руководящих работников и укрепления лучшими силами важнейших колхозов, посылаются на второстепенные работы в райаппаратах» (Там же. Оп. 1. Д. 1436. Л. 6/н). Использование некоторых 25-тысячников «не по назначению» (на должностях, напрямую не связанных с задачами кампании) отмечено во многих районах. Так, в Ижморском районе 25-тысячник Масальский работал по линии потребкооперации, Артемов из Яминского района сообщал, что его используют чернорабочим на производстве (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4 Д. 418. Л. 1099). В Коченевском, Рубцовском и Черепановском районах, обследованных представителями Хлебоцентра и профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих (СХЛР) в конце лета 1930 г., наблюдались частые переброски 25-тысячников с одной работы на другую без санкции и согласия краевых организаций (Там же. Оп. 3 Д. 304. Л. 47–49). Подобные случаи отмечены по всему СССР. Еще весной 1930 г. ВЦСПС требовал привлечения к ответственности, вплоть до судебной, руководителей местных органов, допустивших неправильное использование 25-тысячников (ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14 Д. 51. Л. 28). Однако подобные примеры можно найти даже в документах весны 1931 г. По данным выборочной проверки, проведенной в Восточно-Сибирском крае в конце 1932 г. (17 чел. из девяти районов), в среднем на одного мобилизованного рабочего приходилось три переброски, а в отдельных случаях – до семи (Там же Д. 444. Л. 173).

Фактически 25-тысячников бросали на любые «слабые» участки или определяли на имеющиеся свободные должности. А. Морозов, назначенный председателем правления колхоза «Новая жизнь» Исиль-Кульского района, сообщал на завод, что ему «приходилось одновременно быть и хозяйственником, и организатором, и нормировщиком, и политработником: всем, чем хочешь» (Красный треугольник. 1930. 28 авг.). В Уярском районе (Красноярский округ) 25-тысячник С. Хорошкевич использовался одновременно на должностях секретаря ячейки колхоза, заведующего хозяйством колхоза, заведующего строительством колхоза, а также уполномоченным райисполкома. В своем письме в ЦК ВКП(б) рабочий жаловался, что иногда совсем не справляется с возложенными обязательствами (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 3 Д. 11. Л. 65). При этом Хорошкевич сообщал, что их колхоз – один из лучших в районе. Подобная ситуация весьма характерна для мобилизационного метода решения задач: государство максимально использовало силы 25-тысячников, полагая, что в деревне рабочих можно задействовать почти 24 часа в сутки.

Первые оценки деятельности 25-тысячников давались центральными органами уже в течение 1930 г. Согласно официальным заключениям «проведенная мобилизация 25 000 дала возможность организационно оформить многие колхозы, развернуть и закрепить колхозное движение» (Коллегия НКРКИ РСФСР. Выписка из протокола № 34. П. 5. 17 июля 1930). Положительную роль 25-тысячников видели в применении производственного опыта фабрик и заводов, социалистического соревнования, ударничества и т. д., в установлении правильного распределения колхозных доходов и расстановки труда в

колхозе, проведении посевной, уборочной и хлебозаготовительной кампаний. Утверждалось, что рабочие, «вооруженные решением 16 съезда нашей партии, сметали со своего пути всех тех, кто мешал строить новое социалистическое общество» (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14 Д. 51. Л. 48).

Предварительные итоги работы 25-тысячников в Западной Сибири были подведены весной 1930 г. В записке ПП ОГПУ по Сибкраю от 4 мая деятельность командированных в Сибирь ленинградцев оценивается в целом положительно (ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 222). На основании упоминавшегося выше обследования трех районов Западно-Сибирского края были сформулированы следующие выводы: «Рабочие с работой, возложенной на них, под руководством сибирских партийно-общественных организаций справились и принесли большую пользу делу укрепления колхозного строительства. 25-тысячники, как правило, четко проводят в работе классовую линию. Сумели завоевать авторитет от колхозной и неколхозной середнячко-бедняцкой массы в деревне, освоились с сельскохозяйственным производством. Проявляют инициативу по изобретательству [...] Вносят деловые предложения по форме учета отчетности в колхозах. Применяют фабрично-заводской опыт в коммунах, колхозах по соцсоревнованию, ударничеству».

Согласно материалам обследования, ряд колхозов благодаря энергичной работе 25-тысячников «с успехом выполнил и перевыполнил весенние посевные планы». Рабочие «вместе с колхозной массой умело готовились к уборочной и хлебозаготовительной кампании», «организовывали вокруг себя актив из коммунаров и колхозников», создавали «новые хорошие кадры» для работы в социалистическом секторе деревни (Там же. Л. 47–47 об.).

Оргинструктотдел Запсибкрайкома ВКП(б), оценивая работу 25-тысячников за год, также указывал на их положительную роль в колхозном движении: с возложенной на них работой «в основном справились», завоевали авторитет среди колхозников, бедняков и середняков, освоились с сельскохозяйственным производством. Но многие примеры хорошей работы 25-тысячников и даже выводы, приведенные в информационной сводке, извлечены из материалов упомянутого выше обследования трех районов, что говорит о скудости имевшейся в распоряжении крайкома информации.

При общей положительной оценке работы 25-тысячников, в упомянутых выше документах указывается и на наличие недостатков. Во-первых, отмечены «ненормальности» в распределении и использовании 25-тысячников и материальном обеспечении рабочих и их семей (Коллегия НК РКФСР. Выписка из протокола № 34. П. 5. 17 июля 1930). Во-вторых, признается, что небольшая часть 25-тысячников, испугавшись трудностей, «сложила мирным путем оружие перед классовым врагом и сбежала с колхозного трудового фронта» (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 48).

В качестве одной из первостепенных задач 25-тысячников провозглашалось разоблачение т. н. извращений политики партии. В результате временного отступления на «фронте коллективизации», начатого партией в марте 1930 г., эта задача стала особенно актуальной. В официальных документах центральные и краевые органы ВКП(б) нередко давали высокую оценку рабо-

те 25-тысячников по борьбе с «правым оппортунизмом» и «левыми извращениями» линии партии. Многие рабочие действительно сигнализировали о вскрываемых ими недостатках, которые считали оппортунистическими, сообщали о деятельности «классовых врагов» (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4215. Л. 3–16; Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1095). Так, приехавшие в Омский округ 25-тысячники уже 4 февраля 1930 г., не дожидаясь назначений на должности, провели «налет» на окрколхозсоюз и раскритиковали его за плохую осведомленность о ходе коллективизации (Красный треугольник. 1930. 21 февр.). На одном из совещаний 25-тысячников рабочий И.П. Поляков высказывал возмущение тем, что в Кыштовском районе административные органы не принимают достаточно мер против «кулаков, бегущих из-за болота» (Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4215. Л. 3). В.С. Савельев информировал о том, что в Баклушевском районе райколхозсоюз провел сев без планов, директора маслозаводов не вели массовой работы по вопросу о сдаче молока, а Колхозстрой плохо снабжал колхозы лесоматериалом и строителями (Там же). Савельев также сообщал, что в Баклушевском районе, как и в Кыштовском, «кулаки, пришедшие из-за болота», ведут «разлагающую работу среди колхозников». В Москаленском районе (Омский округ) 25-тысячникам, по их словам, «пришлось» отправить под суд одного из членов сельсовета, обвиненного ими в «пассивности и искривлении классовой линии» (Красный треугольник. 1930. 7 мая). Чтобы убедить рабочих в лояльности партии по отношению к крестьянам, газеты печатали письма 25-тысячников с заявлениями, что «перегибы – результат головотяпского отношения местных работников, непонимание основной идеи колхозного строительства, бесцельная погоня за высоким процентом коллективизации» (Там же. 30 мая).

Надо отметить, что весной и летом 1930 г. партии приходилось лавировать. Поэтому далеко не всегда проявления «оппортунизма», вскрываемые 25-тысячниками, однозначно расценивались партийно-советскими органами разных уровней. Так, по сведениям ПП ОГПУ, приехавшие в Рубцовск ленинградцы выявили «отдельные случаи раскулачивания середняков, бывших заслуженных партизан, в советских учреждениях – элементы бюрократизма, волокиты и засоренность аппарата чуждыми элементами» (ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 222). В процессе проведенных ими обследований у некоторых ленинградцев сложилось мнение, что в Рубцовском округе неблагополучно и повинно в этом, главным образом, окружное руководство, бездействующее «в части установления перегибов, искривлений классовой линии и злоупотреблений». 25-тысячники сделали вывод, что окружком искривляет генеральную линию партии, и надо вызвать специальную комиссию ЦК (Там же. Л. 223). Рабочие в данном случае пытались обеспечить свой контроль не только над местными органами, но и над окружными. Однако в докладной записке ПП ОГПУ недоверие 25-тысячников к окружному руководству было названо необоснованным и объяснялось их «паническими настроениями» (Там же. Л. 224).

По прибытии в деревню 25-тысячники зачастую вовсе не воспринимали ускоренную и принудительную коллективизацию как извращение политики партии. Так, В. Майзит писала из с. Кубовая (Новосибирский район), что, будучи

в Ленинграде, она «не представляла себе такой темп коллективизации: каждый следующий день далеко не похож на предыдущий». При том, что труд в коммуне, куда 25-тысячницу назначили секретарем ячейки ВКП(б), на тот момент еще не был организован, снабжение, оплата и учет не были налажены, и создатели коммуны «не знали, что делать дальше», В. Майзит в письме на фабрику отдавала приоритет энтузиазму коллективизаторов (Светлана. 1930. 16 марта). Подобные примеры лишний раз демонстрируют, что статья «Головокружение от успехов» и постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» (от 15 марта 1930 г.) являлись лишь политическим маневром Сталина и ЦК. Даже в конце мая 1930 г. в фабричных газетах продолжали печататься письма 25-тысячников с рассказами о том, что по прибытии в коммуну они «начали без разбора обобществлять лошадей, рабочих, нерабочих, коров, овец, гусей, кур», и лишь отсутствие сена и соломы заставило их остановиться. Тех, кто «растаскивает скот» и утверждает, что был загнан в коммуну «под страхом смерти», авторы подобных писем называли «подкулачниками» (Красный треугольник. 1930. 8 апр., 30 мая).

Порой рабочие входили в положение крестьян, пытались сигнализировать о том, что «округ накануне восстания», «деревня стонет» от проводимой округом политики, деревню «совсем ободрали», крестьяне «сидят голодом». В ряде районов 25-тысячники выступали против явно завышенных планов сева, скотозаготовок и т. п. (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 38. Л. 56–57; Д. 419. Л. 224) Подобные настроения могли восприниматься в крае и как сигнал к проверке работы местных руководящих органов, и как свидетельство непонимания политики партии 25-тысячниками. В результате часть рабочих сама попала под обвинения в оппортунизме. Так, рабочему Денисову в конце 1930 г. был приписан «правый уклон». Произошло это вследствие того, что он высказал несогласие с десятикратным увеличением районного хлебозаготовительного плана. Рабочую с «Красного Треугольника» Н.В. Фомину, считавшую, что мужиков Бердского района «давят» и «обдирают», а план хлебозаготовок для них непосилен, райком исключил из кандидатов в члены ВКП(б) за «проведение правого уклона на практике, спасование перед трудностями и дискредитацию партийной организации». Крайком ВКП(б) это решение отменил, ограничившись выговором 25-тысячнице и снятием ее с работы. Обвинения в «оппортунизме» постигали и тех, кто признавал свое бессилие в выполнении спущенных сверху планов хлебозаготовок (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 71–72).

Основными формами руководства работой 25-тысячников официально являлись различного рода курсы и совещания (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1098). В феврале 1931 г. были проведены межрайонные трехнедельные курсы, на которых обучилось 306 чел. (Там же). Но многие 25-тысячники не имели возможности пройти переподготовку. На совещании приехавших в отпуск рабочих в Ленинграде несколько раз высказывалось недовольство тем, что районные организации если и созывали 25-тысячников, то только в силу крайней необходимости (ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 15. Д. 69. Л. 5 об., 29).

Центральные руководящие органы планировали для реализации целей кампании установить с мобилизованными рабочими систематическую связь,

призванную не только обеспечивать руководство посланцами партии, но и непосредственно информировать центральные органы о ситуации в деревне (Материалы по истории СССР. С. 465). Работа по руководству и созданию нормальных условий для 25-тысячников возлагалась на ВЦСПС, Колхозцентр и их местные организации под контролем партийных органов. В аппарате Колхозцентра в начале февраля 1930 г. организовали специальную консультацию для разбора запросов 25-тысячников «24 часа в сутки» (Там же). Самим рабочим поручалось постоянно осведомлять Колхозцентр о состоянии колхозной работы и о встречаемых препятствиях (РГАЭ. Ф.7446. Оп. 12. Д. 22. Л. 120). Для решения вопросов, связанных с деятельностью и обеспечением мобилизованных рабочих, в Колхозцентре была создана также особая «Группа 25-тысячников».

На практике, когда рабочие приезжали в деревню и ощущали потребность в помощи, ее зачастую не оказывалось. Из докладной записки «Группы 25-тысячников» в правление Колхозцентра от 17 мая 1930 г. мы узнаем, что 300 писем 25-тысячников, присланных в феврале-марте, лежали к тому времени без ответа (Там же). В итоге многие вопросы, поставленные перед Колхозцентром, теряли остроту. Разбор писем поручался служащим Колхозцентра. Однако некоторые из этих чиновников вовсе не давали ответа, а уже составленные ответы были полностью или частично забракованы оргсектором Колхозцентра. К середине мая накопилось также 100 писем за апрель-май. Для работы с ними Колхозцентр выделил только одного человека.

Не отвечали на письма 25-тысячников и многие фабзавкомы, зачастую не откликаясь даже на призывы выслать литературу и заводские газеты (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 304. Л. 47 об.). Если на начальном этапе кампании к 25-тысячникам было приковано основное внимание заводской прессы, то в дальнейшем на страницах газет о них вспоминали главным образом для того, чтобы сигнализировать об отсутствии связи предприятий с их посланцами на селе. Начиная с мая 1930 г. из газеты в газету ходила одна и та же карикатура с однотипными подписями: «Провожали, обещали... Проводили и... забыли», «Провожали – руки жали. Проводили – и забыли», «Провожали – прослезились. Проводили – все забылось» (Красный треугольник. 1930. 20 мая; Кабельщик. 1930. 7 июля; Скороходовский рабочий. 1930. 30 нояб.). Подобная карикатура впервые появилась 7 мая 1930 г. в газете «Красный треугольник» с еще более тревожной подписью, гласившей: «Когда провожали... обещали. Проводили... и похоронили» (Красный треугольник. 1930. 7 мая). На рисунке изображен гроб, в который попадают письма «с колхозного фронта». Далее следовала заметка под заголовком «Кого-то нужно взгреть», призывавшая наказать виновников отсутствия связи завода с теми, кто «в сибирских медвежьих углах творит социализм». 10 мая 1930 г. заметка «Забыли 25-тысячников» была напечатана в «Правде». В Ленинграде на совещании 25-тысячников – бумажников и печатников, находящихся в отпуске, разговоры рабочих в основном сводились к обсуждению «полнейшего отсутствия помощи и связи со стороны фабричных профорганизаций». На данном совещании 25-тысячники в один голос заявляли, что ни на одно из своих писем не получили ответа (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 15. Д. 316. Л. 65). В ходе

письменного обследования, проведенного в начале 1931 г. в Бурят-Монголии, девять из 16 опрошенных умалчивали о связи с предприятием (что обком партии расценил как признак ее отсутствия), 5 чел. признавали, что «связь потеряна», один получал с фабрики «кое-какую литературу» и только один имел письменную связь с заводом (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 65–66).

Причину «крайне неудовлетворительной» связи Бурят-Монгольский обком ВКП(б) (как и заводская пресса) видел прежде всего в «невнимательном отношении» ленинградских фабричных организаций к своим посланцам. Но на указанном совещании в Ленинграде прозвучала и иная точка зрения. Так, 25-тысячник Батов отмечал, что, когда ему потребовалась помощь в деле просвещения колхозников, он сам возобновил связь с цехом, и по его просьбе рабочие собрали деньги на покупку для колхоза радиоприемника (Там же. Л. 5–6). Другой участник совещания, Голенков (Покровский район), также возлагал часть вины за неналаженную связь с производством на самих 25-тысячников, которые были «заняты основными уборочными и хлебозаготовительными кампаниями» (Там же. Л. 11). Присутствовавший на заседании представитель ленинградского облотдела союза текстильщиков Минин указывал на то, что ему писало лишь 20 из 584 посланцев от союза текстильщиков, а многие не писали даже на завод.

В докладе ЛОСПС о работе с 25-тысячниками от 8 февраля 1931 г. утверждалось, что «политическая связь, пересылка печатных газет, зачитка на общих собраниях рабочих писем 25-тысячников о достижениях в колхозах стали налаживаться...» (Там же. Ф. 215. Л. 67). Но в том же докладе признавалось, что в ряде случаев заводы рассылали письма, отпечатанные на ротаторе для всех 25-тысячников, а практической помощи по каждому отдельному вопросу так и не было.

Сибирские предприятия тоже не спешили оказывать помощь своим посланцам. К весне 1931 г. в Западной Сибири письменную связь с 25-тысячниками поддерживали Запсибкрайком ВКП(б) и Крайколхозсоюз. При крайкоме работала комиссия по разбору заявлений 25-тысячников, однако постоянных работников для этого не выделили, в результате чего переписка велась не систематически (Там же. Л. 1098).

Как уже говорилось, осенью 1930 г. в западносибирских райкомах партии по заданию крайкома ВКП(б) был проведен учет 25-тысячников для отбора на дальнейшую работу в сельском хозяйстве. В районах были составлены Списки 25-тысячников (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 3, 4), на основе которых нами создана электронная база данных. В ней содержится информация о должностях 844 рабочих – 25-тысячников в западносибирской деревне на осень 1930 г. Судя по этой информации, 45 % из них работало председателями колхозов, 3,7 % – заместителями председателей, около 10 % были членами правлений колхозов или заведовали отдельными отраслями колхозного хозяйства: животноводством, культурно-бытовой сферой, промышленным производством в колхозах и т. п. В качестве инструкторов и членов правления районных колхозных объединений (райколхозсоюзов, райполеводсоюзов и раймолживотноводсоюзов) было задействовано 7,8 %, из них 0,8 % работали председателями райкол-

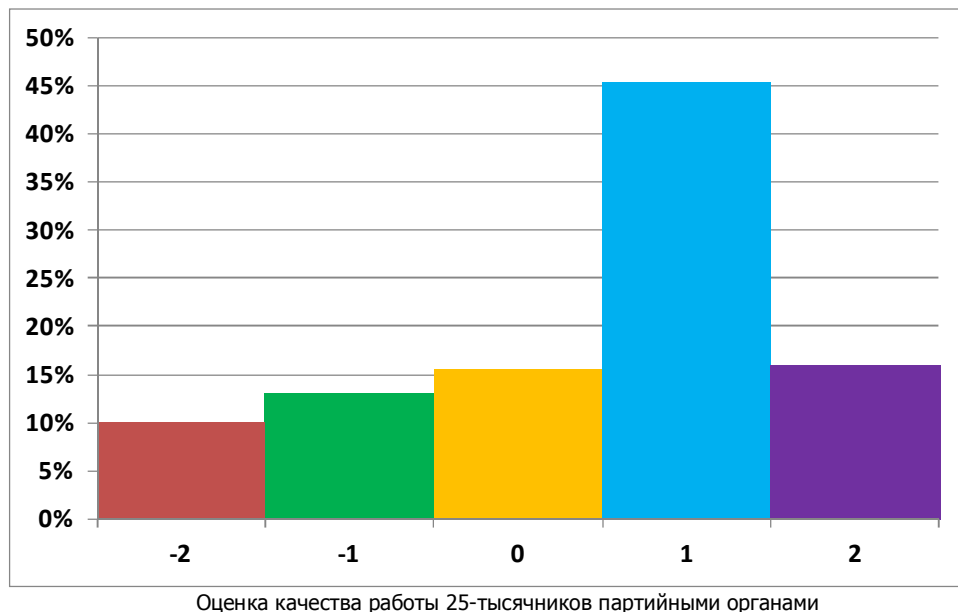
хозсоюзов. В МТС и МКС работало всего 2,3 % рабочих, кроме того, 1,5 % заведовали колхозными мастерскими. Около 16,5 % 25-тысячников находились на партийной работе, в основном секретарями ячеек ВКП(б), 2,25 % использовались на комсомольской работе в деревне, 3 % работали директорами маслозаводов, молочных ферм, льнозаводов. На советской работе (председателями сельсоветов) было задействовано 1,65 % 25-тысячников. Около 1 % использовались в качестве бригадиров в колхозах. Таким образом, значительная часть оставшихся осенью в Западной Сибири рабочих сумела удержаться в деревне на ответственных должностях.

Остальные 14,5 % пребывали на самых разных должностях, в т. ч. далеких от прямого назначения 25-тысячников. Несколько 25-тысячников обозначены в Списках как рядовые члены колхозов. Среди них Валентина Соболева с «Красного Треугольника» (Бердский район), которую сняли с ответственной работы за ряд ошибок в руководстве хозяйством. Райком считал возможным оставить Соболеву на колхозной работе и обязался послать ее на курсы переподготовки руководителей колхозов. Рабочий «Печатного Двора» И.Д. Варавко в Список был внесен как безработный (ранее работал председателем коммуны «Рекорд»). Причиной снятия с работы и судимости этого 25-тысячника послужили пьянство и растрата колхозных средств.

В Списках содержатся краткие характеристики рабочих, определявшие целесообразность дальнейшего использования. Эти характеристики очень разнородны по полноте и формулировкам. О ком-то сказано кратко: «С работой справляется», о других же дана очень подробная информация. Такая разнородность характеристик существенно затрудняет их формализацию. Поэтому для ее анализа мы ввели коэффициенты качества работы (-2; -1; 0; 1; 2). Коэффициент 2 присваивался характеристикам, которые могут быть оценены как очень хорошие, 1 – хорошие, 0 – нейтральные, -1 – отрицательные, -2 – резко отрицательные, т. е. показывающие, что их обладатели полностью не справились с работой в деревне. Сложность оценки заключается в том, что многие характеристики, данные 25-тысящикам, весьма противоречивы. Если в характеристике было невозможно выделить преобладание положительных или отрицательных моментов, ей присваивался коэффициент 0.

Выявлено, что положительную оценку со стороны районных парторганизаций (коэффициент 1 или 2) получили около 60 % рабочих. 16 % мы условно присвоили коэффициент +2 (рис.). В качестве примера приведем характеристику Тараса Андреевича Самушенка, 31-летнего слесаря с ленинградского завода № 4, председателя коммуны «Октябрь» Спасского района: «За время работы проявил себя как хороший организатор и хозяйственник, сумевший организовать массы колхозников на выполнение очередных хозяйственно-политических задач, с которыми коммуна успешно справляется. Пользуется большим авторитетом среди колхозников, от которых получена благодарность за посылку к ним в коммуны 25-тысячника. Политически развит, дисциплинирован. Ячейкой и РК принят в кандидаты ВКП(б). Активно помогает работать ячейке» (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 224). Наиболее типичны положительные характеристики, как данная Н.Ф. Яшину, сверловщику с ленинградской

Третьей пробочной фабрики: «С работой справляется. Хозяйственно-организационными способностями обладает. Идеологически выдержан. Политически развит. Авторитетом среди колхозников и единоличников пользуется» (Там же. Л. 159). Из подобных формулировок видно, какие качества ценились в 25-тысячниках районными партийными органами.

Около 45 % получили положительные характеристики с коэффициентом 1. Так, 39-летнего столяра А.В. Викторова, работавшего секретарем ячейки ВКП(б) в коммуне «Новый шаг» Покровского района, райком характеризовал так: «В окружающем ориентируется правильно. Недостаточно инициативен, но с помощью ячейки с работой справляется» (ГАО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 149). Секретарю комсомольской ячейки (Курьинский район) Константину Козлову (наборщик в типографии Академии наук, 24 года) райкомом дана следующая характеристика: «С работой справляется. Раньше работал агитатором комсомольского коллектива. Имеет практический опыт комсомольской работы. Недостаточно инициативен». Нам известны примеры, когда 25-тысячники, получившие при обследовании осенью 1930 г. положительную характеристику с условным коэффициентом 1, в дальнейшем, оказавшись на ответственных должностях, более полно проявляли свои способности. Так, о Л.А. Холмском, работавшем членом правления коммуны (отвечавшим за организацию труда), в Списке сказано: «С работой в основном справляется. В дальнейшем будет переброшен на эту работу в другой колхоз. Ячейка, где он работал, не сумела создать ему условия работы, за что ей объявлен выговор». В справке же, выписанной 13 августа 1931 г., Холмскому дана уже явно похвальная характеристика. В ней говорится, что в артели «Батрак», руководимой им с 18 февраля 1931 г., 25-тысячник заслужил авторитет среди населения, за полгода сумел

достичь 54 %-ной коллективизации села вместо 4 %-ной, имевшейся к февралю. Кроме того, было построено колхозное село, за что Холмскому «вынесена благодарность от организаций и населения и пожелание успеха в дальнейшей работе» (ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 15. Д. 215. Л. 92).

Если судить по характеристикам, данным райкомами, к осени 1930 г. 10 % 25-тысячников, работавших в Западной Сибири, абсолютно не справились с возложенными на них задачами (коэффициент -2; здесь не учтены те рабочие, которые были задолго до составления Списков и не упоминаются в них). Помимо того, еще около 13 % заслужили отрицательную оценку работы (коэффициент -1).

Основной причиной недостатков в работе являлось, как правило, незнание сельского хозяйства или отсутствие опыта организаторской работы. Помимо Списков об этом свидетельствуют и высказывания самих 25-тысячников (Скороходовский рабочий. 1930. 4 июня). Некоторые 25-тысячники страдали также из-за малограмотности и недостатка специальной подготовки (см. также письма и заявления 25-тысячников: ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416, Л. 273; Д. 418. Л. 3-4 об., 151, 369-369 об., 370-371, 381-381 об., 463-463 об., 650, 633-634, 744, 963, 832-832 об., 934-934 об., 1059-1060). 41-летний кочегар Федор Тимофеевич Дивеев с фабрики «Работница», будучи секретарем ячейки ВКП(б) в коммуне «Новый рассвет» Яминского района, получил от райкома такую характеристику: «Политически и технически не грамотный, в условиях деревенской работы ориентируется плохо. В силу политической отсталости в практической работе извращает директивы партии. Целесообразно использовать на работе в производстве, где он может принести больше пользы, чем в деревне. Как руководящий партийный работник слаб. Надо учиться» (характеристике присвоен коэффициент -2).

Таким образом, некоторые 25-тысячники не только не выполняли функции проведения политики партии на селе, но и, по мнению районных партторганизаций, эту политику «извращали». Районные партторганизации Восточной Сибири также объясняли встреченные 25-тысячниками затруднения в первую очередь отсутствием предварительной подготовки и навыков деревенской работы (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1448. Л. 34).

Сложности в работе, безусловно, возникали и у тех 25-тысячников, которые заслужили положительные характеристики. Один из них, С. Вихарев, писал на завод: «Работа по коллективизации идет... гигантскими шагами, с достижениями и ошибками, и часто ставит в тупик, из которого одному выйти очень трудно. Тех 15 дней, что мы занимались в Ленинграде, недостаточно» (Красный треугольник. 1930. 20 мая).

Определенная часть 25-тысячников не справлялась с должностными обязанностями из-за нежелания работать в сельском хозяйстве. В ряде случаев ленинградцы даже не пытались приступить к выполнению возложенных на них функций. Так, в Белоярском районе 3 из 9 чел. уже в марте 1930 г. вернулись в Ленинград, не договорившись с партийными и колхозными организациями (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4212. Л. 14). Ряд 25-тысячников пытался до-

биться откомандирования вызывающим поведением: пьянством, халатным отношением к работе и т. п.

Еще одной причиной того, что некоторые 25-тысячники заслуживали отрицательную оценку своей работы, было разочарование, неверие в саму возможность успеха коллективизации. В Списке Павловского района о 26-летнем ленинградце Арнольде Булине, председателе артели «Беднота, вперед!», помимо прочего, сказано: «Потерял всякие надежды в колхозном строительстве (не верит в строительство социализма)» (ГАНО. Ф. П.-3. Оп. 3. Д. 304). Из Восточной Сибири нам известно о 25-тысячнике Чулкове, который, по словам информаторов Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), «столкнувшись с боевой политической задачей – хлебозаготовки», проявил явный оппортунизм, показав «неверие в выполнение плана хлебозаготовок». В результате Чулков подал заявление о немедленном снятии его с работы, грозя в противном случае добровольно покинуть ряды партии (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 70–71).

Значительная часть 25-тысячников, получивших отрицательную оценку, обвинялась райкомами в пьянстве. Пьянство в той или иной мере отмечено районными органами почти у 20 % рабочих. Распространение этого порока вызывало у руководства районов серьезное беспокойство. Впрочем, когда пьянство не принимало особо злостных форм, райкомы и крайком ВКП(б) считали возможным оставить 25-тысячника на колхозной работе. Однако если при этом авторитет рабочего в глазах колхозников был окончательно подорван, могла применяться переброска в другой колхоз или район, в отдельных случаях – откомандирование на производство (Там же. Л. 320–321; Д. 420. Л. 62).

Около 15 % мобилизованных рабочих получили от районных комитетов ВКП(б) характеристики, которые трудно отнести к отрицательным или положительным. Это нейтральные характеристики, а также такие, где недостатки компенсированы положительными моментами. Например, о галошечнице с «Красного треугольника» Полине Ароновне Питлер, заведовавшей детскими яслями в коммуне «Свобода» Родинского района, в Списке сказано: «Отношение к работе хорошее, стремится работать в деревне, но не может быстро ориентироваться в окружающей обстановке» (ГАНО. Ф. П.-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 103). В Рубцовском районе 25-тысячник Виноградов на должности заместителя председателя коммуны «Сибирский пахарь» работал «удовлетворительно», сначала выпивал, но стал исправляться. Однако в характеристике отмечалось, что ленинградец нерешителен и имеет склонность «прятаться за спины других от ответственности» (Там же. Оп. 3. Д. 304. Л. 19–25). Нулевой коэффициент был присвоен и такой характеристике: «С работой справляется. В коммуне допускал пьянку, которая влияла на подрыв его авторитета. Но при твердом руководстве практически с работой справляется». Среди характеристик с нейтральной оценкой работника немало таких, в которых главным препятствием для работы в деревне названо слабое здоровье 25-тысячника.

Чтобы выяснить, какие факторы в наибольшей степени влияли на способность 25-тысячников адаптироваться, мы решили сопоставить различные показатели из Списков с коэффициентами характеристик. При анализе характеристики разделялись нами лишь на три группы: положительные, нейтральные

и отрицательные, – чтобы ограничить субъективность и избежать излишней дробности.

Выяснилось, что мужчины в среднем оказались более адаптивны, чем женщины. Одно из объяснений этому можно найти в том, что проводившие вербовку организации в стремлении обеспечить заметный процент женщин среди 25-тысячников зачастую предъявляли к ним гораздо меньше требований, чем к мужчинам (не говоря о том, что образовательный и политический уровень женщин-работниц в целом был ниже, чем у мужчин) [Пантюшкина, 1961. С. 146]. Еще одно объяснение мы видим в том, что традиционным крестьянским представлениям не соответствовало подчинение женщине-руководителю.

Среди возрастных групп, как мы и полагали, наиболее адаптивными оказались люди в возрасте от 20 до 40 лет. Так, среди получивших отрицательные характеристики оказалось 18,2 % рабочих старше 40 лет, а среди заслуживших положительные – только 11,4 %. Средний возраст 25-тысячников с коэффициентами -1 и -2 оказался на 1,3 года больше, чем у 25-тысячников с коэффициентами +1 и +2. Партийный стаж также влиял на адаптивность рабочих в деревне. Наиболее адаптивными оказались члены ВКП(б), в особенности имевшие значительный партийный стаж (с 1923 г. и ранее), а также вступившие в партию накануне «великого перелома» (в 1928 г.).

Итак, несмотря на недостаток руководства и помощи со стороны местных органов, а также направивших организаций, около половины командированных в Западную Сибирь 25-тысячников (60 % от оставшихся осенью 1930 г.), если судить по оценкам райкомов ВКП(б), сумели проявить себя на организационно-хозяйственной, политической и хозяйственно-политической работе и уже в первый год пребывания в регионе внесли вклад в трансформацию аграрного сектора. Значительная роль 25-тысячников в коренном переустройстве сельского хозяйства (о которой так много говорилось в историографии) была обеспечена за счет того, что в первый год форсированного наступления на деревню основная их часть находилась в селе на ответственных должностях. И не менее половины из них, как показано выше, так или иначе справлялись с поставленными партией задачами. Зачастую многих 25-тысячников выгодно отличали от местных сельских работников умение убеждать, демонстрация хорошей работы, умелая организация. Этими методами они добивались повышения производительности труда, завоевывали авторитет среди крестьян и в результате привлекали в колхозы новых членов. В строительстве, организации и работе первых МТС Сибири участие 25-тысячников (хотя и небольшой их группы) имело принципиальное значение в связи с использованием их технических знаний при отсутствии соответствующих кадров среди местного населения.

Вместе с тем весомый процент 25-тысячников (23 % от оставшихся осенью 1930 г. в Западной Сибири), исходя из оценок, данных райкомами партии, не справился со своими задачами в деревне. Причинами этого послужили незнание сельского хозяйства, неготовность к организаторской работе, отсутствие помощи, тяжелые материально-бытовые и климатические условия и другие

барьеры адаптации. Часть рабочих Запсибкрайком ВКП(б) откомандировал обратно на производство уже зимой 1930/31 г.

Весной 1931 г., по данным крайкома, основная масса оставшихся в Западной Сибири 25-тысячников (72,8 %, или 572 чел.) находилась на руководящей работе в колхозах (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1093)*. Из них 354 чел. (45 %) работали председателями колхозов, 5 чел. – заместителями председателей и 86 чел. (10,9 %) – заведующими отраслевыми работами. В аппаратах райколхозсоюзов был задействован 71 чел. (или 9,2 %); из них председателями правлений – 9 чел., членами правлений – 23, заведующими отделами – 5, инструкторами – 34 чел. На работе в МТС использовалось 53 чел. (или 6,8 %); из них директорами и заместителями – 33 чел., заведующими мастерскими – 10, инструкторами по технической помощи – 3, инструкторами-массовиками – 7 чел. На партийной работе (в основном секретарями колхозных ячеек) был 51 чел., или 6,5 %. На профсоюзной работе использовалось 16 чел. (2 %). В совхозах было задействовано только 5 чел., в кооперативах – 2 чел. Такая расстановка свидетельствует о том, что к весне 1931 г. в Западно-Сибирском крае относительно пригодных к работе 25-тысячников в основном распределили на ответственных должностях, соответствующих поставленным перед ними задачам.

По Восточной Сибири на февраль 1931 г. у нас имеется информация о распределении 25-тысячников лишь по Бурят-Монгольской АССР. Бурятский обком ВКП(б) отмечал, что после года работы в деревне 18,1 % ленинградцев оказались на партийной и комсомольской работе. На руководящей колхозной работе остался только 51 % (27 председателей (38 %), четыре зампредседателя и пять членов правления колхозов). Количество 25-тысячников на работе в райсоюзах не изменилось, но председателей осталось лишь двое вместо четырех (2,8 % от оставшихся в деревне), с четырех до шести возросло число членов правления и инструкторов районных союзов (11,2 %). Таким образом, в отличие от Западной Сибири, доля председателей колхозов здесь практически не изменилась. В целом же доля 25-тысячников на ответственных руководящих постах заметно снизилась. Выводы Бурятского обкома партии о том, что «25-тысячники все больше и больше выдвигаются на ответственные посты в колхозах», выглядят на этом фоне явно приукрашенными. Фактически попытка решить проблему руководящих колхозных кадров в Бурят-Монголии за счет назначения большинства 25-тысячников сразу на руководящие посты успехом не увенчалась, в чем сыграли свою роль и особенности положения бурятской группы рабочих.

Проведенный анализ в достаточной мере демонстрирует способы использования государством мобилизационных методов для переброски кадровых ресурсов на самые проблемные участки при создании своей управленческой системы в деревне. Указанные методы способствовали решению определен-

---

* При сложении приведенных процентов получается не 100 %, а 102,8 %. Возможно, это связано с тем, что фактически некоторые 25-тысячники использовались на нескольких должностях, что подтверждается данными Списков.

ных хозяйственно-политических задач, однако их результативность была ограничена. Во-первых, «кампанейские» методы обеспечивали в данном случае хотя и масштабное, но лишь разовое вливание рабочих кадров в ускоренно формировавшуюся сельскую номенклатуру. Во-вторых, проводившаяся в регионе кадровая политика осуществлялась неэффективно (текучесть, чистки, нерациональное использование прибывших работников). В-третьих, немногие промышленные рабочие оказались готовым мобилизационным ресурсом для участия в руководстве радикальной «перековкой» деревни.

В Приложении 2 отражено распределение по должностям после прибытия в села тех 25-тысячников, личные дела которых мы обследовали, а также их дальнейшие перемещения. В соответствии с основной целью кампании абсолютное большинство 25-тысячников (65 %) оказалось на руководящей работе в колхозах: 57 чел. сразу возглавили коммуны и артели, еще четверо приняли руководство колхозами в течение 1930 г. Десять представителей рабочего класса в течение 1930 г. являлись членами правления колхозов, один вошел в правление кустового колхозного объединения. Уже в 1931 г. доля 25-тысячников на колхозной работе существенно сократилась (судя по личным листкам, сохранившимся в сибирском партархиве, рабочие исследуемой группы перемещались преимущественно на другие должности в деревне). Обращает на себя внимание тот факт, что доля руководящих колхозных работников среди 25-тысячников рабочего происхождения к 1931 г. сократилась с 68 до 23 %, тогда как среди выходцев из крестьянского сословия изменения не столь значительны: 48 вместо 66 %. С одной стороны, это объясняется тем, что «рабочие», как уже не раз было отмечено, пользовались большим доверием власти и, соответственно, имели больше шансов на быстрое продвижение в райколхозсоюзы, МТС и на ответственную партийную работу. С другой стороны, это может свидетельствовать и о том, что непосредственная руководящая работа в сельском хозяйстве в большей степени подходила тем, кто с детства имел представление о сельском хозяйстве. Данное предположение подтверждается тем фактом, что все 25-тысячники, имевшие опыт работы в сельскохозяйственном производстве до мобилизации и назначенные в 1930 г. на руководящую колхозную работу, в 1931 г. стояли во главе колхозов.

На различных должностях в райколхозсоюзах в 1930 г. оказались 10 чел. (9 % от общего числа), трое из них были избраны председателями РКС, трое – заместителями, двое – членами правления, еще двоих назначили инструкторами. Все три председателя РКС имели весьма значительный опыт общественной работы, нередко с совмещением должностей (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 5977; 6842; 7710), что, вероятно, и стало решающим фактором их успешной адаптации к управленческой работе.

На партийную и комсомольскую работу сразу по приезду в Сибирь было направлено 19 чел. (19 %). Из них 15 чел. возглавили ячейки ВКП(б), преимущественно в колхозах, причем четверо совмещали эту работу с административно-хозяйственной. Кроме того, В.М. Колоницкий возглавил РК ВЛКСМ Ново-Алексеевского района (проработал всего 3 месяца), Н.Н. Кузнецов вошел в состав бюро РК ВКП(б) Волчихинского района (Там же. Д. 7947, 9046).

А.М. Богданов сначала был избран секретарем ячейки коммуны и кандидатом в члены бюро и внештатным инструктором РК ВКП(б) Башчелакского района, после чего, в том же 1930 г., возглавил газету «Красный животновод». Двое рабочих указали в личных листках, что в 1930 г. занимались партийной работой в колхозах без уточнения должности. Надо также отметить, что многие 25-тысячники входили в бюро колхозных (или других местных) ячеек ВКП(б), находясь при этом на административно-хозяйственной и советской работе.

Практически все 25-тысячники, направленные в 1930 г. на партийную работу, имели политическое образование. Исключение составляют только четверо, но двое из них указали, что освоили политическую грамоту самостоятельно (из них один – с опытом партийной работы на производстве), двое обучались на рабфаках, четвертый получил политическую закалку при службе в комполитсоставе армии (Там же. Д. 4479, 12167, 14405, 15388). Наличие общественно-политического опыта очевидным образом способствовало привлечению 25-тысячников к партийной работе сразу по прибытии в деревню. Так, семь из девяти «крестьян», занявших в 1930 г. руководящие партийные должности, имели опыт партийной работы, приобретенный на производстве или в армии, из «рабочих» – половина (тогда как из всей рассматриваемой группы опытом партийной работы обладало только 44 и 35 % соответственно).

В машинно-тракторные и машинно-конные станции в 1930 г. направили 7 чел.; трое из них были назначены заместителями директоров МТС, двое – директорами МКС, один – директором МТС, еще одного направили на работу по организации новой МТС. Все 25-тысячники, сразу направленные в МТС и МКС, имели такие связанные с машинами профессии, как слесарь, токарь или электромонтер, а В.В. Кедров даже прошел обучение в тракторной школе. Исключение представляет Р.А. Миллер, переплетчик с 14-летним стажем, работавший в 1930 г. директором МКС и секретарем ячейки ВКП(б) районной контрольной комиссии. Миллер имел значительный опыт партийной работы (политрук в армии, секретарь ячейки ВКП(б) г. Каинска в 1926–1928 гг.). Осенью 1930 г. райком дал положительную оценку его работе (что отражено в Списках) (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 278). Однако в конце того же года Миллер был переведен на должность директора кирпичного завода, а в начале 1931 г. назначен партследователем районной контрольной комиссии.

Один из тех, чьи личные дела были изучены, Т.Т. Тихонов сразу по прибытии в Сибирь попал на должность директора маслозавода (в 1931 г. переведен председателем колхоза, несмотря на то, что в Списке получил как директор положительную характеристику, и его было решено оставить на данной должности) (Там же. Оп. 15. Д. 17274; Оп. 4. Д. 416. Л. 224). По специальности он являлся слесарем, имел 16-летний производственный стаж и значительный опыт общественной работы (председатель цехового и заводского комитетов). Согласно Спискам, осенью 1930 г. на подобных должностях работало 2,7 % 25-тысячников (25 из 909 чел.).

На советскую работу в 1930 г. из рассматриваемой группы направили только 2 чел. Один из них – Н.П. Лучков (мобилизованный с работы столяра-станочника лыжной фабрики) был избран в правление РИК Волчихинского

района и назначен уполномоченным этого органа. К моменту мобилизации Лучков имел опыт не только партийной работы (член бюро партколлектива фабрики), но и работы в административных органах (в качестве милиционера). Более того, во время Гражданской войны Лучков командовал взводом и заведовал снабжением (Там же. Оп. 15. Д. 10147). Еще один 25-тысячник, С.И. Завьялов, проработав 4 месяца в колхозе, был избран председателем сельсовета (Там же. Д. 5680). Хотя, по мнению Ужурского РК ВКП(б), Завьялов очень хорошо проявил себя на этой должности, Запсибкрайком потребовал перевести его на колхозную работу, в результате чего 25-тысячника назначили заместителем председателя РКС, а в 1931 г. – председателем. Таким образом, в 1930 г. советская работа не считалась краевыми органами настолько актуальной, чтобы использовать на ней 25-тысячников. Симптоматично, что уже в 1932 г. С.И. Завьялов был переведен контролером в Абаканский совхоз, что свидетельствует о перемене приоритетов в использовании мобилизованных рабочих (Там же. Оп. 4. Д. 416. Л. 165–167).

Уже к 1932 г. на основании личных дел трудно выделить занятие, характерное для большинства 25-тысячников. Те сферы, в которых они трудились, можно сгруппировать следующим образом: 1) колхозная работа; 2) партийная работа; 3) работа в МТС; 4) работа в совхозах; 5) советская работа; 6) работа в краевом аппарате; 7) руководящая работа в производственной сфере; 8) учеба; 9) прочие (см. Приложение 2).

Руководители колхозов среди 25-тысячников постепенно исчезали. На колхозной работе, председателями колхозов в 1932 г. оставались только трое. Причем двое из них (оба крестьянского происхождения) продолжали возглавлять те же колхозы, что и в 1930 г. (такое постоянство на колхозной работе среди 25-тысячников встречалось крайне редко). Даже на партийной работе в колхозах к 1932 г. оставалась только Е.Г. Макарова (Там же. Оп. 15. Д. 10336). Однако в 1933 г. и эти четверо оставили колхозную работу и пошли на повышение, переместившись в МТС и совхозы.

На протяжении всего рассматриваемого периода значительная доля 25-тысячников выполняла партийную работу. Однако, как было отмечено, секретарей колхозных партячеек среди них фактически не осталось уже к 1932 г. Из 4 чел., выполнявших в это время обязанности секретарей первичных партийных организаций, один руководил сельской партячейкой, один – партячейкой МТС, еще двое, временно покинувшие Сибирь, вели партийную работу на предприятиях.

В основном же проявившим себя с положительной стороны 25-тысячникам уже с 1931 г. стали доверять более ответственные должности. В 1931 г. Н.И. Никифоров и Э.М. Ревич возглавляли парткомы МТС, М.Г. Нашатырев – партком совхоза. Однако в 1932 г. на должности секретаря парткома (в МТС) работал только А.В. Селиванов. В том же году три 25-тысячника возглавляли отделы в райкомах партии, С.М. Руббэльт руководила женсектором РК ВКП(б). После 1932 г. на работе в первичных организациях из тех рабочих, чью судьбу мы проследили, оказывались в основном возвратившиеся в производственную сферу. Но тот факт, что они зарабатывали на жизнь уже не физическим

трудом, демонстрирует вектор изменений, произошедших в их социальном статусе после мобилизации «в счет 25 тысяч».

На примере небольшой группы мобилизованных рабочих мы попытались выяснить, какими социокультурными признаками обладали 25-тысячники, направленные в сферу пропаганды, и что влияло на успешность (или неуспех) работы в печати. Как мы упоминали, уже в 1930 г. один представитель рассматриваемой группы побывал на должности редактора районной газеты, однако продержался недолго. Дальнейший опыт назначения 25-тысячников на редакторскую работу увенчался большим успехом. Всего в роли редакторов районных газет (сельскохозяйственного профиля) за рассматриваемый период испробовали себя пять 25-тысячников (из 107), из них один до этого уже имел опыт работы редактором в политотделе МТС. Сравнив биографии пятерых рабочих, можно определить, какие качества, по мнению партийного руководства, были необходимы для занятия столь важной культурно-просветительской, а главное, агитационной работой. Оказалось, что четверо из пяти были потомственными рабочими, родившимися в Ленинграде. Все пятеро были молоды в сравнении со средним возрастом 25-тысячников: на момент назначения редактором каждому из них исполнилось не более 25 лет. Только один из них (не продержавшийся долго на должности редактора Богданов) имел опыт общественной работы до мобилизации. Все пятеро рано вступили в партию: четверо до 22 лет и один в 24 года. Образовательный уровень 25-тысячников, попавших на редакторскую работу, достаточно высок. Так, А.М. Богданов и М.В. Деев учились на рабфаках, В.М. Колоницкий имел неоконченное среднее образование (а перед назначением редактором был предварительно «пропущен» через курсы газетных работников при Комвузе), А.С. Царев обладал лишь низшим общим образованием, но окончил военную автотракторную школу по специальности «автотракторный механик» (об образовании Жукова сведений нет). Только один из названных пяти рабочих, Царев, крестьянского происхождения, прошел армейскую службу.

Четверо из пяти имели «классические» для 25-тысячников специальности: двое – слесари, один – электромонтер, один – токарь. Исключение представляет М.В. Деев, который в первой половине 1920-х гг. учился ремеслу слесаря-механика, однако в дальнейшем, после рабфака, работал счетоводом и старшим калькулятором на железной дороге. На газетной работе Деев задержался дольше остальных: с 1931 до 1935 г. В конце 1933 г. Дееву отказали в просьбе отправить на учебу в коммунистический институт журналистики, т. к. считали его ценным работником (ГАО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 4480. Л. 3).

Доля 25-тысячников на работе в МТС после 1930 г. возросла, причем среди них появились руководители МТС, в 2 раза увеличилось число заместителей директоров. Из рассмотренной нами группы трое рабочих были назначены директорами МТС – практикантами после руководящей колхозной работы, один выдвинут на должность директора с поста заместителя. Но уже к 1932 г. ни один из практикантов не остался в руководстве МТС. На должности директора остался П.С. Семенов, к нему добавились еще трое, прошедшие путь от заместителей до директоров МТС. В 1934 г. Матвеев (ранее – зам. директора МТС) и Н.П. Эглит (ранее – зам. председателя РИК, в 1931 г. – зав. ремонтно-

тракторной мастерской) были направлены на курсы директоров МТС и вскоре назначены на соответствующие должности. С должности заместителя председателя РИК в 1935 г. на руководство МТС перешел и И.К. Константинов. Этот рабочий был выдвинут благодаря тому, что, по мнению райкома, «на всех работах показал себя как способного товарища, могущего на практике проводить в жизнь директивы партии» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 197). Незадолго до назначения на пост директора Ильинской МТС Константинов уже проделал там большую работу, будучи направлен в качестве уполномоченного РК ВКП(б) для ликвидации «прорыва» в ремонте тракторов.

С 1931 г. хорошо проявивших себя в колхозах 25-тысячников начали выдвигать на совхозную работу. За весь год в правлении совхозов побывало 8 из 106 чел.; из них двое некоторое время проработали на должности директоров. Однако уже в 1932 г., в связи с активизацией строительства совхозов и распоряжением партийного руководства продвигать оставшихся в селах рабочих на ответственные посты, в роли директоров совхозов оказалось 7 чел., в роли заместителей – 4 чел., трое работали помощниками директоров совхозов, трое руководили отделениями или фермами, один заведовал совхозной мастерской. Еще 8 чел. в совхозах исполняли функции контролеров. Всего за 1932 г. 26 чел. (т. е. 37 % из тех, о ком у нас имеются сведения на тот момент, и 25 % от всей рассматриваемой группы) побывали на работе в совхозах.

Все выдвинутые за 1932 г. для руководства совхозами 25-тысячники имели рабочее происхождение. Двое предварительно прошли дополнительную подготовку: С.В. Чернов окончил заочные курсы Комвуза, Т.М. Громов в течение 5 месяцев изучал аграрную политику партии в Институте колхозного строительства. Двое, И.И. Иванов и Н.Ф. Федоров, уже имели опыт руководящей работы в совхозах (последний даже руководил маслосовхозом в 1931 г.), еще двое, Б.Г. Филоновский и П.Ф. Скляр, были выдвинуты с должности уполномоченного молокоцентра (последний также имел опыт заместителя председателя РКС) и последний, И.П. Блытов, как уже говорилось, был назначен в совхоз после работы директором МТС – практикантом.

К 1933 г. из тех, чьи личные дела не прерываются к этому времени, осталось только три директора совхоза: И.И. Иванов, П.Ф. Скляр, а также выдвинутый с поста заместителя директора С.И. Завьялов (Там же. Оп. 15. Д. 5679). По всей видимости, попытка решить кадровую проблему совхозов, используя мобилизационный потенциал 25-тысячников, себя не оправдала. Хотя доля рабочих, задействованных в совхозах, до конца рассматриваемого периода оставалась самой заметной (за исключением 1935 г.), к 1934 г. ни один из тех, чей путь нам удастся проследить, на посту директора совхоза не остался. Только в 1935 г. на руководство животноводческим совхозом назначили И.Я. Виноградова, 25-тысячника крестьянского происхождения, прошедшего перед этим подготовку на специальных 6-месячных курсах в Омске и накопившего значительный опыт работы в совхозах (с 1931 г.). На должности директора одного совхоза Виноградов проработал до апреля 1937 г., когда был переведен в другой совхоз, на место отданного под суд руководителя

(ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 2821. Л. 1–9). Удалось ли ему самому пережить годы жестоких партийных чисток, нам не известно.

Число 25-тысячников рассматриваемой группы, работавших на советских должностях, в абсолютном выражении никогда не превышало шести одновременно. Однако в процентном выражении их доля непрерывно росла вплоть до 1934 г. (см. приложение 2). Случаев назначения 25-тысячников председателями сельсоветов в изученных нами личных делах зафиксировано только четыре, причем все они – не позднее 1932 г. Никто из рабочих не продержался в сельсовете более года.

В 1931 г., видимо, благодаря успехам на партийной работе и работе в РКС, 25-тысячник Н.Н. Кузнецов был избран председателем президиума РИК (в Списках имеется положительная характеристика Кузнецова как секретаря партячейки) (Там же. Оп. 4. Д. 416. Л. 184–185). Дальнейшему карьерному росту 25-тысячника помешала болезнь, которая, по-видимому, заставила его вернуться в Ленинград*. В последующие годы, по данным личных дел, только трое 25-тысячников избирались в правление РИК. Еще двое некоторое время работали районном аппарате на должностях инспекторов земотдела и массовых платежей финансового отдела.

Четверо 25-тысячников побывали за рассмотренный период на ответственной профсоюзной работе. И.С. Курников в 1933–1935 гг. возглавлял профсовет Шипуновского района (одновременно являясь членом РК ВКП(б)), Р.А. Миллер в 1932 г. заведовал организационным отделом окрпрофсовета в Колпашеве (Нарымский округ), Н.В. Филимонов и И.Я. Виноградов в разное время возглавляли рабочие комитеты МТС и батрачества. Из названных рабочих все, кроме Курникова, обладали политическим образованием и опытом профсоюзной работы. Курников же до мобилизации имел лишь опыт политрука в армии, однако в Сибири к 1933 г. успел вырасти от заместителя председателя колхоза до члена РК ВКП(б) с двухлетним стажем.

В 1932 г. О.Э. Шмидт, получивший в конце 1930 г. (в Списках) отрицательную характеристику за работу в качестве председателя колхоза, был назначен директором инкубатора. Судя по всему, руководящая работа в некоторых сферах производства считалась не самой ответственной, т. к. назначенному заведовать инкубатором в 1931 г. А.С. Булину незадолго до этого также была дана отрицательная характеристика (дальнейшая судьба этих рабочих неизвестна, вероятнее всего, они вскоре покинули село); а С.А. Морозов, назначенный в 1934 г. директором пивзавода, на предыдущей должности заместителя директора совхоза получил строгий выговор с предупреждением за израсходование средств не по назначению, «бесхозяйственность» и несвоевременную сдачу хлеба (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 11527). В дальнейшем Морозова продолжили использовать на руководящей работе в производственной сфере (директором маслокомбината, заместителем директора Мукомольно-элеваторного института).

---

* В письме крайкому ВКП(б) от 9 ноября 1931 г. Н.Н. Кузнецов просит отпустить его ввиду болезни, которая не только мешает физически, но и клеймит его в глазах местного населения. – ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 947–948.

Доля 25-тысячников на руководящих должностях в производственной сфере колебалась от 8 % в 1932 г. до 15 % в 1936 г. (от тех, о ком у нас есть сведения на конкретный момент). Однако фактически из нашего поля зрения выпало большинство рабочих, уезжавших на производство, где они также могли занимать по возвращении руководящие посты. Нам стало известно только о подобных случаях с теми рабочими, которые либо потом снова оказались в Сибири, либо являлись сибиряками изначально (т. к. их личные дела остались в фонде Западносибирского крайкома). Так, В.В. Майзит, с 1923 до 1930 г. рядовая работница завода «Светлана», после мобилизации хорошо проявила себя в роли секретаря ячейки ВКП(б) колхоза и председателя сельсовета (Там же. Д. 10285; Оп. 4. Д. 416. Л. 9), а уже в 1932 г. ее вернули на производство председателем заводского комитета. А.А. Остапенко, до 1930 г. горнорабочий на Березовском руднике (Ачинский округ), не смог проявить себя с положительной стороны на должности председателя колхоза (в Списке ему дана отрицательная характеристика) (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 153–154; Оп. 15. Д. 12666). Но по возвращении в 1931 г. на шахту он уже не считался рядовым рабочим, а был назначен десятником (осенью 1930 г. крайком направил его в свое распоряжение, и, возможно, 25-тысячнику удалось убедить крайком ВКП(б), что в несельскохозяйственной отрасли может справиться с руководящей работой; он еще до мобилизации окончил 1-й курс вечернего комвуза, в 1929 г. являлся членом Щегловского горсовета). В дальнейшем Остапенко использовался в производственной сфере на различных руководящих должностях (помощник управляющего по рабочему снабжению, зав. магазином на руднике), причем с 1935 г. – на партийных (политрук среди технической интеллигенции на руднике; парторг штольни).

Уже в конце 1931 г. двое представителей рассматриваемой группы были выдвинуты в краевой аппарат, оба – на заведование отделами кадров. В Крайсеменоводсовхозсоюз направили С.И. Севрука, одного из двух 25-тысячников, к моменту мобилизации работавших на освобожденных партийных должностях. Судьба Севрука после выдвижения в Крайсеменоводсовхозсоюз нам не известна, т. к. личное дело обрывается 1931-м годом. В.А. Тарасов, назначенный в 1931 г. заведующим кадрами Овцеводтреста, к 1929 г. работал электромонтером фабрики «Красный парус», имея опыт членства в РК ВКП(б), РК ВЛКСМ, участия в областном съезде ВЛКСМ и районном съезде ВКП(б). В краевом аппарате Тарасов проработал до 1933 г. (когда его назначили политруком школы трактористов).

В апреле 1932 г. в краевой аппарат попал Н.В. Зернов. Он начинал свою деятельность в Сибири как председатель коммуны им. Калинина в Борисовском районе, где, если верить мнению райкома (отразившемуся в Списке), «бездействовал» и часто отлучался в город «без дела». После перевода в артель «Первая встреча» того же района 25-тысячник стал серьезнее относиться к работе, и уже в 1931 г. его назначили директором биокOMBината в Омском районе, а в 1932 г. направили в Новосибирск в качестве директора НИИ питания Крайздрава. В 1933 г. он был переведен в Волчиху на должность управляющего Садотрестом. Однако уже в 1934 г. Зернов вернулся на работу

в краевое ведомство, теперь в качестве управляющего (по другому документу – уполномоченного) краевой конторы объединения «Востоксталь» (Там же. Оп. 15. Д. 5977. Л. 1, 5).

В 1934 г. в краевой аппарат, правда, не сибирский, а ленинградский, после военной службы был направлен Борис Иванович Горбачев. Его назначили начальником отдела кадров треста связи. Однако уже в 1935 г. Горбачев вернулся в Сибирь на партийную работу (Там же. Д. 5977, 3800).

В 1935 г. в Запсибкрайзу после окончания курсов директоров МТС был выдвинут Н.П. Эглит*. Но в 1935 г. крайком решил использовать 25-тысячника в соответствии со специальностью, полученной им на курсах (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 20111). И.С. Курникова, работавшего ранее председателем райпрофсовета, пропустили через курсы профактива, после чего назначили инструктором этой организации (Там же. Д. 9302). В 1936 г. 25-тысячники еще работали на указанных должностях, о дальнейшей же их деятельности нам ничего не известно.

А.В. Селиванова, бывшего секретаря парткома МТС, в 1936 г. специально освободили от учебы в ВСХШ, чтобы назначить начальником Чистозерской краевой школы комбайнеров. На этой должности 25-тысячник проработал 1 год и 4 месяца и был переведен руководителем в Колыванскую школу тракторно-комбайновых механиков.

Выдвижение 25-тысячников на учебу активизировалось с 1932 г. Из рассмотренной группы (107 чел.) в 1932–1935 гг. обучение проходили от 5 до 10 чел. одновременно. Всего обучение на курсах или в партийных и сельскохозяйственных вузах прошли восемь «крестьян» (18,6 % от изначального числа) и 12 «рабочих» (20 %). Еще в деловой переписке мы отметили стремление многих 25-тысячников учиться, однако только благодаря личным делам нам удалось хотя бы примерно оценить, как часто это желание удовлетворялось.

Таким образом, применяя метод просопографии к изучению личных дел 25-тысячников, нам удалось подтвердить, что при отборе рабочих для участия в коллективизации сельского хозяйства предпочтение отдавалось потомственным рабочим, а поэтому выходцы из крестьян и других слоев населения, чтобы попасть в ряды «25-тысяч», должны были обладать определенными преимуществами: политическим образованием, опытом общественной работы, квалифицированной работы на производстве, вооруженной борьбы за советскую власть и т. п. Вследствие более строгого отбора, применявшегося к «крестьянам», а также благодаря непосредственному знакомству с сельским хозяйством на низовой руководящей колхозной работе (для которой изначально и были мобилизованы 25-тысячники) им удалось закрепиться несколько дольше, чем «рабочим».

Мы показали, что, вопреки попыткам советской пропаганды создать образ типичного 25-тысячника, данная группа рабочих отнюдь не являлась монолитной. Их жизненные пути начинались по-разному и в разных условиях, и

---

* Должность в личном деле не указана.

лишь к моменту мобилизации большинство оказалось на работе в промышленности. Сразу после мобилизации эта группа также была относительно однородна по деятельностному признаку. Однако уже к 1932–1933 гг. пути 25-тысячников вновь значительно разошлись.

Обращение непосредственно к биографиям 25-тысячников, в особенности с применением количественного анализа, как ничто другое, демонстрирует особенности мобилизационного характера взаимоотношений власти и общества, при котором люди используются в качестве «расходного материала». Мы убедились, что если в 1930 г. абсолютное большинство 25-тысячников было «брошено» на руководящую колхозную работу, то в дальнейшем партийные органы пытались использовать их мобилизационный потенциал в соответствии с требованиями момента, перебрасывая в МТС, совхозы и на другие слабые «участки».

В большинстве изученных личных дел превалирует восходящая мобильность рабочих. Исключение представляют свидетельства о тех 25-тысячниках, кого переводили на работу в производственную сферу, что нередко можно расценивать как некоторое понижение. Но даже тот, кто возвращался в город, зачастую уже не являлся рядовым рабочим. В то же время там, где личные дела прерываются, порой имеются свидетельства того, что успешная карьера 25-тысячника резко прервалась (а возможно, и его жизнь). В отдельных случаях из других источников нам удалось узнать о трагическом завершении карьеры рабочего (суд, гибель и т. п.).

Исследуемая кампания, как мы уже отмечали, привела не только к перемещению 25-тысячников в социально-чуждую среду, но и к изменению их социальной роли, что предопределило необходимость их адаптации в бифуркационных условиях. Вслед за М.В. Роммом [2002] мы выделили следующие группы барьеров адаптации 25-тысячников и средств, способствовавших их полному или частичному преодолению: ситуативные, информационные и индивидуальные (эмоционально-психологический и мировоззренческий).

Ситуативные (внешние) барьеры адаптации определялись обстоятельствами, в которых оказались 25-тысячники: это была сибирская деревня в условиях огульной коллективизации и «раскулачивания», со своей историей взаимоотношений крестьян и государства, с особенностями климата и географического положения. Среди ситуативных барьеров выделяется несколько групп.

Недоверие или даже сопротивление крестьянства. То, как будут складываться взаимоотношения 25-тысячников с населением деревни, не являлось для руководства партии вопросом первостепенной важности. Однако даже руководство понимало, что с этим связан успех кампании: ведь рабочим предстояло (при идеальном для ЦК ВКП(б) раскладе) привлечь в колхозы основную массу крестьянства и «ликвидировать» остальную его часть.

Представление о крестьянстве у рабочих, откликнувшихся на мобилизационный призыв партии, сложилось под влиянием карточной системы, установленной в городах в 1928–1929 гг. [Фицпатрик, 2008. С. 70, 72], а также официальной пропаганды, преподносившей дефицит продовольственных товаров как «происки кулачества». Некоторые 25-тысячники сами происходили из

крестьянского сословия, причем из бедных его слоев, что, как правило, влекло за собой неприязнь к зажиточному слою деревни и традиционному сельскому укладу. По замечанию А. Лившина, среди значительной части рабочего класса к концу 1920-х гг. развилась характерная для люмпен-пролетарской субкультуры психология «справедливой уравнительности», предполагающая «завистливую непримиримость по отношению к зажиточным слоям в деревне» [2010. С. 64]. Каким бы ни было изначальное отношение рабочих к крестьянину, партийная пропаганда пыталась показать, что им предстоит «ломать и перекраивать старое среди миллионов темных, не уяснивших еще себе смысла этого перекраивания крестьян, в окружении волчьей стаи издыхающего кулацкого класса» (Красный треугольник. 1930. 13 марта).

Чтобы внушить крестьянству и городскому населению миф о том, что преобразованием деревни займутся грамотные передовые представители рабочего класса с богатым опытом организации сельскохозяйственного производства, предполагалось развернуть масштабную «разъяснительную работу» (ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 562. Л. 180). Несмотря на относительный успех пропаганды, в сибирской деревне на рубеже 1929–1930 гг. были свежи воспоминания о продотрядах времен «военного коммунизма», и приезд представителей рабочего класса едва ли мог встретить массовое одобрение. Еще до прибытия рабочих в села начали распространяться слухи, что 25-тысячники – это «комиссары», или даже «новые помещики»: «приезжают, мол, ставленники, помещики», «едут баре с плетями вводить крепостное право» (Там же. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 222; Ф. П-3. Оп. 3. Д. 98. Л. 168; Оп. 4. Д. 418. Л. 1100; Красный треугольник. 1930. 21 июля); [Максимов, 1931; Гурович, 1931; Курейко, 1931]. Именно так в традиционном представлении крестьян воспринимались посланцы со стороны, призванные изымать продукты их труда. Жители Назаровского и Тюхтетского районов Ачинского округа говорили о приезжающих ленинградцах: «Нам нахлебников не надо».

Недовольство приездом рабочих в села имело место и в Восточной Сибири. Согласно информационной сводке от 24 февраля 1931 г., в Бурят-Монгольской АССР распространялись слухи, что «рабочие ничего в сельском хозяйстве не понимают», «прислали командовать каких-то дураков»; во время перевыборной кампании шла агитация за отвод ленинградцев из состава советов (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274).

Отмечались и случаи травли 25-тысячников, угрозы убийством, террористические акты. На совещании в Карасукском районе один из 25-тысячников сообщал: «Как только мы приехали в коммуны, нас собирались убить: адмоддел (органы милиции. – Н. Т.) это смазал, и мер район к этому не принимает» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1096). В Троицком районе ячейка партии участвовала в антисемитской травле 25-тысячника Филоновского (Там же. Л. 1097). В одной из коммун Залесовского района ленинградца «раздели», предложив ему «обменять пальто на коммунистическую тужурку» (Там же. Оп. 3. Д. 98. Л. 167). После выхода сталинской статьи «Головокружение от успехов» в марте 1930 г. нападки на 25-тысячников активизировались, принимая форму обвинений в «перегибах» или, напротив, в пособничестве по-

следовавшему роспуску некоторых колхозов. В условиях всеобщего замешательства местные руководящие органы зачастую оставляли рабочих без своего содействия (Там же. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 1. Л. 194).

Покушения на жизнь рабочих имели широкое распространение. Только в БМАССР, по информационной сводке от 24 февраля 1931 г., было выявлено три случая (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 274. Л. 6–7). Сопротивление и враждебная агитация против 25-тысячников расценивались высшими руководящими органами как «кулацкие», даже когда рабочие явно сами подрывали свой авторитет пьянством, бесчинствами, скандалами и пр. По причине «усиливающегося пьянства» в одном только Колыванском районе в августе 1930 г. райком партии намечал к отправке в Ленинград пятерых рабочих (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 61). Неподобающее поведение рабочих приводило к массовому недовольству колхозников и местных служащих (Там же. Ф. Р-627. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 230). В Черепановском районе всему населению стал известен факт совместной пьянки и драки между ленинградским рабочим и секретарем местной ячейки. В Меньшиковском районе 7 чел. подали заявления о выходе из колхоза в знак недовольства поведением ленинградского рабочего, председателя колхоза Г.П. Зрелова, который во время Масленицы совместно с группой колхозников устроил «попойку с дебошем и развратом».

В информационной сводке, составленной Рубцовским окружкомом, имеется пример «нелактичного» поведения 25-тысячника по отношению к колхозникам: на собрании по вопросу о землеустройстве председатель коммуны «Гигант» ленинградец Кошелев заявил, обращаясь к крестьянам, что живет в деревне недолго, но уже узнал, что они все «аспиды и идиоты, и рассуждать по бедняцко-батрацки не могут». В результате собрание было сорвано, т. к. даже бедняки и батраки сделали вывод, что не нужны в коммуне (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 11 об.).

Согласно оптимистическим оценкам ПП ОГПУ по Сибирскому краю, агитация против 25-тысячников в значительной степени была преодолена уже к маю 1930 г. (Там же. Л. 229). Между тем фактическое недовольство населения деревни 25-тысячниками частично сохранялось и в дальнейшем.

Группа ленинградцев, написавшая летом 1930 г. из Барнаульского округа в заводскую газету «Красный треугольник», утверждала, что хотя зимой 1930 г. «деревня бурлила» от нажима и дом, где жила одна из них, два раза поджигали, 25-тысячники в итоге «сумели заслужить авторитет у крестьян», которые сами выдвинули их на руководящую работу в колхозе (Красный треугольник. 1930. 1 июля). Заводские газеты не раз сообщали о том, что сельские и колхозные руководители благодарили предприятия за присылку 25-тысячников, т. к. с ними «стало легче работать» (Кабельщик. 1930. 7 июля; Красный треугольник. 1930. 2 апр.). Безусловно, редакции подбирали для публикации только такие письма, которые подчеркивали значение мобилизации рабочих. Вместе с тем нельзя отрицать, что относительно грамотный человек с фабрики, пройдя подготовку на курсах, в политических и организационных вопросах вполне мог оказаться сильнее местных работников и заслужить больший авторитет (тем более что последнее, как правило, выдвигались из бедноты).

В глазах колхозников, сельских активистов (в т. ч. занимавших руководящие должности в колхозах), а отчасти и единоличного крестьянства 25-тысячники являлись представителями центральной власти. Яркой иллюстрацией тому может служить эпизод в романе С. Антонова «Овраги», когда член правления колхоза, требуя от колхозников сдать последний хлеб, ссылается на требования властей: «Не мне, а вот ему, государству», – показывая на 25-тысячника Романа Гавриловича [Антонов, 1990. С. 401]. Отождествление 25-тысячников с высшими властями выставляло их перед крестьянами в выгодном свете, так как недовольство теми или иными аспектами партийной политики «неизменно сопровождалось надеждами на “мудрость партии, ...в особенности же ее центральных инстанций”, тогда как низовые органы власти имели значительно меньший престиж» [Кузнецов, 2001. С. 146–149]. В определенную часть крестьян приезд 25-тысячников действительно вселил надежду на то, что теперь у них появятся заступники перед высшими органами власти.

Нередко рабочим удавалось заслужить уважение со стороны крестьян. Ленинградец Кузьмин писал на фабрику, что основная масса колхозников «рьяно поддерживала» 25-тысячников, хотя и не отрицал случаев недовольства их действиями (Красный треугольник. 1930. 2 апр.). В характеристиках, содержащихся в Списках осени 1930 г., по отношению ко многим 25-тысячникам отмечен высокий авторитет среди колхозников или даже населения села в целом. Зафиксированы прецеденты (начало 1931 г.), когда колхозы ходатайствовали о присылке им 25-тысячников или возвращении переведенных от них на другую работу ленинградцев (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1098). Несмотря на очевидную субъективность источников в этом вопросе, нельзя отрицать, что подобные факты имели место.

Таким образом, официальная пропаганда лишь частично определяла представления крестьян и 25-тысячников друг о друге. Фактические их отношения складывались под влиянием гораздо более сложных факторов. Если для одних крестьян здесь превалировало нежелание вступать в колхозы, с которыми ассоциировались 25-тысячники, то для других рабочие представлялись заступниками перед высшими органами власти. Даже в глазах сельских активистов 25-тысячники могли выступать как существенным подспорьем в деле коллективизации, так и конкурентами и разоблачителями их «проступков» перед партией.

Сложные отношения с местными властями. Несмотря на то, что в документах крайкома ВКП(б) не раз говорилось об успехе работы 25-тысячников «под руководством сибирских партийно-общественных организаций», отношения рабочих с местными органами зачастую складывались сложно. Это было обусловлено уже самой целью кампании – обеспечить надежную опору партии на местном уровне за счет мобилизованных рабочих. Мобилизация «25 тысяч» демонстрировала сельским руководящим работникам недоверие к ним со стороны центрального руководства.

По мнению организационно-инструкторского отдела Запсибкрайкома ВКП(б), встретив вначале «достаточно чуткое и внимательное отношение», 25-тысячники во многих районах в дальнейшем оказались «предоставлены

сами себе» (Там же. Д. 38. Л. 56 об.). Обследования работы 25-тысячников, проводившиеся различными ведомствами, выявили, что нехватка руководства и отсутствие своевременного исправления ошибок рабочих влекли к повторению «проступков», а иногда даже к «разложению, вызывающему применение карательных мер» (Там же. Оп. 3. Д. 304. Л. 48). Как правило, практическая помощь 25-тысячникам со стороны районных организаций сводилась к «письменному руководству», а иногда применялись командование и угрозы (Там же. Оп. 4. Д. 419. Л. 215–216 а).

Нами проанализированы 130 писем и заявлений 25-тысячников в краевые и центральные руководящие органы (1930–1933 гг.) (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 304; Оп. 4. Д. 416, 418–420); в 32 % из них содержатся жалобы на создававшиеся в районе условия работы. Причем в половине из этих обращений рабочие выражают недовольство не только и не столько плохим снабжением и материально-бытовыми условиями, сколько противоречиями и конфликтами, возникающими у них с местными органами власти (Там же. Оп. 4. Д. 418. Л. 27, 68–97, 257–258, 411–413, 463–463 об., 751–752, 839–840 об., 901–902 об., 934–934 об., 988–992 об., 1021; Д. 419. Л. 215–216 а, 226–227, 228–230 об., 354–355 об., 364). 16 из 17 писем, содержащих недовольство районным руководством, исходят от 25-тысячников, работавших в разных районах. При этом авторы писем и заявлений, как правило, описывали не только свое положение, но и схожее положение других 25-тысячников района.

25-тысячник из Верх-Ичинского района М.Н. Николаев связывал обострение положения ленинградцев с ликвидацией округов. По его словам, из окружных центров приехали новые работники, которые по отношению к рабочим вели себя «высокомерно» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4 Д. 38. Л. 56 об.). Подобная ситуация была отмечена и в Татарском районе (ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 15. Д. 69. Л. 6). Николаев также сообщал, что препятствия в работе создавали районные колхозные объединения. При этом, по мнению самого Николаева, 25-тысячники в районе хорошо справлялись со своей работой (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4 Д. 38. Л. 56 об.).

В Восточной Сибири также отмечена масса случаев «невнимательного отношения, подсиживания и т. п.» по отношению к рабочим и «распространение разных слухов» о них (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Ф. 274. Л. 64–65).

Сибирские краевые органы расценивали неокказание достаточной помощи 25-тысячникам как проявление оппортунизма (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1100; Д. 38. Л. 57). Более того, должностные лица и члены партии, не принимавшие мер при травле 25-тысячников или непосредственно в ней участвовавшие, на протяжении всего изучаемого периода рассматривались как исполнители воли «кулачества» (Там же. Д. 418. Л. 1097, 1100; Д. 304. Л. 48). Фактически же отсутствие помощи 25-тысячникам и конкретных ответов на их вопросы со стороны районных организаций в значительной степени объясняются их стремлением уйти от ответственности, переложив ее на «посланцев пролетариата». Это стремление связано с тем, что, давая жесткие задания по хлебо- и мясозаготовкам, высшие партийные органы не определяли четко

конкретные методы их выполнения. В результате для ответственных работников увеличивалась опасность попасть под удар.

В «преступно бюрократическом отношении к нуждам 25-тысячников со стороны районных организаций» краевые партийные органы видели одну из основных причин возвращения значительного числа рабочих на производство (Там же. Д. 418. Л. 1099) и именно поэтому стремились к исправлению ситуации. Меры, которые пытались принимать Сибирский крайком (а затем и Западно- и Восточносибирский), краевая контрольная комиссия и краевая прокуратура к районам, где обнаружилось «наиболее безобразное отношение к 25-тысячникам», влияли на исправление положения, однако не в достаточной степени (о чем свидетельствуют не прекращавшиеся жалобы) (Там же).

Во многих районах отмечалось *нерациональное использование* мобилизованных рабочих. Мы уже подробно рассматривали должности, на которых в основном использовались 25-тысячники в деревне. Здесь же остановимся на тех назначениях рабочих, которые явно не соответствовали целям кампании. В Списках зафиксированы случаи использования 25-тысячников на таких должностях, как фельдшер, кладовщик. Это в значительной степени объясняется уже оговоренными причинами: сложностями взаимоотношений с местными администраторами и колхозниками. Не считая нужным делиться властью с людьми со стороны, тем более, не знающими деревню рабочими «от станка», обладавшие соответствующими рычагами власти сельские руководители порой пытались оставить 25-тысячников без реально значимых должностей. Вместе с тем на незначительные должности приходилось назначать явно неподготовленных рабочих, которые не были способны выполнять более ответственные задания.

В письмах и заявлениях 25-тысячники часто жаловались на переброски с одной должности на другую, что мешало толком освоиться с работой и создавало постоянное напряжение. Так, рабочий Г.В. Филановский писал в заявлении в Запсибкрайком, что к 15 апреля 1931 г. в Троицком районе он использовался уже на седьмой по счету должности. Подобное обращение с 25-тысячниками вполне соответствовало их мобилизационной функции, если, конечно, они были способны наладить работу на отведенном участке. В таком случае сами 25-тысячники иногда относились к частым переброскам с долей понимания.

Плохие жилищные условия и снабжение. Несмотря на распоряжения ВЦСПС и СНК СССР, формально определявшие привилегированный статус 25-тысячников (различные льготы и преимущества перед сельчанами, работавшими на тех же должностях, в снабжении и оплате труда), уже на первом этапе кампании в центральные органы стали поступать сообщения о рабочих, оказавшихся в тяжелом материально-бытовом положении (ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 28). В постановлении президиума ВЦСПС от 8 мая 1930 г. отмечалось отсутствие необходимой помощи 25-тысячникам со стороны деревенских профсоюзных организаций (Там же. Л. 22, 28–28 об.). Колхозцентру предписали вменить в обязанность местным колхозсоюзам немедленно обеспечить всех 25-тысячников жильем и дать указания на места о порядке и

нормах снабжения продовольствием и промтоварами. Местным колхозсоюзам было указано срочно выслать на соответствующие предприятия адреса всех 25-тысячников и справки об их зарплате. Профорганизации обязывались передавать в судебные органы, в Наркомторг и Центросоюз материалы обо всех случаях волокиты в выплате разницы в зарплате (Там же. Л. 28).

Ситуация с материальным обеспечением 25-тысячников в Сибири явно не отличалась в лучшую сторону от ситуации в целом по стране. По сведениям Сибкрайколхозсоюза, к маю 1930 г. в ряде округов ленинградцы не получали заработную плату со дня приезда в колхозы, а если и получали, то не более 20–30 руб. Зарплата рабочим, проходившим практику в совхозах, также высылалась нерегулярно либо вовсе не выплачивалась. Причиной служило отчасти то, что округа своевременно не сообщали на предприятия адреса командированных к ним рабочих.

Непросто у приезжавших в Сибирь 25-тысячников складывалась ситуация с жильем и с продуктами питания. Окружные колхозсоюзы не всегда откликались на призывы 25-тысячников о помощи в этом вопросе (Там же). Так, работавший в Бурятии ленинградец Звегинский сообщал: «Квартиры не имею, живу, где придется, летом в поле и юрте, зимой кое-где... Одно время жил с кулаками в одной квартире, которые работали на ломке камня» (цит. по: Информационная сводка о работе 25-тысячников в БМАССР. Верхне-Удинск. 24 февраля 1931. – ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Ф. 274. Л. 63). В с. Назарово 25-тысячник Закадинский говорил в частной беседе о себе и своем товарище, что квартиру им обещали, но не дали: «Валяемся по палатам, совершенно негде что-нибудь почитать. Два дня сидим без дров и без хлеба... Благодаря такой обстановке у нас отпадает всякое желание работать» (ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 231). В сложившейся ситуации у многих 25-тысячников возникали апатия и стремление вернуться на производство.

21 мая 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О дальнейшей работе с 25-тысячниками». Рабоче-крестьянской инспекции было поручено проверить все случаи задержки зарплаты, а также формального отношения ряда организаций к рабочим. Окружкомы и райкомы обязали тщательно ознакомиться с условиями работы каждого 25-тысячника. Заводские организации тоже должны были проверить и обеспечить командированным и их семьям предоставление всех предусмотренных законом льгот (см.: [Коллективизация сельского хозяйства..., 1957. С. 297–298]).

Колхозцентр в письме, направленном в ВЦСПС 13 июня 1930 г., выражал недовольство тем, что потребительская кооперация на местах часто отказывалась выдавать продукты рабочим (РГАЭ. Ф. Р-7446. Оп. 12. Д. 32. Л. 41). Сообщения о том, что потребительские общества отказывались отпускать товары 25-тысячникам на основании того, что они не являются их пайщиками, поступали и в сибирские краевые организации (ГАНО. Ф. Р-1055. Оп. 1 Д. 1. Л. 194).

В июне 1930 г. в округах Сибирского края партийными организациями был проведен смотр материальных и бытовых условий 25-тысячников. Смотр вскрыл плохие жилищные условия, перебои в снабжении продуктами питания

и промтоварами. Несмотря на ряд директив края о пресечении этих «безобразий», к концу лета 1930 г. они не были в достаточной мере исправлены, о чем свидетельствуют материалы очередного обследования (Там же. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1099; Д. 304. Л. 48).

Сведения о том, что рабочие, направленные в деревню, терпят лишения, продолжали поступать и в дальнейшем (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 22. Л. 53); [Белбей, 1930б. С. 55]. Это заботило руководящие органы прежде всего потому, что отрицательно сказывалось на работе 25-тысячников. 31 августа 1930 г. сектор снабжения Центросоюза СССР указал снабжать 25-тысячников и их семьи из местных средств по нормам промышленных рабочих регионов, в пределах которых они работали (ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 50. Л. 64–64 об.; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 22); [Там же].

По данным информационного отдела ОГПУ, к концу февраля 1931 г. во многих районах директивы о первоочередном снабжении 25-тысячников не исполнялись, часть рабочих по-прежнему не имела жилья (см.: [Советская деревня..., 2003. Т. 3, кн. 1. С. 629]). Остро стоял вопрос об оплате труда, которая зачастую не обеспечивала рабочим прожиточного минимума. Весной 1931 г. материально-бытовые вопросы все еще стояли на повестке всех совещаний 25-тысячников (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1099).

В 1931 г., как уже отмечалось, за 25-тысячниками сохранялось право на получение разницы между заработком в деревне и прежним окладом на производстве. Кроме того, в конце 1930 г. на 25-тысячников распространили проходившее тогда повышение заработной платы на заводах (см.: [Белбей, 1930б. С. 60]). За счет каких средств повышать доплаты 25-тысячникам, определено не было. ВЦСПС считал несправедливым возлагать всю тяжесть этих выплат на промышленность. Разницу между прежней зарплатой и зарплатой 1931 г., по мнению президиума ВЦСПС, должна была взять на себя «окрепшая за год» колхозная система (ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 15 Д. 309. Л. 130). На деле же встречались попытки местных органов занижать зарплаты 25-тысячникам в расчете на то, что завод в любом случае обеспечит ее нормальный размер: «Назначают 25-тысячника заведующим комбинатом, по их ставке он должен получать 200 р., но так как это 25-тысячник, они ему дают 30 рублей, а остальные – пусть получает разницу» (Там же). Принципиальных изменений в снабжении и финансировании 25-тысячников не произошло и к концу 1931 г. [Коллективизация сельского хозяйства..., 1957. С. 401].

Среди 130 проанализированных нами писем и заявлений 25-тысячников в краевые и центральные руководящие органы около четверти содержат жалобы на плохое снабжение и материально-бытовые условия, созданные для рабочих в районах (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418–419).

В восточносибирской деревне бытовые условия были столь тяжелыми, что даже местные 25-тысячники взымали о помощи (ГАНИО. Ф. 123. Оп. 3. Д. 11. Л. 75. Подобный пример см.: Ф. 16. Оп. 1. Д. 1448. Л. 35). Как уже отмечалось, половина мобилизованных с местных предприятий в Восточной Сибири должна была получать доплаты из окружных бюджетов. Между тем, по свидетельствам 25-тысячников, после ликвидации округов (июль 1930 г.) эти вы-

платы прекратились. Так, в конце 1930 г. Больше-Муртинский райком ВКП(б) сообщал крайкому, что четверо рабочих после упразднения Иркутского округа доплату не получали (Там же. Ф. 123. Оп. 3. Д. 11. Л. 1–4). Подобная ситуация наблюдалась и в бывшем Красноярском округе (Там же. Л. 18).

В Бурятии отдельные колхозы находились в таком удалении от цивилизации, что 25-тысячники, по словам одного из них, чувствовали себя «ссылно-каторжными» (Там же. Оп. 5. Д. 18. Л. 11–16). Слабость коммуникаций сказывалась и на получении рабочими разницы в заработной плате (Скороходовский рабочий. 1930. 4 июня).

Поскольку выплата разницы в зарплате с фабрик и заводов 25-тысячникам даже официально устанавливалась лишь до конца 1931 г., по окончании этого срока у рабочих имелись основания устремиться обратно на производство. В надежде предотвратить подобные колебания, ЦК ВКП(б) решил гарантировать оплату в прежнем размере за счет краевых организаций (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 99). Во исполнение директивы ЦК, в феврале 1932 г. ВЦСПС предложил краевым колхозсоюзам создать специальные фонды с привлечением средств отраслевых колхозцентров для выплаты разницы 25-тысячникам, работающим непосредственно в колхозах, на товарных фермах и т. д. (ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 833. Л. 1; Д. 835. Л. 32). Для работающих в районных исполкомах, сельсоветах и т. п. компенсировать разницу обязывались районы.

Для приехавших из Ленинграда рабочих одним из препятствий успешной адаптации в Сибири зачастую являлся *суровый климат*. В условиях плохого снабжения, в том числе одеждой, зимой многие из них были вынуждены мерзнуть. Если рабочий еще до мобилизации был нездоров, негативное влияние климата усугублялось. В девяти из обработанных нами деловых писем и заявлений (1931–1932 гг.) 25-тысячники выражали недовольство климатическими условиями. В одних случаях это связывалось с обострением прежних болезней, в других – с возникновением у рабочих и членов их семей новых заболеваний, вызванных сибирским климатом, таких как болезни легких, туберкулез, ревматизм и малярия (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 382–384 об., 539–540, 620, 749–749 об.). Жаловавшиеся на климат рабочие, как правило, просили отпустить их в Ленинград (здесь, как и при жалобах рабочих на различные болезни, возможны случаи, когда целью получения справки от врача был отъезд на производство) (Там же. Л. 382–384 об., 539–540, 620, 749–749 об.; Д. 419. Л. 190, 192, 290).

У 40 % авторов писем и заявлений, которые мы проанализировали, встречаются жалобы на различные *заболевания* (свои и членов семей). Помимо климатических условий и изначальной слабости здоровья причинами болезней становились перенапряжение на непривычной работе и плохие материально-бытовые условия.

Сложные семейные обстоятельства. Как было отмечено, подавляющее большинство 25-тысячников, направленных в сибирские села, были людьми семейными. Причем около половины из них имели на иждивении более одного человека. Около двух третей всех ленинградских 25-тысячников, уезжая в Сибирь, оставляли в городе семьи, еще большая часть – хотя бы кого-то из

домочадцев. Этому способствовала неопределенность, а также понимание сложности и опасности жизни в коллективизируемой деревне. Часть же иждивенцев, оставшихся в Ленинграде, рассчитывала на льготных условиях получить работу или возможность учиться.

Отрыв от семьи во многих случаях становился дополнительным препятствием адаптации, о чем свидетельствуют многие письма и заявления рабочих. Если же семья рабочего приезжала в деревню, ему приходилось прилагать большие усилия, чтобы обеспечить для нее относительно пригодные для жизни условия.

Еще одна группа факторов, осложнявших процесс адаптации 25-тысячников в деревне, – *информационные барьеры*. Опытном различного рода общественной работы обладало не более 68 % рабочих, направленных в Сибирь, причем только 17,3 % – партийной (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 29. Л. 129). Отправляясь в деревню, большинство 25-тысячников рассчитывало на четкие указания и директивы «сверху». Но эти распоряжения, даже если доходили до рабочих, не всегда оказывались понятными и легко исполнимыми. Таким образом, к плохому знанию сельского хозяйства добавлялось незнание или непонимание политики партии. В районных же организациях 25-тысячникам зачастую не помогали, аргументируя это тем, что, «раз они из Ленинграда, то все знают» (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4215. Л. 3). Одной из причин такого отношения являлось стремление переложить на 25-тысячников часть ответственности.

Перед отправкой в деревню для 25-тысячников провели специальные курсы, где разъяснялись прежде всего основные положения политики партии в области сельского хозяйства. Однако, как мы знаем, в период, когда 25-тысячники оказались в деревне, партии приходилось лавировать, делая вынужденные уступки крестьянам. Кроме того, примерный устав сельскохозяйственной артели, определявший основные принципы создания коллективных хозяйств, появился только в марте 1930 г. Рабочим, особенно малограмотным, в условиях скудости информации было весьма непросто улавливать колебания политической линии.

25-тысячник Федоров (Каменский округ) писал в газету «Красный треугольник»: «Те знания, которые мы имели, вероятно, большинство товарищей “израсходовало”. Пополнять их приходится из имеющейся литературы, которая слишком скудна... Может быть, вы скажете, что можно обратиться в вышестоящие организации, но подчас и там на наши вопросы не могут ответить... Это говорит за то, что мы должны напрячь все наши силы для приобретения более широких знаний» (Красный треугольник. 1930. 20 мая). В то же время были прецеденты, когда рабочие не признавали необходимость учиться (ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 229). Действительно, у некоторых рабочих, добровольно поехавших в деревню, имелись сложившиеся представления о том, как надо проводить коллективизацию. Но если на первом этапе кампании настроения вроде «даешь», «мы покажем», «научим» были относительно уместны, то после статьи «Головокружение от успехов» ситуация изменилась, и самые «усердные» коллективизаторы попали под обвинения в «перегибах».

Среди 25-тысячников в Сибири следует особо выделить 100 чел., трудившихся в Бурятии. Во-первых, это был самый восточный отряд из направленных Ленинградом и центральными регионами в целом. Удаленность от центра и даже от сибирских городов затрудняла связь с предприятиями и руководящими органами. Во-вторых, этим 25-тысячникам пришлось работать в национальной республике, языка которой они не знали, и многим приходилось общаться с местным населением через переводчиков.

Другая группа барьеров, создававших для 25-тысячников адаптивную ситуацию, – *индивидуальные*, куда относятся *эмоционально-психологический* и *мировоззренческий*. Мобилизованные рабочие были брошены на сложнейший участок по организации общественного сектора аграрного производства, где, по словам одного из 25-тысячников, «малейшее неловкое движение грозило гибелью» (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 103. Л. 2). В этих условиях достижение психологического комфорта, одного из важных показателей социальной адаптивности, оказалось затруднено. В связи со всеми перечисленными трудностями у некоторых 25-тысячников возникало чувство растерянности, недовольства своим положением или даже паника (ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 225, 228; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 103. Л. 2).

Выявлены случаи, когда 25-тысячники, не в силах повлиять на ситуацию в деревне, теряли веру в «колхозное строительство» (ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 227; Ф. П-3. Оп. 4. Д. 416. Л. 235–239). В условиях, когда партийные органы требовали скорейшей «добровольной» коллективизации, а крестьяне не хотели идти в колхоз, 25-тысячники оказывались в тупиковой ситуации. Так, ленинградец А.А. Васильев (Алексеевский район) говорил: «Зачем жить, когда кругом саботаж? Крестьянин в коллектив не идет, что же ты с ним сделаешь, насильно же гнать не загонишь, а партия требует, чтобы коллективизировать» (Там же. Ф. Р-627. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 228). Непосредственное участие в коллективизации и «раскулачивании» деревни в ряде случаев заставляло рабочих усомниться в правильности аграрной политики партии (Там же. Л. 227).

Несмотря на усилия, предпринятые для отбора «лучших рабочих», среди 25-тысячников оказались и те, кто изначально считал ошибочными проводимые в деревне мероприятия партии (Там же. Л. 228–229). Были среди 25-тысячников и такие, кто не готовился к сложностям, ехал в деревню, рассчитывая получить «золотые горы», возможность отдохнуть от производственной работы «на лоне природы» и «подкрепиться сибирским хлебом» (ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 221–222, 228).

По мере пребывания в Сибири у многих командированных рабочих возникали такие психологические барьеры адаптации, как усталость от напряженной работы в новой области, в непривычном ритме (без нормированного рабочего дня). Зачастую в деревне складывалась враждебная по отношению к 25-тысячникам атмосфера, и рабочим приходилось постоянно пребывать в нервном напряжении (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 103. Л. 3). Как результат, у них нередко возникали нервные заболевания, неврозы (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 304. Л. 82; Оп. 4. Д. 416. Л. 159, 179–182; Д. 418. Л. 370–371, 463–463 об., 490–490 об., 577, 628–629, 747–747 об., 761, 959–959 об.; Д. 419. Л. 134, 301).

Адаптивная ситуация для каждого конкретного 25-тысячника, как правило, складывалась в результате сочетания нескольких из перечисленных выше барьеров. Адаптироваться в этих условиях 25-тысячникам помогали нормативно-регулятивные, статусные и личностные средства адаптации. При взаимодействии с сельским населением и местными органами власти 25-тысячников воодушевляла официальная роль авангарда пролетариата, вера в значимость своей миссии преобразователей темной крестьянской массы (и в то, что соперничавшие с ними местные руководители «искривляют» политику партии). Эту веру поддерживало превосходство над крестьянами в уровне грамотности, в том числе политической, которое, как правило, имели рабочие. Привилегированный статус и отсутствие связей в деревне позволяли 25-тысячникам действовать решительно, не оглядываясь на недовольство местного населения, т. к. неоказание помощи рабочим высшие и региональные партийные органы расценивали как «проявление оппортунизма» или «исполнение воли кулачества» (Там же. Д. 304. Л. 48; Д. 418. Л. 1100).

Преодолению такого барьера адаптации как нерациональное использование способствовали статусные характеристики 25-тысячников и официальные предписания сверху. Поскольку партийное руководство рассчитывало закрепить рабочих на относительно длительный срок на ответственных должностях, частые переброски и несоответствующие назначения встречали осуждение центральных и региональных органов власти.

В случае с таким адаптивным барьером как плохие материально-бытовые условия официальные предписания имели ограниченное воздействие, поскольку, как было показано, далеко не всегда воплощались в жизнь. Вместе с тем постановления высших органов власти, направленные на улучшение материального положения 25-тысячников, создавали у рабочих впечатление, что их лишения временные и связаны с плохой работой местных организаций или направивших предприятий. Из статусных средств преодолению данного барьера могла способствовать занимаемая должность, если она хорошо оплачивалась и давала значительные привилегии (ГАНУ. Ф. 1916. Оп. 1. Д. 9. Л. 127). Но большинству рабочих приходилось ограничиваться личностными средствами, если таковые имелись. Искренне верившие в идею коллективизации ставили задачи социалистического строительства выше своих частных интересов и ради революционного преобразования отсталой деревни с готовностью терпели значительные лишения. Другие же просто мирились с необходимостью выполнять свой мобилизационный долг, невзирая на трудности, во избежание возможного наказания. Следует также учитывать, что в начале 1930-х гг. вся страна, а сельское население в особенности, оказалась в крайне тяжелой продовольственной ситуации. Непросто обстояло дело и с промышленными товарами широкого потребления. В этом контексте материальное положение 25-тысячников едва ли значительно выделяется.

В связи с тем, что получение квалифицированной медицинской помощи в условиях сибирской деревни было, как правило, невозможно, личностные средства адаптации (мотивация к работе и т. п.) и предписания руководящих

органов улучшить 25-тысячнику условия проживания и дать возможность лечиться имели ограниченное воздействие.

Преодолению информационных барьеров адаптации могли служить указания о необходимости чуткого руководства 25-тысячниками и снабжения их литературой, проведение курсов переподготовки и совещаний 25-тысячников на разных уровнях, направление рабочих на курсы председателей колхозов и т. п. Однако большое значение имела изначальная политическая грамотность, активность, способность руководить и ориентироваться в меняющейся ситуации, вера в важность своей миссии в деревне и понимание необходимости пополнять знания.

Справиться с воздействием индивидуальных барьеров адаптации помогали, главным образом, личностные средства: мотивационно-волевые и когнитивно-аксиологические. Параллельно могли использоваться поведенческие средства адаптации (разновидность личностных), в частности выпивка.

Доминирование комплекса адаптивных барьеров над позитивными средствами адаптации приводило к неспособности значительной части 25-тысячников адаптироваться в условиях сибирской деревни. Дезадаптация проявлялось в низком качестве работы, стремлении вернуться в город или переехать в другой район, а также откомандированиях на производство и самовольных отъездах. Другим показателем неуспешной адаптации являются протестные формы поведения. Среди 25-тысячников значительное распространение получили пьянство и халатное отношение к работе. Склонность к выпивке, по нашим подсчетам, была отмечена районными партийными органами почти у 20 % рабочих. Крайним проявлением разрушительной адаптации 25-тысячников стали самоубийства. Только в Западной Сибири за рассматриваемый период нами выявлено семь случаев, когда 25-тысячники пытались покончить с собой (ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 2 а. Д. 15. Л. 228; Ф. П-3. Оп. 4. Д. 304. Л. 47 об.; Д. 418. Л. 1097). Очевидным показателем низкой адаптивной способности рабочих к условиям сибирской деревни может служить тот факт, что уже к весне 1931 г. на работе в Западной Сибири осталось не более 61,5 % от изначального состава 25-тысячников (Там же. Оп. 4. Д. 418. Л. 1100).

Особенности формирования отряда 25-тысячников в Восточной Сибири имели неоднозначные последствия для их адаптации к деятельности в деревне. С одной стороны, рабочим, мобилизованным с местных предприятий, не нужно было приспосабливаться к суровым климатическим условиям, они не настолько были оторваны от дома и семьи, как ленинградцы (даже если семья оставалась на месте прежней работы). К тому же условия жизни рабочих на сибирских предприятиях были хуже, чем в Ленинграде. Поэтому ухудшение этих условий при перемещении в сельскохозяйственный сектор для рабочих-сибиряков могло оказаться не столь заметным. С другой стороны, многие из этого отряда оказались мобилизованы принудительно и сверх плана. Если первое обстоятельство усугубляло индивидуальные барьеры адаптации 25-тысячников, то второе привело к сложностям финансирования и, как следствие, к материально-бытовым затруднениям.

Феномен 25-тысячников ярко характеризует использование большевистским партийным государством директивных методов в сфере управления путем мобилизационной переброски необходимых кадровых ресурсов на проблемные участки системы для решения широкомасштабных хозяйственно-политических задач в сжатые сроки и экстраординарными мерами. Начавшаяся после ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК партии кампания имела, помимо ярко выраженной идейно-политической окраски, социально-профессиональную директивную установку (обозначив особый приоритет рабочих в преобразовании деревни), что также носило пропагандистскую направленность. От обычных кадровых кампаний данная отличалась не только публичностью и масштабностью, но и форсированными сроками проведения, отсутствием практического опыта массовой организации колхозов в сочетании с резко обострившимся социальным напряжением в деревне. Руководство страны полагало, что привилегированный статус, которым оно наделило мобилизуемых рабочих, и отсутствие связей в деревне позволят 25-тысячникам действовать решительно, не оглядываясь на недовольство сельского населения проводимыми преобразованиями и их методами. То, что кампания частично финансировалась предприятиями, позволило партийным лидерам привлечь дополнительные ресурсы для проведения коллективизации за счет промышленности.

В соответствии с целями кампании вербовку рабочих для участия в форсированном преобразовании деревни предполагалось провести на добровольной основе. Однако в условиях дефицита времени фактически приходилось прибегать к разнарядке, сделав ядром призыва членов партии в привычной для них форме кадровой мобилизации. Принцип добровольности не мог быть реализован во всем объеме, поскольку стояла задача отсеять тех, кто имел «корыстные побуждения», «неподходящее» происхождение и прошлое, не обладал требуемым для участия в кампании общественно-политическим опытом и т. д. Базовые критерии для прохождения отбора не отвергали принципа добровольности, но существенно его лимитировали. Даже те рабочие, которые с готовностью откликались на призыв партии, воспринимали его как мобилизацию «на фронт коллективизации», то есть акцию добровольно-принудительную.

Исследование показало, что, проводя мобилизационную кампанию, директивные органы, центральные и краевые, имели завышенные ожидания, рассчитывая ее на двухлетний период. Получив в свое распоряжение дополнительный кадровый ресурс, региональные органы власти стремились максимально использовать мобилизационный потенциал 25-тысячников, препятствуя в 1930 и даже в 1931 г. их возвращению на производство. Испытание управленческой работой длилось вплоть до осознания местной номенклатурой того, что оставлять 25-тысячника в деревне не только не целесообразно, но и вредно для дела. Отсев неспособных или скомпрометировавших себя своей деятельностью и поведением мобилизованных рабочих осуществлялся в Сибирском регионе непрерывно, но непрерывным был и встречный процесс их закрепления в деревне. Кадровая мобильность (и восходящая, и нисходящая) протекала в среде 25-тысячников с высокой интенсивностью. При этом если в 1930 г. абсолютное большинство 25-тысячников было «брошено» на руководящую колхозную рабо-

ту, то в дальнейшем региональные партийные органы стремились использовать прибывших рабочих как мобильный резерв для замещения в широком диапазоне управленческих должностей местного звена.

Поскольку отправке «25 тысяч» рабочих в деревню придавалось большое политическое значение, вопросы руководства мобилизованными, связи с ними и их материального обеспечения разрабатывались партийно-советскими органами довольно тщательно. Это способствовало формированию у самих 25-тысячников представления о себе как некой привилегированной группе. Фактическая же реализация обещаний, данных 25-тысячникам, требовала больших организационных и материальных затрат, которые в экстремальных условиях первой пятилетки обеспечить было сложно. Для руководства партии принципиальной являлась результативность мобилизационных функций 25-тысячников, и с этой целью оно регулярно публиковало постановления о необходимости создания нормальных условий жизнедеятельности для мобилизованных рабочих, перелагая практическую реализацию этих постановлений на региональные и районные структуры, не обладавшие для этого достаточными материальными и финансовыми средствами. Партийно-государственное руководство, развертывая данную кампанию, фактически не рассчитало ее длительность, ресурсоемкость и последствия для участников, бросаемых в экстремальные условия коллективизируемой деревни.

В рамках поведенческой типологии рабочие, прибывшие советизировать крестьянство, демонстрировали как крайние полюса активизма (протестного активизма и активизма в выполнении своих функций агентов власти), так и «умеренное» поведение. Протестные, асоциальные формы поведения, которые продемонстрировала определенная часть 25-тысячников уже по приезду в регион (пьянство, грубость, халатное отношение к работе, самовольные отъезды из деревни, самоубийства и т. п.), имели двойственную природу. С одной стороны, они стали результатом неспособности многих промышленных рабочих адаптироваться к условиям жизни и работы в селе. С другой стороны, эта асоциальность поведения отражала то, что, несмотря на усилия, предпринятые партийными и профсоюзными органами при вербовке рабочих, часть 25-тысячников обладала низким культурным уровнем и не имела глубокой мотивации для работы в деревне.

Оказавшись в обстановке фактически развернувшейся в деревне социальной войны, 25-тысячники попадали в тяжелое положение, не только в материально-бытовом плане, но и в психологическом. Трудиться, как правило, приходилось не от звонка до звонка, как в промышленности, а от зари до зари, занимаясь непривычной для большинства 25-тысячников руководящей хозяйственной и организационно-политической работой. Не имея четкого представления о сроках своего пребывания в деревне, рабочие «от станка» находились в маргинальном положении временных «постоянных кадров» (последнее словосочетание нередко применялось по отношению к 25-тысячникам в отличие от участников шефских кампаний города над деревней и т. п.). Формально привилегированный статус и некоторые финансовые преференции в оплате труда, которыми наделялись 25-тысячники, создавали для

них проблемы, не позволявшие им органично влиться в ряды сельских руководителей. Возникновение конфликтов между местными и присланными руководящими кадрами было заложено уже в самой идее кампании (сформировать политически надежную управленческую опору в деревне за счет отряда пролетариев, в противовес местной верхушке). Противоречия с местными руководящими органами и стремление последних переложить на 25-тысячников ответственность за допущенные на местах просчеты приводили к тому, что рабочие нередко оказывались в двойной изоляции, «снизу» и «сверху». В ходе лавирования руководства партии между форсированием и сдерживанием темпов коллективизации 25-тысячникам постоянно приходилось подвергаться обвинениям в «перегибах» как «левого», так и «правого» толков.

С участием в создании массового колхозного движения рабочие связывали надежды не только на подтверждение и укрепление, но и на повышение своего социального статуса. Благодаря анализу корпуса источников, отразивших сведения о жизненных путях рабочих, нами были получены сведения о карьере тех 25-тысячников, у которых она складывалась относительно успешно. Выдвижение в ряды 25-тысячников, а также образование, доступ к которому расширился для участников кампании, давали возможность роста в сфере управления. Уже к 1933–1934 гг. большинство из тех, чей жизненный путь удалось проследить, по социальному статусу являлись не промышленными рабочими, а служащими и руководящими работниками сельскохозяйственной и производственной отраслей или частью партийно-советской номенклатуры. Вернувшиеся в город после года и более работы в деревне на легальной основе, с разрешения региональных органов, зачастую также использовались на руководящих должностях. В то же время самовольно вернувшихся домой ожидали дискриминационные меры, выговоры и всевозможные публичные порицания.

Проведенный выше анализ позволяет установить, что мобилизованные рабочие рассматривались как агенты власти для осуществления форсированной советизации деревни с приоритетом создания колхозной системы. В целом 25-тысячники оказались универсальной кадровой силой, потенциал которой в определенной степени не соответствовал возлагавшимся на данную группу полномочиям. В силу действия объективных и субъективных факторов, только около половины прибывших в регион рабочих-выдвиженцев преодолели трудности и барьеры адаптационного процесса, став на недолгий период одним из источников формирования новой генерации сельской номенклатуры. Мобилизационный потенциал 25-тысячников оказался фактически исчерпан к 1933 г., что в известной мере подтвердилось проведением новой социально-мобилизационной кампании по созданию в сельской местности политотделов МТС и совхозов.

Приложение 1

Динамика численности 25-тысячников. На материалах 29 районов*

Район	В Списке (осень 1930)	Из них оставлено после отбора в этом районе	То же, в % от количества в Списке	Также оставлено в Сибири	Количество 25-в ЗСК на 1 июля 1931 г	Количество 25-в ЗСК на 1 сентября 1931 г	Количество 25-в ЗСК на 1 января 1932 г	То же, в % от количества в Списке осени 1930 г.	В Списке января 1932 г.	То же, в % от количества в Списке осени 1930 г	Из них в этом районе с 1930 г.	Прибыли из... района
Бердский	14	6	43	3	8	5	5	42,8	6	43	5	1 Сро- стин-ский
Бийский	18	17	94	1	17	13	7	44,4	8	44	5	
Боготольский	2	2	100		3	2	2	200	4	200	1	1 Михай- ловский
Вассинский	16	12	75		10	11	11	43,7	7	44	6	
Волчихинский	25	19	76	3	—	13	13	40	10	40	9	8, но 2 не вернулись из отпус- ка
Завьяловский	5	5	100		5	3	3	20	1	20	1	
Змеиногорский	15	12	80	2 в Крайком	14	14	14	40	6	40	4 (6)	1 Крути- хинский
Итатский	4	4	100		—	3	3	75	3	75	3	
Каменский	5	4	80	1	2	5	5	100	5	100	2	2 Петро- павлов- ский
Карасукский	9	8	89	1	8	15	15	33,3	3	33	1	
Локтевский	25	23	92	2 в СКК	24	18	18	44	11	44	8	1 Ново- омский
Любинский	9	9	100		9	—	8	55,5	5	56	4	
Немецкий	10	9	90	1	—	9	7	50	5	50	5	3 Благо- вещен- ский
Ойротия	12	12	100		11	—	6	91,6	11	92	9	
Ордынский	10	7	70	1	4	3	3	20	2	20	2	1 Покров- ский
Покровский	18				16	16	16	66,6	12	67	11	
Поспелихинский	18	16	89	1	—	9	9	55,5	10	56	10	2 Кип- ринский
Родинский	25	19	76	2 + 1	7 (?)	—	10	60	15	50	10	
Рубцовский	39	26	67	2; о 4 нет св.	—	20	20	28,2	11	28	10	1 Верх- Ичинский
Саргатский	5	4	80	1	3	4	4	80	4	80	3	
Старо- Бардинский	4	3 (4)	75	1 (0)	4	5	5	125	5	125	2	1 Срос- тинский
Тогульский	15	14	93		—	3	4	33,3	5	33	5	
Тюкалинский	11	8 (9)	73 (82)		6	3	3	72,7	8	73	8	2 Кип- ринский
Тюменцевский	6				4	2	2	83,3	5	83	2	
Угловский	22	16 (22)	73 (100)	4 + 1, 1 нет св.	23	11	11	40,9	9	41	5	1 Кули- ков-ский (?)
Ужурский	22	15	68		10	8	8	36,4	8	36	8	
Хабаровский	21	16	76	2	10	7	7	38,1	8	38	6	1 Щеглов- ский
Черепановский	13	12	92	1 в Колхоз- центр	8	6	6	46,2	6	46	6	
Щегловский	6	6	100		5	3	3	83,3	5	83	1	
Всего	404	304 (312)	83 (86)	22	211 (по 23)	211 (по 26)	228	60,5	198	49	151 (76 % от остав-шихся)	

* Составлено по: ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 304; Оп. 4. Д. 416, 418, 419.

Приложение 2

**Распределение 25-тысячников по должностям в 1930–1937 гг.
(по материалам личных дел)***

Занимаемая должность	Годы						
	1930	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Председатель колхоза	61	3					
Член правления кустового объединения колхозов	1						
Член правления колхоза	10						
Всего на низовой руководящей колхозной работе	70	3					
<i>Доля (%)</i>	65	4					
Председатель РКС	3	2					
Зампредседателя РКС	3	2					
Член правления РКС	2	1					
Инспектор РКС		1					
Инструктор РКС	2	1					
Всего на работе в РКС	10	7					
<i>Доля (%)</i>	9	10					
Секретарь парткома МТС		1	1				
Председатель КК РКИ	1	1					
Член правления РК ВКП(б)	1						
Зав. отделом РК ВКП(б)		3	2	1			
Секретарь РК ВЛКСМ	1						
Помощник начальника политотдела по комсомолу					1	1	1
Редактор районной газеты	1	2	1	1	2		
Редактор газеты политотдела МТС				1 ¹			
Зав. женсектором РК ВКП(б)		1					
Инструктор РК ВКП(б)				2 ²	1		
Массовая парт. работа на заводе (вр. в Ленинграде)		1	1				
Секретарь ячейки ВКП(б)	1 ³	4	2				
Партработа в колхозе (должность не указана)	2						
Зав. отделом ячейки ВКП(б) колхоза	1						
Политрук школы трактористов			1	1			
Политрук среди технической интеллигенции, рудник					1	1	
Парторг в штольне, рудник						1 ⁴	
Всего на партработе	21	13	8	5	5	2	1
<i>Доля (%)</i>	20	18	16	12	21	20	25
Директор МТС		4	3	3	2	1	
Зам. директора МТС	3	3	3	1	1		
Работа по организации МТС	1						
Помощник директора МТС		1	1				
Директор МКС	2						
Директор МТС коммуны	1						
Зав. ремонтной мастерской в МТС (МТМ)		1	1	2			
Нормировщик МТМ			1				
Всего в МТС	7	9	9	6	3	1	
<i>Доля (%)</i>	7	12	18	18	13	10	
Директор совхоза		7	3	1	1	1	1
Зам. директора совхоза		4	6	5	2	1	1
Помощник директора совхоза		3	1				
Управляющий фермой (отделением) совхоза		3	5	1	1	1	
Зав. мастерской в совхозе		1	1				
Контролер в совхозе		8	4				
Всего на совхозной работе		26	19	6	4	3	2
<i>Доля (%)</i>		37	39	18	17	30	50

¹ После учебы в ВСХШ (1931–1934 гг.).

² Один из них в середине 1934 г. перешел с работы зав. отделом РК ВКП(б).

³ Из них 4 чел. совмещенно.

⁴ В 1936 г. перешел с работы политрука среди технической интеллигенции.

Зам. председателя РИК	1		2	2	1		
Уполномоченный РИК							
Председатель райплана			1				
Зав. орготделом окрпрофсовета ⁵		1					
Председатель райпрофсовета			1	1	1		
Председатель рабочкома МТС и батрачества			1	1	1		
Инспектор районного земельного отдела			1				
Инспектор массовых платежей РайФО					1		
Председатель сельсовета	1	2					
Всего на советской работе	2	3	6	5	5		
Доля (%)	2	4	12	21	21		
Директор маслозавода, маслокомбината	1	1				1	
Директор льнозавода				1			
Директор инкубаторно-птицеводческой станции		2	1	1	1		
Директор пивзавода				1 ⁶	1		
Директор УНТП «Садотрест»			1				
Зав. конторой райобживферм		1	1	1 ⁷			
Управляющий раймаслопрома			1				
Помощник управляющего по рабочему снабжению на руднике				1			
Председатель завкома, завод «Светлана»		1	1				
Десятник шахты ⁸		1	1				
Зав. магазином				1 ⁹			
Всего на руководящей работе в производственной сфере	1	6	5	5	2	1	
Доля (%)	1	8	10	15	8	10	
Инструктор Запсибкрайсовпрофа						1	
Руководитель территориального сектора (пом. начальника животноводческого управления) Запсибкрайзу				1			
В Запсибкрайзу (должность не указана)					1		
Начальник отдела кадров Овцеводтреста, Новосибирск		1			1 ¹⁰		
Начальник отдела кадров, «Трест-связь», Ленинград							
Директор НИИ питания, Крайздрав		1					
Начальник Чистозерной краевой школы комбайнеров				1	1	1	1
Уполномоченный краевой конторы «Востоксталь»							
Уполномоченный Молокоцентра		1					
Всего в краевом аппарате		3		2	1	2	1
Доля (%)		4		6	4	20	25
Учащиеся ¹¹		7	7	10	5		
Доля (%)		10	14	30	21		
Прочие		2	1	1			
Доля (%)		3	2	3			
Народный следователь		1					
На военной службе		1	1	1			
Нет сведений о должности	2					1	
ИТОГО:	107	71	49	33	24	10	4
Доля (%)	100	100	100	100	100	100	100

* Составлено по: ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15.

⁵ г. Колпашево, Нарымский округ.

⁶ В 1934 г. перешел с работы зам. директора совхоза.

⁷ На этой должности проработал менее года и уже в 1934 г. перешел на должность руководителя территориального сектора Запсибкрайзу.

⁸ В тот же год перешел на работу помощником управляющего по рабочему снабжению на руднике.

⁹ В 1934 г. перешел с работы помощника управляющего по рабочему снабжению на руднике.

¹⁰ После службы в армии; в тот же год перемещен обратно в Сибирь в качестве помощника начальника политотдела по комсомолу (Горбачев Б.И.).

¹¹ Студенты Высшей сельскохозяйственной школы, Института народного хозяйства и т. п.

Раздел 3

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ

Д.Д. Миненков

КРАСНАЯ АРМИЯ КАК МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА»

Постановка проблемы

Обращаясь к истокам возникновения идей построения мобилизационных моделей в Советской России, необходимо отметить, что они не появились сами по себе, а имели под собой серьезную теоретическую базу. Создаваемую после Октябрьской революции модель социально-экономического развития страны большевики определяли как «социалистическую», взяв за основу теоретические разработки К. Маркса. Именно здесь находятся базовые положения, заложенные в фундамент модели, основанной на командно-административных методах, различных мобилизациях, принудительном труде.

Не случайно в концепции этой модели одно из ключевых мест занимает идея всеобщей трудовой повинности. Теоретическим обоснованием этой идеи большевики начали заниматься в канун революции. В.И. Ленин, основываясь на положениях учения Маркса о труде, считал трудовую повинность важным звеном в общей цепи мероприятий, необходимых для осуществления социализма. В известной работе «Государство и революция» он писал: «...насуточный и злободневный вопрос сегодняшней политики: ...превращение всех граждан в работников и служащих одного крупного "синдиката", именно: всего государства...» [Ленин, 1966. Т. 2. С. 305]. После революции активное участие в разработке вопросов теории и практики проведения всеобщей трудовой повинности приняли Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Д.Б. Рязанов, М.П. Томский, Л.Д. Троцкий и др. Они разделяли партийную идею о необходимости всеобщей трудовой повинности, хотя их взгляды на формы и методы ее проведения были различны.

Всеобщая трудовая повинность была провозглашена в январе 1918 г. в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, а закон о ее введении принят ВЦИК 22 апреля того же года. Конституция РСФСР 1918 г. закрепила Положение о трудовой повинности. Такой подход стал одной из главных причин того, что весь период существования в России (СССР) «социалистической» системы мобилизационные методы являлись правилом, а не исключением.

В истории нашей страны в XX в., когда в концентрированном виде проявились все черты мобилизационного типа экономики, не считая военных, следует выделить периоды «Большого скачка» (1930-е гг.) и восстановления на-

родного хозяйства, разрушенного Второй мировой войной, на который также пришлось и втягивание страны в гонку вооружений. Обоим периодам отечественные исследователи уделили должное внимание. По доступным в 1960–1980-е гг. историческим источникам изучены и описаны многие аспекты социально-политического и экономического развития страны в сталинский период. Однако в силу недоступности немалой части архивных материалов и идеологического давления исследователи в эти годы не могли в полной мере изучить и описать такие проблемы, как создание и развитие системы принудительного труда в СССР, фактические масштабы и формы участия военной организации в решении внутренних социально-политических и экономических задач государства. Ныне эти препятствия в основном устранены, что дает возможность изучить и ввести в научный оборот материалы, ранее практически не исследованные.

Привлечение армии к решению внутригосударственных задач в 1930-е гг. представляет особый интерес. Участие Красной армии в хлебозаготовках, «раскулачивании», подавлении крестьянских выступлений, подготовке колхозных кадров и строительстве красноармейских переселенческих колхозов (красколхозы) до последнего времени остаются малоизученными сюжетами.

В последние годы появились отдельные работы, в той или иной степени затрагивающие вопросы вовлечения Красной армии в процесс «социалистического переустройства» советской деревни. Среди них отметим монографии Э.А. Васильченко [2008] и Ю.В. Пикалова [2003], в которых на основе анализа широкого круга вводимых в научный оборот архивных источников о дальневосточных переселенческих кампаниях фрагментарно описывается картина участия армии в сельскохозяйственном освоении края в 1920–1930-е гг. Однако создание и развитие красколхозов, их экономика и социальные аспекты жизни обозначены в данных работах только в общих чертах.

Необходимо отметить и работы Н.С. Тарховой, которой на источниках РГВА удалось глубоко проанализировать и комплексно показать место и роль Красной армии в социальной и политической системе режима, дать оценку ранее не описанным фактам участия РККА в «раскулачивании» и депортациях крестьян и казаков, хлебозаготовительных кампаниях, колхозном строительстве (см.: [Тархова, Романо, 1996; Тархова, 2005; Армия и крестьянство..., 2006]).

Новаторский характер имеет монография Н.С. Тарховой «Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг.» [2010], где логически выстроены и описаны практически все направления участия Красной армии, органов и войск ОГПУ в «социалистическом переустройстве» деревни и воздействии на советский социум. В силу специфики многоплановой работы некоторые направления оказались описаны в основном на макроуровне. Это характерно для большинства современных исследований. Такие проблемы, как строительство и судьбы красноармейских переселенческих колхозов (особенно в пограничных полосах (погранполосах)), Особый колхозный корпус ОКДВА и некоторые другие, требуют дальнейшего исследования и детализации на микроуровне.

Организация красноармейских колхозов представляет особенный интерес и ввиду многоплановости проблемы. Создавая такие колхозы, режим решал

целый комплекс необходимых в период «Большого скачка» задач: развитие и укрепление колхозного движения путем создания образцовых красноармейских хозяйств; перемещение больших масс переселенцев, прошедших военную выучку и идеологическую закалку в рядах Красной армии, в малозаселенные (или обезлюдившие) стратегически важные регионы; замещение депортируемых «кулаков», казаков, «социально опасного элемента» и др.

В настоящей работе в хронологической последовательности показаны основные направления и этапы вовлечения Красной армии, как инструмента социально-экономических мобилизаций сталинского режима, в решение задач «социалистического преобразования» советской деревни периода «Большого скачка». Для того чтобы понять причины вовлечения Красной армии в социально-экономические процессы государства остановимся на анализе военно-политической и социально-экономической ситуации, сложившейся в 1930-е гг. как внутри страны, так и на ее рубежах, рассмотрим место и роль Красной армии в общественно-политической жизни общества.

Период с конца 1920-х гг. по конец 1930-х гг. характеризуется обострением военно-политической ситуации в Дальневосточном регионе. Приход к власти в Китае Чан Кайши в 1928 г. и советско-китайский военный конфликт на КВЖД (1929 г.), послужили основанием для наращивания группировки советских войск на Дальнем Востоке. 10 июля 1929 г. отряды маньчжурских войск и белогвардейцев, нарушив существовавшие советско-китайские соглашения о совместном управлении КВЖД, захватили ее, подвергли разгрому профсоюзы и арестовали более 200 советских граждан. Одновременно маньчжурские войска стали сосредотачиваться у советской границы, обстреливать наши пограничные заставы и населенные пункты. Неоднократные протесты правительства СССР против провокационных действий маньчжурских властей не привели к ожидаемым результатам. Были приняты дополнительные меры для защиты границы.

К началу октября 1929 г. в распоряжении маньчжурского правительства Чжан-Сюэяня находилась т. н. Мукденская армия численностью около 300 тыс. чел., отряды белогвардейцев (до 70 тыс. чел.), Сунгарийская военная флотилия в составе 11 боевых кораблей. Сосредоточены они были в основном на четырех направлениях: забайкальском (ст. Маньжурия, Хайлар, Цицикар) – около 59 тыс. чел., 107 пулеметов, 70 орудий, 100 бомбометов, два бронепоезда и три самолета; благовещенском – до 5 тыс. чел.; сунгарийском – свыше 5,5 тыс. чел., 26 пулеметов, 20 орудий и 16 бомбометов; приморском – 63 тыс. чел., 200 пулеметов, 120 орудий, 110 бомбометов.

Группировка советских войск на Дальнем Востоке состояла из двух стрелковых корпусов, переброшенных туда в срочном порядке из Сибирского военного округа (один – в Забайкалье, другой – в Приморье), а также из ряда других частей и соединений. Из этих войск приказом РВС СССР от 7 августа 1929 г. была образована Особая дальневосточная армия под командованием В.К. Блюхера, в состав которой вошла Дальневосточная флотилия. Следует заметить, что советские действующие войска (18 521 чел.) по их численности на каждом из направлений в 3–5 раз уступали действующим войскам против-

ника, но превосходили их в военно-техническом и морально-политическом отношениях.

Разгром группировки маньчжурских войск был осуществлен Особой дальневосточной армией в период с 12 октября по 20 ноября 1929 г. в трех последовательных наступательных операциях: Сунгарийской (12 октября – 2 ноября), Мишаньфуской (17–18 ноября) и Маньчжуро-Чжалайнорской (17–20 ноября). Во время боевых действий противник понес большие потери убитыми, ранеными и пленными. Например, в районе станций Маньчжурия и Чжалайнор советские войска захватили в плен свыше 8 тыс. солдат и 300 офицеров Мукденской армии. Только личным составом 35-й стрелковой дивизии в период боев с 17 по 19 ноября 1929 г. было взято в плен 42 офицера и 998 солдат противника. Там же после окончания боевых действий было захоронено 1 035 убитых солдат и офицеров Маньчжурских войск.

1 декабря 1929 г. маньчжурское правительство Чжан-Сюэляна вынуждено было начать переговоры о мире, а 22 декабря в Хабаровске состоялось подписание советско-китайского соглашения о восстановлении прежнего положения на КВЖД. После этого советские войска были отведены с маньчжурской территории.

В боевых действиях против маньчжурских войск с советской стороны принимали участие: в октябре – 2-я Приамурская дивизия, Дальневосточная флотилия и две авиационные эскадрильи Приморской группы; в ноябре – 21, 35 и 36-я стрелковые дивизии, 5-я кавбригада, Бурятский кавдивизион, 6-й и 25-й авиаотряды Забайкальской группы. За успешные действия в этом конфликте Особая дальневосточная армия была награждена орденом Красного Знамени и стала именоваться Особая Краснознаменная дальневосточная армия (см.: [Гриф секретности снят..., 1993. С. 63–65]).

Оккупация Японией Маньчжурии в сентябре 1931 г. и захват основных промышленных и сельскохозяйственных районов Китая в 1937–1939 гг., а затем вооруженные столкновения японской Квантунской армии с частями Красной армии в районе оз. Хасан (1938 г.) и в районе р. Халхин-Гол (1939 г.) создали обстановку реальной военной опасности для СССР на его дальневосточных рубежах. В целях сдерживания китайской, а впоследствии и японской военной угрозы группировка советских войск на Дальнем Востоке в течение 1930-х гг. постоянно наращивалась. В эти годы в составе ОКДВА было 15 стрелковых дивизий, три стрелковых и два строительных корпуса, Тихоокеанский флот, Амурская военная флотилия; большое количество кавалерийских, танковых, артиллерийских, зенитных, авиационных и других соединений. К началу 1937 г. на Дальнем Востоке было сосредоточено 25 % всех сухопутных войск РККА общей численностью 83 760 чел. Было принято решение направить сюда в течение 1938 г. дополнительно еще 105 800 чел. [Песков, 2000. С. 103–110, 111, 114].

Активное развитие оборонной инфраструктуры и наращивание группировки советских войск в дальневосточном регионе, в свою очередь, требовало перемещения на Дальний Восток значительного количества трудовых ресурсов как для промышленного, транспортного строительства, так и для обеспечения края сель-

скохозыистойной продукцией*. Кроме того, требовалось заселить «благонадежным контингентом» слабозаселенные приграничные районы. Одновременно с этим, в связи с нарастающим со второй половины 1929 г. экономическим кризисом в странах Запада, сталинское руководство провозглашает в Коминтерне тезис о возрастании агрессивности империализма в период кризисов, а значит, о приближении возможности войны и революции. Все это послужило как основанием, так и обоснованием начала форсированного развития военно-промышленного комплекса и укрепления вооруженных сил. Официальными средствами пропаганды в стране начинает нагнетаться обстановка военной угрозы, проводятся «недели обороны», разворачиваются различные общественные движения в поддержку и укрепление армии и т. д. На протяжении 1930-х гг. существенно увеличивается военный бюджет, возрастают численный состав и боевая оснащенность армии.

Мировые процессы оказывали непосредственное воздействие на внутреннее развитие СССР. Необходимость преодоления технико-экономической отсталости страны при отсутствии внешних источников накопления, сегментации мирового рынка, затруднявших использование преимуществ международного разделения труда, при постоянной угрозе новой мировой войны, а также «доктринальное нетерпение» подталкивали советских лидеров к всемерной мобилизации внутренних ресурсов для ускорения индустриализации, создания развитого военно-промышленного комплекса. Это, в свою очередь, способствовало резкому увеличению «перекачки средств» из сельского хозяйства в промышленность, «затягиванию поясов» в социальной сфере и «закручиванию гаек» в политике, усилению давления идеологического пресса в пропаганде и в духовной культуре в целом.

Введение с 1928 г. методов «военного коммунизма» в ходе хлебозаготовительных кампаний, форсирование темпов коллективизации и проведение ее принудительным порядком, переход к политике «ликвидации кулачества как класса» дестабилизировали обстановку в деревне. Насильственная коллективизация встречала растущее сопротивление крестьянства. Начались крестьянские волнения. Так, в 1928 г. только зарегистрированных ОГПУ массовых крестьянских выступлений против насильственного изъятия хлеба насчитывалось 711, в 1929 г. – 1 307, в 1930 г. – 13 754 (в т. ч. против насильственной коллективизации) (см.: [Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 787–788]).

Особенно широкий размах получили антиколхозные выступления на Северном Кавказе, на Средней и Нижней Волге, в Центральной Черноземной области, Московской области, республиках Средней Азии и других местах. В последующем, в большинстве именно этих районов численность крестьян значительно уменьшится в результате их насильственного выселения, гибели

---

* С 1926 по 1939 г. население Дальнего Востока возросло на 1 688 698 чел., в т. ч. естественный прирост составил только 426 198 чел., а механический – 1 262 500 чел. – См.: [Платунов, 1976. С. 188].

и бегства от голода*, именно в сторону этих районов повернется вектор внутреннего сельскохозяйственного переселения (в т. ч. красноармейского) в европейской части СССР. Все крестьянские выступления были либо локализованы местными партийными, советскими и милицеейскими работниками, либо подавлены войсками ОГПУ. В исключительных случаях, только с разрешения РВС СССР и РВС военных округов к этому делу могли привлекаться армейские части. Кроме открытого активного сопротивления, крестьяне сопротивлялись и пассивно – производили массовый убой скота, стремились ликвидировать свои хозяйства и перебраться в более благоприятные районы либо в города, завербоваться на новостройки.

Красноармейский фактор в переселенческой и аграрной политике

Переход на новую (сталинскую) концепцию управления процессами развития народного хозяйства в конце 1920-х гг. обусловил и новый подход к решению переселенческого вопроса. Отныне важнейшей задачей становится подчинение процесса перемещений крестьянских масс общему плану реконструкции народного хозяйства страны, а необходимость разрежения сельскохозяйственного населения в малоземельных районах европейской части СССР выступает здесь как благоприятное, сопутствующее осуществлению этой задачи обстоятельство.

Курс на коллективизацию сельского хозяйства повлек за собой также изменение организационных форм переселенческого движения. Проводя в жизнь решения XV съезда ВКП(б), ЦИК и СНК СССР 18 января 1928 г. приняли постановление «О задачах переселения, его организации, основах составления планов переселения и о порядке финансирования переселенческих мероприятий» (СЗ СССР. 1928. № 8. Ст. 53). Положениями этого постановления органам Наркомата земледелия (НКЗ, наркомзем) предписывалось в первую очередь удовлетворять заявки на переселение сформированных колхозов и выделять кредиты на приобретение имущества и посевов у крестьян, выезжающих в составе колхозов.

Решением правительства в начале 1929 г., наконец, был снят ограничительный ценз по имущественному положению крестьян, подающих заявки на переселение. Государство позволило широким слоям малоимущих крестьян включиться в миграционный процесс и обеспечивало им материальную поддержку, но при условии организации их в колхозы. Главными отличительными особенностями переселенческого движения в 1928/29 г. стали переход от единоличной формы переселения к колхозной и изменения в социальном составе переселенцев в сторону увеличения маломощных слоев.

Однако со второй половины 1929 г., в связи с наращиванием темпов сплошной коллективизации и развертыванием массовых вербовок на про-

---

* С осени 1932 г. по апрель 1933 г. население СССР сократилось на 7,7 млн чел., в т. ч. на Украине на 4 млн, по 1 млн – на Северном Кавказе, в Поволжье и Казахстане. – См.: [Ивницкий, 1996. С. 224].

мышленное строительство, плановое переселение единоличных крестьян в многоземельные районы было закрыто. В конце 1929 г. Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР (ВПК) разослал наркомземам союзных республик циркуляр «Об организации работы по объединению переселенцев в производственные коллективы». В нем плановое переселение прямо рассматривалось как явление, призванное способствовать реорганизации сельского хозяйства страны на началах коллективизации и обещающее дать большой хозяйственный эффект на двух направлениях – освоения необходимых пространств и ослабления аграрной перенаселенности ряда районов (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2). На государственный бюджет принималось переселение и устройство только колхозов в местах выхода.

В постановлении расширенного заседания коллегии НКЗ СССР совместно с республиканскими земельными органами «Об основных установках и о плане переселенческих мероприятий 1929–1930 года на фондах общесоюзного значения» от 29 января 1930 г. отмечалось: «Ввиду необходимости полностью обеспечить в финансовом отношении широко развернувшееся переселение образуемых на местах выхода переселенческих колхозов, признать необходимым сократить расходы государства по индивидуальному переселенческому сектору, разрешая переселение в индивидуальном порядке за счет самих переселенцев на места, специально отведенные переселенческими органами. Работы по подготовке фондов для индивидуальных хозяйств ограничить лишь землеотводными действиями. Выдачи ссуд индивидуальным переселенческим хозяйствам прекратить. Предложить НКЗемам Союзных Республик проводить подбор переселенцев по нарядам Переселенческого Управления и только в гнездовом порядке, образуя на местах выхода крупные колхозы из бедняцко-середняцкой части села, с возможно большим вовлечением в них демобилизованных красноармейцев». Этим же постановлением предписывалось в 1929–1930 гг. переселить и хозяйственно устроить на подготовленных для этого фондах 100 130 переселенцев, а переселение индивидуальных хозяйств, зачисливших землю в 1929–1930 г., приостановить, обязав НКЗ РСФСР, УССР и БССР уведомить об этом заинтересованное население. Всего на переселение на общесоюзные земельные фонды в 1929/30 г. было отпущено 32 млн руб. На 1930/31 г. планировалось подготовить новый переселенческий фонд для заселения 189 тыс. чел. (ГАНУ. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 577. Л. 37–40). Операционный план по переселению в 1930/31 г. был проработан НКЗ СССР в сумме 179 млн руб.

Однако финансовая ситуация, сложившаяся в народно-хозяйственном комплексе страны в связи со стремлением руководства претворить в жизнь явно завышенные планы по капитальному строительству в промышленности*, вне-

---

* В 1930 г. намного возросли капиталовложения в промышленность. Однако этот рост не был подкреплён материальными ресурсами. В результате уже в июле-августе 1930 г. экономика СССР вступила в полосу кризиса. Сократилось валовое производство тяжелой промышленности, снизилась производительность труда, уменьшилось число занятых в строительстве. Не выполнялись в срок крупные промышленные проекты, снижались темпы производства. В первые пять месяцев

сла свои коррективы в планы НКЗ СССР. Контрольные цифры по переселению были установлены в сумме 52 млн руб., в т. ч. 20 млн безвозвратных кредитов и 32 млн ссудных ассигнований; 13,3 млн из 52 млн руб. по госбюджету были выделены, по постановлению Бюджетной комиссии ЦИК СССР, союзным республикам на проведение в 1931 г. внутриреспубликанского переселения. Таким образом, на переселение на фондах общесоюзного значения в 1931 г. фактически было отпущено 38,7 млн руб. по госбюджету, в т. ч. 16,7 млн по безвозвратным кредитам и 22 млн по ссудным ассигнованиям (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 75. Л. 148). В последующем финансирование переселенческих мероприятий на всесоюзных фондах в 1931 г. было увеличено до 45 557 900 руб. (Там же. Д. 76. Л. 81), но общую ситуацию это уже изменить не могло. Столь резкое сокращение финансирования переселенческой программы привело к ее радикальному пересмотру, а также к изменению не только форм самих переселений, но и организационно-штатной структуры и функций переселенческого аппарата.

Именно отсутствие достаточного финансирования обусловило прекращение широкомасштабного сельскохозяйственного переселения крестьян (как единоличников, так и колхозников) в 1930–1933 гг. Основные усилия и средства в эти годы направлялись на интенсивное освоение колхозами закрепленной за ними земельной площади, а переселенческий аппарат переключился на обслуживание спецпереселенцев, промышленное и промысловое переселения и организацию красноармейского переселения.

Конкретные типичные причины «разрежения» сельскохозяйственного населения в большинстве регионов страны того времени можно увидеть в письме секретаря Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М.О. Разумова, написанного летом 1934 г. И.В. Сталину и В.М. Молотову. Разумов просит разрешить организованное переселение в край из других регионов СССР: «За последние 3–4 года, в связи с ликвидацией кулацких хозяйств, уходом из деревни единоличников и колхозников, а также паспортизацией, проведенной в пограничных районах, в крае убыло не менее 50–60 тысяч крестьянских хозяйств... Крайком считает, что в 2–3 года край может освоить минимум 25–30 тысяч хозяйств» (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 79. Л. 2).

Такая же ситуация сложилась и в других регионах, сельскохозяйственное население которых значительно сократилось в результате утечки на промышленное строительство, голода, «раскулачивания» с выселением. В первую очередь это Донецкая, Днепропетровская, Харьковская, Одесская, Сталинградская области.

1931 г., по официальным данным, промышленное производство только на 7–8 % превышало показатели соответствующего периода 1930 г. По данным на 1 июня 1931 г., было прекращено ассигнование 613 из 1 659 основных строившихся объектов тяжелой индустрии, с тем, чтобы обеспечить всем необходимым оставшиеся. – См.: История России. XX век : учеб. пособ. / Под ред. В.П. Дмитренко. М., 1998. С. 313. Тем самым было признано, что количество запланированных объектов не соответствовало реальным возможностям экономики. Все сильнее становилось давление инфляции, что выразилось в резком росте цен на свободном рынке.

В конце 1933 – начале 1934 г. в СССР вновь открывается плановое сельскохозяйственное переселение. Но теперь, в отличие от переселений второй половины 1920-х гг., его масштабы и направления связываются не с аграрным перенаселением, а с необходимостью восполнения сельского населения в обезлюдевших зерновых районах за счет переселения благонадежных крестьян из ближайших областей. Теперь к переселению допускались только проверенные в персональном порядке специально созданными в сельских советах «тройками» и районными комиссиями (с участием уполномоченных ОГПУ) крестьяне, в основном колхозники в составе своих вновь организованных колхозов. «Социально чуждые Советской власти лица» («кулаки», ранее судимые), пытавшиеся попасть в число переселенцев с целью скрыть свое прошлое и воспользоваться государственными льготами, к переселению не допускались. По данным на декабрь 1933 г., мероприятиями по переселению было охвачено около 16 тыс. семей по линии внутриукраинского переселения, 3 тыс. семей из Центрально-Черноземной обл. и 300 еврейских семей из Западной обл. (почти 100 тыс. чел.) (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 57. Л. 29). Всего за 1933–1934 гг. из БССР, Горьковского края, Ярославской, Ивановской, Западной, Курской, Воронежской, Московской областей (Винницкой, Киевской, Черниговской областей в плане внутриукраинского переселения) на Украину таким порядком было переселено более 200 тыс. чел. [Платунов, 1976. С. 226. Со ссылкой на ЦГАНХ СССР. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 185. Л. 1–2]. С 1933 по 1937 г. ВПК и Переселенческим отделом НКВД было переселено 77 304 семей, или 347 866 чел. Кроме внутриукраинского, переселения проводились в Восточную Сибирь, Азово-Черноморский край и Еврейскую автономную область (по 38–39 тыс. чел.), ДВК и Бурят-Монгольскую АССР (примерно по 6 тыс.). Почти 83 % этих переселенцев пришлось на 1933–1934 гг. [Полян, 2001].

Проведение в жизнь «генеральной линии партии на реконструкцию народного хозяйства», мобилизационный тип сталинской экономики требовали изыскания и привлечения колоссальных материальных и людских ресурсов. Изобретательности партийных и государственных функционеров того периода в вопросах привлечения рабочих контингентов, как в добровольном, так и в принудительном порядке, казалось, нет предела. Именно в этот период, одновременно с масштабной вербовкой на стройки первой пятилетки вольнонаемных рабочих, зарождается и разрастается до чудовищных масштабов система принудительного труда. Наряду с заключенными и спецпереселенцами в эту систему включается специфическая милитаризованная подсистема – тыловое ополчение, в которую направляются совершеннолетние дети «лишенцев», по классовому признаку не допускавшиеся в ряды Красной армии (среднегодовая численность тылоополчения в 1931–1936 гг. – около 50 тыс. чел.). Их направляют на строительство оборонно-стратегических объектов, железных и шоссейных дорог, угледобычу (см.: [Миненков, 2006; Маргиналы в советском обществе..., 2007. С. 3–38; Маргиналы в советском социуме..., 2010. С. 7–75]).

Другой, завуалированной попыткой создания милитаризованной подсистемы принудительного труда было введение в 1930 г. военно-производственной службы. К ней привлекались граждане, хотя и подходившие по классовым при-

знакам к зачислению в Красную армию, но ввиду малочисленности последней не прошедшие отбор в ее ряды «по конкурсу» (в результате жеребьевки среди призывников). Их направляли на заводы и фабрики в качестве промышленных рабочих*.

Именно в этот период возрождается идея трудового, агитационно-пропагандистского, а иногда и прямого военного участия Красной армии в «социалистическом переустройстве», как это было в конце Гражданской войны и в первые послевоенные годы (красноармейские трудовые армии, соответствующее политическое воспитание самих красноармейцев-крестьян и воздействие через них на крестьянскую массу вне армии, прямое участие в подавлении крестьянских восстаний и пр.). Личный состав кадровой армии, будучи целенаправленно отобранным по классовому признаку и потому, в основной своей массе, лояльно относившийся к мероприятиям Советской власти, не мог быть обойден вниманием. Красная армия, как наиболее надежный и преданный режиму институт, многопланово включается большевиками в систему мероприятий по обеспечению процесса коллективизации сельского хозяйства.

Выясняя предпосылки вовлечения Красной армии в процесс коллективизации деревни в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., уместно обратить внимание на ее качественный состав и порядок прохождения службы переменным составом. В ходе военной реформы 1924–1925 гг. Красная армия перешла на смешанную организационную структуру. В соответствии положениями ст. 7 Закона об обязательной военной службе (ЗОВС) от 18 сентября 1925 г. срок действительной военной службы для рядового и младшего начальствующего состава срочной службы составлял 5 лет (СЗ СССР. 1925 г. № 62. Ст. 463). Лица, призванные на действительную военную службу, могли проходить таковую либо в кадровом составе частей РККА, либо в переменном составе ее территориальных частей, либо вневойсковым порядком в зависимости от решения кадровых органов РККА. Для проходивших действительную военную службу в кадрах РККА был установлен ряд дополнительных льгот и преимуществ, в т. ч. по налогообложению семей, поэтому многие военнообязанные стремились попасть именно туда.

По существовавшим тогда правилам, с объявлением призыва в Красную армию на призывные пункты обязаны были явиться все призывники объявленных возрастов. Затем призывные комиссии отсеивали тех, кто имел право на отсрочку по семейно-имущественному и другим мотивам. Оставшиеся проходили медицинскую комиссию, по итогам которой часть призывников освобождалась от службы. Ввиду того, что действующая армия была сильно со-

---

* Военно-производственная служба введена положениями ст. 12, 16, 52–54 Закона об обязательной военной службе 1930 г. – СЗ СССР. 1930. № 40. Ст. 423, 424. Труд военнослужащих срочной службы, в большинстве своем из числа призывников-крестьян, из-за отсутствия у них квалификации промышленных рабочих оказался крайне неэффективным. Кроме того, инженерно-технический персонал предприятий не захотел брать на себя не свойственные ему функции по управлению военными формированиями таких рабочих. Поэтому чем через год военно-производственная служба была отменена (постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г.).

кращена (численность немногим более 500 тыс. чел.), количество оставшихся призывников все равно превышало требовавшееся для замены увольняемых. Среди оставшихся призывников проводилась жеребьевка, по результатам которой в армию шли те, на кого пал жребий. Остальные отправлялись по домам до следующего призыва, либо проходили службу иным, указанным выше способом.

Действительная военная служба в кадровом составе слагалась из непрерывной службы в частях Красной армии в течение от 2 до 4 лет, в зависимости от рода оружия и специальности, и из пребывания в долгосрочном отпуску продолжительностью от 1 года до 3 лет, с привлечением на повторительные сборы на срок не свыше 1 месяца, а для младшего начсостава – на срок не свыше 2 месяцев за все время пребывания в долгосрочном отпуску. Действительная военная служба в переменном составе территориальных частей слагалась из учебных сборов общей продолжительностью не более 8–12 месяцев (в зависимости от рода оружия) за все время нахождения на действительной службе и из пребывания в отпуску в периоды между сборами. Обучение вневойсковым порядком осуществлялось в периодических учебных сборах общей продолжительностью не более 6 месяцев за все время нахождения на действительной службе, и из пребывания в отпуску в периоды между сборами. Таким образом, основная масса рядовых красноармейцев стрелковых частей кадрового состава армии из 5 лет действительной военной службы 2 года проходила службу непосредственно в воинских частях и проживала в казармах военных городков, после чего они отправлялись в долгосрочный отпуск по месту жительства. Поэтому официально их называли не демобилизованными, а отпускниками, или уволенными в долгосрочный отпуск.

В 1929 г. численность переменного состава кадровой армии составляла 500 495 чел. (в т. ч. 417 127 рядовых, 83 368 младших командиров). В территориальных частях числилось всего 755 236 чел. переменного состава (в т. ч. 720 116 рядовых, 22 218 мл. командиров, 12 902 нач. состава от среднего и выше) (РГВА. Ф. 9. Оп. 32. Д. 1). По социально-политическому составу в РККА в целом рабочие составляли 24,3 %, батраки – 3,0, крестьяне – 60,6, служащие – 9,2, прочие – 2,9, коммунисты – 14,9, комсомольцы – 16,7 %. Среди рядового состава РККА крестьяне составляли 68,2 %, а рабочие – 22,5 % (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 12. Л. 247–251 об.).

Красная армия, в отличие от старой царской, была школой не только боевой выучки, но и политического, общеобразовательного, культурного обучения бойцов. Серьезнейшее значение большевики придавали воспитанию у личного состава патриотизма и преданности советской власти. Всю политико-воспитательную работу в войсках проводили политические органы, специально созданные для этих целей*. Они являлись проводниками идеологии правящей партии, ее основой и опорой в армии. В результате массированного идеологического воздействия, активной культурно-массовой и просветитель-

---

* В 1930-е гг. это Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии.

ной работы вчерашние малограмотные рабочие и крестьяне выходили из рядов кадровой армии политически подготовленными, грамотными, способными «проводить линию партии» в родных селах и городах. Учитывая задачи армии по политическому воспитанию личного состава, преобладающее количество крестьян среди военнослужащих переменного состава, специфику прохождения службы в территориальных частях (широкий контакт последних с местным населением), вполне логичным было привлечь военнослужащих-крестьян к «борьбе партии за коллективизацию деревни». «Красная Армия в период мирного своего существования, выполняя свою основную задачу – интернационально-классовое воспитание бойца и командира, совершенствование их военно-тактической подготовки и т. д. – всегда ставила перед собой задачи политического и культурного воздействия на деревню через сотни тысяч красноармейцев и мл. командиров, уходящих из Красной армии в деревню по демобилизации. Эта задача занимает одно из серьезнейших мест в системе политического воспитания Красной армии», – говорилось в докладной записке ПУ РККА об участии армии в колхозном строительстве страны, подготовленной к заседанию РВС СССР 23 января 1930 г. (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1278. Л. 1–5).

С 1927 г. в армии были организованы специальные курсы по подготовке из числа подлежащих увольнению в долгосрочный отпуск красноармейцев и младших командиров кадров низовых работников для административно-советской, торгово-кооперативной, культурной и другой работы на селе. Однако, по оценке ПУ РККА, в 1927–1928 гг. работа этих курсов не была удовлетворительной ни по количеству, ни по качеству обученных. В 1927 г. на курсах из 31 756 обучавшихся было подготовлено всего 133 тракториста и ни одного колхозника (Там же). В августе 1928 г. ПУ РККА директивой № 92132 уведомило всех начальников политуправлений округов (пуокр) и флотов о внесении на рассмотрение правительства проектов директив НКЗ РСФСР и Наркомата по военным и морским делам (НКВМ, Наркомвоенмор) о мерах по использованию увольняемого в долгосрочный отпуск из рядов РККА рядового и начальствующего состава в «работе по социалистическому переустройству деревни» и предложило провести вокруг этих мероприятий разъяснительную кампанию (Там же. Ф. 9. Оп. 40. Д. 17. Л. 769). Однако эта директива не была выполнена. В 1928 г. из 68 тыс. подлежащих увольнению и прошедших обучение на курсах было подготовлено 3 758 трактористов и 3 687 колхозников (Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1278. Л. 1–5). Тем не менее, идея привлечения Красной армии к колхозному строительству уже попала в сферу пристального внимания центральных партийных органов.

Постановлением ЦК ВКП(б) «О подготовке отпускников в РККА» от 12 апреля 1929 г. была намечена система мероприятий по участию Красной армии в колхозном движении. ПУ РККА предлагалось оказать всемерное содействие в подготовке колхозных кадров и в 1929 г. «пересмотреть сеть и программы курсов по подготовке отпускников под углом зрения максимального внесения вопросов коллективизации и производственного кооперирования во все программы и охватить специальными колхозными курсами не менее 15–20 тыс. красноармейцев и младших командиров-отпускников» [КПСС о Вооруженных

Силах Советского Союза..., 1969. С. 262–263]. ЦК обязал наркомземы союзных республик совместно с Всесоюзным советом колхозов, колхозцентрами и ПУ РККА разработать к 20 мая 1929 г. «мероприятия по максимальному использованию отпускников и красноармейцев переменного состава для строительства колхозов...» [Там же]. Зернотресту, Госсельсиндикату, системе сельхозкооперации и колхозобъединениям поручалось установить договорные отношения с политорганами армейских частей о подготовке трактористов в РККА из отпускников и их использовании. ЦК предложил НКЗ и Колхозцентру СССР, Зернотресту и другим заинтересованным организациям оказать политорганам РККА помощь выделением квалифицированных руководителей курсов и литературой по агроминимуму и сельхозмашинам.

Одновременно идеологи ЦК стремились представить широким партийным кругам растущее колхозное движение как инициативу снизу. Так, в резолюции XVI партконференции, проходившей 23–29 апреля 1929 г., при рассмотрении вопроса о поддержке колхозного движения подчеркивалось: «...наиболее существенным фактором, демонстрирующим всю жизненность колхозного движения, является то, что колхозы растут на основе самостоятельности и идущей снизу инициативы крестьянских масс, что преимущества крупного хозяйства уже находят свое отражение в коллективах» [КПСС в резолюциях и решениях..., 1984. Т. IV. С. 465]. Здесь же отмечалось: «Важнейшим недостатком колхозного движения... является то, что организационный его охват и усиление его технической базы значительно отстают от размаха и потребностей движения идущего снизу» [Там же. С. 466]. Кроме прочего, партийным организациям было предложено «...всемерно поддержать растущее в среде красноармейцев движение к объединению своих индивидуальных хозяйств в коллективные, усилив популяризацию колхозного строительства в Красной Армии и подготовку из наиболее передовых красноармейцев организаторов колхозного движения» [Там же. С. 468].

По сведениям ПУ РККА, из числа демобилизованных в 1928 и 1929 гг. уже было организовано более 150 крупных красколхозов (в последующем эта цифра несколько уменьшилась ввиду слияния некоторых колхозов с целью укрупнения (очередная кампания)). Вместе с тем отмечалось, что хозяйственное положение красколхозов, в особенности вновь организованных, определяется огромным недостатком механических средств производства, а также недостатком денежных средств (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 198. Л. 35). В книге «Партия и армия» со ссылкой на газету «Красная звезда» от 22 мая 1928 г. указывается: «...Когда весной 1928 г. проводился всесоюзный смотр колхозов, то около половины всех премий досталось красноармейским коллективным хозяйствам. Колхозцентр СССР дал высокую оценку красноармейским колхозам, отметив, что они успешно развиваются и способствуют росту колхозного движения среди окружающего крестьянства» [1977. С. 148].

Необходимо разобраться, были ли действительно в это время красноармейские колхозы, а если были, то что они из себя представляли. По сведениям красноармейской группы Колхозцентра СССР, к середине 1930 г. всего по стране числилось 137 красноармейских колхозов, из них сельскохозяйственных артелей

только две, остальные – коммуны. По территории СССР они распределялись следующим образом: в УССР – 38 колхозов, Молдавской АССР – 2, Туркменской ССР – 1, Узбекской ССР – 3, Таджикской ССР – 1, в РСФСР – 85 (показаны не все). Всего у красколхозов было 735 233 га земельных площадей (в среднем по 5,3 тыс. га на один колхоз), посевных – 238 тыс. га (по 2 тыс. га), 64 731 едок (по 472 едока на колхоз), красноармейцев в этих колхозах – 7 756, т. е. по 56 чел. на колхоз (подсчитано по: РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 198. Л. 22). Таким образом, доля красноармейцев составляла около 12 % от общего числа едоков. Даже если принять количество колхозников в 50 % от числа едоков, то красноармейцы составят всего 24 %.

Это подтверждается и сведениями из отчетного доклада Дальневосточного краевого комитета партии XVI съезду: в 11 красноармейских колхозах Тихоокеанского края всего 14 103 едока, в т. ч. членов колхозов – 6 598, из них красноармейцев – 977. Отношение красноармейцев к общему числу едоков – 6,9 %, к числу членов колхозов – 14 % (подсчитано по: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 75. Л. 81 об.). Каковы же критерии причисления колхоза к статусу красноармейского? В исследованных источниках ответ на этот вопрос пока не найден. По нашему мнению, с возникновением идеи и началом кампании по созданию красколхозов на рубеже 1927–1928 гг. колхозам, в которых имелся хоть сколько-нибудь ощутимый процент бывших красноармейцев, для «красивой отчетности» об успехах в этом деле в 1928 г. был попросту присвоен статус красноармейских.

На Дальнем Востоке инициатива создания красколхозов, скорее всего, исходила от местных советских органов. Во всяком случае, в докладной записке председателя Владивостокского окрисполкома Крутова в НКЗ СССР о состоянии красноармейских колхозов в округе в июне 1930 г. указывалось: «Организация красноармейских колхозов относится к середине 1929 г. Инициатива местных организаций по строительству колхозов была поддержана и закреплена центральными колхозными и переселенческими органами в связи с колонизацией края. Проводником в жизнь данной инициативы, в смысле организационной работы, явилась Тихоокеанская Дивизия» (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 10. Д. 7. Л. 42).

К середине 1930 г. в ДВК как красноармейские числилось 13 колхозов. Из них по форме 12 были коммунами, один – сельхозартелью. Красноармейскими они были скорее номинально, чем реально, т. к. большинство семей в них таковыми не являлись. Во Владивостокском окр.: в коммуне им. РВС (образована в октябре 1928 г.) красноармейскими были 343 из 975 семей, Пограничник им. Дзержинского – 32 из 571, им. Ленина (весна 1929 г.) – 20 из 225, «3 полк связи» (весна 1929 г.) – 30 из 361, «30 Череповецкий полк» (сентябрь 1929 г.) – 7 из 118, им. Буденного (май 1929 г.) – 23 из 147, сельхозартель «Красный пахарь» – 23 из 82; в Амурском окр. в коммуне «Индустрой» (октябрь 1929 г.) – 140 из 511; в Хабаровском окр.: им. Сталина (1929 г.) – 28 из 82 семей (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 198. Л. 13). По-видимому, в коммунах, откуда сведения о наличии красноармейских семей не поступили, процент их наличия был еще меньшим, чем в подавших сведения. Сам факт отсутствия учета красноармейских семей в этих коммунах говорит о том, что в число красноармейских районные власти включили их

только с началом соответствующей широкомасштабной кампании со второй половины 1929 г. Другими сведениями, указывающими на наличие красколхозов в СССР ранее 1928 г., мы пока не располагаем.

Выполняя требования Постановления ЦК ВКП(б) «О подготовке отпускников в РККА» от 12 апреля 1929 г., ПУ РККА активизирует свою работу по вовлечению красноармейцев в колхозы. Уже в начале мая 1929 г. в военные округа и на флота отправляется директива № П4/5451, где резкой критике подвергаются политуправления округов за слабую работу по подготовке колхозных кадров в предыдущие годы. Среди недостатков отмечено, что в войсках была взята «не совсем правильная установка» по вовлечению демобилизующихся красноармейцев в колхозы: «Вместо перенесения центра тяжести на организацию колхозов из отпускников на наделных землях и вовлечения их в уже существующие колхозы внимание частей было направлено на организацию колхозов на переселенческих землях» (здесь и далее в документах подчеркнуто нами. – Д. М.) [Партийно-политическая работа в Красной Армии..., 1981. С. 502–507]. Таким образом, не прошло и десяти дней, как ПУ РККА отреагировало на решения XVI партконференции об укрупнении старых и преимущественной поддержке крупных колхозов, отправив в войска новые указания.

В дополнение к этой директиве в июне 1929 г. Политуправление разработало и разослало политорганам армии и флота программы курсов по подготовке отпускников по следующим направлениям: советского строительства, потребительской кооперации, колхозной работы, профактива сельхозрабочих и профграмоты, активистов Осоавиахима, киномехаников, избачей, инструкторов физкультуры, сельских библиотекарей, антирелигиозной пропаганды, телефонных мастеров, государственному страхованию, борьбе с вредителями сельхозрастений, актива общества «Долой неграмотность» и ликвидаторов неграмотности, сельхозкооперации, работников милиции, активистов Международной организации помощи борцам революции (РГВА. Ф. 9. Оп. 40. Д. 27. Л. 123–236). Всего за 1929 г. армией было подготовлено 70 986 специалистов, среди них 16 223 колхозника, 8 517 трактористов (Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1278. Л. 2).

Но главное внимание в 1929 г. политорганы сосредоточили на организации красноармейских колхозов. 25 июня 1929 г. ВПК при ЦИК СССР, РВС и Колхозцентр издадут совместную директиву «О порядке использования красноармейцев и младших командиров-отпускников в колхозном строительстве» № 03/298/0706 [Партийно-политическая работа в Красной Армии..., 1981. С. 514–518]. В ней указывалось: «Развернувшееся колхозное движение уже в настоящее время испытывает острую нужду в массовых кадрах низовых руководителей и непосредственных организаторов колхозов и простейших производственных объединений. Это препятствие в значительной мере затрудняет массовый охват производственным кооперированием и коллективизацией широких бедняцких и середняцких слоев деревни.

Колхозное движение, ставящее своей задачей в ближайшее пятилетие вовлечение в социалистическое переустройство сельского хозяйства миллионных масс крестьянства, может разрешить эту задачу только при условии на-

личия подготовленных и политически грамотных кадров, взятых непосредственно из самой деревни, из ее наиболее активных и передовых элементов.

Таким мощным резервуаром, из которого уже в настоящее время при соответствующей подготовке можно получать значительные кадры работников для колхозного движения, является наша рабоче-крестьянская армия» [Там же. С. 514].

Директивой предлагалось реввоенсоветам округов и флотов, наркомземам союзных республик и колхозцентрам во всех воинских частях организовать курсы по изучению основ сельскохозяйственного производства. При Колхозцентре в это время создается специальная Красноармейская группа для координации мероприятий в воинских частях по подготовке колхозных кадров, организации и практической помощи красноармейским переселенческим колхозам.

Эта директива сыграла решающую роль в деле организации системного подхода к проблеме создания красноармейских колхозов. В ней был расписан конкретный порядок работы по трем направлениям. Основным направлением была объявлена подготовка отпускников-красноармейцев в качестве организаторов и руководителей колхозов и простейших производственных объединений по месту их постоянного жительства на своих наделных землях. Для решения этой задачи в частях Красной армии развертывалась работа по организации инициативных групп будущих колхозников на принципах землячества. При создании этих групп политорганы частей должны были связать их с соответствующими земотделами и колхозсоюзами для постановки на учет в качестве будущего колхоза и включения в свои организационные планы и в планы обслуживания.

Наркомземы и колхозцентры союзных республик должны были дать директивы по своей периферии о проведении соответствующей подготовительной работы в районах, где предполагалась организация красколхозов и увольнение в долгосрочный отпуск красноармейцев, а также по оказанию практической помощи и поддержки в деле непосредственной организации колхозов. Вся подготовительная работа по созданию инициативных групп и увязка с земорганами и колхозсоюзами должна была заканчиваться к 1 июля для того, чтобы этими организациями была своевременно проведена соответствующая работа на местах.

Следующим направлением было вовлечение красноармейцев-отпускников в уже существующие колхозы для их укрупнения и укрепления. Особое внимание обращалось на вовлечение красноармейцев в крупные колхозы и колхозы-гиганты. Эта работа должна была проводиться непосредственно системой колхозобъединений. Последние выявляли возможности приема новых членов в существующие и объединяемые ими колхозы и готовили сведения для предоставления в воинские части. Воинские части, в свою очередь, устанавливали непосредственную связь с соответствующими (по месту расположения частей) окружными, областными и краевыми колхозсоюзами для увязки и согласования всех вопросов вовлечения красноармейцев в существующие колхозы, а также проводили всю подготовительную работу необходимую для вступления красноармейцев в эти колхозы.

Третьей формой вовлечения красноармейцев в колхозное строительство была организация красноармейских колхозов на переселенческих землях. Порядок переселения таких колхозов устанавливался следующий. Красноармейцы и младшие командиры, желающие поселиться на переселенческих землях, в своих воинских частях организовывались в сельскохозяйственные коллективы (коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы)).

Наркомземы союзных республик через областные, краевые или окружные землеустроения ежегодно, не позднее января месяца, должны были снабжать воинские части печатными материалами с характеристикой заселяемых в ближайший год районов, подготовленных земель, условий снабжения переселенцев, их кредитования и т. д. Воинские части, по получении характеристики колонизируемых районов, разворачивали работу по организации сельхозколлективов из числа желающих переселиться красноармейцев-отпускников с таким расчетом, чтобы оформление красколхоза было окончено не позднее 1 марта.

В члены переселенческих красколхозов должны были приниматься в первую очередь отпускники и их семьи – члены одного двора из аграрно-перенаселенных районов и в отдельных случаях красноармейцы и их семьи из неуплотненных районов, причем общее количество семей организуемого колхоза должно было составить примерно 25–30. Группа отпускников – учредителей колхоза должна была подать заявление комиссару своей части об организации колхоза с указанием района заселения и приложением соответствующих документов. Одновременно каждый участник колхоза – отпускник запрашивал согласие на вступление в колхоз членов своей семьи, которые должны были выслать все необходимые для оформления членства документы, засвидетельствованные местным сельсоветом.

Наркомземы и колхозцентры союзных республик и все их органы на местах должны были полностью обслуживать воинские части по всем организационным вопросам, связанным с возникновением колхозов. Комиссары воинских частей, по получении заявлений от отпускников об организации колхозов с приложением документов оказывали содействие в юридическом оформлении колхозов в местных земельных органах и направляли указанные заявления со своим отзывом в окружное, краевое или областное земельное управление. Последний срок отправки заявлений устанавливался к 15 апреля.

Наркомземы союзных республик периодически (через каждые 2 месяца) должны были получать сведения от областных, краевых или окружных земуправлений о количестве поданных отпускниками заявок на переселенческие участки и вести специальный учет этих заявок, общую сводку которых не позже января сообщать ВПК при ЦИК СССР. По получении через НКЗ РСФСР от местных оперативных переселенческих органов сведений о количестве подготовленных для переселенцев фондов и сводки заявок на переселение красколхозов, ВПК совместно с РВС и Всесоюзным советом колхозов составляли плановый наряд на переселение, разверстывали его по наркомземам союзных республик и бронировали фонды для удовлетворения красколхозов.

Наряды для красноармейских переселенческих колхозов разверстывались наркомземами союзных республик по областным, краевым или окружным

землеуправлениям, которые должны были пересылать их непосредственно воинским частям и местным земельным органам. Последние на основе полученных нарядов выдавали красноармейцам – ходокам и участникам рабочих дружин* – документы на льготный проезд по железной дороге. В тех случаях, когда получившая наряд воинская часть располагалась в районе, откуда массовое переселение не производилось, наркомземы союзных республик в эти районы должны были специально высылать все необходимые материалы и бланки для оформления отправки и получения льгот на всех членов красноармейских переселенческих колхозов.

Местные земельные органы, независимо от степени удовлетворения населения переселенческими фондами, должны были выдавать членам красколхозов ходаческие и проездные свидетельства в первую очередь по представлению ими документов от колхоза о зачислении членами такового. Переселенческие органы на местах вселения обязаны были за ходоками и членами рабочих дружин от красноармейских колхозов зачислять участки в первую очередь, причем лучшие по качеству земли, наиболее выгодно расположенные в экономическом отношении (близкие к рекам, путям сообщения, торговым центрам и т. д.).

По возвращении в свою воинскую часть уполномоченные колхозов сдавали ходаческие документы в местные земельные органы, которые уведомляли областные, краевые или окружные земельные управления, а последние периодически информировали наркомземы союзных республик о количестве зачисленных участков. Рабочие дружины должны были извещать всех членов колхоза о зачислении участка письменно, причем указанные извещения должны были иметь визу местных переселенческих органов и служить основанием земельным органам мест выхода для выдачи проездных документов колхозникам.

При поездке члена колхоза – отпускника после увольнения из рядов РККА не непосредственно в место водворения, а с заездом на место жительства местные советы колхозов должны были выдавать таковому письменное удостоверение на предмет получения льготного тарифа. Порядок получения переселенческих ссуд, снабжения средствами производства определялся специальными инструкциями ВПК и НКЗ союзных республик. В пути следования красноармейцы-ходоки обеспечивались военным ведомством положенным суточным довольствием. Таким образом, процесс организации красколхозов был организован достаточно тщательно, и со второй половины 1929 г. вступил в свою решающую фазу.

30 января 1930 г. вышло постановление РВС СССР «Об участии Красной армии в колхозном строительстве» [Партийно-политическая работа в Красной армии..., 1985. С. 44–46]. В нем ПУ РККА ставились следующие задачи: «...Готовить всю массу красноармейцев и младшего начсостава для активного

---

* Ходоки и участники рабочих дружин – представители вновь созданных колхозов, выезжавшие заранее в места, отведенные для вселения, с целью их обследования и подготовки условий для переезда всего колхоза.

участия в строительстве социалистической деревни, в массовом колхозном движении, в ликвидации кулака как класса.

Уже в текущем году необходимо добиться, чтобы все 100 процентов красноармейцев и младших командиров – крестьян, увольняемых из РККА, были вовлечены в колхозы... Подготовить в 1930 году из числа красноармейского актива и младших командиров 100 тысяч массовых работников для деревни, из них не менее 75 тысяч – для колхозной системы...» [Там же. С. 44]. В постановлении давались конкретные указания о порядке организации курсов и системе обучения на них красноармейцев.

Но, пожалуй, самым важным было то, что постановление предписывало снова кардинально изменить направления работы по организации красколхозов: «...В связи с развертыванием сплошной коллективизации работу по организации красноармейских колхозов ограничить созданием красноармейских групп для строительства крупных колхозов только на переселенческих землях Дальнего Востока, Казахстана в строгом соответствии с планами Наркомзема СССР и материально-техническими средствами, отпускаемыми на эти нужды соответствующими правительственными и хозяйственными организациями.

Организацию красноармейских колхозов на переселенческих землях обеспечить политическим и организационным руководством, вовлекая в эти колхозы демобилизующихся командиров и политработников» [Там же. С. 45]. Как видим, с начала 1930 г. красноармейское колхозное переселение на Дальний Восток становится приоритетным и практически единственным добровольным массовым переселением крестьян, финансируемым государством*. Основной причиной этого, как упоминалось выше, явилось резкое обострение во второй половине 1929 г. военно-политической обстановки на советско-китайской границе. Это подтверждает тезис о том, что красноармейцев-колхозников, как особую категорию, целенаправленно использовали для выполнения конкретных специфических задач не только социально-экономического, но и оборонно-стратегического характера.

В развитие этого постановления уже 31 января 1930 г. выходит директива ПУ РККА «О работе с красноармейцами по разъяснению политики партии, направленной на ликвидацию кулачества как класса» № 13159 (РГВА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 386. Л. 3), и 8 февраля того же года директива «О подготовке в армии колхозных кадров» № 2046 (Там же. Оп. 40. Д. 29. Л. 36–37). В последней ставились задачи политуправлениям округов и флотов по организации курсов в 1930 г. В приложении к директиве был доведен план (сводная заявка НКЗ СССР, Колхозцентра и кооперативно-хозяйственных центров), которым предусматривалось подготовить в 1930 г. 100 тыс. новых специалистов сель-

---

* Кроме добровольно-планового переселения красноармейцев-отпускников, на Дальний Восток в 1929/30 г. осуществлялось и принудительное переселение «кулаков». Так, по сведениям Н.А. Ивницкого, на 1 января 1930 г. в ДВК было отправлено 833 семьи (5 097 чел.) «кулаков второй категории», в т. ч. из Татарии – 650 семей (3 310 чел.), Белоруссии – 183 семьи (1 787 чел.) и 447 семей (2 235 чел.) было переселено в порядке дальневосточного внутрикраевого переселения. – См.: [Ивницкий, 1996. С. 141–142, 233–234, 236].

ского хозяйства: 10,5 тыс. руководителей колхозов, 8,3 тыс. полеводов, 5 750 садоводов и огородников, 10 925 животноводов, 10 225 трактористов, 5 250 счетоводов, и пр. (Реально за 1930 г. подготовили 19 278 руководителей колхозов, 13 847 полеводов, 2 831 садовода и огородника, 13 492 животноводов, 26 030 трактористов, 8 537 счетоводов, и пр. [Тархова, 2010. С. 232]. Так что результаты работы армейских структур в этом направлении в 1930 г. были весьма хорошими.) Программы курсов были рассчитаны на 100–110 ч обучения. Слушатели знакомились с решениями Компартии о коллективизации сельского хозяйства, состоянием и задачами этой работы, организацией и практикой коллективного труда, изучали специальные предметы – полеводство, животноводство, счетоводство, землеустройство и др. – в зависимости от избранной специальности. На курсах изучались также уставные положения организации колхозов и землепользования и другие нормативные акты, регулирующие деятельность колхозов и их положение в сельском хозяйстве страны [Партийно-политическая работа в Красной Армии..., 1985. С. 492]; (Военный вестник. 1930. № 15. С. 3).

Кроме того, директивой предписывалось: «К организации красноармейских переселенческих групп приступить теперь же, причем нормы будут даны только Московскому, Белорусскому и Украинскому военным округам и пограни войскам. В соответствии с этим работу по организации переселенческих колхозных групп необходимо развернуть только в этих округах, причем в связи с задачей организовать крупные колхозы непосредственное руководство всей работой по организации должно объединяться политотделами дивизий».

Конкретный план организации переселенческих колхозов с указанием отпускаемых средств будет дан в ближайшее время по утверждению общего плана НКЗ СССР» (РГВА. Ф. 9. Оп. 40. Д. 29. Л. 37). Думается, такая разрядка на организацию красноармейских переселенческих групп была обусловлена отнюдь не аграрным перенаселением указанных районов. В это время Украинский и Белорусский военные округа считались особыми приграничными округами, Московский военный округ всегда являлся перворазрядным. Исходя из этого, и к набору призывников в воинские части этих округов подходили особенно тщательно, не говоря уже о пограничных войсках. Не случайным было также поручение работы по организации колхозов политотделам дивизий, хотя в соответствии с прежними директивами этим должны были заниматься политработники частей. Все это говорит об особой важности кампании.

Необходимо помнить, что в соответствии с положениями ЗОВС призыв на военную службу в кадровые части РККА и увольнение отслуживших положенный срок красноармейцев в долгосрочный отпуск в 1930-е гг. проводился один раз в году – осенью (сентябрь–ноябрь). Исходя из этого и строились планы вербовки будущих отпускников в красноармейские колхозы. Отправку же завербованных осуществляли с октября по февраль с таким расчетом, чтобы на места вселения они прибывали к началу весеннего сева.

Механизм осуществления плановых массовых крестьянских переселений в Сибирь и на Дальний Восток начал складываться еще в ходе строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и столыпинской аграрной ре-

формы. Под плановым переселением до начала сплошной коллективизации имелся в виду переезд крестьян на постоянное жительство из аграрно-перенаселенных районов европейской части страны на специально выделенные государством переселенческие земельные фонды. Во второй половине 1920-х гг. этот механизм был значительно усовершенствован и к началу красноармейских переселений выглядел следующим образом.

Согласно Инструкции заведующим водворением и устройством переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке и Указаниям Информбюро при Челябинском переселенческом пункте всем крестьянским семьям, изъявившим желание переселиться, требовалось получить на это разрешение от местных земельных органов [Платунов, 1976. С. 74–81]; (ГАНО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 137. Л. 227). Рекомендовалось не менее пяти и не более десяти крестьянским хозяйствам посылать своего доверенного представителя – ходока с заявлением в уездное земельное управление о желании зачислить за собой земельные участки с целью последующего переселения. Такой представитель получал ходаческое свидетельство – документ, дающий право на выбор земельного участка и льготный проезд по железной дороге, и, получив соответствующий инструктаж уездных земельных органов, отправлялся в путь для выбора участка. Посылка ходоков и зачисление земельных участков разрешались с 25 марта по 1 октября (иначе снежный покров не позволял определить качество почвы и пригодность участка для занятия сельским хозяйством).

Всем ходокам, едущим за Урал, железнодорожные билеты выдавались только до Челябинска. Здесь ходоков подробно информировали о климатических, почвенных и растительных особенностях отдельных районов края, о количестве свободных земельных долей по подрайонам и месторасположении переселенческих участков, знакомили с маршрутом следования к переселенческим участкам. Для наглядного представления о характере заселяемых районов был открыт музей-выставка с образцами почв, растительности, выращиваемых сельскохозяйственных культур, сведениями об урожае хлебов, трав, огородных культур и другими данными по каждому подрайону водворения. Сотрудниками Бюро информации на черных досках ежедневно выписывалось число свободных земельных долей по каждому подрайону. В музее ходоки и переселенцы получали необходимую информацию о районах заселения, слушали доклады и лекции по организации сельского хозяйства в сибирских и дальневосточных условиях и общим политическим вопросам. Заполнив специальную регистрационную карточку и получив исчерпывающие сведения о переселенческих фондах Сибири, ходоки выбирали округ и подрайон, в котором имели намерение осмотреть земельный участок для зачисления, получали удостоверение на право осмотра и зачисления за собой земельного участка и проездной билет по льготному тарифу до избранного ими района.

По прибытии на станцию назначения ходоки являлись к заведующему водворением и устройством переселенцев того района, на территории которого имели намерение выбрать участок. На основании ходаческих удостоверений и доверенности от посылавших их семейств ходоки выбирали, а затем зачисляли за собой земельный участок, получали свидетельство о зачислении земли

и возвращались за своими семьями. Если ходок по прибытии в избранный им подрайон не был удовлетворен имевшимся здесь фондом, заведующий водворением данного подрайона информировал его о наличии свободного фонда в других округах и выдавал тарифное удостоверение для следования в один из этих округов по выбору. Ходокам, уезжавшим обратно после осмотра и зачисления участков, соответствующие заведующие водворением переселенцев выдавали тарифные удостоверения на льготный проезд до места их выхода.

Переселенцы, зачислившие за собой земли, должны были в течение года либо поселиться, либо, сгруппировавшись, послать рабочую дружину для обработки земельного участка и сооружения хозяйственных построек. Прибытие переселенцев на зачисленный участок разрешалось в любое время, но рекомендовалось избегать переселения в зимние месяцы. Переселенческие эшелоны формировались в период с 15 марта по 1 сентября – это время наиболее интенсивного переселенческого движения [Переселенческое дело..., 1927. С. 130–140, 198].

Несмотря на то, что с начала 1925 г. было открыто плановое переселение, значительная часть крестьян-ходоков продолжала прибывать в районы вселения не в плановом порядке, а без ходаческих свидетельств, т. е. самовольно. Самовольным ходокам, так же как и плановым, разрешалось зачислять за собой и за пославшими его доверителями земельные участки. По постановлению ВЦИК от 20 сентября 1926 г., самовольные переселенцы пользовались всеми льготами наравне с плановыми в том случае, если они водворялись на землях переселенческого фонда [Там же. С. 198].

Интересы Сибирского и Дальневосточного краев требовали быстрее их заселения, а поэтому СибРПУ в соответствии с данным постановлением ВЦИК давало разрешение на зачисление земельных участков и ходоками-самовольцами [Добрый, 1928. С. 84]; (ГАНУ. Ф.47. Оп. 1. Д. 270. Л. 235).

После зачисления земельного участка одна часть переселенцев ликвидировала полностью свое хозяйство в местах выхода, а другая часть сохраняла за собой прежний земельный участок, постройки и сельхозинвентарь, т. к. не была уверена в окончательной смене жительства. На основании ст. 18 Земельного кодекса за переселенцем сохранялся на срок до 3 лет его прежний земельный участок, который мог обрабатываться оставшимися членами семьи либо сдаваться в аренду на срок до 2, а в отдельных случаях – до 3 лет (СУ РСФСР. 1925. № 93. Ст. 674).

Таким образом, не все переселенцы окончательно порывали связь с прежним местом своего жительства. Часть членов семьи оставалась либо для продажи хозяйственных построек, скота и инвентаря, либо с целью сохранения хозяйства, а следовательно, и возможности обратного возвращения на родину при неудачном стечении жизненных обстоятельств на новом месте.

По возвращении ходоков и предъявлении ими в уездное земельное управление соответствующих документов о зачислении земли производилась проверка экономического состояния и наличия необходимого минимума работников в переселяемой семье, после чего каждой из них выдавалось переселенческое свидетельство с указанием состава семьи и места предстоящего во-

дворения. Переселенческое свидетельство являлось документом на право получения льгот, предусмотренных советским законодательством в отношении переселенцев. После соответствующего оформления документов переселенцы могли отправляться в путь к месту своего водворения.

Организацией перевозки ходоков, переселенцев и принадлежавшего им имущества по железным дорогам и водным путям РСФСР, а также оказанием необходимой помощи в пути следования ведал НКЗ РСФСР. По согласованию с Наркоматом путей сообщения (НКПС) были разработаны особые правила перевозки переселенцев к местам водворения. Контроль над выполнением правил перевозки переселенцев до Челябинска НКЗ поручил осуществлять Управлению по передвижению переселенцев в европейской части РСФСР (находившемуся в Пензе), а от Челябинска до Иркутска – Управлению по передвижению переселенцев в Сибирь (Новосибирск) (см.: [Переселенческое дело..., 1927. С. 91]).

На крупные и узловые железнодорожные станции, а также пристани назначались агенты, наблюдавшие за передвижением переселенцев. Они полномочны были принимать необходимые меры в случае задержки поездов или нарушения правил перевозки переселенцев, а также вели регистрацию и учет проследовавших в прямом направлении и обратно переселенцев [Там же. С. 180–182]; (ГАО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 27. Л. 22).

Для обслуживания едущих ходоков и переселенцев была создана сеть переселенческих пунктов. Переселенческие пункты открывались согласно приказу НКЗ РСФСР от 27 августа 1926 г. № 357 на отдельных железнодорожных станциях (ГАО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 19. Л. 31).

По роли обслуживания ходоков и переселенцев в пути следования переселенческие пункты подразделялись на транзитные, регистрационные, высадочные. Транзитные переселенческие пункты создавались в местах, где переселенческие поезда или вагоны останавливались для санитарной обработки, дезинфекции, выгрузки скота и пр. Транзитные переселенческие пункты имели жилые помещения для переселенцев, питательные пункты. Регистрационные переселенческие пункты создавались на тех станциях, где планировалась длительная остановка поездов. Основной задачей данных пунктов была регистрация переселенцев и контроль над выполнением железными дорогами правил их перевозки. Высадочные переселенческие пункты размещались на тех железнодорожных станциях, которые находились вблизи переселенческих участков. Такие пункты располагали жилыми помещениями для размещения ходоков и переселенцев, столовыми, банями, хозяйственными постройками для размещения скота и инвентаря переселенцев, складскими помещениями для хранения багажа, избой-читальней и т. д. В зависимости от состава и места высадки переселенцев очень часто переселенческие пункты совмещали все три указанные функции.

В европейской части СССР переселенческие пункты размещались на 28 крупных железнодорожных станциях в основных районах выхода переселенцев [Баров, 1927. С. 37–38; 1929. С. 131–132]; (ГАО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 39. Л. 53). В европейских губерниях они являлись центрами информации и сбор-

ными пунктами переселенцев: здесь находились остановочные помещения, было организовано питание, медицинское обслуживание, регистрация переселенцев. В Уральской зоне водворения переселенческие пункты располагались на станциях Плеханово, Полетаево, Троицк и Курган. В Сибири и на Дальнем Востоке переселенческие пункты являлись также центрами информации, пунктами отдыха переселенцев (ночлег, столовая, баня, читка газет, лекции по вопросам, сельского хозяйства и т. д.), кроме того, они были и агентствами по водворению для тех переселенцев, которые высаживались на данной станции. Размещались они на железнодорожных станциях Транссибирской железной дороги и на пристанях по пути следования переселенцев (подробный перечень переселенческих пунктов от Урала до Дальнего Востока дан в Приказе по НКЗ РСФСР от 5 января 1927 г. № 4. – См.: [Переселенческое дело..., 1927. С. 358]).

Базой приема всех сибирских и дальневосточных переселенцев из центральных и южных губерний европейской части СССР являлся Челябинск, а для переселенцев из северо-западных и северо-восточных губерний – Свердловск. Наибольший поток переселенцев проходил через Челябинский переселенческий пункт*, который располагал 44 зданиями и значительными штатами для обслуживания нужд переселенцев: здесь размещались больница, баня с дезинфекционной камерой, прачечные, столовые, бараки для отдыха и ночлега, приют для детей-сирот, школа, кооперативная лавка и т. д. К пункту была проложена специальная железнодорожная ветка с оборудованной платформой, куда подавались вагоны для высадки и посадки переселенцев, а также выгрузки-погрузки их клади (ГАЧО. Ф. 254. Оп. 1. Д. 8. Л. 163–164; ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 33. Л. 3–41).

Государство оказывало всевозможную помощь переселенцам в пути следования. В целях лучшей организации переселения ближайшие области мест выхода переселенцев соединялись в отдельные группы. Сбор всех переселенцев западных, центральных, южных областей и формирование переселенческих эшелонов в период наиболее интенсивного движения переселенцев проходил на ст. Пенза. Для переселенцев каждой группы областей указывался определенный маршрут следования по железной дороге. С 1-го по 4-й маршруты предназначались для переселенцев из западных, южных и центральных областей, заканчивались они ст. Пенза, где происходило формирование переселенческих эшелонов на восток. Переселенцы из северо-западных областей (с 5-го по 8-й маршруты) ехали прямо от места выхода до Свердловска и далее через Омск. Для переселенцев, едущих в восточном направлении, в период наиболее интенсивного их движения по железным дорогам вводилось три дополнительных маршрута. В Челябинске размещалась главная база распределения переселенцев, едущих в Сибирь, а в Иркутске – расселяющихся по Дальнему Востоку. Формирование переселенческих эшелонов в Самарскую и Саратовскую области проходило на ст. Сызрань, для пере-

---

* Первоначально входил в зону Управления передвижением переселенцев европейской части СССР, но затем приказом НКЗ от 5 января 1927 г. № 4 был передан в ведомственное подчинение Управлению по передвижению переселенцев в Сибири [Переселенческое дело..., 1927. С. 358].

селенцев в Поволжье предназначалось 11 маршрутов – с 12-го по 22-й [Баров, 1927. С. 35–39]; (СУ РСФСР. 1925. № 93. Ст. 674; НА РБ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 4037. Л. 243–236, 239–243).

Если численность переселенцев не позволяла сформировать отдельный переселенческий состав, то выделялись для перевозки переселенцев отдельные вагоны, которые следовали с пассажирскими либо воинскими поездами. Специальными правилами перевозки переселенцев устанавливалось, что погрузка и выгрузка переселенцев и их багажа производится на отводных путях и что общий простой вагонов на железнодорожных узловых станциях не должен превышать 6 ч, причем такие остановки согласовывались с заведующим передвижением переселенцев и могли иметь место только там, где функционировали переселенческие и медицинские пункты. При формировании поездов с переселенческими вагонами последние в период маневров отцеплялись от состава, а включались в состав только после маневровых переездов. В период большого скопления переселенцев для их перевозки использовались также воинские поезда, которые следовали по ранее установленному расписанию.

Если переселенцы следовали одиночными семьями или небольшими группами, недостаточными для формирования специального состава или даже отдельных вагонов, то они перевозились в обычных пассажирских или товарно-пассажирских поездах. Но в таком случае правила перевозки предусматривали: «18. Все дороги как дорожкам, так и переселенцам должны оказывать всякое содействие на получение проездных билетов особыми очередями... 19. При пересадках на узловых станциях переселенцам обеспечивается отправка с первым согласованным поездом, для чего: а) в соответствующих поездах по предварительным заявкам переселенческих агентов выделяется по возможности потребное количество мест, б) посадка в вагоны переселенцев производится отдельными от прочих пассажиров очередями... 20. В товарно-пассажирские и переселенческие поезда обязательно включают специальные вагоны для погрузки и группировки переселенческой клади. В эти же вагоны и погружается кладь переселенцев, прибывающих с боковых линий» (ГАОО. Ф. 612. Оп. 1. Д. 27. Л. 84–85).

В пути следования для больных переселенцев выделялся специальный вагон-изолятор, следующий вместе с переселенческим поездом (Там же. Д. 27; ГАНУ. Ф. 209. Оп. 1. Д. 27. Л. 25). Багаж переселенцев грузился в отдельные вагоны, которые следовали вместе с переселенческим эшелоном.

Для перевозки переселенцев и их имущества комиссариатом путей сообщения был разработан льготный железнодорожный тариф № 13, действительный на всех железнодорожных линиях РСФСР. По льготному тарифу стоимость билета для всех взрослых членов переселенческой семьи составляла четвертую часть стоимости проезда в жестком пассажирском вагоне. Дети до 10 лет ехали бесплатно. Переселенцы имели право по пониженному тарифу провозить свой багаж, а также сельхозинвентарь и скот [Переселенческое дело..., 1927. С. 189–193]; (ГАИО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 28. Л. 12; ГАНУ. Ф. 209. Оп. 1. Д. 23. Л. 107, 108).

В пути следования для переселенцев было организовано горячее питание и отдых на переселенческих пунктах. По сибирской железнодорожной магистрали были созданы 23 питательных пункта для переселенцев. Детям до 3 лет выдавалось ежедневно бесплатно молоко и белый хлеб [Там же]; (ГАНУ. Ф. 209. Оп. 1. Д. 27. Л. 22, 25).

Большое внимание уделялось санитарному обслуживанию переселенцев. В целях предупреждения заболеваемости проводилась тщательная санитарная обработка как самих переселенцев, так и вагонов, в которых они ехали. На каждом переселенческом пункте медицинские работники справлялись о состоянии здоровья переселенцев и в случае заболевания оказывали им срочную медицинскую помощь [Там же]; (Там же). Тяжело- или инфекционных больных снимали с поезда и помещали либо в вагон-изолятор, следующий вместе с переселенцами, либо в больницу при переселенческом пункте, где временно располагалась и вся семья больного переселенца. Высадившаяся семья находилась на полном государственном обеспечении до окончательного выздоровления больного переселенца. По выздоровлении семья продолжала свой путь по прежнему билету, срок действия которого мог быть продлен в зависимости от сложившихся обстоятельств. По всему пути следования переселенцев, главным образом на тех станциях, где размещались переселенческие пункты, создавались особые смотровые отряды из медработников и привлеченных для этой цели активистов. Эти отряды обходили все вагоны, в которых ехали переселенцы, выявляли больных и оказывали им первую медицинскую помощь [Баров, 1929. С. 19; Переселенческое дело..., 1927. С. 189]; (ГАИО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 176. Л. 4, 5, 14; Д. 210. Л. 6–8).

Хотя с открытием планового существенно сократилось стихийное переселение, но в первые годы его проведения оно продолжало оставаться значительным. Ввиду неполного удовлетворения заявок, а также в надежде выбрать более удобные для поселения земли и по другим причинам значительная часть переселенцев ехала по личной инициативе, самовольным порядком, без переселенческих свидетельств. Неплановые переселенцы не пользовались льготным железнодорожным тарифом (в том случае, если не зачислили за собой участок), а во всем остальном обслуживались переселенческими пунктами наравне с плановыми (горячим питанием, медобслуживанием, информацией о районах водворения, ночлегом и др.).

Интенсивность переселения колебалась в зависимости от времени года. Наибольший поток переселенцев следовал в весенне-летний и наименьший – в осенне-зимний период (ГАНУ. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 18. Л. 85. Сводка движения переселенцев через Новосибирск за январь-декабрь 1925 г.). Весной основная масса переселенцев спешила прибыть на новые места к началу полевых работ с тем, чтобы успеть посеять яровые культуры и овощи или, в крайнем случае, подготовить к посеву земельные участки. Осенний подъем переселенческого движения вызывался откладыванием выезда на переселенческие участки до уборки и реализации собранного урожая у себя на родине. Таким образом, процесс всестороннего обеспечения сельскохозяйственных переселений был организован достаточно тщательно и качественно, что на-

ряду с хорошим по тем временам финансовым обеспечением переселявшихся семей стимулировало людей к переезду в новые регионы. Однако практическое выполнение всех перечисленных правил и мероприятий на должном уровне по разным причинам осуществить не удавалось.

Планы и практика красноармейских переселений на Дальний Восток

По плану НКЗ СССР, уточненному в августе 1930 г. с учетом потребностей и возможностей мест вселения, к переселению в ДВК в 1930 г. было намечено 10,6 тыс. красноармейских семей, или 26,5 тыс. едоков. Разверстка для вербовки красноармейцев в военных округах была следующей: Уральский – 7,2 тыс. чел., Московский – 2 тыс., Белорусский – 1,2 тыс., Ленинградский – 500 чел. (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 75. Л. 83).

Благодаря тому, что государством определялся ряд дополнительных льгот для красноармейцев, а также активной агитационной работе политорганов и специфике войскового контингента вербовка 1930 г. прошла относительно успешно. По сведениям ПУ РККА, был завербован 9 541 красноармеец (90 % плана) и 3 303 члена их семей (21 %) (плановый состав красноармейской семьи в 2,5 чел. оказался неверным. Завербованные красноармейцы в основной своей массе оказались холостяками). Однако в силу ряда причин красноармейское переселение на Дальний Восток в 1930 г. фактически было сорвано.

По данным НКЗ СССР, осенью с мест вербовки в ДВК отправилось 8 916 чел. На 1 января 1931 г. проследовало через Иркутск 7 042 чел., а в колхозы края прибыло 4 650 чел. «Растаскивание» красколхозов, сформированных в частях, началось еще в пути следования по территории Сибири, где многочисленные вербовщики переманивали красноармейцев на новые промышленные строительства. Плохое обслуживание в пути следования, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия в местах вселения и негативное отношение старожильского населения, переманивание специалистов на стройки, промышленные предприятия и в советский и партийный аппарат всех уровней довершили свое дело – к середине января 1931 г. в колхозах из числа прибывших осталось 3 360 чел. (12,7 % выполнения плана красноармейского переселения) (Там же. Оп. 29. Д. 76. Л. 16).

Красноармейской переселенческой кампании 1930 г. были присущи черты обычной кампанейщины тех лет – недостаточная обеспеченность материальными ресурсами, бюрократическое отношение к людям, стремление чиновников к своевременной и «красивой» отчетности («выполним и перевыполним») и т. п. В то время, когда уже шли эшелоны с переселенцами, выяснилось, что всех их существующие в ДВК колхозы принять не смогут по причине отсутствия жилья. Произошло это потому, что районные чиновники, получив указание подать сведения о требуемом количестве сельхозпереселенцев, без проверки и согласования с местами вселения данных о наличии жилищного фонда заявили совершенно необоснованные цифры. Поэтому точки вселения (для 5 тыс. чел.) были изменены Дальневосточным краевым переселенческим управлением без согласования с уже находившимися в пути красноармейцами и их семьями. Красноармейцев направляли в другие места вопреки их желанию и выбору,

хотя по ландшафту новые места порой существенно отличались от избранных (например, Ханкайский – равнинный, безлесный далеко от моря, Шкотовский – горно-таежный на побережье). Все это наряду с традиционно отрицательным отношением старожильского населения края к переселенцам послужило причинами оттока красноармейцев из колхозов и обратничества.

Мотивация переселения красноармейцев в дальневосточные колхозы достаточно разнообразна. Одних привлекала идея улучшить свое материальное положение путем обустройства на новом месте за счет государственных средств, другие, поверив легендам вербовщиков из числа руководителей дальневосточных колхозов, представляли себе далекий край неким «Эльдорадо», где сказка уже воплотилась в жизнь, третьих манили романтика дальних путешествий и перспективы разворачивавшегося «социалистического строительства», ведь большинство из них были молодыми здоровыми людьми, не обремененными семейными проблемами. Кто-то подходил под категорию «гастролеров», желавших просто попутешествовать за государственный счет.

Но основную массу переселенцев-красноармейцев составляли все же идейно вдохновленные армейскими политорганами крестьяне, охваченные общим для страны тех лет энтузиазмом и стремлением построить новую жизнь. Многие из них были коммунистами и комсомольцами. Н.И. Платунов в своей работе о переселенцах приводит следующие выдержки из писем красноармейцев: «Я, вышеуказанный бывший красноармеец, приехал в Кузнецкий округ для того, чтобы выхлопотать себе долю земли и закрепить ее за собою и добиться своих целей, т. е. восстановить свое хозяйство...» (переселенец из Могилевской губ.); «Мы решили по уходу из армии организовать коллективное хозяйство, нас теперь записалось 23 товарища. Большая часть из нас бедняки и батраки. В деревне у наших отцов есть хаты и некоторый инвентарь, однако наши руки там приложить негде. Небольшая собственность тяготеет над нами, как мертвое над живым. Мы просим помочь нам организовать коллективное хозяйство» (письмо 23 красноармейцев Белорусского военного округа в НКЗ РСФСР) [Платунов, 1976. С. 202]. На специальных эшелонах, в которых торжественно отправлялись красноармейцы, были вывешены лозунги: «Победили белогвардейцев – победим кулаков», «От винтовки – к крупному социалистическому хозяйству» [Там же. С. 204].

О цели переселения образно писали красноармейцы в армейскую газету дальневосточников «Тревога». Красноармеец Гавриленко: «Мы едем на второй фронт жестокой классовой борьбы. Мы не думаем мирно отдыхать..., а будем застрельщиками социалистического соревнования, ударниками, такими, какими воспитала нас Красная Армия». Красноармеец В.Е. Медведенко: «Нас 40 человек – кузнецов, плотников, трактористов и сапожников из энской украинской части. Мы едем в коммуну им. Реввоенсовета. Из газет мы знаем, что Дальний Восток нуждается в рабочей силе. Наша помощь колхозам Дальнего Востока будет очень кстати» [Там же].

Столкнувшись с трудностями на новом месте, многие переселенцы покинули свои колхозы. Оставшиеся красноармейцы в основном представляли собой наиболее стойкую часть переселенческого контингента. В письме члена ком-

муны им. Червонного Казачества Антипова, написанном в марте 1931 г. на имя командира и военного комиссара своей бывшей части, отображены внедренные в головы красноармейцев советские военно-политические доктрины того времени: «...Коммуна Червонного Казачества из всех существующих на ДВК 19 красноармейских колхозов по своей величине занимает одно из первых мест, но вместе с тем она самая оторванная от всех культурных и политических центров. Даже от районного центра Камень-рыболов к которому подходит железно-дорожная ветка она расположена на расстоянии 65 клм. С другой стороны коммуна ближе всех расположена к Ман[ьчжур]ской границе всего 6–7 клм. С военной точки зрения подступы к коммуне со стороны границы очень хороши, но в случае каких либо осложнений, если инициатива окажется в наших руках, то от нашей коммуны очень близки высоты командующие над большими пространствами китайских равнин. Все это говорит за важность коммуны, как опорного пункта в грядущих боях на чужой территории...» (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 10. Д. 7. Л. 259–261. Здесь и далее сохранены стиль и другие особенности источников).

Далее следует подробное описание тяжелых условий жизни быта и хозяйственной деятельности членов коммуны, которые стойко переносят ее члены. Особый интерес здесь представляет взгляд красноармейца на взаимоотношения с местными властями: «Много еще у нас неумения, но еще больше головотяпства "в тихих заводах" краевых и районных учреждений. Примеров долго искать не придется возьмем хлебозаготовку. Когда мы преподнесли план хлебозаготовки, мы еще не знали наличия своих зерновых ресурсов, ввиду того что хлеб еще не был обмолочен, но мы заранее знали, что хлеба у нас не хватит. Из-за отсутствия рабочей силы хлеб был убран не своевременно, большая часть его осыпалась и погибла. Мы начали стучать в район, что [хлеб] нам весной придется ввозить, но наши доводы остались гласом вопиющего в пустыне, на[с] обвинили в укрывательстве, пришили оппортунизм и правление обещали отдать под суд, а в коммуну прислали буксир, комиссию и т. д. И когда часть хлеба была уже вывезена, а в коммуне составили [хлебо]фуражный баланс, который показал на сколько мы были правы, лишь тогда [...] твердолобые районного масштаба забили тревогу и дальнейшая борьба была прекращена. Тоже самое получилось и с контрольной цифрой [посева]. Нам никак не могли установить цифры посева. Сначала дали [...] что у нас не хватит ни людей ни тягловой силы. Приехали комиссии, гро[зи]ли, ругались, называли паникерами, оппортунистами (благо что слова эти в моде) и все-таки навязали цифру [...] га. Вздохнули с облегчением, составили производственный план [...] знали что этого выполнить не сможем, что этот план, есть план [...] их строительства и подготовки к осеннему переселению. Но возразить было некуда. Но все же начальство убедилось, что мы были правы, план был пересмотрен и утвержден окончательно в 7 000 га. И опять три [агронома] потеют над составлением производственного плана, вместо того чтобы практически следить за его осуществлением. Вся посевная будет проходит[ь] под лозунгом выполнения плана в данные сроки, через соц. соревнование и ударничество. Все люди будут организованы в бригады, до каждой

бригады будет доведен план и даны сроки выполнения. На все работы будут [даны] нормы выработки со сдельной оплатой в трудоднях. Вобщем в коммуне будет первый, большевитский, планово-организованный сев».

По предложениям и просьбам к бывшим командирам можно судить об убежденности коммунаров в том, что государственные структуры, и в первую очередь воинские части, должны и обязаны оказывать помощь коммунарам как организациям, решающим важные государственные задачи: «Какие-же задачи стоят перед Вами в деле подготовки кадров для коммуны. Ваша задача не только воспитать и наберечь достаточное количество членов коммуны, но и снабдить их самым необходимым для жизни в условиях нашего колхоза, потому что мы здесь не в силах будем снабдить такое количество людей...»; «Мы здесь все живем и удивляемся, почему Корпус Червоного Казачества детищем которого является наша коммуна, еще до сих пор не шефствует над нами. Это очень укрепило-бы взаимную связь между нами и [Корпусом] в целом. Над нами шефствуют два кавполка ОКДВА, а наш родной [...] почему-то молчит. Мы просим этот вопрос поставить где нужно на повестку дня».

О вербовке: «Квалифицированные рабочие нужны нам до зареза, но чтобы не было таких явлений что приехали сразу несколько сапожников, труд которых применить мы сразу не можем если едут, пусть будут готовы работать там где их поставят. Особое внимание просим обратить на вербовку коммунаров из числа ОДНОГОДИЧНИКОВ 4-го эскадрона [...] и 31 КАД. Только эти подразделения могут нам дать [техников, дать] руководителей и организаторов по всем отраслям нашего хозяйства. [Много] внимания следует уделить партизации этого кадра. Все одногодичники партийцы, вполне себя оправдали, между тем как среди беспартийных были случаи дезертирства. Вербуйте такие квалификации которые можно использовать в рамках МТС и большого колхоза».

О снабжении: «Питание во время полевых работ идет с перебоями, за недостатком походных кухонь, которых здесь и за миллион рублей некупишь, в ваших хозяйствах их немало, если каждый полк даст своим коммунарам кухню то мы все будем обеспечены на ближайший полевой год.

5) Близость границы, оторванность и бездорожье ни как неуживаются с недостатком оружия в наших условиях. На полк Червонцев 19 винтовок [50 ?] штук патрон, это все равно что нет ничего, а весной из за границы приходят банды, угоняют лошадей, скот и даже ездят на наших тракторах, как это было в позапрошлом году. Революеров у нас на всю коммуну 2. [...] есть много иностранных винтовок, и русских (которые для вас не годны). Когда будет ехать пополнение снабдите их максимальным количеством японских и русских винтовок, революеров и не пожалейте к ним патрон. Если будут старые седла и мелкокалиберные винтовки то пришлите. Здесь есть операт[ивная] группа но оружия почти нет.

7) Государство отпускает нам несколько тысяч на телефонизацию, но на эти деньги здесь много сделать нельзя потому что и с деньгами не [...] найдет что нужно. Здесь нам без вашей помощи никак не обойтись. Нам нужны телефонные аппараты, провода и вообще все принадлежности, хоть на первый

случай, что-бы с заставой связаться. У вас – же эти вещи хоть старые найдутся, подремонтируйте их нам, за новые пойдут. Соорудите так-же несколько радио-приемников.

8) Сейчас мы испытываем острый недостаток в постельных принадлежностях, брюках, а зимой совершенно небыло перчаток. Не смотря на то что у нас на это дело есть и деньги, мы всеже спим без постельных принадлежностей потому что их нигде не достанешь. Если не хотите, чтобы те которые к нам приедут осенью оказались в таком положении как мы то за[каж]ите для них все что можете. На каждого полную постельную принадлежность. С брюками у нас еще хуже. За зиму казачьи порвались, а материала для новых достать не можем. Перспектива незавидная, выехать в поле в совершенно изорванных брюках, грубее выражаясь без штанов. Снабдите всех выезжающих чем можете но не давайте наруки, а централизируйте. В прошлом году мы привезли сукна для портянок, мы его использовали на одеяла в детских яслях. Если можете то снабдите детей уезжающих сукном.

9) Последнее что хотим у вас просить, это стеклограф, нам давно нужно выпускать многотиражку, она сыграла-бы огромную роль в нашей работе, но рукой не напечатаешь, а пробовали достать, тщетно.

Вот и все. Все эти нужды не кланчание, если вы потребуете мы можем уплатить, но достать эти вещи для коммуны необходимо. Лишнего мы ничего не просим, но самое необходимое вы должны дать. Создайте вокруг поставленных нами вопросов общественное мнение. Методы – дело [...] но подготовка нужна заранее». Таковы были настроения и проблемы переселенцев-красноармейцев в первый год пребывания на Дальневосточной земле.

Уже в конце 1930 г., когда стали поступать первые сведения о недостатках в процессе переселения, правительством были санкционированы срочные меры для нормализации обстановки. С целью оказания практической помощи местным хозяйственным организациям в край в октябре 1930 г. была направлена специальная комиссия НКЗ СССР. С 1 декабря 1930 г. все красноармейские семьи были переведены на централизованное снабжение. В феврале 1931 г. в крае с целью выяснения степени виновности местных чиновников в срыве переселенческой кампании 1930/31 г. работала комиссия военной прокуратуры. Она подтвердила основные выводы комиссии НКЗ СССР (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 76. Л. 65, 65 об.).

По результатам выводов комиссии в 1931 г. была проведена реорганизация руководства переселенческим делом. Для переселенческих красколхозов, водворяемых по плану 1931 г. в ДВК, были введены особые льготы и преимущества (по первоочередному обеспечению тракторами и другими сельхозмашинами, сельхозналогу, кредитованию, освобождению от воинской повинности, снабжению продовольствием в пути следования, снабжению в районах водворения, выданным в местах выхода ссудам, проезду и провозу имущества и др.) (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 10. Д. 7. Л. 242–249. Справка о льготах и преимуществах для красноармейских переселенческих колхозов, водворяемых по плану на Дальне-Восточный край в 1931 году). Таким образом, в конце 1930 – начале 1931 г. работа по всестороннему обеспечению процесса красноармей-

ского переселения была активизирована. Однако резкое сокращение финансирования дальневосточной переселенческой кампании по объективным причинам в 1931 г. предопределило ее дальнейшую судьбу.

Всего во второй половине 1931 г. на Дальний Восток было переселено 6 089 красноармейцев и 7 839 членов их семей [Платунов, 1976. С. 203]. Одновременно происходил значительный отток семей красноармейцев на родину. Так, по сведениям секретно-политического отдела ОГПУ наркомвоенмору К.Е. Ворошилову, на 1 января 1932 г. из 13 482 красноармейцев-переселенцев (с семьями) выбыло обратно 1 125 чел., или 8,3 % [Тархова, Романо, 1996. С. 400–402].

Особый колхозный корпус. Замысел и его реализация

Уже ко второй половине 1931 г. руководству страны и военного ведомства стало ясно, что добровольное переселение уволенных со службы красноармейцев и создание из их числа системы красколхозов на Дальнем Востоке в таких масштабах, как оно планировалось первоначально, провалилось. В феврале 1932 г. после поездки на Дальний Восток Ворошилов обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с обстоятельным письмом, в котором отметил: «Эффективность колхозного строительства пока не оправдывает затраченных средств и усилий... Личным своим ознакомлением с состоянием красноармейских колхозов в поездке по Дальнему Востоку, изучением материалов Наркомзема прихожу к определенному выводу, что существовавший и существующий порядок строительства пограничных колхозов добровольно вербуемыми не дает колхозного и быстрого эффекта» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 326. Л. 330–340).

Учитывая значение Дальнего Востока в оборонной структуре государства, Ворошилов предложил организовать в приграничной полосе ДВК в составе ОКДВА Особый колхозный корпус (ОКК). Общий замысел заключался в создании ряда военных опорных пунктов-колхозов на наиболее угрожаемых с сопредельных территорий направлениях. Корпус должен был создаваться как обычный стрелковый, но наряду с выполнением задач боевой учебы и службы заниматься сельскохозяйственным производством. В конечном итоге, как предполагалось, созданные батальоны-колхозы постепенно со всем сельхозинвентарем, постройками и угодьями будут передаваться выслужившим установленный срок и осевшим на Дальнем Востоке красноармейцам этих военных колхозов. По мнению военного руководства, создаваемый корпус должен был сыграть решающую роль в деле обеспечения всей ОКДВА продовольствием и фуражом.

По сложившейся в то время практике принятия государственных решений, предложения Ворошилова сначала были рассмотрены на заседании Политбюро 3 марта 1932 г. Затем специально созданная комиссия разработала, согласовала с заинтересованными ведомствами и 14 марта представила в Политбюро проект постановления об организации в составе ОКДВА Особого колхозного корпуса. 16 марта 1932 г. этот проект был оформлен в виде постановления ЦК ВКП(б) «Об организации особого колхозного корпуса ОКДВА» [Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 290–293]. Буквально на следующий

день, 17 марта 1932 г., решение о формировании ОКК было утверждено одноименным постановлением СНК СССР № 361/76 сс (РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 52. Л. 204–209). По военному ведомству создание ОКК было оформлено приказами НКВМ от 20 марта № 0015 и от 28 марта 1932 г. № 0018 [Тархова, 2010. С. 240]. Такое срочное принятие решения на высшем партийном и государственном уровнях свидетельствует об особой важности проводимой в составе ОКДВА реорганизации.

В соответствии с этими постановлениями корпус общей численностью до 60 тыс. чел. формировался в составе управления корпуса, корпусных частей (по особым штатам), трех стрелковых и одной кавалерийской дивизий. Формирование корпуса военному ведомству предписывалось произвести в две очереди: первая (1932 г.) – формирование управления и трех стрелковых колхозных дивизий (без артиллерийских полков) в Приморье и на Амуре с окончанием формирования к 1 декабря 1932 г.; вторая (весна 1933 г.) – формирование корпусных частей и дивизионных арtpолков и развертывание четвертой дивизии (1-й колхозной кавалерийской дивизии ОКК в Забайкалье) с окончанием формирования к 1 июня 1933 г.

Во исполнение плана формирования корпуса в установленные сроки наркомвоенмор предписывалось к 1 мая 1932 г. перебросить в осваиваемые тремя дивизиями районы командные и хозяйственные кадры для подготовки к принятию призывников. А для скорейшего укомплектования корпуса переменным составом СНК СССР разрешил военному ведомству произвести досрочный (весенний) призыв военнообязанных 1910 г. р. в количестве 20–25 тыс. чел. и обеспечить их прибытие в места развертывания корпуса к 1 мая. Таким образом обеспечивались рабочей силой намеченное строительство корпуса и весенний сев 1932 г. Остальной личный состав, до полного укомплектования корпуса, предписывалось набрать в очередной осенний призыв того же года и направить к местам службы до 1 апреля 1933 г.

Согласно существовавшим в те годы правилам, определенным ЗОВС 1930 г., срок действительной военной службы красноармейцев и младших командиров срочной службы составлял 5 лет, из них 2 года они проходили службу в кадрах Красной армии и проживали в казармах военных городков, а на оставшиеся 3 года отправлялись в долгосрочный отпуск по месту жительства.

Для красноармейцев и младших командиров-срочников ОКК срок действительной военной службы определялся в 4 года, три из которых они обязаны были выполнять задачи непосредственно в своих частях, а один год пребывать в долгосрочном отпуске по избранному месту жительства. Понятно, что увеличение срока службы в кадрах на один год было вызвано необходимостью полной отработки учебных программ боевой подготовки, рассчитанных на полноценную боевую учебу в течение 2 лет. Красноармейцы же ОКК примерно половину годового рабочего времени занимались сельхозпроизводством, строительством, лесозаготовкой. Тем самым они изначально были поставлены в более невыгодное положение, чем военнослужащие других частей Красной армии.

Красноармейцам, изъявившим желание осесть на постоянное жительство в своих батальонах-колхозах, разрешалось к концу второго года службы перевезти к себе свои семьи. Переезд семей и обеспечение их жильем производился за счет государства.

Решением правительства военному ведомству для использования в интересах ОКК передавались все денежные средства, ассигнованные как по бюджету, так и по системе банковского кредита по линии НКЗ СССР, предназначенные для строительства переселенческих красколхозов (жилищное строительство, транспорт, живой и мертвый инвентарь, вербовка и завоз рабочей силы) в ДВК на 1932 г. в сумме 79 млн 892 тыс. руб., за вычетом ассигнований на окончание строительства красколхозов 1931 г. Для производства строительных работ из системы НКЗ передавался со всем личным составом, капиталом и имуществом созданный в 1931 г. специально для строительства красколхозов на Дальнем Востоке 17-й Союзсельстройтрест. Машинно-тракторные станции, обслуживавшие красноармейские колхозы региона (всего 22), также передавались военному ведомству со всем личным составом и инвентарем и включались в состав корпуса. Централизованным порядком на уровне союзных наркоматов и местных исполкомов строительство полностью должно было обеспечиваться всем необходимым имуществом, техникой, стройматериалами, специалистами и рабочей силой (РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 52. Л. 204–209). В интересах формирования 1-й колхозной кавалерийской дивизии ОКК в Забайкалье (к югу от Сретенска) предусматривалась передача корпусу в 1933 г. шести животноводческих совхозов, территориально расположенных по месту планируемой дислокации кавдивизии.

Таким образом, создавая Особый колхозный корпус, руководство страны пыталось решить ряд социально-экономических и политических задач путем использования труда призываемых на службу военнообязанных. Их труд, конечно же, нельзя отнести к категории свободного. Его уместно определять как обязательно-принудительный.

Организационно корпус состоял из управления, отдельных частей корпусного подчинения (корпусной артиллерийский полк, саперный батальон (колхоз), батальон связи (колхоз)), трех колхозных стрелковых дивизий и одной колхозной кавалерийской дивизии. В управление корпуса входили: командир-комиссар корпуса, его помощники по политической и производственной части, по материальному обеспечению, инспекторы по военно-хозяйственной части (всего вместе с командиром-комиссаром 7 чел.); штаб корпуса, включавший начальника штаба и должностных лиц отделов и служб, начальников родов войск и служб, штабную роту, предназначенную для обеспечения работы штаба; политический отдел; квартирно-эксплуатационная часть; производственный отдел (секторы: агропроизводственный, животноводческий, организации территории, механизации и автотранспорта, планово-инспекторский, сельскохозяйственного снабжения, подсобных предприятий, общий; группы: пчеловодства, садоводства и огородничества, организации труда, планово-финансовая, учета). Всего по штату в управлении корпуса числилось 158 чел., из них высшего, старшего и среднего начсостава – 117, младшего – 14, рядо-

вых – 25, вольнонаемных – 2 чел. Управлению полагалось иметь 20 лошадей, четыре легковых и три грузовых автомобиля (РГВА. Ф. 37745. Оп. 1. Д. 46. Л. 167–174. Штат к/9 1932 г.).

Каждая колхозная стрелковая дивизия включала управление (командир-комиссар, штаб, партийно-политический аппарат, помощник по производственной части, начальники родов войск и служб и др.), отдельные части и подразделения, находящиеся в непосредственном подчинении управления дивизии (противотанковая батарея, батальон связи, эскадрон дивизии, саперная и химическая роты), три стрелковых и один артиллерийский полк. В кавалерийской колхозной дивизии предусматривалось иметь четыре кавалерийских полка (по пять эскадронов каждый), артиллерийский и механизированный (танковый) полки. В среднем в колхозной стрелковой дивизии 1933 г. должно было быть около 17,5 тыс. чел.

Стрелковый полк организационно включал управление (командир, штаб, партполитаппарат, начальники родов войск и служб), три стрелковых батальона-колхоза, полковую артиллерию, полковую школу младших командиров, МТС, на базе которой содержались танковая рота и автотракторная мастерская (Там же. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 52. Л. 215).

Каждый стрелковый батальон имел организационную структуру, позволявшую ему совершенно самостоятельно создать отдельный полноценный колхоз и в то же время оставаться основным тактическим боевым подразделением своих полка и дивизии. Организационно он включал управление батальона (командир-комиссар, штаб, партполитаппарат), обеспечивающие службы и подразделения (производственная часть (агроном, бухгалтерия, мастерская по металлу, инвентарный склад), хозяйственная часть и боепитание (мастерские хозяйственные, подсобные предприятия, склады, конюшня, хлебопекарня, кухня), взвод связи, отделение конных разведчиков, саперный взвод, клуб, амбулатория и ветпункт)) и боевые подразделения (три стрелковых и пулеметная роты, артиллерийский взвод). Каждая рота в производственном отношении представляла отдельный рабочий участок, разделенный на бригады (взводы (3)) и группы (отделения (4)) по 11–13 чел. в каждой группе (Там же. Л. 216). Всего в батальоне по временному штату 1932 г. к осени должно было быть 673 чел. личного состава и 150 лошадей. С весны 1933 г., после полного укомплектования корпуса призывниками набора осени 1932 г., в батальоне должно было быть 1 140 чел. личного состава и 200 лошадей (Там же. Л. 218).

Каждый батальон-колхоз одновременно являлся учебным центром по боевой подготовке бойцов и подразделений. Младшие командиры проходили обучение в полковых школах. Программа для них была составлена таким образом, что помимо военной подготовки командира стрелкового отделения они получали знания и навыки как будущие руководители разного рода сельскохозяйственных бригад и рабочих групп.

Всего по временным штатам 1932 г. в ОКК (без учета кавалерийской дивизии, саперного батальона и корпусного артполка, подлежащих формированию в 1933 г.) к осени 1932 г. должно было числиться 25 469 чел. личного состава

и 5 669 лошадей; весной 1933 г. соответственно 50 084 и 8 913 (Там же. Л. 220). Летом-осенью 1932 г., с учетом степени укомплектования батальонов людьми, техникой и имуществом, корпус должен был развернуть 35 отдельных, в прямом смысле военных колхозов, из них семь зерновых, 13 зерново-животноводческих, три зерново-животноводческих с рисосеянием, по одному овощеводческому и зерново-свекловичному, три овощно-животноводческих, два зерново-свекловичных животноводческих (не установлено направлений по пяти хозяйствам) (подсчитано по: Там же. Д. 25. Л. 218–220; Д. 29. Л. 22).

Весной 1932 г. комплектование первой очереди корпуса прошло в основном организованно. Рядовым составом корпус был укомплектован на 99 %, младшим начсоставом – на 57,5, средним – на 63,3, старшим – на 71,1, высшим – на 97 % (подсчитано по: Там же. Д. 29. Л. 121).

С первых же дней по прибытии к новому месту службы командиры и политработники развернули плановую работу по организации строительства военных лагерей, сельскохозяйственных работ. По заданиям первой очереди строительных работ (в 1932 г.) корпус в основном своими силами обязывался построить 219 жилых зданий общей площадью 595 677 куб. м, 106 социально-бытовых (284 050 куб. м), 128 сельскохозяйственных (135 123 куб. м) зданий и сооружений. Кроме того, требовалось провести весенний и осенний сев, предварительно подготовив землю, скосить сено, собрать урожай и разработать угодья для весеннего посева 1933 г.

Условия, в которых приходилось трудиться людям, были тяжелыми. Бытовая неустроенность из-за отсутствия стационарных жилых помещений, жизнь в палатках и работы в поле в условиях холодного и дождливого дальневосточного лета быстро приводили обмундирование в негодность. Тяжелые физические нагрузки при более чем десятичасовом рабочем дне, без предоставления дней отдыха, выматывали людей. Постоянно происходили перебои со снабжением продовольствием и водой. Перспектива жить и работать в таких условиях три года усугубляла упадочнические настроения красноармейцев. Денежное довольствие красноармейцы ОКК получали наравне с военнослужащими других частей Красной армии, в соответствии с окладами по воинским должностям. То есть, выполняемые сельскохозяйственные работы им не оплачивались.

Яркая характеристика условий жизни, быта и работы красноармейцев ОКК того периода отражена в одном из докладов заместителя начальника особого отдела ПП ОГПУ по ОКДВА Прякина от 15 сентября 1932 г.: «Перебои в снабжении корпуса продуктами питания – продолжаются. Особенно остро стоит вопрос о снабжении частей мясом, жирами и овощами. Отмечены случаи, когда отдельные части не получали мяса в течение 30–40 дней.

Качество продуктов, и особенно рыбы, крайне низкое. Подчас рыба выдается тухлая. Нормы выдачи продуктов, потребностей красноармейцев, занятых на тяжелой физической работе, не удовлетворяют.

Водоснабжение в ряде батальонов еще не налажено, вследствие чего некоторые из них вынуждены пользоваться недоброкачественной болотной во-

дой. Все эти обстоятельства порождают резкие недовольства со стороны красноармейцев.

На почве ненормальностей в питании, красноармейцы говорят:

"Этой пищей можно кормить только преступников, да красноармейцев" (кр[асноарме]ец Свердлов, беспартийный, из рабочих);

"Сегодня сварили "шесть условий тов. Сталина", а не суп, супом этого называть нельзя" (кр[асноарме]ец Плахотников);

"Все богатство Советского Союза вывезено за границу и у нас, поэтому ничего нет. Нас сюда пригнали не в Армию служить, а отбывать принудительные работы – томят голодом, скоро ног не потащишь" (кр[асноарме]ец Большак, беспартийный, из рабочих)» (РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д.26. Л. 474, 475).

Недовольства высказывались и по поводу отсутствия исправного обмундирования, и плохих условий службы, и состояния дел в оставленных на родине семьях. Высказывания по поводу службы в основном сводились к определению и сравнению производственной работы с работой каторжников-ссылных, и что по характеру работы следует считать себя, в лучшем случае, рабочими, а не красноармейцами: «Не знаю, красноармейцы мы или рабочие. Если красноармейцы, то были бы обмундированы и вооружены, если рабочие, то зачем воинская дисциплина? Командиры нам как следует этого не разъясняют (кр[асноарме]ец Тоцкий, беспартийный, из колхозников)»; «Это все политика – если бы нас стали вербовать, мы бы не поехали, так нас взяли под видом служить в армии. Только теперь мы поняли в чем тут дело (кр[асноарме]ец Челомбицкий)» (Там же. Л. 476).

Под впечатлением писем из дома, с Украины и из центральных областей России, где в это время начинался голод, среди красноармейцев имели место «антиколхозные и даже контрреволюционные настроения». Этому способствовало то обстоятельство, что командиры частей, не имея пока гербовых печатей, не могли своевременно оформить и отправить по месту жительства своих бойцов справки для предоставления льгот их семьям. Пряхин приводил следующие выдержки из высказываний красноармейцев: «Все что пишут в газетах – вранье. Колхозов не было – лучше было жить, а сейчас люди голодуют. Босота скоро всю Россию прогуляет (кр[асноарме]ец Туволец)»; «Мы тут работаем как каторжане, а родителям там не помогают – они умирают с голоду. (Кр[асноарме]ец Родин, призывник из Мордовской обл.)»; «У моего отца отобрали лошадь, всю скотину, оставили голым. Да еще в дом ворвались как бандиты (кр[асноарме]ец 5-го полка Кузнецов, беспартийный, колхозник)»; «Из меня теперь плохой защитник Советской власти – я нахожусь тут в армии, а дома семью разорили. Недавно отобрали последнюю корову за то, что мы не пошли в колхоз (кр[асноарме]ец Горнеев, беспартийный, из единоличников)»; «Красноармейцу 2-го полка Николаеву родные пишут: "Твоей семье от всех льгот и пайка отказали. Мне в Сызранском военкомате сказали, что семьям кр[асноарме]йцев 1910 года рождения в льготах отказали, т. к. все они являются не красноармейцами, а вербованными рабочими"»; «Давайте убежим из армии, добудем оружие и организуем шайку против Соввласти. Какая это жизнь – пригнали в болото, заставляют непосильно работать, кор-

мят хуже, чем свиней (кр[асноарме]ец Пилипенко)»; «Что мы тут живем? Кормят плохо, работа тяжелая. Я теперь за Советскую власть голову класть не стану – если будет война, поверну штык против красных (кр[асноарме]ец Пакеев)» (РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 26. Л. 476–478).

Несмотря на выплачиваемые командирам двойные оклады денежного содержания (первые 5 месяцев), сразу по прибытии в Дальневосточный край стали проявляться «пораженческие» настроения и среди них. Выполнение несвойственных для армейского командира функций руководителя сельскохозяйственных и строительных работ при отсутствии соответствующих знаний и неумении увязать в один комплекс задачи производства и боевой учебы, неустроенность семей были основными причинами недовольства, проявлявшегося порой в резких высказываниях, коллективных пьянках, дебошах со стрельбой из личного оружия. Приводятся следующие типичные высказывания командиров и их жен: «Лучше ДОПР [дом принудительных работ. – Д. М.], чем такое житье. Завтра иду к Прокурору и заявляю ему о нежелании служить. Меня арестуют, будут судить и погиб я для армии и семьи. Не могу я дальше так жить – семья не обеспечена, паяк из кооператива на них не дают, а наш военный паяк забирают в столовую, семью корми чем хочешь (Командир взвода Отдельного батальона связи Зеленый)»; «Приехали в какую-то дыру, нет ни дров, ни керосину. Разместили по углам, где попало. На собраниях только и слышишь обещания, а сделать еще ничего не сделали – о себе только заботятся (Жена инструктора политического отдела дивизии Минакова)» (Там же. Л. 479).

С начала формирования корпуса по 1 августа 1932 г., т. е. за 4 месяца, из него дезертировало 63 военнослужащих, произошло 23 несчастных случая (11 со смертельным исходом), только по двум дивизиям совершено десять случаев членовредительства, шесть коллективных отказов от приема пищи и выхода на работу, пять покушений на самоубийство и три самоубийства. В частях многие рядовые и начсостав открыто заявляли о намерении покончить с собой*.

На строительных объектах первой очереди корпуса и заготовке стройматериалов летом 1932 г. в среднем ежемесячно использовалось: на строительстве – около 6 тыс. чел., на лесосплаве – 2 тыс., на лесозаготовках и лесозаводах – по 1,5 тыс. чел. личного состава ОКК (Там же. Д. 29. Л. 119). С ноября командир корпуса установил объем заготовки делового леса в 200 тыс. куб. м, на что выделялось около 2,5 тыс. чел. На заготовку 300 тыс. куб. м камышита выделялось около 100 чел. (Там же. Ф. 37745. Оп. 1. Д. 46. Л. 306). Кроме того, люди выделялись на мелиоративные работы по подготовке сельхозугодий.

Подводя итоги строительства первой очереди, командир корпуса в своем приказе № 069 от 20 ноября 1932 г. отмечал: «...план строительства выполнен по казармам на 72, по домам начальствующего состава 49, столовым 46, хлебопекарням 54, конюшням 41, коровникам 19 процентов... Законченные

---

* Приведены сведения из докладной записки инспектора ПУ ОКДВА Суслова, inspectировавшего в составе группы первую и вторую колхозные дивизии летом 1932 г. – РГВА. Ф. 33897. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

постройки и строящиеся по качеству произведенных работ низки: печи собраны небрежно, дымовые трубы выведены криво, штукатурка, настил потолка ведется небрежно... Построено помещение технически неверно, опасное для размещения...» (Там же. Л. 186, 187).

Результаты сельскохозяйственного производства в 1932 г. также были невысокими. Пшеницей было засеяно 6 764 га, погибло 1 129 га, сжато 5 635 га, обмолочено 394 га, в результате чего получено 937 ц зерна. Таким образом, урожайность составила 2,3 ц с гектара. Овсом засеяно 4 186 га, погибло 500 га, обмолочено 826 га, получено 4 513 ц. Средняя урожайность составила 5,4 ц с гектара. Картофелем засажено 1 096 га, погибло 229 га, убрано и вывезено с поля 10 868 ц картофеля (Там же. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 29. Л. 73). В это время средняя урожайность по другим хозяйствам ДВК составляла по пшенице 8,8 ц, по овсу 9,89 ц, по картофелю 95 ц с гектара.

Боевая подготовка летом 1932 г. в большинстве частей практически не проводилась, что неоднократно отмечалось в приказах командира корпуса (Там же. Ф. 37745. Оп. 1. Д. 46. Л. 11–12. Приказ № 04 от 5 июня 1932 г. и др.). Относительно четкие и продуманные организационно-методические указания штаба корпуса о порядке организации и проведения боевой подготовки, учебные программы и тематические планы по предметам обучения впервые в корпусе появились осенью 1932 г. По сложившейся в Красной армии практике (прочно вошедшей в традиции нашей армии на все последующие годы), все новое, в данном конкретном случае – организация боевой подготовки совместно с проведением строительных и сельскохозяйственных работ, не давалось сверху в готовом виде, а вырабатывалось управлением самого корпуса по собственному наитию. К чести штабистов ОКК, они с этой сложнейшей задачей справились вполне успешно.

Курс боевого обучения рядового состава в 1932/33 уч. г. был рассчитан на 805 уч. ч и включал три ступени: первая – с 1 ноября по 31 декабря 1932 г. (42 уч. дня по 4 ч – 168 ч): подготовка одиночного бойца и действия в составе стрелкового отделения в различных видах тактических действий; вторая – с 1 января по 15 апреля 1933 г. (73 уч. дня по 5 ч – 365 ч): действия бойца в составе взвода и роты; третья – с 16 апреля по 30 октября 1933 г. (136 уч. дней по 2 ч – 272 ч): один день политическая подготовка, второй – строевая, третий – стрелковая и т. д. для закрепления достигнутых за зимний период знаний и умений. На изучение агроминимума бойцам отводилось 18 ч. Кроме этого, по отдельному плану должны быть проведены тактические учения и маневры подразделений и частей разных уровней (Там же. Л. 133, 134). Становится понятным, что зимой, когда нет полевых работ, планировалось больше часов занятий, весной, летом и осенью – меньше.

Летом занятия проводились в сельхозугодьях, где работало подразделение. Для этого в непосредственной близости от производственного участка организовывался учебный пункт взвода со всем материальным обеспечением занятий (плакаты, мишени, приборы и т. п.). Начальником учебного пункта назначался один из командиров взводов, он же являлся руководителем занятий. Другие командиры взводов руководили производством. Из рабочих бри-

гад через каждые 15–20 мин. на учебное место отправлялись по два бойца, с которыми руководитель на учебном месте в течение 15–20 мин. проводил занятие по определенной теме определенного предмета боевой подготовки согласно расписанию занятий. Затем бойцы заменялись. Таким образом, за рабочий день каждый боец проходил через учебный пункт (Там же. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 52. Л. 190–193).

Подготовка младших командиров проводилась в специально организованных для этого полковых школах. Учебной программой предусматривалось обучение не только боевой специальности в объеме подготовки командира стрелкового отделения, но и специальности руководителя сельскохозяйственной бригады полеводов, животноводов, бригадира механизированной колонны, а также младшего специалиста-хозяйственника войскового хозяйства (для войсковых частей). Каждая специальность – отдельный учебный взвод. По каждому предмету обучения были разработаны учебные программы. Обучение включало шесть ступеней (в целом с 15 октября 1932 г. по 15 ноября 1933 г.) общим объемом 1 528 уч. ч. Из них на предметы боевой подготовки было отведено 1 165 ч, на гражданскую специализацию – 300, на изучение агроминимума – 63 ч. Большая часть учебного времени, как и у бойцов, приходилась на зимние месяцы. Летом, в разгар полевых работ, для курсантов предусматривалась командирская и производственная стажировка в своих подразделениях (Там же. Ф. 37745. Оп. 1. Д. 46. Л. 90–93, 95–97).

На основании детального изучения документов по организации боевой подготовки в ОКК того периода можно констатировать, что учебный процесс был хорошо продуман. Однако запустить его и вести так, как запланировали, впоследствии не представилось никакой возможности. Основными причинами были: отсутствие достаточного количества специалистов-преподавателей, колоссальный, никем не обоснованный и не рассчитанный объем сельскохозяйственных, строительных и различных заготовительных работ, обусловивший такой же колоссальный отрыв личного состава от боевой учебы, неумение командиров всех степеней совмещать работы с боевой учебой.

Штаб ОКДВА, управление корпуса постоянно в одни и те же периоды года в своих приказах устраивали «разносы» должностным лицам дивизий, полков и батальонов – то за плохую организацию боевой подготовки, то за опоздания с севом или уборкой зерновых и потерю урожая, то за срыв планов строительства. В любое время любой командир мог быть наказан за срыв работ любого направления. Кроме того, необходимо помнить и об ответственности командиров за состояние воинской дисциплины и внутреннего порядка в подразделениях, размещавшихся палаточными лагерями в условиях холодного и сырого дальневосточного климата.

На 1933-й год корпусу постановлением РВС СССР была установлена посевная площадь в размере 100 тыс. га. Урожайность с засеваемых корпусом площадей определили на 10 % выше, чем в среднем по краю. В 1934 г. посевные площади корпуса планировалось довести до 150 тыс. га. Для реализации этого плана в 1933 г. необходимо было обеспечить вспашку зяби на площади 80 тыс. га, засеять озимой рожью 4 тыс. га и взметать 66 тыс. га пара. Кроме того, в

1933 г. планировалось увеличить поголовье лошадей (от 2,4 до 5 тыс.), молочного скота (от 2,5 до 7,1 тыс.), свиней (от 3,0 до 18,5 тыс.), овец (от 2,0 до 5,6 тыс.), кроликоматок (от 1,5 до 17,25 тыс.), а также птиц до 14,1 тыс. (Там же. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 52. Л. 52 об.). Такой «прирост» стада должен был обеспечиваться главным образом за счет поставок животных из Центра. Большую часть семенного материала корпус также должен был получить из Центра.

К концу осенней посевной кампании 1932 г. в корпусе имелось 762 трактора (462 переданных с МТС и 300 из Центра), из них 503 трактора требовали капитального ремонта, остальные – среднего. Такое состояние тракторного парка военачальники объясняли варварским отношением к тракторам и нецелесообразным их использованием на строительных работах. Однако необходимо также учитывать, что трактора работали в поле в три смены, т. е. круглосуточно, и управлялись не всегда квалифицированными трактористами. В декабре 1932 – феврале 1933 г. Центр поставил корпусу еще 175 колесных и 32 гусеничных трактора (Там же. Д. 29. Л. 60).

Полученный в 1933 г. урожай посевных культур, по расчету специалистов ОКК, мог обеспечить создание семенного фонда для сева 1934 г. (150 тыс. га), удовлетворить потребности в довольствии людей корпуса (31 тыс. чел., включая части кавдивизии) и создать годовую кормовую базу для стада корпуса и запасной фонд в распоряжении командира корпуса (5 % от валового сбора). Кроме того, части ОКДВА (146 088 чел. личного состава и 42 435 лошадей) полностью обеспечивались пшеницей, соей, капустой, помидорами, огурцами (подсчитано по: Там же. Д. 52. Л. 20). Выход товарной продукции животноводства (вместе с мясом птицы) должен был составить 1 969 ц, что обеспечивало только 8,5 % потребности ОКК. Намеченный корпусу улов морской рыбы* в 1933 г. в количестве 30 тыс. ц давал возможность полностью удовлетворить потребность корпуса в рыбе, а остаток в размере 20 тыс. ц использовать на улучшение питания начсостава корпуса, его семей и довольствие войсковых частей ОКДВА.

По финансированию общие расходы ОКК, включая и расходы по организации территории, в 1933 г. должны были составить 40 260 592 руб., приходы – 30 151 247 руб.

Из доклада командира ОКК Калмыкова на расширенном заседании РВС СССР в ноябре 1933 г. следует, что план сева, определенный на 1933 г. в 100 тыс. га, был выполнен на 106 %, план сенокоса в 30 тыс. га был перевыполнен – выкосили 34 тыс. га, собрали 50 тыс. т сена. Относительно хлебозаготовительной кампании Калмыков привел следующие цифры: «Государству мы должны были в этом году дать 121 806 центнеров хлеба к 1 января. Мы к 10 ноября этот план полностью выполнили. Общий сбор зерновых культур в этом году будет у нас около 3 500 000 пудов. Таким путем, кроме хлебосдачи государству мы полностью обеспечиваем себя семенами, полностью обеспечиваем себя продовольствием, фуражом и овощами. Таким путем в этой части мы, безусловно, задачу,

---

* Бригада красноармейцев-рыбаков – одна из стрелковых рот, занималась рыбным промыслом вблизи рыбозавода на о-ве Попова в Японском море.

поставленную народным комиссаром, выполнили» (Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 40. Л. 156–159).

В начале 1933 г. командование корпуса обратилось к руководству военного ведомства с ходатайством о переводе некоторых подразделений на положение самостоятельных военизированных красколхозов с исключением их из состава ОКК. Такое разрешение было дано специальным постановлением РВС СССР от 11 мая 1933 г. (Там же. Д. 52. Л. 97–99). Корпусу разрешалось с 1934 г. в качестве эксперимента перевести две лучшие роты на положение самостоятельных колхозов. Разрешалось также к 1 января 1934 г. осуществить привоз и расселение 1 тыс. семей красноармейцев.

Однако, несмотря на активную агитацию и вводимые для красноармейцев-колхозников льготы (практически полное государственное обеспечение), остаться на постоянное жительство в красколхозах ДВК пожелали лишь единицы. Красноармейцы знали о причинах массового обратничества из красколхозов, созданных в 1930 г., и не желали повторять горький опыт своих предшественников. Начальник политотдела ОКК в докладной записке на имя начальника ПУ РККА Я.Б. Гамарника в сентябре 1933 г. по этому поводу приводит некоторые высказывания красноармейцев: «Главное, что меня беспокоит – не получится ли с нами, то же, что с красноармейскими колхозами организованными здесь в 1929–30 г. Ведь тогда собрались сюда самые отборные ребята, а потом разбежались, т. к. их бросили без крепкого руководства, не случится ли с нами то же (красноармеец Голубев, канд. ВКП(б), 1 стрелковая дивизия)»; «Будут вмешиваться в работу колхоза, будет дерганье, сегодня одно, завтра другое (кр[асноарме]ец Лысюк, б/п, 1 с[трелковая] д[ивизия])»; «Я боюсь оставаться потому, что хоть и будет колхоз, но все равно дисциплина будет такая же самая, вся работа будет на приказе (кр[асноарме]ец О[тдельного] Б[атальона] С[вязи] 2 с. д. Петренко, чл. ВЛКСМ)»; «Не могу переносить этот климат, от одних комаров и мошек получишь чехотку (кр[асноарме]ец III/4 с.п. [3-го батальона 4-го стрелкового полка. – Д. М.] Коришенко, б/п)»; «В прошлом году хлеб погиб от дождей. В этом году погода лучше, а урожай все же неважный (кр[асноарме]ец Хрипунов, чл. ВЛКСМ)»; «Над ДВК нависла угроза войны. О КВЖД вопрос не разрешен. Семью завозить опасно. Нужно подождать (кр[асноарме]ец II/3 с.п. Гончарук, б/п)»; «Везде хорошо и здесь в ДВК и на Украине, а за границей лучше жить, там с голоду недохнут, а у насдохнут (кр[асноарме]ец сап[ерной] роты Симежон, б/п, колх.)» (РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 52. Л. 175, 176). Приводятся также обращения крестьян-старожилов к приезжим красноармейцам-колхозникам: «Не оставайтесь здесь... земля здесь песчаная неурожайная, климат здесь жесткий. Сырость и наводнение сменяются засухой» (Там же). Таким образом, несмотря на то, что хозяйство корпуса с 1934 г. стало рентабельным, главную идею об оседании военнослужащих на Дальнем Востоке в составе красноармейских колхозов осуществить не удалось.

В 1934 и 1935 гг. ОКК продолжал одновременно заниматься сельхозработами и боевой учебой. Качество последней оставалось крайне низким, что неоднократно отмечалось в материалах инспектирования, приказах по ОКК и

ОКДВА. Такое положение в корпусе, а также расширение японской агрессии в Китае и наращивание группировки сил японской Квантунской армии на сопредельной с ДВК территории предрешили дальнейшую судьбу ОКК. В мае 1936 г. Особый колхозный корпус был реорганизован в чисто армейское боевое объединение, а его пахотные и сенокосные угодья были переданы в ведение райземотделов для образования на них колхозов и совхозов.

Динамика красноармейских колхозов на Дальнем Востоке

Статистика добровольного красноармейского переселения на Дальний Восток в эти годы была следующей: всего во второй половине 1931 г. было переселено 6 089 красноармейцев и 7 839 членов их семей, в апреле 1932 г. – январе 1933 г. – 533 семьи в составе 2 905 чел., зимой 1933/34 г. – 682 семьи в составе 3 328 чел., в 1935 г. – 1 160 семей в составе 6 452 чел. [Платунов, 1976. С. 203]. Здесь необходимо отметить, что в 1933 г. в экстренном порядке для заселения обезлюдивших «расказаченных» станиц Кубани на Северный Кавказ было переселено более 36 тыс. бывших красноармейцев [Полян, 2001] в составе красколхозов, поэтому численность красноармейцев-переселенцев в другие регионы резко снизилась.

Красноречивым свидетельством отношения местных властей к красколхозам служит отчет о работе одной из многочисленных проверочных комиссий НКЗ СССР, работавшей в ДВК с 5 мая по 5 июня 1935 года: «В ДВК в 1930 году организовано 30 красноармейских колхозов с количеством 5792 красноармейских хозяйства.

На 1/1–1934 года оставалось лишь 1224 хозяйства.

Укреплением красноармейских колхозов, после их организации, ни краевые, ни районные организации не занимались, вместо укрепления занимались растаскиванием этих хозяйств, как людей (лучших активистов), так и имущества колхозов.

Взято из этих колхозов людей: из «Пограничника» – 20 чел., из колх. «Красный пахарь» – 33 чел. из «Первого мая» – 30 чел., из колх. «14-й Дивизии» – 60 чел. из колхоза УВО – 30 чел., из колх. «3-го полка Связи» – 87 чел. из «Красн. Звезды» – 18 чел., из колх. «Червон. Казач.» – 47 чел. Это лишь часть колхозов, из которых взяты были активные работники-красноармейцы.

Несмотря на решение Крайкома партии, которым категорически запрещалось брать людей из Красколхозов и вернуть тех, которые были взяты, все-же это постановление не выполнено и растаскивание продолжается до сего времени.

Из имущества колхозов взято разными организациями 200 построек, в том числе 115 жилых домов, 7 прачечных, 3 хлебопекарни, 7 столовых, 2 клуба, 5 амбаров и проч.

Самое большее количество взято военведом. И кроме того взято РИКаами 4 дома, техникумом 16 домов, МТС 19 домов, ШКМ 10 домов.

При нашей проверке 7 колхозов установлено: в колхозе «14 Дивизии» 44 хозяйства живут в 9 крестьянских домах; в колхозе «Червонное Казачество» 23 хоз-ва живут в 11 кр. домах; колхоз «Кирова» 26 хоз-в живут в 5 крестьянских домах; колхоз «Ленина» размещены по 3-4 семьи в одном крестьянском

доме. Скученность в жилищах красноармейцев до сего времени исключительно большая.

Из проверенных нами 7 красколхозов выявлено наличие красноармейских семей: в колх. "Червон. Казачество" из 87 хоз-в – 61 хоз-во красноармейск.; в "Пограничнике" из 35 хозяйств – 30 красноармейских; им. "Кирова" 100 % красноармейцы [в колхозе всего 26 хозяйств с 42 трудоспособными колхозниками – Д. М.], "14-й Дивизии" из 44 хоз-в – 33 красноармейских; им. Ленина из 58 хоз-в 50 красноармейских и т. д. [и т. д. – это еще два подобных колхоза. – Д. М.].

Колхоз "14-й Дивизии" в 1934 году получал 5 вагонов леса для жилстроительства. Этот лес пришел на станцию Камень-Рыболов и нач. станции не известил об этом колхоз. Через 48 часов передал этот лес жел. дор. ОРСу.

Узнав об этом Правление колхоза обратилось с жалобой в МТС, в РИК и в КрайЗУ, чтобы помочь колхозу возвратить этот лес, но колхозу никто не помог, а КрайЗУ даже в течении месяца на жалобу колхоза не отвечал. И лишь через месяц написали в штаб ОКДВА, чтобы последний помог колхозу.

Бюрократическую обязанность КрайЗУ выполнило, а колхозу не помогли.

Наша бригада передала это дело в Комиссию Советского Контроля, но леса для жилстроительства колхоз лишился.

Все это происходило благодаря тому, что КрайЗУ этим вопросом не занималось и не занимается.

Нами поставлен был этот вопрос перед руководством Края, чтобы красколхозы были выделены для их лучшего обслуживания со стороны КрайЗУ и для этого были выделены спецработники которые отвечали бы за состояние красколхозов и помогали этим колхозам в их работе.

Начальник КрайЗУ Чеманов категорически отказался сославшись на то, что они имеют опыт в этом и, что этот опыт дал лишь отрицательные результаты, и, что создавать привилегированное положение красколхозам, значит создавать антагонизм между остальными колхозами...

Колхозный корпус занимался лишь теми колхозами, которые находились в его системе из красноарм. действит. службы, и поскольку кончается срок службы крас[ноармей]цев, эти колхозы выходят из обслуживания колхозного корпуса и передаются в общую сеть колхозов, а там они обслуживаются наравне со всеми колхозами; на данное время при нашем переговоре с командиром корпуса т. Калмыковым, они отказываются и от этой работы.

При переговорах бригады с нач. Штаба ОКДВА было выяснено, что все 30 Красколхозов были организованы в тех точках, которые необходимы для военного ведомства и что эти точки остаются нужными и до сего времени.

Начальник Штаба высказал свое мнение, что заниматься красколхозами нужно и укреплять их необходимо.

Считаю, что вопрос о красколхозах в ДВК, необходимо поставить в Правительстве на разрешение, чтобы этими колхозами ДВК занимался также и еще лучше чем занимаются другие края и области, т. к. очень многие красколхозы ДВК расположены на самой границе и оказывают помощь погранчастям в нужных случаях» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 2470. Л. 86–86 об.).

В последующие годы в связи с общим недостатком трудовых ресурсов в большинстве регионов европейской части России масштабное плановое красноармейское переселение на Дальний Восток прекратилось. Прекратились в основном и централизованные кампании по поддержке красноармейских колхозов. Из 30 красколхозов, созданных на Дальнем Востоке в начале кампании, к концу 1935 г. осталось только семь. Для того чтобы «не создавать антагонизма между красноармейскими и иными колхозами», первых уравнивали в правах и льготах со вторыми.

В письме Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) секретарям подведомственных парторганизаций в апреле 1936 г. было отмечено: «Проведенная в декабре 1935 г. проверка красноармейцев-переселенцев по 7 районам... показала, что на 1 034 переселенческих хозяйства не обеспечены домами 242, надворными постройками 566, не имеют коров 189.

На проходившем в первых числах марта Пленуме крайисполкома Маршал Советского Союза тов. Блюхер выдвинул предложение о том, чтобы дело устройства красноармейских переселенцев стало делом колхозов.

Не создавая больших планов, нужно организовать колхозную общественность на то, чтобы в 1936 г. каждый колхоз за счет своих средств подготовился принять одно-два красноармейских хозяйства...» (Там же. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 138. Л. 28). Постепенно о красноармейских колхозах стали забывать.

Красноармейские колхозы на западных границах

Одновременно с Дальневосточной красноармейской переселенческой кампанией государством в 1930–1936 гг. было организовано переселение уволенных в долгосрочный отпуск красноармейцев в составе организованных красколхозов для «укрепления пограничных полос» практически по всей границе СССР. Предпосылками этой кампании служили нарастание военной угрозы, необходимость укрепления пограничных полос как в инженерном отношении, так и в смысле освобождения от «потенциальных шпионов и вредителей».

В конце 1929 г. в коридорах республиканских исполнительных органов РСФСР (инициатор), УССР и БССР оформилась идея «очистки границ» (22-километровая зона в пограничной полосе) от «социально-опасных элементов». К последним были отнесены категории «бывших людей», лица без определенного места жительства, криминальные элементы, лица, враждебно относящиеся к существующему режиму и могущие представлять для него определенную угрозу. Законодательно эта идея была оформлена постановлением СНК РСФСР «О переселении социально-опасных элементов населения приграничных районов Ленинградской и Западной областей» от 23 октября 1929 г. (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 40. Д. 2339. Л. 11). Тогда же аналогичные постановления были приняты СНК УССР и БССР. По информации ОГПУ, в ноябре 1929 г. только по Ленинградской обл. и погранполосе УССР к такому переселению уже было намечено около 10 тыс. хозяйств (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 23а. Л. 41–43). В ходе этой «переселенческой» кампании (1930–1932 гг.), а

также наслонившейся на нее кампании по выселению кулаков сельское население приграничных районов было существенно «разрежено»* и его, естественно, необходимо было восстанавливать за счет переселения сюда лояльных режиму крестьян. Путем создания красколхозов и доприселения красноармейцев в существующие обычные колхозы предполагалось заселить погранполосы преданными власти красноармейскими семьями не менее чем на 50 % от общего числа проживавших там семей, восполнить выбывшее население, укрепить местные органы советской власти и т. п.

Организация красколхозов в западной погранполосе началась в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 21 мая 1930 г. Красколхозы создавались либо путем доприселения красноармейских семей в уже существующие колхозы, либо путем строительства собственных новых хозяйств. Главное, должен был выдерживаться принцип, определенный правительством: не менее 50 % семей в колхозе – красноармейские, ибо основное предназначение красноармейцев-колхозников – проведение в жизнь политики коммунистической партии на селе.

Летом 1930 г. по согласованию с пограничными органами командованием Ленинградского военного округа были намечены точки вселения красноармейцев и начаты землеотводные и землеустроительные работы. Такая же работа проводилась на Украине и в Белоруссии. Однако широких масштабов в этом году переселение не имело. Активная работа началась только после выхода в свет постановления СНК РСФСР «Об организации красноармейских колхозов в 1931 году» от 17 мая 1931 г. № 556 (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 76. Л. 161–161 об.). Данным постановлением был утвержден разработанный НКЗ РСФСР план строительства красколхозов, которым намечалось строительство в Ленинградской обл. 20 колхозов (всего 1 тыс. бывших красноармейцев), в Западной обл. 10 колхозов (500 красноармейцев), в Карельской АССР пяти колхозов (250 красноармейцев).

В среднем размер одного колхоза был принят в 100 семей, из них 50 красноармейских. Едоков в одном колхозе в среднем – 400. Таким образом, в этих 35 создаваемых красколхозах должно было быть всего 3,5 тыс. семей, 1 750 из которых – красноармейские. Как видим, цифры несопоставимы с красноармейским переселением в ДВК (8,7 тыс. семей) в этом году, и размеры колхозов были весьма скромными. Земельной площади на один колхоз было принято иметь в среднем 600 га, кроме того, при каждом колхозе предполагается организовать специальный луговой фонд в размере до 300 га; обобществленное стадо молочных коров – 125 голов (из них 45 – путем обобществления, 80 – путем закупки); рабочего скота – 65 голов (40 и 25 соответственно). Жилищное строительство предусматривалось в размере, необходимом для обеспечения новым жильем в течение первого года лишь 80 % красноармейских семей. В этих целях в каждом колхозе должно быть построено два жилых дома на 20 семейств каждый. Кроме

---

* Только за 1930 г. из погранполосы Украины и Белоруссии было выслано 18 473 чел. – «одиночек особого назначения». – См.: [Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 745–748].

того, в каждом колхозе проектировались постройка одной столовой-кухни, одних яслей и одного клуба.

Потребность в средствах на это строительство выражалась в следующих цифрах:

а) по Ленинградской обл. – 2688,7 тыс. руб., из них по госбюджету – 214,0 тыс., кредит – 1748,2 тыс., средства населения – 726,5 тыс. руб.;

б) по Западной обл. – 1344,4 тыс. руб., из них по госбюджету 107,0 тыс., кредит – 874,1 тыс., средства населения – 363,3 тыс. руб.;

в) по Карельской АССР – 590,2 тыс. руб., из них госбюджет – 43,5 тыс., кредит – 385,9 тыс., средства населения – 160,8 тыс. руб.

Потребность в средствах предполагалось покрыть за счет ассигнований на погранполосу, согласно постановлению СНК РСФСР от 24 марта 1931 г. № 370, причем землеустроительные и мелиоративные работы, покупку скота, сельскохозяйственные и жилые постройки, снабжение средствами сельхозпроизводства – за счет ассигнований на сельское хозяйство; строительство культпросветучреждений – за счет ассигнований на народное образование.

Точки строительства красколхозов предписывалось установить Ленинградскому и Западному облисполкомам, СНК Карельской АССР по согласованию с местными органами НКВД и ОГПУ. Комплектование колхозов красноармейским составом планировалось производить за счет красноармейцев переменного состава территориальных частей, бывших красноармейцев, уволенных из армии осенью 1930 г. и красноармейцев очередного увольнения осенью 1931 г.

Общее руководство и планирование строительства красколхозов возлагалось на НКЗ РСФСР. Оперативное выполнение плана и организационно-производственное обслуживание красколхозов возлагалось на Колхозцентр (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 76. Л. 177–179).

Вербовка красноармейцев в красколхозы западной погранполосы, в отличие от вербовки на Дальний Восток, прошла крайне неудовлетворительно. В письме заместителя наркома земледелия РСФСР Н.В. Лисицина начальнику ПУ РККА Я.Б. Гамарнику от 23 декабря 1931 г. приводятся следующие показатели результатов вербовки: «На 1 декабря по Ленинградской области из 1 000 красноармейцев подлежавших вербовке, завербовано 915 ч., прибыло всего 310 ч. или 31 % плана, по западной области из 500 красноармейцев подлежавших вербовке, завербовано 386 ч., а прибыло 34 ч., или 6,8 % и по Карельской АССР подлежало вербовке 250 красноармейцев, завербовано 100, а прибыло 17 или 6,8 %» (Там же. Д. 27. Л. 81). Лисичин указывал, что «причинами столь неудовлетворительной вербовки надо считать слабую работу проведенную в войсках с контингентами, изъявившими желание ехать в колхозы, так как ПУР непосредственно этой работой не занимался, а возложил все на ПУОКРЫ, а также недостаточную работу наших земельных и колхозных организаций на местах, не сумевших, зачастую, организовать соответствующий прием прибывающих красноармейцев и их семьи» (Там же).

Местных красноармейцев вербовали в местные колхозы. Видимо, красноармейцы хорошо были осведомлены об условиях жизни в последних и о том, что районы вселения не были готовы принять людей. С организацией крас-

колхозов в западной погранполосе происходило все точно так же, как и на Дальнем Востоке. Та же неготовность жилья, те же перебои в обеспечении продовольствием, одеждой, стройматериалами, завозом скота, неразворотливость и халатность чиновничье-бюрократического аппарата на местах.

Н.С. Тархова приводит следующие сведения о строительстве красколхозов в погранполосах СССР в 1932 г.: «Планом на 1932 г., утвержденным постановлением коллегии Наркомзема СССР от 21 февраля 1932 г. по согласованию с ПУ РККА, было определено организовать 58 красноармейских колхозов с вселением в них 3 475 красноармейских семей. Кроме того, было предусмотрено доприселить в красноармейские колхозы, организованные в 1931 г., 6 778 крестьянских семей. Общий план переселения на 1932 г. был установлен в 10 253 красноармейские семьи. Фактические показатели соответствовали следующим цифрам: в течение 1932 г. по Союзу было организовано 46 новых красноармейских колхозов и переселено 7 407 семей красноармейцев (22 221 душа). Запланированная организация 5 красноармейских колхозов в ЗСФСР, с вселением в 1932 г. 250 красноармейских семей, не была выполнена. Лишь частично были заготовлены стройматериалы для освоения этих работ в 1933 г. Организация новых красноармейских колхозов в 1933 г. Наркомземом СССР и ПУ РККА не предусматривалась. Был намечены мероприятия по организационно-хозяйственному укреплению существующих красноармейских колхозов и доприселение в построенные колхозы 3 550 красноармейских семей. Распределение показателей по республикам было следующим: РСФСР – 1 700, УССР – 850, БССР – 450, ЗСФСР – 250, Узбекская ССР – 100, Туркменская ССР – 100, Таджикская ССР – 100» [2010. С. 242, со ссылкой на: РГВА. Ф. 9. Оп. 136. Д. 1338. Л. 10].

К 1 сентября 1933 г. в погранполосах СССР (без учета ДВК) имелось красколхозов: в Карельской АССР – 11 (организованы в 1932 г.; всего 785 семей, из них 60 красноармейских (7,6 %); из 111 переселенных семей красноармейцев по разным причинам убыла 51 (46 %)); в Ленинградской обл. – 35 (всего 2 243 семьи, из них 683 красноармейских (30,4 %)); в Западной обл. – 11 (1 226 и 243 (20 %) соответственно); в Северо-Кавказском крае – 13 (первые шесть организованы в 1931 г., остальные в 1932 г.; 1 127 и 397 (35 %) соответственно; из 865 переселенных семей убыло 468 (54 %)); в Киргизской АССР – четыре (организованы в 1932 г.; 301 и 81 (27 %) соответственно; из 106 переселенных семей убыло 25 (24 %)); в Казахской АССР – пять (организованы в 1932 г.; всего 18 красноармейских семей; сведений об общем количестве семей по колхозам нет); всего по РСФСР – 79 (5 682 семьи, из них 1 454 (25,6 %) красноармейские). Кроме того: в БССР – 13 колхозов, в УССР – 16 (не все в погранполосах), в ЗСФСР – 3; в Туркменской и Таджикской ССР по два; в Узбекской ССР – один. Всего в более чем 100 красколхозах погранполос СССР в сентябре 1933 г. было 9 895 семей, из них 2 601 красноармейская (26,3 %) (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1382. Л. 50, 78–71).

Приведенная статистика свидетельствует о том, что масштабы организации красколхозов в погранполосах по сравнению с дальневосточной красноармейской переселенческой кампанией были весьма скромными. По количеству колхозов цифра на первый взгляд внушительная – более 100, но по чис-

ленности красноармейских семей в них уступает 30 дальневосточным красколхозам того времени на 22 %.

Процесс развития красколхозов в погранполосах в 1933–1935 гг. шел тяжело и неэффективно. Нормой были отставание от планов по жилищному строительству, землеустроительным работам, снабжению красноармейских семей необходимыми материальными средствами, о чем свидетельствуют отчеты многочисленных проверочных комиссий. Тем не менее, руководством страны ежегодно принимаются постановления, обязывающие исполнительные органы регионов усилить работу по развитию колхозов*. Сведения, приводимые в отчетах обследования колхозов, указывают на то, что, несмотря на льготное и первоочередное их обеспечение сельхозмашинами, рабочим и иным скотом, семенами, речь шла не о рентабельности хозяйств, а о выживаемости. Усилия правительственных органов принесли результаты, хотя и не такие впечатляющие, на какие рассчитывали. К началу 1935 г. при прежнем количестве колхозов общее число семей в них увеличилось до 12 257, а красноармейских – до 5 419 (44,2 %) (Там же. Д. 1352. Л. 201). Таким образом, указание партии о необходимости обеспечить более чем 50 %-ный состав красноармейских семей в красколхозах выполнено не было.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать некоторые выводы в целом по красноармейским переселенческим кампаниям как дальневосточной, так и в пограничные полосы.

Предпосылками и задачами первого и самого массового красноармейского переселения на Дальний Восток были: усиление с 1929 г. военной опасности на дальневосточных рубежах СССР и адекватное ему развитие оборонной инфраструктуры в Дальневосточном крае; необходимость освоения многоземельных районов с целью обеспечения сельхозпродукцией потребностей возрастающего населения края в связи с наращиванием здесь численности армии и промышленных рабочих; заселение приграничных районов благонадежными, обученными военному делу людьми, способными при необходимости оказать помощь пограничникам; содействие местным органам в проведении коллективизации путем организации образцовых красноармейских хозяйств, МТС с широким привлечением сельскохозяйственных специалистов, подготовленных в армии; укрепление местных органов советской власти и оказание помощи сельскому активу в подавлении сопротивления местных крестьян мероприятиям советской власти. Результаты строительства и производственной деятельности дальневосточных красколхозов уже к 1933-му году показали, что ни в экономическом, ни в социальном, ни в военно-стратегическом аспектах задачи кампании выполнены не будут. Тем не менее партия и правитель-

---

* Постановление СНК СССР «О строительстве красноармейских колхозов в пограничной полосе» от 26 июня 1934 г. № 1518-257с. – РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 93. Л. 102–98; Постановление НКЗ СССР «О ходе строительства красноармейских колхозов в районах пограничной полосы» от 2 ноября 1934 г. № 5553/10/с. – Там же. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 2192. Л. 192–188; Постановление СНК СССР «О мерах по укреплению красноармейских колхозов» от 8 сентября 1935 г. № 2017. – Там же. Д. 2470. Л. 89, 88; и др.

ство продолжали вкладывать в это дело средства. Почему? Потому, что на первое место вышла чисто политическая задача – в лице красноармейцев иметь на селе преданную правящему режиму силу, мобилизующую и вдохновляющую крестьянские массы на строительство коллективных хозяйств. То же происходило и с красноармейскими колхозами в пограничных полосах. Отличием здесь было только то, что добавлялась задача заселения приграничных территорий, частично опустевших в результате их «очистки».

Красноармейские переселения на юг России

Совсем иную картину представляло собой экстраординарное красноармейское переселение достаточно большого контингента и в короткие сроки в станицы Кубани. Здесь бывших красноармейцев использовали как своего рода «пятую колонну».

Как уже упоминалось выше, конец 1920-х – начало 1930-х гг. в советской деревне проходили под знаком принудительных коллективизации и хлебозаготовок, что, в свою очередь, повлекло массовое сопротивление крестьян. Казачество юга России, в силу своего менталитета, оказывало наиболее активное сопротивление мероприятиям правительства.

По инициативе Л.М. Кагановича (председатель чрезвычайной комиссии по хлебозаготовкам на Северном Кавказе осенью 1932 г.), поддержанной И.В. Сталиным, 22 ноября 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) о выселении из станиц Кубани «кулацко-закиточных» семей. Всего на «черную доску» «саботажников» и «контрреволюционных» попало 15 станиц, крупнейшими из которых были Полтавская, Медведовская и Урюпинская. С них и начали.

В принятом 14 декабря 1932 г. постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» указывалось: «Выселить в кратчайший срок в северные области СССР из ст. Полтавской (Северный Кавказ) как наиболее контрреволюционной всех жителей, за исключением действительно преданных Советской власти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников и единоличников и заселить эту станицу добросовестными колхозниками-красноармейцами, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях, передав им все земли и озимые посевы, строения, инвентарь и скот выселяемых...» [Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 577]. На основании этого постановления началось практически поголовное выселение семей казаков из станиц. Так, только из трех вышеуказанных станиц с общей численностью населения 47,5 тыс. чел. выслано было 45,5 тыс. [Там же. С. 29].

Полностью обустроенные в хозяйственном отношении, с обработанными сельхозугодьями станицы практически опустели. В срочном порядке их было необходимо заселить крепкими, прошедшими военное обучение крестьянами, кроме прочего еще и ввиду того, что выселяемые казаки наивно полагали, что смогут в скором времени вернуться, и открыто об этом заявляли. Путь решения проблемы уже вполне был опробован в ходе красноармейских переселений на Дальний Восток и в погранполосы, поэтому дело оставалось за малым – набрать людей и вселить их в опустевшие станицы. Благо, что не

требовалось значительных средств на хозяйственное обустройство красноармейцев в местах вселения.

Операция была спланирована и организована четко, по-военному, с соблюдением строгих мер секретности. 20 декабря 1932 г. РВС СССР в военные округа была отдана секретная директива № 97299 «О порядке вербовки, отбора и отправки красноармейцев в станицу Полтавскую» (РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 613. Л. 80–80 об.). Директивой предписывалось при вербовке обеспечить тщательную политическую проверку кандидатов на предмет преданности советской власти, дисциплины и трудовых качеств. Вербуемые должны были быть из числа добросовестных колхозников, хозяйства которых находятся на неудобных землях и в условиях малоземелья. В составе завербованных должно было быть не менее 40 % тщательно проверенных членов и кандидатов в члены партии и 20 % комсомольцев. Уроженцы Северного Кавказа и Украины к вербовке не допускались.

Разнарядка на вербовку красноармейцев в станицу Полтавскую была дана: Московскому, Ленинградскому и Белорусскому военным округам – по 350 чел., Украинскому – 250, Приволжскому – 200 и пограничным войскам ОГПУ – 1 050 чел. (Там же. Л. 17).

В это время в основных военных округах, откуда должны были вербоваться красноармейцы, увольнение в долгосрочный отпуск в основном уже было завершено. Ввиду этого военным руководством было разрешено вербовать сверхсрочников и отслуживших всего год в войсках красноармейцев, с досрочным их увольнением. Вербовка должна была производиться на основе полной добровольности в порядке тщательного индивидуального отбора. При этом вербуемым должны были разъяснять цель их переселения и то, что в станице им безвозмездно передадут все земли, озимые посевы, строения, инвентарь и скот хозяев выселенных оттуда. С ними проводились беседы, соответствующим образом мобилизующие красноармейцев на выполнение этого важного задания партии. В газетах войсковых частей, где велась вербовка, публиковали статьи, «клеящие позором» жителей Полтавской. В передовице «Красной звезды» от 2 января 1933 г., озаглавленной «Ломая саботаж, организованный врагами, превратить Полтавскую в станицу цветущего социалистического земледелия», говорилось: «Земля на Кубани – сама родит. При удовлетворительной обработке, с гектара земли озимая пшеница даст урожай в 120–150 пудов. Кукуруза – 180–240 пудов.

Но в станице Полтавской, на плодородном черноземе, в прошлом году погибли, заросли бурьянами, три тысячи гектар высокосортной пшеницы “украинки”. Но станица выполнила только 25 проц. хлебазаготовок, сдав государству всего 6–8 пудов с гектара.

Какая сему причина? Остатки кулачества, охвостья контрреволюционных элементов, организовали саботаж хлебазаготовок и сева. Советскую власть пытались прощупать голодом, подрывом колхозов изнутри...

“Мы прямо опубликовали – говорил секретарь Сев. Кав. крайкома ВКП(б) т. Шеболдаев – что мы будем высылать в северные края злостных саботажников, кулацких подпевал, не желающих сеять... И сейчас, когда эти остатки

кулачества пытаются организовать саботаж, выступают против требований Советской власти, *правильнее отдать плодороднейшую кубанскую землю колхозникам, живущим в малоземелье, на плохих землях в других краях.*

Да они не только обработают ее самым лучшим образом, целовать ее будут...”

И все же саботаж в станице продолжался.

Теперь колхозы станицы распущены. Саботажники, паразиты высланы из Полтавской. Сегодня плодородная, черноземная земля передана колхозникам – демобилизованным красноармейцам. Сегодня они хозяева станицы. И сегодня они должны начать большевистскую работу по созданию новых, крепких, образцовых колхозов» [Тархова, Романо, 1996. С. 472–474].

Но ведь надо было не только депортировать из станиц жителей, лишив их всего имущества, зимой отправить практически на верную смерть, а еще и стереть из исторической памяти название станиц, имевших к тому времени более чем столетнюю историю и верно стоявших на защите рубежей Отечества. В следующем номере той же газеты от 4 января 1933 г. публикуются «ходатайства-постановления» «собраний групп бойцов колхозников [завербованных, но пока еще не отправленных в Полтавскую. – Д. М.] БВО, УВО, ЛВО»: «Плодородный чернозем ст[ани]цы Полтавской зарос бурьянами, засорен, загажен. Попорчены виноградники, сады. Расплодились крысы, мыши и другие с/х вредители.

Станица саботировала. Кулачье и контрреволюционные элементы организовали подрыв колхозного строительства.

Мы – переселенцы колхозники, демобилизованные красноармейцы БВО, заверили наше правительство и создадим в станице образцовые колхозы. Поля, сады, виноградники, огороды – будут очищены от сорняков и дадут социалистический урожай. Сама станица уже выселена, но если где-либо остались корешки контрреволюционного саботажа – эти корешки будут вырваны.

Почему мы строители новой колхозной жизни, должны жить в позорной “бойкотной” станице? Мы ходатайствуем перед Северо-Кавказским крайисполкомом переименовать станицу в село Красноармейское, в село, которое будет передовым на Северном Кавказе» [Там же. С. 476]. Между прочим, заметим, что вместе с изменением названия одновременно изменялся и статус населенного пункта со *станицы* на *село*. Станица, как известно, это населенный пункт проживания казаков, отвечающий всем требованиям специфической военизированной общины с соответствующими укладом, воинской обязанностью и ответственностью перед Державой, а село – обычное российское крестьянское поселение совсем иного статуса, с совершенно иным устройством общественной жизни. Опыт боевого применения казачьих соединений и частей со времен Отечественной войны 1812 г. и до Великой Отечественной показал разницу между бойцами-казаками и бойцами-крестьянами.

В качестве ремарки следует отметить еще и то, что в плане «стирания исторической памяти» сталинский режим в годы репрессий конца 1930-х гг. и во время Великой Отечественной войны пойдет еще дальше. Вырезали «под корень» родовую память семей репрессированных – жену отправляли в лагерь

или на поселение в отдаленные регионы, а детей разделяли по одному и под другими именами и фамилиями устраивали в детские дома в разных областях.

Ответственность за качество отбора вербуемых возлагалась на реввоенсоветы округов, командиров и комиссаров воинских частей. Для участия в отборе привлекались представители Особого отдела ОГПУ в РККА. Вербовку предписывалось закончить к 10 января 1933 г.

Отправку завербованных предписывалось осуществлять партиями по 35–40 чел., не дожидаясь полного выполнения наряда на округ, прямо из воинской части (или сборного пункта военного округа), без заезда домой, в классных вагонах, обязательно в сопровождении старшего командного и политического состава и сразу до ст. Полтавская. Реввоенсоветы округов через военкоматы, во взаимодействии с ОГПУ организовывали отправку семей и домашнего имущества завербованных. Отправка проводилась бесплатно (по литерам) в классных вагонах, обеспечив их за счет кооперации необходимым детским питанием. О порядке отправки семей обязательно доводилось до их глав.

Завербованные перед отправкой обеспечивались обмундированием первого срока носки, продовольствием на весь путь следования с запасом на 7 суток (хлеб, консервы, чай, сахар). А в регионах в это время уже был голод.

О ходе отбора, вербовки и отправки в станицу Полтавскую военные округа обязаны были телеграфировать начальнику ГУ РККА каждые три дня. РВС СКВО предписывалось организовать встречу и расселение в станице Полтавской каждой группы переселяемых красноармейцев-колхозников. На узловых станциях организовывалось постоянное дежурство представителей НКВД с целью проверки прохождения вагонов с завербованными и оказания им необходимой помощи и содействия. Все мероприятия по переселению красноармейцев должны были обеспечиваться соблюдением секретности.

План вербовки в станицу Полтавскую был выполнен полностью. Однако 783 из занаряженных 2 550 красноармейцев по разным причинам были отправлены по домам, и в станицу к 9 февраля 1933 г. прибыло всего 1 767 чел. Из 1 016 красноармейских семей, намеченных к отправке, прибыло 315, 420 было в пути следования и 139 семей переезжать отказались (РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 613. Л. 29).

Н.С. Тархова на основе изучения материалов РГВА приводит следующие сведения о настроениях и составе вербуемых. Согласно донесениям из политуправлений военных округов, общие настроения красноармейцев-переселенцев были «на достойном идеологическом уровне» – в целом «драться за социализм». Однако отмечался ряд случаев, когда вербовались с целью досрочного увольнения из рядов армии. Некоторые военнослужащие высказывали откровенно негативное отношение к самому процессу создания красколхозов таким способом: «Выселение – это аракчеевский прием, и линия партии неверна. Нужно классовое сотрудничество, а вы (т. е. политруки) без всякой критики, как буквоеды, выполняете все, что вам говорят...»; «Вот дохозяйничались, теперь хоть военные поселения устраивай, ведь этот колхоз не зря из красноармейцев набирают – это вооруженный отряд, который все будет подавлять. Агитацией не поможешь, теперь силой давай...» [Тархова, 2010. С. 249–250].

Мотивации к переезду правительством были созданы достаточно веские, особенно возможность одновременно обогатиться и устроиться в благоприятном в природно-климатическом отношении регионе для красноармейцев из малоземельных районов. Вселившись в Полтавскую, они писали домой: «...Я попал туда, куда мечтал давно. Вот тут и есть, как мне кажется, самая настоящая жизнь... Если пожелаете работать и пить виноградное вино, то просим, пожалуйста»; «Село такое, как наш город, даже еще больше. Земли столь много, что не охватишь и глазом, равно земля черная и никакого удобрения и навоза не требуется... Квартира хорошая, огород большой, очень хорошие сады. В избе у нас есть русская печь, топим дубовыми дровами... В нашем доме было оставлено 3 стола, койка деревянная, комод для белья, шкафчик для посуды... хорошая собака, кошка, скамеек 4 штуки – не такие, как у нас, а богов и икон так много, что печки топим». Таковы были восторженные отзывы новых «счастливых обладателей» имущества, отобранного у казаков. Автор этого же письма, красноармеец, делится своими впечатлениями о том, что собой представляла станица на момент их вселения: «Идешь по улице станицы – заборы и стены, все исписано лозунгами. Сейчас станицу никак не отличишь от 17–18 годов – аресты, ссылки, обыски. Это началось с того, что казачество, большинство зажиточное, из этой станицы во время революции было оплотом белозеленых банд, и они, т. е. кулачье взяли в свои лапы власть Советов и партийную организацию, объявили хлебный бойкот Советской власти. Все виды заготовок выполнены на 7 %. Пшеница, которую сняли для того, чтобы не сдавать, сыпали в колодцы, зарывали в землю. В общем, полная контрреволюция. Вот партия нас послала как коммунистов ликвидации и устранения этого саботажа. Мы за несколько дней нашли 475 ям с пшеницей, отобрали 1 280 сабель, 50 пик, около 200 винтовок, 700 наганов и десятки ящиков патронов различных систем. [По установленным до революции для казаков правилам, оружием, снаряжением, обмундированием, конским составом в мирное время они должны были обеспечивать себя сами, за свой счет, все это хранить у себя дома в исправном и боеготовом состоянии и на войну выходить полностью готовыми. – Д. М.] За это станицу выслали на Соловки – 2 250 семей, или 12 500 человек, порядочное количество казаков уже расстреляли и много подлежит расстрелу... Станица Полтавская на военном положении. Все делается по приказанию коменданта, без пропуска из станицы не выпускают, до 12 января хождение по улицам – до 10 часов вечера, попавшие позднее 10 часов отправляются к коменданту (вообще красота – кто не понимает)».

По сведениям ПУ МВО, до выселения в Полтавской было 16 636 чел. и 2 954 хозяйства, после выселения – около 600 хозяйств (две переселенческие коммуны и красные партизаны). Из станицы Медведовской выселено 888 семей, или 4 018 чел. Кроме того, органами ОГПУ из станицы было изъято с ноября 1932 г. по март 1933 г. 1 013 чел., из них «к высшей мере социальной защиты» приговорены крайполиттройкой 125 чел. и 33 чел. – сессией крайсуда, остальные – в основном к 10 годам концлагерей [Тархова, 2010. С. 252–253].

В отличие от дальневосточных красноармейских колхозов и колхозов погранполос, красколхозы Кубани, ввиду особой важности правительственного задания, постоянно контролировались партийными и исполнительными органами региона,

различными комиссиями НКВМ, им оказывалась помощь продовольствием и другим имуществом. Тем не менее, несмотря на то, что контингент переселенцев подобран был, вроде бы, однородный, не все они имели одинаковый настрой на дальнейшую жизнь на новом месте. Прибывшие из малоземельных районов и «обогатившиеся» за счет казаков, естественно, на первых порах были в восторге. Другие, завербовавшиеся с целью уклониться от службы путем досрочно увольнения, строили планы, как, не привлекая внимания, под разными предлогами покинуть кубанские красколхозы и вернуться домой.

В докладной записке начальника ПУ СКВО С. Кожевникова начальнику ПУ РККА Я.Б. Гамарнику, датированной 13 апреля 1933 г., содержатся интересные сведения о настроениях красноармейцев-переселенцев и их семей: «Станица Красноармейская была первая станица в крае, в которую были вселены красноармейцы. Первые партии людей стали прибывать еще в конце декабря прошлого года. Вселение проходило в течение всего января месяца. Люди прибывали без семей и основная задача впоследствии заключалась в том, что как можно скорее перебросить семьи в станицу. Основная масса семей уже перебросена, но до сих пор еще продолжают прибывать семьи (отдельными мелкими партиями).

Лишь тогда, когда приезжала семья, то можно считать, что данный красноармеец крепко устроился и никуда не уедет. В начале наблюдались отдельные явления, когда красноармеец приезжал, осматривался и заявлял, чтобы его отправляли обратно – “не нравится”.

Из этой группы людей можно было уговорить и они оставались, но часть из них все же сбежала. Дезертировавших за все это время насчитывается до 40 человек, главным образом, за счет красноармейцев-пограничников.

Но имеется довольно большое количество и таких (около 150 человек), которые написали своим семьям, чтобы те не приезжали..., в надежде – раз не придет семья, значит меня отсюда отпустят, сумею уйти (срок службы кончится и “буду вольным гражданином”, это из числа досрочно демобилизованных).

Можно считать, что к осени из этого числа часть отсеется...

Сейчас в станице имеется 2 300 красноармейских хозяйств, при чем есть красноармейцы, которые перетащили сюда до 12 человек членов семей.

На днях я лично побывал в этой станице.

Настроение у народа хорошее, главным образом, у самих красноармейцев. Работают с подъемом и толково. Сумели поставить на ноги коня... Нужно сказать, что основная масса красноармейцев несомненно осела. Взрослые все в поле (мужчины, главным образом, ночуют там). Старики ходят с молотками и топорами и подбивают гвозди, чинят, приводят в порядок свое усадьбное хозяйство. Женщины, ребятишки по садам копошатся – подрезают сучья, обкапывают деревья, очищают запущенные усадьбы.

Вот это такое хозяйственное настроение является самым отрадным явлением, оно говорит о том, что люди хотят закрепиться и жить по “хозяйски”.

С питанием людей дело обстоит удовлетворительно. Глава семьи получает 800 грамм, а члены семьи до 400 хлеба в день. Хуже с жирами и крупами – их мало, овощей не хватает. Получили наряд на 60 тонн картофеля (из Вороне-

жа), но пока его нет. Есть недоедание детей, так как МТФ не может обеспечить всех детей достаточным количеством молока.

Отрицательные настроения наблюдаются, главным образом, у женщин и стариков. Люди с севера, из Белоруссии, привыкли жить в деревянных избах, с деревянными полами, а тут мазанки и глинобитный пол. Поэтому грязно. Не знают, как заделывать выбоины в полу. Хозяйки, так те «тоскуют» по русской печи. Не завели еще своего личного хозяйства – кур, корову («живности нет»). Это не только «тоска» по «своему» куренку и по своей корове. Дело в том, что отсутствие всего этого отражается на питании, особенно детей (по линии края нужно будет забросить инкубаторных цыплят с наседками, чтобы коршуны не затаскали).

На этой почве у некоторых были целые семейные «трагедии». Разводились – жена с ребятишками уезжала обратно, а сам оставался (два таких случая было)» (РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 613. Л.Л. 96–99).

На наш взгляд, члены семей красноармейцев, приводя такие причины недовольства условиями жизни на новом месте, пытаясь скрыть истинную причину «обратнического» настроения, лукавили. Какие «деревянные избы с деревянными полами» на родине? Известно, что глинобитные, саманные и известняковые дома, традиционно возводимые в жарком климате юга России, лучше защищают от летнего зноя. «Не знают, как заделать выбоины в полу». И это говорят белорусы и северяне, предки многих из которых веками жили в избах с земляными полами, соломенными крышами и зачастую отапливались «по-черному»? О какой «тоске по русской печи» идет речь, если в письмах других красноармейцев этой же станицы (приведено выше) мы видим восхищение своим новым домом и прекрасной русской печью. Значит, надо полагать, что все условия для складывания таких печей в станице имеются. Так в чем же дело? Опять надо материалы и печников «выписывать» из Москвы?

И, наконец, о какой «тоске по своему куренку и по своей корове» может идти речь, если при переезде семьям разрешалось перевезти с собой весь свой скот и другую живность совершенно бесплатно – за счет государства? Почему не перевезли? Ответ один из двух. Либо по старому месту жительства ни скотины, ни другой живности у этой семьи не было вовсе. Тогда по чему «тосковать»? Либо на прежнем месте все было распродано в целях получения прибыли и в надежде на безвозмездную выдачу скота и птицы на новом месте. С трудом представляется, что начальник политуправления военного округа (военачальник генеральского уровня) С. Кожевников был настолько наивен, чтобы принимать эти доводы за истину. Следовательно, он тоже лукавил.

Наиважнейшая причина возникновения и быстрого нарастания «обратнических» настроений среди переселенцев, на наш взгляд, кроется в национальных особенностях коренного населения региона – казаков. Испокон веков казаки юга России крайне отрицательно относились к переселенцам-крестьянам, пытавшимся поселиться рядом с ними (крестьяне – потенциальные конкуренты в землевладении). И если таковое все же случалось, то между жителями казацких и крестьянских поселений всегда отношения были, мягко говоря, натянутыми. И вообще, казаки всегда высокомерно, с презре-

нием относились ко всем крестьянам, что неоднократно и демонстрировали при подавлении крестьянских восстаний. А в нашем случае переселили крестьян не просто «по соседству» с казаками, а, отобрав и передав крестьянам все их имущество, вселили на их исконные земли. Какой реакции казаков на это ожидали? И Кожевников не мог этого не понимать.

Только в последнем разделе своей докладной записки он говорит о взаимоотношениях с местным населением: «В станице Красноармейской и в окружающих станицах казаков осталось мало. В самой Красноармейской осталась коммуна им. Фрунзе. Казачья часть этой коммуны тоже сильно “разбавлена”, но тем не менее имеются случаи поджогов, побоев, воровства, даже грабежа со стороны местного коренного населения. Нужно сказать, что переселенцы боятся казаков. Народ требует, чтобы им выдали кое-какое оружие.

Со своей стороны считаю, что оружие дать им нужно и прошу Вашего разрешения выдать им кое-что из забракованного оружия для самообороны» (Там же).

Разрушая терский казачий социум в 1920-м году, а также казачий социум Кубани и Дона в 1930-х гг., большевики добивались главной цели – уничтожить общность относительно свободных, сильных как по характеру, так и в военном отношении, самостоятельных людей, общность, представляющую реальную угрозу их диктатуре – диктатуре произвола, насилия и беззакония. Руководители партии большевиков были людьми образованными и не могли не знать, для чего создавались и укреплялись эти «казачьи барьеры». Однако стремление удержать власть сиюминутно превалировало над опасностью угрозы завтрашней. В результате – Россия получила межнациональные проблемы, окончательно не разрешаемые и в наши дни.

Интересны психология и состояние души красноармейцев-переселенцев, с одной стороны, уже в достаточной мере подвергшихся идеологическому воздействию армейских политорганов и путем посулов, «подкупа» и запугиваний репрессиями завлеченных «в сети» большевиков, а с другой – поддавшихся нормальному чувству самосохранения в предчувствии реальной угрозы погибнуть от руки мстителя-казака, стремящихся сбежать из этого края, не понеся за это кары от большевиков. До какой степени надо было исковеркать психику человека, чтобы, «дезертировав» из красколхоза, в письме к своим оставшимся товарищам он написал о себе: «Я решил вас покинуть из-за своей паскудной семьи, которая отказалась приехать ко мне в колхоз... на новую форму жизни. Но, дорогие товарищи, ввиду ихних престарелых годах я [не] смогу их бросить на произвол судьбы, т. к. они меня вырастили до совершенствующих годов. А самое главное, я не намерен бросить жену и малого ребенка, который еще нуждается в отцовском воспитании. Я решил вас покинуть, т. е. сделаться врагом социализма на сегодняшний день, еще раз повторяю, что только на сегодняшний день. А в дальнейшем, т. е. по приезду в свой колхоз, я тоже буду строителем социализма, так же, как и вы» (Там же. Л. 53).

П.М. Полян отмечает, что на Кубань и в Причерноморскую полосу к началу декабря 1933 г. было вселено всего 31 458 чел., в т. ч. 16 997 мужчин, а на 1934 г. планировалось вселение еще 50 тыс. семей [Полян, 2001. Со ссылкой на:

РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23–25; Д. 56. Л. 41]. Он также отмечает, что в районах Кубани и Причерноморской полосы, куда вселялись красноармейские семьи, периодически повторялись эпидемии малярии, но ни профилактические мероприятия, ни само лечение заболевших достаточным количеством соответствующих лекарственных средств обеспечено не было. Автор приводит сведения, что «уже с июля 1934 года началось массовое бегство красноармейцев-переселенцев из Азово-Черноморского края, достигшее осенью уровня 30 %. 27 сентября 1934 года уже сам секретарь Азово-Черноморского райкома ВКП(б) М. Малинов писал в ЦК Сталину, Кагановичу и Жданову о бедственном положении переселенцев-красноармейцев, их неоправданно высокой смертности и массовом бегстве из края. Причины крылись не только во вспышках малярии и в недостатке внимания к переселенцам со стороны руководства, но и во враждебном к ним отношении местного населения, в основном казаков, рассматривавших их как непрошенных гостей» [Там же. Со ссылкой на: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 55. Л. 35–37]. Не прошло и года, как пришлось признать что казаки, даже оставшись в меньшинстве, все равно способны «выдавить» со своей земли кого угодно. Таким образом, начальник ПУ СКВО С. Кожевников завуалировал главную причину только зарождающегося «обратничества» красноармейцев другими, второстепенными причинами.

Эта последняя массовая красноармейская переселенческая кампания, хоть и имела принципиальные отличия от двух первых в организации, сроках проведения и обеспечении, тоже не принесла тех результатов, на которые рассчитывало руководство партии. Мало того, на микроуровне она дала еще и отрицательный результат: «дезертировавшие» из красколхозов красноармейцы получили наглядный урок того, что каждый из них (равно как и казаки) – только разменная монета в руках власть имущих на пути к достижению ими своих целей.

Так, на примере дальневосточной и других («западных» и «южных») красноармейских переселенческих кампаний вообще и создания ОКК в особенности можно проследить один из типичных вариантов попытки сталинского режима решить командно-административными, мобилизационными методами комплексную социально-экономическую, политическую и военно-стратегическую проблему обеспечения устойчивого развития пограничных территорий. Как и многие другие массовые кампании тех лет, имевшие в основе своей волюнтаристские решения партийных вождей, не подкрепленные ни достаточными финансовыми средствами, ни приемлемыми социально-бытовыми условиями в местах вселения, красноармейская переселенческая кампания 1930-х гг. провалилась. Ни одна из задач, определенных Центром для системы создаваемых красноармейских колхозов – политическая, оборонно-стратегическая, социально-экономическая, – не была решена. Красноармейские колхозы не стали сколько-нибудь заметным явлением в жизни советской деревни 1930-х гг. В конечном итоге, те из красноармейских семей, кто не уехал обратно на родину, просто «растворились» среди населения пограничных регионов.

А.Г. Тепляков

АГЕНТУРНАЯ РАБОТА ОГПУ–НКВД В СИСТЕМЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРАКТИК СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА

Агентурная работа на основе вербовок негласных помощников позволяла органам советской политической полиции (ВЧК–КГБ) тайно получать самую разнообразную информацию обо всех интересующих чекистов лицах и событиях, в т. ч. вымышленную и необходимую для фабрикаций политических дел. А перлюстрация переписки, прослушивание помещений и телефонных переговоров, наружное наблюдение за подозрительными лицами, негласные выемки и открытые обыски давали возможность сбора такой информации, которая дополняла (либо заменяла) агентурные сведения и позволяла приступать к следующему этапу работы – следственному. Естественно, что функции реальной охраны интересов страны (разведывательная и контрразведывательная деятельность, защита границ и экономических интересов, охрана государственной тайны, дезинформация враждебных разведок и т. п.) также опирались на агентурно-оперативные мероприятия. Но мы согласны с мнением о том, что в 1930-х гг. обеспечение функций политической полиции занимало в деятельности ОГПУ–НКВД ведущее место, а разведывательно-контрразведывательные и прочие мероприятия по обеспечению собственно госбезопасности – второстепенное [Лубянка. Сталин и ВЧК..., 2003. С. 9].

Агентурная деятельность ОГПУ–НКВД в системе мобилизационных практик 1930-х гг. занимала секретное, но исключительное по важности место. В той же степени, как органы советской политической полиции были воплощением тайных возможностей государства для мобилизационного принуждения масс, так и могущественный метод тайного воздействия на общество – агентурная работа – был квинтэссенцией чекистских возможностей. Изучение сталинских мобилизаций требует четкого представления о подоплеке тех или иных решений, базировавшихся на учете агентурной информации ВЧК–НКВД. Реализация мобилизационных кампаний также во многом опиралась на негласные возможности органов политической полиции.

Понимание важности мобилизационной работы ВЧК сложилось очень рано и хорошо видно, например, при рассмотрении выступлений Ф.Э. Дзержинского на 4-й конференции ВЧК в феврале 1920 г. Орган, непосредственно осуществлявший диктатуру пролетариата, был эффективен не только с точки зрения применения функций подавления и террора к политическим противникам. Огромный чекистский аппарат, составленный из нескольких слоев причастных к негласной деятельности функционеров и их негласных помощников, осуществлял такие необходимые мобилизационные функции, как агентурное наблюдение и контроль, не только за врагами режима и колеблющимися, но и за всей сколько-нибудь активной частью общества, в т. ч. номенклатурой. Дзержинский был абсолютно уверен в праве ВЧК наносить даже такие удары,

которые вызвали паралич деятельности некоторых важных учреждений: «Раньше, когда нам некогда было разбираться в деталях, мы били в определенную точку и, таким образом, не раз расстраивали те органы, которые были призваны для воссоздания экономической жизни» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 143). При этом Дзержинский тут же оговорился, что разрушительное для экономики недоверие к «спецам» у чекистов было вполне «здоровое». Понимая сущность органов ЧК как универсального средства мобилизации ресурсов во всех сферах, Дзержинский пояснил: «Мы не судьи, мы не боремся за справедливость, мы только что сказали, что для того чтобы спасти транспорт, придется, может быть, и даже наверное придется арестовывать [наших] товарищей, потому что только таким образом мы сможем возбудить ту необходимую энергию, которая воссоздаст наш транспорт» (Там же). Подобное мнение о роли ОГПУ–НКВД имелось и у преемников основателя ВЧК.

Наша задача – увидеть и оценить значение конспиративных агентов госбезопасности в мобилизационных практиках сталинского режима 1930-х гг., когда мощь и всестороннее влияние ОГПУ–НКВД непрерывно возрастали, когда карательные органы не только являлись проводниками сталинских указаний, но выступали нередко инициаторами принятия важных государственных решений, особенно в области политического контроля, контрразведывательных и полицейских мероприятий, а также в сфере внешней политики.

Разветвленный аппарат госбезопасности наиболее широко отвечал потребностям сталинской политики, а основные направления чекистской работы имели отношение к мобилизационным практикам советского режима: информирование властных структур обо всех проблемных сторонах жизни общества, агентурная работа, террор, участие в постановочных политических процессах (центральных, региональных и районных), активное участие в хозяйственно-политических кампаниях, строительство системы ГУЛАГ, в которой агентура отвечала за лояльность заключенных и борьбу с побегами, а также иногда помогала доводить до сведения властей случаи каких-то экстремальных непорядков, приводивших к массовой смертности в местах заключения, нагнетание атмосферы тревоги, стимулирование политической бдительности и настоящая многолетняя пытка страхом всего населения.

Новейшие исследования постоянно затрагивают роль и место негласных чекистских помощников в проведении многочисленных акций органов госбезопасности [Кудрова, 1995; Сувениров, 1998; Тинченко, 2000; Золотарьев, 2007; Курляндский, 2011; Semystiaha, 2002]. Однако конкретных работ, которые бы показали значение агентуры ОГПУ–НКВД в мобилизационных рывках сталинского государства, пока (за исключением изучения кампаний террора) не появлялось. В наших предшествующих работах приведен обширный материал об агентурно-оперативной работе «органов» 1920–1940-х гг. (см.: [Тепляков, 1997, 2004, 2007в, 2008, 2009а, 2009б, 2010, 2011а, 2013в]), однако его связь с мобилизационными практиками того периода выделялась не всегда. Данная тема требует основательных поисков в архивах, которые сохранили множество разрозненных следов деятельности конспиративных помощников госбезопасности в самых разных областях, имеющих отношение к государст-

венным интересам. Практически во всех мобилизационных кампаниях видно тесное содействие властям со стороны органов ОГПУ–НКВД, опиравшихся как на массовую негласную агентурную сеть, так и на фактор страха: свою репутацию беспощадных проводников самых жестоких акций режима.

Помимо исследовательской литературы и опубликованных источников, нами при написании данного раздела широко использовались переписка руководства сибирских органов ОГПУ–НКВД с ответственными работниками центрального аппарата госбезопасности (ЦА ФСБ РФ), следственные дела из фондов Управления ФСБ по Новосибирской области, Отдела спецдокументации Госархива Алтайского края (ОСД ГААК) и Отраслевого госархива Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Значительный объем материалов почерпнут в хранилищах ГА РФ, РГАСПИ, РГАНИ, РГВА, а также государственных архивов Сибирского региона. При анализе столь специфической категории дел, как информационные и следственные материалы органов госбезопасности, исследователю, разумеется, необходимо постоянно учитывать весьма относительную степень достоверности чекистской информации – даже в официальной переписке. Это касается не только искажения разнообразных статистических сведений, приукрашивания отчетности о результатах агентурной работы, обилия пристрастных оценок политической ситуации в информационных сводках и, разумеется, огромного потока ложной информации о различных «заговорах» и прочих политических преступлениях со стороны невиновных лиц. Нередки и факты отрицания эпизодов негласной работы со стороны конкретных агентов госбезопасности. Так, в реабилитационных материалах по делу О.И. Кухмана сказано, что никаких сведений о его секретной работе на НКВД нет. Но зачем бы руководителю евангельских христиан Западной Сибири Отто Кухману на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР в Москве упоминать, что его единственная вина – дезинформация органов НКВД, агентом которых он являлся? Возможно, что Кухман как агент не давал подписку, а действовал по устной договоренности, ибо подобная практика была распространенным явлением (Архив УФСБ по НСО. Д. П-5038. Л. 218); [Советское государство и евангельские церкви..., 2004. С. 323]. Тем не менее, информационный потенциал документации органов госбезопасности огромен, уникален и при критическом отношении к нему способен пролить свет на множество малоизвестных вопросов, в т. ч. и проблемы мобилизационных практик исследуемого периода. Прежде всего с его помощью мы намерены рассмотреть влияние агентурной работы ОГПУ–НКВД на ряд основных мобилизационных кампаний: террористических, хозяйственно-политических, пропагандистских.

В конспиративно выстроенной системе коммунистической власти (см.: [Павлова, 2001]) наиболее закрытым элементом являлась агентурно-осведомительная деятельность советских спецслужб. Размах вербовок, которые проводили различные структуры, не может не поражать. Традиции императорской России, чей полицейский аппарат опирался на довольно большое число агентов и широкую перлюстрацию частной переписки, оказались почти сразу многократно превзойдены большевистской властью. Негласную работу, вербуя агентов во всех слоях общества, вели чекисты и военные разведчики, пограничники и милиция, армейские политруки и Коминтерн, командиры ЧОН

и контрольные партийные органы. Однако новейшие труды о сталинском времени довольно мало касаются роли агентуры в политической истории СССР (см.: [Хаустов, Самуэльсон, 2009; Хлевнюк, 2010]).

Между тем есть все основания полагать, что своих тайных агентов в партийно-государственном аппарате имели не только спецслужбы, но также крупные партийные и военные работники. Таким образом, существовала особая конспиративная традиция «приватизации» агентурных услуг некоторыми руководящими деятелями. Именно об этом свидетельствует политический опыт существования «буферной» Дальневосточной республики, чья правящая верхушка была буквально разложена интригами и постоянной взаимной слежкой (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 288. Л. 110–111; Д. 289. Л. 129–130; Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 124–125, 128–130). Например, в июне 1921 г. глава правительства ДВР А.М. Краснощеков назвал деятельность члена Дальбюро ЦК РКП(б) К.Ф. Пшеницына «преступной», обвинив его в попытке подкупа «за 100 р. золотом служащего у т. КРАСНОЩЕКОВА в Мининделе – Вайса». Чекисты отмечали, что в 1921 г. личные задания Краснощекова выполняли до 30 агентов Политинспекции (военной разведки) (Там же. Ф. 17. Оп. 13. Д. 288. Л. 60 об.; ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 68. Л. 161 об.). Наглядным примером «необъятной власти» Сталина явился поступок ленинского секретаря Л.А. Фотиевой: она, прекрасно осведомленная об аппаратном весе Сталина и, вероятно, не имевшая иллюзий относительно перспектив продолжительности работы и жизни Ленина, сообщила в конце 1922 г. стремительно идущему к полновластия генсеку содержание секретных диктовок председателя Совнаркома.

Сам В.И. Ленин не только приказал создать ВЧК в качестве беспощадного карательного органа непосредственной расправы над политическими противниками, но постоянно следил за деятельностью этой структуры и направлял ее, вникая в повседневные дела. Учебник истории КГБ констатирует, что Ленин «интересовался ходом оперативных разработок и следствия, давал указания по конкретным делам» [История советских органов..., 1977. С. 67]. При этом основатель советского государства вполне одобрял стремительно сложившуюся чекистскую практику арестов российских и зарубежных коммунистов, например, по самым сомнительным и затем разваливавшимся шпионским обвинениям, рассматривая не очень долгое пребывание в тюрьме как должное наказание за критику властей, связь с иностранцами или служебные проступки. Ленин неоднократно указывал, что в своей повседневной деятельности чекистам следует опираться на комячейки, а сами партийцы должны «смотреть и доносить», ибо хороший коммунист – это хороший чекист. Будучи дисциплинированным партийцем, он тоже не уклонялся от конкретной помощи руководителям политической полиции. Когда чекисты в 1921 г. сфабриковали дело «Вихрь», Ленин оказался задействован в этой операции, заверив своей подписью подложный мандат агента-provокатора ВЧК [В.И. Ленин и ВЧК, 1987. С. 531, 540, 135–136; Петров, 1991].

Сталин еще более плотно общался с руководителями политической полиции, во многом основываясь на информации секретной службы и к тому же считал себя большим специалистом в области тайного сыска. Вражеские аген-

ты мерещились ему везде, хотя он прекрасно знал, как легко фабрикуются дела о шпионаже и заговорах. Но для диктатора было важно самому назначать врагов, казнить и миловать. В июне 1927 г. Сталин поучал председателя ОГПУ В.Р. Менжинского: «1) Агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется, и явки у них все же остаются...» и указывал на необходимость массовых арестов. В августе 1932 г. вождь озабоченно писал Л.М. Кагановичу, выражая недовольство слабой бдительностью партийно-чекистского руководства УССР: «Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор» [Лубянка. Сталин и ВЧК..., 2003. С. 135; Сталин и Каганович..., 2001. С. 274]. Позднее Сталин направлял работу начальника УНКВД по Оренбургской области А.И. Успенского, Ежова, а также высших чинов союзного МГБ, предлагая те или иные провокационные агентурные комбинации. Вождь постоянно контролировал использование наиболее крупных негласных агентов. Так, в 1940 г. Берия в письме Сталину просил санкцию использовать «агента НКВД Ярушевича Б.Д., архиепископа Ленинградской епархии», чтобы «создать нелегальную резидентуру НКВД СССР для организации агентурной работы среди церковников» [Тепляков, 2008. С. 190; Ардов, 2006. С. 784].

В предвоенный период активно складывались свои кланы в правящей верхушке, причем Сталин де-факто позволял соратникам формировать зависимое окружение, пронизанное, однако, чекистской агентурой, которая поставляла вождю народов сведения обо всех значимых персонах. Могущество ряда членов Политбюро (Ежова, Берии, Кагановича, Ворошилова, Жданова, Маленкова, Хрущева) подкреплялось и наличием их людей в правящих структурах. Проверенные на тайной работе, эти лица выдвигались своими патронами в верхние эшелоны власти. Часть таких персонажей выступала и в качестве прямых агентов тайной полиции: Ежов в период «Большого террора» имел своих сексотов даже в аппарате ЦК ВКП(б) [Петров, Янсен, 2008. С. 360]. Члены Политбюро активно знакомились с агентурными материалами, поступавшими из ОГПУ–НКВД, причем сам Сталин, работая с материалами Иностранного отдела НКВД и Разведуправления Генштаба РККА, не доверял аналитикам спецслужб, требуя предоставлять ему первичную агентурную информацию.

Люди же, как проверенные в секретно-осведомительной работе, так и способные ее организовывать, могли выдвигаться Сталиным на высокие посты независимо от компрометирующего прошлого. Журналист и издатель Исай Лежнев, фигурант дела ОГПУ об «Устряловско-Лежневской группе», арестованный в 1926 г. за «участие в контрреволюционном заговоре» [Плеханов, 2006. С. 488], был выслан за границу, три года спустя возвращен и по рассмотрении рукописи своих мемуаров в Политбюро ЦК принят в партию (1933 г.), вскоре получив ответственный пост в «Правде». Вполне очевидно, что зарубежные и иные похождения Лежнева направлялись компетентными органами. А С.И. Кавтарадзе, отбывавший в период «Большого террора» заключение за троцкистские симпатии и подвизавшийся внутрикамерным агентом, не только избежал гибели, но и был выдвинут в ряд крупных чиновников ведомства иностранных дел [Сухомлинов, 2003. С. 309–310]. Начальник

«СМЕРШ» В.С. Абакумов сделал карьеру благодаря своим постоянным подробным агентурным сводкам на высшую военную и партийно-государственную номенклатуру.

В системе самой политической полиции тем более со временем росла роль бывших негласных работников спецслужб. Будущий нарком внутренних дел Л.П. Берия в начале карьеры служил агентом военной разведки, нарком госбезопасности В.Н. Меркулов – сексотом Закавказской ЧК. Видные чекисты также могли быть креатурами крупных партийных чиновников, направляясь в «органы» в качестве их доверенных лиц, а по сути – агентов. Так, С.Н. Круглов, работавший с 1937 г. в подчинении стремительного шедшего в гору Г.М. Маленкова, очень быстро из слушателей Института красной профессуры и работников кадрового отдела ЦК ВКП(б) буквально прыгнул к генеральским должностям в системе «органов», пройдя за считанные недели путь от особоуполномоченного НКВД СССР (декабрь 1938 г.) до заместителя наркома внутренних дел СССР (с февраля 1939 г. по 1953 г.). При этом крах карьеры Круглова, дослужившегося до министра внутренних дел, совпадает с падением Маленкова, который в 1956 г. взял главу МВД к себе заместителем в министерство строительства электростанций. Здесь, правда, не исключено, что Круглов, учивший в 1934–1935 гг. японский язык в столичном Институте востоковедения, а затем переведенный в Институт красной профессуры, оказался в аппарате ЦК ВКП(б) именно как агент НКВД, тем более что в его биографии есть период (с марта по декабрь 1937 г.), для которого совершенно неизвестна какая-либо конкретная деятельность Круглова. А в конце 1937 г. бывший студент Круглов становится сразу ответственным организатором отдела руководящих парторганов ЦК ВКП(б), чтобы через год оказаться в НКВД с погонами сначала старшего майора госбезопасности, а восемь месяцев спустя получить звание комиссара ГБ 3-го ранга, соответствующее генерал-лейтенанту [Петров, Скоркин, 1999. С. 252].

Доказано, что в Советской России с первых лет существования ВЧК был взят курс (вероятно, впервые в современной мировой истории в таких масштабах) на массовое заагентурирование общества с целью контролировать малейшие его движения (см.: [Измозик, 1995; Иванов, 1997; Щекочихин, 1999; Бурдс, 2006, и др.]). Уже на начало 1921 г. конспиративный аппарат ВЧК насчитывал 60 тыс. агентов, а в 1922 г. штат ГПУ, подвергшийся серьезному сокращению, имел 12,5 тыс. секретных сотрудников из классово-враждебной среды и более 52 тыс. осведомителей из числа лояльных режиму лиц. В случае необходимости негласная сеть по определенной линии работы могла быть увеличена скачкообразно: так, по данным начальника 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучкова, только за 1924 г. «число осведомов среди церковников и сектантов» выросло в шесть раз [Плеханов, 1999; Политбюро и церковь..., 1998. С. 442]. Ресурсов конспиративной сети хватало, чтобы многие лица, попавшие под подозрение, находились в постоянной агентурной разработке по 10–15 лет и более. Бывали и секретные агенты, работавшие на «органы» по два-три десятилетия. При этом арест все время выступал в качестве самого надежного способа принуждения к негласному сотрудничеству. Например, студент Московского института связи Н.Н. Виноградов в мае

1933 г. за «антисоветскую агитацию» был осужден ОСО при Коллегии ОГПУ на три года северной ссылки, в декабре того же года стал агентом, вскоре был освобожден – и до апреля 1952 г., работая в системе Гражданского воздушного флота и будучи с 1945 г. членом компартии, сотрудничал с органами ОГПУ–МГБ, «помогая им в разоблачении враждебных советской власти людей» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 203. Л. 82).

Основным источником получения политической информации для властей были органы госбезопасности. Тенденциозные оценки ВЧК–НКВД, для которого все проблемы объяснялись происками затаившихся многочисленных врагов, были очень близки настроениям партийно-государственной верхушки, изначально эксплуатировавшей образы тайных врагов народа и вездесущих шпионов. В марте 1919 г. выступавший на 9-м съезде компартии Азербайджана первый секретарь ЦК А. Караев заявил: «Враг есть везде. Враг есть в кино, в театре. В учебных заведениях, в литературе, в учреждениях, в быту, везде и всюду этот враждебный элемент есть». Вскоре после изгнания Колчака экс-глава Енисейской губчека И.Г. Фридман заявил: «Шпионы везде и всюду нас окружают» [Баберовски, 2010. С. 9; Шекшеев, 2002. С. 117].

О своей оперативной работе сотрудники госбезопасности сообщали партийным властям только то, что считали нужным. Впрочем, и руководству ОГПУ из Новосибирска посылались ложные данные о заговорах, когда, например, в 1930 г. агент А.С. Мальцев был представлен Москве инициатором создания большой «организации» в Барнауле (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 791. Л. 167)*. Свои провокационные действия чекисты старались скрывать. Как показывал бывший начальник Барнаульского оперсектора ОГПУ И.А. Жабрев, в 1933 г. по указанию полпреда ОГПУ Н.Н. Алексеева для демонстрации широкой деятельности затаившихся заговорщиков готовился налет на политотдел Калманской МТС с «покушением» на его начальника К.В. Рыневича; мероприятие не состоялось из-за опасений о невозможности сохранить его в полной тайне (Архив УФСБ по НСО. Д. П-10390. Л. 187). Однако сменивший Алексеева новый начальник УНКВД В.А. Каруцкий, отметив участие Жабрева в провокациях, оставил его в качестве начальника главного подразделения политического сыска – секретно-политического отдела (СПО) УНКВД. Ведомственная аттестация Каруцким от 20 августа 1935 г. начальника СПО Жабрева, в частности, сообщала: «В прошлом допустил в работе ряд крупных оперативных ошибок. В уборочную и заготовительную кампанию 1934 года не сумел организовать своевременной сигнализации о деятельности классового врага, организовавшего сопротивление уборке... Выявлено много ошибок в расстановке агентурных сил, большая засоренность агентурного аппарата, неправильное воспитание агентуры [в] направлении недопустимой “активизации”, элементы провокации в ряде дел. Сейчас тов. ЖАБРЕВ эти недочеты осознал и действительно берется за исправление ошибок и перестройку работы» (Архив УСБУ по Хмельницкой обл. ЛД № 2833 на И.А. Жабрева. Т. 2. Л. 19–19 об.).

---

* Здесь следует учитывать, что руководство ВЧК–НКВД строго требовало внешне правдоподобной информации о «заговорах», прекрасно зная, как в действительности они фабрикуются.

Роль поставляемых чекистами сведений была очень велика и предопределяла подоплеку многих серьезных политических решений и поступков. Наличие досье на политических деятелей высшего ранга позволяло невидимым миру образом контролировать их поступки. Например, Сталин не обнародовал компрометирующие материалы из дел царской полиции на членов Политбюро ЦК М.И. Калинина и Я.Э. Рудзутака, которые говорили об их неблагоприятном поведении на следствии. Демонстрация разоблаченным «товарищам» по Политбюро этих документов, оказавшихся в руках Сталина, скорее всего, и предопределила полную преданность видных политиков вождю. Характерно, что диктатор продолжал хранить данные материалы и после смерти Рудзутака и Калинина [Советское руководство..., 1999. С. 9–10].

Кадровая работа партии в огромной степени опиралась на возможности тайной полиции. Служебное продвижение и закрепление в правящей номенклатуре происходили только в случае отсутствия сколько-нибудь серьезных компрометирующих материалов, касавшихся происхождения и политического поведения кандидата (однако немало личностей, пользовавшихся доверием верхов, сохраняло свои позиции и после разоблачения каких-либо компрометирующих моментов). Поэтому заметная часть агентурного аппарата «органов» занималась проверкой биографических данных на чиновников всех уровней. В Сибири известны случаи крушения карьер крупных чиновников, разоблаченных в связи с изменческими поступками периода Гражданской войны: председателя Красноярского окрисполкома и члена ВЦИК В.В. Полудова (арестован в 1929 г. и отправлен на Соловки), второго секретаря Алтайского крайкома ВКП(б) К.К. Галето (снят с должности в 1939 г.) (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 565. Л. 189–191); [Тепляков, 2003. С. 68–69]. Также чекисты выявляли тех партийных руководителей, которые скрывали истинное положение дел во время выполнения ответственных кампаний. В конце 1932 г. уполномоченный Горно-Шорского райаппарата (РАП) ОГПУ ЗСК сообщил в полпредство о том, что секретарь райкома партии Гладков отчитался о 100 %-ном выполнении плана хлебозаготовок, тогда как они были выполнены только на 84 %. Но тогда же райуполномоченный ОГПУ по Зырянскому району не сигнализировал о секретном решении руководства района не выполнять завышенный план хлебозаготовок и ходатайствовать о его снижении; однако в Томском оперативном секторе ОГПУ об этом узнали, после чего последовало решение о снятии чекиста с работы (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 522. Л. 927, 942, 944).

Попутно сотрудники спецслужбы собирали с помощью наружного наблюдения, перлюстрации переписки, прослушивания телефонных переговоров и внедрения агентов всю возможную информацию о руководителях своих регионов, зная, что такие данные востребованы на Лубянке и в ЦК ВКП(б). С точки зрения И.В. Павловой [2001], особые секторы партийных учреждений были созданы для контроля деятельности первых лиц регионов со стороны ЦК ВКП(б). Однако чекистские органы за счет широкой внутрипартийной агентуры, охраны, не столько охранявшей, сколько фиксировавшей повседневную деятельность первых лиц региона, а также перлюстрации и прослушивания гораздо более эффективно контролировали местных руководителей по «своей линии», тем более что в руководители особых секторов и спецотделов обкомов и облисполкомов назнача-

лись лица, лояльные местным лидерам. В этом отношении показательный пример дает Украина, где в первой половине и середине 1930-х гг. по приказанию многолетнего главы органов ГПУ–НКВД УССР В.А. Балицкого осуществлялся очень плотный чекистский контроль высшей номенклатуры. Так, работа чекистов-охранников заключалась прежде всего в пристальном наблюдении и за первыми лицами регионов, и за всеми партийно-советскими лидерами Украины, включая С.В. Косиора и П.П. Постышева. Работники НКВД постоянно сообщали Балицкому негласную информацию о встречах и телефонных переговорах Косиора, Постышева и других членов Политбюро ЦК КП(б)У, в т. ч. с московским руководством, а также их личной жизни. В 1938 г. по приказу наркома внутренних дел Украины А.И. Успенского во время XIV съезда КП(б)У чекисты не столько охраняли делегатов, сколько следили за их благонадежностью; примерно тогда же Успенский «поручил прикрепить к сыну Хрущева [своего] человека» (ОГА СБУ. Д. 43626. Т. 3. Л. 309).

А в ходе предвыборной кампании начальник УНКВД по Каменец-Подольской области И.А. Жабров выяснял, кто из делегатов осмелился вычеркнуть в списках делегатов на съезд самого Ежова, а также и Успенского [Шаповал, Золотарьев, 2002. С. 242–243; Золотарьев, 2003. С. 303]. Его письмо Успенскому от 2 июня 1938 г. гласило: «Выставление Вашей кандидатуры на съезд КП(б)У было произведено мною. Конференция это предложение встретила очень тепло. Один из членов счетной комиссии сообщил мне, что на одном из бюллетеней кандидатов на 14-й съезд КП(б)У были вычеркнуты фамилии т. Ежова Н.И. и Ваша. Подозреваю в этом НЕЗДЫМЕНКО, проходящего по нашим материалам, как участник антисоветской организации правых или МАРИНОВА – бригадного комиссара Шепетовского гарнизона, проходящего по показаниям как заговорщик. Принимаю меры к тому, чтобы установить, кто это сделал» (ОГА СБУ. Ф. 77. Оп. 31. Д. 77. Л. 60–61 (сведения В.А. Золотарева)).

От карательного ведомства также в первую очередь требовалась абсолютная благонадежность, и основное содержание взаимных чекистских доносов касалось именно этого обстоятельства. Начальство «органов» предельно откровенно требовало слепого послушания. На одном из оперсовещаний начала 1930-х гг. многолетний председатель ГПУ Украины В.А. Балицкий заявил следующее: «Вы знаете, что аппарат ГПУ это тот орган, который должен безоговорочно выполнять волю Центрального Комитета партии, которая передается через его Председателя. Если я прикажу стрелять в толпу независимо от того, кто бы там ни был – откажетесь – расстреляю всех – нужно безоговорочно выполнять мою волю» [Сидак, Козенюк, 2004. С. 97]. Вместе с тем чекистское начальство могло выводить из-под обязательных спецпроверок своих приближенных, закрывая глаза на их анкетное неблагополучие или причастность к различным криминальным делам (см.: [Золотарьев, 2007]).

Следует учитывать своеобразие информационной политики органов ВЧК–НКВД. Обширный поток информации в партийно-государственные инстанции направляли все структуры чекистской машины: территориальные органы, особые отделы, транспортные отделы, а также иностранные отделы, имев-

шиеся не только в центральном аппарате ВЧК–НКВД, но и в тех полпредствах – управлениях НКВД, которые обладали выходами к границам с другими странами. С начала 1930-х гг. информированием краевых и областных властей занимались районные отделы, оперативные секторы, особые отделения дивизий, корпусов, армий и округов, секретно-политические, экономические и контрразведывательные отделения горотделов НКВД, отделы областных (краевых) УНКВД. Но определяли актуальность этого потока конфиденциальной информации сначала руководители полпредств ОГПУ и управлений НКВД, а затем – центральный аппарат Лубянки.

Огромное количество информации о вопиющих злоупотреблениях местного начальства, прекрасно известных чекистам, не доходило до вышестоящих руководителей, поскольку обычно сам начальник районного отдела ОГПУ–НКВД решал, какой агентурный сигнал достоин пойти в областное управление, а какой будет погребен в архиве как неактуальный или ложный, либо просто уничтожен. Соответственно, руководство регионального управления госбезопасности при анализе сообщений с мест определяло, какие спецсообщения должны были увидеть в партийно-советских структурах, а какие нет, какая информация отправится в центральный аппарат, а какая не выйдет за стены управления. И дальнейшая судьба важных сведений решалась уже на уровне высшего руководства ОГПУ–НКВД. Подобный фильтр вполне надежно задерживал ту информацию, которая считалась неподходящей и могла скомпрометировать политику и руководящие кадры какого-либо региона. Сталину же была важнее информация не столько о недостатках на местах, сколько агентурные материалы о заметных личностях, включая собственное окружение. Он требовал компрометирующих сведений, что позволяло ему контролировать фигуры, важные с политической или общественной точки зрения.

На региональном уровне факты, которые требовали острых решений или компрометировали известных лиц, власти нередко игнорировали. Например, начальник Венгеровского РО УНКВД Западно-Сибирского края Д.И. Надеев в 1937 г. утверждал, что неоднократно и безуспешно ставил на заседаниях бюро РК ВКП(б) вопрос об огромной детской смертности в районе. Руководящие чекисты позволяли себе цинично отзываться об истинной цене стахановских рекордов. Например, заместитель начальника УНКВД по Киевской области Г.А. Гришин-Клювгант в 1936 г. указывал журналисту «Известий» А.Н. Гарри: «Но смотри, только не напиши, что [“один из первых стахановцев обувной промышленности”] ГОМУЛЬКО – “липач”... Когда ГОМУЛЬКО ставит рекорды, перед этим 20 человек ему ночью потихоньку все готовят. Вот весь фокус» (ОГА СБУ. Д. П-49732. Л. 114). Когда власти узнавали о каких-то недостойных поступках выдвинутых в герои передовиков производства, чей опыт и государственное внимание к нему популяризировались в масштабах страны, они старались скрыть подобное и от общественности, и от верхов. Новосибирские чекисты в 1939 г. дали в областной комитет партии информацию о лжедостижениях депутата Верховного Совета Анны Картавых, заявившей о рекордном урожае картофеля (завысив реальные цифры в несколько раз) и называвшей своих критиков шпионами и врагами народа. Однако обком

ВКП(б) не стал принимать мер, которые привели бы к дискредитации Картавых, положив информацию УНКВД под сукно [Тепляков, 2008. С. 424].

Получение чекистской информации по политическим, социально-экономическим и кадровым вопросам позволяло партийному руководству быть в курсе событий, иметь конфиденциальные сведения о низовом управленческом аппарате. Однако данная информация предоставляла преимущественно поток сведений негативного характера, формировавший у руководства психологию «осажденной крепости». Многие сведения, исходившие из ОГПУ–НКВД, были тенденциозными или откровенно ложными. Большая часть агентуры была неработоспособной, и немало достаточно важных событий ускользало от непрофессиональных секретных сотрудников. Качество агентурной информации всегда зависело от заказа чекистов-кураторов, из-за чего огромную ее часть составляли провокационные материалы. А о состоянии кадров, наполнявших советские спецслужбы, еще в декабре 1919 г. откровенно сказал начальник агентурной разведки Регистра при штабе 5-й армии Восточного фронта. Требуя «генеральной чистки наших разведывательных органов», военный разведчик отмечал: «...не мудрено встретить товарищей, защищающих с пеной у рта необходимость самого широкого применения принципа "цель оправдывает средства"... Не мудрено, что в агентурную разведку стекаются не только отребья человечества, а даже хуже. В этом отношении мы с успехом можем поспорить о пальме первенства с Чрезвычайными комиссиями и Особотделами... этими паразитическими органами, бросающими порой вызов самому небу...» (РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 24. Л. 604 об., 605).

Дальнейшая ситуация принципиально не менялась, поскольку все основные принципы агентурно-оперативной работы, закреплённые практикой Гражданской войны, остались действующими и в последующие эпохи. И малограмотные, и более подготовленные сотрудники спецслужб поставляли сходную агентурную информацию исходя из указаний начальства, нередко фальсифицируя ее; агентура также получала недвусмысленные указания о том, какого рода сведения интересуют чекистов, нередко действуя при этом в собственных интересах. Например, сексот Запорожского окротдела ГПУ Г.М. Чертков, освещавший деятельность троцкистов в «Днепростроевской группе молодежи», в середине 1930-х гг., обращаясь к властям, «шантажировал именем ГПУ для получения себе квартиры», а его родственник Донской, тоже агент, сообщал: «...Чертков мне рассказывал, что когда ему необходимо было сводить личные счета с кем либо, то тогда он о них писал в ГПУ и Партийный Комитет» (ОГА СБУ. Д. П-49732. Л. 73, 74).

Постоянные эпизоды массового морально-бытового разложения аппаратов правящей верхушки в республиках, краях и областях в 1920–1940-х гг. и вызванного этим их политико-экономического бессилия обуславливали заинтересованность Сталина и его окружения в информации от многочисленных лояльных доносчиков. Их сведения позволяли перепроверять сводки, поступавшие от чекистов, нередко тесно связанных с местной коррумпированной верхушкой и не заинтересованных предавать гласности совместные грешки. Постоянная чистка непрофессиональных, недисциплинированных и корыстных

сотрудников аппарата ВЧК–НКВД не помогала чекистам эффективно избавляться от неподходящих сотрудников, поскольку основные направления агентурно-оперативной работы носили криминальный характер, а практика круговой поруки служила надежным щитом множеству провалившихся сотрудников, особенно из руководящего состава. В этих условиях для Сталина была важна и информация от сотрудников партийно-советского аппарата, хотя отношение к ней также было крайне циничным. Например, полученные еще весной 1932 г. сведения об увеличении проституции и голодных самоубийствах в Татарии, а также о массовой голодной смертности в Казахстане (посетивший Павлодар старый большевик Я.П. Грицман писал, требуя вмешательства ЦК ВКП(б), что «картина очень жуткая») не вызывали какого-то заметного отклика верхов (ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1976. Л. 52, 144–144 об.). Но все то, что могло подорвать позиции того или иного регионального чиновника, складировалось в недрах контрольных органов и при необходимости извлекалось на свет.

Американская исследовательница С. Хупер, изучавшая борьбу за властные полномочия административных учреждений (прокуратуры, НКВД, контрольных комиссий), сделала вывод о том, что на процессы создания и использования информации сильное влияние оказывали их стремление скрыть или запутать нежелательные сведения, а также различные политические интриги. В результате, даже после окончательного бюрократического закрепления контрольных процедур к началу 1940-х гг., их истинный характер и значение остаются неясными и спорными в связи с проявлениями субъективизма и тайными политическими ходами, которые не имеют документальных подтверждений [Ноорег, 2002 (Цит. по: [Коткин, 2007. С. 110])].

Высокий властный авторитет органов советской политической полиции, чья информация считалась верхами наиболее ценной, приводил к тому, что чекисты, порой не без заносчивости, указывали партийно-советскому руководству на недостатки в деятельности по осуществлению мобилизационных кампаний. Так, Ягода 13 марта 1930 г. писал начальнику Секретно-оперативного управления ОГПУ Е.Г. Евдокимову о телеграммах полпреда ОГПУ по Сибкраю Л.М. Заковского, обвинявшего местные власти в недостаточных усилиях по «раскулачиванию» и выселению: «Необходимо собрать все донесения Заковского по Сибири, где он пишет об инертности и вялости парт. и сов. аппарата, составить специальную записку для т. Сталина...» А Заковскому Ягода тогда же предложил добиться «твердой директивы Крайкома местам об упорядочении внутреннего переселения» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 219. Л. 50, 51).

Став полпредом ОГПУ по Белоруссии, Заковский и далее критиковал партийный аппарат. Дав сводку полученных от агентуры преимущественно нелояльных настроений белорусской интеллигенции на официальное сообщение Коллегии ОГПУ от 11 марта 1933 г. о расстреле 35 специалистов в области сельского хозяйства за якобы организацию голода в стране («народ привык к расстрелам, извещения о них читаются без всякого впечатления», «на крутых поворотах Соввласть всегда расстреливает пачками», «легче расстрелять, чем создать человеку условия работы», «расстреливают самых лучших людей» и

т. п.), он уже 16 марта сообщал Ягоде и партийному руководителю республики Н.Ф. Гикало, что «партийные организации, в частности, центральная республиканская печать, несмотря на прошедший со дня опубликования приговора достаточный срок, – не мобилизовали в связи с этим общественного внимания и не использовали самого постановления в целях ликвидации имеющихся прорывов в области сельского хозяйства БССР» (Там же. Оп. 11. Д. 675. Л. 59–61). Таким образом, Заковский в документе, адресованном 11 инстанциям, в основном чекистским, а также секретарю ЦК КП(б) Белоруссии и председателю республиканской ЦКК–РКИ, открыто предъявлял последним претензии в ненадлежащих усилиях по использованию информации о расстреле «вредителей» для мобилизационных целей.

На низовом уровне чекисты критиковали власти еще свободнее. Они постоянно оценивали деятельность местного руководства по частным вопросам, давали политические оценки событиям. Выступая в мае 1938 г. на Барабинской районной партконференции, заместитель начальника отделения ДТО НКВД ст. Барабинск Г.М. Коган отметил: «Даже по показательному процессу диверсантов Свиридова и др. не было массовой работы, в результате на ст. Карачи имелись суждения якобы диверсант Белов осужден неправильно... На транспорте очень сильно развито пьянство, особенно молодежи, а комсомольская и профсоюзная организации не принимают мер к ликвидации пьянства, также в этом вопросе бездействует милиция» (ГАНУ. Ф. П-29. Оп. 1. Д. 452. Л. 31–32).

Мобилизационные рывки и связанная с ними политическая напряженность болезненно отзывались и на самих чекистах. Повсеместная «охота на ведьм» в СССР, стремительно усиливавшаяся с конца 1920-х гг., прямо затрагивала и ОГПУ: так, в конце 1929 – начале 1930 г. среди самых заслуженных деятелей аппарата Лубянки обнаружилось потенциально нелояльные руководители и целый ряд «троцкистских шпионов». Внезапное снятие и увольнение из «органов» заместителя председателя ОГПУ и начальника Иностранного отдела М.А. Трилессера (в связи с разоблачением троцкистских симпатий крупного разведчика Я.Г. Блюмкина, поданных как государственная измена), падение начальника ИНФО ОГПУ Н.Н. Алексеева (главного информатора Кремля, усланного в провинцию после расстрела связанного с троцкистами рядового сотрудника ИНФО Б.Л. Рабиновича), отправка на Дальний Восток многолетнего начальника Секретного отдела ОГПУ Т.Д. Дерибаса оказали сильное воздействие на чекистский аппарат. Другим потрясением стало устранение летом 1931 г. из центрального руководства ОГПУ С.А. Мессинга, Е.Г. Евдокимова, Я.К. Ольского и временное ослабление позиций Г.Г. Ягоды, когда Сталин поменял чекистское начальство, которое интриговало друг против друга, выдвигая в качестве повода некачественное проведение следствия по делу «Весна» – огромного сфабрикованного заговора в армии. Репрессии, в т. ч. против мифических шпионов, в главном силовом мобилизационном органе – ОГПУ–НКВД – были постоянными в течение всей первой половины 1930-х гг., но имели тогда в основном внутрислужебную подоплеку, связанную с сильнейшей криминализацией чекистской корпорации, чтобы обрести небывало массовый характер в 1937–1940 гг.

Как опубликованные, так и архивные документы убедительно доказывают, что мобилизационные кампании конца 1920-х и 1930-х гг. всемерно опирались на возможности явного и тайного воздействия на общество со стороны ОГПУ–НКВД. Проводимые государством кампании, в которых негласная сеть была и поставщиком информации, и проводником политических решений, сопровождались обостренным отношением чекистов к проблемам агентуры. Каждый чекист обязывался вербовать агентуру; за работниками ОГПУ–НКВД закреплялись определенные участки работы, которые они, по жаргонному выражению чекистов, «обслуживали». Это «обслуживание» заключалось в том, что чекисты подыскивали лиц, способных давать ценную информацию о каком-либо учреждении, предприятии, воинском подразделении или интересующих госбезопасность людях, после чего склоняли их к негласному сотрудничеству. Ведущим принципом агентурно-оперативной работы «органов» было стремление иметь осведомителей повсюду. Председатель ОГПУ Менжинский подчеркивал, что ОГПУ обязано знать все, что происходит в Советском Союзе, начиная от Политбюро и кончая сельским советом: «И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей» [Беседовский, 1997. С. 271]. В результате усилий «органов» значительная часть советского населения в течение долгого времени вела двойную жизнь, являясь тайными агентами ВЧК–КГБ. Отношение к агентуре у чекистов было предельно прагматическим. При возникновении очередных проблем и соответствующих заданий верхов руководители ОГПУ обычно сразу констатировали, что имеющаяся агентурная сеть не соответствует поставленным задачам и должна быть срочно почищена и пополнена, при этом часть агентов обвинялась в политических преступлениях и подвергалась репрессиям. Это был многолетний алгоритм деятельности спецслужб: политическая кампания – усиленные вербовки – рапорт о полном либо частичном выполнении политических заданий.

Очень хорошо видна активность ОГПУ летом 1927 г. во время пресловутой «военной тревоги»: после проникновения на территорию СССР нескольких групп боевиков РОВС появились указания Сталина, который в письме Менжинскому от 25 июня 1927 г. потребовал (на фоне разрыва с Великобританией) «повальных арестов» от Контрразведывательного отдела ОГПУ – с целью парализации «английского шпионажа» и широкой вербовки арестованных в агентурно-осведомительную сеть. Сталин приказал также шире вербовать комсомольскую молодежь. В ответ 10 дней спустя заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода объявил, что на фоне появления в СССР заброшенных ровесовских групп необходимо бороться с террористическими тенденциями в рабочей и молодежной среде, а «органы» должны с помощью массовых арестов добиться резкого расширения агентурной сети среди «бывших людей» и прочих потенциальных противников режима. Буквально за считанные дни чекисты СССР, исполняя директиву Ягоды, подвергли репрессиям 9 тыс. чел., значительная часть которых была принуждена к сотрудничеству [Трагедия советской деревни... Т. 5, кн. 1. С. 10–11]. Основными кандидатами на аресты с последующей вербовкой становились бывшие офицеры, студенты, техническая интеллигенция, журналисты, церковный актив.

Новая мобилизационная кампания, начатая в 1928 г., была связана с резким усилением репрессий в отношении интеллигенции, которые последовали за «Шахтинским делом». Аресты носили чисто кампанейский характер, были слабо подтверждены агентурными данными (за исключением информации о вольных разговорах), отчего наспех сфабрикованные дела на «спецов» то и дело разваливались. В Казахстане, по информации профсоюзных органов, половина из имевшихся 460 инженеров и техников к осени 1928 г. была арестована по подозрению во вредительстве, а затем освобождена «за отсутствием состава преступления». В том же 1928 г. большая часть многочисленных дел, возбужденных чекистами против специалистов Кузбасса и административно-технического персонала Томской железной дороги, в судебном порядке была прекращена [Красильников, 2011а. С. 147; Тепляков, 2007а. С. 198]. Это говорило о том, что работники тайной полиции обычно использовали слабые агентурные материалы, которые могли подтвердить только нелояльность интеллигенции к власти и ее идеологии, но отнюдь не мифическое вредительство.

Проблемы и провалы агентурной работы

Чекисты Западной Сибири в первой половине 1920-х гг. имели негласных информаторов даже в тех отдаленных деревнях, где не было коммунистических ячеек [Koenker, Bachman, 1997. Р. 19. (Цит. по: [Коткин, 2007. С. 110])]. Но это достижение не свидетельствовало о высокой работоспособности насажденной сети. Агентура не поспевала за потоком репрессивных кампаний. С началом эпохи «Великого перелома» и вызванного государственным насилием всплеска повстанческой активности в деревне выяснилось, что агентурная сеть в сельской местности слаба и часто не в состоянии предупреждать чекистов о вспышках крестьянского протеста.

Во многом подобное опоздание с агентурными сообщениями объяснялось стихийностью бунтов, но чекисты обвиняли агентуру, завербованную в том числе из зажиточных слоев, в сознательном уклонении от своих обязанностей. Согласно чекистской переписке среди репрессированных повстанцев нередко оказывались агенты ОГПУ, причем сексотами являлись не только некоторые участники Парбигского восстания ссыльных крестьян в Нарыме летом 1931 г., но даже их руководитель Усков (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 550. Л. 610). (Был ли он насильно завербованным формальным агентом либо выполнял чекистское задание по провоцированию повстанческой активности, неясно.) Агентов, завербованных под давлением, отказывавшихся поставлять сведения, «прогуливавших» встречи с чекистами-кураторами либо дававших случайную, ненужную информацию, то и дело приходилось исключать из осведомительной сети. Зачастую это делалось после инспекционных проверок, неизменно выявлявших в районной сети огромное количество «мертвых душ», намербованных для отчетности. В июне 1931 г. во всех территориальных органах ОГПУ должен был быть заведен учет агентуры и ее работоспособности. Такое внимание руководства тайной полиции к учету конспиративного аппарата говорит о том, что элементарное требование учитывать агентуру и фиксировать качественные характеристики ее работы повсеместно игнорировалось.

В начале 1930-х гг. агентурная сеть в СССР насчитывала сотни тысяч осведомителей. Резидентами ОГПУ–НКВД становились политически грамотные коммунисты, пригодные для руководства рядовыми осведомителями. Будучи низовым руководящим звеном осведомительной сети, резиденты являлись тайными уполномоченными и исполняли роль передаточного звена между рядовым сексотом и штатным сотрудником «органов». Они регулярно собирали с курируемых осведомителей информационные сообщения и обобщали их в информационные сводки, которые передавали гласным оперативным работникам. В 1930-е гг. на одного резидента приходилось примерно 10–15 осведомителей, нагрузка в 20 «осведомов» считалась предельной. Аналогично должна была выглядеть и нагрузка оперативных работников, курировавших резидентов, однако она в среднем была больше, поскольку руководящие работники старались минимизировать собственную конспиративную сеть. Свои резиденты имелись в воинских частях и на предприятиях, в крупных учреждениях и учебных заведениях. В течение 1930-х гг. плотность осведомительной сети в сельской местности постепенно приближалась к плотности городской. В каждом районе в 1930 г. предписывалось иметь не менее двух резидентов, но вскоре эта цифра была увеличена во много раз. Обычно резидент «вырастал» из квалифицированного осведомителя. На селе резидентов вербовали из тех, кто по службе часто контактировал с крестьянами: инструкторов РИКов, агрономов, кооператоров, работников МТС, страховых касс и сельбанков, культработников; однако нередко ими становились руководящие партийно-советские работники и начальники милиции.

На всех партийных и беспартийных работников райуполномоченные ОГПУ должны были заводить так называемые «обработки» с целью изучения этих лиц и отбора подходящих для негласной работы, причем анализировалась с помощью учетных материалов ОГПУ, милиции и судебных органов вся информация: от деловых и личных качеств кандидата до степени его зависимости от начальства и прочности занимаемого положения [Тепляков, 1997. С. 242; Бурдс, 2006. С. 179–180, 184–185]. Районных руководителей тоже изучали в качестве потенциальных агентов и руководителей резидентур. Считалось необходимым постоянно иметь в запасе некоторое число резервных резидентов. С резидентами и квалифицированными агентами штатные чекисты должны были регулярно встречаться, получая информацию и направляя, путем устных указаний, их деятельность. Агенты высокого уровня были важным источником пополнения «органов» – многие резиденты и спецосведомители со временем становились гласными сотрудниками госбезопасности. Выстраивание сети аппаратов ОГПУ во всех районах с 1930 г. с последующей вербовкой в сексоты значительного числа местных чиновников (часто осведомителями являлись и жены номенклатурных работников), учителей, председателей колхозов, бригадиров, а также многочисленных лиц из чуждой среды было одним из важнейших следствий административной реформы, заменившей окружную систему на районную и позволившей резко усилить карательный аппарат.

Благодаря информативной аналитической записке руководства ОГПУ Западной Сибири мы можем весьма подробно рассмотреть состояние конспиративной работы на местном уровне в конце 1932 г. – в период, когда широкий размах мобилизационных кампаний сочетался с максимумом экономических неурядиц и пиком социально-политической напряженности. В соответствии с приказом ОГПУ № 1138 от 8 декабря 1932 г. полпредства ОГПУ должны были перестроить агентурную работу районных органов, для чего обязывались предварительно осуществить широкие проверки состояния агентурно-осведомительной сети на местах, особенно в сельской местности. В Западно-Сибирском крае 25–28 декабря 1932 г. были проверены основные оперативные секторы ПП ОГПУ – Барнаульский, Омский, Томский, Минусинский, а также Хакасский облотдел.

Проверка осуществлялась крупными силами – в бригады, обследовавшие районы, входило до 35 чел. Барнаульский оперсектор проверяла бригада во главе с заместителем полпреда А.М. Шаниным, состоявшая из 12 оперативников ПП, 16 сотрудников оперсектора и работников ДТО ОГПУ Томской железной дороги, а также семи милиционеров. В Омский оперсектор были направлены восемь работников из Новосибирска и 21 сотрудник оперсектора (примерно половина оперсостава сектора) во главе с помощником начальника Особого отдела ПП Р.К. Баландой. Минусинский оперсектор обследовали десять работников ПП во главе с начальником СПО И.Д. Ильиным, 13 сотрудников самого Миноперсектора и 10 чел. – из Хакасского облотдела, что означало участие основной части оперсостава, работавшего в Минусинске и Абакане. Семь районов, частью примыкавших к Новосибирску и обслуживаемых сотрудниками полпредства, проверяли восемь чекистов во главе с начальником отделения СПО ПП Н.Н. Хвалебновым (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 2–3).

К февралю 1933 г., когда составлялась записка, данные от бригады, обследовавшей районы Томского оперсектора, еще не поступали. Бригада Шанина, обследовавшая 16 районов, подготовила данные по шести из них, бригада Баланды обработала данные по девяти из 19 районов. Но общий вывод был сделан сразу: в большинстве районов ощущался острый недостаток в основных чекистских негласных помощниках – резидентах. Так, по полученным данным, в 15 районах Омского и Минусинского оперсекторов в райорганах ОГПУ имелось вместо положенных 195 резидентов только 121. При этом их работоспособность была низкой. Из девяти резидентов ОГПУ в Курагинском районе шестеро являлись малограмотными, не имели опыта чекистской работы и не могли корректировать сводки рядовых осведомителей. Резидент «Айчар» был исключен из сети как изгнанный из партии за дачу рекомендации в ВКП(б) бывшему «карателю» и связь с «кулачеством». Резидент «Черный» из Ермаковского района (заведующий зоной совхоза «Скотовод») был в конце 1932 г. исключен из партии за алкоголизм и не работоспособность. Не связанный по службе с разъездами, «Черный» не мог поддерживать связь с порученной ему сетью в трех сельсоветах и потерял с осведомителями контакт, поэтому оказался сам исключен из состава резидентов (Там же. Л. 3–6).

Резидент Ключевского райаппарата ОГПУ «Лев», завербованный в августе 1932 г. без предварительной проработки, оказался малограмотным и непригодным к работе: «Зная о наличии в колхозе кулака, скрыл этот факт от Райаппарата. Прикрепленное осведомление в числе 8 чел. абсолютно не обслуживал... за последние 5 мес. не поступало ни одной сводки». В резидентском составе Убинского райаппарата состояли член бюро РК ВКП(б) и председатель райсовпрофа «Ворон», заведующий культпропом райкома «Маузер» и заведующая женсектором райкома «Кама», которые «прикрепленное массовое осведомление не обслуживали». В Ново-Омском районе резидент (редактор районной газеты) из-за загруженности работой «по партлинии» не работал с осведомителями три месяца подряд. В Барабинском районе резидентом по совхозу был заместитель директора этого совхоза, что профанировало принцип проверяемости и подконтрольности руководства чекистскому надзору. Аналогично выглядели проблемы резидентской сети и в других районах.

Плохая работа резидентов объяснялась отсутствием руководства со стороны гласных работников райотделов и райаппаратов, которые, завербовав очередного районного служащего и отчитавшись об удачной вербовке, забывали о нем. Но и краевой аппарат ПП ОГПУ обращал на резидентов всех семи обслуживаемых полпредством районов минимум внимания: отсутствовали и плановость в работе с резидентами, и инструктаж, и контроль. Почти везде резиденты не были персонально закреплены за работниками ОГПУ, что порождало обезличку, а задания давались шаблонные и неконкретные. Встречи гласных работников с резидентурой были случайными и больше зависели от приездов последней в райорганы ОГПУ; напротив, «встречные явки путем выезда самих работников райорганов на участки к резидентам не практикуются». При этом начальники районных отделов и аппаратов ОГПУ избегали работать с агентурой, передоверяя явки своим помощникам, чей чекистский опыт зачастую был совершенно недостаточным.

Резидент Усть-Абаканского РАП Хакасского облотдела «Шишлин», по данным РАП, руководил 11 осведомителями, а фактически – только восемью, причем полученные материалы не только не читал и не обрабатывал с целью написания сводок, а нередко прямо в запечатанном виде передавал оперативникам. Резидент «Ланский», связанный с четырьмя осведомителями совхоза «Овцевод», с момента своей вербовки ни разу не встречался с чекистами. В итоге его осведомители выбыли из района, и на связи с «Ланским» остался единственный сексот. Четверка резидентов Богградского райаппарата не имела ни малейшего представления о своих обязанностях, не встречалась с гласным оперсоставом и выполняла функцию, по чекистскому жаргону, «кольцевиков-почтальонов», передавая в ОГПУ необработанные донесения от групп рядового осведомления. И даже с работавшим в райцентре резидентом Тогульского РАП «Скромным» чекисты не считали нужным встречаться, в связи с чем резидент не руководил сетью из порученных ему 15 осведомителей, регулярно не встречался с ними и не давал инструкций, а в свое отсутствие предлагал агентурные материалы, грубо нарушая правила конспирации, передавать жене. Не помышлял о конспирации и резидент Курагинского райапп-

парата «Филимонов», заявив работникам РАП, что намерен созвать для инструктажа подведомственных ему осведомителей, и попросив одного из гласных работников присутствовать на совещании. Однако это нарушило бы одну из основных чекистских заповедей – осведомители не должны знать друг друга (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 7–9).

Бригады полпредства серьезно усилили конспиративную сеть: в общей сложности они проверили и проинструктировали 214 резидентов, отстранив 53 как непригодных и выдвинув на их место 15 из числа запасных резидентов. Работники бригад завербовали 107 новых резидентов и собрали установочные данные на 49 лиц, намеченных к вербовке в резиденты. По семи районам, подчиненным полпредству, было проверено и проинструктировано 43 резидента с предложением отстранить от работы десятерых из них; из запасной сети было выдвинуто 13 резидентов, а из сельских работников завербовано 14 новых. Бригада, обследовавшая Хакасский облотдел ОГПУ, в пяти районах из 23 действовавших резидентов отстранила четверых, а вновь завербовала 12. Резидент «Харюс» (коммунист, избач с. Большая Сея), работавший на ОГПУ с 1931 г., был бригадой арестован за «двурушничество»: он не только не сообщил о существовании в местном колхозе «контрреволюционной группировки», но сам в ней участвовал (Там же. Л. 9–10).

По шести районам Минусинского оперсектора бригада охватила личным инструктажем 49 резидентов, семерых отстранила и 34 вновь завербовала. Один резидент был выдвинут из запаса, на вербовку четырех подобранных и проверенных кандидатов в резиденты была получена санкция оперсектора. По девяти районам Омского оперсектора личным инструктажем бригады было охвачено 48 резидентов, отсеяно 23 резидента, вновь завербовано 35, а также подобраны 25 новых кандидатур на вербовку. В шести районах Барнаульского оперсектора бригада проинструктировала 45 резидентов, завербовала 11, наметила к вербовке 20. В ряде районов неэффективная кустовая сеть резидентуры (вероятно, оставшаяся от времен существования системы округов), сильно оторванная от мест, была, с целью повышения работоспособности, раздроблена и перестроена на сельскую.

Анализируя сеть массового рядового осведомления, полпредство столкнулось с ситуацией, когда в некоторых районах было завербовано подчас почти вдвое большее против норм количество осведомителей: в Курагинском райаппарате вместо положенных 118 оказалось 194 осведомителя, из которых только 105 были связаны с резидентами; в Ермаковском РАП имелось 207 осведомителей против 98 по норме, а с резидентами были связаны только 74 из них. И в остальных районах основная часть агентуры не была связана с кураторами: из 2 358 осведомителей в 14 районах с резидентурами поддерживали связь 935, а 1 423 были предоставлены самим себе (Там же. Л. 11). Таким образом, наспех вербуя агентуру, чекисты затем совершенно не заботились о том, будет ли она работать, игнорируя возможности как резидентского, так и гласного чекистского состава. Считалось, что, завербовав как можно больше, всегда можно будет получить достаточное количество информации; при сле-

довании же вербовочным нормам из-за низкого качества агентов неизбежно возникали бы провалы в осведомлении.

Но и раздувание сети не позволяло получать качественной информации. По семи районам Минусинского оперсектора насчитывался 1 041 осведомитель, из которых в последнем квартале 1932 г. 266 чел. работали хорошо, 329 – плохо, а 446 чел. совсем не работали. В крупном Барабинском райотделе ОГПУ в июле-октябре 1932 г. из 231 осведомителя хорошо работали 6 %, плохо – 20 %, а две трети (68 %) совсем не работали. Очень близкие к показателям Барабинского райотдела проценты эффективности продемонстрировали Маслянинский и Чулымский райаппараты ОГПУ.

Поскольку кандидаты в осведомители толком не прорабатывались перед вербовкой и не получали крепкой связи с резидентами, среди них была огромная текучесть. В солидном Рубцовском РО ОГПУ за 1932 г. было завербовано 490 осведомителей, однако за этот же срок из района выбыло 180 осведомителей, а 76 оказалось исключено из сети. Алейский райотдел за то же время завербовал 90 осведомителей, но утратил 69 чел. выбывшими из района, а 18 – исключенными. Бригады ОГПУ за период своей работы исключили из сети 778 осведомителей, вновь завербовали 421, проинструктировали 1 368 чел. (Там же. Л. 12–14).

Чекистов очень тревожило отсутствие «политического воспитания» сексов, из-за чего некоторые из них, по чекистской оценке, становились на путь предательства «органов», не сообщая об известных им недостатках. Ответом становились репрессии. По 34 районам было арестовано за дезинформацию и двурушничество 26 осведомителей, а материалы еще на 18 чел. переданы в райорганы ОГПУ для рассмотрения и привлечения к ответственности. Так, осведомитель «Юрга» (счетовод артели «Опытник» Рубцовского района) занимался, по мнению чекистов, антисоветской агитацией и не доносил о «контрреволюционных проявлениях». Осведомитель Алейского РО ОГПУ «Красник», из зажиточных крестьян, был арестован, поскольку скрыл засоренность колхоза «кулаками», давал неверные компрометирующие сведения на колхозников, а на явке заявил: «Советскую власть любить не за что, т. к. она всех угнетает, в частности у меня отобрали кузницу».

Отдельной категорией негласных работников были спецосведомители – более подготовленные в сравнении с рядовыми осведомителями агенты, призванные вскрывать крупные дела и антисоветские организации, ведя слежку за подозрительными лицами и проявляя определенную инициативу в добывании информации. Чекисты, проверив по 34 районам работу 708 имевшихся спецосведомителей, сделали вывод, что ее качество неудовлетворительно, поскольку спецосведомление не справляется в необходимой мере с выявлением «антисоветского элемента» и «вредительских группировок». В ряде районов агентурные разработки и материалы на антисоветский элемент отсутствовали; их не было даже в Ермаковском районе Минусинского оперсектора ОГПУ, где в 1930 г. произошло крестьянское восстание, а до 1932 г. действовали уголовно-политические банды. В результате небрежной работы оперативников спецосведомители использовались наряду с массовой осведомительной сетью и давали

малоценные материалы «информационно-сигнализаторского характера»: так, агент Ключевского РАП «Колос» получил при инструктаже установку «антисоветские разговоры со стороны к-р элемента не поддерживать, а лишь сообщать в ГПУ [сведения,] полученные в процессе подслушивания».

Поскольку спецосведомители вербовались из лояльной среды, то заметная часть этих агентов, бывших активными общественниками, совершенно не имела должных знакомств и авторитета в той враждебной власти среде, которую она должна была прорабатывать. Например, в Чебаковском РАП ОГПУ спецосведомителями были коммунисты – начальник раймилиции («Кутузов»), заведующий школой («Вперед») и общественный работник («Оригинал»). В Таштыпском РАП из 16 спецосведомителей семеро являлись советскими служащими и активными общественниками (Там же. Л. 14–16).

Чекистская работа с агентурой из спецосведомления также велась спустя рукава: связь была не отлажена и агенты являлись со своими материалами в райорганы ОГПУ от случая к случаю. Как и резиденты, спецосведомители не были закреплены за конкретными оперативниками, и, таким образом, никто из чекистов не нес персональной ответственности за работу с этой квалифицированной разновидностью агентуры. В ряде мест оперативники, не понимая или игнорируя важность работы спецосведомителей, работали с ними как с обычными осведомителями. Отсюда происходила низкая эффективность агентуры: в Любинском РО ОГПУ в третьем квартале 1932 г. из 56 спецосведомителей хорошо работал только один, 15 работали плохо, а 40 бездействовали; в Рубцовском РО из 52 спецосведомителей 11 работали хорошо, пять – плохо, а 36 совершенно не работали; в Чулымском РАП из 18 агентов трое оценивались положительно, девять – отрицательно, а шесть – как не дававших никаких результатов.

Среди квалифицированной агентуры чекисты отмечали и «измены». Спецосведомитель «Смелый» (преподаватель семилетки в Рубцовске) был связан с ссыльной троцкистской Советкиной и «через своих людей письменно предупредил троцкистов об осторожности, чтобы не попасть в ОГПУ», а чекистам материалов не давал и просил освободить его от работы. Завербованный в 1929 г. псаломщик Благовещенской старообрядческой общины с 1931 г. не давал сведений об «антисоветской работе» старообрядцев, сам вел враждебную агитацию, а при допросе «заявил, что он не одобряет политику партии и власти в вопросах коллективизации и экспроприации кулачества, что он является глубоко убежденным старообрядцем, это ему мешало работать в ГПУ». А спецосведомитель Борисовского РАП «Владимиров» убил председателя сельсовета. Всего из 708 проверенных спецосведомителей было исключено из сети 180 чел., а за дезинформацию и двурушничество арестовано 11 из них. Вновь чекисты завербовали 86 и проинструктировали 376 спецосведомителей (Там же. Л. 14, 18–19).

Отдельной строкой чекистские отчеты учитывали специальную и маршрутную агентуру – наиболее подготовленных сексотов, способных выполнять особо сложные задания, в т. ч. командировки под легальным предлогом в районы с целью агентурной разработки «глубоко законспирированного анти-

советского актива». Из 34 обследованных райорганов ОГПУ такие спецагенты (всего их насчитывалось 12) имелись только в восьми, причем на район обычно приходилось лишь один-два агента. Одного из них проверявшие работу исключили из сети, а еще 11 агентов-маршрутников подобрали сами. Райорганы ОГПУ получили указание иметь не менее двух таких агентов на район.

Итоговые данные эффективности конспиративного осведомления, по мнению руководства ПП ОГПУ ЗСК, были неутешительными: основная часть агентуры работала неудовлетворительно и не давала ценной информации. В агентурной проработке по 34 районам числилось только 1 043 активных «антисоветских элементов», проходивших по литературе «А», и 2 726 – по литературе «Б» (не проявлявших антигосударственной активности). В этих районах имелось только 29 агентурных разработок на 160 чел., т. е. целый ряд райаппаратов не мог подготовить ни одного будущего группового дела по ст. 58 УК. Но благодаря работе бригад было заведено 48 новых агентурных разработок на 190 чел., преимущественно колхозников. Так, в Тевризском районе была ликвидирована «повстанческая организация» (восемь ячеек) во главе с сыном генерала М.П. Бурковым; аресту на первом этапе подверглись 14 чел. (Там же. Л. 19–21). Несмотря на все резкие оценки, большая часть плохо работавших резидентов и спецосведомителей была оставлена в сети в надежде, что должный инструктаж и восстановление контроля подвигнут ее на эффективную конспиративную деятельность. Однако часть негласной сети (56 чел. или несколько меньше, если часть подозревавшихся осведомителей избежала реального наказания) подверглась репрессиям за некачественную и «изменническую» работу.

Впрочем, в данный период жертвами политических разоблачений и репрессий постоянно становились сами оперработники ПП ОГПУ ЗСК. А в период очередного репрессивного всплеска, которым оказался отмечен 1933 г., плотность агентурно-осведомительной сети была серьезно повышена и районным чекистам пришлось вербовать новые десятки и даже сотни осведомителей и резидентов. Так, из цифр, представленных в ноябре 1933 г. работниками Тяжинского РО Томского оперсектора ОГПУ, следовало, что контрольные цифры «насаждения сети на мирное и военное время» – 462 чел. (42 резидента, 33 спецосведомителя, 387 осведомителей) – были непомерно велики, поэтому чекисты утверждали, что могут добиться «насаждения» в районе лишь 351 агента – 38 резидентов, 22 спецосведомителя и 291 осведомителя. Но качество агентурной работы, как утверждали чекистские отчеты, оставалось крайне низким и в последующие годы [Тепляков, 2008. С. 152]. Агенты, особенно в сельской местности, обычно могли сообщать только о нелояльных высказываниях, добывать сведения об истинном социальном происхождении подозрительных лиц, а также их каких-либо криминальных проделках, что не имело отношения к реальной контрразведывательной работе. Но для всеобъемлющего политического сыска подобной информации было достаточно.

Выполняя волю Сталина, который в декабре 1932 г. потребовал от чекистов резкого усиления борьбы с «вредительством» в колхозах и совхозах, сотрудники ПП ОГПУ ЗСК (как и их коллеги по всей стране) обрушили на «вра-

гов» сокрушительный удар, сопоставимый с террором 1930 и 1931 гг. В результате значительного усиления провокационной агентурной работы чекисты ЗСК смогли в первой половине 1933 г. сфабриковать два очень крупных «заговора» (белогвардейский и сельскохозяйственный), по которым к августу было расстреляно более 1 200 чел. [Папков, 1997. С. 92–97]. Резко усилилась карательная работа и в ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, где из-за недостатка кадров даже к весне 1933 г. отсутствовали райотделения и райаппараты в 13 районах из 92, что объективно ослабляло репрессивные возможности. Однако с декабря 1932 г. по середину марта 1933 г. в крае было арестовано 8 229 чел. и тройкой при ПП ОГПУ ВСК приговорено: к расстрелу – 1 712 чел., к заключению в концлагеря – 758, к ссылке – 158 чел. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 711. Л. 2; Д. 708. Л. 2–4). (Тройка до весны 1933 г. занималась в основном расстрельными делами, поэтому массовые осуждения к заключению в ИТЛ на фоне уменьшения расстрелов последовали позже.) Это означало, что в гораздо менее населенном, чем Западная Сибирь, Восточно-Сибирском крае репрессии в 1933 г. коснулись, вероятно, большего процента жителей. Подобные масштабы террора фиксируются и в других регионах, в связи с чем реальная цифра расстрелянных по СССР в 1933 г. должна быть равна не 2,2 тыс. чел., как сообщает известная с начала 1990-х гг. статистика, а 15 тыс. чел. и более [Тепляков, 2013а].

Чекисты больше всего интересовались компрометирующими данными и при их недостатке испытывали понятные трудности при фабрикации очередного политического дела. Основная часть получаемой агентурной информации была столь низкого качества, что не могла быть использована. Поэтому сотрудники ОГПУ–НКВД зачастую приказывали агентам придумывать контрреволюционные разговоры и поступки либо сами изготовляли «компромат» и заставляли сексотов подписывать уже написанные за них сводки. Выступая перед чекистами в начале 1937 г., Н.И. Ежов утверждал, что давно сложившаяся традиция массовых насильственных вербовок с помощью угроз сфабриковать уголовное дело в случае отказа сотрудничать целесообразна и должна быть сохранена [Лубянка: органы ВЧК..., 2003. С. 574–577]. Чекистам для фабрикации дел было достаточно самого ничтожного агентурного материала, служившего первичной зацепкой, поскольку основная часть компрометирующих данных вымогалась в процессе беспощадного к арестованным шантажно-пыточного следствия, а также с помощью внутрикамерных агентов. Работа с агентурой доходила порой до исключительно циничного криминала: так, около 1937 г. в приграничном с Ираном районном селе Астара НКВД Азербайджанской ССР «принял на работу разбойников, которые по поручению режима нападали на села с целью грабежа». На основной части СССР чекисты действовали в годы террора несколько менее разнузданно, ограничиваясь, например, подстрекательством к восстаниям в надежде спровоцировать недовольных и арестовать их по расстрельной статье [Баберовски, 2010. С. 780; Тепляков, 2008. С. 200–204].

В ходе постоянных репрессивных вспышек агентурная работа де-факто всегда считалась менее важной, чем следственная. В сентябре 1933 г. Ягода в

своем приказе констатировал, что многие чекисты-руководители, в т. ч. низовые, не работают с агентами и не участвуют в следствии, в связи с чем реальная агентурно-следственная работа ложится на плечи чекистов-новичков. Ленинградские чекисты, как отмечал Ежов в начале 1935 г., совершенно не вербовали осведомителей, перепоручая эту обязанность резидентам. Выступая на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), начальник УНКВД по Ленинградской области Л.М. Заковский, вспоминая ситуацию начала 1930-х гг., заявил, что «во время вскрытия вредительства в сельском хозяйстве из центрального аппарата была дана директива о том, что агентура – это чепуха, главное – следствие...» (Вопросы истории. 1994. № 12. С. 10); [Лубянка: органы ВЧК..., 2003. С. 543]. Именно поэтому один из украинских чекистов вспоминал, как арестованные в тот период буквально толпами были вынуждены под давлением следователей писать показания о своем участии в заговорщицкой деятельности: «...Я помнил, что весной 1931 года, придя на работу в органы[,] видел в Киевском Управлении в углублении коридора... стол, вокруг которого под охраной милиционера 10–15 арестованных писали собственноручные показания» (ОГА СБУ. Д. 38195. Т. 5. Л. 257).

Рывки вербовочной активности соответствовали мобилизационным кампаниям и обусловленным ими репрессиям. Таким образом, каждый новый властный вызов рождал в недрах Лубянки дежурное сожаление о недостаточной активности агентуры в очередных стратегических точках. После чего следовали столь же дежурные указания чистить старую агентуру и интенсивно вербовать новые контингенты. В период «Большого террора» особенно остро выявились роковые обвинения НКВД в адрес прежней агентуры как «двуручнической» и изменнической, которая в массовом порядке, многими тысячами, уничтожалась вместе с остальными «врагами народа» (см. подробнее: [Тепляков, 2013в]). Некоторые чекисты Запорожья даже были вынуждены прятать подальше личные и рабочие дела наиболее ценных агентов, чтобы сохранить их от репрессий со стороны коллег (ОГА СБУ. Д. 43626. Т. 2. Л. 421). Теряя в мясорубке террора старое осведомление, НКВД постоянно искал новых «стукачей». Начальник УНКВД в Житомирской области Л.Т. Якушев (Бабкин) в начале 1938 г. приказал «пересмотреть архивные и личные дела агентуры и осведомления, ранее отсеянной по разным мотивам, в целях определения ее ценности и целесообразности восстановления связи с ней...» Из-за очередного и не имевшего аналогов по жестокости «перебора людишек» (как сказал бы Иван Грозный) агентурная сеть оказалась полуразрушенной и с конца 1938 г. начала получать интенсивный поток новых кадров, таких же наспех завербованных и малоработоспособных, как и раньше. А после начала войны с Германией органы НКГБ взяли курс на еще более основательное насаждение осведомления во всех структурах советского общества [Semystiaha, 2002; Тепляков, 2008. С. 155–158; «Через трупы врага на благо народа»..., 2010. С. 46]. Так мобилизационный принцип работы самих ОГПУ–НКВД прямо влиял на стиль работы с агентурой: шли постоянные кампанейские вербовки с одновременным массовым изгнанием и частым репрессированием отработанной агентуры, которая пополняла ряды разоблаченных «врагов народа».

Борьба с бывшими красными партизанами

Одна из долговременных и масштабных мобилизационных акций конца 1920-х – 1930-х гг. была направлена на удержание в повиновении бывших красных партизан – специфической группы советского социума, относительно организованной и сочетавшей общую преданность власти, за которую они воевали, с выраженным недовольством многими ее мероприятиями. Агентурная работа чекистов заключалась не только в собирании компрометирующих материалов о неподобающем поведении и высказываниях партизан, но и в раздроблении старых партизанских связей, натравливании одних бывших активных партизан на других с целью усилить конфликтность в их среде.

Сибирские чекисты весной 1930 г. сообщали, что возмущенные произволом «раскулачивания» партизаны становятся порой инициаторами массовых «волынок» и ведут агитацию «погромного повстанческого характера», угрожая уйти в «банды». Когда у бывшего партизана Царева (с. Зимино Барнаульского округа) было отобрано семенное зерно, он собрал до 80 крестьян, пришел в сельсовет и пригрозил: «Верните семена, а то будем ковать пики и пойдем войной». Зерно Цареву вернули. Другой партизан из Барнаульского округа говорил: «Мы боролись с Колчаком против насилия, а теперь Соввласть взялась за то же. Придется снова драться»; аналогично высказывались бывшие повстанцы Иркутского и Новосибирского округов (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 791. Л. 320, 320 об.). В местах бывлой массовой партизанщины такие разговоры не были пустыми угрозами: несколько восстаний с участием красных партизан вспыхнули в 1930 г. в Ойротии и Забайкалье, в 1931 г. крупное партизанское восстание произошло в бывшем Канском округе. Немалая часть партизан в 1930–1931 гг., как и в начале 1920-х гг., приняла активное участие в вооруженном сопротивлении антикрестьянской политике.

С точки зрения чиновников Центра (руководящего деятеля Лубянки Я.М. Генкина и прокурорского работника М.И. Панкратова), проверявших карательную работу тройки ПП ОГПУ по Сибкраю и доложивших о своих впечатлениях в конце апреля 1930 г. зампреду ОГПУ Ягоде, резкое недовольство середняков, бедняков и бывших красных партизан было спровоцировано грубыми перегибами властей во время коллективизации и «раскулачивания», причем «издевательства над кулаками вызвали не только сочувственное отношение, но и выступления в их защиту. На этой почве в Барабинском округе вспыхнуло восстание, в котором участвовало св. 1.500 чел., из них только 86 кулаков, а остальные середняки, бедняки, бывш. партизаны и даже батраки». Одним из лидеров этого восстания в марте 1930 г., известного как Муромцевское, стал бывший меньшевик и красный партизан Э. Гуппельц (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 115; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 366. Л. 307–311).

Часть небольших повстанческих отрядов, действовавших в 1930 г., возглавлялась партизанскими вожаками, ранее вполне лояльными к власти, но не выдержавшими насилий периода коллективизации. В конце июля 1930 г. в бою с военно-чекистским подразделением под с. Белово Чистюньского района погиб предводитель небольшого (свыше 20 чел.) отряда, бывший помощник командира партизанского Алейского полка армии Мамонтова-Громова

Т.И. Геримович. Другим примером военных действий против властей стал мятеж бывшего партизана Сизова, который в 1921 г. действовал во главе карательного отряда против участников Западносибирского восстания, а в 1930 г. возглавил повстанческий отряд в Крутинском районе Омского округа (ИАОО. Ф. П-7. Оп. 5. Д. 51. Л. 177); [Гришаев, 2001].

Сам полпред ОГПУ по Западносибирскому краю Л.М. Заковский публично отмечал, что в Барнаульском и Бийском округах настроение «партизан по целому ряду причин не может быть хорошим, ибо перегибы коснулись и партизан (окулачили, лишили прав голоса и провели целый ряд других... неправильных моментов)» [Стенографический отчет..., 1930. С. 352]. Но ответ властей на любое недовольство был одинаков – террор. В начале 1930-х гг. чекисты обрушили на бывших повстанческих командиров и многих активных партизан широкие репрессии, арестовав в 1930–1933 гг. тысячи из них. Недоверие к бывшим повстанцам было характерно для властей всей страны: так, после выселения в 1932 г. почти всего населения кубанской станицы Полтавская (Славянский район Северо-Кавказского края), авторы пропагандистской брошюры, объяснявшей высылку, сетовали, что только десятая часть многочисленной партизанской прослойки этой станицы вступила в колхоз, а активистов борьбы с «кулачеством» среди бывших повстанцев нашлось не более полутора десятков: «Перешедшие на сторону кулака партийные руководители станицы Полтавской сознательно превращали многих партизан в паразитов, уклоняющихся сегодня от классовой борьбы и колхозного строительства и стремящихся жить за счет старых заслуг» (см.: [Радин, Шаумян, 1932]). Наиболее распространенным методом превентивной борьбы с возможным партизанским сепаратизмом являлось перебрасывание выдвинувшихся на ответственные должности авторитетных среди населения партизан в другие районы, подальше от их окружения.

Органы ВЧК–НКВД вели интенсивное агентурное наблюдение (переменяемое частыми арестами) за авторитетными партизанами с начала 1920-х гг., а с начала политики «Великого перелома» приступили к широким репрессиям. Докладная записка Секретно-политического отдела ПП ОГПУ ЗСК об оперативной работе за январь–май 1931 г. подробно выделяла оперативную работу по бывшим партизанам: «Особо подчеркнем заметный рост и активизацию антисоветских проявлений и... организованной к-р деятельности среди б/красных партизан» (это касалось и зажиточной их части, и недовольной перегибами коллективизации «социально-близкой прослойки»). Чекисты подчеркивали, выделяя коллективную активность этого специфического слоя сельского населения, что «отдельные группы партизан встали на путь активной борьбы против Соввласти, блокируясь с основными силами деревенской контрреволюции на общей платформе вооруженного восстания» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 954. Л. 18). На деле повстанческие намерения высказывала меньшая часть партизан, а основная сохраняла лояльность властям и активно помогала подавлять протестные выступления крестьян. Но чекисты считали всех партизан потенциальными повстанцами и, хотя немалая часть их участвовала в составе партийных отрядов в подавлении вооруженного протеста

периода коллективизации, числили бывших красных героев среди приоритетных мишеней своей агентурно-оперативной работы.

Власти были сильно встревожены тем, что повстанческая активность сельского населения сохранялась даже после жесточайших репрессивных ударов 1930 г. (расстрел в Сибири тройкой более 5 тыс. чел.) и первой половины 1931 г. Если партизаны Западной Сибири почти не участвовали в крестьянских восстаниях после 1930 г., то активность восточносибирских партизан была гораздо выше, и они летом 1931 г. организовали серьезное вооруженное сопротивление режиму в повстанческих районах бывшей Енисейской губернии. Участниками состоявшихся в июне-июле 1931 г. в бывшем Канском округе вооруженных выступлений стали 1 200 крестьян, в частности 200 бывших партизан, а их руководителями – популярные повстанческие вожаки П.Я. Быстров, И.Я. Князюк, Н.И. Толстиков, М.А. Чупин. И даже после жестокого разгрома восстаний бывшие партизаны не утратили склонности к сопротивлению. В марте 1932 г. среди этой категории населения Нижнеудинского и Канского районов наблюдались коллективные отказы приступать к посевным работам и заявления о массовом уходе в тайгу [Шекшеев, Петров, 2012].

Говоря об арестованном легендарном забайкальском партизане Я.Н. Каратаеве, который еще недавно был начальником Читинского окружного административного отдела и входил в узкий круг ответственных работников-силовиков региона, полпред ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю И.П. Зирнис 8 апреля 1933 г. сообщал своему руководству: «Предметом нашего специального внимания с 1930 г. был быв. командующий Забайкальской Армией красных партизан КАРАТАЕВ Яков и группа его бывших командиров. Элементы сильнейшего разложения, перераставшие в антисоветские и повстанческие тенденции у этой партизанской верхушки обязывали нас к наблюдению за этими лицами, их связями и влиянием на партизанские рядовые слои, в свою очередь также подверженные кулацкому к/р влиянию и перерождению. Значение этой верхушки... особенно усиливалось в свете получаемых из-за кордона данных, указывающих на определенные конкретные стремления Япразведорганов и белоэмигрантских кругов – использовать разложившихся партизанских авторитетов, перерожденцев для организации повстанческого движения в Забайкалье» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 708. Л. 20–21).

Массовые репрессии в этот же период сильно проредили партизанские ряды в Западной Сибири и на Дальнем Востоке. В массовом порядке бывшие партизаны были включены западносибирскими чекистами в состав огромного «белогвардейского заговора», ячейки которого якобы особенно плотно гнездились на Алтае и в других районах антиколчаковской повстанческой активности. Так, в начале 1933 г. Курагинским районным аппаратом Минусинского оперсектора ПП ОГПУ ЗСК была вскрыта «контрреволюционная организация» из шести ячеек, где насчитывалось до 30 активистов, большинство из которых являлись бывшими партизанами (Там же. Д. 766. Л. 21). Всего же в «белогвардейский заговор» было включено 710 партизан, из которых 130 чел. к лету 1933 г. расстреляли. А в 1936–1939 гг. по всей стране оказалась уничтожена большая часть партизанских командиров и многие тысячи рядовых пов-

станцев. Однако, как нам представляется, С.А. Папков преувеличивает масштаб антипартизанской чистки второй половины 1930-х гг., когда утверждает, что «в годы террора основная часть этой социальной группы была уничтожена» [Папков, 1997. С. 187–192].

Удерживание в рамках лояльности своенравных партизан, среди которых почти не было лиц без пятен на биографии, в целом имело успех именно благодаря интенсивной агентурной работе среди окружения вожаков. Раскол и натравливание друг на друга позволили в начале 1930-х гг. ограничить проявления недовольства со стороны многих бывших повстанцев деятельностью их соратников, хотя часть известных партизан все же участвовала в восстаниях. Остальные вожаки, деятельно оспаривавшие истинные и мнимые заслуги коллег, очень активно занимались специфическим видом околотературного творчества – доносами друг на друга. Через много лет после окончания Гражданской войны известные партизаны с болезненным упорством искали врагов и изменников, обвиняя друг друга в былых поражениях и собирая сведения о неподобающем социальном происхождении, порочащей партийной принадлежности, связях с врагами народа и уголовниками. Часть этих лиц явно выполняла негласные задания ОГПУ–НКВД либо занималась доношением из страха перед вездесущими и всеслышащими «органами».

Подробно о попытке в 1935 г. боевых соратников В.Г. Яковенко (13 чел., включая Ф.Я. Бабкина, Н.М. и С.М. Буду, И.А. Вашкорина, В.И. Кренца, С.А. Сухотина) скомпрометировать последнего как «неграмотного пастуха», способного лишь расстреливать «своих и чужих», написал А.П. Шекшеев [2006. С. 160]. Бывшие повстанцы не жалели ни знакомых, ни родных. И.В. Громов-Мамонов в 1936 г. «в связи с осложнившейся международной обстановкой» донес секретарю крайкома и начальнику УНКВД ЗСК о неблагонадежных «кулацко-эсеровских элементах» из числа бывших партизан – Г.В. Шаклеине и др. [Тепляков, 2007б. С. 829]. Знаменитая сибирская подпольщица и разведчица Елена-Августа Бердникова в конце 1936 г. писала о коллеге по Сибистпарту Ю.Г. Циркунове, что собранная информация «вызвала у меня сомнения в его политической физиономии, о чем мною подано заявление в соответствующую организацию» (ГАО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3710. Л. 111 об.) (вскоре Циркунов был репрессирован). Популярный алтайский партизан Р.П. Захаров, добиваясь снятия взыскания за связь с враждебным элементом, сообщал: «...когда племяш был в банде и скрывался от советской власти так я его в 1931 году поймал в Новосибирске и отвел в комендатуру ОГПУ». Племянник получил три года лагерей и попал на Беломорканал, откуда вернулся досрочно с премиями за ударный труд. Встретив его в 1934 г., Захаров тут же проверил документы лагерника и сообщил новосибирским чекистам, «что мой племяш прибыл» (ГАО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1276. Л. 1 об.).

Негласная работа чекистов позволила и разобщить партизанский актив, и накопить многочисленный компрометирующий материал на него. Государство, пресекая любую самостоятельную активность, видело в красном эксповстанчестве не вполне лояльный и потенциально опасный слой организованных ветеранов боевых действий. Активисты партизанских отрядов, внесенные

социальными лифтами на руководящие посты, в основном были уничтожены в 1930-е гг. как «враги народа» и «заговорщики»; их судьбу разделили тысячи рядовых партизан, участвовавших в антикоммунистических восстаниях начала 1920-х и начала 1930-х гг.

Агентурная работа и хозяйственно-политические кампании

Разорение сельского хозяйства в результате силового раскрестьянивания начала 1930-х гг. вызывало различные мобилизационные инициативы государства с упором на карательную составляющую. Чекисты и после основных кампаний по «раскулачиванию» продолжали периодически планировать репрессии: например, в спецсообщении от 4 ноября 1932 г. руководители ПП ОГПУ ЗСК заявляли лубянским начальникам, что ими планируется в течение ноября в связи с обеспечением хлебозаготовительной кампании «изъять» 500 чел. «контрреволюционного элемента» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 522. Л. 815). Сопrotивление хлебозаготовкам снизу действительно было, и ответные меры некоторых местных партработников, по мнению чекистов Запсибкрая, выглядели излишне радикальными: так, в ноябре 1932 г. заведующий орготделом Косихинского РК ВКП(б) Козлов в присутствии другого члена бюро избил председателя сельсовета Мелехина за то, что тот «не умел» как следует проводить работу по хозяйственно-политическим кампаниям. В Баевском районе тогда же руководители 27 колхозов отказались выполнять предложенные планы хлебозаготовок; после совещания в районе 22 из них были вынуждены согласиться. Двое сопротивлявшихся до конца председателей колхозов были спешно исключены из партии и отданы под суд. Но Запсибкрайком ВКП(б), не удовлетворившись этими репрессиями, послал в район комиссию, а ПП ОГПУ – двух оперативников (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 522. Л. 857, 862). Начальник союзного СПО ОГПУ Г.А. Молчанов 28 ноября 1932 г. сообщил руководителям ОГПУ Восточной и Западной Сибири, а также Дальнего Востока, что при наличии «слабого хода» хозяйственно-политических кампаний в их отчетности совершенно нет данных о проводимой секретно-политическими отделами агентурно-оперативной работе в деревне, направленной к перелому в ходе выполнения кампаний. В соответствии с директивой ОГПУ № 544/СПО Молчанов предложил полпредам ОГПУ Сибири и ДВК шире развернуть оперативную работу с целью удара по контрреволюционным элементам (Там же. Л. 909).

В самом конце 1932 – начале 1933 г. государство обрушило мощнейший репрессивный удар на все слои общества, особенно крестьян и интеллигенцию, в т. ч. национальную, что позволило одновременно провести целый спектр мобилизационных кампаний – по поводу «врагов» в руководстве наркоматов земледелия и совхозов, якобы организовавших голод, вокруг нарушителей паспортного режима в городах и «польского шпионажа» в приграничных районах, вокруг бесчисленных «подкулачников» и «саботажников» в деревне, а также придать ускорение рутинным для «органов» сезонным хозяйственно-политическим кампаниям. В центре последних находилась борьба с хищениями путем жестоких наказаний тех, кто покушался на колхозное и совхозное добро, а также попытки прекратить массовое бегство единоличников и колхозников из

деревни. В декабре 1932 г. Сталин секретным порядком указал чекистам усилить борьбу с «вредительскими» заговорами, а на январском (1933 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) гласно потребовал развезти в прах остатки эксплуататорских классов, приведя предельно широкий список подлежащих репрессиям. В первую очередь борьба шла с теми, кто сопротивлялся колхозному строительству и сельскохозяйственным кампаниям. Вождь подчеркнул, что «бывшие люди» расползлись прежде всего по колхозам и совхозам, организовывая «массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности» [Сталин, 1951. С. 207, 208].

Эти сталинские оценки положения дел в обобществленном секторе опирались на свежие данные ОГПУ (в основном совпадая с ними), которое в специальном приказе «Об агентурно-оперативной работе в деревне» от 8 декабря 1932 г., адресованном всем чекистам – от районного уровня до полпредов, констатировало, что классовый враг, убедившись в победе колхозов, переключился на разрушительную работу внутри коммун, пытаясь «овладеть отдельными колхозами, привить им кулацкую идеологию и противопоставить их интересам государства». По мнению чекистов, для новых форм классовой борьбы было характерно проникновение «бывших людей» в колхозы и «захват руководящих постов (члены правления, бухгалтера, счетоводы, бригадиры и пр.)»; углубление организационно-хозяйственных неполадок и трудностей в колхозах для их дискредитации; вредительство в отношении имущества и скота, разбазаривание семенных и хлебных фондов, а также террор против активистов. При этом «основной формой борьбы на данном этапе враг избрал организацию саботажа хлебозаготовок, сева и других основных хозяйственно-политических кампаний» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Коллекция приказов ОГПУ за 1932 г.). Мнение Лубянки было воспринято и транслировано Сталиным, который санкционировал новый и, как теперь выясняется из уточненной статистики расстрелов 1933 г., не менее мощный, чем в 1930–1931 гг., террористический удар по деревне.

Создание в 1930-х гг. чрезвычайных партийно-государственных органов – политотделов при МТС и совхозах – стало одним из самых характерных проявлений мобилизационной политики сталинского режима, опиравшейся на прямое государственное насилие. На январском (1933 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин признал наличие острого кризиса в деревне и объявил о создании там параллельной властной надстройки в лице политотделов при совхозах и МТС. Л.М. Каганович, выступая год спустя на XVII партсъезде, фактически признал, что районные органы и низовые партячейки не смогли справиться с разрушительным кризисом сельского хозяйства, заявив: «Сталин, по-ленински обобщив положение в деревне, выдвинул задачу – создать в деревне новую организацию – политотделы, послать туда из города проверенных, крепких людей, которые могли бы разрешать задачи, стоящие перед партией» [XVII съезд ВКП(б). 1934. С. 530].

Насильственно созданные колхозы были плохо организованы, а колхозники относились к фактически бесплатному труду как государственной барщине. Наиболее неудачным оказался 1932 г.: качество работ колхозников оказалось

крайне низким, половина урожая осталась в поле, а поголовье лошадей сократилось на 7 млн голов [Есикова, 2011]. Колхозные руководители, а нередко и местные власти, поддерживали попытки утаить часть собранного урожая и раздать его колхозникам до выполнения плана обязательных поставок. Партийная верхушка, видя недостаточную организационную работу райкомов и местных партийных ячеек, решила подкрепить их дополнительными органами чрезвычайного характера – своеобразными мини-райкомами, которых должно было быть несколько в каждом районе. При этом сотрудники политотделов назначались Москвой и были менее зависимы от руководства краев и областей, нежели руководители районов. Политотделы, подобно заведующим отделами и инструкторам райкомов, вели работу среди сочувствовавших коммунистам, а также женщин и молодежи. И если в состав бюро райкома обычно входил начальник райотдела ОГПУ, то в политотделах имелся специальный «второй заместитель» из того же ведомства.

Политотделы МТС и совхозов – органы, назначаемые из Центра аппаратом ЦК партии и подчиненные строго по вертикали – призваны были преодолеть беспорядок и всякий либерализм в деятельности сельскохозяйственных предприятий. Они обязывались предельно жестко проводить политику Центра в колхозах и совхозах с тем, чтобы добиться от них по сути бесплатной работы на государство. Перед политотделами стояла задача в первую очередь чистки сельскохозяйственных предприятий от враждебных и «чуждых» людей, разлагавших колхозы агитацией и прямым вредительством, для чего им придавались и прямые карательные функции в лице заместителей начальников политотделов (ЗНПО) по оперативной работе, являвшихся штатными сотрудниками ОГПУ. Работавшие заместителями начальников политотделов кадровые сотрудники ОГПУ–НКВД выполняли целый ряд важнейших функций: информировали руководство политотделов и ПП ОГПУ; проводили широкие репрессии в отношении политических противников и расхитителей государственной собственности; подобно партийным работникам, выезжали в села и непосредственно руководили основными хозяйственно-политическими кампаниями.

Политотделы стали важным партийно-государственным звеном управленческой структуры тех лет, обладая репрессивными, политико-идеологическими, административными и хозяйственными функциями [Фэйнсод, 1995; Шевляков, 2000. С. 70]. Политотделы МТС и совхозов фактически являлись дубликатами райкомов ВКП(б) и одновременно филиалами райотделов ОГПУ. Такое единство в двух лицах политической власти и политической полиции должно было наиболее эффективно помочь завершению коллективизации. В основных производственных центрах сельской местности, коими являлись МТС, крупные совхозы и колхозы, выявлялись и уничтожались «социально-чуждые элементы» и расхитители, подбирались кадры на руководящие должности, производился прием в партию механизаторов, бригадиров и рядовых колхозников, контролировалась деятельность сельских партакчеек. Эта система строилась и укреплялась до того самого момента, когда нужда в политотделах отпала.

Штат политотдела, укомплектованный обычно далеко не полностью, предусматривал должности начальника, заместителей по партийно-массовой, че-

кистской, комсомольской работе, а также ставки женорганизаторов и редакторов создаваемых при политотделах газет. Но в рядовых политотделах у начальника нередко было не более двух заместителей, а то и единственный. ОГПУ оказалось самым дисциплинированным ведомством – его работники прибывали в политотделы с весны 1933 г., нередко даже до назначения начальников политотделов, и сразу включались в привычную агентурно-оперативную работу (ГАНУ. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 10. Л. 31); [Тепляков, 2002. С. 174]. В приказе ОГПУ от 25 января 1933 г. № 0017 об организации политотделов МТС, совхозов и учреждении в них должностей заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ Г.Г. Ягода указывал, что эти должности должны быть замещены оперативниками с большим чекстажем и «вполне политически подготовленными». Поскольку ЦК партии придавал политотделам исключительное значение, то работники на должности ЗНПО «должны быть подобраны с особым вниманием и тщательностью».

Все ЗНПО по чекистской работе обязывались вести борьбу с контрреволюционными проявлениями на территории МТС и совхозов, выявлять и освещать деятельность контрреволюционных, антисоветских и кулацких группировок, организаций и отдельных лиц, как в составе МТС, так и на всей территории (колхозов), обслуживаемой МТС, и совхозов. Также ЗНПО должны были разоблачать деятельность группировок и лиц, подрывающих производственно-экономическую мощь совхозов, МТС и колхозов; охранять социалистическую собственность от расхитителей, вредителей, террористов, срывщиков, саботажников; освещать политико-моральное и производственно-хозяйственное состояние МТС и совхозов.

В свою очередь, органы ОГПУ тех районов, на территории которых создавались политотделы МТС и совхозов, были обязаны своевременно информировать ЗНПО о политических настроениях и проявлениях колхозников и единоличников. А ЗНПО совхозов и МТС, в свою очередь, информировали начальников «своих» райорганов ОГПУ о политических настроениях в совхозах, МТС и колхозах. В совместном циркуляре ОГПУ и Политуправления Наркомзема СССР «О взаимоотношениях заместителей начальников политотделов МТС и совхозов (по работе ОГПУ) с начальниками политотделов» от 3 февраля 1933 г. разъяснялось, что ЗНПО «целиком подчинены нач. политотделов по работе в МТС и совхозе, выполняют их задания и информируют их по своим материалам о политическом и хозяйственном состоянии совхозов, МТС и обслуживаемых ими колхозов», но в своей агентурно-оперативной работе «сохраняют полную самостоятельность» [Трагедия советской деревни..., 2001. Т. 3. С. 678–680].

Первый опыт деятельности ЗНПО МТС и совхозов был обобщен летом 1933 г., показав наличие глубоких противоречий между начальником политотдела и его заместителем по линии ОГПУ. Начальник политотдела, работая с минимальным аппаратом и нередко имея в подчинении только чекиста, желал всемерно использовать его в партийно-организационной и массово-агитационной работе. Со своей стороны, заместитель по линии ОГПУ–НКВД стремился к полной самостоятельности и независимости от начальника. В совместном июльском 1933 г. приказе ОГПУ и Наркомата земледелия вновь

подчеркивалось, что ЗНПО целиком подчинен начальнику политотдела, однако ведомственных противоречий это указание не убавило.

Встраивание чрезвычайных органов управления селом, приближенных к производству (в противовес райкомам, осуществлявшим через сеть инструкторов более общее руководство), в существовавшую систему проходило с большими трудностями и противоречиями на разных уровнях. Работа параллельных структур – райкомов и РО ОГПУ–НКВД, с одной стороны, и политотделов со своими «вторыми заместителями», с другой – неизбежно рождала противоречия и склоки. Логичным образом сразу возникла конкуренция мелких, но многочисленных политотделов с аппаратами райкомов. Но и в самих политотделах совмещение работников разных ведомств порождало постоянные и затяжные конфликты. То и дело фиксировались «ненормальные взаимоотношения» во многих МТС и совхозах между их директорами и политотдельцами, поскольку последние в глазах производителей по праву выглядели надсмотрщиками.

ЗНПО оказались между молотом и наковальней, имея трения как с коллегами в райаппаратах ОГПУ–НКВД, так и с руководством политотделов. Как секретари райкомов конфликтовали с начальниками политотделов МТС и совхозов, так и начальники райотделов ОГПУ–НКВД, чьи аппараты были ослаблены из-за формирования структуры ЗНПО, нередко враждовали с действовавшими на территории районов «вторыми заместителями». Непреодолимым препятствием в работе новой категории чекистов было и оставалось их двойственное положение: ЗНПО подчинялись начальникам политотделов, выполняя их задания, но вместе с тем сохраняли полную самостоятельность в оперативной работе и опирались на негласный аппарат, постоянно пополняя агентурную сеть [Тепляков, 2008. С. 440–442; Хаустов, 2001].

Руководству ОГПУ в отдельном приказе от 5 июня 1933 г. также пришлось регулировать непростые взаимоотношения сельских чекистов с милицией. Из сообщений ряда управлений РКМ следовало, что ЗНПО то и дело пытались подчинить себе местные органы милиции, используя их сотрудников в качестве посыльных, курьеров и для охраны помещений, а также наличествовало вмешательство в оперативную работу. Прикрепление или подчинение милиционеров (особенно участковых инспекторов) к «вторым заместителям» запрещалось; привлечение работников милиции для оперативных действий допускалось только с санкции начальника раймилиции или его помощника. Права ЗНПО по производству арестов, обысков и выемок регламентировались приказом № 1/065 от 16 мая 1933 г. по ОГПУ, РКМ и Прокуратуре СССР. Во всех прочих случаях ЗНПО МТС и совхозов контактировали с милицией через начальников соответствующих УРКМ, за исключением «привлечения отдельных проверенных работников милиции к секретной работе (вербовка резидентов и информаторов)», когда никакого согласования с начальниками РУМ не требовалось. В свою очередь, ЗНПО были обязаны оказывать всестороннюю помощь органам РКМ в повседневной работе, но не принимать на себя функций милиции (ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Коллекция приказов ОГПУ за 1932 г.); [Мозохин, 2009. С. 485–486].

Секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович на XVII партсъезде признал, что при создании политотделов у ряда руководителей были сомнения относительно целесообразности назначения районных работников «сверху» и опасения негативной реакции крестьянства. Но Сталин велел направлять в политотделы «крупных людей, не считаясь с тем, что учреждения и организации будут жаловаться», поскольку эти лица направлялись на «великую перестройку деревни» [XVII съезд ВКП(б). 1934. С. 530]. В результате на должности начальников политотделов попадали даже профессиональные работники из внешней разведки, как, например, готовившийся для работы в Японии Н.Л. Шинкарев. Опытный резидент и работник аппарата Иностранного отдела ОГПУ М.М. Казас в 1933 г. также был переведен в систему политотделов МТС [Энциклопедия..., 2003. С. 557]. Что касается «вторых заместителей», то для наполнения политотделов опытными оперативниками ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю пошло на то, чтобы ослабить ведущее контрразведывательное подразделение – Особый отдел ВСВО (также активно занимавшийся разведкой в Китае и Монголии) и направить в МТС особистов из Иркутска и Читы. Основную же часть ЗНПО по оперработе составили работники районных органов ОГПУ и вновь набранные чекисты.

Формирование политотдельской системы из-за нехватки кадров шло постепенно и только к концу 1934 г. Западная Сибирь была в основном охвачена сетью чекистов-политотдельцев. В конце существования политотделов МТС (на 4 ноября 1934 г.) их было в крае 221 при потребности в 245 политотделов, а работников НКВД в них имелось 176 [Тепляков, 2002. С. 175]. В ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю первоначально нашлось только 22 ЗНПО для укомплектования политотделов самых крупных МТС (13 в Красноярском оперсекторе, шесть в Иркутском – Заларинская, Зиминская, Качугская, Тулунская, Усольская и Черемховская, два в Читинском и один (Баяндаевская) в Бурят-Монгольском облотделе ОГПУ). Затем число ЗНПО в крае стало быстро увеличиваться. К ноябрю 1933 г. в Восточной Сибири имелось 59 МТС, политотделов было 49, а ЗНПО по оперработе – 42 чел. (для сравнения – в Северо-Кавказском крае к началу 1934 г. было создано 319 политотделов на 326 МТС, причем чекисты были в 302 из них). Приказы полпреда ОГПУ по ВСК И.П. Зирниса говорили о важном значении деятельности ЗНПО, предписывая «немедленно и исчерпывающе» разрешать все проблемы их оперативной работы. Донесения ЗНПО сотрудники оперсекторов и ПП ОГПУ обязаны были рассматривать в первую очередь. Так, сотрудника ЭКО ПП ОГПУ Климова для примера арестовали на 15 суток за то, что он своевременно не рассмотрел ряд подобных донесений (см.: [Наумов]).

Институт ЗНПО, наряду с чекистами, обслуживавшими транспорт, был наиболее ярким примером привязки оперативных работников к производству. «Вторые заместители» занимались агентурно-оперативным «обслуживанием» персонала совхозов, МТС и тех населенных пунктов, которые входили в сферу действия МТС. Каждые 10 дней они обязывались информировать полпредства о политико-экономическом состоянии МТС и совхозов, а также о своей чекистской работе. Несомненно, в создании института ЗНПО играло роль и соображение получить дополнительный источник информации о положении в де-

ревне. Таким образом, внутри чекистского ведомства была искусственно создана система конкуренции в области информации. В сообщениях ОГПУ–НКВД важное место занимали сводки донесений ЗНПО МТС и совхозов о продовольственном положении и дисциплине в колхозах и МТС, выходах из колхозов, вредительстве и диверсиях, недостатках в ремонте машинного парка, проведении сева, уборки, реакции населения на хозяйственно-политические кампании и пр. [Тепляков, 2008. С. 57; Советская деревня..., 2005. Т. 3, кн. 2. С. 696]. Например, в марте 1935 г. ЗНПО по УГБ Нерчинской МТС ВСК Катков сообщал в Читинский оперсектор и секретно-политический отдел управления НКВД о реагировании колхозников на новый устав сельхозартели (ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1006. Л. 32).

Чекисты аккуратно информировали руководство о фактах антиколхозной агитации, цитируя фольклор и анонимные сочинения. Политотдел Зиминской МТС Ребрихинского района ЗСК в ноябре 1934 г. сообщал, что в колхозе «Зеленая роща» сложили такую песню: «Сидит Сталин за столом, Директивы по бокам, Пшеничку за границу, Лебеду по трудовням» и указывал, что в колхозе «Красный партизан» Зиминского сельсовета за антиколхозную агитацию осудили на 5–10 лет лагерей группу из четырех человек (ГАНУ. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 109. Л. 36). В августе 1934 г. из Нижне-Волжского края в Маслянинский район ЗСК пришло анонимное письмо «Дорогому и любимому вождю т. Сталину от колхозников СССР», где, в частности, значились такие обвинения: «В 1933 г. ты съел миллионы колхозников на Украине, Сев. Кавказе и у нас в Поволжье. Не украинские матери ели своих детей – ты их ел. Не вождь ты, а людоед, зверь, ты и свою жену съел Надю Аллилуеву – мы и это знаем, застрелилась комсомолочка Надя от твоей линии...

Теперь ты принялся за своих товарищей по партии: сотни рядовых коммунистов, которые застрелились, повешались на Украине и Кавказе – тобой съедены... на трупах людей мы настроили тебе сотни гигантов... Вы строили Днепрострой, а... промышленности для него нет и стоит гигант мертвым капиталом. ...Ленин... о Сталине говорил так: "Туповат парень". А мы, колхозники СССР, говорим тебе: Глуп ты дорогой вождь т. Сталин, глуп и жесток и не можешь ты управлять государством. ...Довел страну до голода и вымирания, вымотал силы миллионов, настроил пустышек и доволен.

Любов свою мы тебе в скором времени докажем на деле.

Товарищи, распространите наше письмо в колхозах, рабочих и красноармейских, и комсомольских массах.

Колхозники Поволжья» (ГАНУ. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 98. Л. 81–83 об.).

Информация чекистов наглядно показывала проблемы сельского хозяйства. Так, работники райаппаратов и ЗНПО Восточно-Сибирского края за вторую пятидневку июня 1933 г. (данные без 10 районов) сообщали, что из 314 тракторов не работало 129, причинами чего были плохое качество ремонта, отсутствие запчастей, некачественное топливо, низкая квалификация трактористов. В начале 1935 г. они же информировали руководство УНКВД ВСК о заметном падеже лошадей и о том, что 10–15 % конского поголовья сильно ис-

тощено, а от 30 до 50 % имело упитанность ниже средней (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 712. Л. 86; Ф. 3. Оп. 2. Д. 1006. Л. 10).

Одна из специфических мобилизационных практик – попытка борьбы с таким распространенным злом, как пьянство, которое усилилось после разорения крестьянства. В начале 1931 г. в Калачинском районе ЗСК часть зажиточных хозяев, спешно распродав имущество, бежала, а часть ударилась в пьянство, «доходящее до небывалых размеров»; например, в дер. Глухо-Николаевск за два часа было продано 20 ведер водки (почти 250 л) (Там же. Ф. 2. Оп. 8. Д. 219. Л. 42). Пьянство не только срывало сельскохозяйственные работы в целых сельсоветах, но и широко проникало как в руководство всех уровней власти (до А.И. Рыкова, В.В. Куйбышева, А.С. Щербакова, А.А. Фадеева, А.Е. Бадаева), так и в оперативную работу чекистско-милиецких структур. Неудивительно, что пьянство то и дело обнаруживалось среди самих работников контролирующих инстанций. Особенно сильно оказались поражены этим пороком население и властные органы отдаленных и национальных районов Сибири и Дальнего Востока. Так, в мае 1932 г. было выявлено «широкое пьянство практически всех работников» Карымского района ВСК, где план хлебозаготовок оказался выполнен всего на 75 %. Помимо пьянства (постоянные групповые попойки и круговая порука участников), неблагополучие дел традиционно объяснялось засоренностью партийной организации района классово-чуждым элементом, связью коммунистов с кулаками и лишенцами (ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1976. Л. 282).

В 1934–1935 гг. ЗНПО и райотделы ОГПУ–НКВД постоянно информировали чекистское руководство Восточной Сибири о массовом пьянстве во многих колхозах края. Чекисты уверяли, что осенью 1934 г. благодаря мерам, принятым чекистами и партийно-советскими организациями, случаи пьянок резко сократились. Однако за февраль 1935 г. в 18 районах (по семи МТС и 69 колхозам) чекистами было зарегистрировано 96 пьянок, в которых подчас участвовали все колхозники от мала до велика. При этом в бурятских колхозах были распространены азартные игры, сопровождавшиеся крупными проигрышами денег и имущества. Чекисты объясняли рост алкоголизации населения деятельностью контрреволюционеров, организовывавших пьянство «через свою агентуру в колхозах» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1006. Л. 23–25, 35).

В начале 1935 г. ЗНПО по работе УГБ вел следствие в колхозе им. Сталина Эхирит-Булагатского аймака БМАССР, где из-за пьянства совершенно развалилась дисциплина, машины не ремонтировались, корма и семена не были заготовлены, а хлеб по трудодням не распределялся, что вызывало продовольственные трудности. Несмотря на значительное количество арестов наиболее рьяных нарушителей дисциплины, руководящие работники УНКВД ВСК для быстрой ликвидации массового пьянства требовали вмешательства в эту проблему «краевых директивных организаций». Но ситуация не улучшалась, напротив, в сентябре 1935 г. чекисты сообщали о новой волне пьянства и самогонварения, в т. ч. среди руководства и молодежи, что грозило сорвать уборочные работы (Там же. Л. 8, 28, 57).

Организация чекистских структур в политотделах МТС и совхозов дала противоречивые результаты. «Вторым заместителям» из райотделов ОГПУ переда-

валась часть агентуры, но, будучи преимущественно новичками в чекистской работе, ЗНПО, как отмечалось в сентябре 1934 г. руководством НКВД, подменяли оперативную работу «сбором официальных данных, информированием и писанием сводок». Однако в Сибири многие политотделы были укомплектованы опытными чекистами, регулярно вскрывавшими «вредительские» и «хищническо-саботажнические» группировки [Тепляков, 2002. С. 178, 180; Советская деревня..., 2005. Т. 3, кн. 2. С. 696]. Видный западносибирский чекист В.Д. Качуровский в своих свидетельских показаниях в 1950-х гг. признавал факты нарушений законности в деятельности ЗНПО на Алтае (Архив УФСБ по НСО. Д. П-777. Л. 172).

С декабря 1932 г. все структуры ОГПУ, повинясь сталинским указаниям, быстро усилили репрессивную деятельность. За декабрь 1932 – апрель 1933 г. только аппарат секретно-политического отдела ПП ОГПУ ЗСК репрессировал 8 919 чел., из которых 8 593 чел. были привлечены к ответственности (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 27). После массовых расстрелов в первые месяцы 1933 г., затронувших все основные регионы страны, власти решили ослабить террор. В инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и Прокуратуры» от 8 мая 1933 г. специально отмечалось, что «массовые репрессии и аресты в деревне становятся явно политически вредными и опасными». Полпред ОГПУ по ЗСК Н.Н. Алексеев докладывал на одном из партийных форумов, что он был в Москве на съезде полпредов ОГПУ (примерно в мае-июне 1933 г.), где Сталин «персонально ставил» вопросы о переломе работы в политотделах, призывая организовывать прежде всего массово-политическую работу – с тем, чтобы прекратить массовые выселения и произвольные аресты (Назинская трагедия, 2002. С. 39). Однако инерция инструкции от 8 мая 1933 г., ограничивавшей выселения и аресты в административном порядке, была весьма слабой и не позволила, как планировалось, «разгрузить» тюрьмы. Проведенная в этот же период массовая чистка городов от маргинальных элементов не дала ожидавшихся результатов, но повлекла крупные человеческие потери.

В ходе чистки сельской местности за 1933 г., по данным 26 политотделов МТС Восточной Сибири, из колхозов было исключено «как классово чуждых элементов» 443 заведующих товарными фермами, 153 председателя колхоза, 147 членов правления, 132 бригадира, 93 счетовода и бухгалтера, 84 завхоза, 83 кладовщика, кроме того, 2 065 рядовых колхозников (всего 3,8 тыс. чел.). К декабрю 1933 г. «чистку» в Западно-Сибирском крае прошло 7 773 колхоза и 25,3 тыс. чел. В результате оказались снятыми с работы 6 534 чел. – бригадиры, кассиры, завхозы, кладовщики и пр., из них 1 109 чел. отдано под суд, 1 025 чел. исключено из колхозов [Гущин, Ильиных, 1987. С. 261]. Многие были арестованы: так, работавший с апреля 1933 г. ЗНПО по оперработке Овчинниковской МТС Косихинского района В.К. Буряк в период до конца 1934 г. ежемесячно вскрывал в четырех колхозах группы «контрреволюционеров и социально-вредного элемента» [Тепляков, 2002. С. 178]. Б.И. Сойфер в 1933–1934 гг., работая ЗНПО по оперработке Землянухинской МТС Поспелихинского района ЗСК, ликвидировал шесть контрреволюционных и вредительских орга-

низаций. Например, в составе вскрытой им летом 1933 г. в колхозе «Путь пахаря» террористической группы из 10 чел. были пятеро коммунистов во главе с секретарем ячейки и председателем колхоза; в январе 1934 г. было осуждено девять участников «вредительско-хищнической группы» из колхоза «Красный земледелец» (ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 107. Л. 212–213).

В докладной записке оргинструкторского отдела Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) «Об извращениях и недостатках в работе по укреплению и оздоровлению колхозов», составленной в конце 1933 г., отмечалось, что «борьба за очищение колхозов принимает форму поголовной массовой чистки и в ряде мест левацких извращений и перегибов». Однако репрессии в ЗСК не прекращались, и в хлебозаготовительную кампанию 1934 г. было осуждено 7,9 тыс. крестьян, из них свыше тысячи колхозников и почти 3 тыс. единоличников, 1,9 тыс. «должностных лиц», 1,7 тыс. «кулаков и нетрудовых элементов» [Гущин, 1996. Гл. 4].

В 1935–1936 гг. накал репрессий понизился, но политотделы в совхозах продолжали интенсивную агентурную работу по поиску заговоров, включая шпионские. В подготовленном в октябре 1936 г. центральным аппаратом НКВД «Обзоре раскрытых и ликвидированных контрреволюционных групп и организаций в зерновых и животноводческих совхозах» отмечалось, что с января по сентябрь 1936 г. ЗНПО совхозов «с помощью и при непосредственном участии экономаппаратов местных органов ГУГБ ликвидировали значительное количество контрреволюционных групп и организаций», занимавшихся троцкистской агитацией, вредительством, диверсиями, вербовкой повстанческих кадров (в т. ч. по заданиям японской, польской и немецкой разведок) и террором.

При этом среди наиболее характерных ликвидированных сибирскими ЗНПО контрреволюционных групп и организаций были следующие: троцкистские группы, готовившие и осуществлявшие диверсии и поджоги в Ялutorовском молмясовхозе (Омская область), молмясовхозах № 41 и 327 (ЗСК); повстанческие группы в свиновхозе «Буксир» и колхозах Ояшинского района (ЗСК), молмясовхозах № 167 и 288 (ЗСК), молмясовхозах Бердюжском и Стрункинском (Омская область), овцесовхозе «Красная Ималка» (ВСК). Дальнейшая оперативная работа велась, как отмечал начальник ЭКО ГУГБ НКВД Л.Г. Миронов, «главным образом, в направлении вскрытия к[онтр]р[еволюционных] троцкистских групп и их вредительской деятельности, а также связей низовых троцкистских групп с к[онтр]р[еволюционным] подпольем в краевых, областных, республиканских центрах и Москве» [«Через трупы врага на благо народа»..., 2010. Т. 2. С. 524–531].

По мнению Миронова, «вскрытые дела показывают, что совхозы являются местом, где находит убежище большое количество ранее репрессированных, к[онтр]р[еволюционно] настроенных и выброшенных из городов людей. Эти люди, оседая в совхозах, превращают их в базу для различного характера к[онтр]р[еволюционной] работы не только в хозяйстве, но и в окружающих селах, а иногда в целых районах. Часто эти люди направляются в хозяйства по заданиям к[онтр]р[еволюционных] центров и иноразведок». Возникновение большинства дел по диверсиям и поджогам уже после их совершения

свидетельствовало, по мнению начальника ЭКО, о слабой агентурной работе. Выделяя «некоторые успехи» ЗНПО Украины, Западной Сибири и ряда других регионов, Миронов требовал усиления работы, особенно по выявлению связей ликвидированных троцкистских групп с соответствующими центрами [Там же. С. 533–534].

Огромным произволом была отмечена продлившаяся всю первую половину 1930-х гг. всесоюзная кампания по отъему у населения валюты и изделий из драгоценных металлов. Эта тайная кампания была поручена ОГПУ и за счет прямого ограбления городского и сельского населения принесла государству многие десятки миллионов рублей. В методах чекисты не стеснялись, восприняв задание верхов как один из вариантов «раскулачивания». Агентурно-оперативная работа далеко не всегда отличалась тонкостью. Опытный московский чекист М.П. Шрейдер откровенно вспоминал, как он и его подчиненные обманывали и шантажировали арестованных бывших нэпманов и других людей, подозреваемых в хранении ценностей, и как эффективно действовали эти методы, принесшие государству очень крупные суммы в валюте, драгоценных металлах и камнях (см.: [Шрейдер]).

Насильственным путем ценности отбирались по всей стране (см.: [Мозохин, 2009. С. 544–545]). В материалах ЦКК–РКИ сохранился материал об «искривлении Ленинской национальной политики сотрудниками Опергруппы ПП ОГПУ ВСК в Могочинском и Зейском районах» в начале 1932 г. Суть дела состояла в том, что 18 января 1932 г. сотрудники Усть-Карийской оперативной группы ПП ОГПУ ВСК Давыдович, Ким и Егоров прибыли на прииск Горбичанка Могочинского района ДВК для изъятия у приисковых рабочих золота. Вымогая драгоценный металл, чекисты арестовали 20 рабочих, избивали их и для устрашения стреляли в воздух: «В результате подобных действий у рабочих было изъято около 200 грамм золота. Наряду с этим указанные сотрудники занялись вымогательством денег у рабочих и получили от каждого из них по 3–8 рублей под предлогом покрытия расходов по аккарауливанию арестованных, изъятое золото и деньги 180 рублей, каковое официальным протоколом не оформлено, и выданы на клочках бумаги расписки».

«Отработав» на прииске Горбичанка, опергруппа 27 января прибыла на прииск Шахтайка Могочинского района, где арестовала 23 рабочих прииска и под угрозой оружия и расстрела на месте или «...привязать к хвостам лошадей и гнать в Читу, требовали выдать спрятанное золото». Произведя тщательный обыск и ничего не обнаружив, чекисты заперли всех рабочих в бараки, завалили дверь бревнами и приказали арестованным сидеть взаперти, а сами уехали «в неизвестном направлении». Арестованные не смогли выйти утром на работу, «что принесло приискам существенный ущерб». Обо всех преступных действиях Усть-Карийской опергруппы контрольные партийные органы сообщили в ПП ОГПУ ВСК «на предмет привлечения виновных к ответственности».

Золотодобывающие предприятия Могочинского района испытали натиск и другой чекистской группы. Так, на прииске Ксеньевском «были допущены грубые ошибки, искривление нацполитики»: начальник опергруппы Боров-

ский (беспартийный), Андреев (кандидат в члены партии), беспартийный Гореев избили двух китайцев как скупщиков золота, после чего отобрали у них драгоценный металл. В пос. Могоча опергруппа (Оглы, Боровский, Чемизов, Андреев) произвела «грубейшее нарушение политики партии, выразившееся в избиении арестованных восточников, завязывание рта полотенцем во время избиения, в целях запугивания, применение электрического тока из специального аккумулятора (по словам – служащий для лечения от неврастения) при избиении также применяли валенки, коими наносили удары по голове арестованным» (ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1976. Л. 191).

Чекисты-ЗНПО также активно вымогали ценности у населения. В апреле 1934 г. аппарат особоуполномоченного ПП ОГПУ ЗСК составил обвинительное заключение на группу оперработников Старобардинского райаппарата ОГПУ: П.Ф. Рябова, В.И. Бужерю, И.А. Леонтьева и ЗНПО маслосовхоза № 171 по оперработке Г.А. Михайлова, которые использовали агентурные материалы для выявления потенциальных держателей ценностей, подвергая пыткам, если те отрицали наличие у них золота и валюты. В 1933 г. для воздействия на упорных «несдатчиков» они использовали холодный сырой подвал и конюшни, где неделями держали крестьян, заподозренных в утаивании ценностей. Чекисты арестовывали без санкции прокурора и издевались, как могли: допрашивали целыми днями, не давали еды и воды, жестоко избивали. Коллегия ОГПУ в мае 1934 г. осудила Рябова на два года лагерей; о привлечении к уголовной ответственности остальных сведений нет [Тепляков, 2008. С. 394–395].

Контролировать работу ЗНПО должны были оперработники из краевого центра или оперсектора. В целом уровень исполнительской дисциплины в органах ОГПУ–НКВД был очень низок, что сказывалось на определенной оторванности ЗНПО от чекистского начальства. Тем не менее лица, провалившиеся в оперативной работе или снятые с должности за различные проступки и злоупотребления, из-за нехватки кадров легко возвращались в прежнюю сферу деятельности. Выводились чекистским руководством из-под удара и оперативники, наказанные партийными властями. Райуполномоченный ПП ОГПУ ЗСК по Борисовскому району И.М. Селиверстов в мае-июне 1932 г. по решению бюро Запсибкрайкома ВКП(б) подлежал снятию с работы за допущение ответработниками бессудных убийств мигрантов-казахов. Однако с апреля 1933 г. он работал ЗНПО по оперработке совхоза «Овцевод» Купинского района ЗСК (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 375. Л. 107; Оп. 7. Д. 350. Л. 336). Райуполномоченный ОГПУ ЗСК по Бирилюсскому району Е.И. Шумихин в апреле 1932 г. постановлением крайКК ВКП(б) подлежал снятию с должности за склоку и распущенность (скрыл существование «эротического» кружка местного начальства под характерным названием «Райблядком»). Однако в 1934 г. он работал ЗНПО по оперработке Оконешниковской МТС Калачинского района ЗСК, а после упразднения этой должности в начале 1935 г. возглавил Оконешниковское РО УНКВД по Омской области (Там же. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 10. Л. 31; Ф. 47. Оп. 5. Д. 161. Л. 170, 171; ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 611. Л. 3).

Агентурно-оперативные мероприятия наряду с информацией партийных структур постоянно вскрывали многочисленные проступки самих чекистов, про-

тиворечившие логике мобилизационных кампаний, характеризуя их как «антигосударственные тенденции». Имелось в виду участие сотрудников тайной полиции в «разбазаривании хлеба», поскольку районные работники ОГПУ–НКВД порой прикрывали партийно-советское руководство, желавшее припрятать часть продуктов и себе, и для стимулирования колхозников. В декабре 1933 г. Западно-Сибирская крайКК ВКП(б) поручила партколлегии привлечь ЗНПО по оперработе Северо-Татарского маслосовхоза № 44 Татарского района В.Д. Василевича и ряд ответработников Чулымского района к ответственности за махинации с хлебозаготовками, бесхозяйственность и незаконные поборы с колхозников (Василевич продолжил карьеру в НКВД). М.А. Мохначев, будучи помощником начальника Залесовского РАП Барнаульского оперсектора ОГПУ, осенью 1933 г. был вместе с районным руководством обвинен в участии в растранижении государственных продовольственных фондов, но вскоре получил назначение ЗНПО по оперработе совхоза № 236 Маслянского района Уральской (с 1934 г. Омской) области (ЦДНИТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 18. Л. 172, 150 об.). Таким образом, при расследовании подобных «антигосударственных тенденций» чекисты могли рассчитывать на снисхождение.

Бывали случаи, когда именно партийное руководство вступалось за наказанного в уголовном порядке «своего» чекиста (ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 170). Но чаще случались конфликты чекистов с районными властями, которые заканчивались разбирательствами в вышестоящих инстанциях. Нередко начальники райотделов ОГПУ–НКВД конфликтовали с коллегами из политотделов, считая их деятельность неэффективной. Проведенные проверки показали повсеместное неудовлетворительное состояние агентурно-осведомительной сети и общий низкий уровень квалификации как районных чекистов, так и их резидентур (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 776. Л. 3–23). Преодолеть эти проблемы, несмотря на предпринятые усилия, не удалось. Многие ЗНПО, набранные как раз из провинциальных сотрудников, оказались негодными агентами. Мало того, в их среде проявлялась конкуренция с начальниками райотделов за перспективные агентурные разработки (Архив УФСБ по НСО. Д. П-10015. Л. 151–152).

Между тем нагрузка на каждого ЗНПО была заметно меньше, чем у работников райотделов: 3–4 резидента, а также 7–9 спецосведомителей. Как сообщал Д.И. Надеев, в середине 1930-х гг. в Венгеровском районе работало семеро ЗНПО по работе НКВД в совхозах и один ЗНПО МТС. Семерка «совхозных» чекистов на осень 1936 г. «обслуживала» общим счетом от 1 тыс. до 1,5 тыс. чел., располагая на всех лишь 25–30 работниками негласного аппарата. На каждый совхоз приходилось 150–200 работников, за которыми ЗНПО вел наблюдение силами нескольких агентов. Напротив, райотдел НКВД, состоявший всего из двух работников – Надеева и его помощника – обслуживал, как уверял Надеев, с помощью почти 200 осведомителей и агентов 36 сельсоветов, 120 колхозов, два совхоза, т. е. порядка 5 тыс. чел. С точки зрения Надеева, эффективность агентурной работы ЗНПО была очень низкой, и почти все проведенные дела этого чекистского коллектива, вчетверо превосходившего аппарат РО НКВД, носили общеуголовный характер, доказывая, что работа ЗНПО имела в основном милицкий характер (впрочем, и сельские че-

кисты этих лет тоже большей частью проводили расследование по общеуголовным делам) [Тепляков, 2008. С. 153].

Чекисты со стажем, присланные в политотделы МТС и совхозов, активно включались в привычную оперативную работу. Если опытные чекисты являлись ее организаторами, то новички, напротив, следовали указаниям начальников политотделов, нередко старались ограничиваться ведением информационной работы, вербуя небольшое количество руководящих и технических работников МТС, колхозов и совхозов, передавая затем наверх полученные данные. Распоряжения Лубянки о необходимости как следует использовать потенциал чекистов-политотдельцев, не ограничиваясь получением от них информационных материалов, оставались большей частью пожеланиями. С точки зрения руководства ОГПУ, в деятельности ЗНПО сразу проявились тревожные тенденции: многие из них «целиком переключились на хозяйственную работу» и «превратились в придаток аппарата МТС» [Хаустов, 2001].

Осенью 1934 г. заместитель наркома внутренних дел Я.С. Агранов отмечал, что ЗНПО предоставлены сами себе и стоят в стороне от оперативных задач, давая мало дел по вредительству и т. п. Нарком Ягода, выступая перед руководством оперативных отделов ГУГБ НКВД в 1934 г., заявил: «В нашем распоряжении есть много неиспользованных нами мощных средств для усиления борьбы с контрреволюцией. У нас есть сеть заместителей начальников политотделов МТС и совхозов – 5 000 человек, которых мы плохо используем. Многие ли из вас помнят о них, используют их. А ведь это – целая чекистская армия, но которая плохо втянута в работу. Многие заместители начальников политотделов вместо выполнения своих непосредственных задач выявления и борьбы с классовым врагом, превращаются в лучшем случае в информаторов, а в худшем – в порученцев при начальниках политотделов, занимаясь чем угодно, только не оперативной работой. Изданный в свое время приказ № 00241 от 10.07.1933 г. (нами и политуправлениями НКЗема и НКсовхозов) многие забыли и грубо нарушают его. Это в значительной мере объясняется отсутствием внимания к заместителям начальников политотделов со стороны руководящих товарищей, практической помощи им...» (см.: [Генеральный комиссар..., 1996]).

В приказе НКВД СССР от 11 сентября 1934 г. указывалось, что в большинстве случаев оперсостав управлений НКВД «совершенно устранился от работы ЗНПО, на места не выезжает и целиком передоверяет работу с ЗНПО малоквалифицированным уполномоченным», которые не в состоянии обеспечить «правильное оперативное воспитание» работников политотделов. Приказ требовал от начальников УНКВД личных выездов на места с целью курирования работы ЗНПО [Советская деревня..., 2005. Т. 3, кн. 2. С. 660, 696]. Руководство НКВД на местах предпринимало усилия по повышению чекистского потенциала ЗНПО. Когда по распоряжению заместителя начальника УНКВД ЗСК М.А. Волкова руководитель Венгеровского РО НКВД Д.И. Надеев прикрепил к заместителям начальников политотделов по оперработе прилежавшие к «их» совхозам и МТС сельсоветы и колхозы, те были крайне недовольны увеличением объемов агентурной работы (Архив УФСБ по НСО. Д. П-10015. Л. 152).

В конечном итоге изменение карательной политики в деревне под влиянием некоторого улучшения дел в сельском хозяйстве в середине 1930-х гг. явилось одной из причин ликвидации института политотделов МТС и совхозов. Политотделы МТС решением ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 г. подлежали упразднению и были ликвидированы к началу следующего года. Руководство партии отметило, что политотделы добились улучшения работы колхозов, МТС, повышения урожайности, ускорения хлебосдачи и т. д. Но политотделы совхозов были сохранены: возможно, потому, что ситуация в крупных совхозных хозяйствах была слишком неудовлетворительной.

После нанесения сильных карательных ударов в 1933–1934 гг. было решено сосредоточить репрессивную работу в райотделах НКВД. В целом опыт использования ЗНПО по оперработе разочаровал чекистское руководство, увидевшее во «вторых заместителях» малоработоспособную прослойку, слабо загруженную боевой оперативной деятельностью. Фактическим следствием организации института ЗНПО стало существенное ослабление аппаратов райотделов ОГПУ–НКВД. И новую чекистскую специализацию достаточно скоро упразднили – в январе 1935 г. в МТС, полтора года спустя – в совхозах.

Так победила политика централизации карательных подразделений. Тенденция усиления райотделов подтвердилась сразу после отказа от чекистов-ЗНПО в политотделах МТС: в том же году были ликвидированы такие крупные чекистские подразделения, как оперативные секторы НКВД, работники которых пополнили аппараты управлений НКВД и райгоротделов. Районные органы госбезопасности упрочили свой статус основных местных территориальных единиц, поглотив основную массу ЗНПО. Значительная часть бывших ЗНПО в 1935–1936 гг. получила должности начальников райотделов НКВД. Те же «вторые заместители», кто дал больше всего агентурных разработок и «красивых» групповых дел, в 1935–1936 гг. были взяты в краевые и областные аппараты НКВД. Однако в 1937–1938 гг., когда внимание к агентурной работе ослабло в связи с новой вспышкой репрессий, оперативные секторы (либо, как на Украине, оперативно-следственные группы) были организованы снова, вобрав в себя наиболее активных работников райотделов НКВД и, превратившись в крупные структуры (до 100 чел.), стали настоящими фабриками смерти, уничтожая людей тысячами. При этом оперативные секторы большей частью ограничивались старыми агентурными материалами, делая упор на массовые компрометирующие показания, выбитые следствием.

Следует отметить, что сам принцип создания таких чрезвычайных управленческих структур, как политотделы, сохранился, и они (например, в годы войны) создавались на транспорте и в топливной промышленности. При этом чекисты в их состав не вводились, поскольку данный опыт был признан исчерпанным. Но усиление роли органов ОГПУ–НКВД–МГБ проявлялось в постоянной инфильтрации чекистами, как действующими, так и бывшими, управленческих аппаратов на всех уровнях. Особенно значительно было присутствие работников госбезопасности в кадровой сфере, преимущественно на предприятиях военной промышленности, где с 1930-х гг. существовали заместители директоров по найму и увольнению, представленные сотрудниками «органов».

Агентура, идеология и культура

Всякое общество, вне зависимости от его развития, конструирует свои мифы, в которые верит большинство граждан, ибо для них миф – «наиболее яркая и самая подлинная действительность» [Элиаде, 1996. С. 22–25; Лосев, 1991. С. 24]. В традиционных и тоталитарных обществах, где преобладает коллективное мышление, потребность в мифах особенно высока. Мобилизационные мероприятия внедряли мифы в сознание нации, и привнесение таких искусственных конструкций было важным элементом в управлении социумом. Партийное руководство на первых порах стеснялось открыто признавать за собой цензурные функции, о чем откровенно писал один из видных агитпроповцев И.В. Вардин: «Выступая перед государственными органами по общим вопросам печати, подотделу печати ЦК приходится искать себе советский псевдоним (Главполитпросвет, Наркомпрос, Госиздат и т. д.)». В дальнейшем необходимость в такой маскировке отпала (см.: [Блюм, 2000]). Что касается чекистских органов, то они также маскировали свое присутствие, стараясь прикрываться ширмой в виде других учреждений.

Чекисты следили за всеми публикациями в прессе, порой конфисковывали газеты, как в 1930 г. начальник райаппарата ОГПУ на Алтае С.Н. Петкевич (по иронии судьбы, отец поэта Р. Рождественского), получивший за излишнее усердие взыскание. В 1938 г. НКВД Белоруссии, контролируя все стороны общественной жизни республики, отправлял в ЦК КП(б)Б составленные по агентурным источникам докладные записки вроде «О недостатках в развитии народного творчества и художественной самодеятельности в БССР» и т. п. [Тепляков, 2008. С. 239; Хаустов, Самуэльсон, 2009. С. 253]. Создание мемуарных источников для фундирования советской истории также проходило под идеологическим контролем партийных и чекистских инстанций. Деятельно сотрудничавший с ОГПУ глава Сибистпарта В.Д. Вегман подвергал основательной редактуре мемуары белогвардейцев и партизан, выходившие в 1920–1930-х гг., так что многочисленные рукописи подобных воспоминаний сохранили на себе правку, смягчавшую или вовсе устранявшую неудобные эпизоды (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 876. Л. 34; Д. 1159. Л. 6). При этом его усилия не всегда получали одобрение со стороны органов политической полиции. Например, публикация в 1933 г. в Новосибирске мемуаров видного горноалтайского партизана И.Я. Третьяка, осуществленная под внимательнейшей редакцией Вегмана, вызвала резкий протест в краевую Партколлегия со стороны достаточно рядового чекиста Я.А. Пасынкова, одного из тайных кураторов партизан в ПП ОГПУ ЗСК, годами собиравшего материалы о «повстанческих» настроениях Третьяка и его окружения (он же и «реализовал» в 1937 г. эти агентурные данные) (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 723. Л. 150 об.); [Гришаев, 1999. С. 40].

Одна из самых эффективных в деле уничтожения элементов гражданского общества мобилизационных практик – разложение с помощью агентуры и последующее уничтожение любых негосударственных организационных структур (общественных, национальных, культурных, научных), объявленных вредными и опасными. Страх перед неодолимой силой государства являлся важнейшим мобилизующим элементом, не давая организовываться тем, кто подспудно

ощущал свое неприятие режима. Герой пьесы А. Афиногенова «Страх» (1931 г.) профессор Бородин, чьим прототипом был академик И.П. Павлов, утверждал: «80 процентов всех обследованных живут под вечным страхом окрика или потери социальной опоры. Молочница боится конфискации коровы, крестьянин – насильственной коллективизации, советский работник – непрерывных чисток, партийный работник боится обвинения в уклоне, научный работник – обвинения в идеализме, работник техники – обвинения во вредительстве. Мы живем в эпоху великого страха. <...> Никто ничего не делает без окрика, без занесения на черную доску, без угрозы посадить или выслать» [Рейфман. С. 550].

Важное место среди мобилизационных практик отводилось институту смертной казни; пропаганда жестоких наказаний активно велась в средствах массовой информации при постоянном руководстве со стороны партийных инстанций. В январе 1932 г. секретарь ЦК ВКП(б) П.П. Постышев разослал в области, края и республики указание «воздержаться в дальнейшем от публикации в местной печати... приговоров о высшей мере наказания по делам хищений и саботажа хлебозаготовок» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 13. Д. 1. Л. 24). Но летом 1932 г. Сталин инициировал принятие «закона о колосках» (от 7 августа 1932 г.) и потребовал массовых расстрелов для расхитителей социалистической собственности. Кампании, сопровождавшиеся печатными упоминаниями о казнях тех или иных врагов режима, дирижировались верхами и в нужный момент достигали своего пика. Затем снова следовала поправка и начинался откат.

Например, 2 августа 1937 г. ТАСС в секретном порядке предписал местной прессе пореже упоминать фамилии «врагов народа»: «<...> Некоторые корреспонденции составляются исключительно с целью перечислить фамилии врагов, сделать из этого сенсацию. Надо понять, что огульное опубликование фамилий разоблачаемых врагов и связанных с ними на руку лишь врагам. Предлагается не передавать в печать для опубликования материалов, содержащих упоминания о разоблаченных врагах народа (кроме, разумеется, тех, о которых были соответствующие извещения Верховного суда и Прокуратуры), об их связях и пособниках без согласия на то руководящих партийных органов. <...> Агентства и отделения ТАСС вместе с тем обязаны разоблачающие материалы о врагах народа в зависимости от их характера передавать непосредственно местным парторганам и органам государственной безопасности, а в случае невозможности принять меры на месте – пересылать в Москву» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 853. Л. 68).

Власть умело находила и привязывала тех, кто был согласен выполнять любые приказы. Уникальным по эффективности исполнителем погромных акций на культурном фронте был старый журналист Д.И. Заславский, автор основных правдинских статей 1930-х гг., громивших М.А. Булгакова, Д.Д. Шостаковича и других выдающихся художников (см.: [Ефимов, 2006]). Благодаря агентуре также удавалось пресекать появление каких-то неудобных для власти сочинений, исходивших от лояльных лиц, способных скомпрометировать ее не излишней смелостью, а напротив – усердием не по разуму. В отчете Главлита за 1933 г. упоминается факт задержки цензурой уже сверстанной Сельхозгизом книги о совхозах, в которой предлагалось организовать «клад-

бищенские совхозы для извлечения из человеческих трупов сахара, мыла, соли и т. п.» [История советской политической цензуры..., 1997. С. 293].

Мобилизационный характер коммунистической власти был характерен для ее функционирования с первых лет существования. И эти его особенности достаточно рано осознавались многими наблюдательными людьми, которые понимали значение постоянной пропагандистской кампанейщины как сущностной черты режима. Вторая половина 1920-х гг. дала усиление и расширение мобилизационных методов. Большая мобилизационная репетиция 1927 г., когда в условиях нагнетаемой «военной тревоги» вся страна готовилась отразить нападение интервентов, имела многозначительную секретную подкладку в виде усилий органов ОГПУ по интенсивной вербовке осведомления с помощью массовых арестов в интеллигентной среде, когда жертв репрессивной кампании шантажировали возможностью остаться в заключении, если те не согласятся стать секретными сотрудниками ОГПУ. «Военная тревога» инициировалась верхами, и постепенное ослабление милитаристской истерии, связанной с разрывом отношений с СССР со стороны Великобритании, подстегивалось в конце года многословным обсуждением обострившейся политической ситуации в Китае, главной надежды на мировую революцию – после поражения местных коммунистов от Чан-Кайши. Еще один важный элемент мобилизационных практик конца 1927 г. – фактическое избивание левой оппозиции в ВКП(б), сопровождавшееся массовыми арестами троцкистов и зиновьевцев. Среди отправляемых в ссылку левых велась интенсивная чекистская работа, позволившая насадить конспиративное осведомление в рядах оппозиционеров. Видные представители других партий, отбывавших ссылку уже давно, настолько привыкли к постоянному появлению завербованных, что из-за этого старались не поддерживать отношений с вновь прибывающими ссыльными из социалистических партий, как, например, старый эсер Д.Д. Донской в Нарыме [Ссылка в 1920-е годы, 1997. С. 218].

В 1928 г. огромное значение имела кампания в связи с Шахтинским делом, когда широчайшее хождение получил термин «вредитель» и значительная часть самых высококвалифицированных специалистов была арестована либо ошельмована, потеряв должности и влияние. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин 5 апреля 1928 г. писал полпреду СССР в Германии Н.Н. Крестинскому: «По[-]видимому, в Германии совершенно не сознают, что шахтинское дело имеет для нас грандиозное внутреннее значение...», являясь «грандиозным историческим фактом». Далее Чичерин, объясняя необходимость ареста нескольких германских инженеров и «ненормально тяжелые» условия их содержания, утверждал, что «неожиданно и внезапно пришлось нанести в полном объеме сокрушительный удар»: «...Когда получили подробные сведения о грандиозном заговоре саботажа, то пришлось неожиданно, стремительно-быстро, произвести массовые аресты; если бы они не были произведены сразу, то, во-первых, масса виновных могла бы скрыться, и, во-вторых, наиболее видные из них могли бы произвести акты грандиозного саботажа... Этот внезапный удар не был технически подготовлен. Именно поэтому пришлось арестованных совать туда или сюда» [Шахтинский процесс..., 2011. С. 897–898]. То есть, даже

нарком по иностранным делам, самый образованный, критичный и дальновидный чиновник в советском руководстве, оправдывал массовые операции чекистов формулировками, привычными для эпохи Гражданской войны. При этом Чичерин был сильно недоволен скепсисом Н.Н. Крестинского относительно объективности советской прессы, освещавшей Шахтинский процесс: «Не знаю, почему Вы считаете отчеты советской прессы тенденциозными и неправильными...» [Там же. С. 932].

Репрессии нанесли такой удар экономике, что в августе 1928 г. ОГПУ послало на места телеграмму о том, что при выяснении вредительских элементов в хозяйственных организациях (особенно в важнейших промышленных и транспортных органах) следует «обязать ОГПУ прибегать к репрессиям и особенно к арестам крупных специалистов с максимальной и большей, чем это имеет место сейчас, осторожностью, допуская аресты лишь действительно злостных контр-революционеров, вредителей и шпионов». По распоряжению Менжинского копию этой телеграммы его секретарь В.Л. Герсон послал 20 августа 1928 г. Молотову (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 214. Л. 307, 308). Однако размах арестов специалистов во второй половине 1920-х гг. оставался очень высоким, а 1929–1930 гг. ознаменовали настоящий террор в отношении лиц интеллигентного труда. Так, полпред ОГПУ по Сибирскому краю Л.М. Заковский в начале января 1930 г. писал Ягоде о крайней нехватке сотрудников в подразделениях экономического отдела полпредства – объем работы по «вредительству в сельском хозяйстве» во второй половине 1929 г. резко расширился, а «арестовывать некому» (Там же. Оп. 8. Д. 220. Л. 10).

Показательно закрытое письмо одного из видных хозяйственников, члена ЦК ВКП(б) И.В. Косиора, который в середине 1929 г. обратил внимание верхов на негативные последствия кампании недоверия «спецам», которая лишила основные отрасли промышленности большого числа наиболее подготовленных специалистов и создала невыносимую для них обстановку политической подозрительности. Косиор отмечал: «Если Шахтинское дело свидетельствует, главным образом, о притуплении нашего критического чувства, об отсутствии здорового недоверия к работе специалистов, о неумении подчинить их влиянию пролетариата и руководить их работой в интересах социалистического строительства – то последующий период, отнюдь не свободный от извращений, способствовавших шахтинщине, особенно характерен нашим бессилием создать такие условия в работе специалистов, чтобы их работа давала максимальный эффект. Стремление проводить политику здорового недоверия во многих случаях вырождалось в огульное заподозривание и бессмысленное дерганье всех специалистов, т. к. необходимое для здорового недоверия знание дела отсутствовало. Значительно усилились также спецедаческие настроения среди рабочих. Все это тем более отрицательным образом сказывалось на работе специалистов, что уже само по себе Шахтинское дело было достаточно болезненно воспринято многими из них» (Там же. Оп. 6. Д. 214. Л. 408).

Косиор утверждал, что у «спецов» должны быть права требовать от рабочих добросовестной работы и налагать взыскания: «Между тем и до Шахтинского дела и, особенно, после него специалисты сплошь да рядом боялись и

боятся сделать замечание рабочему. <...> Общеизвестно, что в настоящее время специалисты боятся технически дерзнуть, испытывают физический страх перед возможными ошибками.... творческая работа в промышленности невозможна без некоторого риска. <...> Неоднократно ставившийся партией вопрос об ответственности специалистов за свою работу на практике каждый раз разрешался под углом усиления деятельности судебно-следственных органов. Если этим путем достигнуты несомненные успехи в области борьбы со всякого рода корыстными преступлениями, то в борьбе с неумелым ведением хозяйства, с плохой работой предприятия репрессивная деятельность оказалась бессильной» (Там же. Л. 515, 412, 414).

Но это предупреждение видного чиновника осталось его частным мнением. Созданная пропагандистской кампанией, сопровождавшей «Шахтинское дело», атмосфера политического недоверия вокруг интеллигенции, технической и гуманитарной, далее только сгущалась; последовали новые «вредительские процессы». Сам И. Косиор, курировавший в ВСНХ нефтяную и металлургическую отрасли, а с 1930 г. возглавивший трест «Востоксталь», вскоре уже иначе подходил к вопросам взаимоотношений с интеллигенцией. В письме к Ягоде 6 марта 1930 г. Косиор просил чекиста «прекратить шум» в центральной прессе вокруг изобилия «кулаков» на Кузнецкстрое, чтобы местные организации, следовавшие установкам «Правды», спешно не увольняли «раскулаченных» со стройки, давая им сбежать, а при помощи местных чекистов добивались бы «ликвидации кулаков как класса». Косиор сообщал, что по его инициативе чекисты Кузнецка арестовали за «вредительство» двух-трех специалистов, что должно было также «заставить сильнее определят[ь]ся и Бардина[,] нашего главинжа» (Там же. Д. 219. Л. 308, 308 об.). Таким образом, аресты специалистов оставались универсальной дубинкой, в том числе и против таких людей, как знаменитый ученый-металлург И.П. Бардин, будущий академик и вице-президент АН СССР.

О пронизанности агентурой из специалистов всех значимых объектов и интенсивности фабрикации дел против интеллигенции говорят служебные материалы УНКВД Запсибкрая середины 1930-х гг. Аттестация в июне 1935 г. на начальника экономического отделения Транспортного отдела УНКВД Г.М. Вяткина гласила: «Разработал и провел исключительно сложное следственное дело о вредительстве в эксплуатационном отделе управления дороги к.-р. группы во главе с зам. нач. отдела по технической части ЗАВЬЯЛОВЫМ.

В данное время ведет разработку на группу работников управления дороги в составе: Абуашвилли, Лубчанского, Дмитриева и Струсевиц, ведущих подрывную работу в службе эксплуатации. (аг. дело «На пределе»).

Разрабатывает к.-р. группу инженеров в стройтресте, по делу «Достройщики» (нач. проектного отдела Агафонов, инженер Трипольский, инженер Мочалов и другие), срывающих строительство на Томской дороге неправильным составлением и задержкой составления проектов и пр.

По агентурному делу «Старики» разрабатывает группу к.-р. инженеров, проводящих саботаж в отделе тяги по паровозному хозяйству.

По вагонной службе разрабатывает дело "Поселенцы" на к-р. группу из трех человек (Рулло, Индейкин и Оконешников) проводящих подрывную работу по ремонту вагонов и подозреваемую в связях с японским консульством в Н. Сибирске.

По Н. Сибирскому эксплуатационному отделению разрабатывает по делу "Единомышленники" ведущих подрывную работу в работе Н. Сибирского узла (ДС Бойченко, ДНЗ Молостов, Меланович, Белик и др.).

Ведет разработки по материальному отделу (Реминный и Штейнберг) и эсковаторному тресту (Барский – троцкист и Манусевич главный инженер), в отношении вскрытия вредительства в снабжении дороги материалами и срыва строительства неиспользованием эсковаторов.

Завербовал 4 человека агентуры давших по делам перечисленным выше ценные материалы ("Доронин" по делу "Единомышленники" и "На пределе", "Ландыш" разрабатывавший дело "Таежники", "Удалов" работает по делу "Достройщики", "Столбов" разрабатывает дело по Песьяновскому лестранхозу Томской дороги. В разрабатываемые к-р. группы ввел [агентов-]внутренников – "Петин" по делу "Достройщики", "Карта" по делу "На пределе", "Ершов" по делу "Единомышленники" и "На пределе", "Оборот" [–] "На пределе".

Принимает активное участие в разработке агентурного дела "Хлеб" по Барнаульскому эксплуатационному отделению. Разработал непосредственно по этому делу вопрос саботажа приказов т. Кагановича начальником эксплуатационного отделения Марцулан, в результате чего последний по решению Крайкома снят и отдан под суд» (ОГА СБУ. ЛД № 113669 на Г.М. Вяткина. Л. 20).

Государство ориентировалось именно на «запугивание» умственного слоя страны. Левонастроенный ленинградский интеллигент Б.Н. Шабер в 1933 г. предельно откровенно высказал чекистам свое (и не только!) мнение об их работе, в результате которой в руководстве соцпартий «на 5 человек оказывалось 3 секретных сотрудника ГПУ»: «В современной жизни Советского Союза органы ГПУ являются фактором общественного растления, общественного разврата и проституции еще в большей степени, чем фактором политического террора и тайной политической расправы над политическим или просто идеологическим врагом. <...> Основная и главная сила ОГПУ заключается именно в той чудовищной по своим размерам системе политической провокации и внутренней секретной агентуры, которую сумело организовать ГПУ и которая превратила страну в публичный дом политического сыска и предательства. Мерами психологического террора, угрозами, системой тщательно продуманных запугиваний, учитывающих психологию каждого индивидуума, физическим воздействием, лишением свободы и другими репрессиями ГПУ добились создания колоссальной армии внутренних шпионов, превратилось во всевидящего и всеслышающего спрута, опутавшего длинными щупальцами тайного сыска не только все политические партии, но и буквально все население Союза, все его слои и сферы; проникло во все поры человеческой жизни, не исключая и самых интимных.

ГПУ породило развращенную атмосферу взаимной боязни, взаимного недоверия, взаимных подозрений, взаимной тайной ненависти между гражданами, которая основываясь на формуле "каждый третий сексот" обусловила бо-

язнь населения к совместным действиям, поставила невидимые преграды для объединения трудящихся, создала стимул к обособлению, индивидуальной замкнутости отдельных активно настроенных элементов общественности» [Соколов, 2012. С. 219–220].

Историк Д.Б. Павлов обоснованно считает, что «поиск идейного “врага”, его “разоблачение” и уничтожение» являлся важнейшей составной частью коммунистической системы. По окончании Гражданской войны большевики осознали, что бороться с открытым врагом гораздо легче, чем с «подпольным» и «потенциальным». Тут-то и была развернута до невиданных доселе масштабов система осведомления, достигающая своего идейного апогея в постулате «если ты не “донец” – значит сам враг». Важно отметить особую активность чекистов в создании собственной версии событий политической истории, когда оценки, сформировавшиеся внутри «органов» (о заговорщицкой и шпионской деятельности противников режима внутри страны и находящихся в эмиграции, о намерении зарубежных стран осуществить превентивное нападение на СССР), одобрялись партийной верхушкой и приобретали директивный характер. Д.Б. Павлов пишет: «...У истоков советской историографии послеоктябрьского социализма и анархизма стояла деятельность таких далеких от науки учреждений, как ВЧК–ОГПУ и ЦК РКП(б). Разработанные здесь директивные документы не только определяли практическую политику власти в отношении социалистов и анархистов, но и содержали ряд концептуальных положений, легших в основу всей советской историографии интересующей нас проблемы. Поскольку документы ЦК РКП(б) и ВЧК были совершенно секретными, каналом распространения официальных идей и оценок явился комплекс работ, опубликованных в 1920–1930-е гг. видными представителями правящей партии и чекистами в открытой печати. Выполняя конкретную агитационно-пропагандистскую функцию, эти работы, во многом основанные на агентурной информации, по сути, являлись частью общей репрессивной политики власти в отношении социалистов и анархистов» [1999. С. 10]. Таким образом, Павлов обоснованно наделяет пресловутый «идейный разгром» репрессивной функцией.

В своем дневнике известный филолог О.М. Фрейденберг писала о послевоенных годах (эта оценка вполне может быть распространена и на довоенное время): «Обезглавив Россию, убив всю интеллигенцию, Сталин создал из страны одно туловище. Города забиты крестьянством, тем крестьянством, деды которых еще были крепостными... Крепостная Россия, с рабством в крови, темная, забитая и жестокая, стала у всех рулей. Она официально возводится в “великий русский народ”, которому кадят в устрашающих, догматических формулах, выработанных тайной полицией» (см.: [Добренко, 2013]). Особое значение имела агентура среди интеллигенции, которая служила прямым проводником новейших идейно-политических установок. Именно эти сексоты продвигались по службе, будучи нередко не только заведующими кафедрами институтов и руководителями научных учреждений, редакторами газет, журналов и издательств, известными журналистами и писателями, но и резидентами «органов», давно миновавших стадию рядового осведомительства. Эти

матерые агенты по заданиям своих кураторов из ОГПУ–НКВД выполняли сложные провокационные комбинации, одновременно массово подбирая кадры осведомителей из интеллигентской среды. Как писала Фрейденберг, к концу 1940-х гг. Сталин создал слой «...своих академиков, профессоров и доцентов, подобно иерархам церкви. Как бы они ни назывались, все они были агентами тайной полиции, осведомителями и перелицованными политагентами. Их главная функция заключалась в послушании» [Там же]. Эта характеристика умной и проницательной исследовательницы ретроспективно вполне применима и к ситуации 1930-х гг.

К мнению О.М. Фрейденберг и Д.Б. Павлова можно добавить, что и в отношении многих писателей и деятелей культуры именно ОГПУ–НКВД сформировали те негативные мнения, которые затем воплотились в различные партийные решения, публичные и негласные, из-за чего на десятилетия из отечественной культуры были изъяты замечательные художники и ученые. И это не считая прямых репрессий в отношении многих тысяч представителей художественной и научной интеллигенции, физического и морального разгрома целых научных направлений и школ.

Творческая интеллигенция находилась под особенно плотным присмотром карательной машины. Активно контактировали с чекистами не только руководители органов печати и писательские начальники, но также многие видные творцы. Весьма близки к ОГПУ–НКВД были В. Маяковский, М. Горький, А. Толстой; из системы особых отделов ВЧК пришел к руководству Союза писателей В. Ставский. Близок к «органам» был и М.А. Шолохов, работавший там в 1923 г. как сотрудник Экономического управления центрального аппарата ОГПУ и сохранивший связи с целым рядом крупных чекистов (Л. Мирумовым, В. Блохиным, С. Болотовым, Е. Евдокимовым), что подтверждает гипотезу З. Бар-Селлы о снабжении органами ОГПУ своего молодого сексота необходимым литературным материалом для написания «Тихого Дона» [Бар-Селла, 2005; Тепляков, 2011б. С. 227].

В Москве сотрудничали с «органами» руководители «Известий» И.М. Гронский (лично донес Ягоде на поэта Н.А. Клюева) и «Правды» Л.З. Мехлис, бывший помощник Сталина. Все редакционно-издательские работники имели контакты разной степени плотности с кадровыми чекистами, все постоянно выясняли у лубянских деятелей степень лояльности и допустимости к печати того или иного деятеля культуры. В письме Сталину в январе 1939 г. исполнявшая обязанности редактора «Литературной газеты» О.С. Войтинская жаловалась на трудности своей работы с чекистами в 1937–1938 гг. Сразу после того как она, заведующая отделом критики «Октября», получила работу в «Литературной газете» и написала заявление в НКВД на заведомо печати ЦК ВКП(б) А.Е. Никитина, ей предложили сотрудничество с «органами». Войтинская отнеслась к своей негласной работе на НКВД «как к чему-то священному, как к особому поручению партии», а ей велели стать любовницей писателя Ф.И. Панферова и после отказа Войтинской «...упрекали, что я плохая коммунистка, что для меня личное выше партийного. Я знала, что моя жизнь принадлежит партии, но стать любовницей врага я не могла» [Большая

цензура..., 2005. С. 489, 503–506]. Один из руководителей новосибирских писателей В.А. Итин постоянно обсуждал с начальством секретно-политического отдела УНКВД ЗСК возможность допуска к литературной деятельности того или иного скомпрометированного автора (Архив УФСБ по НСО. Д. П-3745. Л. 46).

Для руководства советской политической полиции было характерно стремление заставить литераторов писать о чекистах с положительной стороны, поскольку в сравнительно свободной атмосфере 1920-х гг. появилось много сочинений с крайне нелепым изображением сотрудников госбезопасности*. И благодаря в том числе соответствующему воздействию «органов» советские писатели и поэты сыграли очень существенную роль в пропаганде деятельности и кадров ВЧК–ОГПУ. Можно упомянуть активность лучших литературных сил страны в поддержке проведения политических процессов над деятелями «Промпартии»** и других московских процессов еще до эпохи «Большого террора»***, в популяризации руководства ОГПУ во время строительстве Беломорканала. С 1920-х гг. в «чекизации» литературы заметна роль В. Маяковского, Э. Багрицкого, А. Прокофьева, М. Светлова, Д. Фальковского, А. Безыменского, Д. Алтаузена, Г. Лелевича. Особую роль в литературном процессе 1930-х гг. играли близкие к руководству ОГПУ–НКВД Л. Авербах и В. Киршон. При этом родственник Ягоды Л. Авербах был окружен агентурой, и о его словах доносил литературный секретарь самого Авербаха – сексот «Алтайский».

Писателей «обставляли» агентурой органов госбезопасности, которая не только фиксировала их настроения, но и пыталась направить в подходящую сторону: написать верноподданную пьесу, довериться обещаниям какого-либо функционера, поссорить с коллегой... В окружении А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Булгакова, А. Платонова, К. Чуковского, Л. Добычина, Д. Хармса, А. Довженко, М. Хвелева и многих других известных литераторов были сексоты, не только записывавшие за ними резкие высказывания, но и подталкивавшие в нужное идеологическое русло. Так, посещавшие дом Булгаковых сексоты Э.Л. Жуховицкий и М.М. Добраницкий склоняли его к написанию хвалебных пьес и романов о советской власти [Чудакова, 1996; Шенталинский, 1997; Искусство идет впереди..., 1996; Андрей Платонов..., 2000; Довженко, 2013]. Все сколько-нибудь известные фигуры писательского мира и в целом деятели культуры были окружены осведомителями. Об Ахматовой доносили С.К. Островская и А.М. Оранжева, о Хармсе и Введенском – И.Л. Андрони-

* Достаточно взять роман И. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1923 г.), чтобы увидеть, как смело в нем популярный писатель изображает высоких начальников Лубянки в виде подлинных монстров – беспринципных приспособленцев и развращенных садистов.

** В «Литературной газете» от 20 ноября 1930 г. В. Шкловский, доверяя сведениям о близкой интервенции, заявил о рамзинцах: «Действия этих людей говорят о том, что наступление на Страну Советов очень близко»; сатирик Е. Зозуля приветствовал ОГПУ, «раскрывшее заговор», а А. Эфрос прямо заявил: «Мы должны убить тех, кто хотел убить СССР».

*** А. Безыменский публично заклинал: «Мне хочется еще и еще раз повторить слова мариупольского рабочего... „...я жалею о том, что привести этот [расстрельный] приговор в исполнение поручили не мне“. Он сказал то, о чем думал и я – поэт Советской страны. Об этом думаю я и сейчас, и я уверен, думает каждый из нас». Андрей Платонов тогда же заявил: «Уничтожение этих особых злодеев является естественным, жизненным делом». – См.: Лит. газета. 1935. № 5. С. 4.

ков... [Копылов и др., 2009; Кобринский, 2008]. О чекистской слежке, доносите-льстве и угрозе оказаться под замком писали Булгаков в «Мастере и Марга-рите», Мандельштам в «Я вернулся в мой город...», Ахматова в «Реквиеме» и ряде стихотворений.

В системе контроля литературной среды велика была роль разоблаченных к настоящему времени (очень немногих!) писателей-сексотов: А.И. Алдан-Семенова, И.Л. Андроникова, А.К. Виноградова, Б.А. Дьякова, Ф.И. Панферова и мн. др. Литературовед Я.Е. Эльсберг сыграл роковую роль в аресте П. Василье-ва, Н. Заболоцкого, Б. Корнилова, М. Левинова и др., В.П. Ставский – Мандель-штама, А.И. Алдан-Семенов – Ольги Берггольц [Виноградов, 1993; Оксман, 2005; Огрызко, 2013]. Сталинградский журналист и будущий писатель Б.А. Дья-ков активно доносил на всех подряд: «...Осенью 1937 года "Тихоокеанская звезда" напечатала мой фельетон "Под вывеской музыкальной комедии", кото-рый вскрыл в Хабаровском театре группу антисоветчиков. Эта группа была ре-прессирована. ...Работая в Сталинграде, я в течение ряда лет являлся секрет-ным сотрудником органов, причем меня никто никогда не принуждал к этой работе, я выполнял ее по своей доброй воле, так как всегда считал и теперь считаю своим долгом постоянно, в любых условиях, оказывать помощь органам в разоблачении врагов СССР. Это я делал и делаю. Выполняя конкретные пору-чения органов, я сдал в Сталинградское управление НКВД ряд материалов об антисоветской агитации, проводившейся отдельными лицами и группой лиц, работавших в литературе и искусстве. В частности, о клеветнических произве-дениях местных писателей Г. Смольякова, И. Владского и других (осуждены органами), о враждебной дискредитации Терентьевым Ф.И. знаменитого совет-ского писателя А.Н. Толстого на банкете в редакции в 1936 году, и т. д.» [Моз-гов; Плеханов, 1988. С. 28].

Феномен массового сексотства был отвратителен многим интеллигентам, которые не были согласны с мнением литературоведа П.Е. Щеголева, что для коммуниста ОГПУ не является учреждением «одиозным» [Чуковский, 2013. С. 339]. О выявленных сексотах творческие люди часто предупреждали друг друга. Литературовед С.А. Макашин рассказывал, что Л.Б. Каменев в начале 1930-х гг. предупреждал его о сексоте в редакции «Литературного наследст-ва»: «У вас там в редакции околачивается Эльсберг. Будьте с ним осторожнее, он к нам приставлен от ГПУ». Макашина предупреждал об Эльсберге и ряд дру-гих известных персон, относившихся к высокой номенклатуре: «...В связи с мо-им сближением с Эльсбергом я получил несколько предупреждений держаться подальше от этого человека. О каких-то неясных, темных сторонах жизни и "деятельности" Эльсберга мне говорили и прямо и обиняком историк П. Пара-дизов, бывший в ту пору зам. главного редактора "Литературного наследства", старый большевик П.Н. Лепешинский... и В.И. Невский, директор Гос. библио-теки СССР им. В.И. Ленина» [Из мемуарных заметок..., 2002].

Некоторые завербованные писатели оказывали сопротивление, как, на-пример, сознательно расконспирировавший свою деятельность поэт И. При-блудный (Я. Овчаренко), поплатившийся за это осуждением и отправкой в ссылку. Ленинградский писатель В.М. Андреев был арестован в 1927 г. и ос-

вобожден без предъявления обвинения (возможно, тогда и был завербован). В 1937 г. он был исключен из Союза писателей, а 27 августа 1941 г. вторично арестован по обвинению в антисоветской деятельности, к которому следователи присоединили ст. 121 УК РСФСР, применявшуюся к расконспирировавшим свою негласную деятельность сексотам. В 1942 г. Андреев погиб от голода в Мариинской тюрьме УНКВД ЗСК [Куняев, 1995; Русская литература..., 2005. С. 77–78].

Насаждение единомыслия вело к изоляции от мировой науки и культуры. Цензура иностранных журналистов, препятствование знакомству с иностранной литературой даже ученых, преимущественное репрессирование тех, кто бывал за границей или контактировал с иностранцами способствовали провинциализации культуры и науки, воспитывая интеллигенцию в духе советского мессианизма. Запугиванию ученых послужил разгром «лузинщины» в 1936 г., вызванный публикацией известным математиком академиком Н.Н. Лузиным (в 1930 г. отказавшимся подписать обвинительное письмо ученых в связи с делом «Промпартии») научных трудов за рубежом (Правда. 1936. 10 июля; Ленинградская правда. 1936. 18 июля); [Дело академика..., 1999; Кликушин, Красильников, 1992]. Подобные акции привели к нарушению и прерыванию контактов с мировой наукой. В академических изданиях то и дело встречались погромные требования вроде: «Глубокое возмущение и негодование каждого честного человека вызывает абсолютная бездеятельность некоторых старых работников Академии Наук, с олимпийским спокойствием относившихся к фактам выявления в Академии Наук террористических групп и палец о палец не ударивших даже после разоблачения группы убийц для того, чтобы помочь очистить Академию Наук от остатков притаившихся и всячески маскирующихся троцкистско-зиновьевских фашистских гадов» (Вестник АН СССР. 1936. № 8–9). Органами НКВД в конце 1930-х – начале 1940-х гг. после многолетней и обстоятельной агентурной разработки были уничтожены академик Н.И. Вавилов и целый ряд выдающихся генетиков, обвиненных во вредительской и шпионской деятельности; такая же судьба постигла выдающихся физиков (М.П. Бронштейна) и многих других ученых.

Сталинская верхушка, подверженная постоянным приступам идеократической слепоты, то и дело давала политические заказы чекистам, которые те послушно отрабатывали, привнося в отчеты тенденциозную и прямо фальсифицированную информацию о врагах и заговорах. Сталин в письме В.Р. Менжинскому в 1930 г. по поводу дела «Промпартии» заявлял, что вопрос об отсрочке интервенции имеет для правительства СССР исключительное значение (Коммунист. 1990. № 11. С. 99). Таким образом, роль внешней разведки в мобилизационных кампаниях была также достаточно заметна: от придуманных с помощью агентов-авантюристов, чутко реагировавших на запросы своих кураторов из ИНО ОГПУ, мифических планов интервенций капиталистических держав, будораживших воображение вождей, до например, компрометации с помощью зарубежной агентуры академика Николая Вавилова. Так, ЭКО ОГПУ 28 июля 1932 г. сообщало резидентуре ИНО ОГПУ в США, что информация об экономисте министерства земледелия США О. Беккере и его контактах с Вавиловым очень важна в

плане ведущейся в ЭКО разработки на «к-р группировку с/х специалистов и профессуры – Вавилов и К^о, стремящуюся сорвать социалистическую реконструкцию сельского хозяйства и подчинить ее интересам Америки. Антисоветская фигура Беккера, его близость к министру земледелия... и президенту Гуверу, связь с высококвалифицированной антисоветской профессурой в СССР, наличие агентурных данных, говорящих о всемерном протезировании разрабатываемой нами группировкой американских интересов в СССР (кража высокоценных семян и пересылка в Америку), указывает на необходимость серьезной и углубленной разработки фигуры Беккера и его к-р и шпионских связей с группировкой академика Н.И. Вавилова. ...Мы ставим перед собой, с санкции зам. председателя ОГПУ т. Акулова, совершенно конкретную задачу – получение документов, фотокопий, личной переписки, неопровержимо подтверждающей к-р связь Вавилова с американскими с/х, правительственными и разведывательными учреждениями» (см.: [Haynes et al., 2009]; http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/White_Notebook_No.1).

Конец 1920-х гг. обозначил период интенсивного возвращения к военнo-коммунистическим методам руководства, роста государственного принуждения в целом. Например, пресловутое социалистическое соревнование пытались внедрять даже среди малышей [Социалистическое соревнование..., 1931]. Мобилизационная активность режима, приступившего к «Великому перелому», приобретает исключительную агрессивность и демонстрирует желание власти отвечать на любые вызовы прежде всего силовым образом. Интеллигенция протестовала против подобного нагнетания общественно-политической атмосферы: так, в конце 1928 г. в редакцию барнаульской газеты «Красный Алтай» поступило анонимное письмо, подписанное «Социалист»: «В каждом номере любой нашей газеты только и читаешь погромные статьи – дави кулака, жми буржуя, бей попа...» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 852. Л. 468). В опубликованных рассказах о газетной жизни конца 1920-х гг. их герой – корреспондент ленинградских многотиражек – открыто иронизировал над ОГПУ и пропагандистской работой журналистов: «Ну-с, куда мы сегодня направим ярость масс?» [Ульянский, 1931. С. 25].

При постоянном разгроме различных литературных и общественно-политических кружков чекисты опирались прежде всего на своих негласных помощников, хотя в ряде случаев они могли упустить добычу, которая либо оказывалась неразоблаченной, либо вскрывалась с помощью партийных инстанций. Поскольку журналисты, как и другие творческие работники, были сравнительно информированными людьми, многие из них не беспрекословно приспособлялись к идеологическому и цензурному гнету. Было сопротивление и принуждению делать редакции приютом для секретных работников ОГПУ. В 1928 г. редактор газеты «Кузбасс» Н. Житловский на одном из совещаний четко выразил отношение к использованию газеты для нужд политической полиции: «Как же работа с собкорами не будет слаба, когда наш платный сотрудник “Кузбасса” служит резидентом ГПУ и принимает сексотов ГПУ, что отрывает его от непосредственной работы». Житловского за расконспиривание тайного чекиста сняли с работы и объявили строгий партийный выговор [Кушникова и др., 1998. С. 19].

Одновременно с усилением нажима и чистками шло быстрое наращивание журналистских сил за счет районных газет, изданий политотделов МТС и совхозов, в результате чего власть не всегда успевала должным образом проконтролировать облик новых изданий. Идейная обработка масс со временем усиливалась, но сами профессиональные «обработчики», случалось, демонстрировали инакомыслие. Не только развитые читатели газет испытывали дискомфорт в связи с мертвящей идеологической заданностью советской прессы, росшей количественно, но деградировавшей морально и профессионально. Вынужденное двоемыслие работников печати, внутренние конфликты в связи с необходимостью выпускать погромные тексты в неряшливых агитационных газетках периодически вскрывались слежкой карательных структур и партийных активистов.

Так, 8 июля 1937 г. по докладу начальника управления НКВД С.Н. Миронова Запсибкрайком принял особое постановление о «контрреволюционном литературном кружке» в Троицком районе, организованном пятью годами ранее «праволевацкими уродами из контрреволюционного журнала "Настоящее"». Группа молодежи, в т. ч. комсомольской, сплотившаяся вокруг руководства районной газеты во главе с И.Ф. Сапруновым, обменивалась запрещенной литературой, сочиняла и записывала «антисоветский фольклор», вела «гнусные клеветнические разговоры против партии и советской власти» [Тепляков, 2009б. С. 220]. Члены кружка читали и разбирали изъятую к тому времени из обращения политическую и художественную литературу, писали на «антисоветские темы» стихи, куплеты, частушки, песни, зарисовки, рассказы и фельетоны, утверждали, что «мы не должны подпевать эпохе», что «писатель должен находиться вне времени и пространства». Кружковцам инкриминировалась клевета на вождей, политотделы МТС и совхозов, коллективизацию, стахановцев и Сталинскую конституцию. Чекистская агентура проворонила кружок, и о нем узнали с подачи партийных властей. У журналистов изъяли Библию, сочинения Троцкого, Бунина, Есенина и других авторов, три тетради «антисоветского фольклора и вульгарных анекдотов» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 840. Л. 53–54). Широкий состав кружка говорил о наличии заметных протестных настроений в общественно активной молодежной среде, далеко не сразу пресеченных органами НКВД. Ради получения и распространения свободной информации люди по-настоящему рисковали, и самиздат в 1930-е гг. был довольно широко распространен. Например, бюро Татарского райкома ВКП(б) Западно-Сибирского края отмечало, что в местном отделении Госбанка «в 1935 г. ...нашлись люди, которые ездили в Омск за получением контрреволюционных частушек и анекдотов» (Там же. Ф. П-82. Оп. 1. Д. 251. Л. 176).

Что же касается непосредственного участия тайной полиции в надзоре за печатным словом, то функции ее сводились прежде всего к профилактике. Для этого была создана агентурная сеть из штатных и внештатных помощников, внедряемых в творческие организации, издательства, редакции, типографии, студии, не говоря уже о собственно главлитовских органах. Решающее значение имело мнение госбезопасности при подборе и расстановке идеологических кадров. Не только каждый цензор, но и каждый редактор,

занимавший более или менее ответственную должность в издательствах, редакциях газет, журналов и т. д., проходил тщательную проверку на предмет «идейно-политического соответствия». В 1931 г. Главлит разослал по всем своим инстанциям секретную депешу, в которой требовалось «обратить внимание на необходимость усиления и заострения большей классовой бдительности». В ней подчеркивалось, что «последние постановления партии и правительства устанавливают партийную и уголовную ответственность за пропуск в печати антисоветских изданий или материалов, искажающих советскую действительность, а также за печатание сведений, носящих секретный характер». Арестам порой подвергались не только наборщики и корректоры, допустившие «контрреволюционную опечатку», но и цензоры, не обратившие на нее внимание при допуске в печать (см.: [Блюм, 2000]).

Террор опечаток – вечный дамоклов меч советских газетно-журнальных работников, ибо в самых раблепных формулах и приветствиях одна единственная искаженная или пропущенная буква, нарушенный порядок слов, стилистическая погрешность переворачивали смысл сказанного на прямо противоположный. Несмотря на все строгости, малограмотные газетные работники постоянно ошибались самыми дискредитирующими с точки зрения властей способами. Например, в газете «Красный Алтай» за год с небольшим прошел целый ряд опечаток «контрреволюционного» характера. В апреле 1936 г. газета заявила, что советское правительство «как никакое другое правительство в мире не умеет ценить работу людей». Стилистическая промашка в номере от 22 января 1937 г. дала такой результат: «Мы с чувством глубокой ненависти и презрения заслушали сообщение прокуратуры о раскрытии контрреволюционного антисоветского центра». А приветствие папанинцев Сталину 25 июля 1937 г. в варианте «Красного Алтая» гласило: «Вы лично указали план и средства и низменно продолжаете поддерживать полярников руководством и вниманием» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 853. Л. 140). Но и в краевой прессе бдительность была не на высоте. «Известия» 27 июня 1937 г. негодовали по поводу того, что передовица «Правды» от 22 мая «Защитники троцкистско-японо-германских шпионов и диверсантов» перепечатана в газете «Красноярский рабочий» с пропуском в заголовке слова «японо». Известинский автор восклицал: «Что это, как не услуга японским шпионам и диверсантам?»

Таким образом, в условиях мобилизационного натиска на культуру даже опечатки признавались опасными контрреволюционными выпадами. Топонимика также должна была следовать идеологии и воспитывать население «правильными», идеологическими выдержанными наименованиями. Для этого выявлялись неправильные – «неприличные» или религиозные – названия деревень (Грязиха, Жеребцово, Рождественское). Впрочем, имена домашних животных тоже контролировались чекистами, во избежание насмешек над вождями, поскольку крестьяне то и дело называли громкими фамилиями лошадей, коров и свиней, в чем, безусловно, проявлялось истинное отношение части сельского населения к руководителям страны (лошади Ворошилов, Киров и Сталин, свинья Крупская) (см.: Спецсообщение Енисейского РО УНКВД по Красноярскому краю от 25 января 1937 г. URL: <http://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/KK/370125.htm>).

Регулярно следили сотрудники госбезопасности за спецхранами крупнейших библиотек и особенно за правилами допуска к ним читателей. В ряде случаев читательские формуляры спецхранов (и не только спецхранов) служили для них ориентиром при агентурной разработке «антисоветски настроенных» исследователей: сам выбор ими книг определенной тематики или авторов служил материалом для обвинения в контрреволюционной деятельности. Агентура учитывала факты присылки «антисоветской» литературы советским гражданам, которые затем соответствующим образом «разрабатывались» и нередко подвергались репрессиям (см.: [Блум, 2000]).

Очень велика была роль чекистов в антирелигиозной борьбе, где их фактическими подчиненными являлись активисты Союза воинствующих безбожников (СВБ) – добровольные или завербованные агенты*. Правда, в большинстве районов и городов в 1930-е гг. отделения СВБ действовали формально и зачастую находились в состоянии распада. Часто чекистам, напротив, приходилось сдерживать порывы местных партийно-советских работников, которые самовольными закрытиями церквей и издевательствами над верующими вызвали в деревне волнения и даже восстания. Один из чекистов Одесской области вспоминал, что летом 1930 г. в Первомайском округе случилась «волынка» оскорбленного в религиозных чувствах сельского населения: «Там, после закрытия церкви, Нарсудья района ГОЙХМАН, Секретарь Райкома КП(б)У БЫКОВ и еще кто то из работников района, из поповских рясы и ризы пошили своим детям костюмчики. Это вызвало недовольство крестьян и это же послужило поводом к волынке. Оперативная группа Окротдела ГПУ в это село в действительности выезжала. Впоследствии здесь состоялся процесс (открытый) над работниками района», о чем сообщалось в одесских газетах (ОГА СБУ. Д. 43626. Т. 2. Л. 256). В мае 1934 г. заместитель начальника политотдела Авангардной МТС по комсомольской работе Семенов и учитель-комсомолец Ершов с четырьмя школьниками вскрыли в центре с. Лобино Краснозерского района ЗСК, у самой церкви, могилу священника, умершего в 1912 г., и забрали три серебряных креста общим весом около 500 гр. Сорвав с мумии одежду и нанеся ей несколько ударов железной палкой, Семенов приказал устроить над раскопанной могилой школьную уборную (председатель сельсовета данное указание отменил). За этой процедурой с возмущением наблюдало около сотни сельчан, среди которых сразу распространились и слухи, что политотделы в поисках золота будут раскапывать все «поповские могилы», и «контрреволюционная агитация». Семенов получил сначала партийный выговор, а потом – год исправительных работ по месту службы (ГАНУ. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 69. Л. 159–161).

В течение всех 1930-х гг. население активно отзывалось на слухи о чудесах. Когда в 1930 г. в Красноярском округе распространился слух «о падении с неба

---

* В начале 1934 г. один из руководителей СВБ Западно-Сибирского края говорил приятелю-чекисту, что с уполномоченным СПО полпредства ОГПУ А.О. Юрмазовым, курировавшим церковные дела, он по своей работе «связан органически, как секретарь Краевого Совета безбожников, бываю у него 2-3 раза в декаду». – Архив УФСБ НСО. Д. П-2265. Л. 41.

святого письма написанного золотыми буквами, в котором говорит[ся], что Соввласть скоро падет», в ряде сел отмечался «небывалый за последние годы прилив посетителей в церкви и массовое крещение детей до 10 лет» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 791. Л. 324, 324 об.), т. е. родившихся в 1920-е гг. и которых родители до того не торопились приобщать к религии. Города, даже самые крупные, реагировали на подобные сведения таким же образом, несмотря на все кампании террора: когда в 1938 г. в Новосибирске распространились слухи о том, что после проигрыша в грядущей войне и прихода власти «от господ бога» всех некрещеных детей будут убивать, то в течение короткого времени было совершено около 150 крещений (Архив УФСБ НСО. Ф. П-7520. Т. 1. Л.122, 7, 81, 203). Ни массированная антирелигиозная пропаганда, ни плотное заагентурирование клира и постоянные репрессии как против священнослужителей, так и активных верующих не смогли привнести в довоенное общество, особенно сельское, устойчивых атеистических традиций. Часть завербованного духовенства служила агентами исключительно формально, нередко с разрешения церковного начальства. Перепись 1937 г. показала, что 57 % населения СССР в условиях фактического антирелигиозного террора открыто записали себя верующими.

Постоянный характер носила борьба репрессивных практик и с шутовскими формами народных развлечений, которые повсеместно выливались в создание пародийных «организаций» с громкими названиями, с выборными органами и отчетами, в которых, по официальному образцу, делались цинично-откровенные доклады об алкогольно-хулиганских и эротических похождениях своих членов. Карнавальная архаизация развлечений накладывалась на привнесенные формы бюрократического распорядка, что порождало смешение низовой смеховой культуры с новым советским ритуалом. Фиксирование на бумаге списков участников организаций, наличие вожakov и планов выглядели в глазах чекистов не только дискредитацией власти (в составе организаций нередко оказывалась партийно-комсомольская молодежь и начальство невысокого уровня), но и опасностью зарождения на «платформе разложения» неких заговорщицких организаций (см.: [Rittersporn, 2003]). В любом случае попытки карнавализации жизни воспринимались властями как помеха мобилизационным решениям. Чекисты тщательно фиксировали пародийные формы общественной жизни, но, следует заметить, в своей среде допускали элементы ведомственной, инфернальной карнавализации, которая включала в себя как традиционные элементы карнавального снижения жизненных правил («Дачная коммуна» на даче виднейшего чиновника госбезопасности Г.И. Бокия, где среди его подчиненных царили пьяные оргии, перемежавшиеся пародийными церковными службами), так и специфически чекистские формы проявления черного юмора: широкое участие сотрудников ОГПУ–НКВД в допросах и казнях сопровождалось почти обязательными изощренными издевательствами над приговоренными к расстрелу: от жестоких избиений до принуждения к публичному сексу (см.: [Тепляков, 20136]).

Своеобразным ответом на всеохватывающую негласную работу по контролю обществу и уничтожению его гражданских структур было восприятие оппозиционно настроенными элементами некоторых конспиративных практик, причем, скорее всего, не столько с целью сознательного противостоя-

ния политике режима, сколько ради сохранения достигнутого уровня жизни и общественного положения. В ответ на огосударствление экономики быстро сформировалась экономика теневая, имевшая достаточный потенциал для гибкого реагирования на постоянно менявшиеся правила жизни в затягивавшемся железными обручами и бюрократически костенеющем советском обществе. Проверка в 1923 г. работы Российской железнодорожной миссии за границей во главе с Ю.В. Ломоносовым, имевшим мандат Ленина с правами наркома, отметила такой факт: «Личные осведомители Ломоносова получали жалование и другие виды оплаты из средств миссии» (см.: [Иголкин, 2004]). И подобные вещи, вероятно, не исчезли из советского обихода с уходом эпохи военно-коммунистической неразберихи.

Один из внимательных и проницательных наблюдателей советских реалий зафиксировал на допросе в 1933 г. такое явление, как тайные хищнические организации со своими перевербованными секретными агентами – так называемые компанейства – в городах и колхозах Украины, Донбасса, Северного Кавказа, закавказских республик. Эти конспиративные группы в 10–20 чел., связанные родственными, приятельскими или служебными отношениями с лозунгом «один за всех и все за одного», имели «в своем составе 1–2 “сексотов” по выбору, которые своими сводками, утверждаемыми всем компанейством, успешно дезориентируют ГПУ и укрепляют конспиративность построения организации». Основная деятельность подобных «компанейств» была ориентирована на хищения из государственных ресурсов, самоснабжение, подделку талонов и ордеров, захват «теплых местечек» в аппарате. При арестах члены «компанейств» пытались выручать своих людей, применяя все возможные меры: от поручительства до подкупа следователей. Однако отдельные «компанейства» выпускали рукописные, но иногда машинописные и гектографированные, листовки с надписями «прочел – передай другому», причем содержание таких прокламаций уже «затрагивало политические темы и будоражило общественные умы» [Соколов, 2012. С. 166–167, 229–230]. Наряду с подобными «компанействами» существовали и настоящие конспиративные политические кружки и организации, преимущественно молодежные, носившие обычно пропагандистский характер, часть которых никогда не была вскрыта властями.

Заключение

Подсоветское население достаточно активно сопротивлялось первым кампаниям мобилизации, поэтому большевики не сразу смогли объединить нацию вокруг великой цели социалистического строительства. История кризиса большевистской легитимности конца 1920-х гг. является важным аргументом для объяснения того, почему после 1927 г., когда коммунисты столкнулись с экономическими, политическими и социальными кризисами внутри страны и за рубежом, они отменили НЭП в пользу репрессивных и диктаторских методов (см.: [Velikanova, 2013]). Отторжение советской политики, полное или частичное, у значительной части общества было также ответом на силовое заагентурирование активного населения и провокационное использование негласных сотрудников госбезопасности.

Осуществление конспиративной деятельности советской тайной полиции шло как с огромным размахом, так и с привычным для системы всеобщим очковтирательством. Чекисты старались ловчить, оставлять себе побольше свободного времени, поскольку агентурно-следственная нагрузка была очень велика, а помимо арестов, следствия и расстрелов им приходилось отвлекаться на выполнение разных партийно-хозяйственных поручений. Постоянные провалы агентурной работы объективно мешали полицейской деятельности ОГПУ–НКВД и позволяли избегать преследований многим нелояльным лицам, критиковавшим власть и даже подчас состоявшим в реальных нелегальных организациях; также в 1920–1930-х гг. весьма проницаемыми были и государственные границы СССР, и охрана системы лагерей и политической ссылки. То и дело оставались без реагирования многие факты бесхозяйственности, халатности, крупных хищений и коррупции, столь свойственных советской экономической сфере. Но колоссальный размах агентурной сети предоставлял широкие возможности фабриковать политические (а также и общеуголовные) дела на всех нелояльных и подозрительных лиц, что обуславливало огромный размах репрессий, сопровождавших все мобилизационные кампании сталинского времени.

Высочайшая степень заагентурности активных слоев общества, достигнутая уже в начале 1920-х гг., являлась уникальной в истории страны и давала спецслужбам исключительные возможности. Благодаря наличию агентуры среди высокопоставленных чиновников и слежке за ними с помощью гласных и негласных сотрудников ОГПУ–НКВД чекистское руководство имело возможность как получать уникальную информацию о положении дел во властных структурах, так и лоббировать свои ведомственные интересы: нагнетая сведения о внутренних и внешних угрозах, они могли претендовать на благоприятное разрешение собственных кадровых и материально-бытовых вопросов. Заметна была роль негласной агентуры в проведении акций за рубежом – от пропагандистских и дезинформационных (например, для дискредитации противника, как в случае с перебежчиком А. Опперпудом, вызвавшим своей изменой в 1927 г. досрочное прекращение широкой дезинформационно-провокационной операции «Трест», в которой были задействованы десятки агентов, в ответ на что ОГПУ организовало в эмигрантской прессе травлю Опперпуда (см.: [Флейшман, 2003])) до диверсионных и террористических, когда рядом с негласными чекистскими помощниками нередко действовала агентура военной разведки и Коминтерна.

Благодаря широчайшему присутствию агентуры во всех стратах общества органы ОГПУ–НКВД имели огромное влияние и действовали зачастую в ведомственных интересах, представляя себя необходимым элементом системы административно-командного управления. Обширная информация органов госбезопасности, в т. ч. крайне пристрастная либо совершенно необъективная (о повсеместном вредительстве, о перманентном создании и деятельности тысяч повстанческих, шпионско-диверсионных и террористических организаций, о вот-вот должной начаться интервенции ведущих европейских держав и Японии, о широком иностранном шпионаже) напрямую влияла на принятие важнейших государственных инициатив. Сам принцип реализации решений в рамках ко-

мандно-административной системы, выражавшийся в росте и бюрократизации управленческого аппарата, в номенклатурном характере управления, разбалансированного из-за кадровых несовершенств, приводил к затуханию модернизационных импульсов от Центра к местным органам власти, к формализации процесса и искажению поставленных задач. Искаженная по тем же причинам информация, поступающая в органы власти с мест, еще больше увеличивала разрыв между принятыми решениями и реальным их осуществлением.

Создание многочисленных антигосударственных фантомных заговоров также являлось формой мобилизации через прямые репрессии, порождаемый ими страх оказаться жертвой чекистов и воспитание психологии «осажденной крепости». Заговоры различных окрасок создавались самими органами ОГПУ–НКВД в организованном порядке на плановой основе, нередко под руководством (или при полной снисходительности) высоких партийных структур. И в официальном политическом сознании наряду с реальностью много лет существовала фантасмагорическая сторона, определявшаяся именно постоянной фабрикацией многочисленных «контрреволюционных организаций», вредоносная деятельность которых объясняла многие провалы. Эта сторона деятельности тайной полиции являлась важной составной частью общего механизма сворачивания гражданского общества в СССР и внедрения в него самых архаических пластов [Саран, 2011. С. 354].

Все сказанное нами выше относится не только к чисто академической рефлексии. Следует отметить также, что активнейшее участие конспиративной агентуры госбезопасности в мобилизационных практиках не исчерпывается сталинским периодом, а также, помимо СССР, хорошо прослеживается в функционировании других коммунистических режимов. Насколько известно, среди европейских соцстран наиболее пронизанной агентурой являлась ГДР; среди азиатских – являлись и являются КНР и КНДР. В современной России опыт мобилизаций имеет меньшее значение, чем во времена СССР, но хорошо видно, что он, особенно с 2000-х гг., постоянно применяется в агитационно-пропагандистских кампаниях при решении электоральных проблем. Учитывая наличие целого ряда спецслужб, осуществляющих негласную работу на законном основании, можно предполагать значительную роль многочисленной негласной агентуры в обслуживании идеологических и иных потребностей современного политического режима.

Раздел 4

ИДЕОЛОГО-ПРОПАГАНДИСТСКИЕ КАМПАНИИ И ПРАКТИКИ

Л.И. Сосковец

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА В 1920–1930-е годы

Институциональные основы

Среди множества задач, которые необходимо было решить большевистской партии и советскому социалистическому государству, одной из сложнейших оказалось безрелигиозное (в идеале – атеистическое) воспитание населения. Эта цель органически вытекала из идейно-программных установок ВКП(б) по созданию нового типа общества (атеистического), государства (идеократического) и грандиозного социокультурного и политического проекта по формированию нового человека. На реализацию данных целей затрачивались колоссальные усилия и ресурсы. Поскольку лучшим средством достижения стратегических и тактических целей для ВКП(б) и установленного ею политического режима являлись массовые мобилизации, то и антирелигиозное направление деятельности не стало исключением.

В созданной мобилизационной системе антирелигиозные практики всегда занимали ведущее место. Во-первых, они осуществлялись в форме практически перманентных кампаний и им были присущи все видовые черты и характеристики социальных мобилизаций. Во-вторых, антирелигиозные акции служили целям и работали на результат большинства других социальных мобилизаций. Знаменитая максима: «Борьба против религии – борьба за социализм», авторство которой одни приписывают Ем. Ярославскому, а другие – Л.Д. Троцкому, как нельзя лучше отражает это качество антирелигиозных социальных мобилизаций (далее – АСМ). Особенностью антирелигиозной работы был ее практически непрерывный характер, в то время как большинство других социальных мобилизаций (экспроприация, индустриализация, коллективизация и т. д.) ограничивались временными рамками. Целевой аудиторией антирелигиозного воздействия, по сути, стало все общество, все его слои и группы, в отличие от выборочного объекта воздействия большинства других мобилизаций («белогвардейцы», «контрреволюционеры», «нэпманы», «кулаки» и др.). Значителен был и перечень субъектов антирелигиозных социальных мобилизаций, в него входили не только партия, правительство и государственные структуры (НКВД, органы безопасности), но и практически большинство общественных организаций, все средства массовой информации, учреждения образования и

воспитания, просвещения, научные, культурно-развлекательные, досуговые и зрелищные и другие учреждения.

Система социальных мобилизаций антирелигиозного направления, созданная и функционировавшая в советском государстве, представляла собой сложную, многосоставную совокупность институтов и организаций, целей, норм и принципов, связей и отношений, идейно-теоретических установок и ценностей, конкретных исторических практик. В своем становлении и развитии АСМ прошли ряд этапов, каждый из которых определялся общей политической линией партии и государства, конкретными обстоятельствами времени, включая внешнеполитические, расстановкой сил в партийно-государственном активе и их видением проблемы, а также первоочередностью задач, которые эти мобилизации были призваны решить. Соответственно этому менялись и тактические установки по проведению АСМ. Так, в первые послереволюционные годы основной удар наносился по РПЦ. Именно ее власть позиционировала как своего главного религиозного противника, одну из наиболее опасных контрреволюционных сил. Натиск, например, на мусульманские организации или на т. н. сектантские был в это время не столь очевидным. В случае с верующими в ислам боялись неосторожно затронуть болезненный национальный вопрос. В сектантах же видели тех, кто страдал при самодержавном правлении, при этом учитывалась по преимуществу крестьянская масса среди верующих-сектантов. Тем не менее, и в это время основные антирелигиозные мероприятия затрагивали и мусульман, и сектантов, и верующих других конфессий. Но уже с середины 1920-х гг., особенно в связи с подготовкой, а затем и проведением коллективизации, партия и советское государство серьезно «взялись» и за них. Было признано необходимым отказаться от сформированных до революции взглядов на верующих-сектантов как на трудовую демократическую массу, поскольку теперь они составляли часть зажиточного крестьянства, предназначенного государством к ликвидации.

Сразу же после революционных событий 1917 г. начался процесс становления институтов, определявших и проводивших религиозно-церковную политику, вырабатывались и апробировались функции каждого задействованного в ней звена, формулировались ближайшие, долгосрочные и конечные цели политики, отрабатывались ее конкретные инструменты.

Идейно-теоретическую основу АСМ составляли атеистические взгляды и теоретические представления основоположников марксизма, комплекс ленинских оценок религии и церкви, соответствующие разделы большевистских программ и других партийно-государственных документов, касавшихся религиозного вопроса. Еще задолго до прихода к власти руководитель и основной идеолог большевистской партии В.И. Ленин определил несколько фундаментальных принципов, которыми партийная власть должна была руководствоваться во взглядах и практической политике по отношению к религиям, церквам и верующим. Под влиянием общеевропейской тенденции к секуляризации общественной жизни партия провозглашала поддержку идеи отделения церкви от государства и школы от церкви. «Не должно быть никакой «господствующей» веры или церкви. Все веры, все церкви должны быть равны перед законом...», государство из

казенных денег не должно поддерживать ни одной веры...» [Ленин. Т. 7. С. 173].

Стоя же на позиции, что религия – «опиум народа», партия отказывалась быть нейтральной к религии и заявляла о борьбе с ней. Декларируя, что религия является частным делом по отношению к государству (как оказалось, только к буржуазному), а не к марксистской партии, последняя изначально позиционировала себя как антирелигиозную и антицерковную силу [Ленин. Т. 17. С. 417]. Придя к власти и подменив власть государства властью партии, большевики не считали отныне религию частным делом по отношению к социалистическому государству. В области практической политики ими был взят и последовательно реализовывался курс на искоренение религии и веры любыми способами, на ликвидацию всех религиозных организаций.

О важности для большевиков вопроса об отношении к церкви и религии свидетельствует то, что одним из первых их законодательных установлений стал Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. Будучи «по букве» прогрессивным правовым актом, декрет в реальной жизни советского государства подвергся значительному искажению, и в целом оказалось, что он принимался не столько с целью предоставить гражданам России подлинную свободу совести, сколько для того, чтобы максимально подорвать позиции церкви в государстве, ибо изначально Советы видели в ней основного соперника в деле влияния на массы и общественное сознание [Черемных, 1996. С. 7].

Тем не менее, декрет выглядел вполне либерально: он объявлял о равенстве всех религий, о предоставлении свободы совести, которую трактовал как право человека исповедовать любую религию, либо не исповедовать никакой. Не заявлялось в декрете и об обязательном атеистическом воспитании населения. Данный декрет стал фундаментом, на котором базировалось все т. н. советское законодательство о религиозных культах. При этом каждый последующий правовой акт выхолащивал либеральное содержание декрета, ужесточая условия осуществления вероисповедной жизни в стране и сужая пределы легального существования религиозных объединений. Некоторое исключение, по-видимому, составляла лишь первая советская Конституция 1918 г., которая предусматривала для трудящихся возможность, наряду с пропагандой атеистических взглядов, распространять и религиозные тем, кто их исповедовал.

Реальная же постреволюционная практика, сложная ситуация по удержанию захваченной власти, активное сопротивление большевистскому режиму разных общественно-политических сил, включая церковные, абсолютная некомпетентность и революционное нетерпение местных властей привели к тому, что в ходе реализации декрета об отделении церкви все его либеральные положения и заявления стали резко искажаться. Уже в декабре 1918 г. в Циркуляре по вопросу об отделении церкви от государства Наркомата юстиции признавались следующие, повсеместно допускавшиеся на местах, «ошибки» и «перегибы»: необоснованное закрытие церквей, изъятие церковных атрибутов, в т. ч. для «революционных целей» (перешивание на флаги), некорректное поведение при обысках в храмах, подчеркнуто демонстративное удаление икон из общественных мест, сопровождавшееся «ненужными выпадами», привлечение служителей

культу к трудовой повинности по уборке улиц и площадей, запрещение верующим проводить добровольные складчины и т. п. (см.: [О религии и церкви..., 1981. С. 114–116]). Но, как оказалось, данные ошибки и перегибы не только не исправлялись, а принимали постоянный и повсеместный характер, становясь основным содержанием антирелигиозных мобилизаций. И это несмотря на то, что практически в каждом постановлении партии и правительства подчеркивались недопустимость в ходе проведения антирелигиозных мероприятий оскорбления чувств верующих и необходимость использовать воспитательные, а не административные приемы, и т. п.

Среди законодательных установлений, вызвавших положительный для новой власти мобилизационный эффект, был Декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», принятый СНК РСФСР в январе 1919 г. На этот документ положительно отреагировали представители многих конфессий, чьи догматические установки отрицали возможность брать в руки оружие. Это представители русского сектантства – молокане, духоборы, нетовцы, трезвенники, а также протестанты – евангелисты, меннониты, адвентисты, баптисты. Верующие данных и некоторых других конфессий, кстати, с одобрением восприняли и основной правовой акт советской власти в религиозном вопросе – декрет от 23 января 1918 г., который впервые в истории российского государства уравнивал их в правах с РПЦ.

Таким образом, в системе антирелигиозных мобилизаций большевики сочетали различные мероприятия. Часть из них была призвана привлечь верующих и неверующих на сторону власти, другие носили чисто «борьбистский» характер, т. е. проводились с целью обозначить врага и натравить на него отдельные группы населения. Одни АСМ были направлены на отрицание и борьбу со старым (вера, традиции, обряды, ритуалы), другие – на формирование нового (мировоззрение, традиции, сознание, ритуал). При этом большевики охотно заимствовали многие приемы и методы, характерные для религиозно-церковных практик. Стал хрестоматийным такой сравнительный ряд: иконы заменили портретами вождей, хоругви – революционными знаменами, крестные ходы – демонстрациями и т. д. Появились потом даже свои «святые мощи».

Помимо декрета 1918 г., еще одним системным документом, регулировавшим жизнедеятельность религиозных организаций в стране, государственно-церковные отношения и оказавшим существенное влияние на АСМ, было постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Его положениями законодательно закреплялся ряд конкретных запретов для религиозных организаций: иметь кассы взаимопомощи, заниматься благотворительностью, создавать кооперативы, производственные объединения, оказывать своим членам материальную поддержку, проводить детские, юношеские и женские молитвенные собрания, вообще заниматься катехизаторской деятельностью и др. Иными словами, отныне область легального существования религиозных общин и руководящих структур конфессий резко сокращалась.

В постановлении впервые декларировалась возможность установления внесудебной административной ответственности верующих, священнослужителей, руководителей религиозных организаций, а также должностных лиц

перед государством. Все это давало дополнительный повод антирелигиозникам для организации и осуществления мобилизационных кампаний против церкви и других религиозных объединений, добиваясь их дискредитации и ликвидации и обосновывая данную борьбу стремлением заставить верующих соблюдать советское законодательство о культах [Русская православная церковь..., 1995. Кн. 1].

Постановление ВЦИК и СНК 1929 г. и сопутствующие ему документы, регламентировавшие процедуру регистрации религиозных общин, определяли критерии положения религиозных организаций в стране: их легальность, т. е. право (пусть и сильно ограниченное) на существование, или нелегальность, т. е. не разрешенные к существованию. Последний критерий требовал более решительной и конкретной борьбы по их уничтожению. Антирелигиозные мобилизации по отношению к таким общинам всех конфессий (а их оказалось большинство) тем самым легитимировались и приобретали статус узаконенных действий и мероприятий. Процесс закрытия молитвенных домов, начавшийся в первые годы существования советской власти, с этого времени принял обвальный характер. Тем более что в 1929 г. решением XIV съезда Советов РСФСР из ст. 4 Конституции было исключено упоминание о религиозной пропаганде. Таким образом, хрупкий конституционный баланс между атеизмом и религиозной верой населения де-юре был нарушен в пользу атеизма, принявшего к этому времени воинствующий характер (де-факто это произошло практически сразу после возникновения социалистического государства). Конституция СССР 1936 г. (ст. 124) признавала за всеми гражданами свободу антирелигиозной пропаганды и свободу отправления религиозных культов. Указание на возможность распространять религиозные взгляды в основном законе государства отсутствовало.

За годы советской власти, а по сути уже к 1920-м гг., был создан отлаженный механизм контроля, преследования и подавления государством религиозных организаций. С первых послереволюционных лет начала складываться система государственного управления религиозной сферой жизни общества. При этом государство, отделив церковь, оставило неограниченное для себя право вмешательства во внутренние дела религиозных конфессий, вплоть до того, что брало на себя ряд чисто внутрицерковных функций.

Для регулирования и контроля государственно-церковных отношений декретом СНК (май 1918 г.) при Наркомате юстиции был создан VIII (впоследствии V, «ликвидационный») отдел по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства под руководством П.А. Красикова. В 1924 г. при ВЦИК была создана Комиссия по вопросам религиозных культов, получившая в 1929 г. статус Постоянной комиссии при ВЦИК. При губернских областных и городских советах создавались аналогичные комиссии. Они должны были регулировать отношения между государством и религиозными организациями, направлять деятельность местных советов в «религиозном вопросе», разрешать споры между ними и религиозными организациями, рассматривать жалобы и др. С 1934 по 1938 г. действовала с аналогичными функциями Постоянная культовая комиссия при ЦИК СССР.

Хотя перечисленные Комиссии являлись высшими государственными инстан-

циями в деле регулирования религиозно-церковной жизни, они все-таки были «вторичными», исполнителями «высшей воли» в религиозном вопросе. Основная роль в принятии всех важнейших решений в этой сфере, в определении общей линии в государственно-церковных отношениях и даже в разработке важнейших мероприятий принадлежала Оргбюро, Политбюро ЦК и руководимой ими Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б), просуществовавшей официально с 1922 по 1929 г.

Существенную (если не решающую) роль в подавлении и уничтожении религиозных организаций играли карательные органы советского государства. VI отдел ОГПУ был специально создан для борьбы с церковной контрреволюцией. ОГПУ и затем НКВД осуществляли общий надзор за деятельностью религиозных объединений, их регистрацию, включая уставы, контролировали проведение в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», выдавали разрешения на проведение съездов, отслеживали политическую (и не только) сторону жизни органов управления конфессиями и священнослужителей. Самой же главной работой для этого подразделения НКВД стало осуществление репрессивно-карательных мер в отношении духовенства и верующих. Но и использование провокаций было в ходу у спецорганов. В 1920-е гг., например, они довольно успешно осуществляли мероприятия, направленные на раскол церквей, создание внутри религиозных объединений различных течений, формирование двух или более руководящих центров. Цель подобных мероприятий была проста: ослабить внутреннее единство конфессии, рассорить между собой ее руководство, ослабить тем самым организационно и вызвать разочарование простых верующих. Самой удачной операций в этом направлении стал раскол в РПЦ на сторонников линии патриарха Тихона и «обновленцев». Общеизвестно также, что подготовленная в недрах ОГПУ Декларация митрополита Сергия (1927 г.) о признании церковью советской власти и демонстрации лояльности к ней также вызвала внутренний раскол в РПЦ. Но не только РПЦ была жертвой политики, направленной на внутреннюю дезорганизацию религиозного объединения. Возникали и конфликтовали различные руководящие центры у мусульман, баптистов, евангельских христиан и в других конфессиях (см.: [Крапивин, 1997. С. 144, 177]).

Помимо ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД печально знаменитую славу оголтелых антирелигиозников снискали себе две крупнейшие общественно-политические организации советского государства: комсомол и Союз безбожников, явившихся по сути ударной силой АСМ.

Созданный в 1925 г. Союз безбожников (переименованный в 1929 г. в Союз воинствующих безбожников (СВБ)), был одной из самых массовых общественных организаций в СССР. К 1936 г. его численный состав достигал свыше 5 млн членов; в отрядах юных безбожников насчитывалось свыше 2 млн детей и подростков. Ячейки СВБ, а их было около 50 тыс., действовали повсюду: на предприятиях, в учебных заведениях, колхозах. Создавались т. н. безбожные школы, пионерские отряды, бригады и др.

Для многих антирелигиозников их деятельность превратилась в работу, в профессию. Выступая на юбилейном для Союза воинствующих безбожников

мероприятии в феврале 1936 г., Ем. Ярославский пафосно заявил: «Мы гордимся тем, что очищаем нашу прекрасную социалистическую родину от плесени и суеверия, от невежества и дурмана, от сивухи, которые являлись религией, ибо мы уверены в том, что сумеем очистить всю землю от этой скверны и плесени» (см.: [Никольская, 2003. С. 101]).

Совершенно одиозной фигурой в деле организации антирелигиозных мобилизаций стал Ем. Ярославский, неумоимо и фанатично «воевавший» на антирелигиозном фронте с первых лет советской власти и до своей кончины. Автор большого количества публикаций, известный оратор, разработчик и исполнитель большинства антирелигиозных кампаний, неизменный руководитель Союза воинствующих безбожников, прозванный в партийно-государственных кругах за свою борьбу «советским попом». Такое прозвище было дано не случайно, оно не только выражало оценку его вклада в дело борьбы за материализм и атеизм, но и указывало на цель такой работы Ярославского – замена религиозного сознания населения коммунистическим. Кстати, другого, не менее одиозного, антирелигиозника 1920–1930-х гг. – Е. Тучкова также звали «главпопом» и «игуменом».

За 15 лет своей неумоимой деятельности СВБ издал 1 700 наименований антирелигиозной литературы, а вместе со статьями в периодике – 4 тыс. Союз выпускал 14 антирелигиозных журналов и газет на языках народов СССР. Тиражи основных изданий Союза – газеты «Безбожник» и журналов «Безбожник» и «Антирелигиозник» – были колоссальными. СВБ курировал 80 музеев. Антирелигиозной учебой только в 1929–1930 гг. был охвачен миллион слушателей. На собранные средства по инициативе Союза были построены аэроплан «Безбожник», подводная лодка «Воинствующий безбожник», тракторная колонна [Крапивин, 1997. С. 195].

Но не всегда неустанная работа СВБ получала позитивную оценку кураторов из партийных органов. И не потому, что те не одобряли методы антирелигиозных кампаний Союза, а потому, что, несмотря на значительный масштаб, антирелигиозная пропаганда не приносила партии и государству желаемого результата. Об этом свидетельствовали и итоги переписи населения 1937 г. Партия сочла работу СВБ недостаточно эффективной, его состав был подвергнут чистке, в т. ч. репрессиям.

Не менее оголтелой и провокативной в антирелигиозных мобилизациях была деятельность коммунистического союза молодежи, верного подручного партии. Именно комсомольцы организовывали и проводили в наиболее оскорбительной для верующих форме свои антирелигиозные и антицерковные мероприятия: всякого рода антирелигиозные карнавалы, демонстрации, разоблачительные диспуты, политсуды и пр. На комсомольских собраниях нередко принимались такие резолюции и постановления: «Мы, заводская молодежь..., организованная в ячейку комсомола, будем сторониться церковно-религиозного дурмана» или «...не верить ни в царство небесное, ни в ад, ни в бога, ни в черта» [Козлов, 2011. С. 88]. И хотя партия время от времени «одергивала» и поправляла комсомол, на самом деле воинствующий атеизм и антирелигиозный фанатизм союзной молодежи были очень важны для нее: они показывали, что у

религиозной веры нет будущего, поскольку молодые отвергают ее.

В истории АСМ можно выделить несколько основных этапов, критерием для которых выступают разные основания: широта, интенсивность и конкретные цели кампаний, объекты их воздействия, обусловленность текущими политическими процессами и др. Так, Х.Ш. Улина [2009] в атеистическом движении в СССР рассматриваемого периода выделяет два этапа: стихийного и «организованного» антиклерикализма первых лет советской власти; вульгарно-экстремистского (воинствующего) атеизма 1920–1930-х гг.

Большая часть исследователей периодизирует АСМ в соответствии с основными этапами советской истории, что позволяет лучше понять причины применения тех или иных антирелигиозных практик именно в тот или иной период, тактические соображения, которыми они определялись, и как они вписывались в общегосударственную политику.

Считается, что в первые послеоктябрьские годы большевистское государство осуществляло «красногвардейскую атаку» на религиозные организации и в первую очередь на РПЦ, резонно усматривая в ней не только идеологического, но и политического противника. В рамках этой атаки осуществлялся подрыв экономической базы церкви, расшатывались ее институциональные и организационные основы, предпринимались меры по запугиванию духовенства и верующих, в т. ч. репрессивными методами, включая аресты и расстрелы.

Одними из первых мощных мобилизационных антирелигиозных кампаний явились мероприятия по «вскрытию святых мощей» и изъятию церковных ценностей. Это были целенаправленные акции по ослаблению церкви, разрушению их авторитета. Обнаруженные во время кампании по вскрытию мощей (первое такое мероприятие состоялось в октябре 1918 г.) факты подлога (когда вместо останков «святых» находили какие-либо другие предметы) дали антирелигиозникам бесценные основания для обвинения церкви во лжи и обмане. Не случайно В.И. Ленин рекомендовал фиксировать процедуру вскрытия на пленку, а затем показывать кадры кинохроники, чтобы трудящиеся убедились, как их дурачила церковь. Насколько сильно власти рассчитывали на разоблачительный эффект кампании по вскрытию мощей, свидетельствовало заявление куратора этой «операции» – VIII отдела НКЮ: «Вскрытие мощей повсюду на местах произвело религиозный перелом даже в наиболее темной и умственно отсталой части нашего крестьянства» (см.: [Бакаев, 2002. С. 51]).

Понятно, что до действительного перелома в сознании было все-таки очень далеко, поэтому партия неутомимо осуществляла все новые и новые антирелигиозные и антицерковные мероприятия. Да и само «вскрытие мощей» стало поводом, определенным обоснованием еще одной антицерковной акции: массового закрытия и ликвидации монастырей – важнейшего и неотъемлемого атрибута православной церкви. Считалось, что монастыри и их братии являются организованными «гнездами» контрреволюции. Закрывая монастыри, власти разрушали устоявшуюся веками организацию церкви, основательно подрывали институт монашества, одновременно получая в пользование монастырское имущество и, конечно, монастырские земли.

2 января 1922 г. ВЦИК издал Декрет «Об изъятии церковных ценностей на

нужды голодающих». Появление данного документа означало радикализацию отношения советского государства к церкви, потому что он носил явно провокационный характер, т. к. религиозные организации уже активно участвовали в сборе средств для охваченных голодом регионов. Данная мобилизационная кампания, на первый взгляд, имела в основе чисто экономические цели, но и предполагала масштабную пропагандистскую акцию по разоблачению церкви и духовенства как не желавших помочь народу в страшный период голода и разрухи. Возможно, вторая составляющая этой кампании была не менее значима, чем простая и ставшая к 1922 г. привычной процедура экспроприации чужой собственности.

Но и экономический мобилизационный эффект изъятия церковного «богатства» был поразительный. Изъятие сопровождалось масштабной разоблачительной кампанией в отношении церкви (а изымали подходящие ценности у всех церквей), накопивших в результате тысячелетнего обмана трудящихся несметные богатства и не желавших добровольно поделиться малейшей толикой их. В ходе кампании по изъятию церковных ценностей помимо активного пропагандистского обеспечения и сопровождения использовался еще один прием антирелигиозной борьбы, ставший на долгие годы неизменным: репрессии, вплоть до физического уничтожения тех, кто мог помешать проведению АСМ.

Своеобразным программным документом, раскрывающим истинную суть политики большевиков в религиозном вопросе, стало печально знаменитое письмо В.И. Ленина от 19 марта 1922 г., адресованное В.М. Молотову для членов Политбюро. Затрагивая проблему голода и изъятия церковных ценностей, Ленин призывал без суда и следствия расстреливать священнослужителей (как можно в большом количестве) как ярых контрреволюционеров.

Следующий период осуществления антирелигиозных мобилизаций пришелся на годы новой экономической политики. Решая задачу по удержанию власти через расширение своей социальной базы, большевики вынуждены были пойти на некоторую либерализацию основ организации экономической жизни и послабления мелким собственникам, прежде всего крестьянам. В таких условиях кавалерийские наскоки на религиозные организации могли быть политически вредны, поэтому партия и государство сосредоточили внимание на расширении пропагандистской работы, надеясь с помощью материалистического просвещения, агитационно-пропагандистских усилий воздействовать на сознание верующих. Не случайно в 1925 г. создается Союз безбожников. Его появление инициировалось партией, которая полагала, что организационное оформление антирелигиозного движения приведет к переходу от кустарщины и кампанийщины к систематической, правильно направляемой антирелигиозной работе. Формировался, таким образом, единый антирелигиозный фронт, в котором помимо партии, комсомола, государственных учреждений участвовали и широкие массы многонационального и беспартийного рабоче-крестьянского актива [Крапивин, 1997. С. 182]. Именно в данный период часто раздавались предупреждения против административных перегибов в антирелигиозной работе. Правда, в реальной практике их не удавалось (поскольку и не хотелось) избегать. Тем более что период «религиозного нэпа» завершился вместе со

сворачиванием новой экономической политики в целом.

Новый интенсивный натиск на религиозные организации был инициирован и подогрет лично И.В. Сталиным, который начиная с выступления на XV съезде неодобрительно высказался затем несколько раз по поводу ослабления антирелигиозной работы и необходимости более решительно продолжить и завершить начатое после октября 1917 г. дело по ликвидации религии и церкви. После выдвижения Сталиным на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) концепции обострения классовой борьбы по мере успехов в социалистическом строительстве отношения к с религиозными организациями вступили в очередную фазу обострения. В феврале 1929 г., развивая мысль Сталина, ЦК ВКП(б) подготовил письмо за подписью Л. Кагановича «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В нем религиозные организации объявлялись силой, противодействующей советской власти и использующей свое влияние на массы для ее дискредитации, наносящей урон делу социализма, а церковные советы, митавалиаты, синагогальные общества и др. организации и структуры – легально действующими контрреволюционными организациями. Главный антирелигиозник страны Ем. Ярославский не преминул высказаться по этому поводу еще откровеннее: «...одним из убежищ, одним из прикрытий для крестьянина, который не хочет в колхоз... остается религиозная организация с гигантским аппаратом, полтора-два миллионами активом попов, раввинов, мулл, благовестников, проповедников всякого рода, монахов и монашек, шаманов и колдунов и т. п. В активе этом состоит вся махровая контрреволюция, еще не попавшая в Соловки, еще притаившаяся в складках огромного тела СССР, паразитирующая на этом теле» (Правда. 1929. 1 мая). Это была команда на осуществление репрессий, сокращения численности религиозных объединений, закрытие молитвенных зданий.

Комплекс мероприятий по ограничению жизнедеятельности религиозных объединений в этот период был практически всеобъемлющим. Антирелигиозная комиссия ЦК ВКП(б) приняла решение проводить религиозные съезды не чаще одного раза в три года, а не ежегодно, как ранее. Намечалось сократить в 2 раза тираж религиозной периодики. Госиздату рекомендовали не печатать «мистику» и литературу с религиозными сюжетами. Комитет по делам печати должен был прекратить снабжать бумагой религиозные издательства. Кооперативным производствам запрещалось изготавливать религиозную атрибутику. НКВД отныне отказывало религиозным организациям в праве аренды жилых и торговых муниципальных помещений и т. д. [Крапивин, 1997. С. 189].

Именно в период создания колхозов и проведения «раскулачивания» заметно активизировалась работа по закрытию молитвенных зданий, приняв массовый характер. Причинно-следственная связь этих процессов очевидна. В колхозной деревне не должно быть храма. Советский колхозник не нуждался в помощи бога и тем более попа. В церковных советах сконцентрированы силы, сопротивляющиеся колхозному делу. Священник – идейный вдохновитель кулацкого саботажа. Церковное имущество, равно как и само помещение церкви – хорошее подспорье в формировании материальной базы колхоза.

При этом власть не забывала легитимировать кампанию по закрытию

церквей, заручаясь поддержкой местного населения. Решение о закрытии церкви, как правило, принималось на сельских сходах и общих собраниях большинством голосов. Запуганные к этому времени верующие обычно оказывались в меньшинстве и их возражения в расчет не принимались. При этом процедура закрытия церквей в период коллективизации осуществлялась в нарушение законодательных установлений, которыми запрещалось принимать решения о закрытии молитвенных домов на массовых сходах при участии неверующей части населения. Даже известное постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» предписывало «решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения» [КПСС в резолюциях..., 1984. Т. 5. С. 103–104]. Правда, дело в основном было уже сделано, и не только в деревне.

Здесь уместно отметить, что вообще мероприятия по закрытию молитвенных зданий (церквей, часовен, мечетей, синагог, костелов, молитвенных домов) относились к числу основных антирелигиозных практик, имевших место в 1920–1930-е гг. Это были как единичные действия, так и осуществляемые в ходе массовых кампаний (например, коллективизации). Данные мероприятия чаще всего имели мобилизационный характер и обставлялись именно так, чтобы привлечь больше внимания и обеспечить антирелигиозный и антицерковный эффект. Отобранные у верующих здания передавались на различные государственные нужды, при этом подчеркивалось, что эти нужды соответствуют чаяниям всех трудящихся, тогда как отправление в них религиозных обрядов служит интересам (по преимуществу корыстным) духовенства. Так, изъятая у верующих Новосибирска Кладбищенская церковь была передана под Дом народного творчества, Казанскую церковь отдали под студию художников, правда, там хранилось зерно. Закрытый в 1938 г. Новосибирский Собор заняли склады Союзнивермага, Покровскую церковь использовали под театральное училище. В бывших мечети и костеле соответственно разместились клубы ПВХО и работников Продсовета. Помещения сельских храмов передавали под клубы, склады, зернотоки, мастерские, даже под конюшни.

Период коллективизации оказался наиболее драматичным для тех религиозных объединений, которые назывались сектантскими. Связано это было с тем, что именно верующие этих конфессий создали очень дееспособные кооперативы: производственные, перерабатывающие и собственно земледельческие. Советская власть не только не воспользовалась их опытом и полезным для развития страны результатом, но с яростью уничтожила их. Организованные на религиозных началах артели были совершенно не нужным, да и неравным конкурентом для создаваемых колхозов, об экономической эффективности и целесообразности которых говорить не приходилось. Сектантские артели и коммуны постигла печальная участь: их разваливали как чисто экономическими, так и политическими методами.

Между тем, амбициозность планов по ликвидации религии и церкви постоянно возрастала. Считается, что в 1932 г. в недрах СВБ была разработана «безбожная пятилетка», основной целью которой провозглашалось: к маю

1937 г. «имя Бога должно быть забыто на территории страны». Так, к концу 1933 г. предполагалось закрыть все молитвенные дома: церкви, мечети, синагоги, костелы, кирхи и др. Власти рассчитывали, что к 1934 г. все религиозные представления, привитые семьей, исчезнут. Планировалось охватить всю страну тотальной антирелигиозной пропагандой (см.: [Фирсов, 2002]). Но, как и другие советские пятилетки, данная не была выполнена, хотя по части сокращения численности религиозных объединений и молитвенных домов ее успехи к концу 1930-х гг. были очевидны.

Мощной мобилизационной кампанией антирелигиозной и антицерковной направленности стала развернувшаяся в высшем партийном руководстве в конце 1930-х гг. дискуссия о правовом регулировании сферы государственно-церковных отношений и положения религиозных организаций в стране. К Сталину с официальным предложением обратился Г. Маленков. Основным пафосом его обращения стала мысль, что существующее законодательство о религиозных культах, в частности постановление 1929 г. «О религиозных объединениях», является чуть ли не разрешенной основой для оформления наиболее активной части церковников и сектантов в огромную (в 600 тыс. чел.) и разветвленную по всему СССР антисоветскую организацию. Целевой смысл предложения Маленкова заключался в том, чтобы, отменив законодательство, окончательно развязать государству руки в проведении антирелигиозных мобилизаций. Несогласие с такой оценкой закона высказал председатель Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П. Красиков. Оппонируя Маленкову, он подчеркнул, что задача постановления 1929 г. заключалась в том, чтобы, легализовав деятельность религиозных обществ, не допустить ухода их в подполье и тем самым не потерять контроль над ними. «Имеющиеся материалы показывают, – писал Красиков, – что неправильное применение закона, перегибы, левацкие заскоки, а также прямое вредительское форсирование “ликвидации религии” во многих местностях Союза загоняли в подполье и секты немалое количество верующих и делали их враждебными или контрреволюционерами» (ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 9. Л. 37). Он также не согласился, что все члены религиозного актива являются ярыми врагами советской власти, признав при этом, что все же религия, церковь и часть церковников всегда будут таковыми (Там же. Л. 32–33). Красиков согласился с тем, что закон о религиозных объединениях устарел, требует соответствующих изменений, но говорить об его отмене вообще считал политически неправильным. Никакого нового закона о религиозных организациях перед войной так и не было принято, правда, в 1938 г. была ликвидирована сама Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, а деятельность Совета воинствующих безбожников пошла на спад.

Антирелигиозные мобилизационные кампании в 1920–1930-е гг. носили практически перманентный характер. Но даже при этом можно выделить в качестве особо значимых для политического режима несколько антирелигиозных акций. Они отличались всеохватностью, масштабами воздействия, количеством задействованных в них субъектов и объектов, разрушительными последствиями для церквей и, наконец, теми целями и задачами, которые ставили перед собой организаторы этих мероприятий, и теми надеждами, которые они с ними

связывали. К числу таких кампаний можно отнести ликвидацию монастырей, вскрытие святых мощей, изъятие церковных ценностей, инспирирование и поддержку властями явления т. н. обновленчества в РПЦ, снятие и уничтожение церковных колоколов, закрытие молитвенных зданий, судебные процессы над духовенством и верующими. Все эти кампании имели сугубые антирелигиозные, антицерковные и политико-идеологические цели; некоторые (ликвидация монастырей, снятие колоколов, изъятие ценностей и молитвенных зданий) преследовали очевидную экономическую выгоду, все они сопровождались пропагандистскими акциями и сами использовались для углубления и расширения антирелигиозной пропаганды. Отдельные кампании имели четкую временную локализацию, другие, будучи по сути непрерывными, имели пики своей активности. Все кампании, безусловно, были взаимосвязаны, будучи целью либо следствием другой, а в совокупности представляли собой непрерывные антирелигиозные мобилизации.

Ликвидация монастырей

В рамках т. н. претворения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (январь 1918 г.) власти в первую очередь взялись за ликвидацию монастырей, что подавалось как естественная для советской власти национализация имущества и земельных угодий, коими монастыри обладали в достаточном количестве. Эта кампания затем совпала с процессом вскрытия святых мощей, многие из которых, по русской православной традиции, как раз хранились в монастырях или монастырских церквях, и изъятием церковных ценностей. Монастыри стали едва ли не первоочередным объектом антирелигиозных кампаний по ряду причин. Экономическая была одной из главных. Большая часть монастырей имела длительную историю существования, за время которой они приобрели внушительное имущество, в т. ч. благодаря пожертвованиям богатых людей. Разнообразные и многочисленные жилые и хозяйственные постройки монастырей не могли не привлечь новую власть, равно как и крупные земельные наделы. Так что элемент «революционного грабежа» был весомым. Кроме того, значимым был и собственно политический мотив антимонастырского похода. Компактно проживавшие значительные по численности группы мужского населения – обладатели глубокой религиозной веры и приверженцы традиционного порядка – не без основания рассматривались большевистской властью как практически готовые контрреволюционные ячейки, которые необходимо было, как можно раньше, ликвидировать. Не случайно поэтому именно в первые годы советской власти была разогнана, разорена большая часть монастырей и Московского патриархата, и старообрядческой церкви. При этом уничтожались и женские монастыри. Если учесть, что большинство монастырских насельников давно «порвали с миром» и не имели никакого другого жилья, то возникла элементарная проблема: где жить, чем заниматься. По этой причине многие монастырские братства просто меняли дислокацию, переезжали в другую местность и продолжали вести по возможности общежитскую жизнь.

Ликвидация монастырей получила мощное пропагандистское сопровождение.

Партия проводила большую «разъяснительную» работу в массах. О том, почему нужно ликвидировать «черные гнезда», эти «рассадники мракобесия», велась речь и в печати, и на многочисленных митингах: рассказывалось о «несметных богатствах», нажитых несправедливо, и злостной контрреволюционной сути монашествующих. Особенно излюбленным мотивом было обличение не просто праздной жизни тунеядствующих насельников, но их развратной сущности.

К 1918 г. в России насчитывалось 1 253 монастыря, включая архиерейские дома (82), подворья (50) и мелкие скиты (75) [Русак, 2002]. Создавались они и существовали столетиями, но в течение двух десятилетий были в большинстве уничтожены советской властью. Наступление на монастыри началось с первых лет большевистского режима. Так, в Калужской губернии в конце 1918 г. власти приняли решение закрыть разом все 16 монастырей, включая знаменитую Оптину пустынь, и выселить из них более 4 тыс. монахов и монахинь, в т. ч. старых, немощных, одиноких [Кашеваров, 2000. С. 332].

«За активную контрреволюционную деятельность» была закрыта Троице-Сергиева Лавра в Сергиевом Посаде; город переименован в Загорск. К концу 1920 г. в стране было ликвидировано 673 монастыря, в 1921 г. – еще 49, т. е. всего 722 монастыря [Зыбковец, 1975. С. 110]. Насельники были выселены из монастырей на улицу.

Монастыри ликвидировались по всей стране. Не стала исключением и Сибирь, где монастырская сеть не была такой густой, как в европейской части страны, но тем не менее и здесь были обители, основанные еще в XVII–XIX вв. Первые монастыри на юге Сибири (Улалинский и Чулышманский, Александро-Невская пустынь), по данным В. Овчинникова, были уничтожены в 1918–1919 гг. вернувшимися с войны солдатами, партизанами и представителями национальных меньшинств в ходе революционных событий и Гражданской войны [Овчинников, 2011].

Начиная с 1917 г. в течение 15 лет на Урале и в Сибири были закрыты обители старообрядцев белокриницкого согласия, в их числе шамарский, миасский, ишимский, черемшанский, уральский, семипалатинский, томский и другие женские монастыри [Приль, 2007]. Более планомерная работа по ликвидации монастырей в Сибири началась после завершения Гражданской войны, несмотря на попытки монашеских общин сохраниться в виде религиозных приходских общин, артелей, коммун. Например, в 1920–1921 гг. данные формы общежития и хозяйствования, созданные монашествующими томских Алексеевского и Иоанно-Предтеченского, Барнаульского монастырей, были расформированы.

Отнятые у церкви монастыри приспособлялись под различные нужды. Так, в Москве, по данным В. Русака [2002], в Спасо-Андрониевском монастыре были устроены пролетарские квартиры; Новоспасский монастырь превращен в концентрационный лагерь; Страстной монастырь был занят военным комиссариатом; в Кремлевском Чудовом монастыре разместился кооператив «Коммунист».

В закрытом Знаменском монастыре Тобольска располагался сначала Пересыльный лагерь НКВД, где с января по август 1927 г. содержался местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Коломенский и Крутицкий Петр (Полянский). Свято-Троицкий Селенгинский монастырь – едва ли не старейшая в

Сибири обитель (1681 г.) – после закрытия был отдан под исправительную колонию, а в 1926 г. в нем разместили психиатрическую больницу [Чудеса в храме..., 2012]. Часть монастырского имущества в период обновленческого движения властями передавалась в пользование вновь образованных церковных управлений обновленцев. Так случилось в Иркутске, где имущество одного из старейших в Сибири женского монастыря во имя Знамения Пресвятой Богородицы, основанного в 1689 г., в июле 1923 г. частично было передано в пользу «живистского» архиепископа Василия Виноградова (см.: [Знаменский монастырь]).

Ликвидация монастырей не обходилась без революционных эксцессов. В 1924 г. была учинена расправа над Абалакским монастырем в Тобольске (основан в 1783 г.). Несмотря на активные попытки настоятеля монастыря архимандрита Аркадия (Гусева) защитить вверенную ему обитель, монастырь был ликвидирован, братия арестована и подвергнута целому ряду показательных судебных процессов. Многие монахи были сосланы, некоторые расстреляны. Обвинения в основном сводились к укрыванию церковных ценностей и совершению разного рода безнравственных поступков. Самого Гусева расстреляли в 1937 г. [Паломничество в Сибирь...]

В целом же особо активных случаев сопротивления закрытию монастырей не было, хотя разные формы недовольства высказывались и настоятелями, и насельниками, и частью населения окрестных мест. Из тихих форм сопротивления можно отметить переход части монашеских общин на нелегальную форму поддержания монашеского образа жизни (см., напр.: [Беглов, 2008]), переезд целыми общинами на новое место жительства, что было особенно характерно для старообрядцев, попытки спасти от разграбления и поругания наиболее значимые религиозные святыни, хранившиеся в монастырях. Последнее было небезопасно для жизни верующих. Так, прихожанка Агриппина Жданова, жительница Иркутска, хранила у себя три антиминса, переданные ей протоиереем Михаилом Концевичем, когда закрывалась церковь Знаменского монастыря. В 1940-е гг., когда Знаменский собор в Иркутске был вновь открыт, она отдала один антиминс в Михаило-Архангельскую церковь, а два других – в Знаменскую [Знаменский монастырь].

Когда настоятельница Тобольского Иоанно-Введенского женского монастыря Тобольска узнала о готовящемся в обители обыске, она приказала наиболее дорогие церковные ценности спрятать в разных местах: в стогах сена, в специально вырытых могилах, под полом. Однако все спрятанное было найдено, а 25 сестер монастыря за попытку укрыть ценности предстали перед судом. Суд приговорил одну монахиню к заключению сроком на 6 лет, четырех – на 5 лет, двух – на 3 года. Правда, в связи с амнистией в честь пятилетия Октябрьской революции срок был сокращен наполовину. Остальных сестер или приговорили условно, или оправдали. После этих событий монастырь окончательно ликвидировали, но сестры продолжали там жить, т. к. им некуда было идти [Иоанно-Введенский женский монастырь]. Антимонастырская кампания к 1924 г. дала свои результаты: большая часть обителей была к этому времени ликвидирована (в Сибири, к примеру, из 50 ранее существовавших осталось только 10), хотя

закрытия монастырей происходили и в последующем, а институт монашества практически также перестал существовать.

Кампании по вскрытию святых мощей

Самые же значительные ожидания от мероприятий по разоблачению церкви большевистский режим связывал с еще одной акцией, которая была осуществлена в первые послереволюционные годы. Эта антицерковная мобилизационная акция получила название кампании по вскрытию святых мощей. Она была санкционирована постановлениями Наркомата юстиции от 14 августа 1919 г. об организационном вскрытии мощей и от 25 августа 1920 г. о ликвидации мощей во всероссийском масштабе и проводилась в течение 1918–1920 гг. Всего за это время было вскрыто 65 рак с мощами российских святых, в т. ч. особо почитаемых, таких как Серафим Саровский и Сергей Радонежский [Кривова, 1999].

Всю кампанию от начала и до конца подробно освещала советская и партийная пресса, которая со смакованием сообщала о выявленных в ходе «мощейной эпопеи» «мошеннических подделках церковниками нетленных мощей». Особенно много писали о том, что во вскрытых раках либо вообще не было никаких мощей, либо лежали истлевшие кости, или просто мусор, или восковые куклы и т. д. В журнале «Революция и церковь» регулярно помещались «сводки вскрытий мощей» с сообщениями о фальсификациях и подтасовках. Конечно, вся печать пестрела заявлениями о том, что вскрытия производились исключительно по почину трудящихся, красногвардейцев, которые больше не желали, чтобы церковь и дальше «водила их за нос» [Судьбы мощей...]

В Сибири, имевшей «своих святых», новые власти также проводили мероприятия по вскрытию их захоронений и всенародному разоблачению. Например, мощи одного из самых почитаемых российских и сибирских святых – Симеона Верхотурского, признанные нетленными еще в 1694 г., подвергались осквернению неоднократно. В 1918 г. чрезвычайная следственная комиссия впервые вскрыла мощи праведника. В сентябре 1920 г., в день памяти Симеона Верхотурского, в монастыре собралось до 15 тыс. паломников, и в этот же день в рамках советской антирелигиозной кампании состоялось новое вскрытие мощей. И если в первый раз на мощи просто взглянули, то сейчас их вынули из гроба и дотошно рассматривали на столе. Правда, потом положили обратно. Драгоценную же раку изъяли в пользу голодающих. В июне 1924 г. мощи обследовала уже комиссия облздраводела. Она нашла обряд приложения к мощам «негигиеничным», поэтому гроб был опечатан, а доступ к нему строго ограничен. В мае 1929 г. мощи изъяли из монастыря и отправили в Тагильский музей для антирелигиозной работы (см.: [Святой праведный Симеон Верхотурский]).

В январе 1921 г. в Иркутске были вскрыты для «медицинского освидетельствования» мощи святителя Иннокентия. В данном случае разоблачения не

получилось: останки оказались в хорошем состоянии*.

10 октября 1922 г. по распоряжению Тюменского губисполкома были вскрыты мощи святителя Иоанна Тобольского. Вскрытие проходило на паперти Покровского собора, специально к этому мероприятию приурочили антирелигиозный митинг. После вскрытия мощи некоторое время оставались в соборе, а затем были переданы в антирелигиозный отдел краеведческого музея, открытого в архиерейском доме [Махонин, 2010].

Безусловно, по большей части при вскрытии святых мощей обнаруживались отнюдь не полностью уцелевшие останки, что непременно использовалось для разоблачения «вековых обманов» церкви. Именно это и было одной из целей данной мобилизационной кампании. В циркуляре наркома юстиции от 25 августа 1920 г. предлагалось в этой связи следующее: «в случаях обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты, как со стороны отдельных служителей культа, так равно и организаций бывших официальных вероисповедных ведомств, – отделы юстиции возбуждают судебное преследование против всех виновных лиц, причем ведение следствия поручается следователям по важнейшим делам при отделах юстиции или Наркомюста, а самое дело разбирается при условиях широкой гласности» (см.: <http://www.skeptik.net/miracles/relic.htm>).

Антирелигиозники буквально злорадствовали и зубоскалили над верующими: чему, мол, поклонялись. Шумиха поднималась огромная. Все доступные средства пропаганды были задействованы для развенчания «очередного плутовства» церкви**.

---

* По поводу вскрытия мощей Иннокентия Иркутского осталось два протокола. Один был подписан присутствовавшими при процедуре священнослужителями: «По открытию тела, воздух был совершенно чист, без малейшего намека на затхлость или запах плесени. Тело Святителя, обнаженное, лежало перед присутствующими со скрещенными на груди руками, целое, красноречиво говорившее всем: – “Прииди и виждь, неверующий, и буди не верен, но верен”... Фотографы усиленно делали снимки. На лицах тех, которые желали изобличить вековой обман духовенства, выявлялось заметно сконфуженность и растерянность, соединенная, нельзя скрывать, с некоторой озлобленностью и искусственно поддерживаемой сдержанностью...» Но и члены революционной комиссии также зафиксировали целостность останков: «из открытой раки само духовенство извлекает на приготовленный стол “Нечто”... Мумия, лежащая на спине, фотографируется. Осмотренный труп представляет собой натуральную мумию, довольно хорошо сохранившуюся, судить о времени смерти не представляется возможным, так как труп при известных почвенных и климатических условиях, перейдя в стадию естественного высыхания, может сохраняться столетиями». – См.: <http://www.brooklyn-church.org/>

** Как пишет священник Дм. Румянцев, по учению Православной Церкви, «мощи – оставшиеся нетленными после смерти тела христианских святых», которые «должны чтиться так же, как и иконы, но не должно воздавать им честь, приличную одному Богу». Однако нетленность тел «почивших святых людей» не является главным или даже обязательным атрибутом почитаемых мощей. В православном катехизисе содержится следующее разъяснение: «Тела некоторых усопших святых сохраняются в сравнительной или даже полной целостности. Но почитаются они отнюдь не за их, далеко не всегда бывшую, нетленность, а за то, что по причине святости почивших тела их и по смерти являются хранителями Божественной благодати, силою которой верующим подаются дары исцелений и другие духовные дарования». Это обстоятельство, подчеркивает он, – не учли организаторы антирелигиозной кампании, поскольку исходили из того, что осмотр содержимого рак выявит тленность останков святых

В частности, по поводу останков Симеона Верхотурского Ем. Ярославский, работавший тогда еще в Сибири, в статье, опубликованной в губернской газете, высказался так: «Вот то, чему архиереи и монахи заставляли поклоняться верующих, пользуясь их невежеством, легковерием, и приносить трудовые копейки в карманы алчных церковников». Отозвался будущий главный антирелигиозник страны и на вскрытие мощей еще одного сибирского святителя – Иннокентия в Иннокентьевском монастыре около Иркутска. Ярославский писал в статье «12 фунтов сибирских мощей»: «Не ради насмешки устанавливает Советская власть истину, не ради насмешек открывает она вековой обман. Пусть все знают, что они кланялись 12 фунтам гнилых костей, изъеденных червями и молью. Это поможет крестьянам Сибири перестать верить в помощь молитв и мощей и научит их полагаться на свои силы. Одним обманом меньше, от этого только крепче станет на ноги трудовая Сибирь» [Шрамко, 2010].

Мощнейшая «мощейная» кампания не могла не вызвать возмущения истинно верующих людей. Иерархи, духовенство однозначно рассматривали ее как вмешательство во внутреннюю жизнь церкви, справедливо полагая, что изъятие мощей нарушит ее внутренний строй. Правда, слишком активного сопротивления «святотатству» не было. Власти с удовлетворением отмечали, что в большинстве случаев обошлось без эксцессов, хотя верующие в той или иной форме выражали свое возмущение. Так было, например, при попытке вскрыть мощи праведного Прокопия в г. Вельске. Прибывшая в церковь комиссия намеревалась вывезти из храма серебряную раку, где хранились останки, но прихожане не позволили это сделать.

Осквернение особо почитаемых святых мощей Сергия Радонежского также вызвало естественную бурю возмущений верующих по всей стране и вылилось в выступления жителей Сергиева Посада и ближайших деревень 19 и 26 ноября 1919 г. Правление общины Троице-Сергиева Посада направило в СНК ходатайство не вывозить мощи, а оставить их в Лавре. Но даже предложение М. Калинина не торопиться и не вносить в массы раздражения не остановили надругательства. Мощи были вывезены, а Сергиево-Посадская Лавра закрыта [Кривова, 1999].

Кампания по изъятию церковных ценностей

Гораздо более активное сопротивление оказали члены церкви в ходе осуществления большевиками еще одной масштабной антирелигиозной и антицерковной мобилизационной кампании, связанной с изъятием церковных ценностей. Эта тема получила широкое освещение в советской, эмигрантской и в постсоветской литературе. Советская литература настойчиво повторяла те самые тезисы, которые были сформулированы организаторами кампании. Хорошо известно, что поводом для массового ограбления церковью всех конфессий стал сбор средств для смягчения последствий страшного голода,

---

и тем самым «разоблачит перед массами вековой обман церковниками трудового народа». – См.: [Румянцев].

обрушившегося на страну в 1921 г. Но это был именно повод. Большевикам необходимо было нанести религии и церкви удар, от которого им было бы трудно оправиться. Миф о несметных церковных богатствах толкал советскую власть к элементарному ограблению, ибо она остро нуждалась в средствах. То есть, как и в случае с ликвидацией монастырей, налицо была финансово-экономическая причина очередной антирелигиозной акции. Однако эта кампания во многом носила провокационный характер: власти знали, что изъятие церковного имущества, включая необходимое для богослужебной деятельности, вызовет негативную реакцию духовенства и верующих. Вот тогда-то и можно будет всем показать, что церковь не желает прийти на помощь голодающему населению. Лучшего повода для демонстрации ее «истинного лица» едва ли можно было придумать.

Начало массовому изъятию церковных ценностей было положено Декретом ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» от 23 февраля 1922 г. Операция по изъятию и ее пропагандистское сопровождение тщательно готовились властями. В частности, предусматривалось, что имущество, имевшее историко-художественное значение, поступит в исключительное ведение Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомата просвещения*. Имущество же, имевшее только материальное значение, должно было выделяться в Государственное хранилище ценностей РСФСР, а имущество обиходного характера планировали оставлять в церквях [Кривова, 1999]. На места ушли инструкции, кто и как должен осуществлять экспроприацию, как предупреждать сопротивление и наказывать тех, кто все-таки будет его оказывать, какие разоблачительные мероприятия осуществлять и т. д.

В данной кампании очевидно проявилась черта, ставшая сущностной для большевистской пропаганды, а именно: прямое искажение фактов. Так, советские средства массовой информации, все пропагандистские материалы активно муссировали мысль, что церковь отказывается помогать голодающим, не хочет делиться своим богатством, что в действительности было не так. Известно, что и патриарх Тихон, и другие церковные иерархи призывали оказывать посильную помощь, но такой жест со стороны церкви совсем не был нужен советской власти. В печати и специальных пропагандистских материалах партия пыталась доказать, что власти не берут ничего, имеющего непосредственное отношение к отправлению культа, убедить, что не ставилась цель оскорбить чувства верующих. А вот, дескать, представители церкви ведут себя провокативно, нарочито подчеркивают грабительский характер мероприятия. Пропагандистско-мобилизационная направленность данной акции доказывается и тем, что партийные организации повсеместно проводили различные мероприятия, в ходе которых население выражало поддержку действий государства. Так, на митинге в Томске весной 1922 г. была принята следующая резолюция: «Мы, рабочие, служащие, мастеровые в коли-

---

* Если речь шла только о передаче культурно-художественных ценностей в музеи, то как это могло помочь голодающим?

честве 400 человек, заслушав речи и обсудив вопрос о помощи голодающим, заявляем, что весь трудящийся люд не может не одобрить декрета об изъятии ценностей из храмов. Мы громко заявляем о необходимости скорейшего проведения этого декрета и сдачи ценностей» [Бакаев, 2002. С. 66].

При помощи пропаганды буквально шло нагнетание страстей, создавался удобный повод обвинить религию и церковь в антинародной сущности. Местная пресса помещала одну за другой разоблачительные публикации. Так, газета «Чувашский край» в феврале-марте 1922 г. сообщала: «религиозные общины Чувашобласти до сих пор мало сделали для помощи голодающим. Эта ошибка должна быть исправлена. Служители культа и религиозные общины должны немедленно поднять вопрос о передаче церковных драгоценностей на покупку хлеба для голодающих»; «православные христиане так же, как и прежде, молятся на позолоченные и серебряные иконы в тот момент, когда население умирает от голода. Необходимо, с согласия самих общин, церковные драгоценности реализовать на хлеб, оставляя в церквях образа и предметы богослужения без драгоценностей: золота и серебра. В этой плоскости у нас в Чувашобласти почти ничего еще не сделано»; «мы надеемся, что верующие отнесутся к указанному средству – изъятию ценностей из храмов – с должным вниманием и серьезностью»; «в уездах уже наблюдаются случаи людоедства. А святые отцы молчат!» [Козлов, 2008].

Аналогичные мобилизационные кампании проводились повсюду, как до самого процесса изъятия, так и во время его. Большевистская пропаганда, во-первых, старалась убедить население в наличии у церкви несметных богатств, а во-вторых – показать, что церковники никак не хотят им делиться с голодающими. Газета «Советская Сибирь» писала: «По счету самих монахов, в стенах одной лишь только Троице-Сергиевой Лавры имеется золота и серебра несколько сотен пудов». А поскольку в России таких лавр четыре, множество монастырей, 60 тыс. соборных и приходских храмов, то, по разумению автора, в Церкви имеется несметное количество золота, серебра, драгоценных камней. И если забрать все эти ценности и погрузить в железнодорожные вагоны, то поезд протянулся бы на 7 верст. Этих ценностей, по подсчету «Советской Сибири», хватило бы, чтобы кормить хлебом всех голодающих Поволжья и других округов в течение двух лет, кроме того, еще останется много средств на открытие 1,5 тыс. агрономических школ и покупки за границей 3 тыс. тракторов и других сельхозмашин [Свет негасимый..., 2005].

Советская пресса в Иркутской губернии пестрела, например, такими обвинениями в адрес духовенства: «Духовенство, так громко и часто твердившее о любви к ближнему, не ударило палец о палец, чтобы помочь голодным Поволжья». На страницах ориентированной на крестьянскую аудиторию газеты «Красный пахарь» в апреле 1922 г. появились призывы: «Крестьяне и рабочие! Помогите быстро и решительно изъять церковные драгоценности и обменять на хлеб! Следите, чтобы не была скрыта и не пропала ни одна крупинка золота, которая принадлежит теперь голодным». В газетах помещались высказывания красноармейцев, рабочих, крестьян в

пользу изъятия ценностей на нужды голодающих. «Верующие, не забывайте, что там, в Поволжье, люди едят друг друга, смерть косит тысячи жертв. А вы, священники, помните: кровь ваших братьев ляжет на ваши головы, если вы будете ценить церковное золото дороже жизни крестьянской», – писал рабочий из Иркутска Ковалев [Смолина, 2006].

Но духовенство и верующие противились не факту передачи части церковного имущества в фонд помощи голодающим, а методам, да и объемам, какими производилось изъятие: по сути, из храмов изымалось все сколько-нибудь ценное, включая предметы богослужебного культа. Кроме того, у церковной общественности были небезосновательные сомнения, что отобранное у церквей действительно пойдет на указанные нужды, что, как известно, и случилось*.

В Сибири местные власти также рьяно выполняли декрет об изъятии. Повсеместно были созданы комиссии по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. Тюменский губком 17 марта 1922 г. провел заседание такой комиссии с членами подкомиссий и представителями церковно-приходских советов. Присутствовало духовенство всех имевшихся в городе конфессий: 15 православных священников, ксендз, мулла, раввин. Представители духовенства однозначно высказались за то, что голодающим надо помочь, в т. ч. церковным имуществом, и подписали совместное с комиссией постановление о порядке изъятия церковных ценностей в кратчайшие сроки [Каиндина].

Кампания по изъятию церковных ценностей в Омской губернии началась 8 апреля 1922 г. с Вознесенской (Георгиевской) церкви, и сразу стало очевидно, что никакого частичного изъятия не будет, а саму процедуру превратят в очередное издевательство над чувствами верующих. Один из членов комиссии, некто Вязов, при попустительстве остальных стал буквально кощунствовать: срывал с икон серебряные ризы, бросал их на пол, разбрасывал культовые ткани, спарывал с них жемчуг и камни. В итоге изъяли самую почитаемую икону Георгия, в честь которого был воздвигнут храм. Несмотря на многочисленные просьбы верующих, с нее был снят драгоценный оклад, а самой иконе нанесен большой ущерб [Там же]. И такое наблюдалось почти повсеместно. Закончилась кампания по изъятию церковных ценностей в храмах Омской губернии в конце августа 1922 г. По данным губфинотдела, всего в губернии было изъято золота в изделиях 1 фунт 6 золотников 4 доли, золото в звонкой монете на сумму 165 руб., серебряных изделий – 71 пуд 20 фунтов 89 золотников 91 доля, серебра в звонкой монете на сумму 6 922 руб. 75 коп. [Там же]. На самом деле эти показатели не столь значительны и по сравнению с ожиданиями властей, и по сравнению с ограблением церквей в европейской части. Губернские власти были разочарованы. Практически ничем не смогли поживиться власти в

---

* В ходе кампании по изъятию церковных ценностей в масштабах страны было собрано 4 650 810 золотых рублей, однако из этой суммы лишь 1 млн руб. был направлен на помощь голодающим [Политбюро и Церковь... Кн. 1. С. 78].

местных костеле, синагоге и мечети*.

Тем не менее, результаты изъятия были в целом для власти неплохие. Так, только первый день работы комиссии в Новониколаевске «дал 4 ф. 30 зол. серебра и 8 ф. 28 зол. меди. К середине августа по губернии было изъято золотых монет на 115 руб.; золотых изделий – 21 зол. 72 дол., серебряной монеты на 289 руб. 50 коп. и серебряных изделий 24 пуда 24 ф. 76 зол. 24 дол.» [Наша малая Родина. 1997. С. 21].

По аналогичному сценарию проходила кампания в Иркутской губернии, начавшаяся в апреле 1922 г. Здесь также первоначально прихожане с пониманием отнеслись к призыву помочь голодающим. Так, в церкви Вознесенского монастыря приход решил пожертвовать в помощь голодающим некоторые предметы, не имеющие богослужебного употребления: 16 серебряных и одну золотую лампы, серебряный подсвечник, два дикирия, три серебряных кадила, архиерейский жезл и водосвятную чашу [Смолина, 2006]. Так же планировали поступить и верующие других церквей края. Но, несмотря на это, в иркутской печати подняли антицерковную шумиху.

Когда масштабы изъятий начали угрожать самой церковной традиции, богослужебной церковной практике, прихожане стали предлагать властям взамен необходимого богослужебного имущества собранные в приходах деньги, серебро и даже продукты. Отказывать в этом было сложно, поскольку помочь голодающим как раз логичнее было бы деньгами или натуральными сборами. В Иркутске, да и в других регионах власти и в этом случае нашли выход: оценили отобранные в церквях предметы так высоко, что бедные (в буквальном смысле слова) прихожане были не в состоянии выкупить некогда принадлежавшее их приходам имущество.

В таких условиях избежать волнений населения было не всегда возможно. В информационной сводке Иркутского отдела ГПУ за 1–15 апреля 1922 г. фиксировалось резко отрицательное отношение крестьян Иркутского уезда к изъятию ценностей из церквей. Среди крестьян распространялись слухи, что ценности будут направлены не на помощь голодающим, а на уплату царских долгов [Там же]. За якобы организованный саботаж был арестован иркутский архиепископ Анатолий (Каменский), служивший до этого на Томской кафедре, которого в итоге приговорили к расстрелу, замененному на длительное заключение. В Тюмени по аналогичному обвинению был арестован епископ Иринарх.

Дело архиепископа Анатолия (равно, как и дела других церковных

---

* Вообще, по Сибири драгоценностей собрали много меньше, чем надеялись власти. Связано это было и с тем, что сибирские церкви не успели накопить их в значительных объемах, поскольку были сравнительно молоды. Так, в Томской епархии (самой большой в Сибири) к 1914 г. было около 1 350 соборов, приходских церквей, молитвенных домов и часовен. Из них 231 храм был построен до 1850 г. (из этого количества в XVIII в. только семь). Построенных с 1850 до 1914 г. – 1 118, а в XX в. – 723 (т. е. 54 % от общего числа храмов). Самые же старые храмы Новониколаевска к 1922 г. были моложе 25 лет. За столь короткий период купцы, золотопромышленники, торговцы сибирским хлебом и маслом, владельцы пароходов просто не успели сделать богатых вкладов в храмы. – См.: [Свет негасимый...]

иерархов и простого духовенства, привлеченных за сопротивление изъятию ценностей) дает возможность глубже разобраться в мотивациях и целях массированной и масштабной специальной акции. Помимо целей собственно антицерковных и экономических, о которых уже писалось, этой акцией преследовались и политические цели. Кампания по изъятию церковных ценностей, с одной стороны, была призвана разоблачить институты церкви, иерархии, духовенства, а с другой – должна была стать акцией устрашения (вспомним знаменитое письмо В.И. Ленина по поводу событий в Шуге). Но существовала и еще одна цель – расколоть изнутри церковь, по крайней мере, на тех, кто безоговорочно поддерживал изъятие, и тех, кто не хотел, чтобы церковь совсем осталась без средств, а также посеять непонимание между церковным руководством и простым духовенством, между священнослужителями и рядовыми верующими. Кроме того, пример любого факта сопротивления активно использовался для создания образа врага в лице религиозной веры, церковных институтов. Откровенно об этом, например, писал секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов: «Нужно расколоть попов или, вернее, углубить и заострить существующий раскол. В Питере, и в Москве, и в провинции есть много попов, которые согласны на изъятие ценностей, но боятся верхов. Недовольство верхами, которые ставят низы духовенства в трудное положение в этом вопросе, очень велико... Задача агитации поддержать сейчас низы против верхов... изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на важнейшем вопросе помощи голодающим и затем доказать суровую руку рабочего государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него» [Там же].

Следует помнить, что практически в это же время спецорганы и партия начали претворять в жизнь еще один мощный антицерковный проект: появление внутри РПЦ т. н. обновленчества, или «живой церкви». Кстати, во время допросов архиепископу Анатолию несколько раз предлагали написать послание к верующим с поддержкой «Живой церкви».

Ярко выраженный мобилизационный характер кампании по изъятию ценностей подтверждается тем, что власти повсюду организовывали беспартийные конференции и собрания верующих, целью которых было принятие решения об изъятии. То есть активно разрабатывалась и внедрялась практика, широко применявшаяся впоследствии при осуществлении самых непопулярных мер, когда действия власти оправдывались исключительно требованиями населения.

Но на самом деле случаев сопротивления изъятию было много по всей стране, особенно в крестьянской среде. Объяснялось это и большей набожностью сельского населения, и теми сложными хозяйственно-экономическими условиями, в которых оказалась деревня в результате политики продразверстки. Среди сельского населения ходили слухи о бегстве Троцкого с золотом за границу, об отправке собранного продналога в Египет евреям, о сумасшествии Ленина, о скором падении Советской власти и т. п. В еженедельных сводках Тюменского ГО ГПУ сообщалось, что крестьяне до сих пор плохо относятся к кампании, считая изъятие церковного имущества

«посягательством на святые храмы», до которого не мог додуматься никто, кроме как коммунисты, повторяя: «Коммунисты все забрали, и кроме золота и серебра из церквей им нечего больше брать» [Мавлютова, 2007].

Иначе говоря, люди не очень-то верили властям, что церковные ценности действительно будут потрачены на нужды голодающих. В этих условиях формы сопротивления изъятию были разными: не везде и не всегда участники собраний выносили положительные решения; крестьяне не допускали комиссии к работе, избивали представителей власти, агитировавших и проводивших изъятие, скрывали ценности, брали в руки оружие. Например, в Минусинске и Енисейске даже коммунисты высказывались против изъятия. Военские части, стоявшие в Канске, отказались участвовать в изъятии. В Минусинске толпа верующих собралась у здания исполкома, требуя прекратить разворовывание церквей. Разошлась она только после того, как власти пригрозили применить вооруженную силу. Чтобы пресечь попытки сопротивления, в городе было введено военное положение [Холина, 2009]. В Мариинске (Кузбасс) ценности удалось изъять только после того, как церковь окружили войска ГПУ и ЧОН. В с. Тутальском толпа непустила уполномоченного по изъятию в здание церкви. Комиссия смогла выполнить свою миссию только через неделю под охраной вооруженного отряда [Фаст М.В., Фаст Н.П., 2004. С. 41].

В сводках ГПУ по Иркутской губернии, например, приводятся такие случаи: во второй половине апреля 1922 г. в с. Листвянка Зиминского уезда после собрания по вопросу об изъятии церковных ценностей зажиточные крестьяне собрались на ночную беседу, во время которой решили объединиться с соседними селами и сопротивляться изъятию, вплоть до вооруженного восстания. В июле в Посольской и Прибайкальской волостях во время приезда комиссии по изъятию церковных ценностей крестьяне устроили «бурное собрание с намерением избить комиссию, которая, не дождавшись решения крестьян по этому вопросу, бежала». В итоге в этих волостях изъятие прошло при содействии вооруженных отрядов [Смолина, 2006].

Все это привело к тому, что в период кампании власти широко применяли репрессии: большое количество религиозных руководителей, духовенства и даже рядовых верующих были подвергнуты советской властью различным наказаниям, включая высшую меру. Точных данных о количестве репрессированных в рамках данной кампании нет. Например, по данным «живоцерковного» протопресвитера В. Красницкого, в ходе изъятия в 1922 г. в стране произошло 1 414 кровавых инцидента. Другой священник – Михаил Польский – считал, что в 1922 г. погибло при столкновениях и было расстреляно по решениям судов 8 100 чел., из них 2 691 представитель белого духовенства, 1 962 монашествующих, 3 447 монахинь и послушниц. Есть и другие цифры: в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г. в стране прошло 231 судебное дело, где были вынесены приговоры 732 арестованным (см.: [Политбюро и Церковь... Т. 1. С. 78]). Таким образом, кампания по изъятию церковных ценностей являет собой типичный пример социально-политических и идеологических мобилизаций антирелигиозной направленности.

«Антиколокольная» кампания

Еще одной показательной, довольно типичной, но и весьма оригинальной антицерковной мобилизацией стала т. н. антиколокольная кампания. Действительно, по сути, велась яростная и бескомпромиссная борьба с неодушевленными предметами, которые при всей их мощи и величии, никак не могли ответить своим обидчикам. Уничтожение колоколов, колокольного звона ярко демонстрировало сущностные черты и причины антирелигиозных мобилизационных кампаний. Последних тоже было несколько. Во-первых, соображения идеолого-пропагандистского характера. Церковные колокола, церковный звон – это неотъемлемый атрибут русской православной традиции, обязательная часть культа, богослужебного ритуала. В борьбе с религией и церковью этот факт невозможно было не учитывать. Сказывались и причины сугубо политического характера: не случайно одним из первых декретов советской власти был запрещен набатный звон на церковных колоколах. Таким образом хотели исключить возможность призыва к выступлениям против большевиков, быстрого созыва верующих для оказания сопротивления антицерковным мероприятиям. Еще больший интерес к снятию и изъятию колоколов советская власть проявляла в связи с экономическими, хозяйственными причинами: все колокола были сделаны из хорошего металла, который стал особенно востребован в годы индустриализации. Но на самом деле колокола начали снимать и переплавлять уже в первые годы советской власти. Из старинных колоколов выплавляли котлы для столовых, прачечных. Поскольку многие колокола были огромны, их снятие было сложной задачей в техническом и физическом плане, поэтому зачастую наносился урон архитектурным строениям – самим звонницам, колокольням и храмам. Это уже потом, как пишет В.Ф. Козлов, специалисты-профессионалы приноровились разбивать большие церковные колокола прямо на колокольне или даже подрывать колокола на куски небольшими направленными взрывами [Козлов, 1994]. Между тем, наступление на колокола продолжалось. Весной 1926 г. была составлена и разослана на места инструкция «О порядке пользования колокольнями». С этого времени не церковь решала, когда будут звонить колокола, а местные власти регламентировали колокольный звон. В инструкции это объяснялось тем, что звон, нередко не связанный с отправлением культа, «нарушает нормальное отправление общественного правопорядка и особенно стеснительно отражается на жизни городских поселений» [Там же].

Вновь запрещались набатные звуки «для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти». Церквам разрешалось пользоваться колоколами для звона только в дни великих христианских праздников – на Пасху, Рождество. Производство красного звона с употреблением большого церковного колокола разрешалось лишь при воскресных и праздничных службах. И, наконец, инструкция гласила: «При ликвидации молитвенных зданий, имеющиеся при них колокольни, разбираются или же при соответствующем переустройстве приспособляются под противопожарные наблюдательные пункты, водонапорные башни...» (ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 58. Л. 87). Таким образом, у еще действовавших церквей отчуждалось в

очередной раз имущество (колокольни и колокола), грабеж продолжался.

С конца 1920-х гг. вообще началась повальная и повсеместная «охота» на колокола. Каждая область, каждый регион стремились отрапортовать, сколько бесплатного металла они получили для нужд промышленного рывка, шло даже своеобразное соревнование. Самое страшное, что в переплавку попадали ценнейшие памятники русской культуры: многие колокола были старинные, издававшие необычные звоны, имевшие свою историю и бывшие украшением России. Но ничто не останавливало строителей коммунизма, уничтожение колоколов – еще один пример «средневекового варварства» большевиков. Представители музеев, художественных реставрационных мастерских пытались хоть что-то спасти. Иногда это удавалось, чаще всего – нет*.

В 1929 г. вышла очередная правительственная «противоколокольная» директива «Об изъятии излишних колоколов», в которой говорилось о том, что в связи просьбой ВСНХ СССР о необходимости получения 20 тыс. т колокольного металла следует «изъять колокола со всех церквей в местностях, где колокольный звон запрещен», во всех других местностях снять излишние колокола» (Там же). Считается, что инициатором этой акции стал Союз воинствующих безбожников, а идею акции озвучил его руководитель Ем. Ярославский. Он гордо заявлял, что СВБ всегда продвигал дело ликвидации колоколов, высказал удовлетворение тем, что на местах инициативу Совета очень активно поддерживали (Там же). Так, в постановлении Томского горсовета «О воспрещении колокольного звона в населенных пунктах Томского района» заявлялось: «Ввиду того, что колокольный звон в молитвенных помещениях нарушает правильное течение занятий в школах, воспитательных и других государственных и общественных учреждениях и организациях села, и учитывая культурный рост колхозного и единоличного сектора села, президиум городского совета постановил: 1) воспретить колокольный звон в следующих молитвенных пунктах района... (перечисляются 38 сел и деревень)...» (см.: [Фаст М.В., Фаст Н.П., 2004. С. 70]). Но еще до этого постановления с большинства церквей Томска и окружающих сел была снята часть колоколов, при этом некоторые из них общины отдали

---

* Например, трагической и типичной была «советская» история знаменитых колоколов Троице-Сергиевой Лавры. Колокольня Лавры была одной из самых величественных – ее высота достигала 87 м, а литье колоколов отличалось особым искусством. Самый величественный Царь-колокол, отлитый по указанию Елизаветы в 1748 г., был самым большим колоколом России (после двух кремлевских). Огромные размеры и вес имел также Воскресный, или Карнаухий колокол (1 270 пуд.), отлитый знаменитым Ф. Маториным в 1683 г. и названный так за то, что не имел медных отливных ушей. Полиелейный (Годуновский) колокол весом 1 850 пуд. был отлит при царе Борисе Годунове в 1605 г. Самыми же старыми в лаврской звоннице были колокол Славословной (Лебедек) весом 625 пуд. (1594 г.) и небольшой 20-пудовый Никоновский, отлитый еще в 1420 г. Художественно-историческое значение имели и другие колокола. В 1929 г. над ними нависла угроза. Местные музейщики пытались спасти хотя бы знаменитый Воскресенский (Карнаухий) колокол, отлитый в XVII в. Но и он был передан в распоряжение Рудметалла. Журналы «Безбожник», «Безбожник у станка», «Огонек» и другие печатали фотографии низверженных четырехтысячпудового Царь-колокола, а также Карнаухова, Годуновского и улыбающихся победителей на них. – См.: [Козлов, 1994].

добровольно. Так, Никольский приход г. Томска предложил административному отделу горисполкома использовать на нужды индустриализации три колокола общим весом 130 пуд., Троицкий собор также сдал три колокола общим весом 4 290 пуд., сдали колокола Казанская, Сретенская, Знаменская и другие церкви (Там же), что, кстати, не спасло эти церкви от будущего закрытия и разорения. Колокола изымались по всей Сибири, причем, не спрашивая на то согласия церковных советов и верующих. Так, в январе 1930 г. в Канске с местного собора, предварительно оцепленного вооруженными призывниками, и без какого бы то ни было предупреждения общины были сброшены колокола и кресты, а на их место водружены красные знамена. Впоследствии храм открыли для службы, но семь из восьми соборных колоколов общим весом 10 821 кг были переданы «в ведение Канского окрФО для учета в Госфонды» [Холина, 2009].

Областные и республиканские газеты конца 1920-х – начала 1930-х гг. были заполнены резолюциями и решениями о переливке церковных колоколов на трактора и прочие цели индустриализации. В антирелигиозном и антиколокольном угаре безбожники на местах подсчитывали, сколько страна может получить меди, бронзы и других металлов от переплавки колоколов, снятых с церквей. Но к этому времени к колоколам появился и другой интерес. Понимая, что часть колоколов представляет художественную и историческую ценность, власти рассчитывали, продав их за границу, получить столь необходимую для закупки оборудования валюту. Однако повсеместными были случаи, когда низвергнутые колокола никем не оприходовались, а продолжали валяться возле храмов, пока не зарастали бурьяном. Это заставляет думать, что все-таки главной целью антиколокольной кампании было стремление обезобразить церкви, лишить их важного атрибута. Власть продемонстрировала верующим свои силу и отношение к церкви, а Россия лишилась своих знаменитых благовестов, перезвонов, переборов, трезвонов. Вскоре ей предстояло окончательно лишиться и золотых куполов. Произошло это в результате другой антирелигиозной практики – ликвидации храмов.

Закрытие церквей и иных молитвенных зданий

Еще одной перманентной антирелигиозной мобилизацией стало закрытие молитвенных домов всех конфессий. Начавшись с первых лет советской власти, процесс этот имел свои «пиковые» формы. На протяжении 1920–1930-х гг. власти старались превратить отбор церквей из процедуры рутины и технической в действительно мобилизационный фактор: с инициацией якобы самим населением, с шумным пропагандистским сопровождением, с торжественным открытием в бывших храмах разного рода учреждений соцкультбыта, глумливыми выходками комсомольского и прочего актива.

И в данном случае (как с ценностями и колоколами) власти заручались «поддержкой» трудящихся, от которых поступали предложения о закрытии церквей, передаче их под клубы, «красные уголки», переоборудовании, сносе и т. д. Инициативам не было числа. И далеко не все, кто голосовал за такие предложения и подписывал заявления, были принуждены к этому, хотя и

последнее встречалось повсеместно.

Судьба церквей и иных молитвенных зданий решалась быстро, без особого разбирательства причин и оснований, хотя некоторые основы для легитимации постановлений исполкомов все-таки пытались подобрать. Так, практически ни одна церковь, ни один молитвенный дом не были закрыты без предварительного «одобрения» населения, неистощимого в предложениях о том, подо что же приспособить отобранные у верующих молитвенные дома. Обычно в период выборов в советы различного уровня собирались наказы избирателей, среди которых были и подобные предложениями. Например, в связи с довыборами в горсовет томичи предлагали, например, «закрыть Никольскую и Сретенские церкви, а также Иверскую часовню», «снести синагогу», «оборудовать на месте часовни на базарной площади кино...», «закрыть Томский костел на Воскресенской горе...» и др. [Из истории земли Томской..., 2001].

Требовали трудовые коллективы Томска, чтобы как можно скорее закрыли Троицкий собор, где традиционно располагалась епископская кафедра. Собору не повезло еще и потому, что он располагался в центре города, в непосредственной близости от государственных учреждений, университета, технологического института. Понятно, что такие ходатайства исполкомы удовлетворяли незамедлительно.

Ходатайства были не единственной причиной закрытия молитвенных домов. Поводов было предостаточно: близость к воспитательным или образовательным учреждениям, срочная необходимость разместить в отобранном помещении некое учреждение, склад или школу. Основными инструментами законного изъятия религиозного имущества (прежде всего культовых зданий) стали высокие налоги, ставки обязательного страхования и обязанность ремонта здания. Распространенной уловкой была следующая: состояние храмового здания объявлялось аварийным, приходу предлагалось осуществить срочный капитальный ремонт в очень короткие сроки и с большими затратами, что для общин оказывалось практически невыполнимым. Так, 26 января 1930 г. Канский окрисполком вынес постановление о расторжении договора с общиной Спасского собора. Причинами закрытия были названы невыполнение требования о ремонте собора, невнесение платы за земельную регистрацию и «требования трудящихся масс к изъятию собора от верующих и передаче его под культурные нужды» [Холина, 2009].

Другой частой причиной-поводом для закрытия был арест кого-либо из священнослужителей или членов «двадцатки». Достаточно было обвинения против одного из членов «двадцатки», чтобы храм закрывался, а общество распускалось.

С конца 1920-х гг. распространенным способом закрытия храмовых зданий стали односторонние расторжения договоров с религиозными общинами под вышеуказанными и иными предлогами. Таким образом, и в антихрамовых кампаниях прослеживались антирелигиозные, антицерковные, идеологические и экономические причины. Очередное ограбление церквей в ходе их закрытия по масштабам превышало все предыдущие: закрывая церковь,

власть получала помещения или стройматериал (в случае разборки здания), землю, оставшиеся в церквях драгоценные предметы, произведения искусства и культурно-исторические памятники, колокола и др. Поскольку до 40 % дохода от реализованного церковного имущества зачислялось в местные бюджеты, нетрудно представить, как это подхлестывало «воинствующий материализм» местных властей.

Формальные инструкции требовали, что прежде, чем закрыть церковь в той или иной местности, следовало на ее дверях вывесить объявление, предлагавшее желающей группе верующих («двадцатке») взять церковное здание в аренду. Если таковых в течение недели не находилось (а с каждым годом действительно все меньше и меньше было попыток у общин сохранить за собой молитвенный дом), то церковь закрывалась. А не находилось желающих взять на себя ответственность по простой причине: с людьми проводили предварительную «разъяснительную» работу, к тому же страх и безысходность все чаще поселялись в душах верующих.

С 1937 г. стали выходить практически серийные постановления облисполкомов. В них содержался один и тот же текст: «Ввиду того, что молитвенное здание в ... (название населенного пункта) по прямому назначению не используется с ... (год закрытия церкви), находится в бесхозном состоянии, и община верующих отказывается от дальнейшего использования молитвенного здания, – утвердить постановление ... (название рай/горисполкома) от ... (число) – молитвенное здание в ... (название населенного пункта) закрыть и передать его ... (название) сельскому (городскому) совету для использования на культурные цели...»

Приведем типовое решение, вынесенное комиссией по вопросам культов при Новосибирском облисполкоме от 22 сентября 1938 г.: «5. Слушали: Ходатайство Кемеровского горсовета о закрытии церкви в Рудничном поселке. Церковная община от содержания церкви отказалась. Подала заявление о принятии от нее церковного здания. Постановили: Ходатайство Кемеровского горсовета о закрытии церкви в рабочем поселке и использовании здания для культурных целей – удовлетворить» (см.: ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 80. Л. 8). В течение 1938 г. на каждом заседании областной комиссии выносилось от десяти и более аналогичных решений.

Участь отобранных церквей складывалась по-разному. В Тюмени еще в 1929 г. комиссией горсовета были определены под переделку следующие культовые здания: Знаменский собор – под клуб физкультурников, Успенская, Ильинская, Архангельская церкви – под школы, Спасская – под общежитие курсантов, Георгиевская – под клуб кожевников, польский костел – под склад Военторга; Благовещенский собор – под музей и т. д. (ЦДНИТюО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 39. Л. 16).

«Енисейская правда» рапортовала в ноябре 1934 г.: «Там, где церковники одурачивали верующих, теперь работает социалистическое предприятие. Все здание бывшего храма религиозного дурмана перестроено в здание механической мастерской социалистического труда, куда переходят слесарные бригады для ремонта судов» [Холина, 2009]. К 1940 г. на

территории современной Томской области в 1931–1935 гг. были снесены десять церквей, 464 церкви отданы по школы клубы, избы-читальни, в одной разместились склады и мастерские, одна церковь была отдана под Архив Дальнего Востока (ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3358. Л. 24).

При всем прагматизме режима, далеко не всегда удавалось «утилизировать церкви на общегосударственные нужды» (выражение П. Красикова). Часть церковных помещений пустовала или заполнялась временно, в связи с этим здания приходили в упадок и разрушались.

В ажиотаже антирелигиозной борьбы физически полностью уничтожали многие здания церквей, которые находились в нормальном техническом состоянии, и их можно было для чего-нибудь использовать. Но, видимо, задача состояла именно в тотальном уничтожении храмов, стирании их с лица земли, чтобы камня на камне не оставалось от «религиозной заразы». Такие демонстрационные уничтожения были тоже частью антирелигиозных мобилизаций: «Мы – строители нового мира – не боимся божьей кары, ибо его – бога – и нет!» Участь Храма Христа Спасителя постигла и многие другие церкви по всей стране. Так, в Иркутске был снесен Казанский кафедральный собор, в Новосибирске – Никольская часовня и Пророка-Данилова церковь, в Томске – Троицкий кафедральный собор (построенный по проекту выдающегося архитектора Тона) и еще десять храмов (Сретенская, Духосошестввенская, Преображенская церкви, Благовещенский собор и др.), в Омске – Воскресенский собор и Ильинская церковь. В Таре Омской области после закрытия было разобрано шесть церквей. И так – по всей Сибири.

В 1935 г., по данным иеромонаха Дамаскина, в Советской России было 25 тыс. действующих церквей. К 1 апреля 1936 г. в стране оставалось 15 835 действующих храмов. В 1937 г., по данным протоирея В. Цыпина, было закрыто 8 тыс. церквей, следовательно, к 1938 г. оставалось еще примерно 7 тыс. храмов. Итоговая статистика: за 1935–1936 гг. было закрыто около 10 тыс. церквей, в 1937 г. – 8 тыс., в 1938 г. перестали действовать более 6 тыс. храмов. По данным М.В. Шкаровского, из дореволюционных российских храмов действовало в начале войны примерно 350–400 церквей, т. е. в 1939–1941 гг. ежегодно закрывалось 300–400 храмов. Официально вплоть до 1941 г. в стране числилось 5 тыс. православных обществ на старых территориях, но реально 90 % из них не действовало из-за отсутствия священника. Их сняли с регистрации лишь в 1941 г. (см.: [Губкин, 2006]).

Численность закрытых молитвенных домов верующих других исповеданий в процентном отношении от числа некогда существовавших был еще выше. Без храмовых зданий остались католики, иудеи, мусульмане, протестанты. Практически повсеместно перестали действовать и старообрядческие церкви. Таким образом, мобилизационные антихрамовые кампании достигли своих результатов. Важнейшее проявление религиозной жизни верующих – посещение молитвенных домов и отправление в них обрядов, проведение церковных служб стало к концу 1930-х гг. носить очень ограниченный характер.

Репрессивные кампании в отношении священнослужителей

Как уже отмечалось, одной из распространенных причин закрытия церквей и молитвенных домов стало то, что в них некому было вести службу, поскольку последовательно проводилась политика по изоляции (тюрьма, ссылка) и физическому уничтожению служителей культа. Репрессии против духовенства и верующих были еще одной формой перманентной для 1920–1930-х гг. антирелигиозной мобилизацией. Они осуществлялись на всем протяжении рассматриваемого периода, будучи частью общей репрессивной политики большевистского режима, но в то же время имели собственные цели и причины. Преследование людей церкви и веры подавалось пропагандой как часть борьбы с контрреволюцией, врагами советской власти, врагами народа, «бывшими» и пр. Но нередко верующие становились специальной мишенью режима именно как носители чуждого для новой системы мировоззрения, чуждой и враждебной идеологии. Известно, что служители и члены церквей попали в число преследуемых буквально в первые дни прихода большевиков к власти. В период «красного террора» погибли многие видные духовные деятели церкви – митрополит Киевский Владимир, настоятель Казанского Собора протоиерей Орнатский, протоиереи Иоанн Восторгов и Иоанн Кочуров и другие известные и неизвестные священники, монахи и монахини РПЦ, католические, лютеранские и иные церковные иерархи и священнослужители. Страшную мученическую смерть в 1918 г. принял от рук красноармейцев тобольский епископ Гермоген, которого с привязанным на шею камнем сбросили еще живым в реку (Офиц. сайт Тобольско-Тюменской епархии. URL: http://www.tobolsk-eparhia.ru/p/pages.php?id=t04_3).

По имеющимся, далеко не полным, данным ВЧК того времени, в 1918 г. было расстреляно 827 священнослужителей, в 1919 г. – 19, заключено в тюрьму 69 чел. [Кривова, 1999]. В 1922 г., в период изъятия ценностей, состоялся 231 процесс, по которому проходило 732 чел. из числа духовенства и верующих, многие из них были приговорены к расстрелу [Бутовский полигон.... Вып. 2. С. 34]. За сопротивление изъятию ценностей в 1922 г. суду Ревтрибунала была предана большая группа духовенства и верующих в Томске. Среди них был и епископ Томский Виктор (Богоявленский). Весь ход процесса активно освещался в газете «Красное знамя», которая упорно и целенаправленно рисовала неприглядный облик людей церкви, формировала ненависть к ним. К счастью, вынесенный смертный приговор участникам «дела томских церковников» был заменен на длительные сроки заключения (см.: [Фаст М.В., Фаст Н.П., 2004. С. 35–39]). Всего по Сибири, по подсчетам В.Н. Уйманова, в первой половине 1922 г. было возбуждено 12 уголовных дел, главными фигурантами которых выступали «саботажники» помощи голодающим в виде изъятия ценностей из храмов. К расстрелу при этом были приговорены 10 чел. [Уйманов, 2012. С. 258].

Второй пик репрессивной активности в отношении священнослужителей и верующих пришелся на конец 1920-х – начало 1930-х гг. и в значительной мере был связан с той политикой, которую осуществляли в это время большевики против российской деревни. Власти прекрасно понимали, что религиозные

настроения крестьянства – это немаловажный фактор традиционного образа жизни. А когда была объявлена война такому укладу, то под очередной удар попали религиозные объединения, их духовные наставники и молитвенные дома. С 1929 г. аресты и привлечение к суду представителей церкви стали почти массовыми. Священнослужителей арестовывали и по одиночке, и как участников какой-либо антисоветской организации. Так, в 1930 г. в Томске прошли массовые аресты: было задержано 60 чел., из них шесть священников. Обвинения были стандартные – антисоветская деятельность, за что 50 арестованных приговорили к расстрелу [Фаст М.В., Фаст Н.П., 2004. С. 75].

В Томске же в 1931 г. состоялись аресты католического священника Ю. Гронского, старосты костела С. Пронского и еще 18 чел. из числа томских католиков. До расстрела в этот раз не дошло, хотя преследование католиков в стране в целом было очень жестким.

Помимо одиночных преследований представителей веры, с первых лет советской власти вошла в практику организация (фальсификация) т. н. групповых дел, по которым к судебной ответственности сразу привлекалось значительное количество членов религиозных организаций. С точки зрения мобилизационных целей такие групповые дела имели больший пропагандистский резонанс. Одними из крупных групповых процессов антирелигиозной и антицерковной направленности стали дела по «Белогвардейскому заговору» и «Сибирскому братству». В результате спецоперации, проведенной по первому делу, на Алтае были арестованы «46 попов и 41 церковник». Почти сплошной зачистке от священников подверглись церкви Бийска, Барнаула, Бийского, Смоленского и др. районов, а также Ойрот-Туры [Уйманов, 2012. С. 275]. Дело «Сибирского братства» было сфабриковано органами ОГПУ с целью разгрома старообрядческой церкви. Власти не поленились прочесать томскую тайгу в поисках скитов, где, по их мнению, скрывались члены «Старообрядческой контрреволюционной повстанческой организации». По делу было осуждено 283 чел., среди них три старообрядческих епископа, 32 священника и начетника, 74 монаха [Фаст М.В., Фаст Н.П., 2004. С. 79].

Не всегда приговоры были результатом выбивания признаний в несовершенных преступлениях. Так, в начале 1930-х гг. Особой тройкой ОГПУ по Западно-Сибирскому краю была осуждена группа священнослужителей и мирян Новосибирска, которые с гордостью признали свою вину в том, что совершили противоправное деяние, квалифицированное обвинителями как контрреволюционное. И это не был вынужденный самооговор, которых в тот период встречалось довольно. Более того, обвиняемые игумен Иосиф (Ливанов) и протоиерей Василий Курков подчеркнули, что они совершали то, в чем их обвинили, согласно велению совести и христианского долга. Дело в том, что представшие перед судом члены церкви организовали сбор средств и продуктов для арестованного духовенства. Специальные тарелочные сборы проходили в церквях, на эти деньги закупались продукты, которые миряне и монахини передавали в пересыльную тюрьму и в другие места, где находились осужденные или арестованные епископы, священники и простые верующие. Эта естественная благотворительность и была квалифицирована как

контрреволюционная деятельность, за которую суд приговорил новосибирских священников, монахов и мирян к пребыванию в БАМлаге на срок от 3 до 5 лет [Свет негасимый...]

В 1937 г. процессы над представителями церкви шли один за другим и по стране в целом, и в Сибири. Аресты и придание суду священноначальников и мирян именно большими группами было в это время характерной чертой. Таким образом решались следующие задачи: подтверждалась идея о наличии для советской власти большой опасности и, стало быть, об обострении классовой борьбы; доказывалось, что от религиозно настроенных людей не стоит ожидать лояльности, ну и, наконец, групповые судебные процессы позволяли одним махом расправляться с большим количеством врагов.

В июле 1937 г. в Новосибирске был вынесен жестокий приговор группе арестованных, среди которых были архиепископ Сергей, благочинный протоиерей Александр Аристов, бывший настоятель Вознесенской церкви, протоиерей Василий Вавилов, настоятель Никольской церкви села Новолугового архимандрит Сергей (Скрипальщиков). Все они проходили по делу «Сибирского церковно-монархического совета». Обвинение было традиционным: контрреволюционная деятельность в виде подготовки вооруженного восстания и формирования повстанческой группы. При этом трижды допрошенный в ходе следствия архимандрит категорически отрицал вину и свою, и своих собратьев священников, заявляя, что никаких контрреволюционных и вообще политических разговоров они не вели и, тем более, никаких таких действий не предпринимали. Власти действовали быстро и решительно: приговор в виде смертной казни, вынесенный 25 июля, через четыре дня был приведен в исполнение [Шабунин, 2008. С. 611–619]. Но аресты и расстрелы духовных лиц и верующих в Новосибирске на этом не закончились, они продолжались до конца 1938 г.

Как пишут авторы очерка «Свет негасимый...», по данным Комиссии по канонизации святых при Новосибирской епархии, за это время (1937–1938 гг.) в Новосибирске было арестовано и осуждено по «церковным делам» более 200 чел. Помимо уже названных архиепископа Сергея (Василькова), протоиереев Василия Вавилова, Александра Аристова, Василия Куркова, архимандрита Сергея (Скрипальщикова), это епископ Евфимий (Лапин), протоиереи Владимир Тихомиров, Василий Екшибаров, Илия Копылов, Иоанн Боголюбов, священники Николай Чемерзов, Петр Матузков, Константин Попов, Вячеслав Беляев, Иоанн Россов, Евгений Смирнов, Владимир Пешехонов, Илия Седаков, Василий Выхованец, Андрей Бирюков, протодиакон Александр Казанский, Григорий Солодилов, Евфимий Белошапкин, миряне Тит Арсентьевич Дмитраков, Тихон Акимович Щукин, Вера Михайловна Астафьева и мн. др.

В июле же 1937 г. была арестована большая группа членов РПЦ в Барнауле, среди них священники Знаменской, Троицкой, Покровской, Вознесенской и других церквей Алтайского края в Бийске, Рубцовске, Змеиногорске, а также епископ Барнаульский и Бийский М.В. Дагаев и даже сторожа церквей, изготовители свечей и др. Все они были причислены к членам кадетско-монархической контрреволюционной организации, связанной с РОБС. Из

30 чел., проходивших по этому делу, 27 были приговорены к высшей мере наказания [Уйманов, 2012. С. 279].

Омские власти также не отставали от соседей в деле выявления, осуждения и скорого наказания участников контрреволюционных организаций из среды верующих и духовенства. Здесь в 1935 г. была арестована группа «церковников-вредителей», возглавляемая 73-летним местным архиепископом Алексием (Орловым). Тогда расстрела не последовало, но через два года по очередному обвинению архипастырь получил высшую меру наказания. В 1937 г. в Омске было сфабриковано несколько громких дел с участием церковников: за участие в движении «Борьба за церковь и религию», создание контрреволюционной организации «Омское епархиальное братство и др.» [Там же. С. 279–280].

В 1937–1938 гг. должность руководителя епархии, сан епископа, архиепископа, митрополита стали буквально расстрельными. Только в 1937 г. было арестовано 59 епископов (и еще 39 обновленческих), расстреляно 60 чел. Тогда погибли митрополиты Петр (Полянский), Серафим (Чичагов), Серафим (Мещеряков), Константин (Дьяков), Евгений (Зернов), архиепископы Серафим (Звездинский) и много других иерархов, в т. ч. служивших в Сибири [Губкин, 2006]. Так, в Краснодаре был расстрелян служивший в свое время в Сибири епископ Софроний (Арефьев), в Минске – скандально известный в Сибири обновленческий митрополит Петр Блинов. Был расстрелян ушедший в старообрядчество епископ Андрей (князь Ухтомский). Расстреляли и другого видного деятеля обновленчества в Сибири – митрополита Западно-Сибирского Александра Введенского*. Помимо уже названных, были расстреляны также из служивших в разное время на сибирских кафедрах епископы Серафим (Кокотов), Герман (Кокель), Серафим (Шамшев), архиепископ Борис (Шипулин) и др.

Но и среди рядового священства потери были колоссальными (см., напр.: [Фаст М.В., Фаст Н.П., 2004]). Абсолютно точных цифр этот счет нет, разные авторы оперируют разными показателями. Так, по данным Комиссии по реабилитации Московской Патриархии, к 1941 г. было репрессировано за веру 350 тыс. чел., из них 140 тыс. священнослужителей. В 1937–1938 гг. пострадало 150 тыс. чел., из них 80 тыс. расстреляно. Протоирей Г. Митрофанов называет следующие цифры: в 1937–1941 гг. по религиозным делам было репрессировано 172 тыс. чел., из них 116 тыс. чел. расстреляно. О. Васильева называет цифру в 200 тыс. репрессированных и 100 тыс. расстрелянных в 1937–1938 гг. (см.: [Губкин, 2006]). Подавляющее большинство священников с 1917 г. арестовывалось и наказывалось неоднократно, причем часть из них подвергалась преследованию, даже если они по каким-либо причинам уже не несли духовного сана.

В борьбе с религией и церковью, верующими власть проявляла ничем не оправданную жестокость и цинизм. В 1938 г. в Таре по обвинению в контр-

---

* Сопоставив разные имеющиеся в литературе цифры, О. Губкин полагает, что в 1936–1938 гг. мученически пострадали за Христа около 200 архиереев.

революционной деятельности были арестованы 16 чел., из них девять были женщинами: монахини и жена священника. Средний возраст контрреволюционеров приближался к 60 годам, а старшей из них вообще было свыше 80 лет. Монахини и попадая категорически не признавали за собой никакой вины. Но меньше чем через месяц после ареста все они были расстреляны [Уйманов, 2012. С. 281].

Но не только православное священство и верующие подвергались репрессиям. С первых лет советской власти преследовались и представители других конфессий, а с конца 1920-х гг. эти преследования активизировались, в т. ч. и в отношении протестантских организаций. Так, усилились гонения на «сектантов» и «секты», к коим относили организации всех протестантских деноминаций, а также собственно русское сектантство – молокан, духоборов, истинно-православных христиан и др. Этот натиск также был связан с процессом коллективизации. К этому времени представители названных вероисповеданий создали немало артелей, кооперативов, в т. ч. и сельскохозяйственных, а политика по созданию колхозов требовала уничтожения иных форм организации сельскохозяйственного труда и быта. Поэтому в антирелигиозной пропаганде с этого времени стал особо культивироваться негативный образ сектанта-кулака или подкулачника. По данным А.И. Савина, уже в 1928–1929 гг. в Западной Сибири было организовано несколько громких судебных дел против баптистов, меннонитов и других протестантов, приговоры по многим из которых были расстрельные [Советское государство и евангельские церкви..., 2004. С. 51–52]. Расправы над верующими баптистами, евангелистами, меннонитами, лютеранами стали в Сибири обыденной практикой (см.: [Этноконфессия в советском государстве..., 2006. С. 357–417]). В результате оперативной работы спецорганов, как они сами докладывали партийному руководству, в немецких колониях Западно-Сибирского края в 1934 г. было ликвидировано пять контрреволюционных фашистских организаций, 84 группировки и 33 одиночки, к ответственности были привлечены 577 чел. [Там же. С. 419–422]. Вообще, обвинение верующих и проповедников протестантских деноминаций в пособничестве фашизму было распространенным явлением. Помимо этого их обличали за развал колхозов, срыв хлебо- и других сельхоззаготовок, за активное привлечение и религиозное растление молодежи, за эмигрантские настроения, шпионскую деятельность и много еще за что... В 1937 г. сотрудниками УНКВД по Западно-Сибирскому краю была «вскрыта» шпионско-диверсионная организация сектантов Сибкрая. Аресты по этому делу носили массовый характер: было привлечено около 800 членов евангельских общин практически по всем районам Западной Сибири [Уйманов, 2012. С. 291, 293]. В 1937–1938 гг. расстрелы баптистов, меннонитов, евангельских христиан, молокан стали почти обыденным явлением. В Омской области, например, по данным А.И. Савина, расстрельные приговоры баптистам, евангелистам были вынесены «тройками» 17, 23, 27 августа, 2, 4, 16, 26, 29 сентября, 10, 15, ноября, 10 декабря 1937 г., 10, 12, 14, 15 марта 1938 г. [Советское государство и евангельские церкви..., 2004. С. 73–76]. К высшей мере приговаривали большими группами, приговоры приводили в исполнение. И это далеко не полный перечень расстрелянных верующих, пресвитеров, проповедников, включая руководство

сибирских протестантских церквей.

Массовых репрессий не избежали и мусульмане, в т. ч. сибирские. Так, в 1937–1939 гг. более 200 мусульман были репрессированы по делу «Гаскери Уешма». Аресты и расправы шли поэтапно, поскольку спецорганы каждый раз вскрывали якобы новую контрреволюционную ячейку. Верующие-мусульмане по традиционной обвинительной схеме разоблачались в членстве в «Военно-мусульманской контрреволюционно-повстанческой организации “Гаскери Уешма”», которая, по версии следствия, ставила целью ни много, ни мало создание в Сибири исламского пантюркистского государства под протекторатом Японии и Турции. А члены организации занимались вербовкой новых лиц, вели контрреволюционную агитацию, шпионскую и разведывательную деятельность в пользу трех государств – Японии, Турции и Кореи. Приговорами «троек» УНКВД Новосибирской области более 200 чел., проходивших по делу «Гаскери Уешма», были осуждены по ст. 58-2, 58-6, 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР и приговорены к расстрелу [Меражов, 2013].

Таковы в самых общих чертах основные антирелигиозные мобилизации, использовавшиеся политическим режимом в 1920–1930-е гг. Большая часть из них в краткосрочной перспективе достигала необходимых для власти результатов: монастыри, ценности, церкви, колокола изымались и использовались для нужд государства, оппоненты, враги уничтожались.

Пропагандистские кампании

Очевидно мобилизационный характер носили практически все антирелигиозные практики, в т. ч. агитационно-пропагандистские и воспитательные. Следует отметить, что система антирелигиозной пропаганды и воспитания начала формироваться с первых дней существования советской власти, поскольку советское руководство понимало, что одними репрессиями с религией, церковью, тем более с верой не справиться. «Мы не должны давать церкви возможность разыгрывать мученическую роль, – говорил в 1918 г. А.В. Луначарский, – наше непрерывное наступление на нее должно вестись в форме диспутов, статей, брошюр» (см.: [Бакаев, 2002. С. 49]).

Именно тогда были выработаны основные методы антирелигиозной пропагандистской работы, ее тактика и стратегия. И они существенно не менялись вплоть до краха советской системы. По сути своей эта система была логическим продолжением идеи об отделении церкви от государства, которая предполагала изолирование общества от влияния церкви и религии. Следует также признать, что, по логике советской власти, тотальная антирелигиозная пропаганда нисколько не противоречила свободе совести, а наоборот, являлась ее высшим проявлением [Лёвин, 2010].

Одной из первых, но долговременных чисто пропагандистских кампаний советской власти стала работа по разъяснению целей, назначения, содержания и путей реализации Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Изучение данного документа включалось в программы школ политграмоты, парткурсов, на которых активистов учили методам ведения антирелигиозной пропаганды.

Как уже отмечалось, несмотря на существование формальных законодательных положений о свободе совести, требований не допускать в антирелигиозной работе оскорбления чувств верующих, в реальной исторической практике доминировал воинствующий подход к «решению религиозного вопроса», причем это было характерно и для антирелигиозной пропаганды. Все попытки предупредить антирелигиозный пропагандистский экстремизм не имели даже временного успеха. Так, в циркулярном письме ЦК РКП(б) от 5 сентября 1924 г. всем облбюро ЦК, крайкомам, обкомам и губкомам РКП(б) указывалось: «Борьба с религиозными предрассудками требует прежде всего широкой разъяснительной и агитационной работы партии, а также зависит от степени успешности деятельности органов власти на местах. Антирелигиозная пропаганда должна вестись в форме популярного разъяснения естественно-научных и политических знаний, подрывающих веру в бога и разоблачающих на данных конкретных фактах шарлатанство и корыстолюбие устроителей чудес, обновлений и т. п.». При этом следует избегать «массовой антирелигиозной агитации (диспуты, инсценировки и т. п.) которые резко оскорбляют и задевают чувства верующей части населения» (см.: [Бакаев, 2002. С. 51]). Тем не менее, излюбленными формами агитпропагандистской работы, наряду с многочисленными лекциями, читками, беседами на атеистические темы, вечерами вопросов и ответов и пр., продолжали оставаться всякого рода антирелигиозные карнавалы, шествия, диспуты, политсуды и др. При этом, как отмечает Т.Г. Леонтьева, власть учитывала традиционную склонность населения к ритуалистике и умело использовала ее. «Коммунисты, – пишет она, – проявляли незаурядную изобретательность (или умение копировать, добавим мы. – Л. С.) в создании новых обрядов, обычаев, праздников» [Леонтьева, 2009].

Самыми широко используемыми в то время были компании, связанные с проведением антирождества и антипасхи. В стремлении к эффектизации данных мероприятий их организаторы были неутомимы. Обязательным мероприятием антипраздников являлось публичное сожжение либо икон, либо макета церкви, либо облачения священника. Любили также в эти дни, всегда совпадавшие со значимыми религиозными праздниками, устраивать и такие церемонии, как снятие колоколов или торжественное открытие в бывшем молитвенном здании какого-нибудь клуба, красного уголка.

К Пасхе в местной прессе печатали специальные лозунги; приведем лишь некоторые из них: «Религия – враг индустриализации страны», «Усилим огонь по церковникам и сектантам, заклятым врагам советской власти», «Против пасхи – за новый быт, за нового человека», «Превратим пасху в обычный рабочий день», «Превратим колхозы и совхозы в центры безбожия» и т. д.

Развернулось движение за «новые имена». Стали появляться десятки новых имен, отражавших веяние времени. Комсомольцы подавали пример населению, практикуя изменение собственных имен и даже фамилий в революционном духе. В декабре 1923 г. по инициативе и под руководством комсомольской ячейки состоялись первые советские «крестины» на тюменской фабрике «Пламя» и в железнодорожном клубе Ишима. В феврале 1924 г. пролетарские «крестины» – имянаречение – были в первый раз отмечены в Тобольске. В центральном клубе

города состоялась торжественная регистрация новорожденных у беспартийных деревообрабочников Доровниковой и Обрядовой. Их дочери получили имена Ленина и Маина [Дронова, 2011. С. 66].

Ведущее место в деле атеистического воспитания отводилось советской школе, да и всей системе просвещения и образования. Власти справедливо полагали, что борьба за души должна начинаться как можно раньше. Программы учебных дисциплин пропитывались антирелигиозным содержанием. Школьный учитель обязан был быть воинствующим безбожником (подробнее см.: [Синельников]).

Советская печать вносила огромный вклад в обеспечение антирелигиозных мобилизаций, будучи рупором партии и государства. Для разъяснения политики большевиков в религиозном вопросе уже с февраля 1919 г. (в разгар Гражданской войны) VIII отдел НКЮ стал издавать журнал «Революция и церковь». Редактировал его П.А. Красиков. О важности для большевиков роли прессы в антирелигиозной работе свидетельствует и тот факт, что в 1920–1930-е гг. издавалось несколько специализированных газет («Безбожник», «Безбожник у станка») и журналов («Антирелигиозник», «Атеист», «Безбожник»). Материалы данных и других изданий, носили преимущественно обличительный, контрпропагандистский характер, отличались прямолинейностью (примитивностью) суждений о религии и упрощенностью представлений о путях ее преодоления. Именно газеты мобилизовывали население на борьбу с религией и церковью.

Так, в газете «Советская Сибирь» 28 июля 1929 г. была помещена подборка писем от различных трудовых коллективов с единодушным требованием объявить «массовый поход против религиозного дурмана». Предлагалось немедленно выгнать из молитвенных домов всех сектантов, старообрядцев и отдать помещения под жилье рабочим. Синагогу планировали превратить в клуб грузчиков, а Покровскую церковь – в клуб рабочих автопрома [Наша малая Родина..., 1997. С. 34].

По подсчетам В.В. Дроновой, треть номеров газеты «Советский Север», издававшейся в Тобольске в 1929 г., содержала материалы антирелигиозного направления. Большинство публикаций касалось борьбы с религиозными праздниками, вопросов школьного антирелигиозного воспитания. В канун значимых христианских и мусульманских праздников антирелигиозной пропаганде газета отдавала целые страницы [Дронова, 2011].

Газета «Сталинская молодежь» (Калининская область) в 1937 г. накануне Пасхи (а она совпадала в том году с 1 мая) в статье с «безобидным» в общем-то (поскольку привычным) названием «Против поповской пасхи» так разошлась, что от обычного разоблачения «нелепого» религиозного праздника перешла к более серьезным обличениям, напомнив читателям, что именно «с благословения попов ведут кровавую бойню против испанского народа» немецкие, итальянские и испанские фашисты и что «таких примеров тесного сотрудничества церковников с фашистскими генералами можно привести сотни» [Леонтьева, 2011. С. 356].

К антирелигиозной пропаганде подключались издательства, которые с первых

лет советской власти печатали значительными тиражами антирелигиозную литературу, в основном в форме популяризаторских брошюр. Так, уже в 1920 г., едва закончилась Гражданская война, Сибирское областное отделение Госиздата выпустило общим тиражом в 10,5 тыс. экз. брошюры «Религия и коммунизм», «Церковь и государство», «Церковь и школа в Советской республике» [Бакаев, 2002. С. 56]. Только за годы «безбожной пятилетки» было издано 3 млн 853 тыс. экз. антирелигиозной литературы: в 1933 г. – 209 названий книг антирелигиозного содержания тиражом 1 807 тыс. экз., в 1934 г. – 129 названий тиражом в 1 568 тыс. экз., в 1936 г. – 57 названий тиражом в 478 тыс. экз. [Всесоюзная перепись населения..., 2007. С. 310].

Много издавалось тематических работ, вышедших из-под пера видных деятелей и руководителей партии, включая первых лиц: В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, М.И. Калинина. Высказанные ими идеи становились основой практической антирелигиозной политики. В статусе руководящих и направляющих идей числились труды организаторов и вдохновителей антирелигиозной работы: В.Д. Бонч-Бруевича, П.А. Красикова, Н.К. Крупской, Е.М. Ярославского. На ниве научно-литературной деятельности по разоблачению религии, формирования негативного образа церкви, религиозной веры, духовенства в 1920–1930-е гг. активно трудились такие авторы, как Ф. Путинцев, А. Долотов, И. Узков, Е. Тучков, Б. Кандидов, М. Горев и др.

Минимум научности, максимум публицистичности – таков был самый общий характер изданий 1920–1930-х гг. Перенасыщенность фактами об антинародной сущности и деятельности духовенства, религиозного актива изначально предполагала мобилизационную подобную литературы.

Пропагандистские приемы авторов антирелигиозной литературы соответствовали сложившейся тогда практике антирелигиозной мобилизации. Язык «трудов» был едкий и хлесткий, активно использовались полуправда и откровенная ложь, единичные примеры выдавались за типичное явление. Обвинение церквей, священников, верующих в контрреволюционной деятельности было постоянным и являлось мощным мобилизационным фактором, призванным сплотить трудящихся на охрану советской власти от религиозных организаций.

В антирелигиозных практиках объектами очернения, обличения и осмеяния выступало все, что имело хоть какое то отношение к религии. Она, собственно, и была главной целью. Порицались, разоблачались и осмеивались боги, святые, религиозная догматика, религиозные тексты, в первую очередь Священные книги, религиозные авторы, особенно евангелисты, религиозные таинства, праздники и обряды, проповеди, молитвы, иконы и пр. Другим излюбленным объектом пропагандистских нападок были церковные институты – церковь как организация и структура, монастыри, религиозные деноминации и секты. Здесь уровень бесцеремонности и даже ненависти был еще выше. Давалась самая негативная оценка истории церкви, ее роли в обществе. Церковь представлялась пристанищем мракобесов, реакционеров и врагов трудящихся. Но самый высокий накал энергии отрицания и уничтожения направлялся на духовенство, служителей культов всех конфессий. И, наконец, еще одним объектом антирелигиозного воздействия были верующие,

которых снисходительно жалели за их заблуждения, но могли и жестко обличить, если они мешали делу социализма. Вот как это сделал В. Маяковский [1958]:

Это – церковь, божий храм, сюда старухи приходят по утрам.

Сделали картинку, назвали – «бог», и ждут, чтобы этот бог помог.

Глупые тоже – картинка им никак не поможет.

Способы воздействия на лиц духовного звания использовались разные: унижения и оскорбления, лишение возможности служить, ограничение в гражданских правах, ухудшение материального положения, репрессии, заключение и, наконец, физическое уничтожение. Все лица духовного звания (монахи, священники, проповедники, миссионеры и т. д.) как «бывшие» попадали в категорию «лишенцев» – были лишены активного и пассивного избирательного права. Они платили непомерные налоги (от 75 % от доходов и более). Естественно, они не могли рассчитывать на государственную пенсию или какую-то другую социальную поддержку. Лишенных сана священнослужителей не брали на учет на биржах трудах. Их членство в кооперативах и колхозах было нежелательным. Таким образом, жизнь в советской стране для всех лиц духовного звания была одним сплошным испытанием.

Формирование резко негативного образа священнослужителя, в первую очередь православного духовенства, становилось и целью, и средством антирелигиозной пропаганды. По подсчетам Н.М. Бурик, на страницах газеты «Красный Алтай» с 1921 по 1930 гг. появилось 27 статей данной направленности, не считая других антирелигиозных и антицерковных публикаций. Самым безобидным приемом критики священников были называние их «жуликами», «пройдохами», «ловкими торговцами», «чревоугодниками», «сластолюбцами» и пр. Встречались в «Красном Алтае» и более зловещие сравнения «попов» (само данное слово, по мысли авторов, изначально несло отрицательную коннотацию): «алчное животное», «двуногая щука» (надо полагать, хищник), «палач в рясе» и др. В одном из номеров газеты за 1921 г. помещена публикация «Русский народ о попах», в которой приводятся различные высказывания и поговорки, сочиненные, к слову сказать, действительно русским народом о представителях церкви: «Попы как клопы», «Смелого ищи в тюрьме, а глупого в попах» и др. Красноречивы и не нуждаются в комментариях сами названия заметок о священнослужителях: «Распространяющий зловоние», «Теплая компания», «Все попы – на одну статью», «Пьяный поп» и др. Особенно любили приводить примеры о «мздоимстве» священников, которые якобы устанавливали непомерно высокие «таксы» за исполнение церковных обрядов и треб и тем самым наживались на безграмотном люде. Особой удачей для газеты считалось получить материал о добровольном отречении от сана, особенно если бывший поп выступал с заявлением, объясняя свое решение в антицерковном духе. «Займусь честным трудом, а не обманом и выдумкой», – делился на страницах «Красного Алтая» один из них. Среди других тем газетной антипоповской пропаганды – разоблачение священнослужителей, которые в период изъятия церковных ценностей не хотели их отдавать реквизиторам, освещение судебных процес-

сов, по которым проходили представители православного клира, обвинявшиеся в антисоветской деятельности [Бурик, 2011. С. 84]. С началом политики «раскулачивания» священники стали ассоциироваться с кулаками, им приписывались антиколхозные настроения и действия: «Поп и кулак – заправила села».

Достаточно быстро сформировался антирелигиозный дискурс, суть которого сводилась к обозначению всего, что связано с религией, «не нашим», идеологически чуждым, политически враждебным, морально-духовным, не нужным и даже вредным. Ключевыми словами дискурса стали «церковники», «сектанты», «религиозники», «мракобесы». Как отмечает Т.Г. Леонтьева [2011. С. 350], большевистский новояз включал в себя не только множество неблагозвучных аббревиатур, но и словообразов, призванных в обобщенном виде закрепить образ «чужого» и «врага». Например, термин «церковники» в советской редакции был настолько емким, что объединял не просто служителей культа – священников и дьяконов, но и членов церковных «двадцаток», певчих и даже церковных сторожей и уборщиц. Столь же широким было понятие «сектант». Данные термины имели мощную мобилизационную наполненность и призваны были изначально вызывать неприязнь к врагу и спланировать на борьбу с ним.

Если в 1920-е гг., по мысли Т. Леонтьевой, в описании священнослужителей доминировали эпитеты, граничившие с вульгарно-бытовыми оскорблениями в их адрес (долгогривые, долгополые, черные орлы, ненасытная утроба и т. п.), то к концу 1930-х гг. лексика становится политически более насыщенной: «кулацкие подпевалы, сподручные», «фашистские прихвостни».

Медийными площадками, на которых размещалась разнообразная антирелигиозная продукция большевистской пропаганды, служили общесоюзные и региональные партийно-государственные издания, а также многочисленные специализированные газеты и журналы «Безбожник», «Безбожник у станка», «Безбожный крокодил». Бесконечными тиражами выходили разнообразные «Антирелигиозные сборники», «Антирелигиозные хрестоматии», «Антирелигиозные настольники», «Азбуки безбожника», «Антирождественские сборники», «Антипасхальные сборники» и другие издания, предназначенные для агитаторов и пропагандистов, лекторов и прочих «бойцов антирелигиозного фронта», а также для рядового читателя.

Для критики и отрицания религии (а это был самый сложный участок работы безбожников) использовались разные приемы, темы и поводы. Например, в первой половине 1920-х гг. большевистские теоретики и практики атеизма упорно решали «проблему Христа» (см. об этом блестящую статью: [Дождикова, 2009]). Часть из них стояла на позиции историчности его образа, пытаясь сравнивать назаретянина то с первым коммунистом, то с организатором народных масс на антиправительственную борьбу. Другие, наоборот, отрицали хоть какую-либо историчность Иисуса, утверждая, что это придуманный, мифологический образ, который используется церковью исключительно для обмана. Развенчать этот обман и была призвана антирелигиозная пропаганда. Надо признать, что большевики не были первыми, кто

пытался очернить Христа, что развенчание евангельского образа Иисуса в советской литературе того времени опиралось на целую традицию, достаточно полно представленную зарубежными переводными и отечественными авторами*.

Действительно, антиклерикальная, да и в целом антитеистская традиция в мире – очень давняя и имела солидных и талантливых авторов. Большевики много и охотно использовали их произведения, подчеркивая при этом свою преемственность с лучшими образцами свободолобивой мысли, на самом же деле совершенно не дотягивая до нее и обесценивая тем самым атеистическую литературу.

На антирелигиозном литературном поприще подвизались многие известные большевики, которые претендовали на то, чтобы их труды признавались подлинно научно-атеистическими и служили теоретической основой для практической работы безбожников. Это было тем важно, что формально правившая партия на всем протяжении антирелигиозной кампании призывала вести борьбу с ней с позиций материалистических, марксистских и, стало быть, научных. Каков был статус такой научности и такого теоретизирования, можно понять, познакомившись только с несколькими из таких работ. Так, план выступления Н.И. Бухарина на съезде учителей включал следующие пункты: 1. Вера в бога и черта есть затемнение сознания трудящихся. 2. Почитание душ умерших богатеев было основой религии. 3. Слово «бог» происходит от слова «богатый». 4. Вера в бога есть вера в рабство. 5. Церковь была организацией буржуазного государства (см.: [Филиппов]). Может, конечно, это был сознательный прием примитивизации не самого глупого лидера партии, но выступать он планировал не перед неграмотной аудиторией. Но бухаринские тезисы представляли почти безобидную вещь на фоне более провокационных и религиофобных литературно-теоретических изысканий. Особенно заметно это было в публикациях непосредственных организаторов и руководителей антирелигиозной борьбы.

Среди одиозных фигур антирелигиозного движения первых лет советской власти выделяется И.А. Шпицберг, бывший наиболее бесцеремонным в антирелигиозных устремлениях, отличавшийся при этом демагогией, развязностью и очевидным невежеством в религиозных вопросах. Именно ему принадлежит скандальная публикация «Религиозная язва» (1919 г.). В ней автор обыграл отмеченные уже мотивы безумия и обмана и показал подробную клиническую картину психической и физической дегенерации Иисуса и всей

---

* Как пишет Н.А. Дождикова, в трактовке личности Иисуса Христа она неизменно выдвигала на первый план два основных мотива – душевной болезни, сопряженной с галлюцинациями, и обмана. Так, в пародийных переложениях Евангелия у ряда западных авторов главный герой христианства подавался и как персонаж грубый и злой, обманувший своих последователей мнимой смертью на кресте (Э. Даенсон. «О боге и черте»), и как честолюбивый мечтатель, психически неустойчивый, страдавший манией величия и таюже обманувший свое окружение (Г. Эферот. «Библия безбожника») и т. п. Наиболее известной иностранной книгой такого рода было «Занимательное евангелие» французского богослова Л. Таксиля, дававшее крайне непривлекательные образы Иисуса и учеников, безумцев и обманщиков одновременно. – См.: [Дождикова, 2009].

его семьи (см.: [Левитин, Шавров, 1996]).

Патриархом же антирелигиозной пропаганды, ее неумолимым организатором и участником, безусловно, являлся Емельян Ярославский, перу которого принадлежит огромное количество различных статей, брошюр, докладов, рекомендаций, советов, лозунгов и призывов, призванных активизировать и мобилизовывать антирелигиозное движение. Как создатель и руководитель Союза безбожников он был одним из главных координаторов антирелигиозной кампании в стране и сыграл решающую роль в определении ее стратегии и тактики, став, по существу, одним из основных творцов антирелигиозной политики новой власти.

Кроме того, он написал в 1920-е гг. два сочинения: «Библия для верующих и неверующих» с критикой Ветхого Завета и «Как рождаются, живут и умирают боги и богини» – Нового Завета, ставших своеобразными антирелигиозными бестселлерами и по количеству изданий, и по тиражу, и по востребованности читателями – верующими и неверующими (см.: [Ярославский, 1975]). В партийной прессе того времени книги Ярославского получили в целом высокую оценку, хотя среди антирелигиозных пропагандистов были и его критики. Основную методологическую ошибку его книг они видели не в их компилятивности, а в том, что обилие неизвестных и чуждых имен древних богов слишком «загромождает» сознание пролетариата. И, конечно, никто в партийной печати не осудил манеру подачи материала и комментирования важных для верующих сюжетов. «Библия для верующих и неверующих» была задумана как острый памфлет (один из излюбленных жанров антирелигиозной литературы того периода) против основной книги христиан. Ярославский пытался написать ее в манере произведения известного атеиста Лео Таксиля, хотя, конечно, по стилистике и по манере изложения абсолютно не дотягивал до него. В книге Ярославского много неуместных острот, злого ёрнижания и не всегда убедительного обличительства. И хотя в настоящее время этому труду основного безбожника страны дается резко уничижительная оценка [Левитин, Шавров, 1996], следует объективности ради признать остроту и бойкость пера автора. То, что сегодня рассматривается как примитивизм и зубоскальство, у неискушенного читателя и слушателя 1920–1930-х гг. вызывало интерес, сочувствие и даже восхищение (эк, как он их...).

Известно, что власть отводила художественной литературе важную роль в деле борьбы с «религиозными предрассудками» и делало все, чтобы привлечь популярных тогда авторов в ряды антирелигиозников. И действительно, немало известных писателей и поэтов отметились антиклерикальными произведениями – С. Есенин, Н. Асеев, В. Маяковский. Последний, искренне служа делу революции, достаточно много места в своем поэтическом творчестве отвел богоборчеству (поэмы «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник» и др.). Чего только стоят, например, его антирелигиозные агитки, осмеивающие религиозные традиции и обычаи: «Ни знахарь, ни бог, ни слуги бога нам не подмога», «Кому и на кой ляд целовальный обряд», «Крестить – это попам рубли скрести», «Крестьяне, собственной выгоды раде поймите – дело не в обряде», «От поминок и панихид у одних попов довольный вид» (<http://v-mayakovsky.com/atheizm.html>). Написанный в нарочито простовато-неуклюжей манере (Крестьяне, поймите мой стих

простенький да от него к сердцу проведите мостики), данный антиобрядовый и антиповский цикл очень зло высмеивает и христианские обряды, и тех, кто их соблюдает и исполняет. Завершается цикл стихотворением «Поп», где нарисован неприглядный образ священника:

*Сколько от сатириков досталось попам, – жестка сатира-палка!
Я не пойду по крокодильим стопам, мне попа жалко.
Идет он, в грязную гриву спрятав худое плечо и ухо.
И уже у вожатых спрашивают октябрюта: «Кто эта рассмешная старуха?»
Профессореет вузовцев рать. От бога мало прока.
И скучно попу ежедневно врать, что гром от Ильи-пророка.
Люди летают по небесам, и нет ни ангелов, ни бесов,
а поп про ад завирает, а сам не верит в него ни бельмеса.*

Антицерковные и антипоповские стихотворения В. Маяковского выполнены в яркой сатирической манере. Надо отметить, что в борьбе с религией пропаганда использовала разные литературные жанры. Сатира здесь занимала одно из ведущих мест, поскольку изобличающая насмешка была основным ее признаком. Именно это и требовалось, чтобы не просто развенчать религию и веру, но осмеять их, сделать абсолютно непривлекательными. Смех является сильным средством социального воздействия и общественных мобилизаций, поскольку сам по себе содержит отрицание. Это хорошо понимали организаторы антирелигиозной борьбы. Наибольших успехов в использовании сатирического жанра добился Демьян Бедный, навсегда вписавший свое имя в ряд яростных обличителей религии, церкви, духовенства, произведения которого регулярно публиковались в богоборческой периодике и считались образцом для подражания. Наверняка, Бедного можно отнести к главным поэтам советского богоборчества. Антипоповский стих у него разящий, зло-ироничный. Один из его сборничков, например, назывался «Бесы игривые сиречь антихристы долгогривые» (1927 г.), а стихотворения в нем носили такие названия: «Поты трутни, живут на плутни»; «Паки и паки про поповские враки».

В описании монашеской и поповской жизни Бедный не брезговал и скабрзностями [1927. С. 11–12]:

*Леший с ним, с блудоблудством духовных отцов,
Ведь в конце-то концов превратили мы сами попов в жеребцов,
Развращая их нашей поблажкой огульной.
На довольстве мирском богомолец иной знай нагуливал жир,
Словно бык племенной, привыкая к обжорству и жизни разгульной.*

Восхищаясь манерой поэта, который от внешне прямодушного, простого и даже примитивного слога переходит к сарказму вплоть до беспощадности, литературный критик 1920-х гг. А. Ефремин писал, характеризуя антипоповскую направленность творчества Д. Бедного: «Лики попов, распятые в их хищности, хрящеватые уши, жадные рты, шевелящиеся пальцы приобретают злобный характер, и набегает жуть» [1927. С. 3].

Но наибольшим из богоборческих достижений по-своему талантливого стихотворца стал самый знаменитый антирелигиозный памфлет того времени –

поэма «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна» (1925 г.). Данное сочинение было построено как «Евангелие от Иуды» – по мысли Бедного, «единственного честного человека» в новозаветной истории [Бедный, 1925]. Понятно, что данный «евангелист» изобразил «главное действующее лицо христианства... очень черными красками»: герой его поэмы не только вырожденец, развратник и горький пьяница, но и циничный обманщик, а евангельские чудеса – просто игры нетрезвого сознания учеников. Одновременно с раскрытием «истинной правды» об Иисусе Бедный объявлял своей целью и разоблачение прозвучавшей две тысячи лет назад «вздорной» проповеди, имеющей «вредный классовый характер» (см.: [Дождикова, 2009]). Бедный пытался, точно придерживаясь канонических текстов Евангелия, «показать, что Иисус выглядит совсем иначе, чем принято изображать...» Поэт нарочито снижал и пародировал высокий евангельский стиль: «Иоанн Предтеча» у него превращается в «Ивана Захарыча Иорданского», «Осип» ведет «Марью» в Вифлеем «на регистрацию» и т. д. Пародируются не только евангельские образы, но и выпренняя лексика: «Аще кто ударит тебя по ланите, то-бишь на нынешнем языке звезданет тебя по щеке...» В развитии антирелигиозной пропаганды эта поэма сыграла весьма значительную роль. Существовал даже своеобразный партийный заказ на «одемянивание» антирелигиозной литературы.

Прием пародирования и даже глумления над текстами Священного писания получил вообще очень широкое распространение в исследуемый период. Правда, если у Бедного это получалось талантливо, у Ярославского – довольно бойко, то другие литераторы-антирелигиозники сводили все к убогому и оттого неубедительному зубоскальству. Вот, к примеру, выдержка из публикации А. Лукачевского (одного из руководителей Союза воинствующих безбожников). Взяв за основу библейский сюжет о грехопадении, он изложил и прокомментировал его следующим образом. Бог «посадил на соблазн дерево и отошел в сторону: я, мол, ничего не знаю, не ведаю, что дальше будет». А за что же его попы всеведущим называют? А если он все знал, выходит, он сознательно все подстроил, поступил как настоящий провокатор. «Подстроил дельце», а потом изгнал из рая [Антирелигиозный сборник, 1928. С. 49].

Еще больше веселился, комментируя библейские тексты, постоянный автор журналов «Безбожник» и «Безбожник у станка» Антон Логинов. В ряде номеров была опубликована серия его «Веселых рассказов из священной истории». Историю исхода сынов израилевых Логинов сопровождал простран- ным ёрничанием: пришли они в пустыню Синайскую, а дальше сразу пошла ерунда: стали и ни с места, ни туда, ни сюда. Впереди гора, а по бокам болото – кому лезть охота... Да и куда идти-то незнамши? Необходимо было получить от бога благословение и спросить о состоянии дорог, о стоимости проезда, о расписании поездов, о местонахождении этапов, постоянных дворов и прочего (Безбожник. 1925. № 3).

Помимо стихов и прозы (преимущественно в форме памфлетов) в 1920–1930-е гг. создавались и активно ставились пьесы антирелигиозного содержания. Антирелигиозный театр пользовался большой популярностью, поскольку здесь не требовалось самостоятельного чтения, не надо было вслушиваться в

слова лектора или агитатора, а просто следить за происходившим на сцене. В 1925 г. в число государственных учреждений был включен Первый антирелигиозный театр СССР, который возник из бывшего театра «Безбожник», действовавшего при Союзе безбожников. В помещении, где проходили репетиции этого театра, был вывешен насмешливый лозунг: «Церковь переживает острый репертуарный кризис – ей нечего больше играть» (Там же. № 2. С. 13).

Широко были распространены любительские постановки в клубах безбожников – например, широко известная в середине 1920-х гг. пьеса Я. Резвушкина «Суд над богом». Пьесы на антицерковную тематику, как правило, были одноактными. Широко использовался такой прием: бралось известное литературное произведение, содержащее какой-либо антиклерикальный момент, и на его основе писали и ставили пьесу, понятно, что у автора первоисточника никто никакого разрешения не спрашивал (см.: [Антирелигиозные пьесы, 1940]). В антирелигиозном сборнике за 1928 г. помещена, например, пьеса Я. Галицкого «Святой из-под палки». К ней дана приписка: «Антирелигиозная буффонада на основе комедии Мольера “Лекарь поневоле”». Мольеровский сюжет, видимо, потребовался для того, чтобы вложить в уста главного героя такую антицерковную песенку:

*Святейшие угодники известны нам как сводники, они почище свах.
И звякая веригами, живут всегда интригами священник и монах.
А вместо покаяния у них «дома свидания» устроены в церквах.
Поповский нам знаком талант, попы между собой дружны.
Раввин, священник и сектант нам в равной мере не нужны.
Сектант и въедлив, и речист, сектант опасней, чем монах.
За счастье борется баптист на небесах, на небесах...*

Как видно, досталось всем.

Активно использовался и песенный жанр. Тексты песен антирелигиозного содержания, как авторские, так и коллективные, регулярно публиковались издательствами, помещались на страницах «безбожной печати». Их пели на различных концертах, антирелигиозных мероприятиях. Интересно, что многие песни антиклерикального содержания исполнялись на мотивы давно известных произведений. В «Безбожном песеннике» за 1927 г., например, одну песню предлагалось исполнять под «Смело мы в бой пойдем», «Даешь безбожный самолет» должна была петься на манер «Марша Буденного». Была здесь помещена и «Безбожная дубинушка» с соответствующим мотивом:

*Что нам черт, что нам поп, что нам ладанный дым,
Что нам церкви, лампы, иконы,
Пусть гудят над землей призывы машин,
Пусть молчат колокольные звоны.
Эх, машинушка, ухнем...*

Знаменитые «Бывали дни веселые» в антирелигиозном варианте звучали так:

*А нынче дни таковские, советские деньки
Все выдумки поповские разбили на куски...*

Популярен был «Гимн безбожников», который – в духе времени – предлагалось исполнять на мотив «Интернационала». С. Городецкий сочинил к нему такие стихи [Безбожный песенник, 1929. С. 118]:

*Долой с земли свободной бога! Долой насилие лжи и тьмы!
Наука – верная дорога, и только ей поверим мы.
Долой поповские вериги! Конфуций, Моисей, Аллах, Христос
И все творцы религий у нас не числятся в богах.*

Была и «Безбожная пионерская», где в стилистике знаменитой тогда песни «Как родная меня мать провожала» пионер объяснял матери, почему он должен состоять в данной организации (Безбожник у станка. 1932. № 22. С. 14):

*Я не попусту хожу к пионерам,
в нашу будущность у них крепка вера...
Сознавать народ уж стал правду знаний,
не дает себя попам одурачить...
Церковь с каждым днем у нас все пустеет,
с каждым днем народ растет и умнеет.
В сельсовете есть проект и толковый –
передать ее в совхоз для столовой.*

Одним из быстро реагирующих жанров фактического фольклора, запечатлевшего все элементы антирелигиозного обличения, стала частушка. По закону жанра, в обыденной манере частушки помимо осмеяния одного (в данном случае, связанного с религией и верой) слушателю предлагали другое, что должно прийти или уже пришло на смену старому (новая вера, новый быт, новые праздники и т. д.) (Безбожник. 1925. № 4.):

*Комсомольца полюбить надо измениться,
Крест на шее не носить, богу не молиться.*

Или еще вот такие «посевные» частушки:

*Эй, попры, не приезжайте на посев с кадилами.
Создадим мы урожай собственными силами.
Зря ты дьякон к нам спешишь. Брось надежду детскую.
В дни посева верим лишь в сеялку советскую.*

В период коллективизации, например, появились частушки, с одной стороны, прославлявшие неперенные успехи колхозного строя, а с другой – подчеркивавшие, что колхозники справятся и получают высокий урожай без всяких там освящений, крестных ходов и прочего, лишнее и ненужное теперь это все (Безбожник у станка. 1929. № 4):

*Ноне новая пора: не идут с иконою,
в поле едут трактора целою колонною.
Нам попом не удобрять, попадье не вспашете
Что ж вы это, божья рать, зря кадилом машете.*

Бывали и заостренно-кощунственные обыгрывания евангельского сюжета, например, «благовещенские частушки» в «Безбожном песеннике» 1927 г., выполненные в духе псевдонародной «Гавриилиады».

В антирелигиозной пропаганде партия использовала не только традиционные приемы воздействия, но умело применяли и новые. Даже сравнительно молодой вид искусства – кино – в 1920–1930-е гг. также быстро привлекли к делу очернительства, обличительства и осмеяния религиозного. В одном из номеров журнала «Безбожник» был помещен следующий анонс: «Госкино-фабрика закончила постановку большой фильма (так в тексте. – Л. С.) “Крест и маузер”... – картина, где впервые на экране показана жизнь католический церкви и ксендзов, сорвана маска святости и ханжества» (Безбожник. 1925. № 2). Другим фильмам давались такие аннотации: «Бог войны» – роль религии во время империалистической войны; «За монастырской стеной» – преступная развратная жизнь монастыря; «Мать» – показ несоблюдения «тайны исповеди» поповством, использование исповеди для передачи сведений царской охранке; «Чадра» – тяжелый быт восточной женщины, скованной религиозными предрассудками. Раскрепощение женщины Востока в советских условиях, и т. д. [Антирождественский сборник, 1933. С. 71].

Распространенными формами антирелигиозного воздействия, призванными обличить и заклеймить «противника», были разного рода общественные суды, на которых в качестве обвиняемых выступали религия, церковь, религиозные праздники и обряды, религиозная литература, религиозные организации, суеверия, духовенство и др.

Широко использовались в качестве поводов для усиления антирелигиозной работы церковные праздники. Дело в том, что, несмотря на официально заявленный атеизм советской власти и соответствующую пропаганду, вплоть до 1929 г. фактически выходными днями в СССР были Рождество (его праздновали два дня), Пасха (три выходных подряд), Вознесение (Пятидесятница), Троица, Успение и Преображение. С таким безобразием надо было решительно бороться. Уже с первых лет советской власти в практику вошли разного рода антипасхи, антирождество, принимавших карнавально-смеховую, а то и просто издевательскую форму.

Специально сочинялись и распространялись антирождественские и антипасхальные лозунги. (Лозунги вообще были активно использовавшейся формой антирелигиозной агитации и мобилизации.) Так, в 1930-е гг. такими лозунгами были: «Рождество – праздник рабства», «Долой рождественскую пьянку! За социалистический быт! За овладение высотами советской науки и техники!», «За большевистское завершение 1-го года 2-ой пятилетки! Уничтожим рождественские прогулы и простои!», «Да здравствует пролетарское безбожие во всем мире!» [Там же. С. 69]. Еще более решительными были следующие призывы: «На поповско-сектантские рождественские вылазки ответим стопроцентным выходом на работу», «Встретим 4-й год пятилетки ростом ударных безбожных бригад и безбожных колхозов» (Безбожник у станка. 1932. № 24).

В борьбе против религиозных традиций добрались и до такой вроде бы

невинной вещи, как новогодняя елка. Рождественская елка была запрещена в 1916 г. как вражеская немецкая затея. На этот счет было принято постановление Святейшего синода. В первые годы советской власти большевики проводили уже не рождественские, а новогодние елки. Известны широко распространённые случаи, когда Ленин встречался с детьми на елках в Сокольниках и Горках. Но к середине 1920-х гг. эта традиция стала изживаться.

В 1927 г. вообще было рекомендовано не устраивать новогодние елки. В изданных тогда «Материалах к антирелигиозной пропаганде в рождественские дни» писали такую нелепицу: «Ребят обманывают, что подарки им принес Дед Мороз. Религиозность ребят начинается именно с елки. Господствующие эксплуататорские классы пользуются "милой" елочкой и "добрым" Дедом Морозом еще и для того, чтобы сделать из трудящихся послушных и терпеливых слуг капитала» (сайт «История пропаганды». URL: <http://propagandahistory.ru>). По данному случаю даже сочинили агитку, в противовес незамысловатой и безобидной песенке «В лесу родилась елочка»: «Скоро будет Рождество – гадкий праздник буржуазный, Связан испокон веков с ним обычай безобразный: В лес придет капиталист, косный, верный предрассудку, Елку срубят топором, отпустивши злую шутку». «Только тот, кто друг попов, Елку праздновать готов» (Там же).

Вышеприведенный сюжет подтверждает хорошо известный факт из истории антирелигиозной пропаганды: она стремилась и действительно охватывала своим влиянием практически все слои и группы общества. Дети и подрастающее поколение в целом были особым объектом воздействия. Власть правильно полагала, что чем раньше в сознание молодых будет внедрено безбожие, тем больше уверенности, что они будут настоящими воинствующими материалистами. Для детей, да и всех тех, с кем проводили работу по ликвидации неграмотности в 1933 г., была выпущена яркая и красочная (насколько это позволяли полиграфические возможности того времени) «Антирелигиозная азбука». Как и в современных изданиях букварей, в «Антирелигиозной азбуке» использовался такой дидактический прием: каждая буква снабжалась рисунком и двустишием к нему, в котором обязательно присутствуют четыре слова, начинающиеся с необходимой для запоминания буквы. Например, для запоминания буквы «Б» предлагалось такое четверословие: «Бросьте, братцы, богов бояться». Буквы «В» и «Г» должны были запомниться через повторение следующих слов: «Вера вредна, вредней вина» и «Глас господень господам годеи». На картинке к букве «Е» нарисованы пирующие «жирные» духовные лица с такими комментариями: «Еле-еле епископы ели». На другом рисунке – могучий кузнец замахнулся молотом на сваленные в углу колокола и призыв к действию: «Колоколам конец – куй, кузнец». И еще несколько шедевров антирелигиозного воспитания. Буква «М» – «Мешают мощи машинной мощи». Под рисунком с «мироточащей» иконой, которую «орошает» поп, подпись: «Образами отче обманывал очень». «Религии рай рисунок разоблачай», «Царство церковей – царство цепей», «Хвалятся Христом, действуют хлыстом». На рисунке с подписью «Сказки – святцы, стоит смеяться» изображен заливающийся

смехом над прочитанным в библии мальчик Антипка (мальчишка-беспризорник, который послужил прообразом изображенного на обложке «Антирелигиозной азбуки» мальчика в буденновке и шинельке. Ему приписывают знаменитую фразу: «Бог есть, но мы в него не веруем») (см.: <http://propagandahistory.ru>).

Таким образом, очевидно, что в антирелигиозных мобилизациях 1920–1930-х гг. значительная, а нередко и решающая роль принадлежала системе агитации и пропаганды, включавшей все доступные на тот период возможности политико-идеологического воздействия на население. В руках государства и правящей партии находился значительный арсенал средств такого воздействия, а изобретательность руководителей антирелигиозной борьбы в подборе и применении самых разных форм и средств антирелигиозной пропаганды просто поражают. Религия, церковь, духовенство и даже простые верующие с первых дней большевистской власти были отнесены к категории врагов дела революции, социализма, освобождения трудящихся от векового рабства. В соответствии с этой установкой и строилась вся антирелигиозная работа. В борьбе с врагами были хороши все средства, но чтобы было проще его победить, враг должен быть изобличен, очернен, высмеян.

Подводя итог, можно подчеркнуть, что антирелигиозная деятельность партии и советского государства являла собой типичный образец социальных мобилизаций, ставших неотъемлемой чертой идеократического политического режима, установленного большевиками в стране. Антирелигиозные мобилизации осуществлялись в форме разнообразных кампаний с применением всевозможных приемов и средств и имели широкую целевую аудиторию. В ходе антирелигиозных мобилизаций режимом решались различные задачи, которые в суммарной результирующей предполагали искоренить религию и религиозное мировоззрение как оппонирующие коммунистической идеологии; уничтожить религиозно-церковные институты как не вписывающиеся в советскую политическую систему; ликвидировать духовенство как социальный слой, не имеющий места в социальной структуре советского общества; перевоспитать верующих и внедрить в сознание всего населения материализм и атеизм. Безусловно, большевики отдавали себе отчет, что задачи эти не из легких. Не стоит ставить под сомнение их успехи в антирелигиозной борьбе 1920–1930-х гг. Но, тем не менее, конечной цели антирелигиозные мобилизации не достигли. Это показали, в частности, и материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., результаты которой сильно разочаровали организаторов и «рядовых бойцов» антирелигиозного фронта. Так, 56,7 % опрошенных жителей СССР дали положительный ответ на вопрос о том, считают ли они себя верующими [Жиромская, 2001. С. 191]. Эти цифры могли быть еще выше, если бы не та атмосфера страха, которая окружала население страны, слишком хорошо к этому времени понявшее «благодаря» антирелигиозным мобилизациям, что быть верующим и признаваться в этом может быть опасно для жизни. Антирелигиозные и антицерковные мобилизации были неотъемлемой частью и исключительным признаком мобилизационной системы советского типа. Нигде в мире и никогда, даже во времена жестких гонений на те или иные конфессии, они не достигали такого масштаба, глубины и всеохватности, как это было в СССР.

Н.Б. Арнаутов

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ КАМПАНИЯХ КОНСОЛИДАЦИОННОГО ТИПА (1935–1937 гг.)

Для мобилизационных тоталитарных режимов сущностной чертой является формирование в массовом сознании картины мира, опиравшейся на бинарные конструкции типа «мы – они». Соответственно, для более глубокого выяснения динамики образа «врага народа» в период «Большого террора» нами ставится задача проанализировать группу агитационно-пропагандистских кампаний консолидационного типа, имевших целью создание системы позитивных стереотипов, включавших наряду с образом «врага народа» образы «вождя» и «героев». Вокруг последних шло формирование консолидационных программ и установок, ориентированных на массовую поддержку социальными группами действий режима в форме «единства партии и народа». К базовым видам кампаний консолидационного типа отнесены «стахановское движение» (сентябрь-декабрь 1935 г.), «всенародное обсуждение» советской Конституции 1936 г., выборы в Верховный Совет СССР (декабрь 1937 г.)^{*}. Дополнительно исследуется агитационно-пропагандистская риторика, посвященная образу «вождя» и мифологеме «осажденной крепости», которые были ключевыми элементами в рамках кампаний консолидационного типа периода «Большого террора».

Ни одна тоталитарная идеология не обходилась без созидательной пропаганды, ориентированной на формирование позитивных образов. Во внешне-политическом контексте на страницах советской прессы формировалась мифологема «осажденной крепости» и образ СССР существовал как позитивная альтернатива западным государствам – «восходящая страна нового общественного строя» (Правда. 1935. 3 февр.). «Запад» в этой дихотомии был альтернативным концептом, по отношению к которому шла пропаганда достижений Советского Союза. Несмотря на то что западные государства никогда не были однородными, в периодической печати термин «Запад» приобретал синоним «врага» и содержал в себе тезис о феномене, представляющем «капиталистическую угрозу для СССР» (см.: Правда. 1935. 19 авг.; 1936. 2 апр., 20 мая, 6 февр., 1 авг. и т. д.). Тезис о постоянном ухудшении социально-экономической ситуации в странах «Запада», о тяжелом положении трудящихся и нарастании на этом фоне «классовой борьбы» к середине 1930-х гг. окончательно закрепился в статьях советской прессы (Там же. 1935. 10 февр., 15, 19 авг. и т. д.). Капиталистический строй и все, что с ним связано, одно-

---

^{*} Словосочетания «стахановское движение» и «всенародное обсуждение» перешли из советской пропаганды в научную литературу как характерный образец советского «новояза», поэтому используются в кавычках.

значно признавался советской прессой «враждебным» феноменом: «на голоде, нищете, проституции и человеческой крови поднимался капитализм» (Там же. 9 авг.). Постепенно формировалось представление о том, что учиться у западных государств уже нечему, т. к. большинство из них находится в состоянии «тяжелейшего кризиса». Как писала «Правда» 25 февраля 1935 г., «голод и нищета свирепствуют в германских деревнях, в деревнях других капиталистических и колониальных стран».

Основным «врагом» СССР в советской прессе 1930-х гг. признавался фашизм – «злейший враг подавляющего большинства населения в любой стране» (Там же. 13 авг.). О нем говорилось как о вполне закономерном следствии комплексного «кризиса империализма» и «капиталистического строя» в целом (Там же. 4 апр., 23 мая, 25 июля, 17 сент.; 1938. 3 июля; Красная звезда. 1937. 24 февр., и т. д.). Как писала «Правда» 17 сентября 1935 г., «Рыцари и герои капиталистической частной инициативы – самые бесчеловечные, самые гнусные эксплуататоры народа, его кровопийцы и мироеды». При этом в периодической печати оставался не решенным вопрос о значительной поддержке фашизма большой частью германского населения. В качестве контраргумента пресса утверждала: «когда режим обнаружит свое подлинное классовое лицо, рабочие и мелкая буржуазия от него отшатнутся» (см.: Правда. 1935. 7 мая).

Преувеличение роли СССР на международной арене, было характерной чертой советской прессы. Еще в начале 1930-х гг. большинство европейских стран предпочитали скорее игнорировать СССР, чем видеть в нем основного соперника [Голубев, 1998. С. 302]. Тренд начал меняться с усилением угрозы со стороны фашистской Германии. При этом советская пропаганда подчеркивала решающее значение Советского Союза на мировой политической арене и ключевое влияние на всю систему международных отношений. Постепенно деформированное пропагандистское представление о роли СССР в мире дополнялось характеристиками превосходства во всех областях государственного развития от промышленности и сельского хозяйства до культуры (Правда. 1935. 12 дек., 1, 2 февр., 14 дек., и т. д.).

Одной из основных целей советской периодической печати было тиражирование мифа о существовании «заговора против СССР» и в соответствии с этим развертывание тезиса об «осажденной крепости», характеризуя Советский Союз как «мощный оплот и защитник мира» (Там же. 11 июля). Таким образом объяснялось существование перманентного чрезвычайного положения внутри страны, как основы социальной мобилизации.

Параллельно во внутривнутриполитическом контексте формировался пантеон «героев» – людей-символов. Создание героизированной действительности стало в СССР 1930-х гг. одним из важных компонентов тоталитарной мифологии. Партийная пропаганда создавала представление о «новом советском человеке» и определяла главные его характеристики, выстроенные в иерархическую систему. Советский человек, представленный в агитационно-пропагандистской системе, обладал «классовым сознанием», выраженным в марксистско-ленинском взгляде на жизнь и в полной поддержке политики

ВКП(б) (Там же. 29 апр.). «Классовое сознание» советских людей проявлялось в готовности к беспощадной борьбе с многочисленными «врагами социализма». Советский «герой» воплощал в себе идеальный тип – аскета, здорового физически и нравственного человека, представителя народа, активно противостоящего «яростному сопротивлению врагов» в труде, спорте или бою (Там же. 13 апр.).

Ярко выраженной чертой «классового сознания» советского образа «героя» являлась любовь к вождю, вера в его «гениальность и непогрешимость», в его «заботу» о счастье каждого «советского человека» (Там же. 22 апр., 24 июня, 20, 25 июля, 28 авг., и др.). Образ Сталина – «вождя мирового пролетариата» на страницах периодической печати приобрел черты «отца», «простого человека», мудрого главы семьи (Там же. 21 янв.). Его основными качествами становились доброта, любовь к детям и семье, мудрость, забота о людях (см.: [Bonnell, 1997]). На XVII съезде ВКП(б) культ Сталина окончательно стал неперенным элементом партийной жизни, нормой становилось присутствие в речах партийной номенклатуры хвалебных слов, подчеркивавших «мудрость его руководства» [Файнбург, 1991. С. 93]. Речи членов съезда были насыщены эпитетами «великий», «гениальный», «мудрейший» [XVII съезд... С. 253]. Образ Сталина появлялся в прессе, на радио и в кинематографе*.

Феномен «нового человека» формировался на нескольких уровнях. На вершине идеологической пирамиды стоял образ «вождя» как воплощение лучших качеств формируемого нового человека. Любая статья на тему «Образ советского человека» всегда начиналась с описания многочисленных полотен и монументов, изображающих Ленина и Сталина. Бытовой жанр наделял их всеми возможными положительными качествами простых людей, жанр монументальный добавлял к ним черты «сверхчеловеческих доблестей» и возносил на высоту идеального образа. Превращенные в составные элементы советского политического мифа, они служили не образцами для подражания, но объектами поклонения.

Средний уровень идеологической пирамиды образа «героя» формировался за счет «малых культов» членов Политбюро и руководителей местных партийных организаций. Одним из них стал образ Кирова, который формировался как в советской прессе (см.: Правда. 1935. 1 дек.), так и в кинематографе. В фильме «Киров», выпущенном в декабре 1934 г., формировался образ большевика, «чей путь через революционное подполье, тюрьмы, Октябрьский переворот, через годы гражданской войны и социалистической стройки должен служить примером для будущих поколений» (Там же. 1934. 31 дек.; 1935. 15 янв.). Как правило, в процессе упоминаний фамилий «вождей» проводилась мысль о «тяжелой миссии», которая лежит на их плечах, – борьбе с «врагом народа». Главная роль «врага» в этой системе координат – стать не-

---

* Впервые на кинолентку сталинский голос был зафиксирован 14 мая 1935 г. во время выступления в Колонном зале Дома союзов на торжественном заседании, посвященном пуску метрополитена. В статье «Правды» описывалось это выступление, начавшееся с некоторой задержкой из-за «непрекращающихся оваций». – См.: **Галин Б.** Сталин на экране // Правда. 1935. 17 мая.

гативным фоном, на котором могут быть с самой выгодной стороны представлены позитивные значения, достоинства тех героев, которые персонифицировали партию и ее «вождей», создавали им ореол либо харизматических лидеров, либо «отцов народа», заботящихся о массах и направляющих их к «светлому будущему» (Там же. 1935. 12 янв.).

Фундаментом консолидационного идеологического комплекса служил образ «героя», формировавшийся на протяжении всей истории партии [Viola, 1987; Голосовкер, 1987. С. 58]. Для агитационно-пропагандистской системы прошлое не ограничивалось октябрём 1917 г., т. к. предполагался глубокий исторический контекст для формирования образа «героя» при основном упоре на военные и патриотические темы. Данная идеологема выступала частью агитационно-пропагандистского наполнения образа-антипода через апелляцию к «массовому герою», т. е. непосредственно к читателю или зрителю [Багдасарян, 2003].

В середине 1930-х гг. в советской идеолого-пропагандистской системе помимо концепции интернационализма заметно усилились призывы к укреплению советского патриотизма. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г. содержало не только призыв к изложению истории в «занимательной» форме, но и появлением термина «гражданская история» (Правда. 1935. 10 апр., 13 янв., 1936. 27 янв., и т. д.). Если в ранней трактовке российской истории основной акцент делался на слабых сторонах «царизма», то в «новой трактовке» доминировали факты из истории побед и достижений царской России. На страницах советской прессы, постепенно возрождался культ русских князей Александра Невского, Дмитрия Донского, полководцев царской армии XVIII–XIX вв. В положительном контексте в прессе оценивались периоды правления Ивана Грозного и Петра I, основными достижениями которых признавались централизация и укрепление власти и значительное расширение границ Российского государства (Там же. 1936. 1 февр.).

На страницах прессы большое внимание уделялось эпизодам русской истории, дававшим значительный материал для наполнения образа «героя». Преимущественно данный материал содержался в истории войн – Ледовое побоище или Отечественная война 1812 г. Большое внимание в советской прессе уделяли Первой мировой и Гражданской войнам (Там же. 1935. 21, 24 февр., и т. д.). При этом две эти войны рассматривались как абсолютно противоположные феномены. Первая мировая война описывалась как пример катастрофического военного поражения и национальной трагедии. Гражданская война напротив, была превращена в миф, призванный легитимировать советскую власть.

На страницах газет уже тогда утверждались основы «кодекса строителя коммунизма». Сущностными качествами «нового человека» становились «преданность делу коммунизма», жесткая дисциплина, утверждение культа семьи (Там же. 13 апр., 3 июня, 9 авг., и т. д.). По сути, закладывались основы массовой психологии этатизма, которая заключалась в необходимости соблюдения предписанных государством обязанностей. В пропаганде происхо-

дило смещение приоритетов, наряду с такими категориями как «партия» и «рабочий класс» участились упоминания терминов «нация», «родина», «отечество». Новые приоритеты должны были стать основой для самоидентификации советского «нового человека».

«Герои» новой исторической трактовки воевали на фронтах Гражданской войны, защищали границы СССР, достигали успехов в промышленном производстве и сельском хозяйстве (Там же. 1934. 16 дек.; 1935. 13, 23 февр., 28 авг., 24 дек.; 1936. 15 февр., 25 мая, 1 авг.), разоблачали «врагов-вредителей»^{*}. Героическая составляющая советского патриотизма представляла собой сплав мифологической символики (Там же. 1935. 19 марта, 10 апр., 1, 4, 7 мая, 15 июня; 1936. 13, 16 апр., 1 мая). Событийный ряд, на основе которого формировалась мифология советского героизма, включал перелет С.А. Леваневского и Г.Ф. Байдукова (Там же. 1935. 2–4 авг.; и др.), рекорды А.Г. Стаханова, эпопею спасения экипажа ледокола «Челюскин», трансатлантические перелеты В.П. Чкалова и Г.Ф. Байдукова и др. После «рождения» рекорды «героев» начинали жить самостоятельной жизнью, повторяясь в ритуализированной форме и множась на всем пространстве СССР (Там же. 1936. 30 марта, 6 апр., 10 окт.).

В круг малых «культов» входил также экипаж самолета «Максим Горький», разбившегося 18 мая 1935 г. (Сообщение ТАСС см.: Там же. 1935. 19 мая). Это событие открыло идеолого-пропагандистскую кампанию консолидационного типа по формированию образа «героя» (Там же. 19–21 мая). Помимо множества резолюций с призывами ответить на данное событие увеличением производительности в промышленности в «Правде» было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) взамен погибшего самолета построить три аналогичных: «Владимир Ленин», «Иосиф Сталин» и «Максим Горький» (Там же. 20 мая). 22 мая над передовицей «Правды» появился лозунг «Построить пять самолетов-гигантов!» Как сообщалось в газете, рабочие крупнейших заводов Ленинграда «обратились к Центральному Комитету партии и Совнаркому Союза с просьбой построить на средства трудящихся четвертый самолет-гигант, присвоив ему имя пламенного борца за дело коммунизма Сергея Кирова». Ниже было опубликовано сообщение корреспондента «Правды» из Харькова, где «красноармейцы одной из рот школы младшего командного состава Н-ского полка, стоящего в лагерях, постановили просить правительство построить еще один большой самолет, назвав его именем наркома обороны – Клина Ворошилова». Согласно заметке «красноармейцы и командиры других частей решили отчислить однодневный заработок на строительство воздушных гигантов». 23 мая 1935 г. «Правда» опубликовала сообщения от рабочих крупнейших заводов Москвы с предложением о строительстве шестого самолета «Лазарь Ка-

---

^{*} См. кинофильмы: «Молодость» (реж. Л. Луков), «Мы из Кронштадта» (Е. Дзиган), «Волочаевские дни» (Г. Васильев, С. Васильев), «Вражьи тропы» (О. Преображенский), «Крестьяне» (Ф. Эрмлер), «Партийный билет» (И. Пырьев), «Суд чести» (А. Ромм), «Непобедимые» (А. Герасимов), «Радуга» (М. Донской). О фильме «Крестьяне» см. подробнее: Колхозники обсуждают фильм «Крестьяне» // Правда. 1935. 20 марта; «Картина рождает ненависть к врагам» // Там же.

ганович» и от рабочих Уралмашзавода в Свердловске – о строительстве самолета «Серго Орджоникидзе». 24 мая 1935 г. газета пестрила заголовками: «По Москве собрано 3,5 миллиона рублей», «Деньги продолжают поступать», «Однодневный заработок» и т. д. Статьи такого рода показывают мобилизационный эффект, формируемый идеолого-пропагандистскими кампаниями консолидационного типа. В прессе создавалась иллюзия монолитного народного единства, выраженно-го в «добровольных взносах» в пользу «укрепления пролетарского энтузиазма». 2 июля 1935 г. сообщалось о планах постройки эскадры самолетов. К обозначенным выше добавлялись самолеты «Михаил Калинин» и «Анастас Микоян». При этом подчеркивалось, что выражение единства мнения советского населения является природой «советского строя» (см.: Правда. 1935. 2, 7 июня).

Русская историко-художественная традиция, на которую зачастую опиралась сталинская идеология в трактовке образов «героя» и «подвига», в корне отличалась от западноевропейской. Последняя создала героический эпос, главный образ которого – это «борец», «покоритель», мотив поведения которого определялся жаждой схватки. Напротив, для русского сознания образ «героя» преимущественно включал в себя идею защиты семьи, родного очага, Родины. В противоположность странствующему рыцарю Запада, русский богатырь крепко привязан к земле, ощущает с ней постоянную связь. Этот образ поддерживался на всем протяжении развития русской культуры вплоть до XX в., и был регенерирован советской пропагандой путем дополнения к лозунгам «пролетарского интернационализма» и «советского патриотизма» понятий «подвиг» и «героизм» в сфере труда [Глебкин, 1998; Первухина, 1996].

Начиная с 1918 г. в советскую идеологию внедрялись призывы к «коммунистическому труду», которым считался «труд добровольный, труд вне нормы, даваемый без расчета на вознаграждение» [Ленин. Т. 40. С. 105]. В апреле 1918 г. был принят Декрет о трудовой дисциплине, ставший исходным пунктом для теоретического оправдания необходимости принудительного труда как способа решения основных хозяйственных задач. В 1920 г. Троцкий предложил создать прочную и долговременную основу, превратив страну в систему трудовых лагерей. На IX съезде РКП(б) он изложил свою программу: рабочие и крестьяне должны быть поставлены в положение мобилизованных солдат, из которых формируются «трудовые части, которые приближаются по типу к воинским частям» (см.: [Троцкий, 1960. С. 92]). Н.И. Бухарин в «Экономике переходного периода» в 1920 г. писал о принуждении «по отношению к самому пролетариату», считая принуждение «методом принудительной, ускоренной самоорганизации», в ходе которой пролетариат «переделывает собственную природу» посредством своего авангарда – РКП(б) (см.: [Н.И. Бухарин, 1989. С. 168]). С точки зрения Бухарина, это необходимо потому, что пролетариат является продуктом капиталистической эпохи, который в перспективе станет социалистическим рабочим классом. Сталин приспособил эти мысли к концепции реконструкции хозяйства СССР, присвоив системе государственных трудовых мобилизаций образ «самомобилизации» рабочих на основе «классового сознания» (Правда. 1935. 22, 29 апр.; и др.). Развернутое в соответствии с выдвинутым лозунгом движение рассматривалось как дока-

зательство единства партии и народа: «такова особенность лозунгов большевистской партии, что они тотчас же подхватываются миллионами трудящихся» (Там же. 13 окт.).

В период первой пятилетки трудовая мобилизация проводилась в форме соцсоревнования; к середине 1930-х гг. на предприятиях организовывалось движение «ударников» и «отличников». К середине 1930-х гг. материальная заинтересованность играла важную роль в системе мотивации, но главными качествами, на которые делала ставку пропаганда, оставались энтузиазм и трудовой героизм (Там же. 9 авг.). Идеологически движения обосновывались тезисом о том, что в СССР, в отличие от «капиталистических стран», труд был «сознательной деятельностью на благо государства рабочих и крестьян» (Там же. 30 янв.). Будучи «детьми» одной большой страны, жители СССР, прежде всего молодое поколение, имели шанс оказаться в числе «лучших сыновей и дочерей», пополнив ряды «ударников труда», «стахановцев» и т. д. В агитационно-пропагандистской системе происходила постепенная переориентация сознания с лозунга «техника решает все» на новый – «кадры решают все». На выставке «Индустрия социализма» в 1936 г. критика положительно оценила ряд произведений, показавших человека не «винтиком», а «героем труда»*. Необходимость отражения «трудового подвига» советских людей стала ключевым мотивом формирования мифологемы «героя».

С декабря 1934 г. в периодическую печать внедрялись идеологические формулы, призванные обосновать положение о том, что Советский Союз вступил в полосу подъема промышленного производства и особого отношения к человеческому фактору [Багдасарян, 2000. С. 41–42]. 26 декабря 1934 г. на приеме металлургов в Кремле Сталин заявил: «Если раньше однобоко делали ударение на технику, на машины, то теперь ударение надо делать на людях, овладевших техникой» (Правда. 1934. 29 дек.). Логическим следствием заявления «вождя» явилось сообщение «Правды» о забойщике шахты «Центральная-Ирмино» А.Г. Стаханове, добывшем 31 августа 102 т угля. 3 сентября 1935 г. шахтер М. Дюканов установил новый рекорд – 115 т (Там же. 1935. 6 сент.). Таким образом, трудовой подвиг донбасского горняка Стаханова оказался политически и социально востребованным [Карпинский, 1936; Леонтьев, 1940; Постышев, 1936]. Его пример стал образцом для подражания по всей стране благодаря государственной пропаганде, которая призывала к превращению «в движение всей массы донецких шахтеров» (Правда. 1935. 7 сент.). Забойщик шахты им. Карла Маркса Савченко 7 сентября вырубил 151 т угля (Там же. 8 сент.).

Термин «стахановское движение» появился впервые в «Правде» 11 сентября 1935 г. (см. статью «Важный почин в Донбассе»). Свое универсальное значение как обобщение всех форм соревнования на производстве термин

---

* См. кинофильмы: «Крестьяне» (реж. Ф. Эрмлер), «Большая жизнь» (Л. Луков), «Комсомольцы» (С. Герасимов), «Валерий Чкалов» (М. Калатозов); статьи: Народ летчиков // Правда. 1935. 18 авг.; **Кольцов М.** За что любим, чего ждем // Там же; Качества советского гражданина // Там же. 21 сент.; **Горький М.** О новом человеке // Там же. 14 дек.; и др.

получил 14 сентября в редакционной статье «Правды». С этого момента советская печать не переставала информировать о «производственных победах» как в угольной, так и в других отраслях промышленности. В целом идеолого-пропагандистская кампания по пропаганде «стахановского движения» проводилась по декабрь 1934 г.

21 сентября 1921 г. был опубликован приказ наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе «О необходимости внедрения стахановского метода на всех шахтах» от 18 сентября 1935 г. (Правда. 1935. 21, 28 сент., 8, 10 окт.). Идеология «стахановского движения» была распространена по стране, т. к. во многих отраслях промышленности появлялись аналогичные движения. Дополнительным целевым направлением кампании по пропаганде «стахановского движения» было закрепление центрального образа «вождя» и сопутствующих ему микрообразов членов Политбюро в массовом сознании. Среди их инициаторов следует назвать П. Кривоноса (железнодорожный транспорт), Евдокию и Марию Виноградовых (текстильная промышленность), Н. Сметанина (кожевенно-обувная промышленность), А. Бусыгина (автотракторная промышленность) (Правда. 1935. 10, 12, 14, 15 окт.). К середине ноября 1935 г. на каждом предприятии имелся свой «стахановец». Фамилия Стаханова стала своеобразным сакральным символом, обозначающим образ «героя» в советской пропаганде. Доля использования его фамилии в редакционных статьях «Правды» составляла 45 % от всего числа персонифицированных образов «героя». Образ Стаханова приобрел «героизированные» формы благодаря кино. Благодаря усилиям пропаганды олицетворявшие движение главные фигуры приобрели героизированный характер, их имена сопровождалась в прессе торжественной лексикой с использованием превосходной степени, метафор и других языковых средств: «Стаханов, Бусыгин, Кривонос, Виноградова, Сметанин – имена этих советских пролетариев не сходят со страниц нашей печати» (Там же. 19 окт.).

С 20 сентября 1935 г. в консолидационной по типу кампании пропаганды «стахановского движения» кооптировался образ «саботажника». В статье подчеркивалось, что «стахановское движение» может быть разоблачено только в случае, «если все саботажники, сопротивленцы и прямые вредители этого движения будут беспощадно разоблачены и примерно наказаны» (см.: Правда. 1935. 20, 24 сент., 22 окт.; Сов. Сибирь. 1935. 21, 22 сент.; и др.). В дальнейшем в политической пропаганде кампания развивалась через противопоставление образов «героев-стахановцев» и «врагов-саботажников» (Правда. 1935. 13 окт.).

Вслед за центральными газетами сообщения о внедрении «стахановских методов» на предприятиях различных отраслей промышленности были помещены в «Советской Сибири». Распространение стахановского движения в сельском хозяйстве началось с рабочих МТС, которые были связаны с техникой (Сов. Сибирь. 1935. 21 окт.). Присвоение статуса «стахановцев» участникам совещаний ударников сельского хозяйства (трактористов, комбайнеров, свекловодов, животноводов и др.) должно было популяризовать движение в деревне. При незначительном количестве техники в колхозах «стахановское

движение» в сельском хозяйстве ориентировалось на формирование «героического» отношения к труду, улучшение организации труда, агротехники, критику «нерадивых руководителей» [Ушакова, 2009. С. 86].

Особое внимание в советской прессе уделялось мобилизации трудовой активности населения на региональном уровне. Крупная агитационно-пропагандистская кампания была проведена в октябре-ноябре 1936 г. Выполняя указание крайкома о необходимости возглавить и поддержать «инициативу передовых предприятий и колхозов в организации соревнования за достижение лучших показателей к предстоящим съездам Советов» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 748. Л. 3), «Советская Сибирь» в октябре опубликовала целый ряд призывов и обращений об организации соревнования, о проведении стахановских «суток» и «декад». «Сотнями тысяч тонн угля сверх плана, десятками новых мастеров угля выразим свою шахтерскую благодарность товарищу Сталину за счастливую и радостную жизнь» – так закончили свое обращение шахтеры шахты им. Сталина (Сов. Сибирь. 1936. 8 окт.). Своеобразный итог подобного рода починам подвело обращение III чрезвычайного краевого съезда Советов «ко всем рабочим и работницам, инженерам и техникам, колхозникам и колхозницам, работникам культуры и науки, ко всем трудящимся Западной Сибири», в котором перед разными профессиональными и социальными группами были поставлены задачи в связи с предстоящим принятием новой Конституции (Там же. 23 нояб.).

Помимо развития образа «стахановца» в информационном пространстве фигурировала мифологема «вредителя». Пропаганда «стахановского движения» в периодической печати стимулировала развитие тезиса об активизации «враждебных элементов» на производстве, о чем свидетельствует актуализация в информационном пространстве образа «вредителя» и «саботажника». В периодической печати выстраивалась система контробразов. Советская агитационно-пропагандистская система формировала одномерное сознание, навязывая бинарные стереотипы. Употребление терминов «враги», «противники», «сопротивление» и т. д. существенно дополняло контекст героики, оформленный в дискурсе «борьбы», «преодоления» и «победы». Политизация трудовых отношений на производстве послужила началом новой фазы общей тенденции формирования трудовых мобилизаций за счет привлечения идеологического ресурса. На Всесоюзном совещании «стахановцев» с трибун много говорилось о необходимости борьбы с «сопротивленцами стахановскому движению» многих рабочих «стахановскому движению». Особенно ярко этот процесс был представлен в выступлении А.А. Жданова на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев, утверждавшего, что «оппортунистические консервативные элементы» сопротивляются развитию «стахановского движения» (Правда. 1935. 18 нояб.). Смысл угроз в адрес «саботажников» был раскрыт в выступлении Сталина, провозгласившего необходимость замены действующих технических норм и их замену более высокими [Первое Всесоюзное совещание..., 1935. С. 372–373]. Сталин указывал на прямую зависимость «стахановского движения» от «бдительности» в процессе борьбы с «врагами народа».

Наряду с формированием образа «стахановца» латентный смысл кампании заключался в увеличении плановых производственных показателей, что было сделано с модификацией образа «врага народа». С первых дней «стахановского движения» в пропаганде появилась тема возможного «вредительства» и «саботажа». Декабрьский (1935 г.) Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о повышении норм выработки и переходе к «прогрессивной сдельщине» [КПСС в резолюциях..., 1985. Т. 6. С. 286]. В результате произошел рост плановых заданий на 1936 г. по выпуску промышленной продукции (Правда. 1936. 14 февр.). Наряду с восторженными гимнами «стахановцам» в советской прессе публиковались материалы о «саботаже» «стахановского движения» со стороны «несознательных рабочих», которые «осуществляли противодействие» «стахановскому движению», через критику «стахановцев» в повышении норм. Секретарь Донецкого обкома ВКП(б) Саркисов, выступая на пленуме, сообщал, что в телеграмме, присланной в адрес обкома в ответ на рекорд Стаханова, С.Г. Орджоникидзе указал: «...это движение встретит со стороны некоторых отсталых руководителей обывательский скептицизм, что на деле будет обозначать саботаж» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 551. Л. 61, 62). Обсуждение в прессе разговоров о «саботаже» имело целью заставить хозяйственников приложить максимум усилий для распространения «стахановского движения» на предприятиях [Thurston, 1993]. ЦК угольщиков Востока в своем обращении предупреждал «всех хозяйственников и профсоюзные организации»: «к саботирующим стахановские методы будут применяться самые жесткие меры наказания» (Сов. Сибирь. 1935. 21 сент.). 22 ноября «Советская Сибирь» сообщила об исключении из партии «саботажников стахановского метода» – начальника района и управляющего одной из шахт Прокопьевска, которые «прикрывались разговорами о геологических особенностях шахты, не позволяющих применить стахановские методы».

К январю 1936 г. «стахановское движение» приняло организованные формы. На заводах проводились «стахановские смены», «пятидневки» и «восьмидневки», о результатах парторги цехов докладывали в горкомы партии (Большевистская мысль. 1937. № 8. С. 18). Для их организации проводились совещания инженерно-технических работников и рабочих, готовилось оборудование. Безусловно, «стахановские рекорды» обеспечивались администрацией, которая стремилась к оптимизации условий труда для «рабочих-ударников», что приводило к резкому увеличению производительности. Каждый рабочий был заинтересован в получении «привилегированных условий труда» [Leo van Rossum, 1990; Siegelbaum, 1988; Алексеенко, 1998; Ковалева, 1994]. При этом «стахановское движение» вызывало и отрицательную реакцию в рабочей среде. Для рабочих существовала опасность общего пересмотра норм, в результате резкого повышения производительности. На предприятиях фиксировались случаи «классово-чуждых выступлений» [Журавлев, Мухин, 2004. С. 136].

Особое внимание со стороны администрации во время «стахановских пятидневок» обращалось на «прогулы», «опоздания» и «простои», бывшие в то время нередким явлением. Для борьбы с «нарушителями трудовой дисципли-

ны» выпускались специальные стенгазеты и проводились беседы с рабочими. Эта ситуация спровоцировала резкое увеличение в информационном пространстве центральной периодической печати таких терминов, как «предельщик», «капитулянт», «лодырь», «летун» и т. д. (см.: Правда. 1936. 7, 31 янв.; и др.). В печати также активно критиковалось «формальное отношение» к стахановскому движению (см., напр.: Правда. 1936. 6, 9 февр., 2 марта, 7 апр.). Политическое руководство не столько ориентировалось на то, что «стахановское движение» откроет новый «большой скачок» в экономике за счет материального поощрения, сколько акцентировало внимание на конфронтационные элементы в пропаганде, ориентированные на поиск «врага на производстве». Пропаганда высоких заработков «стахановцев» объективно критиковала кадровых квалифицированных рабочих за «пассивность» [Постников, Фельдман, 2009. С. 74]. Большое количество статей в советской прессе было посвящено «саботажникам» и «предельщикам» из административно-хозяйственной номенклатуры, которые якобы не «смирившись с новыми темпами производства» и мешали работать «стахановцам» (Правда. 1936. 15, 26 марта). В соответствии с этой формулой технические и организационные проблемы оценивались исключительно в политическом аспекте (Там же. 4 марта).

Анализируя феномен «стахановского движения», следует учитывать, что оно находилось в нескольких социальных измерениях: экономическом (рабочий как часть производительных сил), поведенческом (социально-трудовые отношения) и пропагандистском (внеэкономическая мотивация труда). С этой точки зрения невозможно представить субъектом движения личность рабочего-передовика, т. к. формат и границы «героя» определялись не естественными тенденциями внутри рабочей среды, а вне ее. Основная масса рабочих, «расценив увеличение норм выработки при сохранившихся ставках оплаты как обман, не желала подменять повседневный труд героическим перенапряжением» [Постников, Фельдман, 2009. С. 75]. Феномен Стаханова может быть рассмотрен как социально-политический заказ, основанный на поддержке «снизу» заказа «сверху», обеспеченной частью самих рабочих, как феномен «управляемой героизации». Имена «стахановцев» постепенно становились символами, посредством которых можно было поддерживать мифы о необходимости скорейшей индустриализации «любой ценой», о «вражеском окружении» и «врагах народа», о непобедимости армии под руководством партии, о «великом вожде».

Материалы центральной периодической печати показывают, что агитационная кампания, ориентированная на пропаганду привилегий «стахановцев», явилась адаптационным этапом для ужесточения системы трудовой дисциплины и увеличения плановых показателей. В ноябре 1935 г. стартовала кампания по борьбе с «вредительством», которое, согласно версии центральной периодической печати, не давало в полной мере развиваться «стахановскому движению». В процессе проведения идеолого-пропагандистской кампании предполагалось, что «стахановское движение» станет катализатором форсированного промышленного роста, за счет повышения производительности труда (см. подробнее: [Журавлев, Мухин, 2004; Маркевич, Соколов, 2005]). В периодической

печати фигурировали лозунги, ориентирующие на превращение достижений «ударников-стахановцев» в нормативные показатели для предприятий. При этом социальное принуждение основывалось не столько на материальном поощрении работников, сколько на страхе быть зачисленным в ряды «вредителей» или «капитулянтов», что являлось фактическим мотивационным фактором во второй половине 1930-х гг. (см. подробнее: [Коротаев, 2001]).

В процессе формирования образа «героя» и «вождя» существенное значение имела кампания по «всенародному обсуждению» Конституции 1936 г. Образ Сталина в политической пропаганде концентрировал в полной мере черты идеального руководителя. Об этом активно упоминалось в советской прессе в период принятия Конституции. В печати говорилось о выдвижении Сталиным новой идеи «самой демократической в мире конституции», чтобы продемонстрировать мировой общественности вступление СССР в новый этап развития коммунистической доктрины. В соответствии с трактовкой советской историографии принятие новой Конституции было вызвано необходимостью законодательного оформления социалистического строя. Вынесение этого проекта на «всенародное обсуждение» рассматривалось как проявление демократического характера советского государства. При этом отмечалось, что в ходе обсуждения выявился возросший политический и культурный уровень советского общества, а также обнаружилось единство советского народа, партии и руководства страны [Кукушкин, Чистяков, 1987]. Ряд современных исследователей полагает, что одна из главных причин создания новой Конституции заключалась в желании режима расширить социальную базу, отказавшись от неравенства выборов. Соответственно обсуждение Конституции рассматривалось как средство провозглашения гражданских прав и свобод и снятия социальной напряженности в обществе [Макарецв, 2000. С. 162].

Работа Конституционной комиссии ЦИК СССР по подготовке проекта Конституции была закончена к середине мая 1936 г. Последний пленум состоялся 15 мая 1936 г. и после рассмотрения представленного Редакционной подкомиссией проекта установил окончательный текст Конституции из 13 глав. Пленум постановил внести проект на рассмотрение ближайшей сессии ЦИК СССР (Известия. 1936. 17 мая). 1 июня 1936 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б), который одобрил проект Конституции и признал целесообразным «ввиду особой важности вопроса, созыв Всесоюзного съезда Советов для рассмотрения проекта Конституции» (Правда. 1936. 5 июня). 11 июня состоялось заседание Президиума ЦИК СССР, установившего срок созыва Всесоюзного съезда Советов – 25 ноября 1936 г. и постановившего «опубликовать проект Конституции для всенародного обсуждения» (Там же. 12 июня). 12 июня проект Конституции Союза ССР был опубликован в периодической печати, что предполагало проведение массовой работы с населением, агитацию и сбор предложений. «Всенародное обсуждение» продолжалось до 25 ноября 1936 г. – даты открытия VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов, на котором состоялся доклад Сталина «О проекте Конституции Союза ССР» (Там же. 26 нояб.).

Кампания по всенародному обсуждению советской Конституции состояла из трех периодов: первичное ознакомление с проектом, проведение чтков,

бесед (июнь – первая половина августа); изучение проекта, внесение основной массы предложений и дополнений, отчетность местных органов власти, обсуждение проекта на съездах Советов (вторая половина сентября – ноябрь); ознакомление населения с утвержденным текстом Конституции (декабрь). Первый период характеризовался формальным подходом к обсуждению, когда проект рассматривался в качестве одной из стандартных пропагандистских кампаний. Отсутствие жесткого контроля со стороны Центра порождало нежелание местных органов проявлять инициативу и привело к перерыву в ходе обсуждения проекта Конституции. Ситуация изменилась кардинально в середине сентября 1936 г., когда актуальным стал вопрос о съездах Советов. Указание руководства в обязательном порядке связать кампанию по выборам делегатов на съезды Советов с кампанией по обсуждению проекта Конституции привело к активизации процесса обсуждения. Обсуждение Конституции к осени 1936 г. понималось как неотъемлемая часть выборной кампании, что усиливало мотивацию организаторов.

Конституционная кампания стала инструментом сталинского режима не только для пропаганды «демократических» идей, но и для выявления «врагов народа». Помимо стандартного агитационно-пропагандистского воздействия на общество перед пропагандистскими структурами стояла задача обеспечения обратной связи, т. е. получения информации об общественных настроениях. Тем самым «всенародное обсуждение» являлось этапом, имевшим свои функциональные характеристики и находившимся в рамках целей общего процесса формирования тоталитарного государства и перманентного поиска «врагов народа».

В начале сентября в районы был направлен образец статистического отчета о ходе обсуждения проекта Конституции, который низовые советские органы должны были передавать в вышестоящие инстанции (ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3073. Л. 50). Данные статистической отчетности должны были аккумулироваться в крайисполкоме и далее передаваться в Москву на центральный уровень. Соответственно с начала октября начался отчетный период в проведении кампании по всенародному обсуждению. В отчете от 13 октября по «Организации всенародного обсуждения и изучения Сталинской Конституции» приводится комментарий одного из чтецов-агитаторов, который «понял» и «разъяснил» колхозникам статью 9 проекта Конституции так: «На современном этапе колхозы уже не обязательны, можно выходить из колхозов и заводить свое мелкое индивидуальное хозяйство» (Там же. Оп. 11. Д. 678. Л. 6). В данном случае присутствует так называемая вольная трактовка текста Конституции. В информации о ходе изучения доклада Сталина на VIII Чрезвычайном съезде Советов по новой Конституции на обувной фабрике им. С.М. Кирова говорилось о том, что «пропагандист комсомольской сети – комсомолец Мещеряков, при изучении доклада т. Сталина, допустил извращенное толкование отдельных мест доклада тов. Сталина. Так, разъясняя вопрос о соотношении классовых сил у нас в СССР и в капиталистических странах, он заявил, что в капиталистических странах существует только два класса: класс буржуазии и пролетариата», а на заданный комсомольцами вопрос «к какому

классу относится крестьянство?» ответил: «крестьянство относится к классу буржуазии», т. е. дал «явно троцкистскую оценку крестьянства» (Там же. Оп. 10. Д. 926. Л. 41–42). Факты подобного рода трактовались как «вылазки врагов народа».

Согласно справкам горкома ВКП(б) о состоянии агитационно-пропагандистской работы в ряде первичных парторганизаций Томска членами горкома и пленума горкома проведены партсобрания по обсуждению проекта Конституции. На многих из них отмечались попытки истолковать различные положения Конституции в «чуждом, а подчас и враждебном духе» (ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 723. Л. 53). Эти попытки выражались в ряде вопросов, квалифицированных как «антисоветские высказывания». Почти во всех колхозах задавались вопросы, касающиеся полной передачи земель в собственность колхозов и хлебопоставок: «земля закрепится за колхозами в бесплатное и бессрочное пользование – значит, теперь хлебопоставок не будет?» (Там же. Л. 65).

Проблема отмены различных «повинностей» в сельской среде стояла достаточно остро, что способствовало распространению в большом объеме «вольных трактовок» советской Конституции. В отчете пропагандиста из с. Енисейского Марушинского района сообщалось о том, что в ходе обсуждения советской Конституции зафиксированы высказывания об отмене поставок молока, мяса и обязательной плановой хлебосдачи, имевшие целью «вызвать политическое недовольство и попытаться дискредитировать конституцию». Отмечались и высказывания «об ослаблении в деле обязательных поставок для единоличников, или проще – в свободе или не свободе выполнения данных им обязательных планов поставок» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 926. Л. 64). В данном случае использовалась квалификация «враждебной вылазки» и утверждалось, что «в этом факте ярко вскрываются кулацкие чаяния и желание внести разложение, посеять смуту среди отсталой части колхозников, действуя на вторую – собственническую душу таких колхозников» (Там же. Л. 65).

Помимо вопросов об отмене хлебопоставок в качестве «провокационных высказываний» на агитационно-пропагандистских мероприятиях фиксировались вопросы о восстановлении в избирательных правах лиц, причисленных к «врагам народа». На собрании партактива Крапивинской парторганизации 12 июля 1936 г., посвященном обсуждению проекта Конституции, был задан вопрос: «Как практически будут восстановлены в правах голоса ныне лишенные его?» (Там же. Д. 920. Л. 33). Также были вопросы о предоставлении избирательных прав «ранее лишенным избирательных прав кулакам, у которых было отобрано все имущество и с которыми была проведена определенная работа по месту высылки» (Там же. Л. 43).

Вторую группу «враждебных вылазок» в период всенародного обсуждения советской Конституции составляли высказывания, характеризующие недовольство населения политической и социально-экономической конъюнктурой в стране. В отчете от 28 октября 1936 г. приводится показательный пример «антисоветского высказывания»: «наша партия не видит темные уголки, где живут рабочие в землянках, грязные, у многих жить не на что, мы работаем очень много, а нам товар дают плохой и очень дорогой» (Там же. Д. 928.

Л. 6). Реплики, касающиеся непосредственно Конституции, встречаются на-много реже, но так или иначе присутствуют в отчетных документах. Колхозница на собрании заявила: «мне вашей конституции не нужно, – я не верила советской писанине до сих пор и сейчас не верю» (Там же. Л. 7). Такого рода реплики тщательно фиксировались с указанием фамилий и в ряде случаев присутствовали комментарии о передаче данной информации в органы НКВД.

Существовали две ключевые группы «враждебных вылазок»: некомпетентная трактовка текста Конституции пропагандистами и агитаторами и различные высказывания слушателей. При анализе проблемных полей, затрагиваемых во время обсуждения, удалось выделить ключевое, вызывавшее наибольший ажиотаж у участников агитационно-пропагандистского процесса. Одним из основных проявлений «враждебности» была «антисоветская агитация», выраженная в высказываниях идеи о роспуске колхозов с принятием новой Конституции. Утопичные желания о снижении колхозного бремени обуславливались неурожайным годом и страхом перед очередной заготовительной кампанией. В процессе проведения агитационных мероприятий пропагандисты встречались с проявлениями «антисоветских выпадов», выраженных, как правило, в единичных репликах, вызванных тяжелым материальным положением населения. Таким образом, задача формирования механизма контроля настроений в социальной среде практически была равнозначна по смыслу задаче «выявления настроений» групп населения. «Всенародное обсуждение» в данном случае выступало как мистификация, направленная на то, чтобы из противоречий между «соцреальностью» и практикой извлечь информацию о степени управляемости и подконтрольности политическому режиму населения и массового сознания. Кампания по «всенародному обсуждению» советской Конституции 1936 г. выполнила провокационную функцию «теста на лояльность» и, кроме того, функцию «внутренней фильтрации» номенклатуры и активистов на профессионализм и компетентность.

В плане агитационно-пропагандистского сопровождения конституционная кампания представляла собой тщательно организованную и контролируемую масштабную акцию, направленную на внедрение в массовое сознание политических и социальных представлений. В ходе обсуждения Конституции пропаганда также обращалась к характерным для традиционализма чертам, и прежде всего к патерналистским ожиданиям в обществе. В советской прессе публиковались отклики делегатов чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов о том, насколько почетным для них было увидеть Сталина и других руководителей страны, участвовать в работе редакционной комиссии (см.: Правда. 1936. 27 нояб., 10 дек.; и др.). Конституционная кампания способствовала укреплению культа личности Сталина. Поскольку ее авторство было приписано «сталинскому гению», Конституция получила определение «сталинской» (серию статей «Прения по докладу тов. Сталина И.В. о проекте Конституции Союза ССР» см.: Правда. 1936. 27–30 нояб.). Зачастую при обсуждении проекта под сомнение ставилась даже возможность вносить предложения в текст, который редактировал Сталин (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 924. Л. 74).

Следующим крупномасштабным агитационно-пропагандистским проектом консолидационного типа, ориентированным на формирование основ государ-

ственного патернализма, стали выборы в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г. Концепция данных мероприятий была разработана в повестке февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б): «Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийной работы» (Правда. 1937. 6 марта). Выступая на пленуме, А.А. Жданов говорил о возможной «враждебной агитации» и «враждебных кандидатурах», т. к. партийное руководство готовилось к предстоящим выборам, которые должны были пройти по новой избирательной системе. В соответствии с Конституцией 1936 г. выборы становились всеобщими, равными, прямыми и тайными. Жданов отмечал, что имеет место известное оживление «антисоветских элементов», и не исключал их попыток использовать в ходе предстоящих выборов легальные возможности, предоставляемые новой Конституцией. Особое внимание участников пленума он обращал на оживленную деятельность религиозных организаций и церкви (Там же). В центральной печати вслед за пленумом стартовала крупная идеолого-пропагандистская кампания по борьбе с «врагами» в лице «церковников» и «сектантов» (см.: Правда. 1937. 2 марта, 5, 15 апр.; и др.).

В число «социально-опасных элементов», которым в советской прессе уделяли значительное внимание, входили представители распущенных и запрещенных «контрреволюционных партий». После февральско-мартовского пленума стартовала агитационно-пропагандистская кампания по «разоблачению бывших членов меньшевистской и эсеровской партий». Вновь была реанимирована идеологема об организации в Москве «Союзного бюро» меньшевиков, представители которого, по версии прессы, «установили связи с правыми, троцкистами, эсерами, разработали планы террористических актов, делали ставку на интервенцию и подготовку вооруженного восстания». В телеграмме предписывалось принимать превентивные меры, чтобы ни в коем случае не допустить влияния «бывших меньшевиков» на население при подготовке к предстоящим выборам. Поэтому особое внимание органы периодической печати должны были уделять теме «попыток меньшевистского подполья развернуть контрреволюционную деятельность в связи с предстоящими выборами в советы на основе новой советской конституции».

Проверкой на готовность партийных органов к поиску «врагов народа» в рядах ВКП(б) послужила кампания по выборам партийных органов. После публикации 6 марта в «Правде» информационного сообщения о пленуме последовали публикации инструктивных статей, в которых содержались призывы к «бдительности». Региональные партийные органы обвинялись в «зазнайстве» и «самоуспокоенности», что, по версии центральной прессы, могло привести к «притуплению бдительности» (Правда. 1937. 10 марта). Вина за эти «нездоровые» внутривнутрипартийные тенденции возлагалась на «волков в овечьей шкуре», которые якобы обманым путем пробрались в партийные органы (Там же. 16 марта). Чрезмерное восхваление каких-либо местных руководителей характеризовалось в прессе как «заслон от бдительности» (Там же. 10 марта). Соответственно, предлагалось выдвигать на руководящие пар-

тийные позиции людей, «проверенных в борьбе с врагами рабочего класса», «стойких и проверенных большевиков» (Там же. 9 марта).

Агитационно-пропагандистская кампания преследовала ряд целей: разъяснение законодательства о выборах; обеспечение явки избирателей и голосования кандидатов «блока коммунистов и беспартийных» (при выборах в сельские и поселковые советы особенно опасались выдвижения альтернативных, «вражеских» кандидатур); повышение общей мобилизационной готовности народа «перед лицом опасности военного нападения враждебных буржуазных государств» и «политической бдительности»; мобилизация на выполнение хозяйственно-политических задач; «оживление партийно-массовой работы». Сведения о содержании агитации встречаются в трех основных формах: директивные указания, отчеты о проведенной агитработе, сохранившиеся агитационные материалы (газеты, брошюры и т. п.).

Подчеркивая, что голосование за кандидатов в депутаты есть голосование «за политику партии», ВКП(б) превратила предвыборную агитацию в монопольную идеологическую кампанию по разъяснению этой политики. Значительное внимание уделялось пропаганде «успехов социалистического хозяйственного и культурного строительства» в СССР. В центральной периодической печати подчеркивалось «превращение страны из аграрной в индустриальную», «окончательная и бесповоротная победа колхозного строя», рассказывалось о «лучших людях» (Там же. 2 сент.).

В 1937 г. имелись случаи неверного разъяснения избирательного закона слабо подготовленными агитаторами. Как сообщалось в информационных отчетах в окр-избиркомы, в Ояшинском районе Новосибирской обл. агитатор объявил, что в день выборов власть переходит к избирательным комиссиям. В Асиновском районе агроном, посланный вместо агитатора, разъяснил, что каждый избиратель имеет право дописывать в бюллетене своего кандидата. На одном из участков Легостаевского района «отвели» агитатора, говорившего, что бюллетени надо обязательно подписывать [Дорожкина, 2003. С. 125]. Первый секретарь Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе в докладе на собрании партактива Новосибирска 20 октября 1937 г. указывал на необходимость разъяснения трудящимся, что в качестве «вражеской вылазки» можно рассматривать и неучастие в выборах, т. к. «своим поступком человек становится в ряды врагов» (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 1034. Л. 4).

27 марта 1937 г. из Центра в местные органы управления был разослан циркуляр № 23 об усилении работы по «церковникам» и «сектантам». В нем указывалось, что в связи с предстоящими выборами необходимо принять все меры для того, чтобы в низовой советский аппарат не прошли «ставленники церкви», а также не допустить расширения выступлений церкви за предоставление прав наравне с политическими партиями и общественными организациями и выдвигать собственных кандидатов на выборах [Хаустов, Самуэльсон, 2009. С. 68]. Для пропаганды «бдительности» постановлением III пленума Новосибирского обкома ВКП(б), проходившего 25–26 октября 1937 г., рекомендовалось «разоблачение методов вредительской деятельности японо-германского фашизма и их агентов» (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1. Л. 6–7). На региональном уровне акти-

визировалась антирелигиозная пропаганда, ориентированная на «разоблачение враждебной подрывной деятельности церковного и баптистского актива».

Существовало особое требование к агитационным материалам, публикуемым в прессе и других изданиях: «не печатать высказывания антисоветские, врагов народа» (Правда. 1937. 5, 20 окт.). В Западно-Сибирском крае к серьезным оргвыводам в 1937 г. привело наличие в листовках кандидата в депутаты К.П. Бутенко, опубликованных газетой «Большевистская смена», подписей «жен врагов народа». Данный случай рассматривался на бюро обкома 22 ноября, 4 и 8 декабря в качестве «контрреволюционной вылазки». В результате строгий выговор получили заместитель редактора («за безответственное отношение к просмотру полос при сдаче в печать») и редактор («за невнимательное отношение к подбору работников в аппарат редакции и контролю за их работой») (ГАО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 43. Л. 37, 38, 64, 68–69).

В качестве «враждебных вылазок» упоминались отказы от голосования. Из числа протестных заявлений приведем сообщение из «Итогов политмассовой работы по выборам... по Троицкому району», направленное райкомом в Алтайский крайком ВКП(б). В отчете отмечалось, например, что баптистка с. Вершинино выступила с заявлением: «Я кулачка..., моего мужа взяли как врага народа, мы 20 лет для вас враги», отказавшись голосовать. На избирательном участке № 60 того же района были обнаружены бюллетени с надписями. В одном кандидат был зачеркнут, и стояла надпись «за ваших кандидатов мы не голосуем» (Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 174. Л. 179). Дополнительной формой протеста являлись надписи на бюллетенях. Согласно докладным запискам райкома, в Аромашевском избирательном участке Аромашевского района рядом с вычеркнутыми кандидатами было написано «голосую за Керенского», «голосую за царя». В Марьяновском избирательном участке Марьяновского района в одном из бюллетеней в Совет Национальностей были указаны фамилии Троцкого, Каменева, Мартова [Дорожкина, 2003. С. 127].

Таким образом, агитационно-пропагандистские кампании консолидационного типа в высокой степени были ориентированы на поиск «врагов народа», несмотря на то, что мифологема «врага» не являлась центральной. Формирование кампаний такого рода подтверждало существование предела нагнетания атмосферы противостояния в обществе и необходимость перехода от разрушения старой системы ценностей к созданию новой идеологии, которая помогла власти закрепить свой авторитет и обеспечить социально-психологическую поддержку общества, в т. ч. для проведения модернизационных преобразований. С середины 1936 г. мифологема «вождя» встраивалась в более фундаментальную идеологическую концепцию государственного патернализма. В этом процессе значительную роль сыграли идеологические мероприятия, цель которых заключалась во внедрении в массовое сознание «новой» системы социальных и политических представлений о социализме [Гудков, 2004. С. 381]. Система возникла в результате соединения большевистских доктрин с традиционными для российского общества установками и стереотипами и идеей сильной государственной власти и подразумевала переход от революционной стадии развития, от «диктатуры пролетариата» к

«социалистической демократии». Наложение этих идеологических конструкций на реальное положение дел в стране привело к формированию в массовом сознании специфических идеологем.

В целом идеолого-пропагандистские кампании периода «Большого террора» в советской прессе свидетельствовали о курсе на консервативную модернизацию, частью которого являлось формирование и закрепление в массовом сознании образа сильного государства, выполняющего по отношению к своим гражданам патерналистские функции. Надстройкой в данной идеологической конструкции служила система идеологических стереотипов – образов, основными из которых были образ «вождя» и образ «врага народа». Поскольку мифологемы такого рода соответствовали традиционалистским убеждениям значительной части советского общества, они прочно вошли в массовое сознание. Дополнение образа «врага народа» мифологемами «вождя» и «героя» свидетельствует о существовании предела нагнетания атмосферы мобилизации в обществе и о необходимости перехода к созданию биполярной системы ценностей, где образы, созданные в информационном пространстве, дополняли бы друг друга. Ключевая задача большевистской власти заключалась в закреплении своего авторитета и обеспечении социальной поддержки общества.

С.А. Красильников

НАУКА И УЧЕНЫЕ В МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ 1930-х гг.

Одно из направлений проведенного нами исследования состояло в выявлении основных условий, признаков и механизмов формирования и утверждения в модели отечественной науки мобилизационного тренда. Мы исходили из рабочей гипотезы о том, что социальный институт науки (СИН) развивается или вступает в кризисное состояние благодаря сочетанию и взаимодействию факторов внутреннего порядка (собственно внутринаучных, связанных с динамикой научного потенциала) и вненаучных / наднаучных, влияющих на СИН извне (политические, экономические, социокультурные факторы). В динамично меняющихся условиях, особенно связанных с резкими и экстремальными трансформациями, отечественный СИН нуждался в адаптации к новым ситуациям при достижении и сохранении устойчивости в своем развитии. Так, в условиях становления сталинского режима (конец 1920-х – 1930-е гг.) российские научные институты должны были синхронизировать свои сущностные характеристики с состоянием и тенденциями, присущими политическим институтам. И если для социально-политической мобилизации сталинского типа были присущи такие характеристики, как государственный этатизм с его экспансией во все основные сферы жизнедеятельности социума, агрессивностью (конфронтационностью мышления), централизованным планированием и перераспреде-

нием ресурсов всех форм и видов, использованием форм принуждения в сфере социально-трудовых отношений, «кампанейским характером» (использованием всевозможных мобилизационных кампаний – идеолого-пропагандистских, кадровых и др. с регулярностью и всеохватностью их проведения), то и СИН должен был в краткие сроки и максимальной интенсивностью адаптироваться к мобилизационному этатизму, усвоив его базовые принципы и технологии.

Ниже рассмотрены два конкретно-исторических сюжета, связанных с трансформациями системных принципов и направлений деятельности академической науки 1930-х гг. и реакциями научно-образовательной корпорации на объективные потребности развития страны и директивы и установки политических институтов. В частности, адаптация и интеграция в новую политико-экономическую мобилизационную систему потребовали от руководства АН СССР поисков новых форм презентации своей деятельности. Данному аспекту посвящено исследование организации и проведения такой яркой акции, как выездные сессии Академии наук начала 1930-х гг. Второй сюжет отражает механизм организации и осуществления идеологической кампании конфронтационного типа, нацеленной на научно-образовательную сферу и ее работников («дело академика Лузина» 1936 г.). В совокупности обе «кампанейские» акции ставили целью достичь большей подконтрольности и управляемости отечественного научно-образовательного сообщества.

Выездная сессия АН СССР по проблемам Урало-Кузбасса (июнь 1932 г.) в контексте мобилизационной модели развития науки

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. в истории Академии наук характеризуются как период форсированного огосударствления академического сектора науки, сопровождавшийся острой конкурентной борьбой за ресурсы и влияние в научной сфере с другими организациями (отраслевыми и вузовскими). В то же время ряд ключевых моментов данного процесса, в т. ч. ответы АН на вызов времени, одним из которых стали выездные сессии, не получил адекватного освещения. Литература исчисляется несколькими публикациями, среди которых выделяется статья Н.А. Дедюшиной [1977]. На основе анализа печатных изданий и архивных документов нами ставится задача исторической реконструкции целей и результатов выездной сессии летом 1932 г. в районы Урало-Кузбасса.

Годы первой пятилетки отмечены быстрым наращиванием потенциала неакадемических научных и научно-образовательных учреждений. Громадные финансовые, материально-технические, кадровые ресурсы поглощала формирующаяся сеть отраслевых НИУ, получавших преимущество в виде изначальной встроенности в цепь «наука – техника – производство» и ориентированности на прикладные научные разработки. Свой ответ на внешние вызовы стремилась дать и вузовская система, активная фаза реформирования которой в форме форсированной подготовки технических кадров для индустриального рывка также пришлась на эти годы. Несмотря на трудности и издержки, связанные с разукрупнением ведущих вузов, университеты и институты

прежде всего технического профиля, реализовывали свою отстроенную технологическую цепь «кадры – наука – практика». В активе у вузовской науки помимо самой на тот момент значительной материальной и кадровой базы и корпоративных связей был и тот несомненный плюс в виде наиболее развитой и разветвленной сети образовательных учреждений, которой не обладали другие сектора в сфере науки.

Руководство АН СССР, стремившееся не оказаться в положении догоняющего развития, шло по пути реализации своих собственных конкурентных преимуществ. Не обладая столь мощными материально-финансовыми вливаниями, которые направлялись в отраслевую / прикладную сферу, или преимущественно сконцентрированными в вузах научно-педагогическими кадрами (НПК), академическая элита пошла весьма прагматичным путем, комбинируя все имевшиеся в ее распоряжении возможности для обозначения и подтверждения своего особого положения в иерархии научных учреждений. Академия претендовала на роль высшего и самого авторитетного экспертного органа, а также единственного органа, способного работать на перспективу. Несомненным активом АН СССР в конкуренции за ресурсы была полидисциплинарность, позволявшая позиционировать себя как учреждение комплексного типа. Поскольку статус академической корпорации требовал большей интеграции с политическими и хозяйственными корпорациями, то на решение этой задачи активно работали факторы пополнения Всесоюзной Академии после 1928 г. как высокопоставленными, хотя и переходившими во «второй эшелон» политиками (Г.М. Кржижановский, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, Н.П. Горбунов, М.Н. Покровский и др.), так и знаковыми для технико-экономической модернизации страны учеными – металлурги И.П. Бардин, А.А. Байков, энергетик И.Г. Александров, А.В. Винтер и др.

Вставшей на путь ускоренной интеграции в политико-экономическую мобилизационную систему Академии наук необходимо было принять другие правила своего нового институционального существования – обеспечить своим действиям адекватное идеолого-пропагандистское сопровождение. Стандартными пропагандистскими акциями типа создания новых общественных организаций типа Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТСО) или выпуска журналов под названиями «Фронт науки и техники», «Социалистическая реконструкция и наука» (СОРЕНА) обойтись оказывалось трудно, требовались поиски новых каналов формирования позитивного образа Академии. Таковую функцию и призваны были сыграть оперативно организованные и проведенные акции «смычки» науки с производством, практиковавшихся в форме выездных сессий АН СССР, именовавшихся в документах самой Академии чрезвычайными. Пик их пришелся на год (июнь 1931 – июнь 1932 г.), на протяжении которого руководство Академии организовало три такого рода демонстрационные акции.

Первой и «ударной» во всех отношениях стала сессия, организованная и проведенная в Москве и области (21–24 июня 1931 г.). Накануне и во время самой сессии в «Известиях» публиковались призванные привлечь внимание к данной акции статьи В.П. Волгина, А.В. Луначарского, Г.М. Кржижановского (см.: Известия. 1931. 9, 21, 23 июня). Роль последнего в реализации программ

выездных сессий следует считать одной из ключевых. Будучи на тот момент вице-президентом Академии наук, он символизировал соединение в одном лице политика и ученого, привносящего в академическую науку новые принципы планирования и сближения с техникой и производством. Девиз «смычки науки и труда» реализовывался путем выезда ученых на предприятия Москвы и городов области (Орехово-Зуево, Коломна и др.) [Комаров, 1931].

Вторая выездная сессия АН работала в Ленинграде с посещением предприятий города и области 25–30 ноября 1931 г. Будучи посвящена развитию производительных сил региона, программа работы сессии, с учетом новых реалий работы Академии, рассматривалась предварительно на заседании фракции академиков-коммунистов за месяц до ее проведения. Формат сессии воспроизводил московский опыт, ее лейтмотивом стали слова академика А.П. Карпинского при открытии заседаний о связи науки и производства («Мы будем работать вместе»). Помимо собственно научной сессии ученые выступили с докладами на крупных предприятиях, где собравшаяся аудитория в совокупности по оценкам организаторов достигла 50 тыс. чел. [Кольцов, 1982. С. 241].

Урало-Кузбасская выездная сессия Академии, продлившаяся две недели и проходившая на Урале (4–9 июня) и в Западной Сибири (12–18 июня 1932 г.), несла в себе основные черты и признаки модели, сформированной двумя «столичными» сессиями, однако имела и очевидные черты сверхординарности. Никогда ранее, да и позднее, вплоть до эвакуации руководства и учреждений АН СССР в Поволжье и на Урал в годы Отечественной войны, не проводилось подобных акций с участием крупнейших ученых страны в масштабных и многоплановых мероприятиях вне Центрального региона. Достаточно отметить, что в поездке участвовало персонально все тогдашнее руководство Академии и, за небольшими исключениями, действительные члены и члены-корреспонденты (всего более 70 чел.).

Для руководства Академии «восточная сессия» 1932 г. имела принципиальное значение как демонстрация новых возможностей обновленной и динамично развивающейся академической науки. Для этого Урало-Кузбасс как приоритетный территориально-производственный комплекс первой пятилетки подходил как нельзя кстати. В ходе переговоров руководства АН с региональными органами была озвучена общность интересов и позиций по ряду ключевых вопросов (устойчивость присутствия АН на Урале и в Сибири в виде сети стационарных учреждений – филиалов, баз; экспедиционное и консультационное сопровождение развития региональных производств и т. д.). «Выход на регион» отвечал общей стратегии развития Академии, и в рамках ее реализации уже были сделаны конкретные шаги: с весны 1930 г. в соответствии с решением Общего собрания АН начала действовать постоянная комиссия по изучению региона во главе с академиком А.Е. Ферсманом, получившая название «Сибирской». А несколько позднее, с организацией Совета по изучению производительных сил страны (СОПС), в его составе была сформирована структура, получившая название Урало-Сибирской секции. Развернулась деятельность академических экспедиций, получивших мощное по тогдашним меркам целевое финансирование от ВСНХ СССР: в 1931–1932 гг. почти 2/3

экспедиционных средств АН были направлены на работы в зоне Урало-Кузбасса [Дедюшина, 1977. С. 192].

В научном сопровождении проблем Урало-Кузбасса Академия искала свою приоритетную позицию. Базовый принцип заключался в том, чтобы не дублировать работу отраслевых НИУ, а проводить исследования комплексного, междисциплинарного характера, которые были не под силу ведомственным институтам, осуществляя, в частности, в области геологии не поисковые и разведочные, а важнейшие геофизические и геохимические исследования. Работы экспедиций АН в Западной Сибири в этот период не ограничивались изучением рудного или нерудного сырья для металлургического комбината. В начале 1930-х гг. здесь работали также Кузнецко-Барнаульская почвенная и Южно-Сибирская флористическая экспедиции. Особое место в деятельности Академии отводилось Кулундинской комплексной экспедиции по изучению соляных озер, в состав которой входили химики, геологи, гидрологи, микробиологи [Николаев, 1977].

Руководство Академии активно прорабатывало и вопрос о стационарировании сети своих учреждений в восточных регионах. В октябре-декабре 1931 г. при АН были сформированы оргкомитеты по созданию баз / филиалов на Урале (Свердловск) и в Западной Сибири (Новосибирск). Но если «уральский проект» оказался подкреплен статусной фигурой выдающегося геолога А.Е. Ферсмана, давшего в начале 1932 г. в специальном письме на имя секретаря Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакова согласие на переезд на Урал в роли руководителя филиала, а региональные организации при поддержке крупных отраслевых промышленных предприятий изыскали 1,2 млн руб. на начальное финансирование филиала [Рубежи созидания..., 2002. С. 34], то «западносибирский проект» «завис».

Первоначально динамика организационных решений позволяла надеяться на успех. 17 сентября 1931 г. в структуре Запсибкрайисполкома был впервые создан полномочный орган (Ученый комитет), координировавший деятельность региональных научных учреждений и осуществлявший связи с внерегиональными, академическими и отраслевыми НИУ, работавшими в Западной Сибири [Культурное строительство..., 1977. С. 276–278]. Тем самым в распоряжении регионального руководства появился специальный аппарат, готовивший предложения и разрабатывавший планы научного освоения края. 9 января 1932 г. председатель крайисполкома Ф.П. Грядинский официально обратился к руководству Академии наук с предложением провести в Новосибирске в феврале расширенное совещание с участием представителей АН, Ленинградского университета и региональных научных учреждений по координации планов НИР всех заинтересованных сторон на 1932 г. Приоритетным считался вопрос организации «комплексной базы Академии наук в Новосибирске» (Архив РАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 25. Л. 13).

В начале февраля в Новосибирск из Ленинграда выехала специальная делегация Академии, которую возглавил член Оргкомитета, проф. В.А. Зеленко. Последний был далеко не рядовой фигурой в научной иерархии: занимая должность ученого секретаря форсированно развивавшегося СОПСа, он поль-

зовался репутацией успешного переговорщика с «отраслевиками» и «регионалами» при отстаивании интересов Академии в получении ресурсов на научные работы, в особенности – экспедиционную деятельность. Делегация ехала в Новосибирск с деловой, конструктивной программой действий. В ее задачу входило выяснение разноуровневых вопросов – начиная от проблемы финансирования и кончая прагматическими аспектами (размещение и снабжение могущих приехать в филиал из Ленинграда уже в течение 1932 г. 20 чел., включая аспирантов). Что касается стационарной сети, то, по мнению ученых, в течение 1932 г. предполагалось открыть геофизический институт в Новосибирске со станциями в Горной Шории и на Алтае и рядом сейсмологических пунктов в Кузбассе, соляную станцию в Кулунде, станцию по изучению Севера в Томске, Абаканскую комплексную станцию. Первые шаги для этого в Ленинграде уже были сделаны – делегация везла переданные ей от групп ученых проекты и сметы по организации упомянутых выше, а также геохимических, ботанических и биологических учреждений будущего филиала.

В ходе переговоров делегации АН с представителями краевых органов была достигнута договоренность о том, что в 1932 г. начнется организация Кулундинской, Абаканской и геохимических станций. Что касается финансовой стороны, то по тем предварительным сметам, которые были подготовлены в Ленинграде, организационный этап развертывания филиала требовал в 1932 г. суммы приблизительно в 1 млн руб. Источники покрытия виделись таковыми: 600 тыс. из средств госбюджета целевым образом; по 250 тыс. из краевого бюджета и средств краевых хозорганов (Там же. Л. 14, 16, 18).

Дальнейшие события показали осторожность позиций договаривающихся сторон в их готовности обеспечить финансирование мероприятий в запланированном объеме. Так, 27 февраля 1932 г. Президиум ЗСКИК принял решение об ассигновании из местного бюджета на развертывание филиала 150 тыс. руб., т. е. обеспечить две трети своего долевого участия. В свою очередь Президиум АН 14 марта, проанализировав ситуацию вокруг филиала (выводы делегации), согласился включить в текущие планы АН организацию Кулундинской и Абаканской станций (организацию геохимических станций было сочтено необходимым отложить). Ввиду сложности вопроса со средствами (уже неясен был исход обращения в Москву о целевом финансировании из госбюджета) решение было принято осторожное: с одной стороны, «предложить Комиссии по базам составить проект договора с ЗСКИК, в котором предусмотреть точные сроки ассигнований»; с другой – «вопрос об организации в Новосибирске отделения Академии наук при данных условиях оставить открытым...» (Там же. Л. 90, 93). Вице-президент АН СССР академик В.Л. Комаров 29 марта в официальном обращении в крайисполком обозначил позицию руководства Академии так: «...вопрос об организации у Вас базы Академии наук остается открытым до получения от Вас сообщения о точной сумме финансирования базы, а также о Вашем согласии на проведение в жизнь представленных Вам нашей делегацией проектов организации учреждений базы» (Там же. Л. 101).

Тогда, в 1932 г., осторожный оптимизм ученых и краевых руководителей отчасти, и не без оснований, «подогревался» фактом проведения в июне 1932 г. в Свердловске и в Новосибирске выездной сессии АН, посвященной проблеме УКК. Сессия должна была дать толчок интенсивному взаимодействию трех заинтересованных сторон («академики», «регионалы», «отраслевики») в укреплении научного присутствия ученых в восточных регионах. В принятой сессией резолюции подчеркивалась необходимость «приступить в ближайшем будущем к организации филиала АН в Новосибирске», было одобрено ранее принятое решение об открытии в ближайшем будущем Кулундинской и Абаканской научно-исследовательских станций [Проблемы Урало-Кузбасского комбината, 1933. Т. 2. С. 592].

Однако в действительности реализованным оказался только один из пунктов программы, да и то в «усеченном» виде. В 1932 г. в составе комплексной Кулундинской экспедиции СОПС АН была создана научно-исследовательская станция в Славгороде с рядом филиалов в районе соляных озер Кулунды, со смешанным ее финансированием из региональных средств и НКТП (Там же. Д. 19. Л. 2–3).

Какие же реальные цели и интересы, помимо продвижения стационарных учреждений на периферию, преследовала академическая элита, организуя научный «выездной десант» в восточные регионы? Выездная модель имела прагматичную подоплеку, реализуемую в трех аспектах – пропагандистско-политическом (демонстрационном), консультативном (выезды на производство) и профессиональном. Первые два взаимосвязанных аспекта призваны формировать социальный и информационный контекст данной акции, или ее общедоступный для восприятия массового сознания формат. Реальные и содержательные моменты проявлялись в процессе научного обсуждения актуальных проблем регионального развития на пленарных и секционных заседаниях сессии. В первом случае реализовывался в значительной степени иницилируемый самими учеными публичный образ передовой отечественной науки, ставший в случае с феноменом выездных сессий 1931–1932 гг. даже самодостаточным явлением. Процессы же собственно внутринаучной, профессиональной рефлексии оказывались в известной мере подчинены логике формирования образа передовой науки.

«Вестник Академии наук СССР», посвятивший подготовке, проведению и освещению предварительных итогов Урало-Кузбасской выездной сессии центральное место в четырех номерах (№ 6–9) за 1932 г., содержит важную по своей значимости информацию о том симбиозе демонстрационных (имиджевых) и собственно научных задач, которые решало академическое руководство, организуя данную сессию. Это – соединение документов (повестки сессии, итоговая резолюция), нарративов (впечатлений участников) и статей о сессии официальных деятелей Академии (А.П. Карпинского, В.Л. Комарова, В.П. Волгина и др.).

Блок «сессионных» материалов, помещенных в главном академическом издании, открывался публикацией ученого секретаря СОПС проф. В.А. Зеленко. В ней обосновывалось видение места Академии в новых условиях: участие

вать под руководством компартии в социалистическом строительстве и осуществлять « всю свою работу под контролем советской общественности »; выездная сессия есть новая форма « смычки », « взаимного смотра » (« Академия наук и строители социализма будут рапортовать друг другу о своих достижениях, нуждах, потребностях, трудностях ») (Вестник АН. 1932. № 6. Стб. 4–5). Новая реальность предусматривала для Академии освоение правила двойного контроля над ее профессиональной деятельностью – партийного и общественного. И если партийный контроль действовал уже несколько лет, начиная с 1928 г., то технологию « широкого общения с массами » руководству Академии еще предстояло выработать. Выездные сессии являлись для АН тем самым полем « инициативного общения », формат которого включал отработку оптимальной модели взаимодействия двух субъектов интересов (академическая и региональные элиты) с привлечением искусственно структурированной « общественности ».

Опубликованные в « Вестнике » и « Трудах » сессии тексты речей и приветствий официальных лиц имели весьма схожий формат « директивной пафосности ». Выступления вице-президентов Академии В.Л. Комарова, Г.М. Кржижановского и неперменного секретаря В.П. Волгина были политически взвешенными и существенно не отличались от публичных лозунговых стереотипов, которыми обменивались с ними встречавшие их региональные руководители. Вот типичное митинговое обращение Комарова к встречавшим ученых на вокзале в Свердловске 3 июня 1932 г.: « Под руководством Коммунистической партии, во главе с мировым вождем пролетариата т. Сталиным, при единении науки и труда мы осуществим великие задачи построения социализма » (Там же. Стб. 62). Немногим отличался ответ Комарова на приветствие культурмейцев 17 июня в Новосибирске: « Мы – одно целое в Советской стране... Академия наук, товарищи, находится под руководством той же партии, которая руководит и мировым пролетариатом, у нас один вождь, одни газеты » [Проблемы Урало-Кузбасского комбината, 1933. Т. 2. С. 573].

Г.М. Кржижановский, будучи более опытным партийным оратором, призывал присутствовавших на открытии сессии в Новосибирске 12 июня 1932 г. к мобилизационной консолидации во « фронтовом формате »: « Объединенными усилиями с вами, работниками мест, мы создадим могучий фронт, который покажет всему миру, что великие задачи, стоящие перед нами во второй пятилетке, на этот раз подкреплены не только героическим энтузиазмом трудящихся, не только великим руководством закаленной в боях ленинской партии, но они уже подкреплены и мощным фронтом науки и техники » [Там же. С. 1].

Процитированный фрагмент примечателен также и массивным использованием терминов и словосочетаний в превосходной степени, присущих подобного рода речам (« могучий фронт », « героический энтузиазм » и др.). Так, на неполную страницу текста своего выступления Кржижановский употребил 12 такого рода речевых оборотов. Выступавший следом за ним с приветствием от местной элиты председатель крайисполкома Ф.П. Грядинский принял « эстафету », используя в своем двухстраничном изложенном тексте

21 пафосное выражение («великие задачи», огромнейшие богатства», «колоссальные запасы» и т. п.) [Там же. С. 2–3].

Наиболее емкий и квалифицированный обзор выездной сессии дан вице-президентом Академии В.Л. Комаровым (Вестник АН. 1932. № 8. Стб. 15–56). В обзоре сессия представлена как сложнейшая, ресурсозатратная и потребовавшая от всех вовлеченных в нее участников громадного напряжения сил мобилизационная кампания. Подготовительный период, длившийся до полугода, потребовал тщательного согласования формата сессии и нахождения средств на ее проведение (затраты легли на региональные бюджеты). Разрабатывались и аккумулировались региональные «обращения» к Академии «общественных, хозяйственных и научно-технических организаций» Урала и Западной Сибири с указанием перечня практических тем, нуждавшихся в научном обеспечении. Сама сибирская часть сессии имела столь плотную насыщенность митинговыми, профессиональными и смотровыми (экскурсионно-консультационными) мероприятиями, что время для отдыха (помимо кратковременного сна) выпадало только на период переездов из города в город. Восьмидневное пребывание в Сибири (делегация прибыла в Новосибирск в 18 час. 11 июня и отбыла в такое же время 18 июня) включало в себя «конвейерные» разноплановые мероприятия, тщательно организационно и сценарно проработанные, с заранее определенным форматом выступавших, лимитированным временем на их проведение, ежедневными утренними заседаниями оргкомитета и отчетными выступлениями руководителей секций и бригад по завершении научных или выездных в другие сибирские города акций. Самыми трудоемкими оказались выездные мероприятия бригад ученых, посетивших Сталинск, Кемерово, Прокопьевск, Томск, Омск (своего рода мини-сессии внутри «большой» сессии). Их работа также включала в себя комбинацию трех типов мероприятий (митинговых, научных и смотровых), разную для конкретных городов: в Томске и Омске приоритет отдавался научным мероприятиям, заседаниям с местными учеными, в других городах преобладал экскурсионно-консультационный компонент. На это отводилось почти три дня (бригады выехали из Новосибирска 14 июня и вернулись 16 июня ко второй половине дня).

В выездах присутствовал и элемент экстремальности (делегация в Кемерово летала на двух аэропланах; посещение кузбасских городов сопровождалось спуском и осмотром местных шахт). Торжественные заседания в формате сессий городских советов с «товарищескими чаями» с местными активистами в сочетании с профессиональными обсуждениями с региональными научно-преподавательскими кадрами и консультациями с производственниками требовали от ученых предельной самоотдачи. В.Л. Комаров, в частности, отмечал: «Выезды в совхозы и на заводы Сельмаша потребовали много времени, так что члены бригады во время пребывания в Омске почти не спали... Академик Осинский даже остался в Сталинске еще на сутки, т. к. пожелал углубить свои знания о сталинском строительстве» (Там же. Стб. 45, 51). В обзорной статье о работе химической секции выездной сессии М.А. Клочко писал: «Время, проведенное химиками в Новосибирске, было заполнено все без остатка. Даже в день отъезда (18 июня) на устроенном для участников сессии пароходном гулянии по Оби, химики умудрились созвать в самой большой

каюте совещание с представителями Наркомтяжпрома по вопросу о дальнейшей научно – исследовательской работе по Кулунде» (Там же. Стб. 54).

Казалось бы, мимоходом высказанное замечание М.А. Ключко отразило реальную коллизию, оставшуюся в тени публичной стороны сессии. Если рассматривать структуру организации сессии в формате ее трехкомпонентности (митинговой, профессиональной и смотровой), то время, отведенное на профессиональные научные и научно-производственные заседания и обсуждения, занимало не более половины всего сессионного времени. Это объективно ущемляло и заведомо снижало эффективность обсуждения и решения главных задач целевого научно-практического характера. На установление взаимодействия и согласование интересов регионального руководства, ведомственных / отраслевых структур с академическими учеными не хватало времени, следствием чего стало вынужденное «пароходное совещание» химиков АН с представителями ведомств уже за рамками завершившейся сессии.

Между тем, противоречия и конфликты интересов разных сторон, безусловно, имели место. На упоминавшемся выше совещании, как писал Ключко, «выявилась безотрадная картина продвижения научных работ в производство. Деньги, ассигнованные местами на научные работы, в центре перераспределяются часто при игнорировании нужд того или иного объекта строительства. Отсутствует контакт между научно-исследовательскими учреждениями, работающими по Кулундинской проблеме... Совещание не совсем одобрило метод распределения кредитов, принятой в академическом Совете производительных сил (Там же. Стб. 55).

Стенограмма заседаний геологической секции (Новосибирск, 13 июня 1932 г.) зафиксировала внутрикорпоративный конфликт двух групп геологов. Одна из них была представлена ленинградским проф. П.И. Лебедевым, сделавшим секционный доклад по результатам Алтайско-Кузнецкой геохимической экспедиции, проведенной СОПСом летом 1931 г. на средства геологического ведомства. По его мнению, первые результаты камеральных исследований позволяли внести «значительные изменения» в сложившиеся представления о типе генезиса железорудных месторождений Горной Шории [Проблемы Урало-Кузбасского комбината, 1933. Т. 2. С. 180–181]. В свою очередь, выступивший в прениях по докладу лидер томской школы геологов проф. М.А. Усов поставил под сомнение сам подход и исследовательские методы Лебедева [Там же. С. 211]. В ответном слове Лебедев заявил: «Произнесенная с “большим подъемом” речь М.А. Усова была продумана и составлена, по-видимому, до того, как был заслушан мой доклад. Должен откровенно и по-товарищески сказать, что здесь готовилось определенное наступление сибирских геологов». Впрочем, он далее самокритично признал, что своим докладом не мог «претендовать на значительное дополнение выводов, сделанных в результате десятков лет работы по изучению Сибири». Сказанное позволило Усову погасить конфликт дипломатической фразой: «мы относимся к нашим гостям с полной признательностью» [Там же. С. 213, 215, 218].

Этот, как будто частный, случай высвечивал проблему принципиального характера о принципах взаимодействия в новых условиях АН с другими научными

учреждениями. В центральном пункте постановления по итогам работы выездной сессии ставилась задача «тщательного изучения тех наказов и встречных планов, которые были выдвинуты рабочими и научными учреждениями УКК» и признавалось необходимым отобрать из их числа те, которые «могут быть выполнены силами самой Академии», передав остальные «на разрешение в другие научно-исследовательские учреждения Союза» [Там же. С. 592]. Осознание той ответственности, которую вынуждена была принять на себя Академия, инициировав выездную сессию в районы Урала и Западной Сибири, привело академика В.П. Волгина к тезису о том, что комплексное научное сопровождение проблем УКК ставит вопрос не только о собственной глубокой структурной реорганизации, но и о возможном включении в состав Академии крупных отраслевых институтов (Вестник АН. 1932. № 8. Стб. 12–15).

Итоги работы выездной сессии следует оценивать в контексте действия двух тенденций – краткосрочного и длительного характера. Ряд текущих решений не требовал серьезных временных и ресурсных затрат (двухтомник трудов сессии увидел свет в течение года; созданная через полгода комиссия по координации НИР для нужд комбината, проработав недолгое время, была прагматично трансформирована в Совет Урало-Сибирской секции СОПСа; в течение еще двух лет осуществлялась интенсивная экспедиционная деятельность в данных регионах). Сложнее оказалось реализовать перспективные направления (отделение технических наук (ОТН) конституировалось только в конце 1935 г.; академический филиал в Западной Сибири был создан десять лет спустя). В то же время мобилизационные технологии научной деятельности, апробированные в ходе сессии (выездные бригады ученых в промышленные центры и оперативные консультации производителям) оказались востребованы и широко применялись в годы Великой Отечественной войны в практике работ Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. Сама же «восточная» выездная сессия АН 1932 г. вошла в историю как символ действий науки нового типа, оставив в тени присущие ей мобилизационные принципы (экстраординарность, интенсивность, ресурсозатратность, массовидность).

Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: «лузинщина» в Сибири*

В истории научной интеллигенции страны 1920–1930-х гг. есть еще немало темных трагических страниц, рожденных атмосферой того времени. В частности, характерной ее чертой являлись антиинтеллигентские кампании, периодически развязываемые с ведома и одобрения высшего политического руководства. Одни кампании сопровождали громкие судебные процессы, какими были, например, процессы над членами не существовавших организаций типа Промпартии (1930 г.) или Союзного бюро меньшевиков (1931 г.), среди кото-

---

* Этот раздел представляет собой дополненный текст работы, написанной в соавторстве с М.В. Кликушиным в 1992 г.

рых значительную долю составляли ученые различных специальностей. В других случаях публичные процессы находились в стадии подготовки, как дело т. н. Трудовой Крестьянской партии (Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и др.) или «дело академиков» (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и др.), а пропагандистские кампании уже шли полным ходом, формируя соответствующие стереотипы в общественном сознании относительно «интеллигентов-вредителей».

В ряду этих акций, которые традиционно шли на фоне репрессий (арестов, ссылок, заключений и т. д.) по отношению к представителям соответствующих групп специалистов, кампания 1936 г. по борьбе с «лузинщиной» пока еще не нашла своего квалифицированного объяснения и освещения. Связанная с именем известного советского математика, академика Н.Н. Лузина, кампания, внезапно начавшись, выплеснулась на страницы центральной печати в июле-августе 1936 г. и затем также внезапно закончилась. Относительно благополучно закончилась она и для самого академика, который, несмотря на грубые обвинения в его адрес, не подвергся политическим репрессиям.

Первые научные публикации, в которых делаются попытки изучить «дело академика Лузина» и кампанию, развернутую вокруг него пропагандой, появились лишь на рубеже 1980–1990-х гг. (см.: [Юшкевич, 1989; Levin, 1990]). В последующее десятилетие данная тема привлекла внимание историков науки, результатом чего стало появление весьма фундированной документальной публикации, посвященной работе комиссии АН СССР летом 1936 г. по «делу Лузина» [Дело академика..., 1999]. Ей предпослано обстоятельное предисловие, написанное С.С. Демидовым и В.Д. Есаковым [Там же. С. 8–47]. Обращает на себя внимание аналитическая публикация науковеда и социолога науки Д.А. Александрова [1996], затронувшего данную кампанию в контексте общих тенденций формирования и развития международных коммуникаций отечественных ученых между двумя мировыми войнами.

Работа А.П. Юшкевича дает содержательный анализ борьбы в академической среде различных групп ученых, в первую очередь тех, кто имел гражданское мужество защищать Лузина. В то же время автор не ставил своей задачей раскрытие механизма осуществления самой кампании по «осуждению “лузинщины”» в научных коллективах. Статья А.Е. Левина ценна выявлением тех последствий (сиюминутных и долговременных), которые понесло советское научное сообщество в результате данной акции. Публикация Д.А. Александрова содержит весьма ценный анализ динамики международных коммуникаций отечественных ученых после революции и в межвоенный период. Автор делает обоснованный вывод о том, что сформировавшаяся в советский период тенденция самодостаточности и изолированности отечественной науки сложилась не только под влиянием негативных для науки политических факторов (прежде всего контроля над научной деятельностью институтов власти), но отразила особенности корпоративного сознания самого научного сообщества. Однако названные авторы не коснулись масштабов и специфических форм осуществления кампании «борьбы с лузинщиной» как идеолого-пропагандистской с присущими ей типичными чертами и спецификой протекания в провинции. Между тем региональные материалы способны пролить

свет на внутренние пружины, движущие силы, формы и методы организации данной антиинтеллигентской по своей сути акции. В распоряжении историков есть комплекс архивных дел, содержащих документы (по преимуществу стенограммы собраний научных коллективов) по «борьбе с лузинщиной» в Томске и Омске, способствующие анализу данной темы.

Внешним поводом для начала кампании послужила напечатанная 27 июня 1936 г. в «Известиях» совершенно невинная статья под заголовком «Приятное разочарование», написанная Н.Н. Лузиным. Речь в ней шла о том, как изумлен был академик Лузин глубокими знаниями советских школьников в области математики (в этом и заключалось «приятное разочарование»). В этом ему довелось убедиться, присутствуя на экзаменах по математике в одной из московских средних школ.

Можно только гадать о причинах, вызвавших появление 2 июля 1936 г. (но уже в «Правде») статьи под названием «Ответ академику Н. Лузину», написанной директором школы, учениками которой так восхищался Лузин, Г.И. Шуляпиным, высказавшим в чрезвычайно грубой форме свое недоумение по поводу «неискренних восторгов» со стороны Лузина: «Кому и зачем академик Лузин втирает очки?.. Академик Н. Лузин, очевидно, забыл; что пришел он в советскую школу, к советским педагогам, т. е. к людям, желающим товарищеской критики своей работы, ищущим в этой критике помощи! Нам не нужно не искренних восторгов...» Далее следовало весьма казуистическое обвинение; «А действительно ли вы были "приятно" разочарованы, академик Лузин? Не было ли вашей целью замазать наши недостатки и этим самым нанести нашей школе вред?»

На следующий день, 3 июля 1936 г., в «Правде» появляется новая статья – «О врагах в советской маске». Статья не имела авторства и носила редакционный характер, так как в ней говорилось, что письмо директора московской средней школы Шуляпина «уже в день его опубликования вызвало ряд откликов и писем работников математических наук в редакцию "Правды"». Начиналась статья с утверждения, что «восторги, источаемые Н. Лузиным по адресу наших школьников, далеко не случайны», а «являют собой лишь одно звено длинной цепи искусной и весьма поучительной по своим методам маскировки врага».

Информация, которой располагали создатели текста, свидетельствует о том, что кампания готовилась тщательно и давно. Н.Н. Лузин обвинялся в следующих «вредительских» видах деятельности: в том, что он давал блестящие характеристики бесцветным в профессиональном отношении ученым («фабрикация заведомо ложных похвальных отзывов» – «линия на засорение советской математической науки»); печатал «в различных изданиях в СССР многие свои якобы научные статьи», в то время как «научная ценность большинства этих статей ничтожна», «а более или менее самостоятельные свои работы Н. Лузин отправляет для печатания за границу – во Францию, Польшу и даже... Румынию». Далее ставилась под сомнение самостоятельность большинства научных трудов академика, он обвинялся в моральной нечистоплотности и плагиате, в подсиживании и выживании из Академии «действительно талантливых молодых ученых». Читателю напоминалось, что такие, как Лу-

зин, вышедший из «стаи бесславной царской "московской математической школы"», не отказались от своих взглядов, «может быть, чуть-чуть фашистски модернизированных». Здесь же звучала фраза, обошедшая позднее все резолюции протеста: «...Математика преуспевает в советской стране, как преуспевают все другие науки, для которых социалистическое государство рабочих и крестьян дает условия, каких нет и быть не может ни в одной капиталистической стране».

В публикации содержался также призыв к советской общественности отнестись к истории академика Лузина как к еще одному предметному уроку того, что враг не складывает оружия, что он маскируется все искусней, что методы мимикрии его становятся все многообразней, что бдительность остается необходимой чертой каждого большевика, каждого советского гражданина. Давались в статье и примерные признаки «лузинцев» (хотя термин пока еще не использовался): ими должны были быть люди, ратующие «якобы» за «чистую» науку и «продающие интересы» науки, торгующие ею «в угоду прежним хозяевам», «нынешним хозяевам фашизированной науки».

Следующая статья в «Правде», имевшая отношение к развязанной кампании, появилась лишь 9 июля, но выдвигаемые в ней обвинения носили уже принципиально иной характер: они были конкретизированы. В качестве основного выдвигалось обвинение, ранее сосуществовавшее «на равных» с другими, – заискивание перед границей, выражавшееся в печатании научных трудов в зарубежных научных журналах. (Об этом прямо говорило и название статьи – «Традиции раболепия».)

Можно предположить, что столь долгое молчание «Правды» между двумя последними статьями было вызвано как раз поисками, вычлениением основного обвинения. 10 и 12 июля в «Правде» вновь появляются публикации под одним и тем же названием – «О врагах в советской маске», а 11 июля хранившие долгое молчание «Известия» разражаются первой статьей («Разоблаченный враг»). 13 июля в «Правде» были опубликованы сразу две статьи – «Пора порвать с традициями раболепия» и «Отклики ленинградских ученых», 14 июля – отчет о работе комиссии Академии наук, созданной по «делу господина Лузина», наконец, в кульминационный день – 15 июля появляются статьи одновременно в «Правде» («Академик Губкин о так называемом академике Лузине») и в «Известиях» («Враг советской страны»). После этого кампания была столь же резко прекращена, как и начата, вплоть до 6 августа 1936 г., когда в «Правде» была напечатана передовица под характерным названием «Достоинство советской науки». В этом же номере газеты были опубликованы постановление Президиума АН СССР от 5 августа 1936 г. и заключение комиссии по делу академика Лузина «В связи со статьями в газете "Правда"» (заключение этой же комиссии было напечатано и в «Известиях» за 6 августа в статье «Об академике Н.Н. Лузине»), 8 августа «Правда» в последний раз коснулась проблемы «лузинщины» в небольшой заметке «Покончить с "лузинщиной" в сельскохозяйственной науке», поместив ее на последней странице.

Этим завершился, однако, лишь первый этап широкомасштабной кампании, которая затем перешла на другой уровень, переместилась непосредственно в научные коллективы и прочно «прописалась» в провинции еще почти на полтора месяца. Речь шла не только об обычном для такого рода акций механизме («инициативу» центра провинция подхватывает и проводит с некоторым временным лагом). Кампания приобрела и иное качество. Так, если на первой ее стадии (центральной по месту и газетно-пропагандистской по форме) движущей силой выступала «советская общественность», а участие «научной общественности» служило отчасти своеобразным фоном, то теперь сами ученые при участии партийных органов на местах должны были выявить «лузинщину» как явление и «искоренить» ее.

В сибирской провинции кампания началась 8 сентября 1936 г. заседанием ученого совета Омского сельскохозяйственного института, где в присутствии почти 60 чел. с «информацией о деле академика Лузина и лузинщине» выступил декан гидромелиоративного факультета И.И. Агроскин (ГАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 11. Л. 103 об.). Заданный им «правильный тон» обсуждения был практически единодушно поддержан выступавшей профессурой, здесь выдерживалась четкая диспозиция: одни нападали, другие (обладатели зарубежных публикаций разных лет) вынуждены были защищаться. Примечательно, что, за редким исключением, мало кто в аграрном вузе слышал ранее об академике Лузине, но зато быстро сориентировались в том, в чем его обвинили официальные круги. И. о. профессора Фридолин сформулировал установку («надо быть более бдительным и посмотреть, нет ли подобных явлений и в нашей среде») (Там же), которая тотчас была актуализирована. Основные обвинения пришлись в адрес известных в местном научном сообществе ученых Б.А. Вакара и Я.С. Зайончковского. Каждый из них занял мягкую, «согласительскую» позицию. Так, Б.А. Вакар, напечатавший за границей пять из своих 60 работ, пояснил, что им «за границей печатались работы, которые до 4-х лет лежали ненапечатанными». Я.С. Зайончковский (имел 10 зарубежных публикаций из 40) отмечал, что все статьи были опубликованы за рубежом до 1930 г., а сам факт их помещения там объяснял прагматически: «К печатанию за границей вынуждает желание иметь в обмен заграничную литературу» (Там же). Зафиксировано лишь единичное «примирительное» выступление проф. А.А. Стольгане о том, что следовало «печатать работы за границей организовано, а не в порядке личной инициативы». Подытожил «дискуссию» директор института проф. Румянцев, заявивший: «Уроки из дела Лузина надо извлечь и для нашего коллектива. Каждый советский ученый, дорожащий своей Советской Родиной, должен решить вопрос, где же вперед печатать ему свои работы: в СССР или за границей? Тут двух мнений быть не может. Надо сначала печатать в СССР. Надо крепко обдумать вопрос, с кем будет вместе фигурировать имя советского ученого в заграничных журналах, и в какой стране напечатать наши работы. Фашистские страны надо бойкотировать. Ошибка профессора Вакара в том, что он напечатал две работы сначала за границей, а потом в СССР [...] Ценные работы всегда можно в самый кратчайший срок печатать в СССР» (Там же. Л. 104).

В контексте отмеченного выше примечательна личность и судьба главной фигуры, подвергнутой обструкции. Борис Анатольевич Вакар (1890–1976) – известный генетик, ботаник и селекционер, соратник Н.И. Вавилова и Н.В. Цыцина, широко известный своими исследованиями за рубежом. С 1930 по 1937 г. он возглавлял в институте кафедру селекции, генетики и физиологии растений. Переехав в Ленинград, работал в сельскохозяйственном институте. В 1938 г. был арестован по т. н. делу Н.И. Вавилова, но в 1940 г. в отношении его дело оказалось прекращено «за недоказанностью обвинения». Продолжал научно-педагогическую деятельность, однако оказался вновь объектом «директивной критики» в 1948 г. как противник Т.Д. Лысенко, после чего был выслан на Урал, где с 1949 по 1967 г. работал профессором в свердловских вузах (см.: О научной и педагогической деятельности профессора Б.А. Вакара // Генетика. 1970. Т. 4. № 12).

«Борьба с теорией раболепия перед иностранными авторитетами» – под таким ракурсом осуществлялась эта акция в Томске 14–28 сентября 1936 г. Организующая роль партийных структур, завуалированная в Центре, предстает в региональных материалах со всей рельефностью. Томский горком ВКП(б) не только активно участвовал в кампании (через секретарей парткомов вузов), но и тщательно спланировал все этапы в определенной последовательности. В информационной записке горкома, подготовленной для крайкома партии, указывались три стадии: 1) проведение внутривузовских собраний; 2) организация общегородского собрания научных работников (коммунистов и комсомольцев); 3) проведение общегородского собрания ученых. Все это сопровождалось информированием советской общественности посредством публикаций в местной печати (главным образом в газете «Красное знамя») (ГАО. Ф. П-З. Оп. 10. Д. 1095. Л. 5).

Сигналом к началу кампании послужил приезд в Томск 5 сентября 1936 г. секретаря крайкома Р.И. Эйхе. Выступая 11 сентября на собрании партактива Томской организации, он указал на пассивность коммунистов и научной общественности при обсуждении «дела Лузина» как на серьезнейший «провал в работе». «В Томске, где насчитывается около 800 научных работников, почти никто на дело Лузина, на статьи в “Правде” никак не отозвался, словно дело Лузина никакого политического значения не имеет. Неужели вы полагаете, что в Томске нет лузинщины, нет отдельных проявлений раболепия перед буржуазной наукой?» (Красное знамя. 1936. 21 сент.).

Газета «Красное знамя» моментально откликнулась публикацией двух статей. 15 сентября вышла статья четырех научных сотрудников физико-технического института (Светланов и др.) с характерным заголовком «Беспощадно разоблачать и осуждать конкретных носителей раболепия перед буржуазной наукой», где в грубой форме порицался стиль работы научного коллектива под руководством проф. Тартаковского (публикация работ за границей, «особенно в фашистской Германии»). 17 сентября появилась статья группы сотрудников того же института (Петров и др.), осуждавшая позицию другого известного ученого-физика, профессора Д.Д. Иваненко (последний заявил о негативных для советской науки последствиях ограничения контактов с зарубежными коллегами).

За проведенной пропагандистской «артподготовкой» последовала серия общих собраний: томских индустриального института, электромеханического института инженеров транспорта, университета; коммунистов и комсомольцев научных учреждений и вузов города; научных работников Томска.

Столь затяжной (с 19 по 28 сентября) и тщательно спланированной акции давления на научную среду в Томске ранее не предпринималось. Учитывались и тщательно взвешивались все моменты акции, начиная с подбора докладчиков и кончая участниками прений. Последние также тщательно подбирались и готовились, о чем свидетельствует весьма доскональное знание фактов биографии и научной деятельности отдельных ученых, ставших объектами грубых нападок и травли, обнаруживаемое порой отдельными выступавшими. Столь же обязательными становились и «покаянные» выступления ученых, обвиненных в «раболопии перед границей».

Прослеживается наличие нескольких основных групп в составе принявших участие в собраниях ученых (критерием здесь выступают те ролевые функции, которые они выполняли). Первая группа – обвиняемые как сторонники или последователи Н.Н. Лузина – состояла из 10–15 крупных ученых разных специальностей, объединенных общим «компрометировавшим» их обстоятельством – наличием публикаций в зарубежных научных изданиях. Следует отметить, что четверо из них входили в «привилегированную» категорию региональной профессуры из 24 чел., обслуживаемых Комиссией содействия ученым при СНК СССР (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 818. Л. 4–5). Вторая группа – крупные ученые, главным образом руководители научных подразделений. Большинство из них также имели в разное время «криминальные» публикации, но, вероятно, дали согласие участвовать в кампании и даже играть активную роль в качестве докладчиков из конформистских соображений и опасений оказаться в первой группе (функция «свидетелей»). Третья, наиболее многочисленная группа состояла из представителей т. н. новой интеллигенции, связанной с партийной средой и занимавшей наиболее резкую, непримиримую позицию (функция «обвинителей»). Особую группу составляли своего рода режиссеры – секретари парткомов, а также руководители вузов, коммунисты (функция «судей»). Таким образом, если определять какие-либо количественные пропорции, то выясняется, что в «группу риска» попало около 1 % от общей численности научных работников Томска (11 из 800 чел.) и 6–7 % (50–60 чел.) сыграли свои роли в компрометации указанной группы. Большая же часть ученых оказалась в роли статистов.

Для нас, однако, важно зафиксировать в данном случае не только действие механизма морального репрессирования в науке, но и (что не менее важно) отклонения от сценария, имевшие место проявления профессионального, а следовательно, и гражданского неповиновения, сопротивления «творцам» кампании.

Вкратце охарактеризуем состав ученых и функционеров от науки, составивших выделенные выше группы. Это позволит более предметно воспроизвести сам ход кампании и те поворотные точки, которые в ней возникали. «Группу риска» составили томские ученые: физики Д.Д. Иваненко, П.С. Тартаковский, Б.А. Фукс, Б.В. Тронов, И.Н. Бутаков, математик С.С. Бергман, химики И.И. Ко-

тюков, Н.П. Козьмина, Резниченко, Г.Н. Ходалевич, горняк Ф.В. Галахов, медик С.А. Смирнов. Как уже отмечалось, в вину им ставилось печатание научных работ за границей. При этом не прослеживалось какого-либо четкого критерия для отнесения к данной группе. Так, профессор Бергман (математик) был немцем, эмигрировавшим в СССР после прихода фашистов к власти, и практически все его работы (более 50) печатались в Германии. Профессора Козьмина и Резниченко (химики) более половины из своих работ публиковали в зарубежных изданиях. В то же время жесточайшей критике подвергались доценты Фукс и Ходалевич, имевшие всего по одной-две зарубежных публикации, но в особенности – профессора Сибирского физико-технического института (СФТИ) П.С. Тартаковский и Д.Д. Иваненко, работавшие над фундаментальными проблемами физики и добившиеся к этому времени значительных успехов (публикации за рубежом для них были нормальным явлением).

Однако наиболее «одиозными» фигурами стали профессора Ф.В. Галахов и И.И. Котюков, к тому времени уже арестованные за «контрреволюционную деятельность». В данную группу они» причислялись скорее символически: Галахов имел всего одну зарубежную публикацию, а о Котюкове говорилось только то, что он, зная в совершенстве основные европейские языки и будучи в курсе новейшей иностранной литературы в области физической химии, не желал использовать эти знания «в работе на пользу социалистического строительства» (Там же. Оп. 10. Д. 1095. Л. 21). Но сама символика выглядела весьма злобещей – как наглядный пример того, куда могла бы завести «лужинцев» подобная траектория.

В то же время при всей, казалось бы, пестроте в «группе риска» просматривались некоторые черты общности. В большинстве своем это были выходцы из не proletарской по преимуществу, потомственной интеллигентской среды, в возрасте 40–45 лет, получившие высшее образование в промежутке между 1912–1920 гг., беспартийные. По всем основным характеристикам они являли собой своего рода пограничную двумерную группу в составе научной интеллигенции. Научную карьеру они сделали в советский период, но по психологии и профессиональным установкам были плоть от плоти т. н. буржуазной интеллигенции и как бы занимали ключевые позиции в науке, принимая эстафету от старой генерации ученых.

Тем самым кампания наносила удар по механизму преемственности в науке, по «буферной» группе, призванной связывать «старые» и «новые» научные кадры. Речь не шла в большинстве случаев о политических репрессиях, ставилась более доступная прагматическая цель – привести к покаянию и, соответственно, к конформизму критически мыслящих, неординарных ученых.

Коварство этой кампании заключалось и в том, что в качестве «свидетелей обвинения», а иногда и «обвинителями» выступали крупные и авторитетные в научной среде представители «старой» генерации ученых. Так, активную роль на внутривузовских собраниях, а затем и на общегородском, играли такие фигуры, как геолог М.А. Усов, физик В.Д. Кузнецов (в последующем – оба академики АН СССР), ботаник В.В. Ревердатто и некоторые другие. Принадлежа по возрасту приблизительно к той же группе, что и «обвиняемые», они занимали в

научной иерархии несколько более высокие позиции. Положение их оказывалось весьма двусмысленным – слишком многое их объединяло с упомянутыми выше коллегами, в т. ч. наличие публикаций в зарубежных изданиях, непролетарское происхождение, «не те» позиции в годы революции и Гражданской войны и т. д. Своим согласием на участие в кампании они придавали последней внешнюю атрибутику «суда чести». Однако, как будет показано ниже, для них оставалась еще возможность играть «свою игру», не поступаясь до конца профессиональной этикой. И некоторые из них этот шанс использовали.

Наибольшую активность на собраниях проявляли представители третьей группы – т. н. молодое поколение: аспиранты, ассистенты, преподаватели, несколько доцентов. Их возраст колебался от 25 до 35 лет. Отличаясь особой агрессивностью в своих нападках на членов «группы риска», они преследовали две очевидные цели: доказать политическую лояльность режиму и обеспечить благоприятные условия для научной карьеры путем дискредитации более талантливых и признанных в науке коллег. Примечательно, что в своих атаках они заходили достаточно далеко, критикуя даже «свидетелей обвинения».

Истинными же режиссерами кампании выступали партийные структуры, действовавшие руками партийцев-функционеров (руководители вузов, секретари парткомов). За исключением беспартийного М.А. Усова (докладчик в Томском индустриальном институте), именно они делали основные доклады (в университете – А.Е. Абрамович, старый большевик и бывший ответработник Коминтерна, биолог по профессии, зав. кафедрой общей биологии; на общегородском собрании ученых – директор томского пединститута В.А. Жданов, член партии, из «красных выдвиженцев»). Однако ключевую роль сыграл секретарь парткома индустриального института В.Н. Хайновский: не только на внутривузовском, но и на общегородском собрании он неоднократно брал слово, бросал агрессивные реплики, расставлял акценты в выступлениях ряда ученых – словом, являлся «ведущим».

Для того чтобы проанализировать сам механизм осуществления указанной антиинтеллигентской акции, представляется необходимым взять в качестве точки отсчета, методом «от обратного», основные положения итогового документа – информационной записки томского горкома партии «по вопросу о борьбе с лузинщиной в томских вузах» за подписью секретаря горкома С. Куравского (Там же. Л. 5–8). Эти положения вкратце таковы: наряду с «правильными» выступлениями имелись «неправильные» (те, кто поначалу упорствовал и отрицал элементы «лузинщины» в своей работе – Тартаковский, Иваненко и др.); ряд ученых проделали эволюцию, и если на внутривузовских собраниях они пытались «отрицать ошибки», то на общегородском собрании большинство из них «правильно признавали свои ошибки» (хотя и с оговорками); в то же время двое – Иваненко и Фукс – «не выступили с признанием своих ошибок». Вся акция подавалась как положительное решение трех проблем: а) очищения советской науки от лиц, враждебных социализму; б) искоренения на основе подлинной большевистской самокритики проявлений «лузинщины» в научной среде; в) мобилизации сил и энергии ученых на решение задач социалистического строительства.

Особое внимание, как следует из вышесказанного, партийные органы уделяли процедуре «приведения к покаянию» тех ученых, которые пытались, хотя бы в узких рамках, отстаивать право на свободу творчества и противостоять тотальному контролю и диктату партийных структур в сфере научных коммуникаций.

Таковы были намерения партийных «дирижеров». Однако очевидно, что наибольший эффект достигался путем вовлечения в кампанию крупных ученых. Показательно в этом плане выступление известнейшего сибирского геолога М.А. Усова «О лузинщине» на собрании в индустриальном институте 19–20 сентября 1936 г. В нем содержалась наиболее развернутая попытка проинтерпретировать с якобы научных позиций данный социально-политический заказ. Согласно докладу «лузинщина» состояла из следующих элементов: раболепия перед заграничной наукой, печатания работ предпочтительно за границей, использования своего положения с целью плагиата, засорения кадров науки негодными, но верными «патрону» элементами, зажима талантливых молодых работников, особенно из партийной прослойки, дезориентации правительства и общества в отношении постановки дела подготовки кадров (Там же. Л. 12).

В отличие от прямолинейно пропагандистских выступлений «парторгов от науки» и публицистов, Усов попытался подвести историческое обоснование под феномен раболепия, выявить соответствующие условия, предпосылки. Они виделись в следующем: в организации русской науки иностранцами, особенно немцами; подготовке русских ученых за границей (имелась в виду практика почти обязательных зарубежных командировок для завершения диссертационных работ); слабом развитии в России науки, промышленности, полиграфической базы; образовавшемся вследствие этого глубоком недоверии русских ученых к собственным силам и преувеличенном пиетете перед иностранной наукой.

Изменилось ли положение в этой области за два послереволюционных десятилетия? Усов отмечал наличие весьма существенных сдвигов: громадный рост численности научных кадров и сети вузов и исследовательских учреждений; выпуск научной периодики «в неслыханных тиражах»; вооружение ученых передовой научной методологией – марксизмом-ленинизмом, благодаря чему советские ученые начинают завоевывать передовые рубежи в науке и ниспровергать заграничных «богов».

Таким образом, заключал Усов, исчезли исторические корни, питавшие феномен раболепия перед заграничной наукой. Однако М.А. Усов не мог не затронуть другого принципиального вопроса: каким же образом советские ученые будут доказывать свои завоеванные в мировой науке приоритеты? И он предложил следующую систему оповещения заграничной науки о достижениях отечественной науки и техники: сопровождать каждую «заметную» работу кратким резюме на одном из иностранных языков; посылать в заграничную научную прессу «в основном сводки успехов русской науки и техники» (Там же. Л. 14). Заняв примерно 2/3 доклада под эти теоретические и методические рассуждения, Усов затем как бы скороговоркой перечислил основные проявления «раболепия» перед заграничной наукой в Том-

ском индустриальном институте (факты печатания работ рядом ученых в иностранных изданиях). Заслуживает внимания тот факт, что Усов постарался избежать излишних резкостей в отношении своих коллег – профессоров Котюкова и Галахова, к тому времени уже арестованных органами НКВД. Так, факт публикации последним одной из своих работ в Германии Усов прокомментировал объективистски: эта работа одновременно была напечатана в одном из отечественных журналов, так как представляла собой «существеннейшее достижение» в данной научной области (Там же. Л. 14 об.).

В то же время позиция Усова не была безупречной и содержала в себе отступление от норм научной этики. Так, он позволил себе сделать пассаж в адрес возглавляемой профессором П.С. Тартаковским кафедры теоретической физики университета: «...печатание всех работ в Германии, например, кафедрой Тартаковского, превращает это учреждение, содержащее на советские средства, как бы в филиал немецкой научно-исследовательской организации» (Там же. Л. 13 об.).

Следует отметить, что в ходе последующего обсуждения Усов не избежал таки упреков и обвинений в известном «либерализме» по отношению к конкретным представителям «лузинщины» в Томске. Особенно усердствовал небезызвестный Хайновский, давший понять собравшимся, «какое отношение к Лузину и ему подобным» у них должно быть, а именно: «...исключительно резкое осуждение со всей большевистской страстностью и напористостью, самое резкое», самое непримиримое осуждение. Надо заклеить позором не только Лузина, но и тех, которые пытаются в какой бы то ни было степени итти за ним в хвосте. Надо создать такую обстановку, чтобы мы воспитывали наше молодое поколение, наших студентов в том же духе. Иного пути нет» (ГАТО. Ф. Р-816. Оп. 13. Д. 135. Л. 16–18). Под напором обвинений в «либерализме» Усов вынужден был в ответном слове отказаться даже от такого, казалось бы, безобидного предложения, как необходимость сопровождать работы советских ученых резюме на одном из иностранных языков – настолько грубыми были демагогические наскоки на маситого ученого, давшего, впрочем, вовлечь себя в эту грязную игру.

Более сложным и драматическим оказалось, безусловно, положение тех, кто вынужден был оправдываться в допущенных «ошибках». С этих позиций примечательно поведение двух членов «группы риска» – профессора Б.В. Тронова и доцента Г.Н. Ходалевича. Наиболее аргументированной выглядела линия самозащиты у Тронова. Он прекрасно осознавал, что, помимо чисто логических аргументов, необходимо апеллировать и к определенным политико-пропагандистским стереотипам (иначе говоря, защищаться, используя методы оппонентов). Он начал свое выступление с риторического вопроса: «Должны ли мы свои научные достижения скрывать от капиталистических стран?» И отвечал: «Не надо забывать, что в капиталистических странах есть не только фашисты, но есть и огромные массы рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Среди этих масс очень немногие сочувствуют фашизму, многие не сочувствуют совсем и многие колеблются, но, во всяком случае, все внимательно следят за тем, что делается у нас, в советской стране, на культурном фронте, за нашими успехами в науке. И вот, если ни одна наша работа не будет до этих трудящихся масс доходить, тогда как

раз фашизм получит благоприятную почву для агитации против Советского Союза. Фашисты будут говорить – «вот большевики захватили власть, и у них никакой науки нет». Для того чтобы с этой агитацией бороться, мы должны фактами показать, что у нас наука есть» (Там же. Л. 21–21 об.). Далее Тронов попытался уже с позиций рациональности объяснить то, каким образом его работы оказались за границей: в одном из немецких журналов в конце 1920-х гг. он прочел статью немецких коллег по своей специальности и убедился, что построения их неверны, основаны на неправильных теоретических основаниях. Он послал свою статью в тот же самый журнал, и она была тотчас там напечатана: «Я считаю, что в этом вопросе я немецких и американских ученых обогнал. Почему же я не мог довести до их сведения о том, что я их обогнал?» Затем Тронов вполне резонно заметил, что к печатанию за границей подталкивает еще и несовершенство распространения научных изданий (в частности институтских), которые следовало бы шире рассылать за рубеж («если бы я из работ иностранных ученых убедился, что мои работы до них доходят, тогда бы мне не пришло в голову их посылать»). На этом месте выступающего прервал репликой из президиума секретарь парткома института Хайновский: «А почему так страшно, если бы они не дошли до заграницы, почему нужно так раболепствовать?» Здесь Тронов в запальчивости ответил: «Это раболепство, если я больше в этой области делал, это раболепство?»

Доцент Г.Н. Ходалевич также отказался считать себя виноватым, так как напечатанная в 1930 г. в немецком физическом журнале работа была написана в соавторстве с профессором М.П. Орловой. Последняя после безуспешных попыток опубликовать эту работу в СССР отправила ее в Германию. «Так что я лично себя никак не могу считать виноватым», – закончил он свое краткое выступление (Там же. Л. 22).

На следующий день им предстояло выдержать худшее: почти все выступавшие избрали мишенями для критики именно их. Апогеем стало демагогическое выступление того же Хайновского. Вкратце оно сводилось к следующему: Тронов взялся в индивидуальном порядке показать достижения советской науки, тем самым пренебрег интересами научного коллектива; пример Усова показывает возможность мировой известности, когда он не посылал свои работы за рубеж, а иностранные журналы сами делали необходимые переводы; коллектив «хочет помочь вам исправить недостатки, искоренить все плохое, чуждое, ненужное...» (Там же. Л. 45).

Далее последовало покаянное выступление Тронова: «Я должен признать, что это собрание меня многому научило. Я думал, что, печатая свои работы за границей, я приношу пользу советской науке, показав наши достижения, показав, что в той научной области, в которой я работаю, я достиг больше, чем иностранные ученые. Но теперь я вижу, что это была ошибка. Так нельзя было делать. Достижения надо показывать в организованном порядке, а не лично у себя» (Там же. Л. 47).

В итоге в резолюцию в качестве нарицательного примера попал, наряду с «явными врагами Котюковым и Галаховым», один доцент Ходалевич, как «не сумевший в своем выступлении стать на позиции разоблачения лужинщины» и

«проявивший неспособность осознать свои прошлые ошибки» (Там же. Л. 49). Потрясенный психологическим прессингом, Ходалевич на следующий день написал в дирекцию и партком института заявление следующего содержания: «...В постановлении общего собрания... мое выступление и факт напечатания в Германии научной работы получил соответствующую оценку. Глубоко сознавая, что гордое звание научного работника и гражданина нашей прекрасной социалистической родины, идущей от победы к победе под руководством ВКП(б) и ее мудрого вождя т. Сталина, я должен хранить в чистоте – заявляю, что приложу все свои силы и знания к тому, чтоб дальнейшей своей работой на благо СССР исправить свою ошибку. В заключение мне еще раз хочется заявить, что не я лично посылал в Германию для напечатания мою, совместно с проф. М.П. Орловой, научную работу. Это я подтверждаю прилагаемой при сем открыткой от проф. М.П. Орловой. Это, конечно, не снимает с меня ответственности как с соавтора работы» (Там же. Л. 66).

Как видно, собрание вышло далеко за рамки мероприятия, лукаво названного партторгом Хайновским «критикой» коллективом отдельных ученых с целью помочь им «встать на правильную позицию», а от последних требовалось только «принимать свои ошибки, признавать и исправлять их». Это была плохо прикрытая акция морального террора по отношению к ученым, имевшим право отстаивать свои профессиональные интересы.

Спустя несколько дней, 23 сентября 1936 г., состоялось собрание ученых Томского университета, которое в целом прошло по тому же сценарию. Однако главное событие было впереди. 28 сентября 1936 г. было созвано общегородское собрание научных работников Томска. Здесь возникли новые повороты, свидетельствовавшие о наличии подспудного противостояния части научного сообщества линии на скатывание к оголтелой политической травле. Основной докладчик, директор пединститута Жданов в целом кратко суммировал итоги обсуждения вопроса на внутривузовских собраниях и не добавил чего-либо существенного. Затем слово взял один из представителей молодого поколения, 30-летний ассистент Томского электромеханического института К.К. Гречищев (кстати, сын известного в Томске старого профессора-медика, но успевший в прагматических целях, для поступления в вуз, проработать около года кочегаром) и произнес речь, содержащую грубые выпады в адрес «группы риска» – Иваненко, Тартаковского и др. Вот один из «образчиков» его высказываний: «Эта группа является группой томских Лузиных, людей, которые, извините меня за выражение, на брюхе поползли к фашизму. Невозможно стало жить в советской стране, ученому совершенно нет никакой возможности печатать, вот в каком состоянии находится советская наука – вот что вы хотите показать, отправляя свои работы для печати за границу. Но кто же этому может поверить, разве фашистская, бульварная пресса?» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 1095. Л. 71).

На фоне того напряжения, которое возникло в аудитории после подобного подстрекательского выступления, очень достойным выглядело выступление профессора Резниченко (Институт технологии зерна и муки). Он начал с того, что прямо заявил о том, что не считает ошибочным факт печатания за рубежом 10 из 30 написанных им работ. Показывая аудитории один из номеров

журнала «Биохимише-Цайтунг», где имелаась его публикация, он напомнил, что в списке авторов журнала – выдающиеся химики страны, академики Бах, Прянишников, Зелинский и др. («я никак не могу подумать, чтобы акад. Бах или Збарский были настроены антисоветски или лузински... мне кажется, что они хотели показать, как обстоит советская наука у нас»). Тут уже не выдержал пресловутый Гречищев и с места прервал его выступление «убийственным», как казалось, вопросом: «Как объяснить тот факт, что вы стараетесь печатать за границей свои работы, чтобы сказать о той высоте, на которой стоит у нас наука, а почему же немцы не печатают у нас свои работы?» На это он получил от Резниченко действительно убийственный ответ: «Я думаю, об этом нужно спросить немцев». Здесь произошла разрядка и стенограммой зафиксирован единственный случай взрыва смеха в зале (Там же. Л. 90–93).

Это был не единичный случай достойного поведения ученых на данном судилище. Прекрасно держался известный математик Стефан Бергман, человек необычной судьбы, эмигрант. Он окончил два вуза – Венский политехнический институт и Берлинский университет, где затем работал с 1922 по 1933 г. доцентом математики. После прихода нацистов к власти эмигрировал в СССР, где по направлению Наркомпроса вместе с другим немецким математиком, эмигрантом Фрицем Неттером, приехал в Томск и работал с 1934 г. в университете и одновременно в НИИ математики и механики. За два прошедших года ему вместе с коллегами удалось осуществить уникальное по тем временам для Сибири мероприятие – организовать издание «Известий НИИ математики и механики» на немецком языке (в этом издании публиковался даже А. Эйнштейн): «...Мы создали такой журнал, что многие иностранные ученые стремятся к тому, чтобы печатать труды в нашем журнале (голос с места: "Почему не печатаете на русском языке?"). Я признаю, что с нашей стороны в этом отношении была допущена ошибка, но это произошло потому, что мы старались создать школу, создать такой журнал, которым бы заинтересовался весь мир...» И далее с грустной иронией С. Бергман заключил: «Мы сделали ошибки, стремившись сделать что-либо хорошее» (Там же. Л. 93).

Затем слово попросил известный физик, директор СФТИ профессор В.Д. Кузнецов. Его положение было непростым, так как в этом коллективе работали наиболее «одиозные» фигуры, обвиненные в лузинщине – П.С. Тартаковский и Д.Д. Иваненко. Помимо «рабOLEпия перед заграницей» им ставилось в вину еще и пренебрежительное отношение к нуждам практики социалистического строительства. Однако Кузнецов не пошел по пути наименьшего сопротивления, как отчасти это сделал ранее Усов. Он имел несколько сильных «домашних заготовок», которые до поры не пускал в ход, и, кроме того, решил использовать в интересах дела разнузданное выступление Гречищева по адресу Тартаковского и других, якобы «на брюхе ползущих к фашизму».

Кузнецов доверительно сообщил аудитории о содержании продолжительного разговора между ним и Р.И. Эйхе во время визита последнего в Томск (разговор шел о поднятии роли науки и престижа ученых в обществе, о стимулировании их труда и т. д.). «Наши мнения совершенно сошлись. Что рекомендовал сделать тов. Эйхе? Проф. Тартаковский... человек талантливый,

выдающийся крупный ученый... [но] он идет по неправильному пути, он далек от производства, от техники, от промышленности, он не чувствует, что работает для социалистического строительства. ...Нужно этого крупного специалиста перевоспитать, убедить в том, что он неправильно идет».

Далее Кузнецов сообщил, что, следуя указаниям Эйхе, он организовал поездку Тартаковского в Сталинск (Новокузнецк) на металлургический завод, где тот заключил конкретный договор на прикладные работы в области физики, заинтересовавшие производителей. Что касается Иваненко, то его также нужно перевоспитывать подобным путем. Затем следовал эффектный вопрос: «Скажите, как же мы теперь должны поступать, так ли, как советует т. Гречищев, или как советует т. Эйхе?» И Кузнецов сам же резюмировал: «Так что методы, которые рекомендует т. Гречищев, это методы демагогические, это методы, недостойные научного работника» (Там же. Л. 96–97).

Складывалась ситуация, явно неблагоприятная для организаторов акции. Тогда слово взял Хайновский. В присущем ему стиле он вначале повторил блок стереотипов пропаганды на тему, что такое «лузинщина» и в чем ее опасность, а затем перешел в атаку, заявив, что устного выступления Кузнецова, «выгораживавшего Тартаковского и Иваненко», недостаточно. «Ноты Тартаковский сегодня должен будет сказать нам, как он понимает всю эту борьбу, как он понимает и политически расценивает свои ошибки... общественность должна знать из уст самого Тартаковского об этом деле, потому что на этом учится и воспитывается молодежь...» (Там же. Л. 109).

Тартаковский, вернувшийся в этот день из командировки на металлургический завод, вероятно, обговорил с Кузнецовым линию своего поведения. Его выступление состояло из двух частей. В первой он признал свои ошибки (печатание работ в Германии уже после прихода к власти фашистов и прежняя недооценка важности прикладных исследований). Затем Тартаковский остановился на характере критики конкретно в свой адрес, в т. ч. и грубые выпады (обвинения, что он едва ли не пособник фашизма и т. д.): «Если долг советского гражданина признавать ошибки, которые он совершал, то я думаю также [что] долгом советского гражданина является открыто заявлять о тех случаях, когда ему приписываются демагогическим образом ошибки, которых он не совершал...» (Там же. Л. 123–124).

В своем заключительном слове докладчик, директор пединститута Жданов достаточно удачно сыграл положенную ему роль «третьей стороны». Он особо затронул дискуссию вокруг выступления Гречищева, которому следовало бы пожелать быть более самокритичным: «Очень легко выступать и говорить по вопросам, уже подвергшимся всеобщему осуждению и доводить эти вопросы до резких выводов. Получается очень бдительно и очень решительно. Но я бы считал, что... обязанности научного работника ТЭМИИТа [требуют] сказать о самокритике, касающейся состояния научной работы этого заведения» (Там же. Л. 128). Жданов обыграл здесь достаточно известный факт низкого уровня НИР в этом институте.

Столкновения позиций продолжались и на стадии принятия общей резолюции, хотя речь шла, казалось бы, о частностях – о формулировках в при-

ложении к конкретным ученым. Возник спор вокруг оценок тех же фигур – Тартаковского и Иваненко. Кузнецов настаивал на смягчении формулировок, заложенных в проекте решения. Однако здесь вновь вмешался Хайновский. Он заявил, что это справедливо будет в отношении выступившего с покаянием Тартаковского, но не должно касаться Иваненко, который «ограничился» подачей заявления в дирекцию СФТИ с признанием ошибок («одно дело – заявлять в своей организации, другое дело – на общем собрании научных работников города»). В итоге Хайновский все же одержал небольшой реванш и в резолюции было записано, что «проф. Иваненко антисоветски реагирует на выступления прессы, вскрывающей лузиновщину (так в резолюции. – С. К.)» (Там же. Л. 2).

Так завершилась эта десятидневная кампания, которую партийный аппарат развязал, контролировал на всех стадиях и расценил в целом как успешно завершённую (см. приведенную выше информационную записку С.З. Куравского). Действительно, в определенном смысле весь механизм этой антиинтеллигентской акции может быть объяснен. Так, даже достаточно радикальное поведение профессора В.Д. Кузнецова имело под собой основу и в известной мере было авансировано партаппаратом (вспомним ссылку на беседу с Р.И. Эйхе) именно на тот случай, когда «неистовые ревнители» решатся пойти дальше очерченных пределов и начнут требовать более жестких санкций репрессивного характера по отношению к томским «лузинцам». Сказанное, впрочем, ни в коей мере не должно умалить проявлений гражданской позиции тех ученых, которые нашли в себе решимость хотя бы вначале оказать сопротивление грубому прессингу и вынужденное признание «ошибок» не превратили в самобичевание. Совсем иначе выглядит позиция тех, кто использовал инспирированную сверху кампанию в карьеристских целях.

Может показаться странным, почему партийный аппарат сфокусировал кампанию в Томске только на одном, достаточно локальном аспекте – борьбе с «раболепием перед границей». Одна из прагматических целей прочитывается достаточно просто: создать психологический синдром в среде ученых, чтобы сориентировать усилия последних на решение внутренних задач развития страны. Партийные лидеры были серьезно озабочены низким уровнем научно-исследовательских работ в вузах и НИУ и имели основания предполагать, что эта кампания приведет к повышению профессиональной активности ученых, которым показали «кнут» и «пряник».

Однако здесь таилось серьезное противоречие, и организаторы акции на заключительной фазе ощутили его влияние. Столь массивный удар по «раболепию» грозил обернуться отрицательным отношением к серьезному изучению мировой науки и техники. С. Куравский с тревогой писал: «Наряду с правильной постановкой вопроса о прекращении раболепного печатания за границей на некоторых собраниях звучали далеко не правильные нотки замыкания в свою скорлупу, отгораживания от иностранной науки и техники» (Там же. Л. 7).

Проявилось и другое, первоначально не ощутимое следствие грубого диктата в области внутринаучных связей и отношений. В ходе кампании ускорился процесс уже исподволь шедшего распада ряда перспективных творческих групп

и направлений. Это в первую очередь касалось ситуации в СФТИ, где научные направления, руководимые П.С. Тартаковским (теоретическая физика) и Д.Д. Иваненко (ядерная физика), третировались как бесперспективные. В конечном счете, кампания по борьбе с «лузинщиной» дала «веские» аргументы их научным (и околонучным) оппонентам. Через некоторое время оба талантливых физика вынуждены были прекратить свои исследования. Время расставило все на свои места. Д.Д. Иваненко, перебравшийся в Московский университет со своим учеником А.А. Соколовым, после перерыва продолжил работы в области ядерной физики и в 1950 г. был удостоен Сталинской премии.

В 1937–1938 гг. произошел разгром коллектива ученых из НИИ математики и механики во главе с профессором Л. Вишневым, последний был расстрелян. С. Бергман сумел чуть раньше уехать из Томска и затем вовсе эмигрировал из страны. Однако его коллега, немецкий математик Ф. Неттер был арестован и расстрелян в 1941 г. В 1938 г. были уничтожены профессора Ф.В. Галахов и И.И. Котюков.

В 1937 г. наступило черное время для «режиссеров» и их помощников. Жданов в 1937 г. был снят с работы, исключен из партии и репрессирован. На некоторое время арестовывался «красный профессор» ботаник В.В. Реведадто, проявлявший рвение в осуждении «лузинщины», но затем вышел на свободу. Еще один «ревнитель», получивший после ареста И. Котюкова кафедру, доцент М. Якимов был расстрелян в 1937 г.

Подведем некоторые итоги. Кампания «борьбы против «лузинщины»» выходила за рамки «чисто научного» явления, имела совершенно очевидные социально-политические корни и должна рассматриваться в нескольких измерениях. Во-первых, она достаточно четко вписывается в серию идейно-пропагандистских акций, подготавливавших «Большой террор» 1937–1938 гг. По времени проведения (что было отнюдь не случайно) она совпадала с крупномасштабной политической кампанией, организованной вокруг августовского процесса над Г. Зиновьевым, Л. Каменевым и их «сообщниками». Помимо расстрелов по всей стране прокатилась волна партийных «чисток», исключений из партии, арестов и других видов репрессий по отношению к «затаившимся и неразоружившимся троцкистам и зиновьевцам», «двурушникам», «примиренцам» и другим категориям партийных кадров – нынешних и «бывших». Лузин и «лузинщина» были синонимом «бескровной» акции, носившей характер идеологической и морально-психологической репрессии по отношению к такой социально-профессиональной группе, как научно-педагогические кадры. Внешне это выглядело как борьба с проявлениями вредительства в советской науке (куда относилось и «раболепие» перед Западом, и недооценка молодой научной смены из среды трудящихся, и т. д.).

Во-вторых, следует учитывать те официально декларируемые цели, которые провозглашались, равно как и скрытые намерения организаторов кампании. Кампания шла под флагом борьбы за развитие отечественной науки и очищения ее от «псевдоученых», борьбы за поворот к нуждам практики. Однако достаточно легко прочитывались реальные цели: продемонстрировать ученым степень их зависимости от общества (партийных органов, «советской

общественности» и т. д.); провести моральную расправу над инакомыслящими силами самого научного сообщества; свести на нет международные научные связи советской науки. Иначе говоря, кампания должна была иметь своим кратковременным результатом осуществление превентивной акции (давление на научное сообщество с целью более удобного руководства и контроля над его деятельностью). В качестве долговременного результата предполагалось повлиять на формирование особого микроклимата советской науки как автаркичной, замкнутой системы, но занимать при этом передовые по сравнению с Западом позиции.

Тенденция к установлению изоляции от контактов с мировым научным сообществом (научная автаркия) имела своих адептов не только среди политиков, но и в среде самих ученых: намерения этих групп причудливо переплетались. В верхнем эшелоне власти целевая установка на автаркию в различных сферах жизнедеятельности общества (политика, экономика, культура) была общепринятой в данный период. Что касается научно-технических связей, то здесь вполне логичной для тогдашних лидеров была установка: извлечь максимум информации из западного опыта, не сообщая по возможности никакой о собственном научно-техническом потенциале. Большую, если не решающую роль в формировании указанной установки играл ложный по своей сути пропагандистский тезис о том, что передовой общественный строй (советский) располагает передовой в мире наукой и техникой и она способна к саморазвитию вне контактов с зарубежной наукой.

И в этом заблуждении, как ни парадоксально, политиков убеждали сами ученые (что было делом достаточно простым, учитывая наличные психологические установки в среде самого политического руководства с их верой в «чудеса» науки и техники – достаточно вспомнить феномен Лысенко). Что касается крупных ученых с мировым уровнем, то мотивацию их участия в подобной кампании следует, видимо, объяснить инстинктом самосохранения. Однако истинные рвение и заинтересованность в развязывании кампании по борьбе с «раблепием» перед Западом проявляли те группы в составе научной интеллигенции, которые получали ощутимые дивиденды от удачного ее проведения в виде карьеристского продвижения вверх.

Наконец, в-третьих, нельзя не учитывать и еще два весьма важных социально-психологических последствия кампании. Первое из них сказалось на общественном микроклимате в отношении интеллигенции вообще: силу массовой пропагандистской атаки, направленной на выявление отрицательных черт в научном сообществе, возникли дополнительные аргументы для укрепления «спецеедческих» настроений. Но все же самым живучим из негативных последствий «борьбы с «лузинщиной»» явилось то, что внутри самого научного сообщества еще более укрепилась основа для культивирования типа ученого-конформиста, который из чувства самосохранения жертвует гордостью и независимостью настоящего знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение современными отечественными историками феномена социальной мобилизации в советскую межвоенную эпоху, как показал анализ, проведенный нами на концептуальном и конкретно-историческом уровнях, осуществляется в динамике, сопровождаясь приращением нового научного знания. В то же время нельзя не отметить, что позитивные сдвиги подвергаются воздействию сдерживающих этот поисковый процесс факторов (разнонаправленность концептуальных подходов в рассмотрении данного явления, схематизм и фрагментарность анализа в одних случаях и эмпиризм в других и т. д.). Одна из базовых причин этого состоит в наличии не всегда осознаваемого (или игнорируемого) разрыва между концептуальными построениями, создаваемыми на макроуровне, и конкретными эмпирическими исследованиями, разрыва, вызванного отсутствием т. н. среднего звена или теоретической модели среднего уровня, связывающих макромоделю и историческую исследовательскую конкретику.

Для решения данной проблемы важно не просто «вписать» указанное «недостающее звено» в концепции более высокого уровня, такие как модернизационная или цивилизационная, но и обозначить границы и возможности изучения действия мобилизационного фактора в историческом процессе. В известной мере такую функцию предназначена выполнять разрабатываемая концепция мобилизационного типа развития (МТР) применительно к России (развитие положений, выдвинутых А.Г. Фомотовым в начале 1990-х гг.). Определенные сдвиги, достигнутые при разработке и конкретизации мобилизационного концепта, состояли в поднятии его значимости на более высокий уровень в иерархии факторов исторического действия: из инструмента, или средства, сопутствующего модернизационному (или, в других проекциях, цивилизационному) развитию страны мобилизационность стала рассматриваться как сущностная, качественная, или атрибутивная характеристика российского исторического процесса. Однако происшедший в современных социогуманитарных исследованиях «статусный подъем» мобилизационного концепта имеет свою теневую сторону. Получив широкое применение и столь же широкие трактовки, данный феномен стал терять свою качественную определенность: мобилизационность стала типом экономики, мировоззрения, культуры и т. д., т. е. атрибутом или даже институциональной характеристикой любого социального действия или взаимодействия в раннесоветскую и особенно сталинскую эпоху.

Отмеченное обстоятельство следует трактовать как вызов, требующий взаимоувязывания разработки теоретических аспектов мобилизационности с необходимостью адаптации последних к задачам конкретно-исторических исследований. В ряду вопросов, требующих теоретического осмысления и апробирования на эмпирическом материале, приоритет может быть отдан следующим: мобилизация как процесс / состояние и как политическое действие;

формы, векторность и результаты / последствия мобилизационного действия; место и значение мобилизационного фактора в историческом процессе.

Общепринятым считается, что мобилизованность как состояние является нарушением, выходом за границы обыденного, повседневного состояния и переходом в иное экстремальное, экстраординарное состояние, синонимом чего может быть социальная напряженность. В соответствии с этим социальная мобилизация есть экстраординарное состояние, связанное с принятием, поддержкой и одобрением действий и мероприятий власти, признаваемых приоритетными, общезначимыми. Достигается указанное состояние как добровольным участием (самомобилизация), так и принуждением групп социума к действиям для реализации программ, проектов и целей укрепления существующего политического режима.

Каждый политический режим обладает инструментами и механизмами развязывания, использования и контроля / регулирования процесса социальной мобилизации как части политического действия. Каждый социум обладает потенциалом самомобилизации. Однако существуют границы и возможности социальной мобилизации, определяемые продолжительностью, интенсивностью, издержками / ценой пребывания в состоянии экстраординарности. Каждый индивид / группа / общность социума обладают возможностями реакции на политику или процесс социальной мобилизации в форме участия и поддержки (состояние активизма), соучастия (конформизм как состояние и действие пассивной поддержки) или протеста (пассивного и активного сопротивления и противодействия мобилизации, инициированной и поощряемой «сверху»).

Мобилизационная политика в большевистском / сталинском ее воплощении выступала не только и не столько инструментом предотвращения и преодоления кризисов и конфликтов и выхода из них, сколько причиной, порождавшей новые угрозы и углублявшей существовавшие конфликты и противоречия. Причина такого состояния коренится в том, что мобилизационная политика базировалась и паразитировала на конфликтах и противоречиях, являлась конфликтной по своей природе, как и режим в целом. Именно это обстоятельство превращает политику социальной мобилизации в постоянно действующее состояние для институтов власти и социума в целом.

Социальная мобилизация данного типа не требует сложных управленческих решений, социальных маневров и согласований, учета альтернативности и вариативности действий, реакций на возникающие проблемы. Воспроизводится апробированный механизм использования потенциала общества путем перевода социума из ординарного в экстраординарное состояние, сводящий к минимуму мотивацию и стимулирование массовых социальных действий. Происходит упрощение нормативного поведенческого спектра групп социума до двух состояний – энтузиазма и / или принуждения.

Важнейшей характеристикой мобилизационной системы выступает органичное сочетание директивной вертикали, имевшей институциональную основу, и социальных горизонтальных связей, отношений и взаимодействий, без чего не могла бы быть реализованной масштабная (а не точечная) мобилиза-

ция. Требуется наличие не просто исполнительности, но инициативности, заинтересованности представителей определенных групп, общностей самого социума. Это необходимое условие того, что при умелой апелляции к традиционным стереотипам сознания и различного рода фобиям, укорененным в социальных «низах», массовые акции мобилизационного типа с конфронтационной составляющей находят у последних поддержку.

Процесс социальной мобилизации отличается сложностью и многоуровневым характером своего воплощения, реализации. Ему присущи мобилизационные циклы (М-циклы), внутри которых присутствуют следующие фазы: возникновение → эскалация → наращивание → пик / кульминация → закрепление итогов / результатов → планируемое снижение напряжения, или незапланированный срыв → завершение цикла. Субъективным воплощением модели М-цикла может служить любая кампания, которая носит искусственный характер, задаваемый схемой «Цель – средства – результат». Кампании должны быть управляемыми, контролируемыми и результативными с точки зрения реализации поставленных целей. В то же время М-циклы, в отличие от кампаний, имеют большую продолжительность и большую степень объективизации (объективных потребностей и потребностей), вытекающая из интересов не только власти, но и общества в целом (скажем, в категориях «угрозы и вызовы»). М-циклы имеют и большую степень интенсивности, достигая состояния максимальной концентрации и длительности удерживания системы в этом состоянии на период экстремальных событий (эпоха войн, революций). Передержка и воспроизводство мобилизационных состояний и процессов ведет к возникновению системных кризисов, выход из которых может стать новой мобилизационной фазой или циклом, но потребует определенной стабилизационной фазы / цикла. Тем самым алгоритм социальной динамики общества предусматривает смену состояний мобилизации и стабилизации (или ее инварианта – стагнации).

Мобилизационный фактор сыграл громадную роль в становлении и утверждении сталинского политического режима. Так, предпринятая сталинским руководством в конце 1920-х – начале 1930-х гг. форсированная атака на квалифицированную интеллигенцию («вредительство», интеллигентофобия) и столь же форсированная атака на традиционное крестьянство («ликвидация кулачества как класса», крестьянофобия) опирались на реально существовавшие и углублявшиеся конфликты и противоречия. При нарастании настроений социального недовольства в широких массах рабочих и средних слоях в городе и крестьянства в деревне этот потенциал недовольства был перенаправлен, канализирован властью в прагматичное политическое русло – для укрепления позиций Центра. В деревне имело место недовольство традиционного крестьянства поведением низового советского актива и бедноты, с одной стороны, и недовольство низов сохранением влияния деревенских верхов – с другой. Применительно к городу, индустриальному производству это находило свое выражение в противоречиях и конфликтах между рабочими и управленцами / специалистами, между рабочими и агентами власти (партийно-профсоюзной бюрократией), внутри самого рабочего класса (кадровые и неквалифицированные рабочие), внутри групп и слоев специалистов («но-

вые» против «старых»). Ситуация всеобщего конфликта – «все против всех» – мастерски и прагматично была использована Сталиным. Жертвуя интересами и позициями одних групп социальной «периферии» в пользу других, политическое руководство снимало тем самым, хотя бы временно, социальное напряжение. Но если можно было достаточно просто воспользоваться энергией недовольства, чтобы осуществлять те или иные целевые дискриминационно-репрессивные действия, то куда более сложной являлась задача перевода социальной энергии в позитивное русло, в частности, в развитие производственной сферы, экономики. А это, в свою очередь, требовало дальнейших мобилизационных мер и решений в сфере социально-трудовых отношений.

Мобилизация как процесс и мобилизационная политика наиболее результативны в своем выражении в случае их совпадения, совмещения. Совпадение имеет место в случае присутствия и действия внешних условий, обстоятельств (внешние и внутренние вызовы и угрозы). Сталинский режим сыграл на совмещении обоих факторов, выставив в качестве реальных угроз квази-угрозы (как внешние, так и внутренние). С точки зрения внешних угроз, прямой и непосредственной опасности интервенции против СССР не существовало, как не существовало и «контрреволюционной» угрозы внутри страны. Однако Сталин, уже однажды разыграв карту угрозы интервенции («военная тревога» 1927 г.) в борьбе с оппозицией и ее подавлении, в дальнейшем четко и целенаправленно ее разыгрывал в пространстве событий весны 1928 г. («экономическая контрреволюция», «вредительство»). В аналогичном формате разыгрывалась «крестьянская карта» – кризис хлебозаготовок трактовался как «кулацкая хлебная стачка», как возможность и угроза «реставрации буржуазных порядков», «подрыв завоеваний революции». Именно совпадение во времени и в динамике нескольких острейших кризисов стало почвой, поводом, основой для их драматизации сталинским руководством и превращения мобилизационных действий в мобилизационное состояние. Трудовой процесс стал «соревновательным», снабжение – «нормированным», рынок – «черным», преодоление неграмотности – «ликвидацией» и т. д. Экстраординарность стала нормой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Литература

- Абрамов В.Н.** Техническая интеллигенция России в условиях большевистского политического режима в 1920-е – 1930-е гг. – СПб., 1997.
- Академическое** дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы: В 2 вып. – СПб., 1993. – Вып. 1; 1998. – Вып. 2.
- Александров Д.А.** Почему советские ученые перестали печататься за рубежом : становление самодостаточности и изолированности отечественной науки. 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 3.
- Алексеев А.Ю.** Механизмы трудовой мотивации в советском обществе // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. – Томск, 1998. – Вып. 2.
- Антонов С.** Царский двугривенный. Овраги. Васья : Повести. – Л., 1990.
- Арнаутов Н.Б.** Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 – ноябрь 1938 гг.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 22 с.
- Ахиезер А.С.** От закрытого к открытому обществу – путь противостояния катастрофам // Рубежи. – 1997. – № 7.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.** История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. – М., 2013.
- Ачкасов В.А.** Россия как разрушающееся традиционное общество // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV.
- Ачкасов В.А.** Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). – СПб., 2004.
- Баберовски Й.** Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. – М., 2010.
- Багдасарян В.Э.** Проблема мифологизации истории в отечественной литературе 1990-х гг. – М., 2000.
- Багдасарян В.Э.** Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отеч. история. – 2003. – № 6.
- Бакаев Ю.Н.** Власть и религия: история отношений (1917–1941 гг.). – Хабаровск, 2002.
- Бар-Селла З.** Литературный котлован. Проект «Писатель Шолохов». – М., 2005.
- Беглов А.Л.** В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М., 2008.
- Белбей Р.** Двадцать пять тысяч рабочих в колхозы. – М., 1930а.
- Белбей Р.** За или против. – М., 1930б.
- Блюм А.В.** Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953. – СПб., 2000.
- Борисов Ю.С.** 25-тысячники. – М., 1959.
- Борисов Ю.С.** Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструкционный период. – М., 1960.

- Бурдс Д.** Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). – М.; Нью-Йорк, 2006.
- Бурик Н.М.** Образ священника на страницах газеты «Красный Алтай» // Государство, общество, церковь в истории России XX века : Матер. X Междунар. науч. конф. – Иваново, 2011. – Ч. 1.
- Бухарин Н.И.** Экономика переходного периода // Н.И. Бухарин. Проблемы теории и практики социализма. – М., 1989.
- Васильченко Э.А.** Переселение и организация жизнедеятельности семей на Дальнем Востоке России (1860–1941 г.). – Владивосток, 2008.
- Виола Л.** Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. – М., 2010а.
- Виола Л.** Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. – М., 2010б.
- Виола Л.** Коллективизация как гражданская война // История сталинизма: итоги и перспективы изучения. – М., 2011.
- Вишневский А.Г.** Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. – М., 1998.
- Вишневский А.Г.** Русский или прусский? Размышления переходного времени. – М., 2005.
- Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932:** Сб. док. – Новосибирск, 1999.
- Волков В.С.** Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928–1937 гг.). – Л., 1975.
- Волков В.С.** Техническая интеллигенция России: традиции и новации в функциях и облике // Интеллигенция и мир (Российский научный журнал). – 2001. – № 1.
- Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги :** Сб. док. и материалов. – М., 2007.
- Галкин А.** Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист. – 1990. – № 18.
- Гараевская И.А.** Петр Пальчинский. – М., 1996.
- Главацкий М.Е.** КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1922–1937 гг.). – Свердловск, 1974.
- Глебкин В.В.** Ритуал в советской культуре. – М., 1998.
- Голиков Ю.И.** Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири в конце 20-х – начале 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930 гг.). – Новосибирск, 1994.
- Голосовкер Я.Э.** Логика мифа. – М., 1987.
- Голубев А.В.** Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. – М., 1998.
- Гончаров Д.В.** Политическая мобилизация // ПОЛИС. – 1995. – № 6.
- Грегори П.** Политическая экономия сталинизма. 2-е изд. / Пер. с англ. – М., 2008.
- Гришаев В.Ф.** Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). – Барнаул, 1999.
- Гришаев В.Ф.** «За чистую советскую власть...» – Барнаул, 2001.

- Гриф** секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андронников и др.; под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993.
- Губкин О.** Русская православная церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы // Богослов: Научный богословский журнал. – 2006. [Эл. ресурс]: URL: <http://www.bogoslov.ru/biblio/text/246503/index.html>
- Гудков Л.** Тоталитаризм как теоретическая рамка. Негативная идентичность. – М., 2004.
- Гурович Е.Н.** Пролетариат на колхозной стройке. – М., 1931.
- Гущин Н.Я.** «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): Методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. – Новосибирск, 1996.
- Гущин Н.Я., Ильиных В.А.** Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). – Новосибирск, 1987.
- Дворниченко А.Ю.** Российское государство в XIX–XX вв. // Россия и Германия. Общество и государство: исторический опыт взаимодействия. – М., 2012.
- Дедюшина Н.А.** Академия наук и проблемы Урало-Кузбасса // Академия наук и Сибирь. 1917–1957 гг. Новосибирск, 1977.
- Делицой А.И.** Повседневная жизнь горных инженеров Урала в 20-е годы // Интеллигент в провинции. – Екатеринбург, 1997. – Вып. 1.
- Делицой А.И.** Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919–1931 гг.: проблема взаимоотношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1998.
- Делицой А.И.** Осуществление политики форсированной советизации технической интеллигенции на Урале в 19930-1931 гг. // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2010. – № 18 (199).
- Дело** академика Николая Николаевича Лузина / Под ред. С.С. Демидова, Б.В. Левшина. – СПб., 1999.
- Дискриминация** интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930-е гг.): Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1994.
- Добренко Е.** Родные космополиты. Рецензия на кн.: П.А. Дружинин. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование : В 2 т. М., 2012. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 704 с. // Новый мир. – 2013. – № 4.
- Дождикова Н.А.** Чем был недоволен Берлиоз? О романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «проблеме Христа» // Нева. 2009. № 7. [Эл. ресурс]. Сайт «Русского журнала», журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/7/do28.html>
- Дорожкина Я.Б.** Выборы в Верховный Совет СССР в Западной Сибири 1937–1938 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2003.
- Дронова В.В.** Социокультурная модернизация советского государства в рамках антирелигиозной политики в 1920–1930-е гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX века : Матер. X Междунар. науч. конф. Иваново, 2011. – Ч. 2.
- Елфимов Е., Щетинов Ю.** Три процесса над старой интеллигенцией // Политическое образование. – 1989. – № 16.
- Ершков Н.В.** 25-тысячники // Советская историческая энциклопедия. – М., 1963. – Т. 4.

- Есикова М.М.** Из истории колхозной повседневности в центральном Черноземье в начале 1930-х гг. // История сталинизма: Крестьянство и власть : Матер. междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). – М., 2011.
- Ефимов Е.** Сумбур вокруг «Сумбура» и одного «маленького журналиста»: Статья и материалы. – М., 2006.
- Ефремин А.** Демьян Бедный на противоцерковном фронте. – М., 1927.
- Жиромская В.Б.** Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. – М., 2001.
- Журавлев С.В., Мухин М.Ю.** «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. – М., 2004.
- Заузолков Ф.Н.** Коммунистическая партия – организатор создания научной и производственно-технической интеллигенции. – М., 1973.
- Золотарьев В.А.** ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та доли (1919–1941). – Харків, 2003.
- Золотарьев В.А.** Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. – Харків, 2007.
- Зыбковец В.Ф.** Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921 гг.). – М., 1975.
- Иванов В.А.** Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). – СПб., 1997.
- Ивницкий Н.А.** Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. – М., 1996.
- Иголкин А.А.** Ленинский нарком: у истоков советской коррупции (паровозная афера) // Новый исторический вестник. – 2004. – № 1 (10).
- Из истории** земли Томской. 1930–1933. Народ и власть : сб. док. и материалов. – Томск, 2001.
- Измозик В.С.** Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. – СПб., 1995.
- История** советских органов государственной безопасности. – М., 1977.
- Каиндина Т.В.** О работе Омской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей. [Эл. ресурс]. Сайт Исторического архива Омской области. URL: <http://www.iaoo.ru/note157.html>
- Карпинский В.А.** Стахановское движение. – М., 1936.
- Кашеваров А.Н.** К вопросу о судьбе православных монастырей в первые годы Советской власти // Нестор. – 2000. – № 1. [Эл. ресурс]. Библиотека Якова Кротова. URL: <http://krotov.info/history/20/1920/kashevar.htm>
- Кип Дж., Литвин А.** Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. – М., 2009.
- Кислицын С.А.** Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. – Ростов н/Д, 1993.
- Кликушин М.В., Красильников С.А.** Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: «лузинщина» в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. – Новосибирск, 1992.
- Кобринский А.А.** Даниил Хармс. – М., 2008.

- Ковалева Л.А.** Принуждение и администрирование в системе тоталитарной власти в 30-е гг. // Тоталитаризм и личность : Тез. докладов междунар. практич. конф. (Пермь, 12–14 июля 1994 г.). – Пермь, 1994.
- Коган Л.А.** Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории. – 1998. – № 2.
- Козлов В.Ф.** Гибель церковных колоколов в 1920–1930-е годы // Отечество: краеведческий альманах. – 1994. – Вып. 5.
- Козлов Ф.Н.** Голод 1921–1922 годов и изъятие церковных ценностей (на материалах Чувашской автономии) // Материалы XI науч.-богослов. конф. – Йошкар-Ола, 2008. [Эл. ресурс]. URL: <http://pravmisl.ru/index.php?option=com>
- Козлов Ф.Н.** Комсомол и антирелигиозная пропаганда первых лет советской власти (по материалам Чувашии) // Государство, общество, церковь в истории России XX века : Матер. X Междунар. науч. конф. – Иваново, 2011. – Ч. 2.
- Копылов И., Позднякова Т., Попова Н.** «И это было так»... Анна Ахматова и Исайя Берлин. – СПб., 2009.
- Коротаев В.И.** Сталинская модернизация 30-х гг.: проблема стимулов к труду // Политические репрессии в России. XX век : Матер. регион. науч. конф. (Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г.). – Сыктывкар, 2001.
- Коллективизация** сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.). – Томск, 1972.
- Кольцов А.В.** Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932. – Л., 1982.
- Коткин С.** Государство – это мы? Мемуары, архивы и кремленологи // Нестор № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. – СПб., 2007.
- Крапивин М.Ю.** Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). – Волгоград, 1997.
- Красильников С.А.** Интеллигенция в большевистской системе социальной мобилизации: опыт и цена 1928 года // Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики : сб. науч. ст. – Новосибирск, 2011а. – Вып. 1.
- Красильников С.А.** Сталинская мобилизационная модель как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : матер. междунар. науч. конф. (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). – М., 2011б.
- Красильников С.А.** Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011в. – Т. 10, вып. 10: История.
- Красильников С.А., Пыстина Л.И.** Кампании по мобилизации специалистов для Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Проблемы истории местного управления. – Новосибирск, 1998.
- Красильников С.А., Пыстина Л.И., Ус Л.Б., Ушакова С.Н.** Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. – Новосибирск, 2007.

- Кривова Н.А.** Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Махаон. – 1999. – № 1. [Эл. ресурс]. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/krivova
- Кудрова И.М.** Гибель Марины Цветаевой. – М., 1995.
- Кузнецов И.С.** На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). – Новосибирск, 2001.
- Кузнецов И.С.** Сталинская мобилизационная модель и структуры повседневности: дискуссионные проблемы // Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики : сб. науч. ст. – Новосибирск, 2012а. – Вып. 2.
- Кузнецов И.С.** Социально-психологические факторы формирования сталинской мобилизационной модели // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012б. – Т. 11, вып. 8: История.
- Кузнецов И.С.** Эволюция сталинской мобилизационной модели: проблемы изучения. Статья 1 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012в. – Т. 11, вып. 8: История.
- Кузнецов И.С.** Эволюция сталинской мобилизационной модели: проблемы изучения. Статья 2 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 1: История.
- Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.** Очерк истории Советской Конституции. – М., 1987.
- Кульпин Э.С.** Становление системы основных ценностей Российской цивилизации // История и современность. – 2008. – № 1.
- Культурное** строительство в Сибири. 1917–1941. Сборник документов. – Новосибирск, 1977.
- Куняев С.** Растерзанные тени. – М., 1995.
- Курейко М.** Двадцатипятилетники на колхозной стройке. – М.; Л., 1931.
- Курляндский И.А.** Сталин. Власть. Религия. – М., 2011.
- Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В.** Страницы истории города Кемерово. – Кемерово, 1998.
- Левитин А., Шавров В.** Очерки по истории русской церковной смуты. – М., 1996. [Эл. ресурс]. Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/history/20/krasnov/2_07.html
- Лельчук В.С.** Ускорение научно-технического прогресса – важное направление экономической стратегии КПСС. – М., 1979.
- Ленин В.И.** К деревенской бедноте // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М., 1965–1975.
- Ленин В.И.** Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М., 1965–1975.
- Ленин В.И.** Речь на III Всероссийском съезде советов народного хозяйства 27 января 1920 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М., 1965–1975.
- Леонтьев А.Н.** Самое жизненное и непреодолимое движение современности. – М., 1940.
- Леонтьева Т.Г.** Сталинский террор и духовенство // «Знать, чтобы не забыть» : Материалы конф., посвящ. памяти жертв репрессий XX века. – Тверь, 2009.

- Леонтьева Т.Г.** Конструирование образа врага как предпосылка массовых репрессий духовенства (на материалах Калининской области, 1930-е годы) // История сталинизма: репрессированная российская провинция : Матер. Междунар. науч. конф. – М., 2011.
- Лёвин О.Ю.** Тамбовская епархия в 1962–1974 гг. // История Тамбовской епархии: документы, исследования, лица. – 2010. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.tambovdok.ru/issledovaniya/antireligioznaya-propaganda-1920-1930-h-gg.php>
- Лившин А.** Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. – М., 2010.
- Лосев А.Ф.** Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.
- Мавлютова З.Ш.** К вопросу об изъятии церковных ценностей в Тюменской губернии в 1922 г. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – Вып. 7. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/pdf/156.pdf>
- Макарцев А.А.** Обсуждение проекта Конституции 1936 г. в немецких селах Западно-Сибирского края // Немецкий этнос в Сибири : Альманах гуманитарных исследований. – Новосибирск, 2000. – Вып. 2.
- Максимов А.** Двадцатипятилетники в колхозах. – Л., 1931.
- Малиа М.** Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. – М., 2002.
- Маргиналы** в советском обществе: институциональные и структурные характеристики в 1930–1950-е годы : Сб. науч. тр. – Новосибирск, 2007.
- Маргиналы** в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг. Изд. 2-е, расшир и доп. – Новосибирск, 2010.
- Маргиналы** в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). – Новосибирск, 2004.
- Маркевич А.М., Соколов А.К.** «Магнитка близ садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. – М., 2005.
- Махонин С.** Святитель Иоанн Тобольский, всея Сибири чудотворец // Сиб. православная газета. 2010. № 10. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.ihtus.ru/102010/st08.shtml>
- Медушевский А.Н.** Сталинизм как метод социального конструирования. К завершению научно-исследовательского проекта // Российская история. – 2010. – № 6.
- Меньшевицкий** процесс 1931 г. : Сб. док. : В 2 кн. / сост. А.Л. Литвин. – М., 1999.
- Меражов И.** Применение старых механизмов репрессий против верующих в новой России. 7 апр. 2013 г. [Эл. ресурс]. Информ.-аналит. портал «Голос Ислама.RU». URL: <http://golosislama.ru/news.php?id=16291>
- Миненков Д.Д.** Формирование и развитие частей тылового ополчения в СССР (1930–1937 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2006.
- Мобилизационная** модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов I Всерос. науч. конф. – Челябинск, 2009.
- Мобилизационная** модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов II Всерос. науч. конф. – Челябинск, 2012.

- Мобилизационная** роль Советского государства в хозяйственном освоении Сибири (1920–1980-е гг.) : сб. науч. тр. – Новосибирск, 2012.
- Мозохин О.Б.** Деятельность ГПУ–ОГПУ по обеспечению экономической безопасности советского государства (1922–1934). – М., 2009.
- Морозов Н.М.** Мобилизационный тип развития Российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – 2011. – № 2.
- Наумов И.В.** Органы государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930–1936). [Эл. ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru>
- Научно-техническая** интеллигенция Урала в 20–30-е годы: дела и судьбы. – Екатеринбург, 1993.
- Никифорчук В.А.** Мобилизационный тип развития: особый путь развития России от Ивана Грозного до Владимира Путина. – М., 2004.
- Николаев А.В.** К истории исследования прииртышских и кулундинских соляных озер // Академия наук и Сибирь. 1917–1957 гг. – Новосибирск, 1977.
- Никольская Т.К.** Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. – СПб., 2003.
- О религии и церкви.** Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – М., 1981.
- Овчинников В.А.** Монастыри Русской православной церкви на юге Западной Сибири (конец XVIII – начало XXI в.) : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Кемерово, 2011.
- Огрызко В.** Историческое лицо с мрачной репутацией // Литературная Россия. – 2013. – 19 апр.
- Оксман Ю.Г.** Доноски и предатели среди советских писателей и ученых // Русская литература. – 2005. – № 4.
- Оруэлл Дж.** 1984 : Роман. М., 1989.
- Осокина Е.А.** За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – М., 2008.
- Осташко Т.Н.** Государственное регулирование профессиональной деятельности в период «военного коммунизма» // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930 гг.). – Новосибирск, 1994.
- Павлов Д.Б.** Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов 1917 – середина 1950-х годов. – М., 1999.
- Павлова И.В.** Механизм сталинской власти: становление и функционирование. 1917–1941. – Новосибирск, 2001.
- Пантюшкина А.М.** В далеком сибирском селе // По зову партии : Сборник воспоминаний и статей ленинградцев – двадцатипятилетних и тридцатипятилетних. – Л., 1961.
- Папков С.А.** Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. – Новосибирск, 1997.
- Пахомов П.В.** Детерминанты становления власти как основного субъекта русской истории // Философия и общество. – 2007. – № 4.
- Первухина К.М.** Европейская культура в советской периодике 1930-х годов: журнал «Интернациональная литература» // Россия и Европа в XIX–XX ве-

- ках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур : сб. науч. тр. – М., 1996.
- Песков В.М.** Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е гг. XX века. – Хабаровск, 2000.
- Петров М.Н.** Операция ВЧК «Вихрь» // Вопросы истории. – 1991. – № 7–8.
- Петров Н., Янсен М.** «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008.
- Пикалов Ю.В.** Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 г.). – Хабаровск, 2003.
- Платунов Н.И.** Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). – Томск, 1976.
- Плеханов А.М.** Проблемы места и роли органов безопасности в социально-политической структуре советского общества в 1920-е годы // Материалы исторических чтений на Лубянке. – М., 1999.
- Плеханов А.М.** ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006.
- Побережников И.В.** Фронтирная модернизация в российском цивилизационном контексте // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. – Новосибирск, 2013.
- Поляков В.А.** К вопросу о 25-тысячниках в Нижнем Поволжье // Аграрная революция и социалистические преобразования в советской деревне : межвуз. сб. – Горький, 1980.
- Полян П.М.** Не по своей воле: История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001.
- Постников С.П., Фельдман М.А.** Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. – М., 2009.
- Постышев П.П.** Стахановцы – новые люди эпохи социализма. – М., 1936.
- Приль Л.Н.** После ликвидации Никольского монастыря: история миасской женской общины в Нарымском крае // Остров веры. – Миасс, 2007. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.genealogy-kzn.ru/monastiri-na-shudelke/>
- Прохоров А.П.** Русская модель управления. – М., 2006.
- Пыстина Л.И.** Общественные организации научно-технической интеллигенции Сибири (20–30-е гг.). – Новосибирск, 1987.
- Пыстина Л.И.** «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-х – начале 1930-х гг. (социально-правовое положение и условия труда). – Новосибирск, 1999.
- Пыстина Л.И.** Мобилизация как форма решения проблемы кадров специалистов для промышленности в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Культура и интеллигенция сибирской провинции в годы «Великого перелома». – Новосибирск, 2000.
- Пыстина Л.И.** К вопросу об изменении облика российских инженеров в послереволюционные годы (традиции и новации) // Городская культура Сибири: традиции и новации. – Новосибирск, 2002.
- Рагозина А.А.** Поведенческие стратегии технической интеллигенции в годы террора (по материалам республики Карелия) // Интеллигенция России и

- Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития. – Екатеринбург, 2004.
- Радин А., Шаумян Л.** За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края. – Ростов-н/Д., 1932.
- Рольф М.** Советские массовые праздники. М., 2009.
- Ромм М.В.** Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. – Новосибирск, 2002.
- Рубежи созидания.** К 70-летию академической науки на Урале. Документы и материалы. 1932–2002 гг. – Екатеринбург, 2002.
- Русак В.** История Российской Церкви. Изд. 2-е, испр. и доп. : Интернет-версия под общ. ред. Александра (Милеанта), Епископа Буэнос-Айресского и Южно-Американского. – Holy Trinity Orthodox Mission, 2002. [Эл. ресурс]. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/16r/rusak/historyrch/contents.html>
- Русская православная церковь в советское время (1917–1991).** Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью : В 2 кн. / Сост. Г. Штрикер. – М., 1995.
- Саква Р.** Коммунизм в России: Интерпретирующее эссе / Пер. с англ. – М., 2011.
- Сандин Б.И., Волков В.С., Клишин С.Ф. и др.** Коммунистическая партия – организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928–1937 гг.). – Л., 1973.
- Саран А.Ю.** К вопросу об информативности архивных материалов «фантомных» организаций в СССР 1930-х гг. // История России: исследования и документы : матер. междунар. науч. конф. «Архивные документы в системе объективного научного знания по истории России», 19 ноября 2010. – М., 2011.
- Седов В.В.** Мобилизационная экономика прошлого – требование настоящего и будущего // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов II Всерос. науч. конф. – Челябинск, 2012.
- Селунская В.М.** Рабочие-двадцатипятидесятники. – М., 1964.
- Сидак В.С., Козенюк В.А.** Революцию назначить... Экспорт революции в операциях советских спецслужб. – Киев, 2004.
- Синельников С.П.** Антирелигиозные основы воспитания в советской школе в 1920-е гг. – 2010. [Эл. ресурс]. Научный богословский портал «Богослов.ру». URL: http://www.bogoslov.ru/text/951787.html#_edn35
- Смолина И.** К вопросу об изъятии церковных ценностей в Иркутской губернии в 1922 г. // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Иркутск, 2006. – Вып. 5. [Эл. ресурс]. URL: <http://iemp.ru/statiji/detail.php?ID=1274>
- Смышляев В.А., Жилкин Н.С.** Полпреды рабочего класса // По зову партии : Сборник воспоминаний и статей ленинградцев – двадцатипятидесятников и тридцатипятидесятников. – Л., 1961.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: 1919–1939.** Документы и материалы : В 4 т. – М., 2000–2005.
- Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность :** Сб. статей. – М., 2007.

- Советское** государство и евангельские церкви в Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы / Сост. А.И. Савин. – Новосибирск, 2004.
- Соколов М.В.** Тракта́т для ОГПУ: Борис Шабер. «Народничество на рубеже 2-й пятилетки» (1933) // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2012. Т. III.
- Солдатенков В.Д.** Техническая интеллигенция 1930-х гг. Проблемы политики и морали // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. – СПб., 1996.
- Социалистическое** соревнование и ударничество у детей-дошкольников. – М.; Л., 1931.
- Социальная** мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики : сб. науч. ст. – Новосибирск, 2011. – Вып. 1.
- Социальная** мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики : сб. науч. ст. – Новосибирск, 2012. – Вып. 2.
- Сувениров О.Ф.** Трагедия РККА 1937–1938. – М., 1998.
- Сухомлинов А.В.** Кто вы, Лаврентий Берия? – М., 2003.
- Тархова Н.С.** «Крестьянские настроения» в Красной Армии в 1928–1931 гг.: реакция армии на процессы коллективизации и раскулачивания в деревне // XX век и сельская Россия / под ред. Хироси Окуда. – Токио, 2005.
- Тархова Н.С.** Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. – М., 2010.
- Тархова Н.С., Романо А.** Красная Армия и коллективизация. 1928–1933 : сб. док-тов из фондов РГВА. – Napoli, 1996.
- Тепляков А.Г.** Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 // Минувшее. Исторический альманах. – М.: СПб., 1997. – Вып. 21.
- Тепляков А.Г.** Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ–НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск, 2002.
- Тепляков А.** Невычищенные: Чекисты и партработники под тенью проклятого прошлого // Родина. – 2003. – № 3.
- Тепляков А.Г.** Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Новосибирск, 2004.
- Тепляков А.Г.** «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929. – М., 2007а.
- Тепляков А.** Партизанский герой Игнатий Громов: штрихи к портрету // Голоса Сибири : литературный альманах. Вып. 6 / сост. М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово, 2007б.
- Тепляков А.Г.** Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М., 2007в.
- Тепляков А.Г.** Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М., 2008.
- Тепляков А.Г.** Органы НКВД Западной Сибири в «кулацкой операции» // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. – М., 2009а.
- Тепляков А.Г.** Опричники Сталина. – М., 2009б.

- Тепляков А.Г.** Учетно-осведомительный отдел полпредства ОГПУ по Сиб-краю в 1929–1930 гг.: дела и люди эпохи «великого перелома» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 4.
- Тепляков А.Г.** Дело «Черные»: к истории антикрестьянского террора в Западной Сибири (1930 г.) // История сталинизма: крестьянство и власть : Материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). – М., 2011а.
- Тепляков А.** Эпоха репрессий: Субъекты и объекты // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. – М., 2011б.
- Тепляков А.Г.** Динамика государственного террора в СССР в 1933 году: новые данные // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013а. – Т. 12. – Вып. 1: История.
- Тепляков А.Г.** Инфернальная карнавализация: «черный юмор» партизан и чекистов 1920–1930-х гг. // Идеи и идеалы. – 2013б. – № 3.
- Тепляков А.Г.** «Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб в 1920–1930-е годы // Российская история. – 2013в. – № 4.
- Тинченко Я.** Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. – М., 2000.
- Троценко Н.Д.** Двадцатипятитысячники в Западной Сибири: реализация социально-мобилизационных функций (1930–1931 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 1. – С. 39–42.
- Троцкий Л.Д.** Очередные задачи хозяйственного строительства // IX съезд РКП(б). Протоколы. – М., 1960.
- Тюшев В.П.** Новые данные о работе двадцатипятитысячников (по материалам красноярских архивов) // Вопросы истории Сибири. – Иркутск, 1967.
- Уйманов В.Н.** Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 гг.). – Томск, 2012.
- Улина Х.Ш.** Антирелигиозное движение в СССР (1920–1930-е гг.) [2009]. [Эл. ресурс]. Сайт Союза воинствующих безбожников РФ. URL: <http://svb.net.ru/articles.php?id=39>
- Усманова В.А.** Инженерно-техническая интеллигенция России (основные тенденции и противоречия в 1930-е гг.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993.
- Ушакова С.Н.** Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х – начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2001.
- Ушакова С.Н.** Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. – Новосибирск, 2009.
- Файнбург З.И.** Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности». – М., 1991.
- Фаст М.В., Фаст Н.П.** Нарымская голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. – Томск; М., 2004.

- Федюкин С.А.** Советская власть и буржуазные специалисты. – М., 1965.
- Федюкин С.А.** Великий Октябрь и интеллигенция. – М., 1972.
- Филиппов А.В.** Новейшая история России: 1945–2006. Книга для учителей. – М., 2006.
- Филиппов Б.А.** Пять лекций по истории России XX века (Дополнения к курсу «История России XX века»). [Эл. ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-115131.html>
- Фирсов С.Л.** Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета. – 2002. – 30 окт.
- Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история советского общества: город. – М., 2008.
- Флейшман Л.** В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. – М., 2003.
- Фонотов А.Г.** Россия: от мобилизационного общества к инновационному. – М., 1993.
- Фонотов А.Г.** Россия: инновации и развитие. – М., 2010.
- Фэйнсод М.** Смоленск под властью Советов. – Смоленск, 1995.
- Халиулин Г.Г.** Формирование социалистической производственно-технической интеллигенции в Западной Сибири (1928–1937 гг.). – Томск, 1983.
- Хаустов В.Н.** Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde russe, 42/2-3-4, Avril-décembre 2001.
- Хаустов В., Самуэльсон Л.** Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М., 2009.
- Хлевнюк О.В.** Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М., 2010.
- Холина М.Р.** Ломка большевиками РПЦ и православных традиций в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) // Новый ист. вестник. – 2009. – № 21(3). [Эл. ресурс]. URL: http://www.nivestnik.ru/2009_3/08_holina_8.shtml
- Холквист П.** «Осведомление – это Альфа и Омега нашей работы”: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст»// Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 67.
- Чебоксарова Т.Г.** Производственная повседневность технической интеллигенции Западной Сибири в годы нэпа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2007.
- «Через трупы врага на благо народа».** «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. – М., 2010. – Т. 2.: 1938–1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности».
- Черемных Г.Г.** Свобода совести в Российской Федерации. – М., 1996.
- Чудакова М.О.** Осведомители в доме Булгакова в середине 1930-х годов // Тыняновские сборники. – Рига; М., 1996. – Вып. 9.
- Шабунин Е.А.** Духовенство Новосибирской епархии в период сталинских репрессий 1937 г. // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. – Новосибирск, 2008. – Вып. 2.

- Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.** Всеволод Балицкий. Особа, час, оточення. – Киев, 2002.
- Шахтинский процесс 1928 г.:** подготовка, проведение, итоги : В 2 кн. – М., 2010. – Кн. 1; 2011. – Кн. 2.
- Шевляков А.С.** Политотделы МТС и совхозов. Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. – Томск, 2000.
- Шекшеев А.П.** Органы ВЧК на территории Енисейской губернии // Вестник Института саяно-алтайской тюркологии. – 2002. – Вып. 6.
- Шекшеев А.П.** Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. – Абакан, 2006.
- Шекшеев А., Петров Г.** Судьба сибирского партизана // Красноярский рабочий. – 2012. – № 43.
- Шенталинский В.** Мастер глазами ГПУ. За кулисами жизни Михаила Булгакова // Новый мир. – 1997. – № 10.
- Шер О.В.** Отношения власти и технической интеллигенции в процессе проведения кампаний по мобилизации специалистов в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2008. – Т. 7. – Вып. 1.
- Шер О.В.** Кампании по мобилизации специалистов в Сибири в 1929–1932 гг.: подготовка, реализация, итоги : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009.
- Шинкарчук С.А.** Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921–1941: Новые подходы : Доклады, сделанные на междунар. междисциплин. конф. 16–19 августа 1994 г. – СПб., 1995.
- Шляпентох В.** Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эпоху. – М., 2008.
- Шрамко С.** Красный Торквемада. Набросок на фоне времени // Русский журнал. – 2010. – № 6–8. [Эл. ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru>
- Щекочихин Ю.П.** Рабы ГБ. XX век. Религия предательства. – Самара, 1999.
- Юшкевич АП.** «Дело академика Н.Н. Лузина» // Вестник Академии наук СССР. – 1989. – № 4.
- Элиаде М.** Мифы. Сновидения. Мистерии. – М., 1996.
- Яницкий О.Н.** Массовая мобилизация: проблемы теории // СОЦИС. – 2012. – № 6.
- Ярославский Ем.** Библия для верующих и неверующих. – Л., 1975.
- Allegra M., Bono I., Rokem J., Casaglia A., Marzorati R., Yacobi H.** Rethinking Cities in Contentious Times: The Mobilization of Urban Dissent in the «Arab Spring» // Urban Studies. – Jul 2013. – Vol. 50, Is. 9.
- Benski T., Langman L., Perugorria I., Tejerina B.** From the streets and squares to social movement studies: What have we learned? // Current Sociology. – Jul 2013. – Vol. 61, Is. 4.

- Bonnell V.E.** Iconography of Power: Soviet political Posters under Lenin and Stalin. – Berkley, 1997.
- Brandenberger D.** Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination and terror under Stalin, 1927 – 1941. – New Haven; London: Yale University Press, 2011.
- Deutsh K.W.** Social mobilization and political development // *American Political Science Review*. – Sept. 1961. – Vol. 55.
- Haynes J., Klehr H., Vassiliev A.** Spies: The Rise and Fall of the KGB in America. – New Haven & London, Yale University Press, 2009.
- Hoffmann D.** Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. – Ithaca: Cornell University Press, 1994.
- Hoffmann D.** Stalinist values: the cultural norms of Soviet modernity, 1917–1941. – Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- Hooper S.** Party Rules: Questions of Authority and Abuse Inside the Soviet Apparatus, 1924–1941 : Dis. ... Ph.D. – Princeton University, 2002.
- Hosking G.** Trust and Distrust in the USSR: An Overview // *Slavonic & East European Review*. – Jan. 2013. – Vol. 91, Is. 1.
- Kenez P.** The birth of the propaganda state (Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929). – Cambridge, 1985.
- Koenker D.P., Bachman R.D.** Revelations from the Russian Archives Documents in English Translation. – Washington, DC, 1997.
- Lenoe M.** Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers. – Cambridge; London: Harvard University Press, 2004.
- Leo van Rossum.** Western Studies of Soviet Labour during the Thirties // *International Review of Social History*. XXXV. – Cambridge, 1990.
- Levin Aleksey E.** Anatomy of Public Campaign: «Academician Luzin's Case» in Soviet Political History // *Slavic Review* – 49. – Spring 1990. – № 1.
- Political Religion** beyond Totalitarianism: The Sacralization of Politics in the Age of Democracy / Ed. by Augustein J., Dassen P., Janse M. – Basingstoke, 2013.
- Rennick S.** Personal grievance sharing, frame alignment, and hybrid organizational structures: the role of social media in North Africa's 2011 uprisings // *Journal of Contemporary African Studies*. – Apr 2013. – Vol. 31, Is. 2.
- Rittersporn Gábor T.** Le régime face au carnaval: Folklore non conformiste en URSS dans les années 1930: Les Russes contre l'État (de Lénine à Staline) // *Annales. Ecole des hautes études en sciences sociales*. – Paris, 2003. – Vol. 58, № 2.
- Russett B.** Karl W. Deutsch. 1961. «Social Mobilization and Political Development» *American Political Science Review* 55 (September): 634–47 // *American Political Science Review*. – Nov. 2006. – Vol. 100, Is. 4.
- Semystiaha V.** The role and place of secret collaborators in the informational activity of the GPU–NKVD in the 1920^s and 1930^s (on the basis of materials of the Donbass region) // *Cahiers du Monde Russe*, 42/2-3-4 Avril-décembre 2001. – Paris, 2002.
- Siegelbaum Lewis H.** Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. – Cambridge, 1988.
- Sigelman L.** Top twenty commentaries: the *American Political Science Review* citation classics // *American Political Science Review*. – Nov. 2006. – Vol. 100, Is. 4.

- Thurston R.** The Stakhanovite Movement. The Background to the Great Terror in the factories, 1935–1938 // *Stalinist terror. Newperspectives.* – Cambridge, 1993.
- Tikhomirov A.** The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and States in Soviet Russia, 1917–1941 // *Slavonic & East European Review.* – Jan. 2013. Vol. 91, Is. 1.
- Velikanova O.** Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920^s: Disenchantment of the Dreamers. – Palgrave Macmillan, 2013.
- Viola L.** The Best Sons of the Fatherland. Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. – N. Y., 1987.

Источники

- Андрей Платонов в документах ОГПУ–НКВД–НКГБ. 1930–1945 / Публ. В. Гончарова, В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – М., 2000. – Вып. 4. Юбилейный.
- Антирелигиозные пьесы. – М., 1940.
- Антирелигиозный сборник. – М., 1928.
- Антирождественский сборник. – Л., 1933.
- Ардов М.** Все к лучшему... Воспоминания. Проза. – М., 2006.
- Армия и крестьянство: Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933 гг. М.; СПб., 2006.
- Баров Д.** Переселение на новые земли. – М.; Л., 1927.
- Баров Д.** Куда и как переселяться. – М., 1929.
- Барсенков А.А., Вдовин А.И.** История России. 1917–2007. Изд. 2-е. – М., 2008.
- Бедный Д.** Бесы игривые сиречь антихристы долгогривые. – М.; Л., 1927.
- Бедный Д.** Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна. – Л., 1925.
- Безбожный песенник / Сост. Гр. Градов. – М., 1929.
- Беседовский Г.З.** На путях к термидору. – М., 1997.
- Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. – М., 2005.
- Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий : В 6 вып. – М., 1997–2002.
- В.И. Ленин и ВЧК. – М., 1987.
- Вдовин А.И.** История СССР от Ленина до Горбачева. – М., 2011.
- [**Виноградов А.К.**] Москва, 1938-й. *Delirium persecutio* А.К. Виноградова / Вступ. статья, публ. и коммент. С. Шумихина // Новое литературное обозрение. – 1993. – № 4.
- Генеральный комиссар госбезопасности Генрих Ягода : сб. док. – Казань, 1996.
- Гриценко В., Калинин В.** История «Мертвой дороги». – Екатеринбург, 2010.
- Даниэлс Р.В.** Взлет и падение коммунизма в России / Пер. с англ. – М., 2011.
- Дело академика Николая Николаевича Лузина. – СПб., 1999.

- Добрый.** Переселенческое дело в Сибири // Вестник землеустройства и переселения. – М., 1928. – Кн. 10.
- Довженко А. Дневниковые записи, 1939–1956. – Харьков, 2013.
- Знаменский монастырь // Сайт IRKIPEDIA.RU URL: http://irkipedia.ru/content/znamenskiy_monastyr
- Из мемуарных заметок писателя В.С. Василевского // Литературная газета. – 2002. – № 37.
- Иоанно-Введенский женский монастырь. 28 авг. 2009 г. [Эл. ресурс]. Тобольский городской Интернет-портал «Тобольск-Информ». URL: <http://tobolsk.info/istoriya-tobolska/mesta/368-ioanno-vvedenskij-zhenskij-monastyr>
- Искусство идет впереди, конвой идет сзади: дискуссия о формализме 1936 г. глазами и ушами стукачей. (По секретным донесениям агентов госбезопасности) / Публ. А. Блюма // Звезда. – 1996. – № 8.
- История России XX – начала XXI в. : учеб. пособ.; под ред. Л.В. Милова, А.А. Барсенкова, А.И. Вдовина. – М., 2007.
- История России с древнейших времен до начала XXI в. : учеб. пособ.; под ред. А.Н. Сахарова : В 2 т. – М., 2006.
- История России : учебник / Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. – М., 2008.
- История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М., 1997.
- Кожин В.В.** Россия: Век XX (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). – М., 1999.
- Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и советского правительства. 1927–1935. М., 1957.
- Комаров В.Л.** Работы чрезвычайной сессии // Вестник АН СССР. 1931. Внеочер. номер. Стб. 10–42.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – М., 1984.
- КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917–1968 гг. – М., 1969.
- Ленин В.И.** Избранные произведения. – М., 1966.
- Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003.
- Лубянка: органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991 : Справочник. – М., 2003.
- Материалы по истории СССР. – М., 1955. Вып. 1.
- Маяковский В.В.** Гуляем // Полн. собр. соч. : В 13 т. – М., 1958. Т. 10.
- Мозгов И., Плеханов В.** Хамелеон меняет окраску // Огонек. – 1988. – № 19.
- Назинская трагедия : Документ. науч. издание / сост. С.А. Красильников. – Томск, 2002.
- Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917–1920 гг.). Документы и материалы. – Л., 1960.
- Наша малая Родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области 1921–1991. – Новосибирск, 1997.

- Паломничество в Сибирь. Абалакский монастырь. 29 сент. 2008 г. [Эл. ресурс]. Сайт Храма Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове. URL: <http://archive.martyr.ru/content/view/178/37/>
- Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. 1921–1929 гг. – М., 1981.
- Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. Июль 1829 г. – май 1941 г. – М., 1985.
- Партия и армия / Под ред. А.А. Епишева. – М., 1977.
- Переселенческое дело. Сборник документов и распоряжений по переселению. – М., 1927.
- Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935. : Стеногр. отчет. – М., 1935.
- Петров Н.В., Скоркин К.В.** Кто руководил НКВД, 1934–1941 гг. : Справочник. – М., 1999.
- Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. : В 2 кн. – Новосибирск; М., 1997–1998. (Архивы Кремля).
- Проблемы Урало-Кузбасского комбината / АН СССР. Труды июньской сессии 1932 г. : В 2 т. – Л., 1933.
- Пушкарев Б.С.** Две России XX века: Обзор истории 1917–1993. – М., 2008.
- Рейфман П.С.** Из истории русской, советской и постсоветской цензуры [Эл. ресурс] // Сайт Тартуского университета. URL: <http://lepo.it.da.ut.ee/~pavel/index1.htm>
- Российская империя: от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории. – М., 2011.
- Румянцев Д.** РПЦ в годы большевистских гонений 1918–1926 гг. [Эл. ресурс]. Сайт Православной энциклопедии «Азбука веры». URL: http://azbyka.ru/parkhomenko/knizhnaya_polka/rumiancev/rumiancev_istoriya_russkaya_pravoslavnaya_cerkov_0-all.shtml
- Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги : Биобиблиографический словарь. – М., 2005. – Т. 1.
- Свет негасимый (православная церковь в Новосибирске) // История города: Новониколаевск – Новосибирск (исторические очерки). – Новосибирск, 2005. Т. 1. [Эл. ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/svet-negasimyy-pravoslavnaya-cerkov-v-novosibirsk>
- Святой праведный Симеон Верхотурский [Эл. ресурс]. Сайт «Русская Православная Церковь святых новомучеников и исповедников российских в Бруклине». URL: <http://www.brooklyn-church.org/svyatoj-pravednyj-simeon-verxoturskij.html>
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : В 4 т. / Сост. Л. Борисова, В. Данилов, Н. Тархова и др. – М., 2000–2005.
- Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы / сост. А.И. Савин. – Новосибирск, 2004.
- Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал : В 2 т. – М., 1997. Т. 1.
- Советское руководство. Переписка. 1928–1941 : сб. док. – М., 1999.

- Ссылка в 1920-е годы / Публ. С.А. Красильникова // Минувшее. Исторический альманах. – СПб.; М., 1997. – Вып. 21.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М., 2001.
- Сталин И.В. Сочинения. – М., 1951. – Т. 13.
- Стенографический отчет Пятой сибирской партийной конференции ВКП(б). – Новосибирск, 1930.
- Судьбы мощей русских святых в первые годы советской власти. 21 сент. 2012 г. [Эл. ресурс]. Форум сайта «Русская беседа». URL: <http://www.rusbeseda.ru/index.php?PHPSESSID=37b038d7a9704212d111ad341307010b&topic=15070.0>
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939 : В 5 т. – М., 1999–2006.
- Ульянский А.Г.** Ночной рейд. – Л., 1931.
- Учебный план и программы курсов по подготовке руководящих кадров в колхозах. (В связи с направлением 25 000 рабочих в колхозы). М., 1930.
- Хоскинг Д.** История Советского Союза. 1917–1991 / Пер. с англ. – М., 1994.
- «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР: 1937–1941 гг. : В 2 т. – М., 2010.
- Что нужно знать каждому работнику колхоза? (Для 25 000 тов., едущих в колхозы). – М., 1930.
- Чудеса в храме. Древнейший монастырь Сибири обратился к общественности. [Эл. ресурс]. Сайт Изд. дома «Буряад Үнэн». 27 авг. 2012 г. URL: http://burunen.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=715
- Чуковский К.И. Собрание сочинений : В 15 т. – М., 2013. – Т. 12.
- Шрейдер М.П.** Воспоминания чекиста-оперативника // Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 101.
- Шумилов М.И., Шумилов М.М.** История России: конец XIX – начало XXI : учебник. – СПб., 2008.
- Экономическая история мира : В 6 т. – М., 2008.
- Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003.
- Этноконфессия в советском государстве. Меннониты в Сибири в 1920–1980-е годы : Аннотир. перечень арх. док. и материалов. Избр. документы / Сост. А.И. Савин. – Новосибирск; СПб., 2006.
- XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М., 1934.

Список сокращений

БВО –	Белорусский военный округ
Военвед –	Военное ведомство
ВПК –	Всесоюзный переселенческий комитет
ВСНХ –	Высший совет народного хозяйства
ВЦСПС –	Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГА РФ –	Государственный архив Российской Федерации
ГАЗК –	Государственный архив Забайкальского края
ГАИО –	Государственный архив Иркутской области
ГАНО –	Государственный архив Новосибирской области
ГАОО –	Государственный архив Омской области
ГАСО –	Государственный архив Свердловской области
ГАТО –	Государственный архив Томской области
ГАЧО –	Государственный архив Челябинской области
ГУ РККА –	Главное управление Рабоче-крестьянской Красной армии
ДВК –	Дальневосточный край
ДТО –	Дорожно-транспортный отдел
Звенорг –	звеньевой организатор
ЗНПО –	заместитель начальника политического отдела
ЗСК –	Западно-Сибирский край
ЗСФСР –	Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика
ИНО –	иностранный отдел
ИТР –	инженерно-технический работник
ИТС –	инженерно-техническая секция
КВЖД –	Китайско-Восточная железная дорога
Колхозцентр –	Всесоюзный совет коллективных хозяйств
КрайЗУ –	Краевое земельное управление
ЛВО –	Ленинградский военный округ
ЛОСПС –	Ленинградский областной совет профессиональных союзов
МТС –	машинно-тракторная станция
НА РБ –	Национальный архив Республики Беларусь
наркомвоенмор –	народный комиссар по военным и морским делам
Наркомзем –	Народный комиссариат земледелия
НК РКИ –	Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции
НКВМ –	Народный комиссариат по военным и морским делам
НКПС –	Народный комиссариат путей сообщения
Облсовпроф –	областной совет профсоюзов
ОГА СБУ –	Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины

ОГПУ –	Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОКДВА –	Особая Краснознаменная Дальневосточная армия
Окрколхозсоюз –	Окружной совет коллективных хозяйств
Окружком –	окружной комитет
Оргинструктотдел –	организационно-инструкторский отдел
ОРС –	отдел рабочего снабжения
ПП, ПП ОГПУ –	полномочное представительство ОГПУ
ПУ РККА –	Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии
Распредотдел –	распределительный отдел
РВС –	Революционный военный совет
РГАНИ –	Российский государственный архив новейшей истории
РГАЭ –	Российский государственный архив экономики
РГВА –	Российский государственный военный архив
РИК –	районный исполнительный комитет Советов
РКИ –	Рабоче-крестьянская инспекция
РККА –	Рабоче-крестьянская Красная армия
РПЦ –	Русская Православная церковь
СКВО –	Северо-Кавказский военный округ
СНК –	Совет Народных Комиссаров
СЗ СССР –	Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР
СКВО –	Северо-Кавказский военный округ
СПО –	секретно-политический отдел ОГПУ–НКВД
СПС –	совет профессиональных союзов
СУ РСФСР –	Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства
УСБУ –	Управление Службы безопасности Украины
Учраспредотдел –	учетно-распределительный отдел
Фабзавком –	фабрично-заводской комитет
ЦА ФСБ РФ –	Центральный архив Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации
ЦДНИ ТО –	Центр документации новейшей истории Томской области
ЦДНИ ТюО –	Центр документации новейшей истории Тюменской области
ЦСУ –	Центральное статистическое управление
Цудортранс –	Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта
ЧОН –	части особого назначения
ШКМ –	Школа колхозной молодежи
ЭКО –	экономический отдел

Научное издание

*Арнаутов Никита Борисович
Красильников Сергей Александрович
Кузнецов Иван Семенович
Миненков Дмитрий Дмитриевич
Пыстина Людмила Игоревна
Сосковец Любовь Ивановна
Тепляков Алексей Георгиевич
Троценко Надежда Дмитриевна
Ушакова Светлана Николаевна
Шер Оксана Владимировна*

**СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В СТАЛИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(конец 1920-х – 1930-е гг.)**

Редактор *О.А. Орлова*

Художник *Ю.А. Далецкая*

Подписано в печать 11.11.2013.
Формат 70×100/16. Печать офсетная. Гарнитура Tahoma.
Уч.-изд. л. 28,4. Усл. печ. л. 36,6. Тираж 200 экз.
Заказ №
Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.